



АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО

А. И. ГЕРЦЕН



СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ТРИДЦАТИ ТОМАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1958

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО

А. И. ГЕРЦЕН



ТОМ ПЯТНАДЦАТЫЙ

СТАТЬИ ИЗ «КОЛОКОЛА»
И ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
1861 ГОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1958



А. И. ГЕРЦЕН и Н. П. ОГАРЕВ

С фотографии 1861 г.

Государственный литературный музей, Москва

**СТАТЬИ ИЗ «КОЛОКОЛА»
И ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
1861 ГОДА**



ГОНЕНИЕ ХРИСТИАН ПАПСКИХ ХРИСТИАНАМИ ПОЛИЦЕЙСКИМИ

В местечке *Клещелях*, Бельского уезда, Гродненской губернии, крестьяне перестали ходить в *полицейскую церковь*. Квартальный священник *Гоголевский* донес об этом дивизионному архиерею *Желяговскому*, но и его бого-полицейское увещание не удалось. Тогда сам гродненский епископ и губернатор *Шнеер* (какого исповедания неизвестно) явился в должности апостола, проповедуя церковь, поддерживаемую розгами и Симашками. Униаты не поддались, честь им и слава; какая бы религия ни была, горе человеку, позволяющему до нее дотрогиваться земским ярыгам и царским холопам. Так как это было перед приездом государя, то преосвященнейший *Шнеер* (неизвестного вероисповедания) занял дело, отослав *зачинщиков* в духовные съезжи, называемые православными монастырями.

Об этом деле в Бельске производится следствие. Просим убедительно гродненских читателей уведомить нас, каким сечением окончится торжество святых и православных церкви.





**ТИМАШЕВ, СИДИТЕ ДОМА, КАК БЕЙСТ,
НЕ ЕЗДИТЕ, КАК ГЕЙНАУ!**

Будущий граф и настоящий, но не бескорыстный защитник Главного общества железных дорог * шатается по Европе, распространяя запах шпионства, застенка, орудий пытки и проч. Говорят, что он был здесь, — много ли видно в щели, хорошо ли слышно за дверьми?

Вот тоже граф, да еще настоящий, граф Гейнау был однажды в Лондоне и, как настоящий немец, сходил на поклонение месту зачатия пива и портера, в Берклееву пивоварню, — и вышел оттуда *усом* меньше *...

Молодой человек, III отделения человек — да послужит сей *односторонний* пример внушительным назиданием «для собственной вашей пользы», как выражался достойный предслушник ваш Леонтий Васильевич Дубельт. Сидите дома и кланяйтесь от нас Лужину.

Как только заговоришь о шпионах и палачах, так в голову и идет наш добрый, почтенный бидерман, *kreuzbraver* ¹ *Бейст* *. Представьте положение этого почтенного бидермана — король его * служит в австрийских шпионах, ну, ему и приходится играть роль шиндеркнехта. Так, как они в 1849 году выдали нашего Бакунина, так теперь передали графа Телеки в Вену своим господам. *Король-шпион!* Это совершенно новое сочетание должностей. Зачем же Тимашеву в графы, ему уже прямо в короли саксонские.

Какое постоянство в злодействе и какое... терпение у этого немецкого народа — *zu christlich!* ²

¹ безупречный (нем.).— *Ред.*

² чересчур христианское (нем.).— *Ред.*

КОНСТАНТИН СЕРГЕЕВИЧ АКСАКОВ

Вслед за сильным бойцом славянизма в России, за *А. С. Хомяковым* *, угас один из сподвижников его, один из ближайших друзей его — *Константин Сергеевич Аксаков* скончался в прошлом месяце.

Рано умер Хомяков, еще раньше Аксаков; больно людям, любившим их, знать, что нет больше этих деятелей благородных, неутомимых, что нет этих *противников*, которые были ближе нам многих *своих*. С нелепой силой случайности спорить нечего, у ней нет ни ушей, ни глаз, ее даже и обидеть нельзя, а потому, со слезой и благочестием закрывая крышку их гроба, перейдем к тому, что живо и после них.

Киреевские, Хомяков и Аксаков * — *сделали свое дело*; долго ли, коротко ли они жили, но, закрывая глаза, они могли сказать себе с полным сознанием, что они сделали то, что хотели сделать, и если они не могли остановить фельдъегерской тройки, посланной Петром и в которой сидит Бирон и колотит ямщика, чтоб тот скакал по нивам и давил людей, — то они остановили увлеченное общественное мнение и заставили призадуматься всех серьезных людей.

С них начинается *перелом русской мысли*. И когда мы это говорим, кажется, нас нельзя заподозрить в пристрастии.

Да, мы были противниками их, но очень странными. У нас была *одна любовь*, но не *одинакая*.

У них и у нас запало с ранних лет одно сильное безотчетное, физиологическое, страстное чувство, которое они принимали за воспоминание, а мы за пророчество, — чувство безграничной, обхватывающей все существование любви к русскому народу, к русскому быту, к русскому складу ума. И мы, как Янус или

как двуглавый орел, смотрели в разные стороны, в то время как сердце билось одно.

Они всю любовь, всю нежность перенесли на угнетенную мать. У нас, воспитанных вне дома, эта связь ослабла. Мы были на руках французской гувернантки, поздно узнали, что мать наша не она, а загнанная крестьянка, и то мы сами догадались по сходству в чертах да потому, что ее песни были нам роднее водевилей; мы сильно полюбили ее, но жизнь ее была слишком тесна. В ее комнатке было нам душно; всё почернелые лица из-за серебряных окладов, всё попы с причетом, пугавшие несчастную, забитую солдатами и писарями женщину; даже ее вечный плач об утраченном счастье раздирал наше сердце; мы знали, что у ней нет светлых воспоминаний, мы знали и другое — что ее счастье впереди, что под ее сердцем бьется зародыш,— это наш меньший брат, которому мы без чечевицы уступим старшинство *. А пока —

Mutter, Mutter, laß mich gehen,
Schweifen auf den wilden Höhen! *

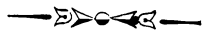
Такова была наша семейная разладаца, лет пятнадцать тому назад *. Много воды утекло с тех пор, и мы встретили *горный дух*, остановивший наш бег, и они, вместо мира мощей, натолкнулись на живые русские вопросы. Считаться нам странно, патентов на пониманье нет; время, история, опыт сблизили нас не потому, чтоб они нас перетянули к себе или мы их, а потому, что и они и мы ближе к истинному воззрению теперь, чем были тогда, когда беспощадно терзали друг друга в журнальных статьях, хотя и тогда я не помню, чтобы мы сомневались в их горячей любви к России или они в нашей ¹.

¹ Раз только Н. Языков «стегнул» оскорбительно Чаадаева, Грановского и меня. К. Аксаков не вынес этого, он отвечал поэту своей партии резкими стихами в нашу защиту (V «Пол. зв.», стр. 137) *. Аксаков так и остался вечным восторженным и беспредельно благородным юношей, он увлекался, был увлекаем, но всегда был чист сердцем. В 1844 году, когда наши споры дошли до того, что ни славяне, ни мы не хотели больше встречаться, я как-то шел по улице, К. Аксаков ехал в санях. Я дружески поклонился ему. Он было проехал, но вдруг остановил кучера, вышел из саней и подошел ко мне. «Мне было слишком больно,—

На этой вере друг в друга, на этой общей любви имеем право и мы поклониться их гробам и бросить нашу горсть земли на их покойников с святым желанием, чтоб на могилах их, на могилах наших — расцвела сильно и широко молодая Русь!

1/13 января 1861.

сказал он,— проехать мимо вас и не проститься с вами. Вы понимаете, что после всего, что было между вашими друзьями и моими, я не буду к вам ездить; жаль, жаль, но делать нечего. Я хотел позвать вам руку и проститься». Он быстро пошел к саням, но вдруг воротился; я стоял на том же месте, мне было грустно; он бросился ко мне, обнял меня и крепко поцеловал. У меня были слезы на глазах. Как я любил его в эту минуту ссоры!



СОБСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ О ВЗРЫВЕ «ПЛАСТУНА»

Мы собирались поместить рассказ о том, как чудовищное обращение с матросами довело до умышленного взрыва клипера. Но видя, что «Морской сборник» признался в этом, мы берем официальный рассказ, без комментариев, — все это так гнусно и гадко, особенно сентиментальное мнение аудиториата, хранящего драгоценную память казненных матросом злодеев, что комментариев не нужно.

Жаль невинно погибших, а хорошо бы было, если б матросы помогли Константину Николаевичу бросить за борт или поднять на воздух всех этих «затыкающих рты» и морских чудовищ, секущих гардемаринов и стариков с крестами.

В умышленном производстве взрыва никто из чинов команды клипера, кроме артиллерийского кондуктора Федорова, подозрения не изъявил; последний же думает, что учинение взрыва надо отнести к умышленному действию артиллерийского содержателя Савельева. По словам Федорова, Савельев мог быть озлоблен на командира; *обращение с командой вообще было худое, а с Савельевым еще хуже*: его очень часто били как сам командир, так и старший офицер Розенберг; однажды Савельев, по приказанию старшего офицера, за нечистоту в крют-камере был привязан на баке к бушприту, руки назад. Раз ему дали пять линьков за то, что в кубрике, за которым он смотрел, валялась матросская шинель. Федоров тем более полагает об умышленности взрыва со стороны Савельева, что старший офицер велел Савельеву по окончании работ в крют-камере идти на бак и слышал, что приказано было приготовить линьков для наказания его. Савельев же во время работ был заметно выпивши: выпил две чарки рома, а хмельный он был отчаянный и не слушал в то время даже офицеров, но трезвый он был смирный. Пьянствовать начал Савельев по выходе из Николаевска, а в Шербурге купил у матроса Макарова за месяц вперед винную порцию.

Нижние чины, в числе 18 человек, объяснили по сему предмету, что командир и старший офицер, по показанию некоторых из них, *часто, а по объяснению одного — каждый день, били Савельева по лицу, наказывали его линьками, ставили на ванты и сажали на бак*; боцманмат Ларионов сказал, что он, по приказанию начальства, два раза наказывал Савельева линьками. Матрос Алексеев говорит, что перед взрывом старший офицер спросил Савельева, скоро ли он кончит работу, и приказал ему по окончании ее отправиться на бак.

О характере и поведении Савельева нижние чины дали вообще одобрительный отзыв, показывая, что Савельев был человек хороший и даже выпивши не бывал задорным, не спорил и не бранился, а только делался веселее, пил иногда две чарки, но пьянству не предавался; о том же, был ли Савельев выпивши в день взрыва, отозвались незнанием.

Офицеры, как спасшиеся с клипера «Пластун», так и прежде служившие на оном, в числе четырех человек, показали, что Савельев был тихого нрава, но ленив и беспечен, почему ему нередко делали выговоры, сажали на бак, ставили на ванты или на лишнюю вахту, *но не помнят (!), чтобы на вахтах их наказывали его телесно*; пьяным Савельева не замечали, а хотя он и бывал иногда в хмельном виде, но не делался чрез то дерзким; причем мичман Кнорринг прибавил, что он не заметил, чтобы Савельев в день взрыва был в хмельном виде, иначе не отдал бы ключей от крыт-камеры.

Что касается до обращения вообще с командою, то артиллерийский кондуктор Федоров показал, что командир не был любим командой, он обращался жестоко: за всякую малость, если даже *кто плюнет на палубу, давал по сту линьков*.

Однажды старший офицер потребовал уксусу от баталера, и когда тот ответил ему: «Вы не пустили меня на берег без приказания командира, то я без приказания командира не могу вам дать и уксусу», старший офицер подал рапорт командиру, и баталеру дали 328 *линьков*.

Несколько нижних чинов подтвердили, что баталер действительно был наказан при фронте, по показанию одних — за отказ в уксусе старшему офицеру, по показанию других — неизвестно за какую именно вину. При этом один из нижних чинов выразился, что баталер был наказан линьками «порядочно больно», другой — что было дано «линьков 100», третий — что «жестоко, по задней части тела», четвертый — «жестоко линьками по голому телу куда попадет», и что баталера сек боцманмат Ларионов.

Боцманмат Ларионов отозвался, что баталера секли, но за какую именно вину и сколько было дано линьков — не помнит.

Два нижних чина показали, что на палубу запрещалось плевать и что матросу Рикорду (погибшему) дали по приказанию командира 100 линьков за то, что тот плюнул на палубу; наказывал Рикорда боцманмат Ларионов.

Ларионов показал, что он приводимого случая не помнит, причем присовокупил, что на палубу плевать не запрещалось; обращение

начальства с командой было хорошее и, насколько ему известно, командира и старшего офицера любили.

Кочегар Ушаков и мичман Березин показали, что обращение начальства с командой было хорошее, последний — что слухи о жестоких телесных наказаниях были *ложны* (хорош мичман Березин!).

Из мнения следственной комиссии.

К заключению же об умышленности взрыва могут приводить следующие факты: Савельев, кроме прямой своей обязанности, исполнял должность палубного и должен был смотреть за порядком в кубрике, на который, по-видимому, командир и старший офицер особенно налегали. Савельев был человек ленивый, беспечный и не совсем трезвый. Строгость же командира и старшего офицера нередко доходила до того, что, кроме телесных наказаний, ставили его на ванты, привязывали к бушприту и били по лицу, так что редкий день мог пройти ему без обид. Понятно, что такая жизнь в продолжение трех лет могла довести человека до отчаяния; перед самым же взрывом старший офицер приказал ему идти на бак для наказания по окончании работы. Савельев же, с некоторого времени предавшийся излишнему употреблению вина и, как должно полагать, в утешение от испытываемых им взысканий, в этот день также выпил двойную порцию рому, и хотя после того прошло уже пять часов, но, работая в душной и тесной крют-камере, доведенный побоями и угрозами до крайности, он, под влиянием предстоявшего наказания, мог, при своей безхарактерности и малодушии, в минуту досады, решиться положить всему конец, лишив себя жизни вместе со всеми сослуживцами на клипере. Нельзя однако же не заметить, что большинство сослуживцев его отвергает возможность этого умысла, предполагаемого только кондуктором Федоровым.

Из заключения морского генерал-аудиториата.

Следственная комиссия пришла, между прочим, к предположению, что взрыв мог быть произведен умышленно артиллерийским на клипере содержанием кондуктором Савельевым...

Нельзя не прийти к убеждению, что человек *не с злодейскими наклонностями* может решиться на подобное злое дело не иначе, как в минуту совершенного опьянения, доходящего до самозабвения, или как в порыве яростного умоисступления, затмевающего всякое сознание о своем действии, но ничто в настоящем деле не дает повода к предположению, чтобы кондуктор Савельев находился в таком состоянии. Федоров говорит, что Савельев предавался вообще пьянству, а в день взрыва выпил две чарки рому и мог быть в опьянении, но из дела оказывается, что Савельев занимался уже в крют-камере работами более двух часов, а само собою разумеется, что если бы он был в нетрезвом виде, то не могли бы не заметить сего старший офицер и исправлявший обязанности ревизора мичман Леман и не оставили бы его при тех занятиях; далее Федоров показывает, что Савельев, бывавши пьян, становился отчаян-

ным, но слова эти опровергаются показаниями как офицеров, так и всех других нижних чинов, утверждающих, что Савельев был нрава тихого, кроткого и никогда не доходил до буйственности, даже когда бывал и в пьяном состоянии; наконец, все без изъятия нижние чины, спрошенные по поводу объявленного Федоровым подозрения, не допускают решительно возможности умысла в сем случае от Савельева. При таком отсутствии *всякой причины* к подозрению Савельева¹ в умышленном взрыве и при отсутствии какого-либо указания на подобное намерение со стороны его, морской генерал-аудиториат, имея в виду, что не только участь подсудимого, но и память умершего человека должны *быть дороги для судящих*², положил: устранить всякое подозрение на погибшего кондуктора Савельева в учинении умышленного взрыва. Тем не менее важность сего подозрения обязывает вникнуть в самые причины, по коим могло возродиться оное, и в этом отношении морской генерал-аудиториат не может не обратить особенного внимания на следующие слова из заключения следственной комиссии: «Строгость командира и старшего офицера передко доходили до того, что, кроме телесных наказаний, ставили Савельева на ванты, привязывали к бушприту и били по лицу, так что редкий день мог пройти ему без обид». Действительно, из дела обнаруживается, что обращение командовавшего клипером и старшего офицера с командою вообще, а с кондуктором Савельевым в особенности, не отличалось человеческою обходительностию и, сопровождаясь превышением власти, заслуживает всякого порицания. Так, из совокупности показаний надо заключить, что командовавший клипером и старший офицер считали побои своими руками делом обыкновенным, тогда как подобное взыскание не только не допускается положением об исправительных наказаниях, но в виду достоинства службы, в виду собственного достоинства офицеров и в предупреждение дурных последствий строго воспрещается начальством, и никогда флотский офицер, истинно понимающий начальнический свой долг, не должен обращаться к подобному способу излияния своего неудовольствия; так, независимо от побоев кондуктора Савельева по лицу, часто повторявшихся, он был подвергаем и наказанию линьками, и поставлению на ванты, тогда как унтер-офицерское звание его и возложенные на него обязанности артиллерийского содержателя, каковая должность требует непременно для усердного исполнения оной некоторого нравственного поощрения человека, обязывали командовавшего клипером не допускать какого бы то ни было унижения Савельева в глазах всей команды; так, наконец, приводимый Федоровым пример о даче баталеру 328 линьков, подтверждаемый и другими нижними чинами, показавшими, что наказан был он линьками жестоко, свидетельствует о противозаконных действиях командовавшего клипером в обращении с нижними чинами. В сих-то причинах, могших поселить нелюбовь и

¹ А то, что подорванные мерзавцы его мучили всякий день — это не причина? Что это глупость или укрывательство?

² Какой сентиментальный аудиториат — а спина и лицо живого человека не должны быть дороги.

неприязненные чувства в нижних чинах к командовавшему клипером и старшему офицеру, и заключается, по мнению морского генерал-аудиториата, объяснение того, почему появилась мысль о возможности умышленного взрыва со стороны кондуктора Савельева.

По всем вышеизложенным основаниям морской генерал-аудиториат полагал гибель клипера «Пластун» отнести к несчастью по неосторожности по содержанию артиллерийской части.

Ну и как следует — «быть по сему», а потом детские игры с колпачками, перышками, угольками *, в которых участвовали *Панфилов, Бугаков, Мещеряков, Керн, Мартов, Штофреген и Римский-Корсаков.*

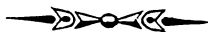




СЕМЕЙНЫЙ ОЧАГ ПАТРИАРХОВ И ПАТРИЦИЕВ НЕЗАБВЕННОГО НИКОЛАЯ

Мы получили рассказ о новых романах в петербургском high life ¹, мы не решаемся их передать — только де Сад в «Жюстине» имел отвагу печатать такие эксцентрические любезности! *

Ништо им — в сраме, в позоре пусть погибнут их имена и гербы!



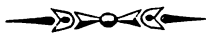
ТИФЛИС И ПОКОРЕНИЕ «КОЛОКОЛА»

Нам пишут:

Ни в «Колоколе», ни в «Под суд!» не является изобличительных статей с Кавказа. Жители Тифлиса, видя множество злоупотреблений и не видя изобличения их, убеждены, что Барятинский *купил «Колокол» за большую сумму денег*. Такое мнение мне приходилось неоднократно слышать в Тифлисе. Так как я не разделяю этого мнения, то намерен сообщить вам несколько известных мне фактов, и пр.

Мы помещаем это письмо с улыбкой. Тифлисское предположение *даже не обидело* нас. Мы еще не в положении Шамиля и в плен князю Барятинскому не сдадимся, предпочитая решительно лондонский пудинг — калужскому тесту *. Пусть почтенный корреспондент присылает статьи, мы их поместим, если они интересны, и просим извинить нас, если мы не найдем их такими, — и все это совершенно даром!

¹ высшем свете (англ.).— *Ред.*



〈ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ〉

Прошло *сто лет* ...
И перед младшею столицей
Главой склонилась Москва,
Как перед новою царицей
Порфиросная вдова *.

Прошло еще и не сто лет, а *четверть* века, и *новой царице*, кажется, скоро придется склониться — и не перед порфиросной соперницей... а перед целым хороводом дальних сродниц, небогатых, неважных по происхождению и скорее степных... чем великосветских.

Везде на Руси закипает жизнь, везде обнаруживается деятельность, иногда нескладная, но здоровая, молодая и самобытная.

Петербург, как глава России, как средоточие умственной и гражданской деятельности, не может пережить Петровскую эпоху, ее мысль истоцилась. Петербург может оставаться правительственным городом — по той мере, по которой правительство пойдет врозь с народом. Сила, захваченная, собранная им, велика, она может, без сомнения, поддержать власть и задержать развитие частей. Борьба бюрократии, поддерживаемой штыками и поддерживающей централизацию — против областной самобытности, имеет за себя много шансов. Мы обращаем внимание на живые зародыши, а вытравит их мать или нет — это вне нашей физиологии.

Вот что мы видим издали. Как только пахнёт свежим воздухом, здоровым, обещающим весну, то это наверное с Урала или из Казани, из Киева или из Харькова, из Малороссии или из Сибири, но не из Петербурга и не из Москвы. Стоит читать

наши русские журналы и несколько брошюр, вышедших за границей, чтоб видеть, как рядом с олигархическими притязаниями потомков столбовых петербургских писцов, перемешавшихся с флигель-адъютантами, действует тверской комитет с Унковским и с Европеусом, с выработанной мыслию, с проектом Земского банка, с готовностью освободить крестьян и отдать им их землю *; как рядом с котошихинскими князьями, боярами и воеводами первопрестольной столицы, дошедшими до того, что сам государь пристыдил их за упорную отсталость, — владимирский адрес, который пристыдил государя до несправедливого поступка *.

И люди, приезжающие из дальних мест России, — энергичнее, юнее, без невского отчаяния, без больших нерв и сломанности, без московского столичного провинциализма, они имеют больше своих черт. Иногда они наивны, иногда ошибаются, но им не до такой степени страшны, как петербуржцу, вельможи и генералы от III отделения, и они не до такой степени подавлены авторитетом сановников московского журнализма и Английского клуба *.

Все это заставляет нас думать, что будущность России не в Петербурге и не в Москве. Конец Петербургом начатого дела — *освобождения крестьян* — будет началом *освобождения областной жизни*. Петербургский период может только продолжаться *периодом николаевским*.

— Но отчего же и вдовствующая столица должна с ним вместе сойти со сцены?

Мы этого не говорим. Такие средоточия народонаселения, деятельности и торговли не сходят со сцены так быстро. Мы говорим о их значении метрополии, о их нравственном самодержавии, в котором, в сущности, и нужды нет никакой. Вопрос, почему эта власть не переходит в Москву, труден. Но факты перед глазами.

Возьмем один очень не важный, но близкий нам. Как ни молод «Колокол», но он уже имеет свою хронику, свои наблюдения и выводы. Из самых дальних концов России мы получаем — *dann und wann*¹ — письмо, слово симпатии, рассказ,

¹ порою (нем.). — *Ред.*

воплъ негодования; на Петербург тоже жаловаться нельзя, хотя от его общественного положения и можно было бы больше требовать (в невозможность посылать ни мы не верим, ни Тимашев), все же из Петербурга посылают.

Из Москвы почти никогда, ни строки, целые годы проходят без вести. Москва любит поболтать, писать не охотница, да и недосуг, время скоро идет, пора обедать, а тут тяжесть, такая усталъ, да ищи, как послать, хлопоты...

Спите, братцы, почивайте!

И отчего Москве не отдохнуть? Сам Христос только *один* раз воскресал, и то ненадолго. Москва совершила свой второй подвиг. Она была во все продолжение несчастного тридцатилетия воспитательным домом России, последним убежищем мысли, науки, человеческих убеждений. Она обучала иногда тайком от отца, как жена Людовика XI *. В Москве возникла, развивалась, расщепилась и возмужала современная русская мысль, качаясь в своей колыбели между протестом Чаадаева * и воззрением славянофилов. И если впоследствии *исполнительная* часть литературы, ее прилавок, перешел в Петербург, то ее тема, мысль, задача — из Москвы, то ее люди — из Москвы. Лермонтов, Белинский, Тургенев, Кавелин — все это наши товарищи, студенты Московского университета.

Этот кафедральный собор нового русского образования был больше чем кем-нибудь оценен императором Николаем. Он, мнительный и трус, ясновидением ненависти понял, что значат эти бедные кафедры, на которые всходили люди, изуродованные *малиновыми* воротниками на фраке и которых слушали какие-то юноши, одетые конноегерскими юнкерами. Он чуял, что в этих аудиториях, как некогда в римских катакомбах, есть молодые учителя, крестившие бесшумно, наукой и светом истины, одно поколение за другим, и что эти ставленники их ежегодно рассыпались во все четыре стороны. Юбилей Московского университета праздновался всей Россией *, и читая речи, произнесенные в губернских городах, у нас вдали сильно билось сердце.

Чтоб понять все различие живой цистерны, в которую каждая вена торопится снести свою кровь и из которой черпает каждая артерия, с искусственной подделкой органа, не сроста-

ющегося с телом, но иногда полезного ему, стоит вспомнить, рядом с Московским университетом, *петербургскую Академию наук*. Без сомнения, академики во все времена были гораздо учнее московских профессоров, но почему эта академия *русская*? Перевезите ее в Пекин, в Испагань, в Александрию — ничего не переменится; вместо Владимира им будут давать Льва и Солнца, вместо портрета Александра Николаевича — портрет китайского императора, и сердце их так же будет тронуту. Палласу и Гмелину вовсе не нужно было быть петербургскими академиками для того, чтоб совершить свое путешествие *. Гумбольдту, Гакстгаузену и Тенгоборскому так же мало было надобности для их изучений России *, чтоб на Васильевском острове был академический скит, как Ливингстону — чтоб в Африке была какая-нибудь кафрская Сорбонна.

Московский университет соответствовал возникавшей народной потребности образования; то же должно сказать о всех остальных русских университетах. Петербургская академия была вызвана потребностью орнаментирования цивилизующего самодержавия, как циркуль и глобус, который ваятели прибавляли к статуям самодержцев. В XVIII столетии вельможи, богатыри, проходившие спальней Екатерины II, любили заводить себе, на заработную плату, малороссийские и великороссийские Версали и при них непременно «избранную библиотеку», при которой содержался француз-библиотекарь, являвшийся на больших выходах безграмотного барина, для вящего благолепия. На том же основании зазвали в Петербург несколько иностранцев-ученых и бездомовников (Лейбниц, небось, не поехал! *) для того, чтоб они те ученые вещи, которые бы писали в Гёттингене или Тюбингене, писали бы на Васильевском острове *. Каковы были эти колонисты науки, про то знает М. В. Ломоносов *. Заведение это с тех пор так и осталось и, как все немецкие заведения, например Зимний дворец, не только не обрусело, но онемечило всех русских, случайно попадавших в храм Минервы — *Германики*.

Второй век идет с ее открытия, но она так и осталась какой-то баркой, на которой плывут эмигранты-эксперты из любви к науке и к золоту, где-нибудь в Калифорнии, нисколько не заботясь ни о берегах, ни о мутной воде около них.

Если Россия когда-нибудь придет в себя под бременем своего креста и скажет академикам между прочим, отирая кровавый пот: «Ученые немцы, что вам до меня, я вас не знаю, и вы меня не знаете. Изучайте меня, живите, пишите, наблюдайте, считайте — но за что же мне платить-то вам за это?», — она будет права!

Был ли со стороны Академии наук хоть один протест, хоть одна слабая попытка защитить слово, образование, мысль во все времена николаевской аракчеевщины? Что она сделала для народа, кроме издания месяцеслова? Мы знаем имя того дерптского ректора, который не хотел склонить своей головы под фельдфебельское иго *. Мы знаем профессора-иностранца, высланного из Московского университета за то, что он сочувствовал германскому движению. Укажите академика, пострадавшего от чего-нибудь, кроме геморроя, укажите живое слово, живой интерес, человеческое сочувствие академии... ей было не до нас.

Нынешним летом *академик Якоби*, посланный министерством финансов в Германию по экономическому делу, с таким усердием занялся «платиной», что предложил, обобщая свое поручение, и притом Княжевичу, которому дела нет до этого, устроить *плотину* против *распространения* книги кн. П. Долгорукова в Германии *. Химик находил это брожение *zu gefährlich*¹ для русско-немецких соединений.

Если это правда (может, Академия напечатает это в своих «Bulletins»), то это единственный случай известный, в котором Академия сделала что-нибудь для русской гражданственности.

Переходя снова к Московскому университету и признав его огромное значение, мы должны сознаться, что он пережил свою героическую эпоху, свою исключительную гегемонию просвещения. Его юбилей был его лебединой песнью, с похорон Грановского он не оправлялся. Но в то самое время, как его уровень мельчает, уровень провинциальных университетов подымается выше и выше, и подымается без малейшего содействия правительства, бросающего деньги на одни вредные и не-

¹ чересчур опасным (нем.).— *Ред.*

нужные школы, вроде школы *ольденбургского правоведения* *, юнкерского марсоводства и проч.

Провинциальные университеты забыты, министерство Ковалевского с *нарезчиком* Мухановым * заняты не тем. Ковалевский, например, видел своими глазами, что в Казанском университете *восемь* пустых кафедр и не меньше *пустых* профессоров ¹, и что же сделал? Тотчас стал хлопотать об аренде — не Казанскому университету, а себе. Учителя гимназии в Петербурге и Москве не идут в провинциальные университеты, потому что оклады малы. Провинциальные профессора, напротив, при первой возможности переходят в столицы. И со всем с этим, дух этих университетов, дух молодых профессоров и студентов, превосходен.

Каждая новость из дальних университетов проникнута свежей жизнью аудитории. Сколько юной страсти к науке, негодования за скверное преподавание, как бьются эти молодые люди, чтоб заменить бездарных, тупых, отсталых преподавателей — людьми свежими и молодыми мыслию, как дружно протестуют они, как составляют свои братские круги для выписки книг, журналов! Этого развития скоро не искоренят ни сыщички Тимашева à la Лужин, ни сродники бывшего дядьки наследника à la Зиновьев *, ни золотушная язва немецких вечно-цеховых ремесленников науки с их русскими подмастерьями на манер немецкий. Там, где жизнь круто завязывается, она чрезвычайно упорна, и, делай что хочешь, она найдет себе и

¹ Нам рассказывал один бывший казанский студент * о составе их медицинского факультета... Тень Победоносцева и тени Котельницкого, Ивановского, Ульрихса (отца, сын тоже немец, но служит по тайной истории, а не по всеобщей и читает не лекции по Шреку, а чужие письма по *Шпекину* *) *, гордо улыбаясь, пронесли мимо нас. От *генерала* (от хирургии) и *плантатора Франца Носифовича Иелачича* (так и по-несло Австрией), занимающегося кожей хирургией с своими мужиками и вовсе не занимающегося университетом, до *Егора Прохимоновича Блосфельда*, называющего микроскопические наблюдения *opania moralis* (господи, что же после этого телескопические наблюдения, разве *sodomia sideralis*?), и от Блосфельда до немца из казанских уроженцев *Соколовского*, говорящего, что критика теперь не в моде, что ее даже нет и за границей! (должно быть, она, как Илия Пророк, взята на небо) — все так и просится на исключение из университетского ведомства и на определение к другим делам и должностям.

щель к свету, и дорогу вперед, против нее ни преступная небрежность министерства, ни преступное внимание шпионства ничего не сделают. Университет учит столько же, или еще больше, аудиторией, сколько кафедрой, юным столкновением, горячим обменом мыслей. Если есть два-три доцента, умеющие возбудить вопросы, научить их ставить, умеющие указать, что делает наука на воле, то и довольно!

Если рассудить, то почти лучше, что правительство ничего не делает для провинциальных университетов. Оно их завело из хвостовства и поддерживает настолько, чтоб стены не упали *от стыда*. Пусть же молодежь пробивается сама, учится сама; за лишний труд она приобретет великое *право неблагодарности*, у ней не будет одолжений Петербургу, она себе и молодым труженикам науки будет обязана своим образованием¹. Пусть же она отрясет прах со своих ног и примет наш братский совет — идти, не останавливаясь на препятствиях, вперед и вперед!

От души, с глубокой любовью приветствуем мы из нашей дали новые фаланги будущей Руси, идущие нам на смену; их дружеские слова долетают до нас, снимают много тяжелого и скорбного, мы себя чувствуем с ними как-то снова молодыми.

¹ Одно рекомендовали бы мы молодым ученым провинциальных университетов: они должны оставаться в своем краю, в родной среде, а не тотчас переезжать по первому зову в Петербург или Москву. Может, это и не совсем выгодно, но теперь не до домашней экономии.



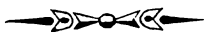
ЗЛОДЕЙСТВО ДОЛГОРУКОВА

Кн. Долгорукий-жандарм подал государю доклад, что воскресные школы — зародыш огромного тайного общества *. (Уж не огромный ли тайный это... вождь Тимашев придумал?) Государь сейчас за Ковалевским. «Как, — говорит, — тайное общество в воскресных школах?» — «Никакого тайного общества в воскресных школах нет, — отвечает Ковалевский, — а что, говорит, есть точно надзор тайной полиции, больше-де никакой тайны нет, а тоже министерство народного просвещения и министерство внутр. дел за ними присматривают, явно только». Но Долгорукий закусил удила и снова с доносом на школы. Тимашев на этом *хочет зашибить графа*. (Тимашев — граф Школинский!) Результат этого — тот, что слабейший Ковалевский сделал разные затруднения при открытии воскресной школы за Шлюссельбургской заставой, наконец разрешил по *оригинальному* ходатайству одного чиновника; а начальник корпуса духовных жандармов — митрополит * — не велел открывать школы раньше 12 часов. Бедный русский народ, недалеко уйти тебе с такими пастухами!

КРАЙНЕ НУЖНО

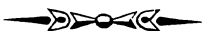
«Колокол» собирает небольшой альманах под заглавием «Скотный двор» или «Отечественная фауна». Одно из главных мест, без сомнения, принадлежит тому почтенному просветителю белгородских девиц, о котором говорит «Le Nord»

от 18 января, скрывая экземпляр под буквой S. S. этот, сохранившийся во всей чистоте породу русского барина, в которой соединено так прочно и уютно все рабское татарина и все дерзкое немецкого лакея, оборвал г. Казанского за курение сигаретки в присутствии его особы; породистому S. помогали еще двое. Каждый зоолог поймет, с каким нетерпением мы желаем получить имена этих неподдельных сынов пространного отечества нашего.



ОДЕСНУЮ И ОШУЮ

Главный комитет по крестьянскому делу разделился на две партии: первая — за мнения редакционной комиссии: Константин Николаевич, Блудов и Чевкин; вторая партия — против надела земель; приятно знать, что в этой враждебной русскому народу партии находятся люди, совершенно достойные ее: жандарм *Долгорукий*, ренегат *Муравьев* и известный *Павел Гагарин*. Между этими крайними партиями есть щель — ее в длину занимает *Панин* и с ним престарелый вождь финансов *Княжевич*. Этот с чего?



〈ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА〉

Императрица Мария Александровна препроводила экземпляр русского перевода библии в Духовную академию, с примечанием, чтоб академия торопилась с своим переводом. Таковое поощрение обязывает русскую типографию в Лондоне искренно благодарить ее и 〈императорское〉 в〈еличество〉



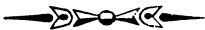
ДОНОС (РАЗУМЕЕТСЯ ТИМАШЕВУ)

Граф! Мы хотим с вами мириться и, в доказательство нашего исправления, посылаем вам донос. Говорят, что вы ищете, кто эти *содержательницы* магазинов или чего-то такого галантерейного, о которых в «СПб. ведомостях», — ну знаете, насчет швеи, сыновней любви и внучатных последствий.

Видите, это совсем не содержательницы магазинов, а государственные сановники женского пола: одна из них *Дароган*, сдавшая магазин, а другая *Замятнина*, принявшая его.

P. S. Назначенные за донос деньги просим выслать через Ульрихса его высокопр (евосходительству) *Бейстру* (Dresde, poste restante ¹); мы их жертвуем этому мученику шпионства, пострадавшему за Телеки.

¹ Дрезден, до востребования (франц.).— *Ред.*



СТО ПЯТНАДЦАТЬ БЛАГОРОДНЫХ ОФИЦЕРОВ

Россия может радоваться и гордо смотреть на свою молодежь. В одном военно-учебном заведении нашлось *сто двадцать шесть* офицеров, которые предпочли обрушить на себя всяческие гонения военного начальства, испортить свою карьеру, чем молчать перед нелепыми поступками начальства. Только *одиннадцать* раскаялись. Недаром мы с такой теплой надеждой смотрим на молодое поколение военных. Честь им и слава!

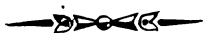
В академии осталось теперь — *двадцать человек*. Закрывать бы ее, а юному, но не подающему никаких надежд генералу фельдцейхмейстеру — заняться бы в ней, с братцем *, воспитанием голубей и кур (цесарских).

Странное свойство этой *плоской* машины, называемой русским правительством; оно не правит, а все на свете делает *плоским*. Что бы ни попало под его вал, выйдет, по другую сторону передней Зимнего дворца, не только облученное, но и сплюснутое в ленту.

Приказ, который мы печатаем, говорят, будто писан под редакцией *Тоглебена*, после зрелых и глубокомысленных совещаний с *Милютиным*, Васильчиковым, Путятой, Шарнгорстом... Первые-то двое могли бы лучше писать, а главное — лучше думать *.

Всех офицеров относительно этого дела приказ делит на три *каттегории* (какое обилие *твердости* — уж не думают ли они, что слово каттегория происходит от слова *Каттегат*): 1) офицеры, подавшие просьбы по убеждению, 2) подавшие (без убеждения?) и раскаявшиеся, 3) *вовсе не участвовавшие*. Стало, и мы принадлежим к третьей каттегории?.. Это напоминает тот старинный анекдот — как скрипач Жерновик сказал

«королю Георгу III, отвратительно игравшему на скрипке, на вопрос: «Что вы думаете о моей игре?» — «Вы, ваше величество, принадлежите ко второму разряду» (Жерновик Канта не читал и потому слово категория не употреблял). — «Кого же вы еще причисляете?» — «В. в., — сказал Жерновик, — весь род человеческий относительно скрипичной игры делится на три разряда. Первый составляют с дюжину музыкантов, превосходно играющих; ко второму принадлежат очень много музыкантов, дурно играющих, а к третьему — все остальные люди, совсем не играющие».



СЕНАТСКИЕ АРЕСТАНТСКИЕ РОТЫ (ОСУЖДЕННЫЙ ПЕРЕВЕРЗЕВ)

Директор департамента податей и сборов Переверзев, обвиненный, наконец, самим Княжевичем, который все терпит и все любит, взяточников и откупщиков,— был осужден в исправительные сенатские роты. Панин, сосредоточив все внимание на уменьшение земли крестьянам, в рассеянности поступил почти хорошо — и, полагая, что почтенный директор больше заслуживает в смиренный дом, чем в смиренный сенат, отказал. Но государь, с той ненавистью, которую имеют все самодержцы к сенату (смешивая его, разумеется, с римским сенатом времен Сципиона Назики), сказал Княжевичу, что он *просит* Панина об этом. Когда человек, который может послать своего ближнего не только на каторгу, но к Тимашеву в застенки, *просит*, как-то неделикатно отказать. Панин отослал тотчас Переверзева в сенатские исправительные роты, *с тем чтобы он не присутствовал*. Топильский, Михаил Иванович! Если вы это выдумали, примите нашу искреннюю благодарность. Это просто прелесть! и напоминает, как Фридрих II назначил за деньги (тоже на руку был не чист) какого-то еврея-банкира *тайным* советником, но для испытания, умеет ли он хранить тайны, не велел ему *никому об этом сказывать*. А прогор, усмиритель нарвских крестьян Каваньяк-Смирнов (см. «Кол.», л. 91) *, тоже за неспособность быть губернатором, сделан членом исправительного сената.

КОЗЕЛ И ОСЕЛ

Бывший митрополит киевский, ныне школоборец Исидор, отправляясь в прошлом году в С.-Петербург на очередь, для присутствования в синоде, съехался на одной из почтовых станций с генерал-адъютантом Ржевуским, который, видя, что последних лошадей запрягают под экипажи его высокопреосвященства и что ему, *генерал-адъютанту*, приходится ждать на станции, справедливо рассердился на зрителя и в порыве гнева громко сказал: «Лошадей! Не сидеть же мне на станциях для всякого козла!»

Исидор, который кушал чай в соседней комнате, услышав это восклицание, вышел и сказал с христианским смирением: «Таких *козлов*, как я, в России всего трое, а таких *ослов*, как ваше превосходительство, очень много».

Ответ понравился en hauts lieux¹, и козла назначили митрополитом в С.-Петербург на место в бозе почившего Григория, прославившегося своим *крестовым* походом против журнальных картинок *. Ну что бы козла-то за его остроумие сделать генерал-адъютантом, а его противника митрополитом!



КЛОПОВНИК (НЕ РАСТИТЕЛЬНОГО ЦАРСТВА, А ЦАРСТВА РУССКОЙ ПОЛИЦИИ)

Потапов вступил в должность московского обер-полицмейстера. Вероятно, ему приятно осмотреть все исторические памятники своего ведомства и еще приятнее начать с чего-нибудь путного. Это не мешает потом воротиться к игнатьевским маскам * и пр. Знает ли он, что при яме (да чуть ли нет чего-то подобного и в остроге) есть *клоповники*, особые конуры, в которые бросают колодников, по усмотрению тюремного начальства, на съедение клопам, точно так, как в Риме христиан отдавали на терзание другим свирепым зверям, крупнейшего

¹ в высших сферах (франц.).— *Ред.*

роста, но без скверного запаха. Языческое наказание это, совершающееся в виду Успенского собора, тем хуже, что животные, которыми травят русских, не имеют религиозных чувств львов в пещере Даниила *, ни чувств благодарности Андроклова льва *. В них нет благородных порывов. Они — как русский чиновник, как русский полицейский — кусают постоянно, сосут кровь понемногу и отвратительно пахнут всегда.

P. S. Вероятно, Сечинский будет против этого — это личность; он не может простить погребальный звон колокола об несчастной девушке, замученной им из дружбы к почтенной матроне Марии Бредау *.



НАКАНУНЕ

Пришла великая суббота, скоро ударит колокол к заутрени... а на душе страшно и тяжело. Зачем нам отравляют эту праздничную минуту? И мы, как наши бедные крестьяне, стоим в раздумье, с неполной верой, с глубоким желанием любви и с непреодолимым чувством ненависти.

Если б можно было еще раз сказать «Ты победил, Галилеянин!» *, как громко и как от души сказали бы мы это, и пусть какой-нибудь односторчатый доктринер, неподвижный фрунтовик школьной науки, издеваясь над нами, вывел бы на справку, что мы не всё *одно и то же* твердим.

Столько для России никогда не стояло на карте, ни в 1612, ни в 1812 году.

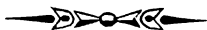
И хорошо, что в день смерти Николая похоронят и Петровскую эпоху *. «Спасибо ей за тяжелую науку, и забвение злу, причиненному ею!» — сказали бы мы. Но для этого зло должно умереть, а оно не умерло в преступных, нечистых стариках, не раскаянных в стяжании и алчности.

Иностранные журналы говорят уже об плантаторской оппозиции инвалидов *. Тяжела будет могила этим седым скопцам, если им удастся изуродовать нарождающуюся Русь. Ведь это не просто взятки, не просто грабеж, это нож, воткнутый в будущее. Смотрите, Муравьевы и Гагарины, двойные изменники — народа, который грабите, и царя, которого обираете, — если вы и успеете перебраться на болотистые петер-

бургские кладбища, род ваш¹ будет отвечать перед русским народом.

Есть святые, торжественные минуты в жизни людей и народов, в которые обиды не прощаются!

¹ Мы хотели сказать в сыновьях, но в сыновьях они уже наказаны. Россия знает, кто такое рязанский губернатор Муравьев, о котором в «Материалах по делу об освобождении» сказано: «один из подлейших людей и сквернейших губернаторов» (стр. 265) *; а кто такое Гагарин, бывший пензенский вице-губернатор, знают читатели «Колокола» (лист 35) *.



ПОСЛЕДНЕЕ УБЕЖИЩЕ ИЗГНАННИКОВ ЗАКРЫТО

У г-жи Замятниной есть муж, исправляющий должность великана и немого евнуха при императорском серале юстиции *. Оказывается, что небольшого роста великан и в немые не годится; он так громко стал вздор молотъ, что даже в «Теймсе» раздалось («Times», 16 February). «„Сенатские ведомости“ обнародовали закон (англичане не имеют другого слова для этого рода бумаг), утвержденный государем по представлению Замятница о преследовании преступлений против монархов, находящихся в дружеских сношениях с Россией. На основании этого закона будет сделана конвенция между Россией и Австрией о наказании государственных преступников» *.

Ну что мы будем делать! Единственное убежище, куда могли спастись изгнанники — Россия, страна свободы, покрывавшая своим огромным щитом всякого искавшего в ней защиты, — погибло! Куда денутся теперь республиканцы, социалисты? Неаполитанскому королю, папе хорошо — у них есть Бавария *, а у других — только и было надежды, что на красную Россию, — что не значит вовсе Червоная Русь, как смешивают французы, читавшие «La Russie rouge»! *

Какое счастье, что Théophile Henri, vicomte de Blangy, скончался в 1799, — тот самый граф Бланжский, французский эмигрант, который —

Супругу и семью оплакав избиянну,
Покинул родину, тиранами попранну;
Российския страны достигнув берегов,
Обрел на старости гостеприимный кров *.

Увы, где этот кров? — Ха, ха, ха! — Да полноте вы себя дурачить перед всем светом, ну какой же идиот пойдет у вас искать убежища! — своим жить тошно, а тут еще пойдет чужой.



СЛУХ О ЗАГОВОРЕ ПРОТИВ ИМПЕРАТОРА АВСТРИЙСКОГО И ЭРЦГЕРЦОГИНИ СОФИИ

В Петербурге существует заговор против дней и ночей Франца-Иосифа и преимущественно матери его Софии *. Заговор этот составлен Бутковым *, и, чтоб отвести глаза, в доме Мины Ивановны. Цель этого заговора — возведение на австрийский престол князя Орлова, который для этого размягчил мозг и сложил с себя все должности *. Участниками — Муравьев Вешатель, Адлерберг сен., теоретический плантатор Гагарин, практический плантатор и помещик Гутцейт, митрополит Исидор, желающий быть провозглашенным белокрыницким патриархом, — все сношения идут через Тимашева, которому обещано цезарское графство.

Всех выдать в Австрию!



ДОНОС НА «МОРСКОЙ СБОРНИК»

«Морской сборник» написал превосходную программу, все порядочные люди прочли ее с искренним удовольствием, но какой-то соленый Тимашев или морской Липранди надулся, скрыл имя и сделал донос. Это совершенно в порядке службы. Но гораздо страннее то, что нашелся сухопутный редактор, не «Журнала III отделения», а «С.-Петербургских ведомостей», поместивший донос *, оставляя в подозрении, что адмирал писавший — это сам издатель; донос напечатан без подписи и без знаменитого *сообщено* *. Поползновение это — не *выкидывать* такого рода статей, а их *доносить* — надобно остановить с самого начала. III отделение вовсе не в таком беспомощном положении, чтоб нужно было статским и партикулярным газетчикам ему помогать. Если же редактора *заставили* поместить (хотя такого закона и нет на безыменные письма и подметные статьи и мы знаем, как три года тому назад один московский издатель решительно отказался поместить втесняемую ему статью *), то он должен был или отметить ее или *оставить редакцию*. Никакой нет необходимости целую историческую эпоху быть издателем, как Греч и Булгарин.

Передаем почти вполне статью «С.-Петербургских ведомостей».

Прочитав, в декабрьской книжке «Морского сборника», программу журнала на 1861 год, в которой, между прочим, сказано: «Морской сборник» «не может не восставать против жестокого обращения с нижними чинами и, отчасти признавая трудность замещения телесных наказаний на флоте другими, более соответствующими человеческому достоинству наказаниями, не разделяет мнения тех, которые не находят никакой возможности и надобности бросить за борт линьки и розги, даже относи-

тельно лучшей части команд». Мы чистосердечно *посмеялись* грозному намерению редакции сражаться с ветряными мельницами, и, не обращая строгого внимания на изложение, мы радовались намерению нашего органа содействовать общему во флоте направлению, стремящемуся к уничтожению телесного наказания...

...Мы чувствуем себя глубоко оскорбленными такой выходкой редакции «Морского сборника», потому что вся читающая публика неминуемо заключит из программы, что *корпус морских офицеров состоит из каких-то плантаторов и участь нижних чинов во флоте не завиднее участи дяди Тома; что меры, принимаемые к прекращению этого обычая, не достигают цели и что осталась одна надежда на гласность печати.*

И что вот, благодаря передовым людям, составляющим редакцию «Морского сборника», можно надеяться на прекращение ужасов, совершающихся на палубах наших злополучных кораблей.

Кому известно, что во Франции только в недавние времена отменены телесные наказания на флоте, а образованная, либеральная и гуманная Англия до сих пор еще не может вовсе отделаться от линьков, тот не будет удивляться тому, что до последней войны у нас телесные наказания были не в редкость, а иногда доходили и до жестокости. По заключении мира, когда служба пошла обычной колеей, *ни у кого не доставало духу высечь человека*, которого он видел подле себя в гигантской борьбе России. *Начали избегать телесных наказаний*, и дело не пошло от того хуже; открытие это стало вкрадываться в убеждения; сначала робко и слабо, но скоро твердо привилась уверенность, что линьки и розги не такая необходимость на море, как то привыкли думать.

Теперь еще могут быть *редкие исключения*, общее же направление к совершенному уничтожению телесного наказания несомненно.

И это печатается после следствия по делу «Пластуна», после Крузенштерновых побоев *, сечений, истязаний, после того, что мы видали, краснея, в *лондонских доках*, когда бывают русские пароходы.

Кого обманывают? Или каким образом этого нового рода скопцы вытравливают в груди своей всякий след совести?



ФРЕГАТ «ГЕНЕРАЛ-АДМИРАЛ» И ШВАБРА

Мы получили письмо, в котором отрицают сведения, доставленные нам о том, что на фрегате «Генерал-адмирал» «секли гардемарина и матросам затыкали рты швабрами» («Кол.», № 87—88) *. В конце письма (подписанного) сказано, что, если мы желаем, мы получим целый лист подписей офицеров и гардемарин в удостоверение, что ничего подобного на фрегате не было. Без всякого сомнения желаем. Мы и думать не хотим, чтоб большое число офицеров и гардемарин подписало акт, не согласный с истиной. Мы верим и тому, который писал письмо, но один легче может ошибаться. Сомневаться в первом корреспонденте также не было причины, все сообщенное им о злодействах, бывших на «Пластуне», мы прочли потом в «Морском сборнике» * с такими подробностями, которых у корреспондента не было. Когда мы получили в первый раз письмо о неистовых и бесчеловечных наказаниях Крузенштерна, мы приостановились и не напечатали его фамилию *. Но когда на сделанный вопрос мы получили несколько писем подтверждающих, для нас была достаточная достоверность, чтобы напечатать фамилию. Пусть офицеры, гнушающиеся должностью палача, убедятся, что одна полная, чистая любовь к русскому народу заставила нас поднять обличительный голос против зверской жестокости помещиков, офицеров, полиции и вообще всего секущего сословия. Противудействовать телесным наказаниям надобно всеми силами, всеми помышлениями; страстно, настойчиво. С розгой и палкой в руках не добратся нам до человеческих прав. Нельзя требовать признания своего лица и драть солдат и сечь женщин (даже *детскими* розгами) *. Это так верно, что наши заплечные генералы не себе требуют уважения, а генеральскому чину. Пора

с омерзением и раскаянием отречься от прошедших злодейств. Мы советуем офицерам вместо протестов и опровержений (хотя и это не дурно как отрицательное сознание, что все это гнусно) соединиться теснее и теснее для защиты бедного, голодного русского солдата, против воли оторванного от домашнего очага, обворованного всеми, от морских и сухопутных чудовищ и гадов с толстыми эполетами и с еще более толстой шкурой на сердце до вахмистров и фельдфебелей. Офицеры могут больше сделать, чем правительство, и на это не надобна десятая доля того мужества, которое они везде и всегда показывают с таким избытком.





ХАРЬКОВСКИМ СТУДЕНТАМ

Наше мнение о новом значении провинциальных университетов мы высказали недавно. Вера наша в великую роль, открывающуюся для них, заставляет нас быть откровенными. Если история, бывшая на харьковском маскараде 1 января 1861 г., рассказанная в 23 № «Северной пчелы» *, *справедлива*, то она поселяет глубокое отвращение к молодежи, замешанной в ней.

Положим, что большинство харьковских студентов порицает поведение, вероятно, пьяного студента Страхова и не согласен с дрянью, которая помогала ему и защищала его. Мы готовы даже сомневаться, чтоб были такие негодяи из студентов, которые в оправдание ерничества Страхова говорили, что маска *была просто модистка из магазейна*, — в студентах это было бы слишком отвратительно. Но келейное порицание недостаточно.

В такого рода дела начальство у нас не мешается, напротив, оно должно быть довольно — вместо дела студенты заняты вздором, вместо того чтоб дружно стоять за благородные убеждения, они дружно стоят *за мундир*, вместо того чтоб гнущаться сословными различиями, они имеют шляхетский гонор и презирают недворян. Но именно потому, что начальство не вступает в такого рода дела, общественное мнение студентов должно было вступить за обиженную недворянку девушку или доказать, что на их товарищey наклеветали. Почему студенты не назначили свой суд и не разобрали дела? Если в юности такого рода поступки не вызывают вашего страстного негодования, незавидно будет ваше совершеннолетие!



САЛИЧЕСКИЙ ЗАКОН В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Говорят, что одной девушке, желавшей слушать лекции в Московском университете, было отказано, и даже с угрозой, что буде она не перестанет являться в аудиториях, то начальство примет *энергические меры*. Хорошо бы посмотреть на защиту дверей аудитории храбрым попечителем и храбрым ректором, — обоих вооруженными по званию страшными оружиями военного членовредительства и мирной хирургии — против одной девушки, желающей учиться!



ЦЕНЗУРНЫЕ ЗУАВЫ

Рахманинов, Лебедев неистовствуют в цензуре, им помогает из *иностранного* министерства *Бюлер* и *внутреннего* — доктор *прав* Варадинов.



ДУХУ НЕДОСТАЛО!

Отложили!.. Зачем?..* Неужели в самом деле по случаю масленицы? — что за пансионские затеи! Разве они не знают, что между кубком и губами есть всегда место беде.

Эта отсрочка, это ожидание — сверх сил человеческих; тоска, тоска и страх! Если б было возможно, мы бросили бы все и поскакали бы в Россию. Никогда не чувствовали мы прежде, до какой степени тяжела жертва отсутствия. Но выбора нет! Потерянный вдали ведет *, мы не можем без смены оставить нами самими избранный пост и желали бы только, чтоб помянул нас кто-нибудь в день великого народного воскресения.

Зачем русские, которые могут ехать и живут без дела, скучая и зевая, в Париже, в Италии, в Лондоне ... не едут? Что за умеренность и воздержность! Англичане ездили ватагами взглянуть на Гарибальди, на свободный Неаполь*; а наши туристы — тянут канитель за границей, как будто обыкновенное, будничное время! Что это — эгоизм, неразвитие общих интересов, разобщенность с народом, недостаток сочувствия?

Мы, разумеется, не говорим о диких крепостниках, кричащих в парижских кабаках и лупанарах против освобождения — с остервенением, возбуждающим отвращение гарсонов. Этим чужездным татарам надобны деньги, и какими бы злодействами они их ни получали, им все равно. Нас удивляют люди образованные, — люди, скорбящие о народе, вздыхающие о его несчастьях, — но не настолько, чтоб побеспокоить себя, бросить привычную жизнь и явиться налицо в дни великого исторического события.

VIVAT POLONIA! ¹

И да здравствует русский воин, который отказался стрелять в безоружных ², несмотря на приказ какого-то спадасина Заблоцкого!

Перед этим великим гражданским подвигом мы с умилением склоняем голову.

Не думал, вероятно, Заблоцкий, совершая преступление, что он совершил историческое событие. Его залп разбудил многих, он показал, какие звериные возможности гнездятся и живут, притаившись в кавернах Зимнего дворца, и какие инструкции даны полубезумным и полутатарским наместникам и баскакам. И не это одно обличил набольший царских убийц. Он *обличил, что их время миновало*, что русский офицер перестал быть рабом, палкой, штыком в руках Заблоцких и других негодяев, выслуживающихся кровию невинных жертв. Отказавшийся исполнить преступный приказ *спас честь России!* Ему следовал тот Георгий, который на смех общественному мнению и в поругание статута брошен экс-королю неаполитанскому не за взятие крепости — а за сдачу ее.

Вероятно, герой этот погибнет за Польшу, как погиб *Караваев* за Конарского *. Дайте нам его имя, чтоб мы могли святить его, чтоб мы могли записать его в наши святцы!

С бесконечной гордостью видим мы, что мы не ошиблись в уповании нашем на молодых офицеров *. С гордостью видим, какой огромный успех сделало нравственное развитие с 1831

¹ Да здравствует Польша! (лат.).— *Ред.*

² «Теймс» 14 марта подробно рассказывает, как офицер или *сержант*, которому Заблоцкий велел командовать пальбу, отказался и вышел из рядов, а солдаты стреляли на воздух *.

и 1849 г. Тогда офицеры не выходили из рядов, не подавали в отставку; но иногда раскаивались *потом* — получивши крест и чин; это легкое и дешевое раскаяние мы несколько раз сами слышали от участников в венгерской кампании.

Не таковы офицеры, закаленные в Севастополе, не таковы молодые товарищи их. Они поняли, что довольно усмиряли *своих и чужих*; они почувствовали, что николаевские лавры вышли на нашем лбу каким-то каторжным клеймом, и хотят стереть его.

Гибнущие братья-искупители! Тяжела ваша участь; но идите в арестантские роты, в крепости, казематы, на смерть — только не убивайте ни поляка, который хочет быть самим собой, ни крестьянина, требующего свободы.

Напомните нашим воинам в Польше, что мы им говорили в 1854 году¹.

«Ваша участь всех хуже: товарищи ваши в Турции — солдаты, вы в Польше будете палачами. Ваши победы покроют вас позором, вам придется краснеть вашей храбрости. Родная кровь трудно отмывается, не берите вторично греха на душу, не берите еще раз на себя название Каина. Оно, пожалуй, останется навсегда при вас.

Знаем мы, что вы не по доброй воле пойдете на поляков, но в том-то и дело, что пора вам иметь *свою* волю. Нелегко неволить десятки тысяч людей, с ног до головы вооруженных, если б между ними было какое-нибудь единодушие...

Раз — не помню, в какой губернии, — когда вводили новое управление государственных имуществ, крестьяне взбунтовались, как почти во всех губерниях было. Привели войска, народ не расходился. Генерал пошумел да и велел солдатам ружья зарядить; те зарядили, думая, что это для острастки; народ все не шел. Тогда генерал дал знак полковнику, чтоб он велел стрелять, полковник скомандовал, солдаты приложились — и не выстрелили. Оторопелый генерал подскочил к фрунту: „...Шай,

¹ Два года тому назад «Przegląd Rzeczy Polskich» спрашивал, почему мы не перепечатаем нашего воззвания, мы отвечали ему: «Разве есть восстание в Польше, разве русские приготавлиются к отпору? Зачем уговаривать людей не поднимать оружие, когда оно спокойно стоит в сошках?»

пли!“ ..Солдаты опустили ружья и неподвижно остались на своем месте.

Что же вы думаете было с ними? — Ровно ничего. Генерал и начальство так перетруснулись, что дело замяли.

Вот вам опыт вашей силы.

Поглощение Польши царской Россией — нелепость, насилие, — насилие, очевидное по количеству войска, которое стоит в Польше с 1831 года. Естественное ли это дело, что через 23 года правительство не смеет вывести одного полка из Польши, не заменив его сейчас другим?

Все эти грубые, насильственные соединения ведут не к единству, а увековечивают ненависть. Что Ломбардия и Венгрия — стали австрийскими? Или Финляндия — русской? Одним балтийским немцам пришлось по вкусу голштейн-татарское управление, так что они первые послали детей своих защищать православную церковь, с лютеранской библией в кармане.

Вы не русский народ защищаете в Польше. Русский народ не просит вас об этом, при первом пробуждении своем он отречется от вас и проклянет ваши победы. Вы в Польше защищаете неправо царское притязание.

На польской земле не растут лавры для русских воинов, она слишком облита женскими слезами и мужескою кровью, пролитыми по вине ваших отцов — вас самих, может быть; на берегах Вислы, близ Прагского кладбища и на кладбище Воли... нет боевой славы для вас. На них вас ждет иная слава — слава примирения и союза!

Что и как делать, вы узнаете, когда придет время. Исполнитесь в ожидании событий истиною наших слов и присягните во имя всего святого вам — *не поднимать оружия против Польши!*

Эту присягу требует не царь, а совесть народная, народное раскаяние, и если вас ждет самая гибель за это — она свята, вы падете жертвой искупления, и вашей мученической кровью запечатлеется неразрушимый, свободный союз Польши и России как начало вольного соединения всех славян *в единое и раздельное Земское дело!*» *

Говорят, что Александр II хочет поступить *великодушно*. Это очень хорошо, но, по несчастью, тут нет места велико-

душию. Что за рабское смешение понятий. Прощения надобно ему просить у Польши, перед лицом всего света, за кровь, пролитую в Варшаве, за то, что у него звери между генералами. Надобно быть справедливым, а не великодушным!

Быть виноватым и прощать — что за вечная ложь и лесть! Время этих фантазмагорий миновало, да и многого другого. Русские офицеры отказываются стрелять в польских братьев. Польские выходцы, собравшись при первой вести о движении в Варшаве, в Виттингтонском клубе, начали с того, что еще раз засвидетельствовали не только отсутствие вражды к русскому народу, но сочувствие с нами. «Мы, — сказал в своей речи г. Бенъевский, — *мы расстанемся с ними дружески, без вражды, как два брата, которых рука тюремщика сковала в общие цепи и которые стали в тягость друг другу потому именно, что они были скованы вместе. Нам нужно расстаться, чтобы вздохнуть свободно, чтобы расправить онемевшие члены*».

Они совершенно правы, нам *надобно расстаться*, для того чтоб иначе посмотреть друг на друга, чтоб свободно подать друг другу руку.

Мы много раз говорили о будущем союзе всех славянских племен, мы и теперь верим в него, но теперь *на череду не этот вопрос*: ближайшее будущее, наступающее историческое дело славянского мира — *государственная самобытность Польши и соединение отрезанных частей ее*.

И как величественно начала Польша свое новое воскрешение, *если в самом деле* в заседании «Земледельческого общества» в Варшаве польские помещики решили *отдать* крестьянам полный надел земли!

Первый акт восстановления Польши должен был быть актом очищения перед земледельцем, актом искупления, покаяния, справедливости. *Надобно было доказать* обделенному народу, что он не забыт, что на этот раз идет дело *общее*, земское, дело всей Польши, а не *одной шляхты*.

Сила народа в земле. Мы не верим больше в перевороты — аристократические, муниципальные, военные и статские, т. е. не верим в их прочность; то только прочно, что запахано в землю, то взойдет плодотворно, что посеяно на ниве, что выросло на свежем воздухе полей и лесов. Не для народа то, что идет

через голову крестьянина, что с треском и пылью проезжает мимо деревни, как курьер, не останавливаясь. Мы придаем величайшее значение решению польских помещиков. На этом святом акте справедливости и гражданского совершеннолетия мы приветствуем их.

Как *русское* правительство поступит? Трудно сказать, потому что в Петербурге нет русского правительства. Из русских там один Александр Николаевич, а известное дело — один в поле не ратник.

Беда наша в том, что вся эта богадельня эполет, чающих движения воды, несмышленных стариков Совета, сенаторов за негодность на всякую другую службу и проч. состоит из немецко-русских татар. Чисто русское в них только — невежество, привычка драться и говорить «ты».

Правительство на немецкий манер никогда не поймет, что для России *сильная, независимая Польша как союзница* гораздо выгоднее, чем Польша четвертованная, оскорбленная, ненавидящая.

Познань и Галиция — это четверугольник с *другой стороны* *, это *немецкая* военная граница, а не русская; но петербургские немцы не понимают разницы между русским и прусским — одних господ ... а в Австрии венгерцы шалили в 49-м, так *наши* господа посылали их унимать...

И вот почему у нас нет ни малейшего доверия к такту, к пониманию нравственных калек, пасущих Россию; а в их готовность наказывать, пытать, ссылать мы безусловно верим — они всю жизнь делали одно и то же.

Прения по крестьянскому вопросу, в которых Александр боролся с целой стаей жадных крепостников и кончил тем, что их побил, подняли снова его акции. И нам иной раз хочется ему сказать: «Будьте откровенно *русским* на один месяц, и вы будете знать, как следует поступить с Польшей и как довершить начатое вами; вам это легко, дайте волю себе. В душе вы русский — оттого вам стало жаль мужика и дворового, оттого вы хлопотали, чтоб у крестьянина осталось землицы. Старики из немцев и татар никогда не жалеют русский народ. Вы видели, как они шипели против вас в Совете, вы видели, как ваши собственные министры изменили вам. Вам мешают ложный стыд,

предрассудки, воспитание, мы все это знаем ... одно усилие ... вы освобождаете крестьян от старых помещиков — освободите от них и себя!»

Свободная Польша исторгнет Россию из немецких объятий. Расставшись с нею, Русь пойдет мирно и вольно к своему будущему, пойдет не дипломатическими закоулками, не международными грабежами, не канцелярскими уловками Остерманов и Нессельродов — а открытой столбовой гатью развития и свободы!





ПЛУГ УСТУПАЕТ ЭКСЕЛЬБАНТУ

Говорят, что для приведения в исполнение освобождения крестьян назначатся на пять губерний по одному генерал-адъютанту и на каждую по флигель-адъютанту. Огромный успех в делах, порученных Толстому, Эльстону-Сумарокову, Бобринскому *, увлек государя. Как же они будут сечь мужиков, эти *эманципационс-адъютанты!* Как запутают дела!



МАДАМЕ ШПЕЕР И 15 РОЗОГ

Жена гродненского губернатора Шпеера недавно, в поездку свою из Гродно в Вильно, приказала на первой станции дать ямщику 15 розог за то, что он плохо вез начальницу губернии. Это очень любезно с ее стороны — она могла ему влепить 51 розгу. В женском сердце всегда найдется что-нибудь мягкое.



15 МАРТА. ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ

Главные основания Редакционной комиссии приняты. Переходное время будет продолжаться *два года* (а не девять и не

шесть). *Надел остается весь*, с правом выкупа. Манифест выйдет 12/24 марта. Государь до конца отстаивал крестьян, с величайшею твердостью, против расвирепевших крепостников. Со стороны освобождения были: *КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ, ВЛУДОВ, ЛАНСКИЙ, БАХТИН И ЧЕВКИН.*

Если получим какие-нибудь подробности, то 95 лист «Колокола» выйдет через неделю.



МАНИФЕСТ!

Первый шаг сделан! * Говорят, что он труднее прочих: будем ждать *второго* — с упованием, хотели бы ждать его с полной уверенностью; но все делается так шатко, так половинно и тяжело!

Освобождение крестьян только *началось* с провозглашения манифеста. Не отдых, не торжество ждет государя — а упорный труд; не отдых, не воля ждет народ — а новый, страшный искуc.

Скорее — скорее *второй шаг!*

Александр II сделал много, очень много; его имя теперь уже стоит выше всех его предшественников. Он боролся во имя человеческих прав, во имя сострадания; против хищной толпы законных негодяев — и сломил их! Этого ему ни народ русский, ни всемирная история не забудут. Из дали нашей ссылки мы приветствуем его именем, редко встречавшимся с самодержавием не возбуждая горькой улыбки, — мы приветствуем его именем *освободителя!*

Но горе, если он остановится, если усталая рука его опустится. Зверь не убит, он только ошеломлен! Теперь, пока столбчатая гидра, которой каждая голова или Муравьев или Гагарин, не совсем опомнилась, надобно покончить ее и освободить, вместе с русским крестьянином, новую русскую государственную мысль — и от немецких колодок, и от русских татар, тучных нашей кровью, нашими слезами, нашим изнурением.

Слово *освобождения* сказано! Государь признался. Это дело великое, но не все — слово должно стать делом, освобождение — **быть истиной!**

Выбор в. к. Константина Николаевича, кажется, удачен *. Он необыкновенно вырос, явившись опорой своего брата в деле освобождения, и когда Александр его обнял в первом заседании, его обняла вся Россия.

Какая огромная полоса славы перед обоими. Вы оба, как говорят русские, родились в сорочке.

Борьба ваша, Константин Николаевич, легка: с вашей стороны не только справедливость, но все думающее и все страдающее, меньшинство образованных людей и большинство массы. А против вас кто? Горсть пустых стариков, алчных невежд, мощенных звездами и переплетенных лентами; ведь они только сильны вами; у них опоры нет, кроме дворовых людей, которых рабство они зажилили еще на два года. Их бояться нечего. Затем остается дикий, лесной помещик, еще менее опасный, — на таких ли медведей ходит вап брат. Лесной, степной помещик был своеволен и неукротим под материнским крылом полиции, он буйствовал на основании царских льгот; отнимите от него руку, и вы увидите, как он присмирет...

Но вряд ли можно успеть во многом одним канцелярским порядком, одной бюрократией. Окружите себя свежими, живыми людьми, не рутинистами, не доктринерами, а людьми понимающими, любящими Россию, и, главное, не бойтесь гласности, как бы она ни была резка!

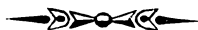
Вспомните один пример.


Вольнее нашего никогда не раздавалась русская речь. Что же говорила она, что распространяла, что поставила на своем знамени?

Несколько дней после 3 марта (19 февраля) 1855 года мы писали, что Россия ждет от нового государя: *освобождения крестьян с землею, уничтожения телесных наказаний и гласности в суде и печати* *.

Прошло шесть лет, и несколько дней спустя после 3 марта (19 февраля) 1861 всенародно возвещено уничтожение крепостного права. Вы сами стараетесь вывести во флоте телесные наказания.

Черед за гласностью!





ПАНИХИДА В ПЕТЕРБУРГЕ

В Петербурге служили торжественную панихиду — в память жертв, павших в Варшаве. И полиция допустила, не воспрепятствовала? И это было в Петербурге?

Наконец-то наступает время, в которое русский может, не краснея больше за старые грехи ее, гордо признаваться, кто его мать.

Эдак, господа, ведь *Галилеянин*-то, пожалуй, и в самом деле победит!



Т. ШЕВЧЕНКО

26 февраля (10 марта) угас в Петербурге малороссийский певец *Т. Шевченко*. Жаль, что бедный страдалец закрыл глаза так близко к обетованному освобождению. Кому было больше по праву петь этот день, как не ему? Но хорошо и то, что утренняя заря этого дня занялась при его жизни и осветила последние дни его.



ИСПРАВИТЕЛЬНЫЕ ПИСЬМА!

Мы получаем довольно часто письма, назначаемые нам в исправление и поучение, в наказание и выговор. Письма эти, не ограничиваясь келейной и скромной пользой, приносимой ими нам, изъявляют, по большей части, сильное желание (вероятно, для вящего наказания нашего) быть «отпечатанными на страницах „Колокола“». До сих пор, за исключением одного «обвинительного акта»*, мы не печатали эти ортопедические послания и исправлялись ими, насколько сил было, не всенародно — а *privatim*.

Но исправители — как все люди, имеющие высшую нравственную цель, — не унывают и хотят непременно сделать из «Колокола» сток консерваторской, доктринерской и бюрократической мыльной воды. Зачем? Их *безопасные* мнения могут печататься везде. Русских букв развелось много в Европе... да и ходить так далеко не стоит: при III отделении есть своя типография, при московском обер-полицмейстере тоже... от добра добра не ищут!

Чтоб ознакомить наших читателей с исправительными письмами и вместе с тем доказать нашим неумытным судьям, что мы не хотим скрывать рубцов, нами заслуженных, — мы просим их прочесть три письма, которые помещаем почти целиком¹.

¹ Иногда, впрочем, совершенно достаточно указать на содержание писем. Например, один почтенный соотечественник наградил меня толстой эпистолой, в которой сильно упрекает меня в том, что во всех сочинениях и статьях я стою со стороны поляков, а что они всегда не любили русских и даже оклеветали в Европе такого монарха, как *Николая Павловича!* Заключение этого письма совершенно неожиданное: автор, сказав это, соглашается, что в школе правоведения дурно учат!¹

Для начала возьмем самое дальнее ... и самое взволнованное, несмотря на то что оно пришло с берегов Тихого океана. Выписываем, не изменяя ничего и, следовательно, не отвечая за сильную качку слов.

М. г.

До вас и вместе с вами, многие резко осуждают телесные наказания и правительство в лице вел. князя, согласно с этим. В настоящее время, во флоте наказывают в 100 раз менее, чем 7 лет тому назад, стало быть начало положено много ранее вашего листка, но зато теперь и дисциплины *во столько же раз менее*; теперь известно, множество судов, где команда не послушает своих капитанов, в важных случаях, а офицеров — и при каждом ничтожном, так что, в настоящее время, положение наше становится особенно неприятным. Флагманы и капитаны, потворствуя и не взыскивая с команд, обращают все на офицеров; мы же, не имея определенной власти, за почти существующим отменением телесных наказаний, должны ограничиваться выговорами людям, на которых эти внушения не имеют, да и не могут иметь, никакого влияния по необразованности их и грубости нравов; они знают только одно, что их прежде секли и засекали, а теперь этого нет — не смеют и не станут, и из всего этого, они видят, что теперь, хорошо повиноваться и быть исполнительным, или дурно и быть ленивым — одно и то же и потому, что большая часть конечно придерживается последнему, так как наказываются только преступления и дисциплины не существует во флоте. Отменой наказания мы конечно обязаны вел. кн. и его благородному взгляду на этот предмет; но только вот в чем вся беда теперь, что почти отменивши прежнее скверное, не думают заменить его чем-нибудь лучшим, так что в настоящее время нет никакого, что конечно невозможно. Какие-нибудь наказания должны быть и, у нас, даже несколько более чем у иностранцев и, при подобном-то положении дела, когда у нас взыскивают менее чем где-нибудь, ваши замечания крайне досадны, когда нам и без того неприятно от фальшивого положения правительства, которое, видя недостатки закона, не исправляет их, и чрезвычайно тяжело от этого неустройства, — а тут еще ваши скверные выражения, которые пойдут странствовать по России; я не знаю, чем вы выкупаете подобные вещи, черня людей в том, о чем не имеете понятия и передаете это всем тем, которые так же как и вы знакомы со флотом. Поверьте, что каждый из нас, филантроп или нет, все равно желает отмены розог; настоящее положение для нас гораздо труднее чем для вас, — для обоих нас одинаковое моральное страдание, да притом, для нас еще в десять раз труднейшее отправление наших обязанностей, ибо начальники приказывают нам, а наши подчиненные хорошо если исполнят их. Ваши замечания собственно оскорбить не могут потому, что нас целое общество, мнением которого не может не дорожить никто из нас; условия нашего общества — исключительные, мы знаем друг друга, склонности

и понятия каждого с детства: келейности быть не может и потому, ваши несправедливые и скверные выражения не имеют цены и значения. Есть суда, на которых в двух и трехгодичных плаваниях, было высечено едва ли пять человек, так что телесные наказания только потому еще не совсем оставлены, что закон их не отменил. Но как это ни приятно, но приходится сожалеть о том, что у нас теперь нет дисциплины в командах и на судах, этого *фундамента нашей жизни*, службы и успехов на море. Деспотизм и произвол одного лица вреден не только целым государствам, но и всякому обществу; *но на судне — другое дело...* и проч.

Но если линьки и розги нашли такого фанатического друга *, то московский обер-полицмейстер Потапов нашел двух.

В розгах мы не оправдываемся, «может, на *судне* другое дело», как выражается наш моряк, но на всяком другом месте розги кажутся отвратительными, секущие офицеры палачами, и мы тут смело берем Константина Николаевича под защиту от линька (хотя и обернутого ватой), которым его стегнул друг флота, друг *судна*, но еще больше друг розог.

В Потапове, совсем напротив, мы вовсе не виноваты, ей-богу, не виноваты, мы его раз помянули по поводу дурацких масок, выдуманных Игнатьевым ^{1*}, — он не отвечает за своих начальников. Петербургское генерал-губернаторство, как английская корона при Георгах, переходит от идиота к сумасшедшему и от сумасшедшего к идиоту. Но в Потапове-то мы все-таки не виноваты.

Предполагая все на свете, защитника Гутцейта, насильно любящего, и помещицы, поджаривавшей, тоже без любовного согласия, свою горничную *, — мы никак не ожидали, что статья наша о «клоповниках» вызовет нам строгий выговор, два строгих выговора; нас упрекают, что мы, отдавая полную справедливость клопам, не хотим ее отдать Потапову.

Помилуйте, господа, да мы Потапова не знаем, готовы верить, что он будет хороший обер-полицмейстер, особенно при Тучкове, а свойство клопов знаем очень хорошо. Что за странный оборот — выставять добродетели Потапова тем, что мы дурно говорим о клопах.

Да Потапов добродетельный обер-полицмейстер — мы не спорим, — мало что есть в Москве, там еще есть Степан Петро-

* А пронос — мы даже имели письмо в защиту этих масок.

вич Шевырев, тоже очень хороший человек. Там есть Мария Бредая, не совсем хорошая женщина, но уважаемая Сечинским *, там есть соборный протоиерей с басом и колокол без языка. Вот первое письмо:

М. г. В последнем № «Колокола» прочел я заметку под заглавием «Клоповники».

Вы говорите о бесчувственных клопах и сравниваете их с русскими чиновниками и полицейскими, в которых, правда, никто и не подозревает избытка благородных чувств. Русские чиновники и полицейские не только бесчувственны, но часто жестоки и несправедливы. Я это признаю, но никогда не думал я, чтобы вы были способны обращать внимание на одно дурное, не замечая хорошего, чтобы вы решились звонить в «Колокол», знакомить ваших соотечественников со всем дурным, не говоря ни слова о улучшениях в России¹. Вы раздражены, но к счастью не все русские слепо верят вам, а сравнивают статьи ваши с действительностью на самом месте. Статья ваша «Клоповники» была, без сомнения, написана с хорошей целью, вы хотели обратить не столько внимание русских вообще, сколько внимание г. Потапова как человека со влиянием в Москве и известного властью,— человека, который может помочь горю и прекратить мучения колодников. Итак, статья эта относится к Потапову больше нежели к кому-нибудь другому. Хотя всякий русский вполне признает дурное, бесчеловечное устройство наших тюрем, но не всякий может улучшить положение заключенных.

Согласитесь, что Потапову не совсем приятно читать свое имя в «Колоколе», читать совет, читать насмешку и не найти ни слова одобрения, благодарности за сделанные им улучшения (в Москве) во вверенном ему ведомстве. Вы не подумали напечатать несколько слов благодарности вместе с советом улучшения содержания колодников. Потапов человек, а известно, что всякий человек более или менее самолюбив, и потому московскому обер-полицмейстеру приятнее было бы прочесть одобрение в «Колоколе», и я уверен, что он обратил бы двойное внимание на совет ваш; к тому же, читая похвалу в вашем лондонском издании, которое конечно имеет большой авторитет в России, он бы читал и видел одобрение со стороны всех или большей части русских и удвоил бы старания к уничтожению зол, закорененных не только в тюрьмах, но и во многом, многом другом. Он бы обратил внимание на многие злоупотребления, от которых терпит все общество и которые, может, остались до сих пор им не замеченными.

Потапов заслуживает благодарность за учрежденный им словесный суд (в полиции) в Москве, за увеличение жалованья полицейским чи-

¹ Хорошо читал «Колокол» и, главное, хорошо понял.

новникам и за улучшение дорог, пользу которого также нельзя отвергнуть, например, живо занявшись улучшением дорог в Москве, он дал работу праздному московскому гарнизону и платил каждому из солдат по 40 к. с. в день, это, без сомнения, лучше, чем ничего, или почти ничего, которое бедные солдаты получают от правительства.

В конце письма позвольте мне заметить о вашем слоге, который делается тяжелым, непонятным иногда; чем бы вам писать для всех русских, вы пишете для немногих, может быть, избранных, потому что, право, только меньшинство ваших читателей будет сидеть полчаса за какой-нибудь фразой и искать значения, смысла ваших часто непонятных мыслей и нерусских слов.

Вы обяжете меня, поместив письмо это в «Колокол» с Вашим *ответом*.

От издателей. Моего ответа не было *приложено*, писать же к этому господину я вовсе не намерен, равно и к его товарищу:

«Вы привыкли видеть все вещи из вашего прекрасного далека»,— писал Белинский Гоголю,— позвольте, милостивый государь, повторить то же самое вам.

«Колокол» не может иметь большого успеха у нас, уже потому, что *вы не верите в будущность России!* Вы не радуетесь новым улучшениям, не может быть, чтобы вы не слышали об них, а если слышали, то на вас падает большое обвинение, а именно препятствование гласности, за которую вы так стоите!

Между тем как в Москве через содействие Потапова открывается словесный суд, прибавляют жалованье полицейским, «Колокол» молчит, если вы *истинно русский*, вы бы порадовались вместе с нами и были бы первым готовы сказать хоть словечко обо всем этом.

Вы смотрите на правительство глазами рассерженного человека, потому что во время вашего пребывания в России оно поступило с вами так несправедливо, но вспомните, что время царствования незабвенного уже прошло и забыто.

Кстати, статья ваша на смерть Аксакова, где вы говорите, что будто бы Москва спит, это несправедливо, впрочем, вы так долго не были в Москве, что не можете судить об ее теперешнем развитии!

Притом если вы пишете для русских, так к чему же искажать наш язык и писать каким-то варварским немецко-русским наречием.

Вот что мне пишут из Москвы: «Здесь и в Петербурге устроили теперь словесный суд, куда может каждый поденщик ходить жаловаться на своих подрядчиков. В этот суд может ходить каждый, и если он что-нибудь знает про обсуживаемое дело, он может выступать свидетелем. В полиции тоже устроили такой суд, да дай только бог, чтоб наш добрый государь продолжал, как он начал, а тогда уже скоро Россия вступит в новый период».

Скажу еще раз, что до тех пор, пока «Колокол» будет издаваться с единственной целью ругать государя и правительство, он не будет иметь успеха в России, его читают теперь только потому, что он запрещен! *

Если вы не найдете излишним, прошу напечатать это письмо в «Колоколе» с вашим ответом, и пр.

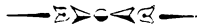
На первый раз достаточно.





ДЕНЬ СТРАХА

Чего боялся государь 5 марта и 6? Зачем Адлерберги, Огарев ... ночевали во дворце? Зачем казачий полк стоял наготове? Зачем не торжествовали великое событие освобождения, а украли у народа его праздник? Зачем так скомкали объявление? Кто же сообщает радость, как горькую пилюлю? Чего боялись? Народа. Да где же здравый смысл? Как же народ взбунтуется, когда его освобождают? Мы знаем, что здравого смысла искать нельзя у этих Игнатьевых и Долгоруких *, да Александру Николаевичу как не стыдно. Не народа ему надобно бояться, не литературы, не аудиторий, ему надобно бояться татарву плантаторов, его окружающих, они пройдут и между казаками и за кавалергарды. Александр Николаевич может богу свечку поставить, если он проживет два года с своей обстановкой. Отчего его доктор не пропишет ему для здоровья удаление *всех крепостников*, имеющих вход во дворец, начиная с Муравьева Вешателя и Долгорукова-слушателя.



РОЗГИ И ПЛЕТИ, УПОТРЕБЛЯЕМЫЕ МЕЖДУНАРОДНО

Иностранные газеты, передавая русские новости, часто вводят нас в ошибки. Так «Теймс» рассказал совсем неверно замятинский закон о наказании государственных преступников

против других государств (см. «Кол.» 93); на деле *он* гораздо гнуснее — вот что напечатано в «СПб. ведомостях»:

Государственный совет, мнением своим, высоч. утвер. 16 июня 1858 года, положил: предположенное главноуправляющим II отд. собственной е. и. в. канцелярии дополнение подлежащих статей Уложения о наказаниях, имеющее служить основанием для заключения условий с австрийским правительством о взаимности наказаний по государственному преступлению, утвердить и, вследствие того, постановить: Если одно из преступлений, означенных в ст. 263, 264, 265, 271, 272 и 275 Улож. о наказаниях, будет учинено против иностранного государства, с которым, на основании трактатов или обнародованных о том узаконений, постановлена надлежащая в сем отношении обоюдная взаимность, или же против верховной того государства власти, виновные, буде к сему не присоединяется и преступление, подлежащее другому, более тяжкому наказанию, приговариваются: к лишению всех особенных прав и преимуществ, как лично, так и по состоянию осужденного ему присвоенных, и к ссылке на житье в губернии Томскую и Тобольскую, или же, если они не изъяты от наказаний телесных, к наказанию розгам в мере, определенной ст. 35 сего Уложения для четвертой или пятой степени наказаний сего рода, и к отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на время от двух до четырех лет или от одного года до двух лет. Когда ж сие преступление учинено с увеличивающими вину обстоятельствами, то к лишению всех прав состояния и к ссылке в Сибирь на поселение, в места не самые отдаленные, а буде они не изъяты от наказаний телесных, и к наказанию плетью через палачей в мере, определенной ст. 22 сего Уложения для второй степени наказаний сего рода.



ОРЛЫ, ЛЬВЫ И ГЕНЕРАЛ-БАС ЖАНДАРМСКОГО КОРПУСА

На Алексей Федоровичей пошла повальная болезнь. Вслед за размягчением мозга у Алексея Федор. Орлова отмяк мозг у Алексея Федор. Львова. Этот воссочинитель *с немецкого* русского гимна * окончательно бредит. Он объявил и вывесил публично приказ придворной капелле, что каждый певчий, который станет посещать вновь образовавшееся музыкальное общество, будет *исключен* из капеллы! *— А туда ж, при болезненном

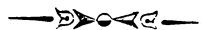
состоянии мозга, есть свои хитрости (факт, часто замеченный докторами в сумасшедших домах), сочинения Бортнянского не велел перепечатывать, чтоб спустить свою музыку *по ключу* III отделения*. Знаете, как эдак генерал пришлет из III отд. фугу: «Не хотите ли, мол, для собственной вашей пользы и образования?» У человека жена, дети, он и просит: «Дайте лучше две фуги, три фуги» (для каждого отделения по фуге)...

Вот Якоби, академик-патриот, предлагавший (см. «Кол.», л. 91) министру финансов, основываясь на том, что Княжевич пятьдесят лет (в чем сам публично сознался) с Гречем хлеб-соль водит, какие-то меры против книги Долгорукова*, — занялся бы изобретением *мозгометра**, чтоб узнавать градус размягчения мозга, как узнают градус разжижения спирта. Тимашев ходил бы, постукивал бы, да послушивал бы, да графское достоинство заслуживал бы!



< МУХАНОВ С ВИСЛЫ УЕХАЛ >

Муханов с Вислы уехал! Счастливого пути! Итак, надобно было восстание, стрельбу на улицах, телеграфические депеши с комментариями Карницкого* и собственные его картушевские циркуляры, чтоб убедить правительство, что Муханов был вредный и злонамеренный чиновник. Точно будто у царей до того уши заложило, что они до ружейного выстрела ничего не могут слышать.



ET TOI, BRUTE? *

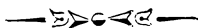
Чиновник Тымаев просил министра просвещения об уничтожении в школах слова «вы». Каков римлянин? Брут да и только.

Ежели ему непременно надобно было просить вздора, он лучше бы просил, чтоб министр (министр все может) переименовал его фамилию на *Вымаев*, да и говорил бы детям «вы».



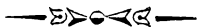
ИЗДАТЕЛЯМ ЖУРНАЛОВ В РОССИИ

Кто вас обманывает? или кто обманывает ваших читателей? Во всяком случае не мешало бы издателям «Современника», «Отечественных записок», «Библиотеки для чтения», «Русского вестника» и пр. заняться безобразным получением их журналов за границей. 25/13 марта *нет еще ни одной книжки за 1861 в Лондоне!* Вывоз, что ли, их запрещен по тарифу, или Европа запретила ввоз?



ОСВОБОЖДЕНИЕ КРЕСТЬЯН

Вольная русская типография в Лондоне и издатели «Колокола» празднуют вечером 10-го апреля начало освобождения крестьян в Orsett-house, Westbourne-terrace. *Каждый русский*, какой бы партии он ни был, сочувствующий великому делу, — будет принят братски.



10 АПРЕЛЯ 1861 И УБИЙСТВА В ВАРШАВЕ

Праздник наш был мрачен. Я не знаю дня, в который бы разорванность давила беспощаднее и тяжелее, где бы плоски были так близки к слезам... Нет, русский не должен забываться, не пришло еще время нам торжествовать светло и беззаботно, не пришло время прямо и гордо подымать взгляд,— нет, еще не от избытка радости, а с горя и заглушая боль и стыд будем мы пить наше вино!

Мы как будто помолодели вестью освобождения крестьян. Все было забыто; с упованием на новую поступь России, с бющимся сердцем ждали мы наш праздник. На нем *в первый раз от роду* при друзьях русских и польских, при изгнанниках всех стран, при людях, как Маццини и Луи Блан, при звуках «Марсельезы» мы хотели поднять наш стакан и предложить неслыханный при такой обстановке тост за *Александра II, освободителя крестьян!* Мы очень хорошо знали ответственность, которую на нас обрушивал этот тост, мы подвергались тупому порицанию всех ограниченностей, желчной клевете всех мелких завистей. Нам до этого дела не было; поступок наш казался нам чистым и справедливым. Мы знали и другое: мы знали, что этот тост, произнесенный *нами* и *у нас*, отозвался бы иным образом в сердце государя, чем подценсурная риторика допускаемых похвал и отдаваемых в казенные проценты восторгов.

Но рука наша опустилась; через новую кровь, пролитую в Варшаве, наш тост не мог идти. Преступление было слишком свежо, раны не закрылись, мертвые не остыли, имя царя замерло на губах наших. Выпивши *за освобожденного русского крестьянина*, без речей, без шума, с тем печальным благоговением, с которым люди берут иную чашу, иного воспоминания,

в котором также смешаны искупление и казнь, мы предложили один тост:

ЗА ПОЛНУЮ, БЕЗУСЛОВНУЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ ПОЛЬШИ,
ЗА ЕЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ РОССИИ И ОТ ГЕРМАНИИ
И ЗА БРАТСКОЕ СОЕДИНЕНИЕ РУССКИХ С ПОЛЯКАМИ!

На разрыве — только на разрыве Польши с Россией — мы пойдем друг друга! Офицер, переломивший шпагу, начал новое братство *... если он погиб, как говорят журналы, если его в самом деле расстреляли, мы ему с поляками воздвигнем пограничный памятник; его именем начнется новая эра!

А вы, Александр Николаевич, зачем же вы отняли у нас праздник, зачем вы отравили его? Разве у нас их так много, разве с нашего рождения мы что-нибудь праздновали, кроме похорон?

Ведь и тогда, когда Россия, семь лет тому назад, торжествовала ваше восшествие, — она собственно торжествовала смерть *.

Зачем же вы отняли у нас наш праздник? Зачем вы грубо захлопнули наше сердце, лишь только оно стало открываться чувствам примирения и радости?.. Снова сжатое, оно болезненно подсказывает горькие слова.

Sire, pas de rêveries! pas de rêveries! * *Вы Польшу потеряли.* Вы могли стать во главе славянского движения, вы могли восстановить Польшу без капли крови — вы предпочли австрийские драгоны *. Pas de rêveries, sire! Вы Польшу потеряли, т. е. *живую*, — зарезанная, она, может, и останется трофеем победоносному войску вашего величества.

...Хоть бы вы положили какой-нибудь срок между освобождением крепостных и убийством безоружных, чтоб мы, обратным хозяйством Гамлетовой матери *, не ели праздничных пирогов у открытого рва, куда прячет ваша полиция убитых. Видно, где есть в основе неправда, там ее трудно спрятать, и надобно ждать каждую минуту беды.

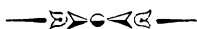
Лучше кончим наш праздничный рассказ. Только слова два тем из поляков, которые, из чувства глубокого сострадания к нам, не отказались присутствовать на пиру.

Вам, друзья, бесконечная благодарность. Мы видели ваши лица и ваши слезы. Вы видели наши лица и наши слезы.

Печальным пиром нашим мы заключили, не говоря ни слова, новый союз. Вы в вашем сетовании не отказались выпить за освобождение русского крестьянина. Наша радость побледнела перед вестью о варшавских убийствах — и что-то свято-торжественное, печальное и полное глубокого смысла обняло всех!

Пойдемте же вместе! И пусть нас сопровождает брань диких и узких националистов обеих стран, делающих из своего ревнивого, алчного и тупого патриотизма какое-то нечеловеческое, исполненное эгоизма и ненависти преступление!

11 апреля 1861.



ЛИСТ ШПИОНОВ И «НОРДОВСКОЕ» ОБВИНЕНИЕ РУССКИХ ОФИЦЕРОВ В КРОВОЖАДНОСТИ

Со времени последнего тимашевского путешествия * по странам, не подлежащим ведению III отделения, бродит в совести невских шпионов и мешает им спать какой-то *лист имен*, напечатанный нами. Лист этот сится им, как кровавый кинжал Макбету, и заставляет их делать всякие глупости. «Кёльнская газета» написала об этом целый роман, как Тимашев подсылал к нам шпиона, как у нас был его портрет, — очень занимательно *. Но, что лучше кёльнской сказки, — это то, что в Петербурге шпионы, в силу этого несуществующего листа, стали доносить на себя, спрашивая в порыве благородного негодования друг друга: «Правда ли, что и *мое* имя в этом гнусном листе?.. После этого надобно признаться, ничего нет святого, это из рук воп, при покойном государе этого не могло быть, да и как Бруннов допускает такой содом?»

Нужно ли прибавлять, что посольство наше, не мешающееся вообще ни в какие дела, касающиеся до русских, и Бруннов, несколько враждебный этому народу, может, по германскому происхождению, вовсе не виноваты, потому что листа этого никогда не было. И мы искренно сожалеем об этом.

Тем не меньше *мифический* лист делает свою карьеру. В 77 № «Ежедневной варшавской газеты» напечатано: «Несколько дней тому назад разошлась весть в Варшаве о списке *злонамеренных* лиц, напечатанном в *русском журнале*, издаваемом в Лондоне. Лица *сведущие* свидетельствуют, что список этот никогда не был напечатан. Весть эту пустил в ход, вероятно, какой-нибудь человек, заслуживающий стоять во главе списка, желая возбудить неблагородные страсти — гнева и мести».

Может, «Варшавская газета» и права, может, теперь не

надобно ничем дразнить дремлющую николаевскую стихию в правительстве, но мы вовсе не разделяем ее снисходительность к лазутчикам, шпионам и их атаманам, и, если б, вместо стекол, поколотили бы Мухановых и Абрамовичей, это было бы очень хорошо.

Но соглашаясь с лихорадочной гигиеной «Варшавской газеты», мы с тем большим негодованием обличаем преступные клеветы *бельгийского* журнала «Le Nord» * на поляков и на русских офицеров.

В то время, как удивленная Европа едва начинает верить, что русские офицеры перестали быть свирепыми усмирителями и палачами, в то время, когда не только «Indépendance», но «Times», «Daily News», «Star» наперерыв печатают статьи, доказывающие, какой огромный шаг вперед сделало гражданское понимание наших офицеров, в то время, когда сами поляки (письма перед нашими глазами) начинают убеждаться в том и протягивают руки русским,— корреспондент «Норда» ¹ раздувает с обеих сторон злейшие чувства ненависти, то рассказывая о подметных письмах, в которых грозят русским перебить, то говоря о каких-то *вперед назначенных* днях *резни*.

Принимая глубокое участие в стеклах мухановского вагона и Абрамовичева дома, корреспондент «Норда» прибавляет в своем сестринском попечении о каком-то Энохе и каком-то Розенгельде, qui n'appartenait pas à la police politique, mais à la police de sûreté ² (мы знаем кое-что о *sécurité publique* вообще и даже о *sicurezza pubblica* * в Турине), следующее: «В тот же вечер был оскорблен русский офицер (*кто он? его имя?*) тремя молодыми людьми, убежавшими от него прежде, нежели он успел отомстить за обиду *эполет и чести*. Эти и подобные обстоятельства, само собою разумеется, волнуют все население и бесполезно раздражают офицеров, которые уже *негодуют на страдательную роль*, внушаемую им духом благо-разумной умеренности».

Этого мы не можем и не должны вынести. Мы обращаемся

¹ «Кёльнская газета» пишет, что это некий офицер Gignet, служивший по части иностранной цензуры.

² который служит не в политической, а в тайной полиции (франц.).—
Ред.

к вам, офицеры, находящиеся в Варшаве, к вам, офицеры путешествующие, неужели вы позволите, чтоб на вас клеветали звериную свирепость, в то время как, за исключением какого-нибудь Заблочного, вы показали столько благородства и гуманности?

Тут оскорбляются не «эполеты», не шпоры, а человеческое достоинство ваше, вам надобно протестовать против таких ужасных намеков! ¹

(Это писано прежде новой бойни в Варшаве).

¹ Напечатан в 92 № плачевный рассказ о нашествии на дом Розенгельда, на испуг его нежной жены, в 93 № он говорит:

«Теперь несколько слов относительно бывшей будто бы манифестации, направленной против еврея Розенгельда, об котором я, кажется, говорил вам в одном из моих писем. Я был тут вовлечен в заблуждение. Никакой манифестации не было, и жена этого очень не почтенного господина нисколько не была обижена. Меня уверяют, что про него было сказано главным обывателям, что он старается возбудить еврейское население. Следовательно, он был чем-то вроде агента-возмутителя, но только от собственного своего лица, и, конечно, не стоит того, чтоб им заниматься».





НОВЫЕ МЕХА ДЛЯ НОВОГО ВИНА

Носятся слухи о перемене некоторых министров и о замещении их людьми свежими. Это так естественно после манифеста, так необходимо, что мы верим. Нельзя же оставить *оппозиционных* министров вроде Муравьева, *оппозиционных* жандармов вроде Долгорукова,— по правде сказать, III отделения вообще нельзя оставить. Пора, пора идти открытой дорогой; гласностью заменить тайную полицию, а Тимашева и заменять не нужно.



«КОЛОКОЛ», КОВАЛЕВСКИЙ, КОСТОМАРОВ, КОПИЯ, КАННИБАЛЫ

В Лондоне запрещают на стенах вывешивать неприличные афиши; в петербургском университете такая вольница, что какой-то шалун *Плетнев* вывесил следующее объявление:

По приказанию г. министра народного просвещения, г. попечитель С.-Петербургского учебного округа, предложением на мое имя, данным 11 февраля 1861 года, за № 782, предписал сделать по университету следующее за сим объявление.

Ректор университета П л е т н е в

(К о п и я)

Всякому образованному человеку известно, что законные просьбы должны быть обращаемы к начальству установленным путем. На этом основании студентам С.-Петербургского университета, как неоднократно было им подтверждено, следует о каждом желании своем объявлять начальству чрез избранных своих товарищей.

Между тем происшествие на акте университета, 8 февраля *, к крайнему сожалению, показало, что студенты не последовали этому единственно законному пути для разъяснения своего недоумения.

Это грустное происшествие, унижающее достоинство университета, хотя совершенно меньшинством студентов, но тем не менее паносит бесславию всему обществу студентов.

Люди, считающие себя по преимуществу образованными, показали явный пример неуважения закона и грубого неприличия.

Для предупреждения подобных происшествий на будущее время, в дополнение к объявлению 18 декабря 1858 года, запрещающему всякие демонстрации под опасением исключения виновных из университета, несмотря на то, какое бы ни было их число, по распоряжению высшего начальства сим объявляется:

1) Если будут произведены подобные вышеозначенному беспорядки студентами в массе, на лекции, то немедленно будут удалены из университета студенты того факультета и курса, которые по расписанию обязаны были слушать эту лекцию, за исключением лишь тех, кои предста-

вят положительное доказательство, что они в то время в университете не находились.

2) Если же подобный беспорядок будет произведен массою студентов на акте или в другом публичном университетском собрании, то подвергнутся удалению из университета все *вообще* студенты, которые не представят означенного в пункте 1-м положительного удостоверения, что их во время происшествия на акте не было.

С подлинным верно: секретарь совета А. Савинский.

Начальство велело снять через несколько дней это объявление, которому мы только и верим по скрепе секретаря Савинского.

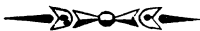
Если бы все это можно было принять не за *espèglerie*¹ Плетнева и Ковалевского, то, основываясь на просвещенном распоряжении такового ж министерства, следовало бы, если вся Россия сделает какую-нибудь демонстрацию, *удалить* всю Россию — за исключением тех русских, которые представят положительные доказательства, что они живут за границей.

Вся эта кутерьма вышла из того, что Костомаров хотел прочесть речь о трудах покойного К. Аксакова; но отцы просвещения вместе с отцами III отделения нашли невозможным, чтоб в университете профессор публично похвалил человека, о котором «Колокол» *хорошо отозвался**. Отсюда запрещение речи, отсюда неудовольствие студентов, отсюда угроза удаления нескольких сот слушателей, ходящих в университет, и предложение остаться в университете тем, которые докажут, что они не ходят в него.

Замечательно, что во всем этом проиграл не Ковалевский, не Костомаров, не «Колокол», не Копия, не Каннибалы — а Александр Николаевич. Теперь цензура не пропустит об нем ни одного слова. Мы ему больше справедливости отдали, чем Аксакову, а бранить его и без того не позволяли.

А когда юбилей Плетнева?

¹ шалость (франц.).— *Ред.*





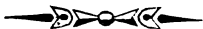
ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЙ


Для нас так ново еще и необычно всякое публичное заявление радости, горя, сочувствия, отвращения, что мы, как дети, не знаем никакой меры и делаем противной самую невинную игру. После высочайшего путешествия по России Александра Дюма * и возведения в действительно тайные великие люди Молинару * — бросились на *пятидесятилетия*. Греч подряжает стариков, Греч читает старикам, Греч жует старыми зубами яствы юбилейные, потом описывает блюда и стариков и свои собственные седые речи *. Появление Греча за столом скоро будет наводить ужас на семью, напоминая, что кому-нибудь за семьдесят лет. Едва мы успели оправиться от сладостных чувств, возбужденных в нас повестью Греча о том, как пятьдесят лет тому назад в заставу Петербурга входил юный казанский студент, бедный деньгами, но богатый *чистой* математикой, как он сделался профессором, несмотря на то что знал свою часть, как он — более художник и поэт — не мог долго довольствоваться *чистой* математикой и пошел в министерство *нечистой* математики, и теперь сам сделался министром и сам празднует юбилей, и все еще — мог бы сказать старый Нестор юбилеев — имеет отвращение от всего *чистого* и в силу того мешал освобождению крестьян *.

Итак, едва мы успели оправиться от повести об юном казанском студенте, пятьдесят лет тому назад входившем в петербургскую заставу, Греч поставил на юбилей свежего старика П. А. Вяземского *. Что же он сделал пятьдесят лет тому назад, тут и петербургской заставы нет? Что значит *начало* литературной деятельности пятьдесят лет тому назад? Но этот вопрос был бы неважен, если б он сделал что-нибудь пут-

ного в продолжение этих пятидесяти лет. Его литературная деятельность, точно так же как служебная, известна всем, кроме трубадура, воспевшего его страшно плохими стихами. Какую мысль или какие мысли бросил этот юбилейный князь молодому поколению, какой труд совершил он в полстолетия? Быть «братом Карамзина, другом Пушкина» и товарищем министра просвещения не дает еще права на такое признание¹. Мы не знаем, каким он был братом и каким другом, но товарищем министра он был плохим. Зачем все это беспокойство — человек не успел пообедать и послушать, как ему поет менестрель, а его, старика, на чай к Елене Павловне*, а тут государь пьет его здоровье. Сам Погодин приезжал из Москвы. Что же можно было бы прибавить для пятидесятилетия Пушкина, разве только убавить прозу Греча и стихи Сологуба?

¹ Нарезчик дичи Муханов — тоже товарищ и тоже из рук вон плохой, ну что же, и он будет праздновать, когда наступит пятидесятилетие тому обеду, на котором он взрезал первого тетерева? *





TO THE EDITOR OF «THE DAILY NEWS»

Sir,— A telegram which appeared in your estimable journal of this morning contains an extract from a letter my venerated friend Garibaldi has, it seems, addressed to me and published in the «Diritto». I have satisfaction in stating that before the knowledge of this letter we understood our position precisely in the same manner as the great Italian; and, in proof, permit me to beg your insertion of a few lines translated from Russian, and published in the last number of the «Kolokol» (№ 96, April 15). It is necessary to explain that on the 10th of April we had designed to celebrate with our fellow-labourers in the Russian printing-office, and our friends, the event of the emancipation of the peasants in Russia, and on the morning of that day arrived by telegraph the account of the massacres at Warsaw. We quote from the article referred to:

Our fête was sombre, sinister: we have known few days more heavy, when the mind has been more painfully oppressed by conflicting sentiments; never before did lampions hang so close to tears. The time is still far distant when a Russian may hold a fête for any event whatever in gaiety of heart, with no sad thought behind, with no anxious care. We had grown young again at the great news of the emancipation of the peasants; we looked forward with hope and anticipated with emotion our proposed meeting, prepared to drink, for the first time in our lives, the health of the emperor Alexander II, liberator of the peasants. We knew perfectly well to what obloquy we should expose ourselves by this act on the part of a narrow-minded political puritanism and mean jealousies. But we also knew that this toast, pronounced by us at our table, would have an echo in the heart of the emperor Alexander, very different from that of an enthusiasm under censure of the gendarmes and warmed by the police. But our hand fell, our toast was choked in the blood at Warsaw. The crime was too recent, the wounds still bled, the corpses had not had time to become stiff.

The name of the czar expired on our lips; without speeches and without noise, with the religious solemnity that fits the approach to another cup, evoking also the memory of a redemption and a martyrdom, we raised the glass to our lips, and having drunk to the people emancipated, we proposed but one toast, «The entire, absolute independence of Poland, her emancipation from Russia and Germany, and fraternal friendship between the Poles and Russians».

It is only after the entire separation of Poland from Russia that the two people will be capable of a mutual understanding. The Russian officer who broke his sword has begun a new era. If he has perished, as the journals announce, we will unite with the Poles to raise upon the frontier a monument to his memory — the monument of a new brotherhood.

And you, sire, why did you destroy our festival? Have we had too many since our birth? What have we had to celebrate but funerals? When, seven years ago, the entire nation rejoiced at your accession to the throne, it was the rejoicing at a death.

At least, why did you not place a little interval between the liberation of the peasants and the massacre of unarmed men? Why force us, reversing the economy of Hamlet's Mother, to eat our festival cakes on the brink of the grave into which your police had thrown the bodies of the martyrs?

Scarcely had our hearts opened to the feeling of reconciliation and joy, when it was rudely closed again, and we are left once more with only gall and bitter words.

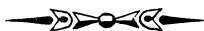
Sire, «No reveries, no reveries»¹. You have lost Poland. You had power to place yourself at the head of the Slavonian movement — to re-establish Poland without shedding a single drop of blood. You have preferred the Austrian dragonades. «No reveries», sire — you have lost Poland; that is the living Poles — the corpse may remain as trophy to the valorous troops of your Majesty».

— I am, etc.,

Alexander Herzen,
Editor of the *Kolokol*.

Orsett-house, Westbourne-terrace, April 16.

¹ Words addressed by the emperor Alexander II to the Polish nobles in 1856.



ИЗДАТЕЛЮ «THE DAILY NEWS»

Сэр, в телеграмме, появившейся этим утром в вашей уважаемой газете, приведена выдержка из письма моего высокочтимого друга Гарибальди, которое, по-видимому, адресовано мне и опубликовано в «Diritto *». Я с удовлетворением отмечаю, что еще до ознакомления с этим письмом мы понимали наше положение совершенно в том же духе, как и великий итальянец; и в доказательство этому позвольте мне просить вас поместить в газете несколько переведенных с русского строк, опубликованных в последнем номере «Колокола» (№ 96, 15 апреля) *. Необходимо пояснить, что 10 апреля мы вместе с нашими сотрудниками из Русской типографии и нашими друзьями намеревались устроить праздник по случаю освобождения крестьян в России, и утром того же дня по телеграфу пришло сообщение о резне в Варшаве. Цитируем из упомянутой статьи:

Праздник наш был мрачен, зловец: мы мало знаем дней тяжелее этого, когда душа была бы мучительнее стеснена противоречивыми чувствами; никогда прежде плошки не были так близки к слезам. Далеко еще до того дня, когда русский сможет отпраздновать какое-нибудь событие с легким сердцем, без всякой задней мысли, без всякой заботы. Мы снова помолодели при великой вести об освобождении крестьян; мы смотрели вперед с упованием и с волнением ожидали нашу предполагаемую встречу, готовились в первый раз в нашей жизни выпить за здоровье императора Александра II, освободителя крестьян. Совершая этот акт, мы отлично знали, какому поношению со стороны узколобого политического пуританизма и мелкой зависти мы подвергаем себя. Но мы знали также, что этот тост, провозглашенный нами за нашим столом, иначе отзовется в сердце императора Александра, чем энтузиазм, состоящий под цензурой жандармов и подогреваемый полицией. Но наша рука упала, наш тост захлебнулся в варшавской крови. Преступление было слишком свежо, раны еще кровоточили, трупы не успели еще окоченеть. Имя царя замерло на наших губах; без речей и без шума, с той религиозной торжественностью, какая подобает при приближении к другой чаше, также вызывающей воспоминание об искуплении и мученичестве, мы подняли стакан к нашим губам, и, выпивши за освобожденный народ, мы предложили лишь один тост: «За полную, безусловную независимость Польши, ее освобождение от России и от Германии, за братскую дружбу русских с поляками».

Только после полного освобождения Польши от России оба народа станут способны к взаимному пониманию. Тот русский офицер, который переломил свою шпагу, начал новую эру. Если он погиб, как объявили журналы, мы объединимся с поляками, чтобы воздвигнуть на границе монумент в его память,— монумент нового братства.

А вы, государь, зачем же вы разрушили наш праздник? Разве мы имели их слишком много со времени нашего рождения? Разве у нас было что праздновать, кроме похорон? Когда семь лет тому назад вся нация ликовала по поводу вашего восшествия на престол, это было ликование перед смертью.

Наконец, зачем вы не положили никакого срока между освобождением крестьян и избиением безоружных людей? Зачем вы вынудили нас, обратным хозяйством Гамлетовой матери, есть наши праздничные пироги на краю могилы, в которую ваша полиция бросила тела мучеников?

Едва наши сердца открылись чувству примирения и радости, как они были грубо захлопнуты опять, и у нас снова ничего нет, кроме желчных и горьких слов.

Государь, «никаких мечтаний, никаких мечтаний»¹. Вы Польшу потеряли. У вас хватило бы сил встать во главе славянского движения — восстановить Польшу, не проливая ни одной капли крови. Вы предпочли австрийские драгонады. «Никаких мечтаний», государь, вы Польшу потеряли, т. е. живую Польшу,— труп может остаться в качестве трофея доблестным войскам вашего величества.

Остаюсь и пр.,

Александр Герцен,
издатель «Колокола».

Orsett-house, Westbourne-terrace, 16 апреля.

¹ Слова, адресованные императором Александром II польской знати в 1856 году.



TO THE EDITOR OF «THE DAILY NEWS»

Sir,— I have the honour of sending you the full text of the letter addressed to me by Garibaldi, and my answer to it. You will oblige me by the insertion of them in your estimable journal.

— I am, etc.,

Alex. Herzen.

Orsett-house, Westbourne-terrace, April 20.



ПЕРЕВОД

ИЗДАТЕЛЮ «THE DAILY NEWS»

Сэр, имею честь послать вам полный текст письма, адресованного мне Гарибальди, и мой ответ на него. Вы обяжете меня, поместив их в вашей уважаемой газете.

Остаюсь и пр.

Алекс. Герцен.

Orsett-house, Westbourne-terrace, 20 апреля.



I was surprised to find the assembly of the Serbs so very to be. Instead of being com- or military officers, or pro- ever quitted their farms or deputies at Carlovitz were al men, doctors of law or udied in German Universities, with the politics and intel- of the great European capitals. how insignificant and power- under its Ban, or the Voivodina even though enjoying some e. They discern a far nobler a, their province, and their ortion, and a very large por- tative assemblies, and conse- nment, of the kingdom of

Carlovitz consists of but 76 lina being alone represented. assembled from all points and eir numbers and excitement assemblage of the race. The present is to make common th the Magyars, so as to con- the two races together. The y greatest importance. Congress of Carlovitz, Austria the support of the Patriarch opening discourse, however, complaint of the attempt of Serbs of Southern Hungary esimal portions, in order to portance by dividing them. ation, he said, from the Car- east confines of Dalmatia, and o be treated. The Deputy the Patriarch by a terrible the arbitrary acts committed last thirteen years, winding Serb proverb, *Svatra sita ya* and injustice are not long- embers were then chosen as up the address to be voted discussed.

remark at Carlovitz was the persons who had come from Danube to attend what they al gathering. The Serbs of urkish provinces feel to the in all that is taking place in formation of even a quasi-in- ich Serbs must have so potent- ercise a paramount influence key. The Serbs of Servia are oment peculiarly irritated The Magyars used to s government with affect- under the influence of sador- at Constantinople it reteracy in compelling Prince nd back the Sardinian arms, erbs are compelled to consider emies. The English Amba- sandered himself as unpopular rvia as he already was in unpopularity is extended to

instituted on the matter

GARIBALDI AND THE WARSAW MASSACRE.

TO THE EDITOR OF THE DAILY NEWS.

SIR,—A telegram which appeared in your estimable journal of this morning contains an extract from a letter my venerated friend Garibaldi has, it seems, addressed to me and published in the *Diritto*. I have satisfaction in stating that before the knowledge of this letter we understood our position precisely in the same manner as the great Italian; and, in proof, permit me to beg your insertion of a few lines translated from Russian, and published in the last number of the *Kolokol* (No. 96, April 15). It is necessary to explain that on the 10th of April we had designed to celebrate with our fellow-labourers in the Russian printing-office, and our friends, the event of the emancipation of the peasants in Russia, and on the morning of that day arrived by telegraph the account of the massacres at Warsaw. We quote from the article referred to—

“Our fête was sombre, sinister: we have known few days more heavy, when the mind has been more painfully oppressed by conflicting sentiments; never before did lampions hang so close to tears. The time is still far distant when a Russian may hold a fête for any event whatever in gaiety of heart, with no sad thought behind, with no anxious care. We had grown young again at the great news of the emancipation of the peasants; we looked forward with hope and anticipated with emotion our proposed meeting, prepared to drink, for the first time in our lives, the health of the Emperor Alexander II., liberator of the peasants. We knew perfectly well to what obloquy we should expose ourselves by this act on the part of a narrow-minded political partanism and mean jealousies. But we also knew that this toast, pronounced by us at our table, would have an echo in the heart of the Emperor Alexander, very different from that of an enthusiasm under censure of the gendarmes and warmed by the police. But our hand fell, our toast was choked in the blood at Warsaw. The crime was too recent, the wounds still bled, the corpses had not had time to become stiff. The name of the Czar expired on our lips; without speeches and without noise, with the religious solemnity that fits the approach to another cup, evoking also the memory of a redemption and a martyrdom, we raised the glass to our lips, and having drunk to the people emancipated, we proposed but one toast, ‘The entire, absolute independence of Poland, her emancipation from Russia and Germany, and fraternal friendship between the Poles and Russians.’

“It is only after the entire separation of Poland from Russia that the two people will be capable of a mutual understanding. The Russian officer who broke his sword has begun a new era. If he has perished, as the journals announce, we will unite with the Poles to raise upon the frontier a monument to his memory—the monument of a new brotherhood.

“And you, sire, why did you destroy our festival? Have we had too many since our birth? What have we had to celebrate but funerals? When, seven years ago, the entire nation rejoiced at your accession to the throne, it was the rejoicing at a death.

“At least, why did you not place a little interval between the liberation of the peasants and the massacre of unarmed men? Why force us, reversing the economy of Hamlet’s Mother, to eat our festival cakes on the brink of the grave into which your police had thrown the bodies of the martyrs?

“Scarcely had our hearts opened to the feeling of reconciliation and joy, when it was rudely closed again, and we are left once more with only gall and bitter words.

“Sire, ‘No reveries, no reveries.’ You have lost Poland. You had power to place yourself at the head of the Slavonian movement—to re-establish Poland without shedding a single drop of blood. You have preferred the Austrian dragnades. ‘No reveries, sire—you have lost Poland; that is the living Poles—the corpse may remain as trophy to the valorous troops of your Majesty.’—I am, &c.,

ALEXANDER HERZEN.

Editor of the *Kolokol*.

Orsett House, Westbourne-terrace, April 16.

* Words addressed by the Emperor Alexander II. to the Polish nobles in 1856.

MATER DOLOROSA

Как все изменилось, в такое короткое время! Где надежды, приподнявшие голову, где светлый взгляд? Опять страшно встретить свободного человека: все кажется, что он упрекает. Неужели и на нас отбрызнула кровь с грязью?

Польша, Mater Dolorosa *, мы, скрестив руки на груди, просим тебя об одном — не упрекай нас с высоты, на которую тебя поставило твое новое мученичество, пропастью, в которую нас стащили единокровные нам палачи твои. Забудь твою правоту! Не пользуйся нашим позором! Твое грустное молчание мы поймем, оценим. А слова проклятья и порицания, которые мы скажем, будут чернее всех твоих слов.

«...В семь часов взвились три ракеты и раздались три пушечных выстрела; проскакали во всех направлениях казаки и конница, занимая *вперед назначенные места*; затем раздались ружейные выстрелы ... безоружных граждан пристреливали, *как собак, like dogs* (это говорит корреспондент „Теймса“) ... Женщины подняли детей, мужчины стояли твердо перед дулами, повторяя слово команды и читая „Святой боже, святой крепкий“!.. После залпа толпа отступила, но войско заперло улицы; пойманные люди опустились на колени и запели молитвы ... солдаты сделали по ним еще несколько выстрелов... потом схватили мертвых и раненых».

Псзор! Позор!..

Что за величие, что за поэзия — с одной стороны, от женщин, одетых в траур, от почтальона, протрубившего «Еще Польша не сгинела», до этой средневековой картины — толпы, коленашреклоненной у подножья мадонны, перед зверьми, перед бессмысленной стихией убийства!

Читали вы это, Александр Николаевич? Таких ужасов вы не найдете в балладах Жуковского. Если все это сделано помимо вашей воли, обличите виновных, укажите злодеев, отдайте их на казнь, или — снимите вашу корону и ступайте в монастырь на покаяние; для вас нет больше ни чистой славы, ни спокойной совести. Вам достаточно было сорока дней, чтоб из величайшего царя России, из освободителя крестьян сделаться простым убийцей, убийцей из-за угла! Кровь выступает обвинительными пятнами сквозь лучи славы; но слава, залитая кровью, *подло* пролитой, тухнет навсегда. Да, *подло*, я не обмолвился.

Что же иначе значили уступки? Один Горчаков стал кроток, как ягненок, другой Горчаков — певуч, как любовник розы соловей, и защелкал свои ноты и свои трели о кротости царя, о его любви к народу польскому *, а царь в это время, улыбаясь и кивая добродушно народу, *отпускал* за спиною Хрулева! *

Что такое Хрулев? Кто такой Хрулев? Почему выбор пал на Хрулева? Что он, известен как знаток польских законов? Как администратор? Как государственный человек? Нет, он известен как отличный севастопольский генерал. На что же было отважного бойца для оливковых новостей и царских милостей?

И вы воображаете там на Неве, что это бездушное мошенничество — государственная мудрость, *die hohe diplomatische Kunst*?¹ Вы, может, довольны, что ловко надули?.. Как будто трудно украсть платок, когда вас не считают вором! За такую государственную мудрость в частной жизни в Англии — вешают, а во Франции — рубят голову.

И только сорок дней!

Зачем *этот человек* не умер в тот день, когда был объявлен русскому народу манифест освобождения!

¹ высокое дипломатическое искусство (нем.).— *Ред.*



〈ГАРИБАЛЬДИ И «КОЛОКОЛ»〉

ОТВЕТ ¹

Любезный Гарибальди,

Я передам ваши симпатические слова полякам и русским офицерам. По счастью, мы поступили согласно с вашим советом, прежде чем получили его. Достоинства в этом большого нет — нам выбора не было. Правда, что мы мечтали о будущем союзе всех народов славянского происхождения, но мы оставляем эти *ria desideria* ² иному, дальнему, грядущему. Настоящие события требуют полную самозаконность Польши — *без фраз*, ее безусловную независимость от России и немцев. Можно было думать, что император Александр, который так славно поступил в крестьянском деле, поймет историческую необходимость восстановления Польши. По несчастью, в нем слишком много прусского, австрийского и, сверх того, монгольского. Холодно рассчитанный капкан, расставленный Польше с бездушным восточным лукавством, в котором характер кошки берет верх над тигром, ставят его вне вопроса.

¹ Мы надеемся, что кн. Трубецкой из Блевио, отвечавший в «Le Nord» * на письмо Гарибальди ко мне, не будет сетовать на меня, что я сам отвечаю на него, — тем больше что его верноподданнические мнения не ближе ко мне мнения «Journal de St.-Petersbourg», который в польских делах дошел до того цинизма, что обвиняет женщин в том, что их убивали. Кн. Трубецкой из Блевио, вероятно, тот самый, который некогда учился военному ремеслу под руководством Радецкого и потом (как было сказано в «Колоколе», л. 54, окт. 1859) уговаривал архиерея в Комо идти на встречу Урбана, как нам подтвердил подеста и сардинский комиссар Веноста *.

² благие пожелания (лат.). — *Ред.*

Прежде получения вашего письма я прочитал отрывок из него в телеграфических новостях и тотчас послал в лондонские журналы небольшой ответ. Посылаю вам «Daily News», — если вы не имеете ничего против, напечатайте его в «Diritto». Сверх того, прилагаю небольшое воззвание наше к русским войскам, стоящим в Польше, сделанное в 1854 году*.

Пользуюсь сим случаем, любезный Гарибальди, чтоб вам повторить то, что вам говорит весь свет, — что мы удивляемся вам со всей полнотой симпатии и любви.

Жму вашу руку
А. Герцен.

Orsett-house, 19 апреля.





КОНЧИНА БАСАРГИНА

Еще один из наших старцев сошел в могилу — *Николай Васильевич Басаргин*. Правительство и его взыскало своей милостью. На похороны московский обер-полицмейстер послал переодетого квартального и четырех жандармов. У родственников покойника тайная полиция делала обыск. А ведь как ни выкрадывайте истину, историю вам не украсть!



РЕЙТЕРН

Полковник Рейтерн застрелился в Варшаве, чтоб не быть помощником палачей. Мир его праху, он герой, но зачем эта казнь, обращенная на чистую грудь? Если расстреливать, так лучше расстреливать тех генералов, которые велят стрелять по безоружным. Два-три примера остановят бездну мерзавцев. А что будет после? Хуже смертной казни Рейтерна не будет.



АЛЕКСАНДР II И МУХАНОВ С ВИСЛЫ

Муханов был очень хорошо принят Александром II и приглашен им еще раз для совещания о Польше!!! *Sehr gut!*¹

¹ Очень хорошо! (нем.).— *Ред.*

УРОК ИЗ ГЕОГРАФИИ

Der Utschitel. Wo ist die Hauptstadt von Petersburg?

Der Utschenik. In Berlin... oder vielmehr in Wien.

Der Utschitel. In beiden, mein Bursch! ¹

Так вот отчего «Allgemeine Zeitung», эта седая баварская куртизана на содержании у австрийского правительства, не может скрыть радости, что в Польше начали резню; вот кому, стало, польза, вот откуда приказ. Хрулева и Александра Николаевича винить нельзя: дело подчиненное — велено, они и стреляют.



ПРУССКИЙ КОНСУЛ БЕРГЕР, ИСПРАВЛЯЮЩИЙ ДОЛЖНОСТЬ НАМЕСТНИКА ЦАРСТВА ПОЛЬСКОГО, И ХРАБРЫЙ ГЕНЕРАЛ МЕЙЕНДОРФ ИЗ КУРЛЯНДИИ

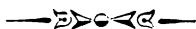
Чтоб не было ни одного срама, ни одного позора, которым бы ни покрыли Россию варшавские мясники, прибавляется еще одна гнусность вне мер и веса. Прусский консул Бергер *убедил* Горчакова стрелять; Горчаков, три раза искушаемый Хрулевым, покорился прусской сирене. Как Горчаков, Панютин, Липранди и не знаю кто унизились до того, что допустили подобное вмешательство бюргера Бергера? Или русскому правительству нужна прусская виза для своих действий? Вот куда они нас стащили — Россия стала какой-то Ost-Ost-Preußen! ²

Немец немцу весть подает, «Indépendance» от 19 апреля говорит, что при избииении безоружных особенно отличился генерал *Мейендорф*.

Бирон, добрый берейтор германский, объезжавший по правилам немецкого рейткунста Россию, милый герцог курляндский, да утешится тень твоя! Невзгоды твои и твоя длинная ссылка — отомщены России!

¹ Где столица Петербурга?— В Берлине... или, вернее сказать, в Вене.— И там, и там, мой мальчик! (нем.).— *Ред.*

² Восточно-восточной Пруссией! (нем.).— *Ред.*



〈ИЗ «СПБ. ВЕДОМОСТЕЙ»〉

В цинически грубой статье горчаковского «Монитера» — «Journal de St.-Pétersbourg», — помещенной также в «СПб. ведомостях» (5/17 апреля) *, между прочими полицейскими гнусностями, которыми хотят отвести глаза от кровавых пятен, напечатано следующее:

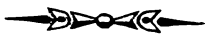
Женщины из народа выказали наибольшее иступление. Некоторые до последней минуты оставались на площади. Солдаты с величайшим трудом только рассеяли их. К несчастью, одна из них была ранена во время стрельбы, которою войска должны были отвечать на нападения масс. Ее перенесли в замок, где она через несколько часов и скончалась.

Вот что и затрудняет действия начальства, желающего избежать пролития невинной крови, но в то же время подавлять беспорядки.

Однако, видно, не очень затрудняет. Заметьте, что в той же статье сказано, что демонстрация была бессвязна: «Очевидно, что имели дело с толпой, которая сама не знала, что хотела».

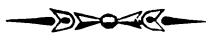
И разбойники эти знали это и стреляли по женщинам.

Этого не смоешь всей водой, подбавляемой откупщиками в вино *.



〈Ю. Н. ГОЛИЦЫН〉

Князь Ю. Н. Голицын написал для нашего праздника освобождения крестьян превосходную фантазию для оркестра, составленную из «Вниз по матушке по Волге», «Ах вы сени мои, сени» и «Славься» из оперы Глинки. Последний мотив накануне шел бы царю-освободителю, но 10 апреля звучал «Марсельезой». Мы с большим удовольствием слышали, что «Фантазия освобождения» князя Голицына печатается.



ЦАРСКОЕ САМОДЕРЖАВИЕ И СТУДЕНТСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

Киевский генерал-губернатор Васильчиков в своем отчете государю напутал какой-то неясный вздор о том, что попечитель учебного округа Пирогов «устроил студентское самоуправление, суд и расправу», но что министр восстановил обычный порядок. На первом замечании сделана отметка: «Ни с чем не сообразно», на втором — «Слава богу, давно пора», и сделаны они той рукой, которая так недавно подписала освобождение крестьян!

Что за смесь Иисуса Христа с императором Николаем в этом человеке! И отчего же нет никого настолько ему приверженного, чтоб сказать ему, что если он не умеет идти по одной доске, то никогда не попадет в двери. Царских мантий в два цвета нет, и то, что считалось величайшим достоинством Гаррика, что он одной половиной лица смеялся, а другой плакал, вовсе не идет к Мономаховой шапке.

Пирогов вышел в отставку, ему нечего было и делать.



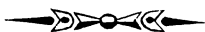
КРЕПОСТНОЕ СОСТОЯНИЕ В НИЦЦЕ И ЗОДЧИЙ-БОЕЦ В ПЕТЕРБУРГЕ

Только что мы получили письмо о храбром избииении повара г. *Чернышевым* в Ницце, о покровительстве не битому, а бывшему, разумеется, оказанном не только вице-консулом, но и ниццкой полицией и еще какой-то чувствительной дамой русского происхождения, как нам попался в «Петербургских ведомостях» милейший зодчий *Карл Вергейм* *, тузящий извозчика не в Ницце, но на Итальянской улице в Петербурге и ободряемый в полезном занятии кандидатом коммерции.

Метод, принятый почтенными особами, напечатавшими с полным артистическим именем *Вергейма* и с своими подписями, — превосходный. Обществу принадлежит великое право вывести татарское самоуправство и немецкое неуважение к лично-

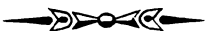
сти русского простолюдина. Гласности принадлежит право позорить без малейшей пощады этих отечественных Козляновых * и немецких Вергеймов.

А уж вы чинить ваш дом или строить новый позовите другого зодчего.



ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ»

В числе разных исторических документов, составивших большую часть второго выпуска «Исторического сборника», мы получили «Слово соловецкого старца Нестора», помещенное нами в VI кн. «Полярной звезды». Примечание в конце проповеди отстранило сомнение. Впоследствии мы увидели, что это просто перевод с французского. Беда невелика, если это сделано без умысла; но если это милая шутка, то мы находим ее в высшей степени неприличной.



БЛАГОДАРНОСТЬ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЧТЕ И РЕДАКТОРАМ

Девятнадцатого апреля в Лондоне получены: «Отеч. записки», «Библ. для чт.», «Соврем.», «Рус. вестник» за *февраль 1861*. Есть, стало быть, надежда, что и за *январь* когда-нибудь придут.



РУССКАЯ КРОВЬ ЛЬЕТСЯ!

Да, русская кровь льется рекой!.. И есть пресные души, робкие умы, упрекающие нас в выстраданных нами словах проклятья и негодования!

Правительство все могло предупредить, и польскую кровь и русскую, а теперь за свою шаткость, за свое непониманье, за свое неумение ни в чем идти до конца — убивает толпы наших братьев.

Ужасом, слезами наполняют нас новости, идущие со всех сторон. Бедные, бедные крестьяне! Ведь в Европе не подозревают, что такое значит у нас усмирение солдатами, генерал-адъютантское, флигель-адъютантское усмирение. Одна надежда на солдат и на молодых офицеров. Тяжело носить оружие, на котором запеклась кровь своих родных, отцов, матерей, братьев.

Мы останавливаемся, темно перед глазами, мы боимся дать голос всему, что стонет в нас, мы боимся высказать все, что бродит на сердце...

Передадим сначала факты.

Вот отрывки из писем, без всякого изменения:

Вам известно, что государь разослал по всем губерниям своих флигель- и генерал-адъютантов *. Адъютанты исполняют поручение. В нескольких губерниях действуют розги, действует войско и льется кровь. Я наверное знаю, что третьего дня посланы три новые генерал-адъютанта (вдобавок к действующим) в губернии Казанскую, Тамбовскую и еще, кажется, в Рязанскую. Эти новые посланцы снабжены полномочием вешать и расстреливать, по усмотрению. В Казани явился Самозванец (в Спасском уезде), выдающий себя за Александра Николаевича, гонимого дворянами *. Семнадцать деревень окопались и сражаются с войсками под знаменем этого господина. Кто он — неизвестно. Но схватки были

ужасные: 70 человек крестьян уже легли жертвою, из войска взяты в плен крестьянами ротный командир, исправник и еще несколько мелких чинов. Как ни похоже все это на сказку, но это истина, которая не сегодня — завтра появится в газетах. Туда поскакал Ефимович, специалист по части усмирения...¹

В одном месте, не знаю только в Казанской или Тамбовской губернии, среди толпы, в которую стреляли, стоял крестьянин, держа обеими руками, над головою, манифест *, — в народе разнесся слух, что он до конца остался невредимым, хотя подле него валялись кучи тел.

Из второго письма

Почти повсеместно крестьяне страшно недовольны новым временно обязательным «Положением», во многих местностях отказываются верить, что объявляемый им манифест подлинный; так, например, флигель-адъютант гр. Олсуфьев, посланный в одну из западных губерний *, встречен был подобным возражением, и когда для убеждения крестьян ссылался на то, что он адъютант государя, то в толпе заговорили, что они не знают, настоящий ли он адъютант или переодетый. Олсуфьев счел лучшим аргументом против этого приказ солдатам бить крестьян прикладами, а затем пороть розгами.

В Петербургской губернии, в именье генерала Ольхина, против крестьян, по общему отзыву совершенно правых, была употреблена военная сила и несчастным жестоко досталось *.

В Пензенской губернии, Чембарского уезда, восстали крестьяне вотчин гр. Уварова *, в числе нескольких тысяч душ; посланная против них рота принуждена была отступить; в руках крестьян остались исправник, становой, юнкер и несколько рядовых; два батальона посланы для усмирения.

В Казанской губернии, Спасского уезда, между раскольниками появился пророк, выдававший себя за государя; целые округа до 10 000 крестьян, большею частью государственных, взволновались; посланная военная сила не привела ни к какому результату, сражения не было. Губернатор Козлянинов и генерал свиты Апраксин отправились с 12 ротами. Апраксин приказал *стрелять* батальным огнем: 70² тел осталось на месте, пророк остался по удалении крестьян, стоя на коленях и держа над головою новое «Положение». Апраксин действовал в этом случае на основании полномочия действовать при нарушении порядка именем государя и поступать с виновными по полевому военно-уголовному уложению на правах корпусного командира, т. е. стрелять и *вешать* по собственному усмотрению.

В Пермской губернии на заводах сильные неудовольствия *.

В Казань для восстановления порядка посылается Илья Гаврилович Бибииков (бывший военный ген.-губернатор). В Пензу послан Ефимович,

¹ Известный своей экспедицией против Унковского и Европеуса *.

² То же количество показано в телеграмме «Теймса» от 11 мая.

известный уже многими усмирительными подвигами. Иных результатов нельзя было и ждать; это было ясно для людей здравомыслящих, восставших против переходного времени. Это еще цветки, ягоды впереди, когда «Положение» вполне применится. В нем столько иезуитизма, столько открыто лазеек для мошенничества, обирания и притеснения крестьян! О смешанной повинности вовсе не упомянуто в отделе о приведении «Положений» в действие, где названы только два рода повинностей — оброк и барщина; ссылаясь на это, крестьяне, отбывавшие смешанную повинность (т. е. огромное большинство оброчных северной и средней полос), считают себя освобожденными от работ сверх оброка, но помещики ссылаются на ст. 170 местного «Положения» *, глухо дающую им право на смешанную повинность до введения уставной грамоты. Одно это будет стоить крови. А таких двухсмысленностей много. Редакция многих статей явно двусмысленная, а зато в какой силе теперь Бутков! Он ворочает всем крестьянским вопросом и обманывает, прикидываясь либералом. Манифест, по мнению крестьян, таков, что им будет *тяжелее прежнего* и что в два года помещики *разорят их вконец*. Право жалобы далеко не удовлетворяет их: «Ведь жаловаться приходится их же брату помещику». По словам самих помещиков, расценка земель страшно высока.

Из третьего письма

В Одесском уезде * в 60 верстах от Одессы, в имениях Кириякова, Куриса, Свечина (уездного предводителя дворянства), в деревнях Ташино, Ново-Кирияковка, Малашевка, Тузлы, Сахарово крестьяне по недоразумению отказались работать на помещика, считая себя вполне свободными. Власти земские потребовали войска, для усмирения *бунта*. Из Одессы было отправлено две роты Волынского полка на подводах и другие две из места своего расположения по деревням. Тотчас по прибытии в село Ташино, по приказанию уездного предводителя Свечина (при нем был Христофович, состоящий по особым поручениям у херсонского гражданского губернатора), окружили крестьян и начали читать манифест. Продолжая выпискою из рапорта, представленного ротным командиром: «...выслушав манифест, крестьяне решительно отказались работать помещику и быть ему в повиновении. Предводитель дворянства употреблял все усилия склонить крестьян выполнить волю государя императора, значущуюся в манифесте, но все усилия остались тщетны; тогда предводитель дворянства приказал и указал нижним чинам взять тех из крестьян, которые были главною причиною возмущения, для наказания их розгами, и когда взяли одного из них, то все крестьяне без исключения бросились на землю и начали кричать: „Секи нас всех“. Этою силою (до 140 человек) они оттеснили тех нижних чинов, которые держали крестьян; когда вновь разложили крестьянина, то опять все бросились на землю и кричали то же самое: „Секи нас всех“. Вторично освободив своего крестьянина от наказания, бросились все бежать напролом через цепь солдат, изредка употребляя удары руками; нижние чины сомкнулись в

довольно густое каре и тем задержали крестьян, и в этой тесноте, когда удерживали солдаты крестьян, которые, вырываясь, толкали солдат, сделали незначительные царапины на ружьях. Когда крестьяне были переловлены, тогда последовало наказание розгами *только самым главным* нарушителям порядка и спокойствия, после чего все крестьяне покорились и были отпущены по домам...» То же было, с маленькими вариациями, и в других деревнях. Свечин говорит, что давал не более 30 ударов, а по рассказам солдат, крепко были наказаны — от 300 до 400 ударов; офицеры этого не говорят, но на них полагаться нельзя. В одной Ташине наказано было до 80 человек.

Свечин выставлял себя властью, хотя действовал как помещик для своих целей, забывая, что до розог, по «Положению», есть штрафы, аресты; а розги — не иначе как чрез полицию и до 20 ударов.

Говорят, Строгонов *, до которого дошли слухи о усердии Свечина, хочет произвести следствие.





ОТЕЧЕСКИЙ СОВЕТ

Halte-là! ¹ Из уважения к человеческому смыслу, князь Горчаков, уймите «Journal de St.-Pétersbourg» *; он воображает, что на него нет цензуры, так и можно городить всякий вздор. Для того, чтоб дурачить Европу, как она ни плоха, все же надобно гораздо больше ума, чем у ваших чиновников по статейным поручениям.

Во-первых, самая задача невозможна. Представить мерзости, наделанные в Варшаве, актом любви, милосердия и мудрости никак нельзя; ложь имеет свои границы. Есть случаи, в которых людям и правительствам приходится или каяться, или молчать. Может, простят, может, позабудут!.. Тактика Робер-Макера *, говорящего: «C'est vrai, j'ai eu tort envers lui, mais je lui ai pardonné» ², только раздражает и увеличивает ненависть.

Варшавское дело очень просто. Пока не было достаточно войска, ваше правительство, любящее драпироваться в либерализм, прикинулось ручным и кротким, хотело поиграть в великодушные, обещало уступки, ничего не поправляющие, и осталось бы при своем венке из самых ярких цветов махрового прогресса — если б удалось поляков надуть. Пока не знали, удастся это или нет, царь уступал

И собирал полки *...

Поляки не приняли ваши «пузыри за фонари» — «А, так вы так-то, вы — того?» — и русский генерал, генерал-дантист, генерал, вколачивающий в гроб не неприятельских, а своих

¹ Стойте! (франц.).— *Ред.*

² Действительно, я был неправ по отношению к нему, но я простил его (франц.).— *Ред.*

солдат, вскочил с готовым кулаком и с вопросом: «Кого бить?»

Он дремал только от либерального угара; это один из элементов петербургского правительства — элемент Петра I и Николая I, Салтычихи и Аракчеева, татарина и немца, нагайки и фухтеля, — элемент, не позволяющий *отвечать*, а тем больше не позволяющий спрашивать. Вот он-то и вспомнил, что он дома в Петербурге и взял верх.

Пока вы, князь, писали ваши ноты, увлекаясь изяществом оборотов и тонкостью вашего стиля, унаследованных вами (как рассказывает один из панегиристов ваших) от самого князя Талейрана, который поучал вас за обедом исчезающим и вместе с тем пребывающим нюансам, с которыми он предлагал говядину своим гостям, сообразно их званию, общественному положению, силе при дворе, характеру и талантам *, — генеральская ипостась правительства, протирая свои пьяные глаза, пошла по своему — «в ус да в рыло» *.

Все это кончилось несколькими десятками убитых и изуродованных людей, сражением с безоружными, травлей по трауру, охотой по конфедераткам. Какими же тут нюансами à la Sainte Menehould * вы представите Европе, что это мясничество было необходимо в Варшаве для счастья Польши, для покоя России? Попробуйте уверить, что женщины сами просили Хрулева, чтоб он велел в них стрелять, и что Хрулев, видя их желание, не мог удержаться и велел дать залп * — *par courtoisie!* ¹

А ведь ваши оправдания в «Journal de St.-Petersbourg» не многим лучше этого.

Во-первых, мы спрашиваем: что сделал польский народ? Удивленный бессмысленным закрытием «Земледельческого общества» *, вчера признанного полезным, он хотел показать свое недоверие, свое неудовольствие; чем же он это показал? Повесил Коцебу или Штейгемана (*entre nous soit dit* ², беда была бы невелика), сжег дворец, ограбил казну? — совсем нет; толпы народа стояли на площади и просили младенца во старо-

¹ из вежливости (франц.).— *Ред.*

² между нами говоря (франц.).— *Ред.*

сти, Горчакова *, довести до государя их желание; потом они молились об убиенных братьях, — «но они молились с намерением, и это не всё — они были в трауре с умыслом, и многие в конфедератках с премедитацией».

Как может сильное правительство сделаться до того ничтожным, до того мелким, чтоб сражаться с покроем фуражки, с черным крепом и стрелять по молитвам? Однообразие немецкой роты и ливрейный порядок барской передней не составляют идеала государственного порядка. Взгляд портного, дворецкого и фельдфебеля слишком тесен, чтоб разглядеть из Петербурга, что надобно делать в Варшаве. Неужели вы, с вашими галопирующими прогрессами, все еще не отчалили от тех тупых и позорных времен, когда пиджак считался оскорблением величества и отращенная борода — изменой государю?

Берем все русские газеты, т. е. бельгийский «Le Nord» ¹, баварскую «Allgemeine Zeitung», русский-французский «Journal de St.-Petersbourg»: нигде нет достаточной причины, чтоб стрелять в женщин, в безоружных мужчин. Разве только что прусский консул приказал. Немцы, само собою разумеется, рады-радехоньки вас покрыть кровью, а поляков землей. — «Да зачем же толпы не расходились?» — А с чего вы взяли, что ходить по улице и стоять — уголовное преступление? Для чего вообще города, улицы, площади? Неужели для того, чтоб казаки скакали, пушки скакали, Горчаковы скакали? Ведь это только в Петербурге делали торцовые мостовые, чтоб Александре Федоровне было гладко ездить в Смольный монастырь *, и предлагали надеть собакам намордники в предупреждение, чтоб какая-нибудь бешеная и напитанная якобинскими правилами собака не укусила какой-нибудь высочайший член августейшей фамилии. В наше время, право, никто не верит, что человечество и города существуют для управления; даже такие мастера веровать во всякий вздор, как Аскоченский, Бурачек и Башуцкий *, и те не верят. Как мне ни жаль вас, князь, а я все-таки скажу, что вы состоите министром иностранных дел

¹ А пропус, «Le Nord» находит, что выражение, употребленное всеми французскими журналами, что Попов сломал свою шпагу * roug ne pas la souiller dans le sang polonais < чтобы не обагрить ее в польской крови >, *неучтивым, peu poli*

при русском народе, а не русский народ состоит при вашем министерстве.

Я понимаю, что люди, воспитанные в николаевских кордегардиях, не понимают этого. Как прикажете растолковать что-нибудь по-человечески людям, которые могут писать такую бессмысленную галиматью, как следующий приказ варшавского генерал-губернатора:

«По уважению, что надевание отличительных знаков может содействовать к раздражению умов, равно для предупреждения могущих последовать столкновений, запрещается носить всякие *необыкновенные* одежды и *внешние* знаки траура.

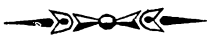
Варшава, марта 31-го (апреля 12-го) дня 1861 г.»

(«Официальная газета Царства Польского»)

Но не старайтесь же уверять Европу, что «внешние знаки траура» и «необыкновенные одежды» обуславливают дикое преследование, дневной грабеж и все неистовства пьяных солдат, управляемых безответственными атаманами.

— «Да ведь и в Париже точно так же разогнали бы толпу». — А вам что за дело? Мало ли какие гадости делаются на белом свете. А вот в Лондоне, так «по уважению, что надевание отличительных знаков может содействовать раздражению», ничего не делают. Сверх того, в Париже не только «предупреждают могущие последовать столкновения», но иногда рубят голову королю; ну что ж — и вам начать?

Пожалуйста, сделайте одолжение, уймите вашего департаментского златоуста du «Journal de St.-Pétersbourg», — нехорошо; довольно, что на нас отсвечивает кровь, на что же еще чтоб пад нами хохотали?



**ДУХОВНЫЕ И СВЕТСКИЕ ДОНОСЫ,
ЦЕНЗОРКВИЗИЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ,
РАЧИТЕЛИ И ПОПЕЧИТЕЛИ**

По благочестивому извету богомокрицы Аскоченского сослали некоего архимандрита Феодора и цензора его. Многообразны и различно разветвлены могут быть пути служения господу богу. Если Елисавета, унгарская угодница, употребляла во снедь гной ран смердящих для вящего лжебога церкви римския поклонения и чествования, то отчего же не погрузиться в гной нравственный, служа правдобогу церкви восточныя, и что значит погубить временную жизнь ближнего для пользы и украшения его вечного духообывательства? Но что еще более исполняет душу нашу радостью, через края люющеюся, — это зрелище ревности от плевел очищения нивы сердца человеческого, не токмо в вертограде духовном, благочестивейшей императрицей, как градоотводом, защищенном, — но и в торжищах светския мысли. Гонимый из Казанского университета за светскую неспособность, но не низлагаемый в вере и ценсуре, профессор, ныне цензор, *Ведров* — озаботился о душеспасении православного «Современника», и не только Ведров Казанский, но и муж прозвища лютеранского барон *Бюлер*, паки ревнуя о самодержавии, отдал под начало «Экономический указатель».

Да уничтожится книгопечатание и расточатся буквы его!

Оно так, кажется, и будет; вот что нам пишут из Петербурга: «Журналистика делает последнюю отчаянную попытку. Московские и петербургские редакторы составили и на днях подают просьбу об обуздании ценсуры для *периодических изданий*. Верно, откажут. Приходится переносить русскую прессу на заграничную почву». (Милости просим!)

В том же письме говорят, что попечитель Делянов совсем избаловался,— это, я думаю, все шалун Плетнев портит его восточно-патриархальные нравы, товариществом именно и опасен университет. Но студентам до этого дела нет, неужели им заниматься тем, какой *esuyer tranchant*¹ и какой швейцар стоит в дверях просвещения: они далее сеней идти не могут, они господа передней, а студенты — гости науки. Вот причина, почему мы просим позволения не печатать нам доставленные анекдоты о Делянове, начальстве Московского университета и других.

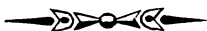


ГОНЕНИЕ НА УНИВЕРСИТЕТЫ

Граф С. Г. Строгонов, заявивший себя врагом освобождения и врагом воскресных школ, натолковал государю о необходимости принять деятельные меры *против* университетов. Государь велел Ковалевскому составить проект. Ковалевский поступил как честный человек и написал проект улучшений, не вовсе вредных для университета. Но новой тайной полицией, под генерал-инквизиторством Строгонова, это не понравилось, и 13 апреля, в Совете министров, поднялась буря против Ковалевского. Буря эта окончилась учреждением комиссии *трех*. Эти трое, составившие *второе третье* отделение, назначенное исключительно против университетов и просвещения, которым поручено разобрать и дополнить проект Ковалевского:

жандарм — Долгорукый,
экс-юстиция — Панин и
экс-куратор — Строгонов.

Не унести вам честного имени в гроб после таких проделок и таких товарищей!



¹ смелый оруженосец (франц.).— *Ред.*

СЕКРЕТНЫЙ МАНИФЕСТ

Немцы изобрели драмы *не для театра*, у нас издавали библиотеку *для чтения* и журналы *не для чтения*, но принадлежит высочайшему тестю * в Одессе — честь изобретения *манифеста не для обнародования*. Профессор лицея Муравьев читал на улице манифест об освобождении; строго взглянул на это Строгонов, выходя из собора, и послал полицмейстера Маньковского пресечь сей беспорядок, и тут целая история, в которой участвуют все ученые и ничему не учившиеся власти от попечителя Могилянского до австрийского и статского генерала Беккера. Все согласились, что манифест читать не очень нужно и про себя, а про других — сохрани боже!



ВАСИЛЬЧИКОВА И РЕЙНГАРТ ДОЕХАЛИ ПИРОГОВА

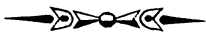
Киевский военный губернатор Екатерина Васильевна Васильчикова сильно интриговала против знаменитого Пирогова и успела к нелепым ошибкам Александра Николаевича прибавить отставку такого человека, как Пирогов. Приятно было слышать, что в этом доблестном поступке генерал-губернатора, урожденного княжной Щербатовой, ей помогал доносами и сплетнями пекий инспектор Рейнгардт. Говорят, что он просит у управляющей краем генеральши место бердичевского полицмейстера, — при способностях, им показанных, он может просить больше.



ФИНЛЯНДСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ

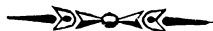
Финляндская конституция, которая никогда не была отнята, *опять раз дана* с разными уменьшениями, сообразными с новыми прогрессивными требованиями века. Финляндцы

собираются, чтобы humblement s'expliquer¹ о делах и проч.,— les humbles avis² будут взвешены, обсужены и проч. Нет, еще рано нашему правительству либеральничать, надобно сперва выучиться выражаться человечески и немного поучиться. Мы цитируем по-французски, потому что русские газеты *умолчали* о финской конституции.



ИГНАТЬЕВ ЗАКАЗЫВАЕТ БУНТ

Между солдатами носятся слухи, что «Игнатьев заказывал сделать бунт» к объявлению свободы крестьянам. Итак, он первый попал в легенду, и в очень меткую. У народа хорошо чутье! Говорят, что солдаты, рассказывая это, прибавляли, что уже они «стрелять не будут!» Это Игнатьев не для конспирации ли маски-то полицейские заказывал? Эти маски достались нам. Мы получили второе письмо в их пользу и с картинкой. Полагать надобно, что это сам изобретатель так матерински защищает выпускные козырьки. Чтоб разом кончить, мы откроем почтенному чиновнику секрет, каким образом в Англии масок нет, а арестантов никто не видит; их — возят, а не водят; это гораздо проще и гораздо чище дурацких козырьков.



BUONA NOTTE, BUONA NOTTE³

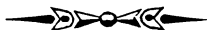
Прощайте, дон Тимашев,— одним сюжетом у нас стало меньше. Дурную память вы вынесли о себе, да к тому же горловую чахотку. Теперь на досуге подумайте, для чего вы всё

¹ смиренно обсудить (франц.).— *Ред.*

² смиренные советы (франц.).— *Ред.*

³ Доброй ночи, доброй ночи (итал.).— *Ред.*

это делали? Что вы выиграли? Как мы вам ни помогали, вы даже и графом не сделались,— а на совести-то свои туберкулы, и больно вам будет от них. Пусть печальный пример Тимашева носится вечно перед глазами Шувалова; быть преемником Мордвинова, Дубельта и Тимашева — дело не легкое! Если Шувалов дорожит своим именем, то, приняв, как говорят, *à contre sœur* * место (непростительная слабость!), пусть же он сделает его ненужным.



КИЕВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ И Н. И. ПИРОГОВ

Проводы Н. И. Пирогова были великолепны. Это уж не чиновный юбилей Княжевича и не юбилей Вяземской риторики. Нет — это было совершение великого долга, долга опасного, и потому хвала тому доблестному мужу, который вызвал такие чувства, и хвала тем благородным товарищам его, которые их не утаили!

Отставка Н. И. Пирогова — одно из мерзейших дел России дураков против Руси развивающейся. Видеть девичью какой-нибудь Васильчиковой, лепечущую бессмысленные доносы с помощью инспектора Рейнгардта ¹, видеть всепростоту государя, пишущего какой-то бред на маржах, вслед за тем падение человека, которым Россия гордится, и не покраснеть до ушей от стыда — невозможно.

Радуйтесь, ма'ам Васильчикова! Да, мы рабы; да, мы в руках дураков, их жен и барских барынь. Но мы не молчащие рабы больше, *siam schiavi almen frementi!* *— Это разница, ма'ам!

Немолчащие рабы Киева защитили Россию, они сделали историческое событие; что бы ни было из этого, но время справедливости для девичьих и лакейских еще придет, и, может, вам, сударыня, не нужно будет белил, чтоб быть очень интересной.

¹ Мы сомневаемся в участии Рейнгардта,— он, должно быть, очень хороший инспектор, ибо он, в то же время, получил 1 500 руб. сер. почетного награждения.

Вот что писала киевская девица:

Студенты университета св. Владимира требуют особенного за собою наблюдения: между ними заметен дух вольнодумства и стремление заводить партии, не чуждые патриотических замыслов, которым они предаются с увлечением молодости. В учениках гимназий тоже заметны вольнодумство и легкомыслие. К сожалению, попечителем учебного округа, в цели развития в учащихсЯ понятия о чести и добре, были приняты меры, которые не соответствовали характеру населения и могли не только парализовать, но некоторым образом питать вредное направление молодежи: к числу этих мер, по моему мнению, относится официальное учреждение в гимназиях ученических судов для суждения проступков, касающихся взаимных отношений учащихсЯ между собою, и ограничение власти директоров гимназий воспрещением подвергать взысканиям воспитанников без определения педагогического совета. Ученические суды признаны вредными и министром народного просвещения и по его распоряжению уже отменены.

Государь соизволил написать:

Ни с чем несообразно и доказывает всю неосновательность попечителя.

Слава богу!

Чтобы направить воспитание молодых людей в здешних учебных заведениях сообразно видам правительства и предохранить их от вредных увлечений, необходимо, чтобы со стороны учебного начальства был более деятельный надзор за поведением учащихсЯ и чтобы оно обращало особенное внимание на выбор преподавателей, руководствуясь при выборе не только, как большею частью делается теперь, степенью знания конкурентом своего предмета, но и нравственным направлением его и образом мыслей в политическом отношении.

Весьма справедливо, и мин. народ. просвещ. представляет по этому свои соображения.



«ЕЙ, ПРОСВЕЩЕНЬЕ! ГИСЬ! ГИСЬ!»

Ну и поехали, и сбили старика с ног! Что за троичная езда в узких переулках, чего и ждать было от долго-руковской и длинно-панинской тройки с хромым Строгоновым в корню? * Беда, впрочем, невелика, немного старые кости поломали, зато честь седых волос спасена.

Ковалевский был слабый министр, но все же хороший человек и не иезуитский гонитель просвещения, как новый Магницкий — граф Сергей (а все еще не Сергей) Строгонов.

Кто-то будет просвещением у нас? Левшин? Корф, историограф 14 декабря и Модест? * Муханов, снятый с Вислы? Это было бы всего лучше. Аскоченского ему в товарищи с титулом обер-цензора ее императорского величества *. Говорят, что Аскоченский — Путята!

ИНКВИЗИЦИЯ СТРОГОНОВА

Великий инквизитор, в своем рвении против науки и образования, придумал, во-первых, поднять цену за слушание лекций до 200 рублей. Говорят, что это будет принято. Комитет мечтает разместить факультеты по разным городам. В Петербургском университете до 600 человек не могут внести платы!

От дураков, от тупоумных и выживших из ума избави нас!

Ими заторможена наша дорога, они сильны именно зоологи-

ческой глупостью своей, против бессмыслия можно только сражаться камзолом сумасшедшего дома. Вот еще пример:

ДУХ СИГАР И ВОНЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА

Государственный совет, так ловко выказавшийся в деле освобождения крестьян, берет *ses revanches*: довольно, что крестьян освобождают, а уже курение сигар не освободим! Калеки эти решили, что разрешить курение на улицах невозможно, во-первых, потому, что это затруднит отдавание чести низшими офицерами высшим; во-вторых, будет дурной запах на улицах.

Жалкие орангутанги первых двух классов! Что за непроходимая глупость!



СЛУХ

Говорят, что в Петербурге образуется *Общество воздержания от правительства*. Что бы царской фамилии подать пример и вступить в него!



12 АПРЕЛЯ 1861

(Апраксинские убийства)

Наша «Немая из Портичи» * созналась, наконец, в пролитии крестьянской крови в Бездне. Ее официальный рассказ еще гнуснее и отвратительнее того, что было писано к нам.

Мозг разлагается, кровь стынет в жилах, читая наивно-простодушный рассказ такого злодейства, какого не бывало с арачеевских времен.

Где родились эти кровожадные флигель-адъютанты, где воспитались эти импровизированные палачи? Как их дрессировали в такие бездушные злодейства?

Правительство допускает убийства за свое косноязычие, безграмотность и двоедушие! * Не правда ли, как ясно новый схоласт Валуев ¹ отличил крепостную барщину — от барщины *во ожидании* освобождения? * И за то, что народ не понимает и верит, что правительство его не обманывает, — пять залпов.

Мы не узнаем России... кровь дымится, трупы валяются!

Правительство прогресса, либеральных идей, поддерживаемое штыками и статьями Погодина *, лизнуло польской крови * и пошло вниз — кровь скользка!

Пятьдесят жертв, по собственному сознанию преступников, и на этот раз *благодарный* монарх так обдержался, что и не спрашивал Апраксина: «А сколько убито солдат или ранено?» *

¹ Валуев уже заявил себя и не тем. Мальцов (плантатор) заковал восемь человек крестьян и отправил в Калугу как бунтовщиков. Губернатор Арцимович выпустил их и хотел произвести следствие. Плантатор через девичьи и передние довел это до Петербурга, новый министр принял сторону крепостника *. *Cela promet!* < Это обещает многое! >

В статье прямо сказано, что военные действия крестьян состояли в том, что часть их *пошла* за кольями.

И что за торопливость в казни Антона Петрова? * Кто его судил? В чем его судили? Видно, скорее кровавые концы в воду! Какие же в самом деле мягкодушный царь дал инструкции?

Пугачев судился при Екатерине судом, а не пристрелен под сурдинку.

Черт с ними — с окровавленными палачами!

А вы, несчастные братья-раскольники, вы, много претерпевшие, но никогда не мешавшиеся с Россией помещиков, палачей и стрелков по безоружным — храните день новых страстей, 12 апреля, в вашей памяти. Времена библейских гонений наступят; вы знаете из чetyх миней, какие избиения христиан предпринимали императоры, вы знаете, кто одержал верх. Но верх не приходит без веры, не приходит без дел. Укрепляйтесь духом и помпите крик, с которым умерли безднинские мученики:

Воля! Воля!

И — р.

Мы получили еще три письма о подробностях казанского дела. Главные черты события те же самые, мы не станем их повторять, особенно после *признания* в «СПб. ведомостях». Но есть подробности, которые слишком дороги, чтоб не были сохранены «Колоколом» для потомства, да и для современников.

Из одного письма. Апраксин к мужикам не подъезжал *, а посылал им сказать, чтоб они прислали ему восемь человек избранных для переговоров. Они отказались. Тогда он второй раз послал их уговаривать дворянского предводителя *Молостова*¹ и затем священника. Священник спросил их, верят ли они в бога и в православную церковь. Они сказали, что верят. Тогда священник потребовал, чтобы они *выдали пророка*, но они отказались это сделать, и священник с понятиями возвратился; ни ему и никому из понятых не было оказано ни малейшего насилия.

¹ Он получил удивительную награду за свои подвиги. Он был штабс-капитан в отставке, а награжден званием *капитан* в отставке *. Для царей российских время не существует — прошедшее не прошедшее, хорошо, если б для них и будущего не было.

После этого Апраксин решился говорить с толпою; он сел на коня и, отъехав шагов на 20 от своих солдат, следовавших в 100 шагах, закричал: «Выдайте пророка, или в вас будут стрелять». Пророк в это время успокаивал их, говоря, что не смеют дать более трех залпов и что после пули обратятся на солдат. Потому Апраксину отвечали довольно спокойно: «Стреляй, батюшка, не нашу кровь проливать будешь, а царскую». Апраксин закричал солдатам: «Стреляй». Напрасно бросились уговаривать его два адъютанта губернатора *, присланные туда, чтобы узнать, что делается. Напрасно они говорили ему, что если это были бы бунтовщики, то они вооружились бы чем-нибудь и давно бы окружили их, что, наконец, им ничего не мешало напасть на солдат в то время, как возвращался священник с понятиями, потому что нельзя было бы стрелять в священника.

На все эти возражения Апраксин закричал: «Офицеры, за фронт, стреляй!» Дано было четыре залпа. До четвертого залпа толпа стояла неподвижно и крестилась; некоторые закрывали лицо свое рукавицей. После четвертого залпа толпа начала разбегаться; часть бросилась просто бежать, а другая ближе придвинулась к толпе пророка, чтобы узнать, отчего пули не обращаются на солдат. Апраксин вообразил, что они побежали за кольями и велел дать пять залпов один за другим. Дальнейшее известно: когда рассеялся дым и герой увидел груды трупов и раненых (с этими каннибалами не было даже врача!), Апраксин сказал: «Фу, как их много, ну да можно будет показать меньше, это всегда так делается». Но один уездный чиновник заметил ему, что, может, так и делается на войне, но здесь нельзя не переписать всех.

Казанское дворянство хотело дать обед Апраксину, когда он воротился по горло в крестьянской крови. Член губернского присутствия Трубников удержал этих плотоядных уродов замечанием, что «как-то неловко кровь заливать шампанским!» *

Жаль, что помешал; маски, маски долой, лучше видеть звериные зубы и волчьи рылы, чем поддельную гуманность и цинкорный либерализм ¹.

Имена, имена — умоляем об именах офицеров, участвовавших в приготовлении тел и червей, собиравшихся попировать на трупах.

¹ Иначе поступили казанские студенты — они пошли отслужить панихиду об убиенных братьях и застреленном Антоне Петрове. Профессор *Щапов* сказал слово, — жандарм его донес (всякому свое), министерство его отрешило, полиция арестовала *. По крайней мере кого-нибудь из бритой России народ не будет считать немцами и крепостниками.



СЛУЖБА ЗА ВАСИЛЬЧИКОВОЙ НЕ ПРОПАДАЕТ

Говорят, что известного инспектора Рейнгардта, отличившегося в партизанских действиях при атаке Пирогова, ма'ам Васильчиков хочет сделать мировым посредником. В университете партизан не мог остаться.

ШЛЯХЕТНО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ КРЕПОСТНИКОВ

Нам рассказывали за верное, что петербургские барыни, глубоко оскорбленные предстоящим лишением прав драться с горничными, продавать из ревности хорошеньких и посылать их в деревню, а лакеев на конюшню, в день смерти Николая * положили на могилу его или на памятник огромное количество венков в пику Александру Николаевичу. Это утешительно, у нас начинает развиваться смелость, мы становимся Марфами Посадницами рабства. Говорят, что из южной Каролины * не-вским героиням плантаторши пошлют каждой по черному мальчику и по пачке сигареток.

Народ русский, вероятно, не забудет этих старательниц о его судьбе и ускорит возможность положить венки на их могилы.

Пора бы воздвигнуть памятник великомученице Салтыковой, иже при Екатерине II пострадавшей, и всем помещикам, за злоупотребление власти отданным под опеку, сосланным в Сибирь и убитым крестьянами. Лекарем при памятнике будет

Гутцейт, экзекутором Козляинов *, есть же штат у николаевского памятника, отчего не быть и у памятника Салтычихи?

Такие чудовищно наглые поступки, как эти венки, как топтанье некогда трехцветной кокарды ногами, при Марии Антуанетте *, бросают большой свет на дни кровавых отместок.



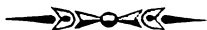
〈 ИОАХИМ ЛЕЛЕВЕЛЬ 〉

Иоахим Лелевель скончался 29 мая в парижской больнице на 76 году от роду. Это один из чистейших и благороднейших старцев польского изгнания. Ждем от кого-нибудь из близких ему его биографии и желаем, чтоб она вышла скорее обещанной биографии другого страдальца — Станислава Ворцеля.



〈 ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ И ИХ ПЕТЕРБУРГА... 〉

Герой нашего времени и их Петербурга — ну кто? отгадайте? Человек, покрытый кровью крестьян, кровью безоружно убитых русских, — *А п р а к с и н Безднинский*. Интересно знать, как его принял *первый* дворянин? *



ГУРКО НЕ АПРАКСИН

В 114 № «Север<ной пчелы>»:

Из уездов *Николаевского* и *Новоузенского* получены были сведения о неисполнении повинностей со стороны крестьян в имениях графа Воронцова-Дашкова, князя Кочубея, гг. Устинова, Львовой, Семевского.

чи Жемчужникова. В поименованные уезды отправлялись флигель-адъютант ротмистр Гурко и один из чиновников особых поручений начальника губернии. По дознанию на месте открылось, что возникшие недоразумения были следствием неточного понимания манифеста и неполучения в некоторых местах (в марте месяце) «Положений». По объяснении крестьянам, на сходках, их нынешних и будущих отношений к помещикам крестьяне вразумлялись и изъявляли готовность исполнять повинности на основании прочитанных и объясненных им правил «Положений».

Вместе с тем губернское присутствие определило, что *неправильности, допущенные в некоторых имениях по наделу крестьян землею и по обременению их тяжелыми уроками, должны быть отклоняемы помещиками и управителями*. Затем, для объяснения крестьянам новых «Положений» и для выслушания жалоб помещиков и крестьян, положило командировать одного из членов присутствия и особого чиновника.

Стало, можно без убийств успокоивать умы и убеждать не одними пулями — но зато Гурко и не сделался героем нашего времени *.



wraca do posłuszeństwa. Ostatni Ner tego pisma z 15 Lipca zawiera dość charakterystyczne depesze żandarma Dreniakina (z m. kwietnia), który w kilku miejscach uspokaja lud strzelaniem i okropnym biciem, wysyłaniem na Sybir, a później żąda nagrody dla swoich żołnierzy, którzy się odznaczyli w tej *walce!* — Wiecznie tenże sam system! Przy końcu *Kołokoła* wspomina jednak nawiasowo o rozruchach które miały wybuchnąć w gubernii Permskiej, pomiędzy rządowymi włościanami.

Odebraliśmy od p. Herzena list, który jako zawierający nowe dowody sympatii dla Polski szanownego wydawcy *Kołokoła*, chętnie w piśmie naszym powtarzamy:

« Panie Redaktorze! Ostatniemi czasy otrzymałem z Rosyi sumę 125 f. st., z zaleceniem ofiarowania 2,000 fr. szkole polskiej w Paryżu i rozdzielenia reszty pomiędzy pomocy potrzebujących Polaków, *którzyby w wojnie włoskiej udział wzięli.* — Bezwłocznie posłałem 2,000fr. p. Malinowskiemu dyrektorowi polskiej szkoły; 500 zaś panu Occhipinti, wiceprezesowi polskiego komitetu w Genui. — Jeżeli podejmiesz się pan rozdzielenia 500 fr., przyszlę Mu je natychmiast.

« Zobowiąziesz mnie pan Redaktor, czyniąc wzmiankę o tych faktach w piśmie swoim. — Dodam że przed dwoma miesiącami, miałem sposobność przesłania na ręce p. Dulfusa fr. 500 dla naszych braci Polaków do Neapolu.

(*podpisano*) » Al. HERZEN, Redaktor *Kołokoła.* »

Serdeczną wynurzając p. Herzenowi wdzięczność za pamięć o Polsce, a zaufanie do nas, dodać winniśmy, iż w odpowiedzi na łaskawy list Jego, odmówiliśmy zajęcia się rozdziałem wzmiankowanych 500 fr.

P. Wolf postanowił wydać we Lwowie dla swych starozakonnnych współwyznawców, książkę do nabożeństwa w polskim ułożoną języku. Ale bogaci Lwowa Izraelici nie zdobyli się nawet na 500 Zł. r. na to potrzebnych. *Głos i Przegląd powszechny* ogłosiły przedpłatę — 1 zł. r. za egzemplarz

⟨Редактору «Прзгладу Рзeczy Польских⟩.

Первопечатный текст («Прзгладу Рзeczy Польских», 1 августа 1861 г.)



К ИЗДАТЕЛЮ «PRZEGLĄDU RZECZY POLSKICH»

Милостивый государь,

Позвольте мне при посредстве уважаемого журнала вашего высказать нашу глубокую благодарность вашим соотечественникам.

После напечатания в «Колоколе» наших статей о Польше мы получили большое число писем, коллективных и частных, в которых выразилось самое горячее братское сочувствие к нам.

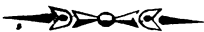
Глубоко тронутые их дружескими словами, мы просим дозволения поблагодарить их всех в вашем обозрении.


К искренней благодарности нашей мы прибавим только одно слово. Наш взгляд на польские дела вовсе не изменился от последних событий в Варшаве, — ужасы, там совершившиеся, изменили только наш язык и сделали его более горьким. С 1849 мы повторяли, что только на полной независимости Польши от России может основаться союз поляков с русскими как вольных с вольными и равных с равными.

Еще раз повторяя эту заповедь, мы дружески жмем руку писавшим к нам и братски кланяемся вам.

Преданный вам и пр.

Искандер.





КРАЙНЕ НУЖНО

Что сделали с чиновником, который более откровенно, чем деликатно, обвинил Муравьева Вешателя в странных и почти коммунистических понятиях насчет казенной собственности?

Отравили его? Посадили на цепь, в острог или в сумасшедший дом? Послали в Сибирь? или в крепость?

Благоволите сообщить в редакцию.



ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Нас спрашивает какой-то аноним, правда ли, что мы не печатаем поправки или опровержения по частным делам? *Вздор!* Мы только не помещаем брани и совершеннейших пошлостей вроде французского письма в защиту Петра Ольденбургского, которое, сверх всего, еще надобно переводить *. Мы сомневаемся, чтоб аноним писал из сочувствия к нам, иначе он не мог бы и сомневаться, что мы всегда готовы поместить всякое важное оправдание.

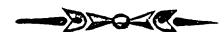
Герцог Омальский на днях, в очень милой речи, которую он произнес в обществе вспомоществования литераторам, сказал, что он как-то толковал с Броли о злоупотреблениях обличительной гласности; Броли ему заметил, что зло это несомненно, но прибавил: «А все-таки не надобно до нее касаться — если на десять человек, о которых напечатают вздор, будет обличен и заклемен один мерзавец, то и тогда польза покрывает вред!»





ПРОГРЕСС ЦЕНСУРЫ

Из Главного правления цензуры вышло на днях предписание *, запрещающее опубликовывать дела вроде Вергейма с собственными именами! Зато *Потапов*, московский обер-полицмейстер и друг двух наших корреспондентов, томим любопытством и требует, чтобы по первому его слову выдавали *ему* имена авторов, которые пишут ту или другую статью под псевдонимами или без подписей. Мягкий сердцем и жесткий противу унии, Щербинин, как и следует, выдает ему всех.



〈А. САЛТЫКОВ〉

А по справке оказалось: дикий любитель просвещения в Харьковской губернии меценат, запретивший учителю курить папироску в своем присутствии («Кол.», л. 91), не хлыст, не молоко, вообще не раскольник, а светлейший князь А. Салтыков,— какой милый!

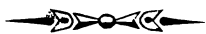


ДЕТИ, ЗАГРЫЗЕННЫЕ КРЫСАМИ

Мы много раз получали письма насчет скверного содержания воспитанников в мужских и женских институтах, особенно в московских. Мы даже и не дивились этому: это так и должно

быть там, где нет гласности, а казнокрадов очень много, где начальники не умеют в самом деле пробовать пищу детей, а доктора слишком привыкли к анатомическому театру, чтоб придирааться к гнилому мясу и из-за такой безделицы огорчать директора и доброго мясника; все это так обыкновенно, так должно быть, что мы и не печатали о негодных съестных припасах. Но на днях мы получили письмо, что иногда самые дети превращаются в съестные припасы, и мы требуем во имя всего человеческого и честного, чтоб нам написали, правда ли это? Не может же быть, чтоб кто-нибудь — ну хоть Аркадий Алексеевич Альфонский, упорный и хронический ректор Московского университета *, — не слышал об этом. Выписываем из письма:

Одна кормилица кормит двух детей, а смотрительницы и блюстители порядка получают жалованье на двух кормилиц. Иногда поят детей посредством рожков; но это все грязно, тухло, молоко кисло, и дети умирают; пеленки мокры — столько белья не дается, чтобы сухо содержать, а в зиму 1858 столько было крыс в комнатах, где эти бедные дети, что у двоих из них крысы прогрызли лоб и носы, и бедные малютки *умерли*. Тут же в воспитательном доме есть и родильновспомогательное заведение, больница, где десятками во всякую пору дня и ночи рождаются дети. И что же — в доме нет живущего акушера, для него нет квартиры, а живут тут эконо, его помощник, писаря, бог весть кто — а акушера нет. В детской больнице, например, на Тверской улице, дети мрут ужасно, там в одну ванну сажают, в одну воду, детей с разными болезнями; чесотка, после сыпь разная, сухотка — без разбора, и дети заражаются друг от друга; ночью темнота, не освещено, одна лампа на несколько огромных комнат, и малютки страдают в темноте. Вдовы сердобольные не смеют ничего сказать, а то выговор получают; во всех больницах воздух дурной, злоупотребления, дурная пища.



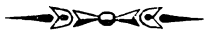
〈ПРОФЕССОР ЩАПОВ〉

Что делается с профессором *Щаповым*? Где его судят? В чем обвиняют? Говорят, он в III отделении. Каково-то там после Тимашева?



〈ГРАФ АПРАКСИН ПОЛУЧИЛ ЗА ИЗБИЕНИЕ...〉

Граф Апраксин получил за избиеение безоружных Владимира 3-й степени — и обиделся, он ждал Георгия! Экой неблагодарный Александр Николаевич — право, человек двести положил русских наших, и только 3-й степени Владимира!



ИНКВИЗИТОР В. АСКОЧЕНСКИЙ И ЕГО ЖЕРТВА

«2-го марта 1861 г. отправился из Петербурга, в заточение навсегда, в Никитинский монастырь (в Переяславле-Залесском Владимирской губернии) автор недавно отпечатанных книг: а) *Об отношении православия к современности* и б) *3-х писем к Гоголю*, писанных им в 1848 г. Книги эти, в которых почти впервые в России выступила богословская мысль на поприще светской литературы, были причиною того, что Св. синод (?) сочел нужным сослать автора их, архимандрита Феодора, бывшего бакалавром Московской академии, потом инспектором Казанской академии и, наконец, членом цензурного комитета, в заточение...

Г-н Аскоченский, получающий от митрополита Исидора несколько тысяч на поддержание своего пошлого журнала, был одною из главных причин политической смерти арх. Феодора, растолковав преосв. Исидору, что автор — архимандрит, явившийся в светской литературе с своими сочинениями, — есть лицо неправославное, унижающее свой сан похвалами и сочувствием к светской литературе и т. п. ...

Вот какие вещи производит *записавшийся в святыя* Аскоченский...

Итак, человек с сильною душою, бывший едва ли не единою опорой для студентов Казанской духовной академии, желавших развиваться, осужден жить до гроба среди необразованных монахов, под началом какого-нибудь настоятеля сомнительного образования и добродетелей!!»

Однако пора перестать смеяться над этим клоповником православия и над его редактором; это, наконец, не смешно, а отвратительно.





ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ АНГЛИИ

Меж сыром лимбургским живым
И ананасом золотым.

Пушкин*

...Вы меня простите,— сказал я,— а мне кажется, что вы отчасти принадлежите к людям, которые с ужасным трудом делают простые вещи, потому что не просто за них принимают; при первом препятствии теряются, рвут себе волосы на голове, принимают крайние меры или вовсе никаких. Иногда это очень хорошие люди, даже превосходные люди — но не дай бог такого генерала или оператора! По счастью, ваше занятие не так кровопролитно.

Я помню, как, лет двадцать тому назад, я спал рядом с комнатой одного из моих друзей. Дело было в деревне, и крыша редко обитаемого дома была с течью. С вечера пошел проливной дождь — под дождь спится крепко — я уснул; но через час времени шум возле разбудил меня. Что такое? буря, воры? Я стал прислушиваться: сосед возился, у него была зажжена свеча; я вскочил и без всякого переплета бросился к нему*. С насупленными бровями работал он над какой-то страшной задачей. В его горнице было две кровати: на одной он спал, на другой был непокрытый, новый замшевый тюфяк. Приятель мой достал какие-то две палки и ставил матрац как-то стоймя; пока он держал его — матрац держался дыбом; но как только он отходил — палки падали, и матрац снова лежал вразяжку.

— Что это у тебя? белая горячка? — спросил я.

— Да, горячка, точно... с проклятым тюфяком час вожусь.

— Что с ним?

— Да тут, братец, капёль прямо на тюфяк, совсем испортит. Я вот хочу его поставить вкось и, черт знает что такое, как ни поставлю и ни укреплю, проклятые палки упадут; досада — не лягу же я, пока не устрою.

— Что ж ты кровать-то не подвинешь, чтоб на нее не текло?

— Тьфу ты пропасть! Просто не догадался.

Анекдот этот я рассказал на днях одному туристу-литератору вот по какому поводу: мы, двое, обедали в «Веллингтоне», т. е. мы и один издатель журнала. Издатель, наливая туристу и себе не первую рюмку хересу, просил его прислать какого-нибудь вздору о Лондоне, Англии, Шотландии. Турист, положив тщательно нанизанные на вилку полдюжины снетков¹ в рот, отвечал:

— Ей-богу, нечего писать!

— Вы писали прежде письма из Кёнигсберга, из Штетина даже.

— Мало ли что прежде! С уменьшением цены на паспорта все на свете ездят по Европе, всё сами видят. Говорят, что опять поднимут цену — давно пора! Теперь, батюшка, не отделеаешься каким-нибудь замечанием о постройке парламента или о скачке в Ипсбóме; теперь давай всё extra, давай примёры *, спаржу в генваре — где ее возьмешь? Жизнь становится все пошлее и пошлей. Вкус у публики страшно притупился. И в самом деле, после того как Блондин яйца печет на канате, протянутом через Ниагару *, а лев завтракает конюхом в Astley-театре, я не знаю, о чем писать.

— Вы меня простите,— сказал я,— а вы, мне кажется, немного принадлежите к людям... (см. выше).

— Очень хорошо,— отвечал турист и литератор,— но вы кровать-то научите меня отодвинуть. Вы думаете, что достаточно иметь *чернильницу* — так взял перо и пошел писать.

— Я думаю, что и без чернильницы даже можно писать — если есть карандаш.

— Вот вам,— сказал турист издателю,— и корреспондент готов.

— Я другим делом занят; а вы вот хоть и смеетесь надё

¹ Whitebait — самое гастрономическое кушанье англичан.

мною, а я вам сейчас двадцать, тридцать сюжетов укажу, прежде чем мы дойдем от Реджент-стрит до Лестер-сквера. Ваше дело их разрисовать, прибавить общие рассуждения, приятные и неприятные, обличающие нежное сердце и скрывающие незнание Англии.

Ваша беда, господа, в том, что вы всё в одном ряду кресел ищите и оригиналов и событий, забывая, что в этом ряду даже фраки и панталоны одинакие. Страсть к казовому концу увлекает вас, да жиденское сибаритство. На железной дороге вы берете первые места; в трактир идете — так в «Wellington»; даже гимнастикой занимаетесь на мещанскую ногу. В газетах читаете одни политические новости — где ж из них что-нибудь узнать? Словом, вы все движетесь в бесцветной алгебре жизни, а так как ее-то именно и знают все праздношатающиеся соотечичи наши, помнящие родство в ожидании наследства и тесно связанные с родиной оброком, вам и нечего писать. Я иначе делаю: грешный человек, политикой не занимаюсь, а люблю, как черви в сыре, покопаться где поглубже да погнilee; один полицейский отдел в «Теймсе» чего стоит! Ну что тут ваш Блондин и ваш лев? Львы же всегда ели людей, только прежде люди были умнее и не подходили к ним так близко.

Чего стоит одна Ковентри-стрит — в ней всего шагов двести — и ее Лестер-сквер! Недаром на нем глобус, поn squarus, sed orbi ¹, а в «Пунше» был представлен Пий IX, спрашивающий, приехав в Лондон: «Как пройти в Leicersera Squarra?» Чего тут нет? Начните хоть с нищего испанца, который усох до того, что оливковая кожа на нем стала трескаться, и который так загорел, поражая кристиносов, что в тридцать лет не мог выбелиться на лондонском отсутствии солнца. Вы его верно видели сто раз; а я с ним друг, мы даже раз с ним поссорились, и я заискивал его расположение — и заискал. Гверильяс междуособных войн, он остался на углу Лестер-сквера, вернее Кабреры и Цумалакареги своему законному королю *. Отчаянный легитимист, он обиделся, что я дурно отозвался о последней попытке Монтемолино *, и перестал у меня просить милостыню, подергивая и щуря свои глаза старого тигра и говоря, на свободном романско-британском наречии, учтивости вроде: «Pet

¹ не квадратный, а сферический (лат.).— *Ред.*



САТИРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ СЪ КАРРИКАТУРАМИ.

ГОДЪ III.

СОДЕРЖАНИЕ: Изъ воспоминаній объ Англии, Н. Огурникова. — Дачная земля, Общественная Пошта. — Трудящаяся, Миссионар Потупова. — Намъ вѣнчать, М. М. Стопаноското. ИСКОРКИ: Хроника землемѣръ новостей, А. —ей. — Приглашеніе, стихот. Дави Пазола.

№ 24.

РИСУНКИ: Н. Степанова, В.—и—ва, Н. Е. Рачкова, М. М. Зинявскаго и В. Д. Лаврнскаго.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ОБЪ АНГЛИИ.

Межъ сырою англійскою живилью
И ливающею золотыню.

ВЪ ПЕРВЫХЪ

....Вы меня простите, сказалъ я, а мнѣ кажется, что вы отчасти принадлежите къ людямъ, которые съ ужасными трудомъ дѣлаютъ простые вещи, потому что не просто за нихъ принимаютъ; при первомъ пренятствіи теряются, рвутъ себѣ волосы на головѣ, принимаютъ крайнія мѣры или вовсе никакнхъ. Иногда это очень хорошо люди, даже превосходные люди — но не дай Богъ такого генерала или оператора! По счастью, ваше занятіе не такъ кровопролитно.

Я помню, какъ лѣтъ двадцать тому назадъ, я спалъ рядомъ съ конкатой одного изъ моихъ друзей. Дѣло было въ деревнѣ и крыша, рѣдко обитаемаго дома, была съ течью. Съ вечера пошелъ проливной дождь — подъ дождь спителъ крѣпко — я уснулъ; но черезъ часъ времени, шумъ возмъ разбудилъ меня. Что такое? буря, ворм? Я стаалъ прислушиваться: сосѣдъ возмалъ, у него была зажжена свѣча; а я склонилъ и безъ всякаго перелета бросился къ нему. Съ насулепленными бровями, работалъ онъ надъ какой-то страшной задчей. Въ его горницѣ было двѣ кровати: на одной онъ спалъ, на другой была непокрытый, новый замшевый тюфякъ. Пріятель мой досталъ какія-то двѣ палки и ставилъ матрацъ какъ-то стоймя; пока онъ держалъ его — матрацъ держался дыбомъ; но какъ только онъ отходилъ — палка падала и матрацъ снова лежалъ въ расстакю.

— Что это у тебя? была горячка? спросилъ я.

— Да, горячка, точно... съ проклятыми тюфякомъ часъ вохусъ.

— Что съ нимъ?

— Да тутъ, братецъ, капель прямо на тюфякъ, совсѣмъ испортилъ. Я вотъ хочу его поставить вхосъ и, чертъ знаетъ что такое, какъ ни поставлю и не укрѣплю, проклятыя палки упадутъ; досада — не лягу же я, пока не устрою.

— Что-жъ ты кровать-то не подвѣсишь, чтобы на нее не текло?

— Ты-у ты пропасть! просто не догадался.

Анекдотъ этотъ я разсказалъ на дняхъ одному туристу — литератору вотъ по какому поводу: мы, двое, обѣдали въ Веллингтонѣ, т. е. мы и одинъ издатель журнала. Надапель, называя туристу и себѣ не первую рюмку хересу, просилъ его прислать какого-нибудь валдору о Лондонѣ, Англии, Шотландии. Туристъ, положивъ тщательно наизаанные на вилку позложимы свитокъ (*) въ ротъ, отвѣчалъ: «Ей Богу, нечего писать!»

— Вы писали прежде письма изъ Кёнигсберга, изъ Штетина даже.

— Мало-ли что прежде! Съ уменьшеніемъ цѣны на напорты, всѣ на свѣтѣ владутъ по Европѣ, все сами видать. Говорить, что онаи поднимутъ цѣну — давно пора! Теперь, батюшка, не отбѣлаешься какимъ-нибудь замѣчаніемъ о постройкѣ парламента или о скачкѣ въ Иссомѣ; теперь давай все extra, давай примѣры, спаржу въ генварѣ — гдѣ се возьмешь? Жизнь становится все пошадѣ и пошадѣ. Вхусъ у публики страшно притупился. И въ самомъ дѣлѣ, послѣ того какъ Блондинъ лѣцъ печетъ на канатѣ, протанутомъ черезъ Niagara, а лѣвъ застрѣкаетъ конюхохъ въ Astley театрѣ, я не знаю о чемъ писать.

— Вы меня простите, сказалъ я, — а вы, мнѣ кажется, не много принадлежите къ людямъ... (см. выше).

(*) Whitehead — самое гастрономическое кушанье англичанъ.

«Изъ воспоминаній об Англии».

Страница первопечатного текста («Искра», № 24 от 30 июня 1861 г.)

us sed and infandos every sera, every matina at catholick church-
prego»* и пальцем указывая на небо с чрезвычайной точностью.

Вечером вы, недалеко от испанца, непременно встретите старика селадона, разбитого на ноги и зубы, с цветочком в петлице, с цветным фуляром за пазухой. Он ходит, почти всякий вечер, *наглазно* наслаждаться цирцеями Геймаркета; часов в 11 он заходит в Argyle-room; ему все дамы кланяются с фамильярной улыбкой, даже посылают его за каретой; он им говорит любезности времен Бромеля и регента* и провожает до кареты так, как провожал некогда приятельниц Нелсоновой Гамильтонши.

Это предметы для Рембрандта, для Гогарта, а не то чтобы фельетона, который забывается вместе с числом на другой день. Не ходить надобно, как Диоген, с фонарем, а стоять на одном месте да, ежели можно, в потемках, вы столько наглядитесь и научитесь «меж сыром лимбургским живым!»

По моему мнению, ряд процессов разных мертвых живых и живых мертвых в страховых обществах интереснее всякого романа. Вот вам пример...

— Вы говорите о Палмере?

— Совсем не о Палмере. Что такое Палмер? Дал яду — человек умер, с рук сошло; дал другому — тоже отравил, с рук сошло; отравил жену — ну, это с шеи не сошло*; что тут нового? Это и варвары умели отравлять; тут нет ни гения, ни поэзии — нет, я вам расскажу получше историю. Вот вы, любезный турист мой, взяли бы перышко да и записали бы. Что-с? Право, не слышу...

— Да он просто всхрипнул, — заметил, смеясь, издатель.

— И хорошее дело! У него, видно, вино тихое, кроткое; мудрено ли, что никогда не откроет лимбургскую живую жилу под ногами?

— Может! А вот у меня *вино внимательное* — расскажите-ка.

— Вот вам, например: таскался тут один дюжий малый по кабакам, с утра пьян, отек, руки дрожат, нечисто одет, совершенно опустился. Какой-то человек, видевший его в кабаке, принял в нем участие; когда поднесет виски с теплой водой, когда джину с холодной. — словом, они подружились. Только,

как у того совсем денег не было, ему новый знакомый говорит: «Желаете вы приобрести честным образом и без опасности 20 фунтов?» Тот обомлел: он за 5 фунтов готов бы был подвергнуться опасности и достать их самым нечестным средством. «Условие у нас такое: месяц не пить ни капли. Не выдержите — не будет денег». — «Извольте, — говорит; только вы меня уж лучше заприте».

И вот незнакомец этот и другой еще благодетель принялись за моего пьяницу, вымыли его, вычистили, подстригли, купили превосходное платье — только из комнат ни на шаг. Кормят его на убой и вечером, для рассеяния, в театр возят. Отдох мой малый, узнать нельзя, кровь с молоком. Тогда они его представили в страховое общество; директоры улыбаются, доктор смотрит, видит: человек до ста лет проживет. Они его и застраховали в большой сумме и, когда воротились домой, отсчитали ему его двадцать фунтов. Он их и домой не приносил, и сам не приходил; он с того же дня пошел пить мертвую. Месяца через полтора он сделался опасен, того и смотри паралич. Вот его приятели едут в страховое общество и говорят: «Дело худо! Наш родственник получил из семьи страшные вести и так пьет, что спасенья нет».

Те доктора; доктор видит, что он непременно умрет.

Что ж делать?

Родственники говорят: «Мы не разбойники, не хотим вас грабить; давайте нам только половину денег, а мы у него возьмем все документы».

Так общество и сделало. А родственники — новый контракт. Опять моют, чистят, бреют, помадят человека, опять кормят на убой и везут его в другое страховое общество. Коротко — повторяют ту же проделку. Но слух об первой разнесся, и новая компания не хотела сделки, говорит: «Мы все под богом ходим; умереть — наше несчастье». — «Это ваше последнее слово?» — говорит изобретатель. — «Последнее». — «Ну, треть — и по рукам». — «Не хотим». — «А так заплатите всё; коли на то пошло, мы не пожалеем денег. — Любезнейший друг, — говорят они пациенту, — пейте сколько хотите spirits¹ — мы платим. — Вы увидите, господа, что он обопьется».

¹ спиртного (англ.). — *Ред.*

— Чем же это кончилось? — спросил издатель.

— Разумеется, он опился и общество заплатило мошенникам.

Вот вам и другое: какой-то ирландец Esq(uiге), несчастный человек, ему ничего не удавалось. Мучился он, мучился и наконец придумал фортель: изменил себе немного лицо и пошел страховать себя в пользу брата, заплатил за полис последние деньги и отправился ходить по больницам; там приискивал он, не торопясь, подходящий труп, купил его и давай хоронить с большим почетом, сам сзади идет, весь в трауре, плачет, и потом является в общество с свидетельством о кончине и похоронах родного брата; словом, уладил дело так хорошо и так хорошо его прежде подготовил, что деньги получил, да на всякий случай тотчас застраховался в другом обществе. Пока он жил на деньги, полученные после своих собственных похорон, и придумывал, как ему снова получить капитал, сама судьба помогла ему. Гуляет он в Ричмонде, на берегу Темзы; глядь — суета: полицейские, мальчишки — всплыло мертвое тело, никто не знает, кто такой. Ирландец подошел — и обомлел. «Господа, — кричит он, — это лучший друг мой, это... это...» и называет мертвого своим именем. На следствии коронера * он присягнул, никто ему не возражал; оказалось, что у него было завещание его друга, и именно он ему оставлял капитал страхового общества. По несчастию, дело открылось, и его отдали под суд.

В заключение, на закуску, я прибавлю одно маленькое событие, но чрезвычайно характеристическое и необычайно германское. Какой-то немец, живший в Лондоне, застраховался и должен был, в известные сроки, вносить суммы при жизни. Денег у него не было, вносить он не мог. Общество пристало к нему; он просил отсрочку — ему отказали. Тогда он написал, что если они еще раз откажут и пришлют описывать его имение, то он застрелится и лишит их капитала.

Англичане приняли это за браваду и послали брокеров.

Немец не шутил — и застрелился.

— Расскажите еще что-нибудь; я велю переменить бутылку.

— Согласен — на бутылку; но рассказы позвольте до другого раза.





ПОЛЬСКИЙ АДРЕС

Четвертого июля несколько польских изгнанников пришли ко мне от имени своих товарищей, живущих во Франции, чтоб братски пожать руку и в моем лице сказать спасибо русским, разделяющим наше мнение о *правоте* польского дела. Они вручили мне адрес, подписанный *четырьмястами тридцатью шестью* польскими изгнанниками, живущими в Париже, с приложением писем из департаментов с *тридцатью пятью* подписями¹.

Этот акт высокого, братского признания нашего сочувствия со стороны польских изгнанников я — случайный представитель мнения целого круга наших друзей в России — принял с умилением и благодарностью. Он принадлежит не мне, а всем единомышленникам нашим. Себе оставляю я только письменный документ и завещаю его, как сказал депутации, моим детям — это будет их майорат ссылки.

Париж, 5 июля 1861.

¹ Вчера получен еще адрес от поляков из Алжира с 46 подписями.

РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ — ЖЕНЩИНАМ ПОЛЬСКИМ

Какая-то непреклонная Немезида, или вознаграждающая и карающая Ирония, постоянно выводит из исторических злодейств, совершаемых бессмысленными и отсталыми правительствами, результаты совершенно противоположные тем, которых они ожидают.

В Варшаве лилась кровь безоружная; молитва, гимн, одежда сетования и одежда народного воспоминания — были гонимы онемеченными ордынцами с рабским усердием; ложные, лицемерные уступки еще раз засвидетельствовали перед миром, что нераскаянный Петербург не признает никаких прав за Польшей.

И тотчас большая часть мыслящей России признала *правоту польского дела* и наперерыв стремится заявить свое сочувствие народу польскому в то самое время, когда поляки с большим доверием, чем когда-нибудь, протягивают руку нам, русским, разрывающим всякую солидарность с царскими опричниками и писарями. Удалось, нечего сказать!

Мы получаем письмо за письмом от русских офицеров и литераторов, от друзей и незнакомых, в которых нам говорят о сочувствии нашему взгляду на польские дела. Наконец, на днях пришло превосходное письмо *от имени русских жен, матерей и сестер*. Они нас избирают «посредниками между ними и польскими женщинами».

Скажите им, — пишут они, — о наших чувствах и убеждениях, скажите им, что мы, так же как и вы, желаем полной и безусловной свободы и независимости Польши. И пусть наш слабый голос сольется с печальным звоном вашего «Колокола» и, коснувшись сердца, совести и сочувствия всех русских жен, матерей и сестер, дойдет и до Польши.

С умилением, с благодарностью принимаем мы эту святую миссию.

Плачьте с нами,— говорят они,— и за нас! Пускай вопль русских жен и матерей дойдет до жен и матерей Польши. Скажите им, что мы хотели бы упасть на их грудь и смешать наши слезы — но не тут наше место!.. Мы на коленях умоляем их простить наших сыновей и братьев и пожалеть нас — мы несчастнее их!

Сердце обливается кровью, когда мы, бедные русские женщины, дуем о наших сыновьях, мужьях и братьях, находящихся в Польше, и ждем, и боимся свидания с ними. «Какими они к нам возвратятся?» — спрашиваем мы себя, терзаясь заранее. Мы проводили их чистыми, незапятнанными перед людьми и богом, а встретим... как мы их встретим? Может быть, укором, проклятием... и *целая бездна будет нас разделять друг от друга!* О брат мой! и ты, сын мой, припади к родной земле и послушай: в степях наших *стон стоит!* Дойдет ли он до тебя?..

Какая казнь, какие пытки могут сравниться с нашей *бедою*? Несчастные матери, для нас существует одно спасенье и надежда, одно *страстное желание* — чтобы сыновья наши отказались повиноваться своему государю и предпочли бы смерть или ссылку в Сибирь — братоубийству, стыду и бесчестию!

К этому воплю матери, жены, сестры нам не приходится ничего прибавлять.

Мы понимаем этот голос — он страшно знаком нам!

Но пусть и русская женщина утешится: тот нравственный переворот, который они ищут в сыновьях и братьях, совершается, и если рядом с Хрулевым становятся окровавленные Апраксины и Дренякины, мрачные Каины самовластья и крепостного права,— то есть и другие офицеры, которых слепое повинование висит на нитке.

Мы получили, после первой варшавской бойни, статью, писанную одним русским офицером, под заглавием: «Еще кровь и слезы между Россией и Польшей». Статью эту, вполне оцененную нами, мы только не поместили потому, что к нам она пришла уже после второй бойни и после объявления «Положений»; в ней, при всей ее силе, есть еще надежда на того человека, на которого и мы надеялись; есть еще желание простить ему многое, как и мы хотели простить. У нас нет больше надежд, нет прощений — пусть судьба этого человека совершается: он убил, как Макбет, наш сон!

Вот что пишет офицер:

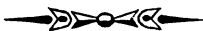
...Когда мы, принадлежащие к жалкому поколению, взрослому в душной среде николаевского гнета, взирали на груды трупов, которыми покрывались окрестности Севастополя; когда мы среди этих невинных жертв самодержавной необузданности узнавали печально-задумчивый лик нашего брата, сына берегов Вислы; когда среди них мы находили другой, наш родной образ — обитателя литовских лесов, однообразно-грустных, как самая жизнь его, — тогда мы, наслушавшиеся на корпусной скамье о доброте сердца и просвещенном уме тогдашнего нашего августейшего начальника, теперь русского царя, тогда мы, полные негодования и скорби о настоящем, переносили в будущее свои надежды и утешения. Мы думали, что этот царь, вняв нуждам и требованиям своих народов, захочет и сумеет мудрыми мерами соединить их неразрывным братством во имя общей свободы и общего благосостояния. Мы думали, что Александр, невольный свидетель страданий и гибели своих подданных, оценит их долготерпение. Так думали не мы одни, а многие: в России и Польше восшествие Александра приветствовало тысячи светлых упований. Прошел разгром Севастополя; под его развалинами легло много русских, легко немало и поляков. Первые отстаивали свое и царское достоинство; а вторые что?.. Силу гнетущего их деспота и враждебную им почву. Сколько польских рук, закованных в кандалы, изныло в арестантских ротах при сооружении тех доков, защита которых теперь обгагралась кровью их братьев!.. Что, если подобная мысль нарушила торжественный покой кончины которого-либо из поляков, павших в рядах русских в стенах Севастополя? Какое жгучее чувство негодования должно было потрясти его страдальческую душу; какие тяжкие проклятия должны были исторгнуться с последним вздохом из его замирающей груди! Но, быть может, обманутый, он думал в наивном заблуждении, что верностью своим знаменам и собственным заклятием спасает свободу и целостность общей родины; быть может, он мечтал запечатлеть своею кровью будущий мир и братство славянских племен, и, быть может, его потухающим взорам являлся освобожденный образ его милой отчизны... Не знаем, какая могла быть последняя мысль поляка, павшего под ударами врагов России, и завещал ли он месть или любовь своим грядущим поколениям? Но Александр должен был не раз наткнуться на эти горькие размышления; в душе его они должны были пробудить чувство отвращения к тяжким грехам своих предшественников и теплую любовь к несчастному народу. И мы думали, что Александр поспешит примирить тени польских мучеников с грозною памятью его отца; мы думали, что он воскресит зверски добытую Николаем свободу польского народа; мы думали, что Александр, восшедший на русский престол, созовет народный сейм в Польше и станет конституционным королем Польши не одною русскою божьею милостью, но и свободною волею польского народа (*Pas de rêveries!*)¹.

¹ Никаких мечтаний! (франц.). — *Ред.*

Но мало ли чего мы не думали, мало ли чего мы не ожидали от Александра!.. Увы, мы слишком доверчиво поддались своим ребяческим мечтам! Наши надежды... Да что об них говорить; какое дело русскому царю до наших *несвоевременных упований*... Русский царь ждал... ждал и дождался, наконец, гнусного побояния поляков русскими войсками...

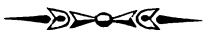
Александр, помнится, сказал дворянству одной из великороссийских губерний по поводу освобождения крестьян: «Дайте мне возможность стоять за вас». — «Дайте, государь, — скажем мы теперь ему, и нам возможность *остаться с Вами*».

Честь и слава и русской матери, и русскому офицеру!



КРЕСТНЫЙ ХОД БОГОМОКРИЦ В ГОРУ ПРОСВЕЩЕНИЯ

С тех пор как reverend Путятин преобразился на горе *фавора* царского в министры просвещения, поползли из-под камня православная вера морские Бурачки, лужные Аскоченские; один, говорят, будет товарищем просвещения, другой каким-то обер-фор-шнейдером при цензуре. Зачем терять золотое время, благо судили в Тихом океане такую святорыбицу в министры просвещения? Это своего рода экзамен. Если образование вошло в нравы, сделалось насущною потребностью, то сам Бажанов с Башуцким его не остановят; если же оно все еще одна служебная привилегия и императорская затея для хвастовства перед Европой, то, пожалуй, и лучше его заткнуть Путятиним, сделать из университетов Соловецкие монастыри и для благолепия придворного штата выписать свежих немцев на Васильевский остров*.



КНИГА К. С. АКСАКОВА

У Вагнера, в Лейпциге, вышла небольшая книжка покойного К. С. Аксакова под заглавием «Замечания на новое административное устройство крестьян в России». Укором раздается

из свежей могилы этот голос горячей любви к народу русскому в то время, когда опричники *освободителя* секут Россию, расстреливают Россию. Сколько страданий готовилось Аксакову, если б он не умер! Он не вынес бы всекаемого *освобождения*, мы уверены в этом — он бросился бы в ряды крестьян ... больше мы не можем почтить его благородной памяти!



〈ХРАБРЫЙ ДРЕНЯКИН〉

Храбрый Дренякин представлял к награде «молодцов», убивавших крестьян, наших братьев русских крестьян. Чем же их наградить? Надобно выписать австрийские или прусские кресты — не русскими же награждать за русскую кровь! В сороковых годах Николай с тем тактом, который его отличал, повелел в белорусских губерниях награждать отцов, которые сами выдают детей своих, скрывающихся от рекрутства, медалью и 200 р. сер. «Какую же медаль им дадут,— сказал я раз А. С. Хомякову,— не ту ли, что дают крестьянам с надписью „За спасение погибавших“?» — «Непременно,— заметил Хомяков,— только уж с надписью „За гибель спасавшихся“». Выбивши в честь редакционной комиссии и потом в честь самого себя медали, правительство может заняться и этой. С одной стороны венок из розог, связанный флигель-адъютантским эксельбантом, а с другой стороны — *«Сим освобождаю!»*



⟨РЕДАКТОРУ «ПРЕГЛЯДУ РЗЕЧЫ ПОЛСКІХ»⟩

Panie Redaktorze! Ostatnimi czasy otrzymałem z Rosji sumę 125 f. st., z zaleceniem ofiarowania 2.000 fr. szkole polskiej w Paryżu i rozdzielenia reszty pomiędzy pomocy potrzebujących Polaków, *ktorzyby w wojnie włoskiej udział wzięli*.— Bezwzględnie posłałem 2.000 fr. p. Malinowskiemu, dyrektorowi polskiej szkoły; 500 zaś panu Occhipinti, wiceprezesowi polskiego komitetu w Genui. — Jeżeli podejmiesz się pan rozdzielenia 500 fr., przyszlę Mu je natychmiast.

Zobowiążesz mnie pan Redaktor, czyniąc wzmiankę o tych faktach w piśmie swoim.— Dodam że przed dwoma miesiącami, miałem sposobność przesłania na ręce p. Dulfusa fr. 500 dla naszych braci Polaków do Neapolu.

Al. Herzen,
redaktor *Kotokoła*.

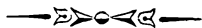
П Е Р Е В О Д

⟨РЕДАКТОРУ «ПРЕГЛЯДУ РЗЕЧЫ ПОЛСКІХ»⟩

Господин редактор! В последнее время я получил из России сумму в 125 ф. ст. с просьбой пожертвовать 2000 фр. на польскую школу в Париже, а остальные разделить между нуждающимися поляками, *которые примут участие в итальянской войне*. 2000 фр. я немедленно выслал г. Малиновскому, директору польской школы, 500 — г. Окипинти, заместителю председателя польского комитета в Генуе. Если Вы возьметесь разделить 500 фр., я вышлю их Вам немедленно.

Вы обяжете меня, г. редактор, сделав сообщение об этих фактах в своем журнале. Добавлю, что два месяца тому назад я имел возможность послать г. Дульфусу 500 фр. для наших братьев-поляков в Неаполе.

Ал. Герцен,
редактор «Колокола».



ЗАВОДИТЕ ТИПОГРАФИИ!
ЗАВОДИТЕ ТИПОГРАФИИ!

Теперь самое время. Мы с восторгом узнали, что у нас начали печатать в тиши, *не беспокоя* цензуру, мы видели даже один листок «Великоросса». Это *второй*, необходимый шаг; везде так шло. Дома стесненная мысль ныряла и появлялась вдруг где-нибудь в чужой стране; на время это удовлетворяет. Но как только мысли, печатаемые за границей, начинают осуществляться, им нужна родная почва, близость, вдохновение дня. Печатайте ручными типографиями, печатайте кой-как, тут не до эльзевировских изданий, имейте букв на пол-листа, чтоб разом можно было спрятать от *долгих* рук * и *коротких* умов тайной полиции. Нет в Европе страны, где легче заводить типографии, как у нас, везде теснее живут. Но не нам вас учить, да еще публично, мы ограничиваемся братским советом: *Заводите типографии! Заводите типографии!*



**ИСКОПАЕМЫЙ ЕПИСКОП,
ДОПОТОПНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО
И ОБМАНУТЫЙ НАРОД ¹**

Шесть часов до своей кончины, в декабре 1846, воронежский архиерей Антоний вспомнил, что за *шестьдесят* лет умер его предшественник Тихон, и «вменил себе в священный долг, по особому внушению, засвидетельствовать архиерейской совестью пред Николаем Павловичем о сладостном и претрепетном желании, да явлен будет пред очию всех сей светильник веры и добрых дел, лежащий теперь под спудом».

Затем все сделали свое дело: Антоний умер, Николай не обратил никакого внимания на предсмертный бред монаха — он же полагал, что Митрофаном отделался навсегда от мощей и воронежской епархии; покойник продолжал покоиться под спудом.

Настали другие времена — времена прогрессов, освобождений и обличений. *Шесть* лет после воцарения Александра II и в *шестой* (кажется) день святительства адмирала Путятина *, корчемствующего судно светского просвещения к берегам вечной и нетленной Японии, синод и государь, Бажанов и государыня нашли *благовременным* приступить к *необходимым* распоряжениям для *обличения* нетленности тела святителя Тихона. Эта палеонтологическая работа была поручена Исидору киевскому (ныне петербургскому), какому-то Паисию и другим экспертам. Думать надобно, что известный читателям «Колокола» крепост-

¹ Событие это, представление синода и указ * до такой степени пошлы, нелепы, что ритор, защитник, хвалитель Зимнего дворца, «Le Nord», не нашел духу передать своим европейским читателям такую глупость.

ник и во Христе сапер Игнатий * заведовал земляными работами. Следствие вполне удалось, и ископаемый епископ, «во благоухании святыни почивший», пожалован государем в святыне, а тело его, за примерное нетление, произведено в мощи, с присвоением всех прав состояния, т. е. пользования серебряной ракой, лампадой, восковыми свечами и, главное, кружкой для сбора, коею иноцы будут руководствоваться по *особому* внушению божию и по крайнему разумению человеческому.

Мы останавливаемся перед этой нелепостью и спрашиваем: для чего эта роскошь изуверства и невежества, эта невоздержанность идолопоклонства и лицемерия?

Может, инок Тихон был честный, почтенный человек — но зачем же эта синодальная комедия, не сообразная с нашими понятиями, зачем же тело его употреблять как аптеку, на лекарство? Ведь в врачебные свойства Тихона, несмотря на «сорок восемь обследованных чудес»¹, никто не верит: ни Исидор, прежде киевский, а теперь петербургский, ни Паисий, ни Аскоченский, ни Путятин, ни камилавки, ни ленты через плечо.

Да это и *не для них* делается — *а ими!*

Чудесам поверит своей детской душой крестьянин, бедный, обобранный дворянством, обворованный чиновничеством, обманутый освобождением, усталый от безвыходной работы, от безвыходной нищеты, — он поверит. Он слишком задавлен, слишком несчастен, чтоб не быть суеверным. Не зная, куда склонить голову в тяжелые минуты, в минуты человеческого стремления к покою, к надежде, окруженный стайей хищных врагов, он придет с горячей слезой к немой раке, к немому телу — и этим телом и этой ракой его обманут, его утешат, чтоб он не попал на иные утешения. И вы, развратители, ограбивши несчастного до рубища, не стыдитесь употреблять эти средства? Вы хотите сделать его духовным нищим, духовным слепцом, подталкивая его в тьму изуверства, — какие вы все черные люди, какие вы все злодеи народа!

А тут толкуют о старообрядцах, о раскольниках, об их изуверстве, об их обманах, пишут побасенки в клевету и уничи-

¹ Кто делал следствие, как? Хоть бы достать восемь — ужасно интересно было бы для характеристики наших шаманов.

жение гонимых, которые не могут ответ держать. Нет, ваша полицейская церковь не выше их образованием, она только ниже их жизнью. Их убогие священники, их иноки делили все страдания народа — но не делили награбленной добычи. Не они помазывали миром петербургских царей, не они проповедовали покорность помещикам, не они кропили войска, благословляя на неправые победы; они не стояли, в подлом уничтожении, в передней бироновских немцев, они не совокупляли насильственным браком крепостных, они не загоняли народ в свою молельню розгой капита-исправника, их пеших иерархов не награждали цари кавалериями!

... О, если б слова мои могли дойти до тебя, труженик и страдалец земли русской, — до тебя, которого *та* Русь, Русь лакеев и швейцаров, презирает, которого ливрея зовет *черным* народом и, издеваясь над твоей одеждой, снимает с тебя кушак, как прежде снимала твою бороду, — если б до тебя дошел мой голос, как я научил бы тебя презирать твоих духовных пастырей, поставленных над тобой петербургским синодом и немецким царем. Ты их не знаешь, ты обманут их облачением, ты смущен их евангельским словом — пора их вывести на свежую воду!

Ты ненавидишь помещика, ненавидишь подьячего, боишься их — и совершенно прав; но веришь еще в царя и в архиерея ... не верь им. Царь с ними, и они его. Его ты видишь теперь, — ты, отец убитого юноши в Бездне, ты, сын убитого отца в Пензе *. Он облыжным освобождением сам взялся раскрыть народу глаза и для ускорения послал во все четыре стороны Руси флигель-адъютантов, пули и розги.

А пастыри-то твои в стороне — по своим Вифаниям да Халкидонам. Вот оттуда-то мы и желали бы «претрепетно» явить перед очию всех добрые дела духовных светильников твоих.

После вековых страданий, — страданий, превзошедших всю меру человеческого долготерпения, занялась заря крестьянской свободы. Путаясь перевязанными ногами, ринулась вперед, насколько веревка позволяла, наша литература; нашлись помещики, нашлись чиновники, отдавшие всем телом и духом великому делу; тысячи и тысячи людей ожидали с трепетом сердца появления указа: нашлись люди, которые, как М. П. Погодин, принесли наибольшую жертву, которую

человек может принести, — пожертвовали здравым смыслом и до того обрадовались манифесту, что стали писать детский бред*.

Ну, а что сделала, в продолжение этого времени, всех скорбящая, сердобольная заступница наша, *новообрядческая* церковь наша со своими иерархи? С невозмущаемым покоем ела она свою семгу, грузди, визигу; она выказала каменное равнодушие к народному делу, то возмутительное, преступное бездушие, с которым она два века смотрела из-под клобуков своих, перебирая четки, на злодейства помещиков, на насилия, на прелюбодеяния их, на их убийства ... не найдя в пустой душе своей ни одного слова негодования, ни одного слова проклятья!

Европа встрепенулась; в Англии, во Франции чужие приветствовали начало освобождения, показали участие. Укажите мне слово, письмо, проповедь, речь — Филарета, Исидора, Антония, Макридия, Мельхиседека, Агафатокла? Где молитва благодарности, где радостный привет народу, заступничество за него перед остервенелым дворянством, совет царю? Ничего подобного — то же афонское молчание, семга, визига, похороны, освящение храма, купеческие кулебяки да вино — благо гроздия винолозы постные суть. А тут, лет через двадцать пять, «претрепетное желание», и они выставят «во благоухании почившего» какого-нибудь Трифона или Тихона, с кружечкой для благодатных дателей! Что у вас общего с народом? Да что у вас общего с людьми вообще? С народом разве борода, которой вы его обманываете. Вы не на шутку ангельского чина, в вас нет ничего человеческого¹.

Новообрядческая церковь отделалась, на первый случай, острым словом московского Филарета; в одной из своих *привратных* речей, которыми он мешает своим помазанникам входить в Успенский собор, он отпустил цветословие о том, что

¹ Мы говорим о высшем духовенстве; вероятно, из священников нашлись многие, сочувствовавшие народу. Мы помним, сверх того, молодого архимандрита Казанской академии Иоанна, поместившего в январской книжке 1859 «Православного собеседника» «Слово об освобождении»; но статья его тотчас вызвала дикий и уродливый ответ во Христе сапера*.

другие властители покоряют народы пленением, а ты, мол, «покоряешь освобождением» *.

Говорили, правда, речи архиереи после объявления манифеста, и то по губернаторскому наряду, т. е. так же добровольно являлись они за налоем, как жандармы являются к разъездам. Да и что же замечательного было ими высказано?

Медаль перевернулась скоро. Михаил Петрович еще бредил и не входил в себя от радости, а уж из обнаженной и многострадальной груди России сочилась кровь из десяти ран, нанесенных русскими руками, и согбенная спина старика крестьянина и несложившаяся спина крестьянина-отрока покрывались свежими рубцами, темносиними рубцами освобождения.

Крестьяне не поняли, что освобождение обман, они поверили слову царскому — царь велел их убивать, как собак; дела кровавые, гнусные совершились.

Что же, кто-нибудь из иерархов, из кавалерственных архиереев пошел к народу объяснить, растолковать, успокоить, посоветовать с ним? Или бросился кто из них, как в 1848 католический архиерей Афр *, перед одичалыми опричниками, заслоняя крестом, мощами Тихона, своей грудью неповинного крестьянина, поверившего в простоте души царскому слову? Был ли хоть один? Кто? Где? Назовите, чтоб я в прахе у него попросил прощения... Я жду!

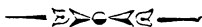
А покамест еще раз скажу народу: нет, это не твои пастыри; под платьями, которые ты привык уважать по преданию, скрыты клеветы враждебного правительства, такие же генералы, такие же помещики; их зачерствелое, постное сердце не болеет о тебе. Твои пастыри — темные, как ты, бедные, как ты; они говорят твоим языком, верят твоим упованиям и плачут твоими слезами. Таков был пострадавший за тебя в Казани иной Антоний *; мученической, святою кровью запечатлел он свое болезненное родство с тобою. Он верил в волю вольную, в волю истинную для русского земледельца — и, поднявши над головою ложную грамоту, пал за тебя.

Об открытии его мощей не попросит, за *шесть* часов, ни один архиерей и не дозволит ни один петербургский царь. Да оно и не нужно — он принадлежит к твоим святителям, а не

к их. Тела твоих святителей не сделают сорока восьми чудес, молитва к ним не вылечит от зубной боли; но живая память об них может совершить одно чудо — твое освобождение ¹.

¹ Недавно нам рассказывали случай бывший года полтора тому назад в Хвалынске. Полицейский поп, сговорившись с каким-то чиновником, напали на старообрядческого священника *Осипа Федоровича Андреева*, ехавшего с женой и детьми и снабженного паспортом, выданным из самарской конторы. Поп и исправник разбили ящики с кладью, отобрали паспорт и Андреева отправили скованного сначала к исправнику Серееде, а потом в острог. Спустя девять месяцев тот же очевидец этого духовно-земского разбоя снова проезжал по Хвалынску и, вспомнив историю, спросил о священнике Андрееве и узнал следующее: жену и детей к нему не допускали целые полгода. Жена ездила в Саратов; там ее обругал и прогнал протопоп *Поляковский* и грозил ее самое посадить в тюрьму. Несчастливая женщина, разоренная, без всякой помощи, написала письмо к государю. Государь не отвечал — он сам принадлежит к церкви исправника и поца!

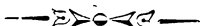
В *Орловской губернии*, — пишут нам, — многие попы до тех пор отказывались от чтения манифеста об освобождении, пока крестьяне не делали складчину, ими самими назначенную.





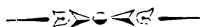
РАЗБОЙ В БОЛЬНИЦАХ

Какой-то, вероятно, юный врач пишет нам о гнилой пище в больницах, о том, что больные умирают от этого, а директора их показывают живыми, о том, как ревизор берет взятки,— и ему это еще ново! О девственник святой!



СВИРЕПЫЙ ФЕОФИЛАКТ

Говорят, что ректор одесской семинарии, пользуясь таким боголюбивым именем, точно Каваньяк в 1848 году *, без совета и суда депортирует учеников. Правда ли, что такая *razzia* ¹ была в прошлом году? Пора однако обратить внимание на деспотическое своеволие живых мертвецов, которым на посох дано все белое духовенство.



АСКОЧЕНСКИЙ П

Говорят, что, опасаясь утратить Аскоченского I, ему назначен на случай (чего боже сохрани),— на печальный случай кончины, наместником — *Сергий Шульц*, 24 лет, следственно, имеющий *de la marge* *. Бывший воспитанник лицея, он с

¹ облава (итал.).— *Ред.*

молодых лет показывал ту же слабость, как и императрица, к православию, и притом самому радикальному. Они уж вместе, говорят, наделали разных шалостей какому-то священнику, преподающему в царскосельской воскресной школе.

Обращаем серьезное внимание архиепископа Путятина на этого юного феолага.



ЗАГОВОР

Что за заговор открыт? Что за сенатор, что за дамы? Timeo danaos! * Не лежит у нас сердце к этим заговорщикам первых трех классов; тут наверное не убеждение, не сочувствие к народу в основе, а личные выгоды, корысть, перемена лиц, *те же мундиры с другой начинкой*. Или это опять пуф парижских и бельгийских журналов? Корреспондент «Star'a» говорит, что «высокопоставленные заговорщики имели сношения с русскими изгнанниками», конечно не с нами. Мы с народом русским, мы с мужиками, а не с сенаторами.



ПУТЯТИН МОЛЧИТ

«Nord», сильно преданный всему морскому *, сильно предан и нашему архиепископу — адмиралу русского просвещения; но напрасно ждал он его архипастырского циркуляра и прочил, что он своим жезлом сбросит, если не в Волхов, то в Неву, Перуна — омрачителя наших дней — Ценсуру.

Не сбылись, мой «Nord», пророчества
Пылкой юности твоей! *

Путятин, с смирением, достойным иных веков, принял молча даже все нелепости, все противучеловеческое строгиновской ревности о невежестве.

Кстати—по части «Прогресса затмения», вот что нам пишут:

Воскресные школы доживают последние дни под тяжелой лапой всевозможных начальств и инспекторов; почти всех добровольных преподавателей выжили и по наряду заменили казенными учителями низших училищ. Настала очередь университетов, для *благоустройства* которых, под началом великого инквизитора Строгонова, составила известная комиссия *грех* *. Первый проект ее о размещении факультетов по частям города и учетверении платы грешил излишней прямою, надобно было *mezzo termine* ¹, то же почти, да не в такой осязаемой форме; вот и сочинили и, наконец, утвердили новые, не лишние также своего рода прелести, правила. Вслед за некоторыми милыми мелочами, как-то: учреждение билетов для входа в аудиторию, надзор профессоров за исправным посещением их лекций (переключки?), подписка с студентов в «благопристойности»,— мы встречаем здесь капитальный пункт: *бедные не освобождаются от платы, кроме двух из каждой губернии, отличившихся на вступительном экзамене, и одного из гимназии.* Нечего и комментировать этот гнусный факт, стоит только вспомнить, что в одном Петербургском университете 600 человек не могут внести платы.

¹ уменьшить точность терминов (итал.).— *Ред.*

ПОЗДНЕЕ, НО СУЩЕСТВЕННОЕ ДОПОЛНЕНИЕ

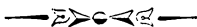
В 93 № «Колокола», под заглавием «Салический закон в Московском университете», помещена реляция блистательного похода храброго университетского начальства против девушки, появившейся в аудиториях. Но при этом упущена самая интересная подробность: попечитель Исаков исключил родственника слушательницы, студента юридического факультета г. Славутинского, за то, что он вместе с ней приходил в университет. Причина показалась не довольно ясною отцу преступника, он требовал объяснений — попечитель отвечал дерзостями. Неужели это правда?



〈ИГУМЕНЬЯ АЛЕКСЕЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ В МОСКВЕ〉

Правда ли, что игуменья Алексеевского монастыря в Москве превращает его в Алексеевский рavelин, гнусно обращается с послушницами, бьет их, запирает в какие-то темные чуланы?

Если правда, мы будем жаловаться Путятину.





REPETITIO EST MATER STUDIORUM¹

В последнее время с особенным озлоблением нападают на некоторые мнения, защищаемые нами. Может, мы и ошибаемся во многом, но хотели бы отвечать только за *свое*, а не за намеренно искаженные мысли наши враждебной или желчевой критикой. Это заставило нас поместить предлагаемый *отрывок* (из статьи, назначенной в «Полярную звезду») в «Колоколе», несмотря на то что мы избегаем в нем всеми средствами общие взгляды, professions de foi и пр. Мы печатаем его не как *ответ*, а как *предел*, или *межу*, для определения границ, за которыми мы не отвечаем за нелепости, которые ставят на наш счет.

И—р.

Torquay (Devonshire), 30 августа 1861.

...Прежде всего следует вспомнить определительно, что я говорил.

Я говорил и теперь утверждаю, что современный государственный быт дошел в Европе до того предела изменяемости, далее которого он не может развиваться сообразно новым потребностям людским, *не изменяя* своих оснований, т. е. не переставая быть самим собою. Сознание этого явилось в нем самом. Социальные учения, как бы они ни были формулированы, далеко перехватывают за возможность улучшений существующего порядка. Они стремятся водворить иное отношение людей к собственности, к обществу и между собой. При изменении этих основных отношений прежние институты, формы могут

¹ Повторение — мать учения (лат.).— *Ред.*

остаться, но они *иначе* взойдут в общественную формулу, т. е. иную функцией, и тогда между новым обществом и старым государством останется столько же общего, как между Римом императоров и Римом пап. Как внутренний исторический химизм разлагает одно тело, один организм и соединяет его составные части в иные ткани другого организма, нам еще недавно показал по трупу страшной силы анатом на величайшем кладбище мира. Читая книгу Грегоровиуса *, можно наглядно проследить, как с каждым поколением античный Рим слабеет, выветривается, а христианский крепнет и растет. Под конец не было и борьбы, а неотразимо совершающееся превращение. Случайный элемент, прорвавшийся из германских лесов, доломал силой старую весь; было ли это счастье или несчастье — я не знаю и никогда не говорил об этом... Пути истории, пути природы оттого нам и кажутся так неисповедимы, что они прокладываются без плана, ломают без жалости и пользуются всем по дороге, как настоящие мародеры.

Что было бы с Римом без нашествия варваров, и как бы он справился с новыми идеями, или как бы их победил своей философией, сказать тоже нелегко. Мы имеем один резкий пример античного порядка и христианского влияния — в Византии. Она не жила, а тянулась до своего падения, она была очень *стара*, несмотря на то что дети родились не седые и не плешивые. Турки дали ей честную кончину *.

Жизнь западного мира гораздо сложнее римской, у ней нет одной головы, которую искал Калигула *, а потому и судьбы его не так просты. Сильно поврежденный бурями, он, как корабль, накренился на одну сторону, отлил часть себя за океан, оправился и поплыл на всех парусах; но вместо гавани, которая постоянно виднелась и которая вряд существует ли, он доплыл до нового водоворота — обогнуть его, уплыть от него трудно. Как разрешит он вопрос, стоящий перед ним и требующий неотложного ответа, и разрешит ли его? Сказать положительно *да* или *нет*, так или *эдак* может поврежденный или пророк. Но делать предположения мы имеем полное право, не будучи ни безумными, ни преступниками.

Предположения могут быть розны уже потому, что трудно себе представить одно решение и одинакий результат. Неужели общественное пересоздание пойдет одинаким образом в стране тихого, настойчивого, поступательного развития,— в стране, где митинг покоен, свобода книгопечатания не вводит в грех и Бёкль так флегматически-спокойно проповедует прогресс исподволь,— и в стране вулканических взрывов, рабства и своеволия, где Прудон мечется и прыгает на своей цепи, как пойманный вебрь? Где начнется разгром — в потухнувшем ли французском кратере или на морском дне английской жизни, куда ветер не доходит, где бури не слышны, куда самый свет едва проникает?

Да и вообще — в Англии ли и во Франции начнется он? То, что они царят в настоящем, что они мощны — не резон. В полном, могучем разгаре векового развития, в богатом урожае его, трудно пробиться, прорасти чему-нибудь новому, особенно отрицающему существующее. Все занято, все ринуту, увлечено, все действует в очерченном кругу, все бережет свое состояние и не хочет рисковать им в пользу неизвестного.

Что же нелепого в предположении, что новые общественные формы, новые экономические основы прозябнут и разовьются в других странах, мало имущих, с бродящими и неустроенными силами, с несложившимися складками,— пока пышный цвет прежней жизни будет доцветать до утраты последнего благоухания, последнего яркого лепестка? Тут нет ничего удивительного, это общий путь жизни с ее вечным нарождением молодого, без ущерба старому. Чем дольше общество жило исторической, государственной жизнью, чем богаче былым, тем прочнее, тем больше сложились формы, в которых движется его жизнь, тем они глаже, удобнее, тем больше крепость их покоится на внутреннем признании, на самой народной совести, выработавшей их; они действительно многому соответствуют и с тем вместе многому препятствуют. Новому порядку вещей приходится вступать в борьбу со всей совокупностью этих признанных и действующих институтов. Борьба почти никогда в истории не оканчивается безусловной победой той или другой стороны — хоть камни и колопны какого-нибудь Юпитерова

храма взойдут в постройку новой церкви. Развитие вообще идет разными сочетаниями двух взаимно действующих сил *традиции и идеала*. Чем сильнее, чем крепче, чем богаче предание, тем упорнее оно себя отстаивает, тем больше проникает в идеал, стягивая его в свою сторону. То, что стоит за себя, то имеет *неоспоримое право жить*, как нам это ни досадно ¹.

Некогда перед подобными твердынями разбивалась мысль или разбивался человек. Круг был очерчен — для Катона Утического городским валом, для Дантона французской границей. Теперь человек удободвижимее, он может легко «нести на своих подошвах отечество» * и во многих странах понял это. Не естественно ли ему оглядеться направо и налево, посмотреть, нет ли менее заваленной почвы, менее защищаемых бойниц. Разве многое, чего нельзя было достигнуть в Англии, не достигнуто в Канаде, в Австралии?

К тому же, чего нельзя было взять с собой «на подошвах», то не лучшее; важнейшее достояние западной жизни — *движимое*, отрешенное от земли, от города, от церкви, от суда, от государства, от всего *недвижимого* майората средних веков и веков религиозной и политической борьбы, благоприобретенное и принадлежащее всем имущество — это *Наука*.

Развилась она в этом мире, в нем резались ее зубы, в нем чахла она от золотухи и выздоровела, в нем поумнела и потому сделалась чужая в семье. Она больше, чем Христос, может сказать своей матери: «Женщина, что тебе до меня? Я проповедую разум — ты ворожбу; я ищу — ты веришь». Что общего у академии и церкви, кроме корыстного укрывательства, по которому академия не обличает ее? Что общего у астронома, вычисляющего будущие явления, и попа, молящегося о дожде?

Если западному человеку, у которого голова устроена логически и есть достаточно храбрости, чтоб оторваться от привычки.

¹ В настоящем сопротивление консерватизма нас бесит. Благодушный покой и умеренность в борьбе невозможны. Оскорбительное сознание своего бессилия идет рядом с досадой на несостоятельность разума, на простодушное непонимание масс и на корыстный эгоизм понимающих. Вот отчего иной раз вырывается горькое слово проклятья миру тупого самодовольства и призыв на его узкий череп грома и молнии. Это дело страсти; со стороны его можно не оправдывать, но нельзя не понимать.

представляется вопрос о иных неводеланных почвах и он вглядывается в Австралию, Америку, во всякую дичь, ничего не дающую положительного, кроме физических условий и отсутствия традиции,— то без сомнения русскому, связанному с Западом одной наукой и больше ничем, еще легче освободиться от чужой традиции и совершенно естественно взглянуть на то, что делается около него, на своей собственной почве.

О странном и независимом положении русского относительно Европы, этого *своего и чужого*, мы говорили много раз. Мысль Запада легко усваивается нами — у нас нет азиатского отвращения от науки. Исторический быт его для нас не обязателен, для нас все это один костюм; сверх того, на Западе мы были знакомы с одним образованным слоем. Отделенные от своего народа, мы и с ним потеряли связь. Его *незападный быт* был непонятен нам, да и не интересовал нас. Между тем Запад коснулся вопросов, не совместных с его государственными формами, и на первый случай срезался. И мы вспомнили тут особенно ярко, что под внешними западными формами русского государства сохранился какой-то *иной* народный быт, основанный на *ином понятии* об отношении человека к земле и к ближнему.

Труды славянофилов приготовили материал для понимания — им принадлежит честь и слава почина.

Они первые поняли, что в подавленных и дремлющих силах народа русского, в разъединении народа с государством, в тесных формах, сделанных не по мерке, в которые попала русская жизнь, больше, чем *tabula rasa*, — *задаток* самобытного будущего развития.

Что же тут удивительного, что, видя народ общинный, артельный, с *своим* понятием о праве на землю и о круговой поручке, живущий в каком-то чужестранном государственном неустройстве, которое ничему не удовлетворяет, ни, наконец, даже защите границ, нашлись люди, которые предположили, что этот народ ближе к осуществлению экономического, т. е. социального переворота, чем римско-феодалная, мещански-индустриальная Европа? Сказал же Христос, что богатому Никодиму труднее совлечь с себя старого Адама *, чем ни-

щему. То, что на Западе может только совершиться рядом катастроф, потрясений, то может развиться в России на основании существующего. Один факт *общинного владения землей...*

— Дошли-таки, наконец, до вашего больного места, ха! ха! ха!.. Я так и слышу это возражение.

— Что делать, дошел! И, как Эзоп, расскажу вам притчу по этому поводу. В конце 1848 года Пьер Леру особенно усердно старался передать французам свою Триаду и свой *Circulus* *; когда он произносил одно из этих слов — а он непременно произносил их несколько раз в каждой речи — в народном собрании поднимался гвалт смеха; в журналах его дразнили ежедневно как мономана. «Шаривари» пускал карикатуру за карикатурой насчет знаменитого *Circulus*'а и пресловутой *Triad*'ы. Около этого времени я случайно шел мимо «Клуба революции», осиротевшего после взятия Барбеса, Бланки * и пр. Я взшел в залу. Вслед за каким-то дюжинным болтуном явился на трибуне, в широком, нечистом пальто, с нечесанным шалашом волос, Пьер Леру. Его доброе лицо вообще не без лукавства; он, переступая с ноги на ногу и насмешливо поглядывая, начал так: «Граждане! Я очень хорошо знаю, как надо мной издеваются за повторение одного великого закона; но что же мне делать, вот, например, нынче мне необходимо вам сказать о *Триаде...*»

Публика разразилась хохотом. Пьер Леру переждал — ну, мол, теперь слово сказано — уймутся и будут слушать. Так и было.

И я бы, как Пьер Леру, приостановился и переждал хохот. Но у моих ученых обвинителей и желчевых критиков *смегу нет*.

Тем не меньше я смело повторяю, что один факт общинного владения землею и передележа полей сам по себе оправдывает предположение, что наша невозделанная почва, наш чернозем *способнее* для посева зерна, собранного с западных полей. Способнее по стихиям, из которых она состоит, способнее потому, что на ней меньше мусора и всякого рода развалин, чем на западных полях.

— Стало быть, Россия все-таки от Запада возьмет это оплодотворяющее зерно? ¹

— Стало быть.


— Ну, где же тот новый элемент, который она вносит в жизнь устарелого Запада, долженствующий пересоздать его?

— На это пусть отвечают те, которые это говорят. Я этого никогда не говорил ².

¹ «Одна могучая мысль Запада, к которой примыкает вся длинная история его, в состоянии оплодотворить зародыши, дремлющие в нашем патриархальном быту. Артель и сельская община, раздел прибýtка и раздел полей, мирская сходка и соединение сел в волости, управляющие сами собой,— все это краугольные камни, на которых соизждется храмина нашего будущего свободнообщинного быта. Но эти краугольные камни все же камни .. и без *западной мысли* наш будущий собор остался бы при одном фундаменте» («Полярная звезда» на 1855, стр. 168 и 169*).

² Во французских статьях я много раз употреблял слово, еще более выражающее мою мысль,— *l'aptitude*. *Aptitude* не значит, что что-нибудь сделано, что клад найден, оно даже не обуславливает развитие, а показывает большую способность к нему.





ГЕНЕРАЛ ФИЛИПСОН ПОПЕЧИТЕЛЕМ ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Отчего? Почему? Зачем?.. Ну, а зачем посылали беззащитные седины Марка Туллия Сухозанета в Варшаву? * Зачем Герштенцвейг назначен в Польшу, Путятин в просвещение? Много будете знать — скоро состареетесь! Тем не менее назначение Филипсона может быть и не без задней мысли. Говорят, что Евдокимов, граф, по его проекту решил переселять хоперских казаков (дело это увенчалось, как знают наши читатели, блестящим успехом) *. Назначение Филипсона доказывает, что правительство не совсем оставило план Строгонова о выселении Петербургского университета.

Но на Аптекарском ли острове он будет или на Голодае * мы советуем студентам как можно деятельнее составлять подписки для взноса выкупа за несчастных юношей, отгоняемых за бедность евнухами императорского просвещения. Впрочем, нет причины, чтоб и другие не участвовали в этой подписке для освобождения от насильственно втесняемого невежества и противудействия оскорбительной зависимости образования от денежного ценза. Мы готовы открыть при редакции «Колокола» подписной лист ¹*

¹ В «Nord'e» сказано, что подписки уже делаются.



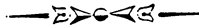
НА ЧТО УПОТРЕБЛЯЮТСЯ ПОЧТОВЫЕ ЧИНОВНИКИ

Прусский почтовый чиновник рассказывал нам здесь, что год тому назад *он сам* видел трех «лакеев в офицерском чине», которые ждали неделю и больше в Сталупенах и других пограничных местечках hochgestellte Herrschaften¹. Его это так удивило, что он записал имена этих сановников, в числе которых оказалась сановница. Вот их почтенные имена:

Граф Хребтович,
Мусин-Пушкин,
М и н а И в а н о в н а Буркова.

O edler, alter Adler-berg! *

¹ высокопоставленных господ (нем.).— *Ред.*





С КЕМ ЛИТВА?

Это могло быть вопросом до 5/17 августа нынешнего года *. Он разрешен: по высочайшему повелению *Литва с Польшей* — это признал Комитет петербургских министров, утвердил государь, объявили русские газеты. Если б генерал-губернаторам, губернаторам, жандармам и другим чиновникам штыка, кулака и уха, если б Комитету министров, если б государю это не было очевидно, неужели губернаторы, жандармы и министры струсил бы до того, чтоб вызвать и составить безобразные гайнау-виндишгрецкие инструкции * генерал-губернаторам, отдающие им целый край на копье? Если б это не было очевидно, неужели государь потерял бы до того голову, чтоб *октроировать* нескольким губерниям осадное положение?

Итак, Литва с Польшей! Пусть Польша побеждает свободой, геройской борьбой, своими несчастиями, своим братством с соседями все то, что теряет рабством петербургский, мертвящий деспотизм, павший на ноги и выживший из современности. Это единственный путь разрешать человечески вопрос о границах, он прочнее всех исторических прав и всех насилий вооруженной рукой.





ПОДМЕТНЫЕ ПИСЬМА

Мы на днях получили два письма, оба неподписанные, оба исполненные брани и одно из них площадных ругательств.

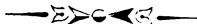
Первое письмо брошено на почту 19 сентября в Остенде, на нем написано по-русски «нужное» и на обороте — «для всеобщего сведения».

Второе адресовано из Парижа от 22 сентября на имя г. Трюбнера. Мы из уважения к читателям не помещаем ни того, ни другого; во втором нас и кн. П. В. Долгорукова ругают *по-матерно*. Намек на то, что на нашу жизнь есть покушение и что если мы напечатаем о полученном письме, то тут нам и конец ... заставляет нас поступок этого мерзавца передать на общественный суд.

Из-за угла убить можно каждого, меры кой-какие мы возьмем, ведь мы живем в Англии; но заставить нас замолчать матерными словами и угрозами не удастся — ни III отделению, ни какому-нибудь злодею-помещику или взяточнику-чиновнику.

Александр Герцен
Николай Огарев.

Orsett-house, Westbourne-terrace.





БРУТЫ И КАССИИ III ОТДЕЛЕНИЯ

• (Письмо к русскому послу в Лондоне)

Милостивый государь!

Вам, верно, покажется очень странным, что я к Вам пишу; меня самого это удивляет не меньше Вас. Никогда я не решился бы отнять несколько минут Вашего драгоценного времени, если б это не было в выгодах правительства, имеющего счастье быть представленным Вашим превосходительством.

Я буду очень короток и сжат.

• Может быть, Вам известно, что мы с Огаревым издаем здесь русский журнал под названием «Колокол». В последнее время мы стали, в качестве редакторов, довольно часто получать подметные письма, исполненные большой роскошью площадных ругательств¹ и угрозами *убить* Огарева, князя Долгорукова (спешу Вас успокоить, что речь идет не о князь Василье, начальнике жандармов, — его жизнь совершенно безопасна — а о князе Петре Владимировиче) и меня. Все это не заставило бы меня писать к Вам, барон.

Но третьего дня (9 октября) я получил два письма (при свидетелях, которым тогда же показал их), в которых неизвестный друг извещает меня положительно, что III отделение решилось «похитить меня или убить».

Первое из этих предположений слишком смешно, чтоб быть возможным. Рассудите, барон, сами — что я за Прозерпина с бородой, и что Шувалов за Плутон с эксельбантом? *

Остается угроза смерти.

¹ Обилие ругательств так неводержно, что я начинаю думать, что эти письма сочинены или в монастыре, или в консистории.

Кто хочет убить меня? По чьему приказу? Обвинение, естественно, падает на государя. Я не верю, чтоб он это приказал. Вы, может быть, знаете, что я во многом расхожусь в мнениях с Александром Николаевичем, но никогда не допущу мысли, чтоб он стал подсылать спадассинов. Я бы не сделал этого ни в каком случае. Да это и не в его характере и не в традиции императорского дома — что *они* за корсиканцы и за Борджии, чтобы резать из-за угла! * Я очень хорошо знаю, барон, что они иногда участвовали в ускорении путей природы, в предварении естественного течения дел — но это делалось в самом интимном, задушевном кругу, между женой и мужем, сыном и отцом *. Я не настолько знаком с Александром Николаевичем, чтобы считать себя вправе на такое родственное внимание и на такую фамильярность.

Стало, не он. Кто же?

Шувалов? Письмо прямо указывает на III отделение. Я не имею понятия о графе. Месяца два тому назад он засадил в Париже в тюрьму некоего Зальцмана, обвиняемого в покушении на *свою* жизнь, сделанном князем Кочубеем * (я согласен, что это не ясно); может, этот случай дал Шувалову преувеличенное понятие о всемогуществе III отделения... пожалуй, что и он. Но вот в чем беда: Шувалов ли или другой, все равно ответственность во всяком случае всем своим грузом падет на Александра *Невилного*. Нам с Вами надобно непременно взять меры, чтоб подобное обвинение не оставалось на правительстве, которое имеет счастье считать Вас своим представителем. Что же хорошего, что его заподозрят в том, что оно ставит капканы и рассылает полицейских Брутов за мсря и горы — *den Dolck im Gewande* ¹.

Надобно обличить клеветников, и это не всё. Вы должны, барон, отныне беречь меня, как зеницу Вашего ока; каждый волос, который упадет с головы моей, падет на русское правительство, скажут, что его Александр Николаевич выщипнул. Охранять меня до такой степени в интересах посольства, что я, отдавши за должной скрепой полученные мною письма куда следует, не буду брать никаких мер, зная, что Вы, хотя или не хотя, должны взять все.

¹ с кинжалом под плащом (нем.).— *Ред.*

Поручая себя таким образом материнской попечительности
императорского посольства, позвольте мне, господин посланник,
засвидетельствовать мое глубочайшее почтение.

Александр Герцен

11 октября 1861.

Orsett-house, Westbourne-terrace.





ГРАФ МУРАВЬЕВ-АМУРСКИЙ И ЕГО ПОКЛОННИКИ

Мы получили три статьи, очень умные, очень хорошо написанные и совершенно лишние, в пользу графа Муравьева. Ils rêchent des convertis ¹. Когда мы систематически нападали на сибирского Муравьева? Когда сомневались в огромных дарованиях его? Не мы ли назвали его в статье «Америка и Сибирь» историческим деятелем * в противоположность историческим *бездельникам*, снующим около Зимнего дворца, берущим взятки, крадущим леса и пр.? Не мы ли отдали ему полнейшую справедливость в его борьбе с cabinet privé его величества? *

Но неужели поклонники его не понимают, что можно быть великим государственным деятелем и пристрастно смотреть на дело беклемишевской дуэли, что можно делать огромную пользу краю и давнуть Петрашевского за оппозицию? *

— Да он этого не делал. — Тем лучше для него. Возражайте, давайте нам факты, мы готовы помещать. Вас оскорбляет, что мы осмелились вообще говорить об этих фактах, что мы дерзнули усомниться в непогрешительности Муравьева. Может, в самом деле в Сибири трудно понять значение свободной печати. В Иркутске показалось даже, что «Колокол» *за это* потерял влияние, что на нас смотрят как на клеветников если не всей России, то маньчжурских краев ее.

Адвокаты Муравьева большей частью возражают на частные обвинения пользой амурской колонизации, высокой честностью Муравьева, его благородным поведением с декабристами *, тем, что он для Восточной Сибири что-то *вроде Петра I*; все это

¹ Они проповедуют обращенным (франц.). — *Ред.*

ничего не опровергает, а последнее обвиняет его — не дай бог ни Восточной, ни Западной Сибири такого несчастья, как был Петр I для России *.

Дело дуэли мы излагать не будем — оно надоело и нам, и читателям, несмотря на то что с тех пор мы получили список мастерски написанного мнения советника Ольдекопа (журнал иркутского губернского суда, 28 сентября 1859) и две еще более мастерски сказанные речи Муравьева, по возвращении из амурской экспедиции, в петровском роде, т. е. где слово граничит с зуботычиной *; несмотря на то что решение сената, отдающее Ольдекопа и всех членов окружного суда под суд *, вызывает на новое обличение, мы на этот раз обращаем внимание поклонников Муравьева на другое обстоятельство. Три новые статьи и прежние, полученные нами от защитников Беклемишева, согласны в одном: *что весь город говорил о неправильности дуэли*. Как же мы могли не напечатать того, о чем говорил весь город, весь край? Разве это дело было изложено в «Иркутских ведомостях» со всеми pro и contra? Мы, печатая, исполнили наш долг и, сверх того, дали обвиненным средство оправдаться.

Откуда же эта раздражительная обидчивость?

Единственно и исключительно от непривычки к *свободному слову*.

Отчего у нас все люди в силе так избалованы, отчего они грубят, кричат, ругаются, а в Англии никогда? Оттого что в Англии над ними стоголавый аргус печатной гласности, а у нас все мерзости покрыты крышкой канцелярской тайны. Эти вещи стыдно повторять — а делать нечего.

Мы знаем и уверены, что Муравьев умный человек, мы знаем и то, что у него очень сильные наклонности к *петровским* манерам; пусть же он нам скажет спасибо за то, что мы спасаем его от него самого. Пусть он будет бояться общественного мнения и узнает, что можно быть государственным человеком, не употребляя крепких слов, особенно в тех случаях, когда тот, к кому они относятся, не может дать сдачи.

Молчание кругом, подобострастное исполнение, подобострастная лесть приучают у нас самых дельных людей к страшной необдуманности, к безграничной самонадеянности и в силу

этого вовлекают их в большие ошибки. По несчастию, они их не боятся; кто узнает о том, что делается в канцелярской мгле между генерал-губернатором и министром?

Вот пример. Муравьев писал 2 апреля 1853 года, за № 46. министру народного просвещения:

На почтеннейшее отношение ко мне вашего сиятельства от 12 января с. г. за № 337 имею честь отозваться:

1) Увеличение числа приходских училищ и школ для образования крестьян вообще, так и в особенности приготовление из них писарей в волостные и сельские управления и межевщиков действительно было бы весьма полезно для края, где ощущается ныне крайний недостаток в этом отношении и преимущественно в выборе благонадежных и грамотных волостных начальников и писарей. Местное начальство давно уже обратило внимание на подлежащий предмет и ныне озабочивается приисканием средств к учреждению подобных училищ и к распространению вообще потребного между крестьянами первоначального образования. Когда придется нужные к сему способы, то главное местное управление не преминет войти по сему предмету своевременно и по принадлежности с подробным представлением.

2) Что касается до существующих постановлений об учебных заведениях ведомства министерства народного просвещения в Вост. Сибири, то я полагаю преждевременным делать по ним какие-либо существенные изменения и особливо в тех видах, чтобы заведения эти образовали для Сибири чиновников из тамошних уроженцев; ибо по пятилетнему изучению местных условий я совершенно убедился в необходимости, чтобы управление тамашнее состояло не из сибирских же уроженцев, которые, имея родственные и другие там связи и получив первоначальное там воспитание, неминуемо получают то пагубное направление, которым отличается сословие местных купцов и чиновников. Гораздо полезнее присутственные места в Сибири наполнить благонамеренными людьми, рожденными и получившими надлежащее образование во внутренних губерниях России, а если даже и из сибирских уроженцев, то во всяком случае таких, которые с юных лет удалены были для воспитания с места их родины, и тем избавить от заразы, сильно распространившейся в сибирском крае.

3) В этих же самых убеждениях я *нахожу пока излишним увеличивать число губернских гимназий и уездных училищ* в Вост. Сибири (!!!)

4) Относительно изыскания средств для устройства в сем крае женских учебных заведений, то существующий там уже женский институт, сировоспитательный дом Е. Медвежниковой и детские приюты *вполне удовлетворяют* настоящим местным требованиям: когда же обнаружится надобность в новых учреждениях, то местное начальство не преминет войти своевременно с особым представлением, сообразив и средства, которые могут иметься к тому в виду.

5) По вопросу, не будет ли возможно, сверх Казанского университета, воспитывать сибирских уроженцев еще в других заведениях, особливо специальных для приготовления на службу в Сибирь, то на основаниях выше изложенных я не могу признать это удобным, а полагал бы более полезным назначение на службу в Сибирь из воспитавшихся в здешних (столичных?) высших учебных заведениях уроженцев внутренних российских губерний, которыми, впрочем, уже ныне замещены многие должности в Вост. Сибири.

6) Водворению между инородцами образования должно необходимо предшествовать обращение их в *православие*, что, впрочем, производится ныне весьма успешно; затем меры к распространению между ними образования должны быть те же, как и среди госуд. крестьян, и необходимо принимать их нераздельно друг от друга. Наконец —

7) Относительно учреждения в Сибири особого учебного округа, то, не предвидя в этом особенной какой надобности по числу учебных заведений, находящихся собственно в управляемом мною крае, я не могу, впрочем, дать на сей случай какого-либо положительного мнения, ибо вопрос этот связан с положением учебных заведений в Зап. Сибири и потому разрешение оного должно зависеть уже непосредственно от благоусмотрения вашего сиятельства.

Подписали: генерал-губернатор *Муравьев*
надв. советник *Молчанов*

С.-Петербург.

Нам сдается, что если б Муравьев знал, что эта бумага будет напечатана, он бы ее не написал.



LETTRE DU REDACTEUR DU KOLOKOL

A SON EXCELLENCE L'AMBASSADEUR RUSSE A LONDRES.

MONSIEUR LE BARON,

Vous ne Vous attendez pas, j'en suis sûr, à recevoir une lettre de ma part; cela m'étonne moi même. C'est uniquement dans les intérêts du gouvernement, qui a l'avantage d'être représenté par Votre Excellence, que je sollicite quelques moments de Votre temps précieux.

Je serai extrêmement bref et sobre de paroles.

Et d'abord, je suppose que vous n'ignorez pas que moi et Ogareff nous sommes les rédacteurs d'un journal russe qui s'appelle le "Kolokol". En cette qualité de rédacteurs, nous avons dernièrement reçu une série de lettres, remplies de termes obscènes et de menaces : on y parle d'assassiner N. Ogareff, le prince Dolgorouki (je me hâte de dire que ce n'est pas le prince Basile, chef de la gendarmerie, qui est menacé, mais bien le prince Pierre, qui demeure à Paris) et moi.

Cela ne m'aurait pas encore déterminé à Vous écrire. Mais avant hier j'ai reçu deux lettres (par devant beaucoup de témoins auxquels je les ai montrées); un ami inconnu me communique l'intention de la police secrète de Pétersbourg d'en finir avec nos publications, "en m'enlevant ou en me tuant".

Le première de ces suppositions, Monsieur le Baron, n'est pas tenable: elle est par trop ridicule : moi, Proserpine à barbe, et Schouvaloff, Pluton et aide-de-camp de S. M.—cela sort du possible par le grotesque.

Reste l'assassinat.

Qui donc veut m'assassiner? Qui a ordonné cette tentative de meurtre? Evidemment tout le soupçon doit tomber sur la tête auguste de Sa Majesté l'Empereur. Or, je suis pleinement convaincu qu'il en est incapable. Vous savez, probablement, que dans beaucoup de points nous différons catégoriquement dans nos opinions, l'Empereur Alexandre et moi; mais il y a bien loin de là à l'envoi de spadassins pour m'assassiner... moi, je n'en ferais pas autant. Au reste cela n'entre ni dans le caractère chevaleresque et doux d'Alexandre II, ni même dans sa tradition de famille : il n'est ni Corse, ni Borgia, pour jouer du stilet. On peut m'objecter, je le sais fort bien, Monsieur le Baron, qu'il y a eu des cas où l'on a un peu anticipé sur la nature, un peu excoélééré le cours des choses... mais cela n'a jamais eu lieu que dans la plus grande intimité, entre mari et femme, entre père et fils. Moi, je n'ai pas la prétention d'être sur un pied semblable avec Sa Majesté, pour avoir des droits à tant d'attention et de familiarité de sa part.

J'écarte donc tout soupçon de la personne d'Alexandre II.

Serait-ce le comte Shouvaloff? Je ne le connais pas, mais c'est nommément de la III^{me} Section que parlent les lettres. Il y a deux mois, le comte Shouvaloff est parvenu à faire emprisonner à Paris un certain M. Saltzmann, coupable d'un attentat d'assassinat commis sur sa propre personne par un Prince Kotschoubey, c'est un peu compliqué, j'en conviens)—cette chance lui a peut être donné des idées extravagantes sur l'omni-potence de la III^{me} Section. Mais voilà l'impasse : Que ce soit Schouvaloff ou un autre—la responsabilité retombera néanmoins sur Alexandre l'Innocent!

Je suis donc de l'avis que nous ne pouvons laisser planer sur le gouvernement, qui a l'insigne avantage d'être représenté par Vous, le soupçon de préparer des guets-à-pens, et d'avoir des Brutus de police, qui s'en aillent au delà des mers—

den Dolch im Gewande!

Il faut donc, Monsieur le Baron, que l'Ambassade Impériale me donne un coup d'épaule pour confondre les calomnieux; et ce n'est pas tout : Vous devez maintenant me garder comme la prune de vos yeux, car chaque cheveu qui tombera de ma tête, on dira que c'est le gouvernement russe qui me l'a arraché. C'est tellement dans vos intérêts, qu'après avoir déposé entre des mains sûres une copie notariée des dites lettres—je ne prendrai plus aucune mesure, sachant bien que nolens-volens, c'est Vous qu'il devra les prendre.

Me confiant ainsi à la sollicitude maternelle de l'ambassade russe, je prie Monsieur l'Ambassadeur de recevoir l'expression de ma haute considération.

ALEXANDRE HERZEN
REDACTEUR DU KOLOKOL

Orsett House, Westbourne Terrace. 11 Octobre 1861.

«Бруты и Кассии III отделения».
Отдельный листок с французским текстом статьи.

НАШИ КОНСУЛЫ

О консуле Попове в Яссах нам приходится говорить не в первый раз; мы знали его как любителя и знатока лошадей («Под суд!», *лист 1*) — мы узнаем его с другой интересной стороны.

В силу Парижского трактата 1856 часть бессарабских земель по левую сторону Прута и Дуная отошла к Молдавии. Линейные казаки русские владели, в районе этих земель, полями, которые они обрабатывали для себя. Само собою разумеется, что они, после трактата, вознамерились продать их. Казацкий генерал Гангарт приезжал в 1858 году в Яссы, чтоб найти покупателей. В числе их представился А. Бошета. Бошета купил на 57.472 р. с. земли по условию, сделанному в русском консульстве. Но так как Гангарт не имел с собою всех необходимых документов, то и было решено, что он возвратится в Россию и привезет их в продолжение *шести недель*, а Бошета внес в виде задатка 6703 р. в консульство.

По документам, привезенным Гангартом, оказалось, что земли эти были уступлены казакам на разных условиях в пользу русского правительства, которые переходили на покупателя; об них прежде не было говорено. Суд отказался совершить купчую на этих основаниях. Но консул Попов устранил все затруднения и дал в том свидетельство за № 2373, в котором прямо сказано, что все затруднения со стороны *России и Молдавии* устранены (*écartées*) дипломатическим путем и бесспорно свободны (*dégagées et sans contestation*).

Логогет Бошета, которому Гангарт предложил тотчас вступить во владение, успокоенный декларацией русского консула, внес 14.954 р. через Попова в счет покупной суммы. Ожидая законного срока (шести месяцев) для окончательного ввода во владение, Гангарт уехал. Но когда пришел срок, молдаванское правительство объявило, что все обязательства, даже военное хранение границы, соединенное с владением этих земель, переносятся на их покупателя в пользу молдаванского правительства. Такое нарушение главного условия заставило Бошета отказаться от покупки; в этом ему никто не препятствовал; но когда он потребовал

деньги, внесенные им, ему их ни консул, ни генерал не отдали. Он жаловался и в Бухарест генеральному консулу, и в Константинополь послу, и, наконец, князю Горчакову — *нет ответа*. Засели денежки! Наконец, он писал прошение к государю — и государь не отвечает.

А ведь нехорошо обирать иностранцев! Вы бы, князь Горчаков, занялись этим делом. Да, кстати, из тех начал *высокого дипломатического приличия*, которое вам так знакомо со времен талейрановских обедов, запретите консулам снюхиваться с полицейскими для открытия, как «Колокол» *посылается в Россию*. Во-первых, шпионство не входит в круг обязанностей торгового маклера. Во-вторых, нам стыдно за почтенное звание, напоминающее Тита Ливия, Рим, свободу... когда какой-нибудь полицейский откажется от гнусной работы международного шпионства. А это может случиться!

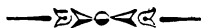




«ОЛЕГ» И АНДРЕЕВ

Мы получили письмо, рассказывающее о свирепом управлении фрегатом «Олег». Подробности не помещаем — все то же гнусное, бесчеловечное, немецко-монгольское управление, о котором мы столько раз говорили, линьки, *собственноручные* побои командира (Андреева), ругательства офицеров и штурмана, утонченная роскошь наказаний — и *немного побольше*. Вот это-то *немного побольше* мы выписываем из письма: «Во время стоянки, в феврале месяце, на виллафранкском рейде, командир приказал поднять реи и, когда они еще не были поставлены на месте, скомандовал: „Ворочать реи“. Два матроса, бывшие на ноках, были жертвою смерти; у одного из них кость правой руки вошла в палубу. Таких случаев в Виллафранке было три». Далее следует рассказ о том, как там же, несмотря на мнение русского консула, штурмана, лоцмана, он так ловко поставил фрегат, что его в бурю панесло на мель и волнами сильно повредило. В чем, впрочем, Андреев был оправдан покровительством адмирала Попова.

Когда же желаня Константина Николаевича и «Морского сборника» перестанут быть несбыточными мечтами?

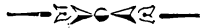


ЗА ЧТО ПУТЯТИН?

Он *против*: воскресных школ,
открытых заведений,
женского образования,
светской науки.

Говорят, что он англоман, как Дерби или издатель «Русского вестника». Но, видно, он изучал Англию только в доках, а то он знал бы, что здесь никто не мешает женщинам учиться медицине,— а он мешает. Недавно Харьковский университет просил разрешения для одной девицы дозволить выслушать курс медицины и удостоить степени лекаря. Все члены главного правления училищ согласились на это; один Путятин был против и, чтоб затянуть дело, приказал послать его на рассмотрение советов всех университетов.

Какая это англомания — это чистая Япония.



ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ЗАКРЫТ!

...Новое начальство повернуло круто: на лекции студентов велено пускать по билетам, нестудентам запрещено слушать лекции, запрещены сходки, хотели уничтожить библиотеку и т. п. Студенты собрались в зале, несмотря на запертые двери, пригласили проректора Срезневского и выразили свое неудовольствие. 24 сент. (6 октября) объявлено, что университет закрыт впредь до приказа. На другой день все студенты (до 1500 человек) собрались на Владимирской перед квартирой Филиппсона, требуя его. Но внезапно явился Игнатьев со взводом гвардейского экипажа. Филиппсон вышел в полном мундире и предложил студентам отправиться в университет, пойдя с ними пешком. К ним присоединилась громадная толпа. Филиппсон, уставший, поехал. Когда пришли к университету, явились конные жандармы, пожарная команда с топорами и полицейские. Студенты держали себя совершенно спокойно. Жандармский офицер обнажил саблю, два жандарма готовы были врезаться в толпу. Шувалов с братией остановили их. Подошли депутаты от студентов. В эту минуту явился Игнатьев, говоря: «Все готово, можно действовать». Филиппсон отвечал, что знает по Кавказу, как подобными средствами несчастье сделаешь, а молодежи не остановишь. Один из депутатов сказал: «Не нужно войск, я отвечаю за порядок». Игнатьев настаивал, что Филип-

сон не имеет права объясняться с студентами, но тот принял ответственность на себя и обещал, что библиотека откроется немедленно, а лекции 2/14 октября, и что к тому времени составятся новые правила. Студенты обещали быть спокойны. Порядок со стороны молодежи был замечательный; толпа оказывала ей сочувствие. Было множество офицеров, одного хотели арестовать, но отстояли. Один солдат гвард. экипажа толкнул студента; студент сказал: «Не стыдно ли — ты вооружен, а толкаешь безоружного?»... солдат покраснел. Один штаб-офицер сильно потряс за руку городского: «Что, брат, воевать пришел?» — «Что делать, ваше высокоблагородие, — приказывают!» — отвечал городской. Мужик говорил другому: «Синие-то фуражки бунтуют!» и получил в ответ: «А что ж им делать, коли их заведение закрыли!» Войска в столице почти не было, солдаты были распушены на работы; их позвали по телеграфу.

Итак, университет закрыт! Правительство — против просвещения и свободы и *не умеет уступить вовремя*. Мы пророчили ему *падение* во второй срок переходного положения; кажется, мы ошиблись — *оно будет гораздо прежде*.



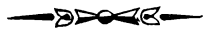
ЧЕЛОВЕК, РОЖДЕННЫЙ БЫТЬ ТОВАРИЩЕМ

— A qui est-ce que j'ai l'honneur de parler, à vous, ou à Mr. votre frère?

— A mon frère, monsieur ¹.

Муханов, бывший товарищ просвещения, сделался товарищем иностранных дел *. Самоотверженный человек, начавший с того, что резал дичь для других, должен умереть товарищем кого-нибудь. Князь Горчаков, выдумавший Муханова, очень постоянен в своих нежных чувствах. Иностраннее ли от этого пойдет министерство — не знаем.

Вы точь-в-точь двойной орешек
Под одну скорлупой *.



¹ С кем я имею честь говорить, с вами или с вашим братом? — С моим братом (франц.). — *Ред.*

ПОЛЬСКИМ ИЗГНАННИКАМ В ГЕНУЕ

Возвратясь из Девоншира, я нашел братский адрес, присланный мне от польских изгнанников в Генуе. Благородный, симпатический язык их глубоко тронул меня. Благодарю польских братьев ... от всей души. Они верят, что освобождение Польши один из наших догматов; но пусть же они еще более верят, что русский народ не виноват в их бедствиях и что он также страдает под тем же игом!

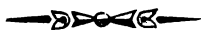


НАСЧЕТ ГЛАВНОГО ОБЩЕСТВА ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ И МОЛЧАЛИВОСТИ ЖУРНАЛОВ

Отчего один «Инвалид» говорит горькие истины о *Главном обществе железных дорог*? Отчего молчат «СПб. ведомости», отчего не громит «Северная пчела», отчего цензура защищает это общество с остервенением, а важные особы с нежной ревностью? *Сколько тысяч...* резонов мы ни придумываем, не можем догадаться. Кто нам разгадает это — не сам ли Перейра, или не сам ли Данзас (la grande sagesse¹ совета, составленного из кн. Оболенского, гр. Бобринского, флигель-адъютанта Полежаева), может, русский Колинъон-Абаза, или французский Абаза-Колинъон?

Может, у них дела идут прекрасно (недаром совет сам себе вотировал благодарность), да ведь не тайное же общество — это *явное* общество. Нам бы очень хотелось все это разъяснить, а то у Елены Павловны (доверитель Абаза), у Марии Николаевны (доверитель Веневитинов), у принца Петра Ольденбургского (какой-то чиновник) столько акций, что они, пожалуй, и проиграются, ну оно нам, верноподданным, и жаль. Успокойте же нас, отцы родные!

¹ самый глубокий ум (франц.). — *Ред.*





A Mr LE REDACTEUR
DE L'OPINION NATIONALE

Monsieur le rédacteur,

Je vous remercie bien sincèrement d'avoir posé dans votre estimable journal la question de savoir s'il était vrai que la police russe eût médité contre ma personne de sinistres projets. Le *Nord* paraît être embarrassé dans sa réponse. Il ne connaît pas les faits. Permettez-moi de vous les communiquer.

Mon collègue N. Ogareff et moi, nous avons reçu, il y a un mois, des lettres anonymes remplies de grossièretés. L'une d'elles contenait même des menaces. Nous en avons fait mention dans notre journal, sans y attacher la moindre importance.

Mais le 9 de ce mois, une personne *très respectée* à Londres, et que je nommerai en cas de besoin, reçut une lettre pour moi. Cette lettre, que *j'ai ouverte dans sa maison*, m'engageait à me tenir sur mes gardes et me révélait un projet tramé par la III^e section de la chancellerie de S. M. J. à Pétersbourg (c'est sous cette feuille de vigne que se cache la police secrète en Russie), dans le but de m'enlever ou de me tuer *s'il le fallait*.

Plusieurs personnes étaient présentes, et j'ai cru prudent de leur montrer la lettre.

Le lendemain un ami m'apporta une lettre semblable qui m'était adressée par la poste sous son couvert. Voulant alors en finir, je me suis décidé à écrire à Mr le baron Brunoff une lettre dont je vous envoie la traduction française.

Je n'ajouterai qu'un seul fait. Il y a trois jours, un auteur célèbre recevait de son côté une lettre anonyme dans laquelle on le conjurait de me faire parvenir le même avis, ce qu'il s'empressa de faire.

Si ces détails et la lettre à Mr Brunoff peuvent intéresser les lecteurs de votre honorable feuille, vous m'obligerez en les insérant.

Recevez, monsieur le rédacteur, mes salutations fraternelles.

Alexandre Herzen.

Londres. 17 octobre 1861.

ПЕРЕВОД

Г-НУ РЕДАКТОРУ «L'OPINION NATIONALE»

Господин редактор,

искренне благодарю вас за то, что вы поставили в своей уважаемой газете вопрос, действительно ли русская полиция замыслила зловещие планы, направленные против моей личности. «Le Nord» как будто затрудняется в ответе. Ему не известны факты. Позвольте же мне сообщить их вам.

Мой коллега Н. Огарев и я получили месяц тому назад анонимные письма, полные грубостей. Одно из них содержало даже угрозы. Мы упомянули о том в своей газете, не придавая все-му этому ни малейшего значения.

Однако 9-го числа сего месяца одно *весьма уважаемое* в Лондоне лицо, которое я назову в случае необходимости, получило для меня письмо. Это письмо, которое было *вскрыто мною у него же в доме*, убеждало меня быть настороже и раскрывало мне план, замысленный III отделением канцелярии его императорского величества в Петербурге (под этим фиговым листком скрывается тайная полиция в России), с целью увести меня или убить, *если потребуется*.

При этом присутствовали многие, и я из предосторожности счел нужным показать им это письмо.

На другой день один из моих друзей принес мне подобное же письмо, которое находилось в конверте на его имя, но было направлено почтою мне. Тогда, желая положить этому конец, я решил написать г. барону Бруннову письмо, французский перевод которого при сем прилагаю.

Добавлю только один факт. Три дня тому назад один знаменитый писатель * получил, со своей стороны, анонимное письмо, в котором его заклинали передать мне тот же совет, что он и поспешил сделать.

Если эти подробности и письмо к г. Бруннову могут заинтересовать читателей вашей уважаемой газеты, вы меня обяжете, поместив их.

Примите, господин редактор, мой братский привет.

Александр Герцен.

Лондон, 17 октября 1861 г.





A MONSIEUR LE REDACTEUR DU *NORD*

Londres, 29 octobre.

Monsieur le rédacteur,

J'ai l'honneur de vous avertir que je vous ai envoyé par la poste, il y a environ huit jours, *et une lettre et le dernier numéro de la CLOCHE*.

Je n'ai pas inscrit la date, mais je sais que c'était le jour même où j'ai expédié la lettre à l'*Opinion Nationale*.

Cette fois je fais *assurer* la lettre, et vous prie de recevoir mes salutations empressées.

A. Herzen,
rédacteur du *Kolokol*.

ПЕРЕВОД

ГОСПОДИНУ РЕДАКТОРУ «Le Nord»

Лондон, 29 октября.

Господин редактор,

имею честь уведомить вас, что я отправил вам по почте, около недели тому назад, и *письмо, и последний лист «Колокола»*.

Я не написал даты, но знаю, что это произошло именно в тот день, когда мною отправлено было письмо в «Opinion Nationale».

На этот раз я *страхую* письмо и прошу вас принять уверения в моем глубоком уважении.

А. Герцен,
редактор «Колокола».





A MONSIEUR LE REDACTEUR
DE L'OPINION NATIONALE,
A PARIS

29 octobre 1861.

Orsett-house, Westbourne-terrace.

Monsieur le rédacteur,

La poste belge sert très médiocrement le rédacteur du *Nord*. Il dit, dans son numéro du 29 octobre, qu'il n'a pas reçu ma lettre.

Voulant faciliter ses recherches, je lui ai envoyé une seconde lettre, enregistrée ou *assurée*. Je prends la liberté de vous en envoyer une copie.

L'ambassade russe à Londres a notifié à Mr Ogareff (qui demeure à Londres depuis 1856) que l'empereur a confirmé la sentence du Sénat qui le déclare déchu de tous ses droits et des titres de la noblesse,— tout cela sans *procès*. Il y a là un progrès: au lieu de tuer physiquement, on se décide à tuer bureaucratiquement.

Si cette nouvelle peut intéresser vos lecteurs, nous vous prions de la communiquer.

Recevez, monsieur le rédacteur, l'assurance de ma haute considération.

Herzen.

ГОСПОДИНУ РЕДАКТОРУ «L'OPINION NATIONALE»,
В ПАРИЖЕ

29 октября 1861.

Orsett-house, Westbourne-terrace.

Господин редактор,

бельгийская почта весьма посредственным образом обслуживает редактора «Nord'a». Он утверждает, в своем номере от 29 октября, что не получил моего письма.

Желая облегчить ему поиски, я отправил ему второе письмо, зарегистрированное и *застрахованное*. Беру на себя смелость переслать вам копию с него.

Русское посольство в Лондоне уведомило г. Огарева (живущего в Лондоне с 1856 г.), что император утвердил приговор сената, который объявляет о лишении его дворянских прав и звания,— и все это без судебного *процесса*.

В этом виден прогресс: вместо того, чтоб убивать физически, решаются убивать бюрократически.

Если новость эта может заинтересовать ваших читателей, мы просим вас опубликовать ее.

Примите, господин редактор, уверения в моем глубоком уважении.

Герцел.



ИСПОЛИН ПРОСЫПАЕТСЯ!

Да, спящий «Северный Колосс», «Исполин, царю послушный», просыпается, и вовсе не таким послушным, как во времена Гавриила Романовича Державина *.

Доброго утра тебе — пора, пора! Богатырский был твой сон — ну и проснись богатырем! Потянись во всю длину молодецкую, вздохни свежим, утренним воздухом, да и чихни — чтоб спугнуть всю эту стаю сов, ворон, вампиров, Путятиных, Муравьевых, Игнатьевых и других нетопырей; *ты* просыпаешься — пора *им* на покой. Есть нечистота движущаяся — все эти прусаки, богомокрицы, насекомые, лишённые крыл, но не лишённые аппетита, не совместные с дневным светом. Чихни, исполин, — и от них следа не останется, кроме несмываемых пятен польской и крестьянской крови!

Господи, какой жалкий и смешной вид у этого грозного правительства! Куда делась его вахмистрская наружность, его фельдфебельская выправка, где его сипло-армейский голос, которым оно тридцать лет кричало: «В гроб заколочу Демосфена!» * Что, служивый, видно, не те времена, да и не те силы, широк тебе стал мундир, насунулась каска на глаза... Ступай, кавалер, в больницу, не то в инвалид!

Да что же случилось, отчего оно так оторопело? Революция, что ли? Филарет взбунтовал Москву? Петр Ольденбургский провозглашен императором в школе правоведения? * Отгадайте! А пока возьмите «Теймс» и читайте его превосходные корреспонденции.

Император в Ливадии ¹. Петербургом управляет комитет

¹ Ливадия куплена у гр. Потockой за 300 000 рублей, несмотря на то, что рядом с Ливадией лежит Ореанда, построенная на счет народного пота... А говорят, что денег нет!

общественного спасения, состоящий из Николая Николаевича и Михаила Николаевича *; чтоб Горчаков не посоветовал им чего-нибудь дельного, при них поставлен *умоотводом* Игнатьев-Малковский *. На улицах солдаты, жандармы, Шуваловы, яacobинский генерал Бистром возмущает солдат речью самого красного санкюлотизма: «Из них,— говорит он, указывая на безоружных юношей,— выйдут со временем подьячие,— подьячие, которые грабят вас, которые грабят народ,— дадим им урок!» Паткуль скачет направо, скачет налево, одну лошадь заездил. другую заезжает. Михаил Николаевич спрашивает Николая Николаевича: зачем Паткуль скачет? * Николай Николаевич, вставший с первыми петухами, по общей любви к курам, говорит Михаилу Николаевичу, что он не знает, зачем Паткуль скачет, но что, должно быть, *это восстание*. Тот (или этот) говорит — десять полков и он умирит... Кого? Где неприятельские войска?

На университетском дворе.

Грубое правительство, напуганное выжившим из ума Строгоновым *, рядом мелких преследований и унижений начало оскорблять университеты: назначением Путьятина, школьными стеснениями, бездушным отталкиванием неимущих. Студенты Петербургского университета избрали депутатов и поручили им довести до начальства их протест. Начальство поступило с ними в том роде, как поступали дикие на Сандвичевых островах с парламентарями, в том роде, как Петр *большой* поступил с Полуботком, а Николай *длинный* с депутатами от старорусских солдат *, т. е., вопреки всякому понятию чести и нравственному стыду, захватило их. Студенты решились просить освобождения своих товарищей — и вот отчего Бистром-Сантер бунтовал солдат, натравливая их на другие сословия, Паткуль надорвал двух лошадей, а Игнатьев-Малковский шептал Филипсону: «*Все готово, можно начинать!*» Что начинать? Бойню юношей, резню на университетском дворе?.. Что к этому прибавлять!

Но где же был, что делал, что сказал душеспасительного наш японец, наш океанид, бого- и человекоугодник Путьятин? * Отчего он не ездил на шлюпке с Сергиевским взад и вперед по Неве и Мойке, в то время когда Паткуль замыливал второго жеребца? Он был где-то «под полой» скрыт от глаз пациента,

как нож или пила перед хирургической операцией. Как безвозвратно запятнал себя этот человек, как быстро сел на мель грязи этот шкипер просвещения!

О Филарет, высокопресвященнейший Филарет! Какой нехристианский совет дал ты на старости святительства твоего кораблевождице японийской; без твоего архипастырского благословения жил бы он себе мирно и небезвозмездно в Лондоне комиссионером и купчиною адмиралтейства и кротко возносил бы мольбы свои к подножию престола всевышнего между заказами снастей корабельных и их приемом — а теперь всех вод, соленых и пресных, от берегов синайских до водохранилищ мытищинских, не довлеет на омовение человека, принявшего на себя величайшее преступление, — преступление против духа, против просвещения...

В России закрыты университеты — в Польше церкви сами закрылись, оскверненные полицией. Ни света разума, ни света религии! Куда они хотят везти нас впотьмах? Они сошли с ума — долой их с козел, если не хотите с ними грохнуться о землю!

Но куда же вам деться, юноши, от которых заперли науку?.. Сказать вам куда?

Прислушайтесь — благо тьма не мешает слушать: со всех сторон огромной родины нашей, с Дона и Урала, с Волги и Днепра, растет стон, поднимается ропот — это начальный рев морской волны, которая закипает, чреватая бурями, после страшно утомительного штиля. В народ! к народу! — вот ваше место, изгнанники науки, покажите этим Бистромам, что из вас выйдут не *подьячие*, а воины, но не безродные наемники, а воины народа русского!

Хвала вам! Вы начинаете новую эпоху, вы поняли, что время шептанья, дальних намеков, запрещенных книг проходит. Вы *тайно* еще печатаете дома, но *явно* протестуете. Хвала вам, меньшие братья, и наше дальнейшее благословение! О, если б вы знали, как билось сердце, как слезы готовы были литься, когда мы читали *о студентском дне в Петербурге!*

Искандер.

22 октября 1861 г.

Р. S. Статья эта была написана, когда мы прочли в «Теймсе» (от 22 октября) такое гнусное, такое подлое злодейство, что — при всей нашей беспредельной вере в безнравственность петербургского управления — мы почти усомнились. *Тайная полиция* разослала подложные приглашения студентам собраться на площади для того, чтоб их переловить; но студенты догадались и не пошли. Можно ли после этого дивиться якобинской речи Бистрома и тому, что он не под судом за эту речь, тому, что III отделение ласкало мысль украсть меня у Англии из кармана или прирезать из-за угла *, тому, что при аресте Михайлова¹ жандармы явились с блядами (не краснейте, Шувалов, не краснейте, Паткуль, не краснейте, Игнатьев, *слово* далеко не так позорно, *как дело*), которым поручили обыскивать дам.

И эту сволочь плутов, разбойников и блядей мы должны принимать за правительство!

¹ Михайлов, Перцов и офицер Костомаров были арестованы по делу «Великоруса» и тайных типографий. «Times» говорит, что Краевский, граф Кушелев-Безбородко и Громека подавали какой-то протест против незаконного ареста Михайлова; нам очень бы хотелось узнать подробности об этом деле.



ШЛЯХЕТНЫЕ СТАТЬИ И ПИСЬМА В РУССКИХ ЖУРНАЛАХ

Минуй нас пуще всех печалей
И барский гнев, и барская любовь!

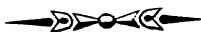
Теряя право наказывать розгами народ русский, наша шляхта начинает наказывать его словами; теряя право на вола его, осла его, жену его, дочь его, она начинает *жалеть* о крестьянине — скот, мол, необразованный, оттого и не понимает ни «Положений», ни того, что он должен остаться крепостным после освобождения, ни выгоды платить больше оброка, ни права покупать дрова из *своего* леса; чего, мол, с него и требовать — вот мы, шляхтичи, другое дело, должны теперь поучить его уму, на то у нас образование и немецкий кафтан; облагодворим его объяснением «Положений», чтоб он сдуру не ждал в самом деле свободы — какой же другой свободы ему? Вот и в Баден-Бадене и в Гомбурге такая свобода... и тут какой-нибудь анекдот, выдуманный Собакевичем, чтоб одурачить Манилова, о том, как бабы *зубами траву рвут* для сена. Весь этот шляхетный вздор, не идущий по плоскодонности своей в глубь народной жизни, вся эта невеликодушная болтовня, оскорбительная для народа и для здравого смысла, туда же скрывает свое *внутри* *взошедшее плантаторство* под либеральной патокой и прогрессивным суслом, до того противным, что и ценсура пропускает и немцы похвалят. Пусть эти строки послужат первым окликом «СПб. ведомостям» и их корреспондентам. Ни лета, ни воспоминания, ни болезненное, ни расстроенное состояние не дают

права на публичное отложение таких статей; если уж нельзя удержаться, пусть они хранят их для своего семейства ¹.

¹ В доказательство куриной слепоты, которую шляхетные предрассудки вносят в голову доброго помещика, приведем следующие строки из писем г. Мельгунова («СПб. в.», № 218). Помещик удивляется, что после такого удачного освобождения крестьян они еще недовольны.

«Вот он (крестьянин) и ждет чего-то, какой-то *милости*, осуществления каких-то надежд. Эти надежды повсеместны и до того сильны, что в одном уезде Воронежской губернии крестьяне уговорили мирового посредника внести в их уставную грамоту следующую оговорку: „Вышеозначенные условия сохраняют свою силу до тех пор пока не будет каких-либо изменений в настоящих „Положениях“, вследствие которых должна быть изменена и самая грамота“. Сколько ни уговаривал их посредник, объясняя им, что никаких существенных изменений не будет и быть не может, они стояли на своем, и поневоле пришлось вставить невинную оговорку, чтоб успокоить взволнованные умы».

Не правда ли, как глупы... мужики!..





«ВЕЛИКОРУС» В УЧЕНОЙ МОСКВЕ

Нам пишут, что гг. Бабст, Чижев и В. Корш, получив по почте по экземпляру «Великоруса», снесли его тотчас в полицию. Правда ли это? Мы готовы, как Фердинанд в Шиллеровой «Kabale und Liebe», просить, если это правда, чтоб нам солгали!



Артиллерия и Лицей

Артиллерийская академия подала по начальству рапорт, объясняя, что так как назначена плата правительством за слушание лекций в университете, то офицеры просят удерживать из их жалованья по 5% — на уплату за бедных студентов.

В лицее юбилейный комитет (из депутатов от всех курсов) отменил всякое торжество 19 октября (50-летие лицея) и на собранные деньги 6.000 руб. положил иметь стипендиата. Корреспондент «Теймса» (25 окт.) полагает, что не больше 200 студентов пройдут через путятинские фурулы. Неужели найдется и двести!





ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ РОТА И СТУДЕНТЫ

Петербургский университет открыт 13/25 октября; студенты изорвали свои матрикуляции, после чего собрались для обсуждения, что делать. Явились жандармы, чтоб их разогнать, студенты прогнали их. Затем неприятель выставил роту *Преображенского полка* (не ту ли, которая так отличилась 14 декабря 1825?). Она и тут покрыла себя славой и, окружив студентов, свела их массой в *преображенский застенок*, называемый Петропавловской крепостью. Подробности эти не подлежат сомнению, они взяты из «Норда».



ПО ДЕЛУ БРУТОВ И КАСИЕВ III ОТДЕЛЕНИЯ

Мы полагали, что, обличив и передав смеху всей Европы ноздревскую родомонтаду III отделения и его угрозы, мы закончили с ними. Оказалось не так. Неизвестное нам лицо, подписавшееся псевдонимом *Шедо-Ферроти*, прислало нам довольно длинное и очень поучительное письмо, окончивающееся надеждой автора, что мы не откажем в его просьбе поместить это письмо в русском журнале, издаваемом нами под названием «Колокола».

Мы никогда не обязывались печатать все, что посылается нам, особенно все, что посылается против нас. Всегда готовые принять и напечатать опровержение, поправку факта, ответ, всегда готовые принести повинную голову в ошибке, мы не брали на себя смешной роли людей, позволяющих себя наказывать своими собственными руками.

О г. Шедо-Ферроти мы *никогда ничего не печатали*, следственно, лично вызвать его ответа не могли. Г-н Шедо-Ферроти, как защитник правительства, как консерватор, имеет право быть недовольным нами, считать именно меня обезумевшим от тщеславия, жалеть об этом или радоваться, печатать это или нет; но адресоваться с своими замечаниями лично к человеку незнакомому¹, и притом к человеку, не изъявлявшему желания быть им исправленным, очень странно.

¹ Я не могу считать знакомством то, что г. Шедо-Ферроти написал несколько месяцев тому назад письмо ко мне, на которое я ответил частным письмом. Я даже не знал, что подпись Шедо-Ферроти — псевдоним, если б это не было сказано в его письме.

Может, увлеченный своим дидактическим желанием наставить меня на путь истинный, г. Шедо-Ферроти не подумал об этом, хотя скромность человека, гонящего тщеславие, и должна была его остановить,— как бы то ни было, но мы уверены, что г. Шедо-Ферроти найдет справедливым нашу просьбу — *исправлять нас общими путями гласности*, не адресуясь прямо к людям, не заслужившим ни столько внимания, ни столько заботливости.

5 ноября 1861.



〈ИЗ КОВНО〉

Ковенский губернатор *Хоминский*, т. е. поляк, был назначен губернатором из дворянских предводителей в те времена, когда государь либеральничал и льстил Польше. Теперь Хоминский найден неблагонадежным на Западе, теперь нужна натура *коренная*, немецкая, и Хоминский переведен в Вологду. Чрезвычайный успех *Путягина* заставил и Валуева приняться за океан, он выудил какого-то *Кригера*, разумеется, адмирала, и послал его княжить в Ковно. В Ковне полицмейстер Васильев, брат виленского (какова семья, дающая *двух* таких защитников самодержавия и осадного положения). Ковенские жители задавлены постоем. У многих бедных чиновников из поляков поставлены по пяти и шести солдат ¹.

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ПИСЬМА

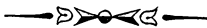
Нам пишут, будто профессора уговаривают келейно и поодиночке студентов покориться путятинским фуркулам. В крепости около 200 студентов, несколько студентов взяты у литератора *Албертини*, и сам Албертини также в крепости. В чиновничьем мире собирались писать адрес к государю — просить об открытии университета, адрес не состоялся, а Стасова, служащего в сенате, арестовали за собрание подписей * (говорят, было

¹ В следующем листе мы поместим любопытнейший образец нового судопроизводства в Ковне *.

собрано до 500)... *Муравьев, Бутков* и пр. употребили отличную интимидацию, объявивши, что подписавший адрес будет исключен из службы, *задним числом*... Далее пишут, что Стасов выпущен, но исключен из службы; к жертвам террора принадлежит г. Обручев, отданный под военный суд будто бы за пересылку по почте листа «Великоруса», 4 артиллерийские офицера и один генерального штаба.

Государь *благодарил телеграмом** свою верную, победоносную гвардию за храбрость, оказанную в студентский день. Ни малейшего такта, ни тени высшего декорума!

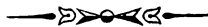
Шувалов подался в отставку и, говорят, будет заменен Анненковым. Уверяют, что его уговорила мать оставить ремесло Дубельтов и Тимашевых. Какой это Анненков, знаменитый ли дантист Нижнего Новгорода*, дававший представления в театре, или какой иной? ¹



ОСКОРБЛЕНИЕ БЕДНОСТИ И ПОДЛАЯ МЕСТЬ

Стипендии, получаемые студентами Петербургского университета, будут раздаваться в полиции... Какие мелкие нелюди... В Москве, по словам «Теймса», начальство поступило еще радикальнее — оно захватило деньги, собираемые студентами для вспомоществования бедных товарищей.

¹ Мы получили подробные описания университетского дела в Петербурге и Москве, часть их будет тоже напечатана в следующем листе.





ТРЕТЬЯ КРОВЬ!

К польской, к крестьянской крови прибавилась кровь лучших юношей в Петербурге и Москве... Пусть этим святым общением три великие дела спаяются в неразрывное единство —

*Независимость Польши,
Земля крестьянам,
Свобода России.*

Не жалейте вашей крови. Раны ваши святы, вы открываете новую эру нашей истории, вами Россия входит во второе тысячелетие, которое легко, может быть, начнется с изгнания варягов за море.

Ваша кровь во всяком случае засвидетельствовала начало совершеннолетия и многое обличила... Она обличила сочувствие к вам всей России, готовность идти с вами — со стороны молодых офицеров, со стороны всех учебных заведений. Она обличила, чего нам ждать от *благодущного* Александра II и от его братцев, вроде Михайлы-пушкаря*, порывавшегося уничтожить вас картечью. Она обличила, какие подьячие лакеи стоят во главе русского правительства. В Москве студентов перебили, испугавшись проезда царского. Кровь ваша не просохнет на их ливреях — до страшного суда народного!¹

Значение университетской молодежи в России совершенно иное, чем в других странах. В университетах, лицеях, академиях и небольшом круге литераторов укрывалась и возросла

¹ А пока не мешает вести списки всех отличившихся по этому делу. А — адмирал Путятин, Б — Бистром, В — великий князь Михайло, Т — Тучков и так до Ш — Шувалов.

русская мысль; во все время тридцатилетнего избиения ее там жила надежда и жили верования, там лились слезы и сердце билось человеческим негодованием, в то время как вся шляхетная Россия — помещичья, военная и чиновная — подло пресмыкалась перед бездарнейшим злодеем в истории за право сечь и грабить, за чечевицу оброка и барщины, за фолгу и стеклярус крестов, за потворство взяткам и казнокрадству. Да, в то позорное время, когда во всей России, от четырнадцатого до первого класса, не поднялось ни одного протеста, курс за курсом, школа за школой давали свою жертву ... и Николай с тупою злобой мял в своих лапах юную душу до тех пор, пока чахотка или черкесская пуля освобождала ее *. Курс за курсом, не зная того, без формы и знаков, передавал таинственный пароль, завещанный мучениками 14 декабря, и этот пароль сказался теперь громко студентами в Петербурге и Москве. Тверская площадь прибавилась к Исаакиевской. Инициатива эта по праву принадлежала студентам — *они одни чисты*, гражданская мысль русская тайно воспиталась в университетах, пусть же она и явится на белый свет как *filia del reggimento*¹ наших аудиторий, — из них не труднее сделать Земскую думу, чем из залы *Jeu de Paume!* *

И—р.

10 ноября 1861.

Между подробностями о преображенской поимке студентов * («Теймс», 8 ноября) упоминается об одном обстоятельстве чрезвычайно важном. Когда храбрые преображенцы окружили безоружных студентов и повели двести человек в крепость, сто студентов, стоявших поодаль и принадлежавших к тем, которые не хотели просить путятинских матрикуляций, подошли к неприятельскому войску и объявили, что они хотят делить участь своих товарищей, на что, разумеется, неприятель согласился, и отдавшихся добровольно в плен — свели в крепость. Черта эта очень замечательна потому именно, что она очень народна. В 1821 году, после семеновского дела, когда роту е. в. велено было конвоировать в крепость, весь полк потребовал,

¹ дочь полка (итал.).— *Ред.*

чтоб и его отправили, «даже люди, бывшие в госпитале, которые едва в состоянии были держаться на ногах, присоединились к товарищам»¹.

¹ «Полярн. звезда», кн. III, «Семеновская история». Выписываем стр. 307 (изд. 2): «Солдаты вышли и стали толпой перед казармами. Против них была привезена артиллерия и приведено войско. Лейб-егери пришли первые и дали знать семеновцам, что они стрелять в них не будут. Когда пушки были подвезены ближе, то семеновские солдаты пригласили офицеров (не хотевших оставить их, несмотря на их просьбы) стать посреди их толпы, чтобы своею грудью защитить их от выстрелов. Многие из генералов приезжали увещевать семеновских солдат. Прежде всех подъехал к ним Васильчиков и скомандовал им строиться, но они отвечали ему, что туловище без головы не строится. Милорадович стал было говорить с ними, но они отвечали на его фразы остротами, которые заставили его замолчать. Бывший полковой командир Потемкин начал было также говорить с ними, но заплакал и не мог продолжать. Солдаты закричали ему, что ежели бы он был с ними, то этой беды не было бы. Генерал Бистром просил их, чтобы они успокоились, что вместо Шварца он будет полковым командиром, но его никто не слушал. «Если у вас есть законные причины жаловаться,— сказал Васильчиков,— так вы могли жаловаться на инспекторском смотре». Солдаты отвечали ему, что месяц тому назад, когда он сам делал инспекторский смотр, один из них выступил вперед, чтобы принести жалобу, и был за это, по его приказанию, жестоко наказан палками. «Чего же вы хотите?» — спросил Васильчиков.— «Отдайте нам роту его величества,— отвечали солдаты,— или отведите нас к товарищам». Васильчиков обещал им отвести их в крепость, ежели они построятся и будут идти в порядке. Они построились и пошли в крепость в сопровождении всех своих офицеров. Солдат заперли, а офицеры возвратились».



ВОПРОС ШЛЯХТЕ

Петербургские газеты между прочим перепечатали следующее из «Псковских губ. ведом.»:

Мировой посредник Порховского участка довел до сведения присутствия, что во всех волостях временнообязанные крестьяне на его предложение о необходимости озаботиться, при настоящем их положении, об учреждении школ, отзывались искреннею готовностью завести волостные школы для девочек и мальчиков; причем, начиная с первой, по открытию, Страшницкой волости, положили мирскими на волостных сходах приговорами: жертвовать на этот предмет по 5 коп. сер. с души ежегодно, с тем чтобы дети их учились и содержались в школах на этот общественный сбор в течение шести зимних месяцев. Представляя о заявленном крестьянами желании, посредник просил разрешения и руководства для устройства означенных школ.

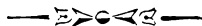
Ученые шляхтичи! Будьте родными отцами и объясните нам, как же одни и те же мужики, по крайней мере одного образования, с такой готовностью хотят заводить школы и не могут понять свободы — «Положений» и не хотят на себя руку поднять, подписывая уставную грамоту?..



СЕКЛИ ИЛИ НЕ СЕКЛИ?

«Opinion National», «Siècle», «Express» и, наконец, «Теймс» повторили следующую страшную весть: «Три девушки слушали лекции в Петербургском университете. Две из них, Корсини и

Блюмер, заключены в крепость, а Богданова телесно наказана в тайной полиции» («Теймс», 9 нояб.). Мы не верим этому и убедительнейше просим написать нам, неужели николаевские сечения восстановлены для дам? И сечет ли Шувалов, как его предшественник Шешковский, собственноручно или только надзирает?



ШУВАЛОВСКАЯ ЭМАНЦИПАЦИЯ ЖЕНЩИН

Решительно публичные женщины становятся у нас правительственными людьми, и *общий* дом возле *частного* * получает значение, принадлежавшее прежде благородному росейскому дворянству, «твердейшей опоры престола». III отделение, как бани, будет разделяться на женские и мужские. Мужское отделение плотит девкам по 50 рублей в месяц и обещает до 600 за *уловление* (говорят, то же заплатили и Костомарову за брата) *. Впрочем, не все женщины, готовые идти на содержание, идут на слушание. Одна знаменитость петербургская отказалась от большой суммы, боясь потерять *репутацию*. Дай-то бог, чтоб ее пример нашел хоть одного подражателя — из генералов.



ВОЙНА С ДАМАМИ

Нам пишут из Парижа, что г-жа Европеус была арестована на границе, возвращаясь из чужих краев; при обыске таможенных шпионов у ней нашли запрещенные книги и «Колокол». Да где же было объявлено, какие книги и журналы запрещены в России?



TO THE EDITOR OF «THE TIMES»

Sir,— We hope you will not refuse to insert in your esteemed columns a few words in behalf of the Russian youths imprisoned in St.-Petersburg, Cronstadt, and Moscow, for an attempt to present an address to the emperor Alexander II, asking him to discontinue his persecutions of instruction in Russia.

We are, indeed, quite edified by the tender friendship between Mr. George Williams (of King's College, Cambridge) and admiral Putiatin; but when friendship becomes a passion it may dim the mind as well as love or ambition. Mr. G. Williams, in the letter inserted in your esteemed journal (November 15), tries to smooth the bad impression produced on public opinion by your very truthful and beautiful correspondence concerning the Russian Universities. He says,—«The two main grievances, of which the students, had to complain at the outset were the abolition of their uniforms, and the imposition of certain tuition fees».

The first assertion proves that Mr. Williams did not attentively read your correspondence; the second, that he does not understand the state of things in Russia, in spite of his having travelled in that country.

The uniforms were worn by order of the government, and during the reign of Nicholas the rules regarding them were so stringent that the uniform was for the students rather a subject of hatred than of love. Certainly, they did not much trouble themselves about the abolition of it, though they knew that in the present time it was abolished in order to excuse any aggression of the police against the students, who had the right to claim the protection of the authorities of the University.

The tuition fees, however small they may seem to Mr. Williams, are too heavy for poor men in Russia; and, as the instruction in our country was a gratuitous one ever since the establishment of colleges — as the government maintains them with the State's revenues — it had no right at all to withdraw the sums destined for that purpose, and to employ them for other wants. But still the students kept the peace, and formed, in silence, a fund with voluntary contributions to help those who were not rich enough to pay the fees. Now, this fund has been seized by the government, and the new rules submitted the students to a constant system of espionage and police persecution.

If admiral Putiatin did not consent to the new regulations, written, as Mr. Williams says, before he entered the Ministry, how could he honourably accept this office? And, having accepted it, how could he invite the professors to assume the abject character of a sort of detective police over the students? How could he call out the military force against unarmed youths, whose meeting had no other purpose than to present a very respectful address to His Majesty? Some of them were killed, about 300 are in prison, and the honourable admiral, whose high merit consists in a journey to Japan, still keeps his profitable office at the head of public instruction.

There are things which the most passionate friendship cannot dare to excuse; and, indeed, we find that the friendship of Mr. Williams for a Russian admiral has gone too far, and brought an English professor to side with a despotic government which wants to repress every kind of instruction, to reduce the Universities to barracks, and which does not even shrink from calumniating the noble-hearted youths, killed or imprisoned, who have protested against Japanese regulations. We remain, Sir, respectfully yours,

Alexander Herzen }
Nicholas Ogareff } Editors of the *Kolokol*

Orsett-house, Westbourne-terrace, Nov. 19.

ИЗДАТЕЛЮ «THE TIMES»

Сэр, мы надеемся, что вы не откажетесь поместить на страницах вашей уважаемой газеты несколько слов в защиту русских юношей, заключенных в тюрьму в Санкт-Петербурге, Кронштадте и Москве за попытку представить императору Александру II адрес с просьбой прекратить гонение на просвещение в России *.

Нас, конечно, весьма умиляет нежная дружба между мистером Джорджем Уильямсом (из Королевского колледжа, в Кембридже) и адмиралом Путятиным; но когда дружба переходит в страсть, она так же может затуманить рассудок, как любовь или честолюбие. Мистер Джордж Уильямс в письме, помещенном в вашей уважаемой газете (15 ноября), пытается сгладить дурное впечатление, произведенное на общественное мнение вашей очень правдивой и превосходной корреспонденцией относительно русских университетов. Он говорит: «Двумя главными поводами для недовольства и жалоб студентов были упразднение форменной одежды и установление определенной платы за обучение».

Первое утверждение показывает, что мистер Уильямс невнимательно прочитал вашу корреспонденцию; второе — что он не понял положение дел в России, несмотря на то, что путешествовал по этой стране.

Форменную одежду носили по приказу правительства и во время царствования Николая; касающийся ее устав был настолько строгим, что форменная одежда была для студентов скорее предметом ненависти, чем любви. Безусловно, их не очень взволновало ее упразднение, хотя им и было понятно, что в данный момент форменная одежда была отменена для того, чтобы оправдать любое преследование полицией студентов, имевших до этого право требовать защиты у университетских властей.

Плата за обучение *, какой бы малой она ни казалась мистеру Уильямсу, слишком обременительна для бедных людей в России; и поскольку в нашей стране образование с самого основания университетов всегда было бесплатным,— прави-

тельство их содержит на государственный доход,— оно не имело никакого права отбирать суммы, предназначенные для этой цели, и употреблять их на другие нужды. Но до сих пор студенты еще сохраняли мир и ничего не говоря образовали из добровольных взносов фонд помощи тем, кто был недостаточно богат, чтобы уплатить взносы *. Теперь этот фонд конфискован правительством и новый устав подчиняет студентов системе неослабного шпионажа и полицейского преследования.

Если адмирал Путятин был не согласен с новыми правилами, составленными, как говорит мистер Уильямс, прежде, чем он вошел в кабинет министров, то как, по чести, мог он принять эту должность? А приняв ее, как мог он предлагать профессорам принять за себя презренную роль своего рода сыскальной полиции среди студентов? * Как мог он вызвать войска против безоружных юношей *, собрание которых имело своей целью лишь представление весьма почтительного адреса его величеству? Некоторые из них были убиты, около 300 находятся в тюрьме, а почтенный адмирал, главной заслугой которого была поездка в Японию *, все еще держится за свое выгодное место во главе народного просвещения.


Есть вещи, которые самая страстная дружба не посмеет защищать; и мы считаем, что дружба мистера Уильямса с русским адмиралом в самом деле зашла слишком далеко и увлекла английского профессора на сторону деспотического правительства, которое хочет подавить всякое просвещение, низвести университеты до казарм и которое не останавливается даже перед клеветой на благородных юношей, убитых или заключенных в тюрьму за протест против японских правил.

Остаемся уважающие вас, сэр,

Александр Герцен }
Николай Огарев } издатели «Колокола»

Orsett-house, Westbourne-terrace, 19 ноября.





〈БАКУНИН СВОБОДЕН〉

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ БАКУНИН в С.-Франциско.
ОН СВОБОДЕН! Бакунин уехал из Сибири через Японию и
собирается в Англию. Извещаем с восторгом об этом всех
друзей Бакунина.





ПО ПОВОДУ СТУДЕНТСКИХ ИЗБИЕНИЙ

Одна из самых тяжелых минут для следопроизводителя по уголовному делу — та минута, когда он входит в комнату, где совершилось злодейство: все тихо и спокойно... пятна крови, сломанная мебель, опрокинутый стул, разбитое стекло... с улицы слышен шум, трещат колеса, играет шарманка, хохочут дети, кричат разносчики — а несколько часов тому назад, тут, на этом месте, слышались глухие удары, вопль, брань, стон, тяжелое падение... и внутренне пробирает истерическая дрожь... а между тем выбора нет, по горячим следам надобно производить следствие. Лишь бы нашлось довольно спокойствия духа, чтоб не набросить на плечи преступнику еще больше вины, чем в самом деле ему приходится несть.

Мы эти следопроизводители.

Печально стоят перед нами огромные здания, потерявшие смысл, холодные, пустые аудитории, немые кафедры; бессмысленная сила прошла тут, тупо раздавила молодую жизнь, безраскаянно успокоилась, и все пошло по старой колее, — только студентов нет, науки нет.

Кто виноват? Где виновники? Благодушный император или бездушный Путятин? Шувалов или Строгонов? Московская полиция или преображенская?

Все виноваты, все они играли роль добровольных палачей, жестоких палачей; но вместе с тем они пользуются и выгодами, соединенными с званием заплочных мастеров: они отвечают только за исполнение. Пусть их замучит совесть, пусть их замучит общественное презрение. Пусть они, наконец, будут наказаны на том основании, на котором в Англии казнят зверей,

причинивших смерть человеку. Черт с ними совсем. Ни их виновность, ни их казнь не объяснит дело.

Университетская история не случайность, не каприз, а начало неминуемой борьбы. Борьба эта должна была завязаться там или тут, она завязалась на самой естественной почве. Противуречия, лежащие в основе политической жизни нашей, раздвинулись до того, что никакой Александр Николаевич не устоит Колоссом Родосским *. Несовместимое противуречие, которое бросается в глаза, между университетом и преображенскими казармами, не только существует во всех сферах жизни, но, что особенно важно, приходит к сознанию.

Первое обнаружение подавлено, второе, третье, может, будет тоже подавлено, брожение скроется внутрь, но непременно обнаружится с большей силой, а тогда — или петербургский порядок погибнет, или Россия погибнет.

То лихорадочное чувство *не по себе*, которое овладевает всей Россией — вверху, внизу, в крестьянской избе и в самом Зимнем дворце, прямо обнаруживает работу организма, посредством которого он стремится отделаться от чего-то мертвого, от чего-то ядовитого и гниющего.

Исход борьбы может быть тот или другой, но устранение борьбы невозможно. Нечеловеческие усилия, сделанные Николаем, задержали обнаружение ее на тридцать лет. Это геркулесов столб, Николай дошел до того давления, после которого вода в насосе не подымается, сколько хочешь дави.

Петровскому императорству, пережившему себя, оставалось *одно живое дело*, на этом деле оно могло искупить прошедшее, залечить раны, нанесенные народу, обновиться — этим делом оно повязало себе веревку на шею... «Насильно спасти никого нельзя», — сказал маршал Бюжо Людовику-Филиппу *.

Сначала утратилась сила — потом смысл. Оптический обман несокрушимости рассеялся вместе с севастопольским дымом *, все увидели, что это декорация силы, а не сила. Правительство ужаснулось своей ничтожности и своей нелепости; отсюда его судорожная готовность все изменять, чинить, перестраивать и, с тем вместе, отчаянно себя отстаивать всем на свете — расстреливанием крестьян *, прикалыванием молящихся *, преображенскими прикладами *, жандармами, одетыми мужиками *,

публичными девками на откуп *... это — внутренний страх смерти у больного, это — подавляющее сознание, что его существование не имеет достаточной причины. Вот отчего они мечутся из стороны в сторону, вот отчего это беспокойное ощупывание... вот отчего императрица по ночам молится перед византийской иконой и читает историю Марии Антуанетты, вот отчего они трепещут за свою династию, когда сотня молодых людей не хочет покориться унижительным формам, вот отчего они держат, как заряженный револьвер под подушкой, своих преображенцев, своих жандармов. Они знают, и это *худшее*, что может знать человек, они знают, *что их не нужно больше!*

Восемь, десять лет тому назад я проповедовал испуганной Европе, с ужасом поглядывавшей на мрачную фигуру императора в ботфортах и кавалергардском мундире, стоявшую каким-то снежным пугалом за балтийскими льдами, что *снег этот тает*, что петербургский трон вовсе не так крепок, как думают, что он пережил свой смысл и не имеет с самой войны 1812 года ничего творческого и созидającego, что Николай по инстинкту самосохранения свел все силы на одно отрицательное противодействие — возникающим началам новой жизни.

Мне не верили — это было до Крымской войны.

Старая история — что люди убеждаются только горами трупов, взятыми курганами, сожженными городами. Мак-Магон был счастливее меня *.

Но не у одной Европы пала повязка с глаз от Крымской войны, она пала с глаз Николая, и когда он огляделся и увидел хаос и пустоту, развитые им,— легкие его перестали дышать.

Все царствование его была ошибка. Ограниченный деспот, без образования, он не знал Европы, он не знал России. Свирепый больше, чем хитрый, он царствовал одной полицией, одним гнетом. Испуганный 14 декабря, он отшатнулся от дворянства, от единственной среды, связанной на живот и на смерть с петербургским престолом преступной круговой порукой крепостного права. Он в нем хотел подавить те простые, необходимые стремления к гражданским правам, которые без ущерба себе им уступила бы каждая прусская и австрийская корона. Но отвязывая втихомолку императорскую барку от

помещичьих плотов, он ничего не сделал для народа. Ему хотелось бы *отнять* у дворян крепостное право, для того чтоб ослабить их касту, но не давая воли крестьянам. Он на них смотрел с обыкновенной офицерской точки зрения, он не боялся их, народ не знал слова «конституция», не требовал прав, а считал только землю своей; впрочем, во всяком случае с ним было легче совладать, немые массы его можно было раздавить беззвучно, безотголосно.

Премнику Николая доставалось наследье нелегкое: ненужная и бесславная война, расстроенные финансы, общее воровство, ропот, недоверие и ожиданье. Ему предстояли, как в наших сказках, три дороги. Дать действительные права дворянству и попробовать уладить с ним *лунную* свободу представительного правления. Освободить крестьян с землею — и начать новую эпоху народного и экономического освобождения. Или, вместо того и другого, продолжать давить всякое проявление жизни до тех пор, пока лопнут мышцы у того, который давит, или у того, которого давят. По какой же дороге поехал наш Иван Царевич?

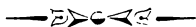
По всем по трем...

Эта шаткость, эта неуверенность человека спросонья — отличительная черта нового царствования. В нем есть что-то бесхарактерное, беспомощное, картавое и — в силу этого — всему уступки, всему измены. Дворянству, литературе, университетам даются какие-то льготы, права — но недействительные. Крестьянам дается свобода — но без земли. Польше возвращается народность — но без всякой самобытности. А недовольны — Апраксин, Дрениакин, гвардейская полиция. Арестанту, которого Николай гонял сквозь строй, позволяют отдохнуть, рассуждают с ним о вреде телесных наказаний, сулят ему золотые горы, а как он только приподнимает голову — барабан — и продолжай свою вторую тысячу зеленой рощи...

Университетская история — частный случай, в котором во всей силе отразилась та же самая блуждающая, беспутная правительственная мысль, — с молодыми людьми поступили так же, как с поляками, так же, как с крестьянами, и так же, как еще десять раз поступят — если бессмысленное правительство будет ходить на воле.

Неужели опыт нас ничему не научит? Что же, ждать четвертой, пятой крови?.. Если мы ничего не будем делать, мы дождемся страшных бед: один нож в руках безумного может наделать страшные бедствия — а пятьсот тысяч штыков в руках испуганного и бессмысленного правительства?.. Общественное спасение, спасение народа, требует, чтоб его не пускать по воле, требует, чтоб его связать.

Ну, так и закидывайте аркан!





ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ (ИЗ ПЕТЕРБУРГА)

Третий лист «Великоруса» сделал сильное впечатление. Он вышел (20 октября) во время самых сильных арестаций и когда шуваловцы считали все дело открытым. Он убеждает в необходимости подачи адреса о созвании депутатов для составления конституции, советует образование для сей цели комитетов... Великий князь Михаил Николаевич высказал себя в последнее время достойным сыном Николая и, что всего замечательнее, что и жена его, какая-то Ольга Федоровна, и та высказалась настоящей дочерью Николая — они рвались на безопасное пролитие крови, руками вооруженных рабов. Великий князь лично расспрашивал караульного преображенского солдата, как они били прикладами студентов, *выражая свое голштейн-романовское одобрение*. Каков! А еще молод — дайте-ка в лета взойти!..

Говорят, что *Михайлов* осужден сенатом на 12½ лет каторжной работы. Он во всем деле вел себя с спокойным самоотвержением и благородством, удивившим судей.

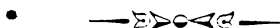


БРАДКЕ И ЛЕВШИН

Говорят, что дерптский попечитель *Брадке* отказался приводить в исполнение строгоно-путятинские меры, за что адмирал обратил было на него рыбий гнев свой, — но Суворов пред-

ставил государю, что Дерптский университет в отличном состоянии. Рыбий гнев тотчас нырнул в глубину морскую.

Когда государь был в Харькове, он спрашивал попечителя Левшина, как находит он японскую регламентацию. Левшин признал, что он ее не находит безукоризненной и что он об этом писал адмиралу от просвещения.— «Это было бы любопытно прочесть!»— заметил государь. Кто же мешает его любознательности? Левшин человек добрый, он ему вероятно, не отказал бы.





〈ПОЛЬСКОМУ КОМИТЕТУ〉

Kochany panie! Z najgorętszym uczuciem chwytam za pióro, aby powitać razem z tobą dzień rocznicy 29 listopada 1830 r. pod zupełnie odmienną wróżbą od przeszłych. Nie są to już próżne nadzieje, ale w istocie zbliżenie do ich urzeczywistnienia.

Samowładna władza chwieje się nawet w Petersburgu. Tutejsze stronnictwo czynu, możesz być o tym przekonany, gorąco pragnie najzupełniejszej wolności Polski. I nie jestże to uwagi godnym wydarzeniem, że człowiek, który w 1847 r. pierwszy zapoczątkował zjednoczenie wszystkich wolnomyślnych Rosjan z patriotycznymi Polakami, na ziemi wygnania, człowiek skazany na śmierć przez króla śaxońskiego, wydany przez niego w ręce Austrii, a przez Austrię w ręce cara Mikołaja, od r. 1849 żywcem zagrzebany w murach Schlüsselburgu i pustyniach Sybiru — ten bohaterski mąż, stracony — zaprzeczony — umarły Michał Bakunin, zjawił się znowu pośród nas wolny, żywy, w pełni siły, z drugiej strony Spokojnego oceanu, witając świtanie polskie niepodległości i rosyjskiej wolności? W imieniu naszego przyjaciela, imieniu naszego wskrzeszonego męczennika wzywam życzliwość wszystkich obywateli, zebranych w imieniu Polski i w imieniu naszych tutejszych przyjaciół do jednogłosego okrzyku «Niech żyje Polska!»

Wasz prawdziwy
Alexander H e r z e n,
redaktor *Kołokota*.

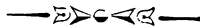
〈ПОЛЬСКОМУ КОМИТЕТУ〉

Милостивый государь! С горячим чувством я принимаюсь за перо, чтобы вместе с вами приветствовать день годовщины 29 ноября 1830 г., который наступает под совершенно иным предзнаменованием, чем в прошлом. Это уже не пустые надежды, а скорее приближение к их осуществлению.

Самодержавная власть колеблется даже в Петербурге. Здесьняя партия действия, можете быть в этом уверены, горячо желает полной свободы Польши. И не заслуживает ли внимания тот факт, что человек, который в 1847 г. первый положил начало объединению всех свободомыслящих русских с польскими патриотами на земле изгнания *, — человек, осужденный на смерть саксонским королем, выданный им в руки Австрии и последней в руки царя Николая, заживо погребенный с 1849 г. в стенах Шлиссельбурга и пустынях Сибири *, — этот богатырь, казненный, обреченный, умерший Михаил Бакунин, снова появился среди нас, свободный, живой, полный сил, с другой стороны Тихого океана *, приветствуя зарю польской независимости и русской свободы? От имени нашего друга, от имени нашего воскресшего мученика, я обращаюсь к доброжелательству всех граждан, собравшихся здесь во имя Польши, во имя наших здешних друзей и призываю к единодушному возгласу: «Да здравствует Польша!»

Искренне ваш

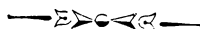
Александр Герцен,
редактор «Колокола».





⟨ДАМЫ И ПРЕОБРАЖЕНЦЫ⟩

Правда ли, что дамы вскоре после преображенской победы над студентами не танцевали с *прикладными* офицерами? Если правда, то это превосходнейший пример у нас — и чуть ли не первый.



ЛЕСОВСКИЙ ЗДРАВСТВУЕТ

В ответ на письмо одного *секолюбивого* моряка, помещенное в 95 листе «Колокола», моряк, не разделяющий страсти к линькам и хирургическим операциям с нравственной целью своего юного сотоварища, недоумевал, говоря о строгостях *Лесовского*, дравшегося круг всего света, исправился он или нет*. К большому сожалению нашему, мы получили на днях письмо, свидетельствующее, что *Лесовский* все еще болен и к излечению надежд не подает. Вот что пишет третий моряк:

Ныне он капитан над портом в Кронштадте, где приводит в употребление не только линьки и розги, но даже свои руки и зубы. Однажды *он прокусил вахтеру ухо*, починка которого обошлась ему сорок руб. сер. Другой раз, приняв кондуктора за писаря, дал несколько пощечин, замять это дело ему стоило пять тысяч руб. сер. Почему, боясь на этом месте совершенного разорения, она стал проситься опять на флот, где бы мог безнаказанно употреблять линьки, розги, руки и зубы. Жаль, что генерал-адмирал* окружен Черноморами, которые много от него скрывают...¹

¹ Мы опять получили печальные подробности о грубом обращении на «Генерал-адмирале»...* А что же обещанная подпись всех офицеров??



⟨РЕДАКТОРУ «LE NORD»⟩

Orsett-house, Wesbourne-terrace.
London.

Monsieur le rédacteur,

.....

Cette dame (M-me Bernov) affirme que les fragments des mémoires de son père A. Mikhaïlovski-Danilevski *sont faux*. Ici je n'ai que ma parole d'honneur que le texte imprimé est exactement conforme au texte que nous *avons reçu de Saint-Pétersbourg*. Reste à faire une enquête sur les sources. Nous la ferons, et, quel qu'en soit le résultat, nous ne doutons pas un instant que vous mettez, Mr le rédacteur, autant d'empressement à le publier que vous en avez montré en insérant la lettre de M-me Bernov.

Recevez, Mr le rédacteur, etc

Al. Herzen.

P. S. Je vous prie d'insérer cette lettre dans votre prochain numéro.

A. H.

ПЕРЕВОД

⟨РЕДАКТОРУ «LE NORD»⟩

Orsett-house, Wesbourne-terrace.
Лондон.

Господин редактор,

.....

Эта дама (г-жа Бернова) утверждает, что отрывки из записок ее отца, А. Михайловского-Данилевского, *подложны*.

В данный момент я могу лишь заверить своим честным словом, что напечатанный текст точно соответствует тексту, *полученному нами из Санкт-Петербурга*. Остается только произвести расследование в отношении источников. Мы сделаем это, и, каков бы ни был результат, мы ни на минуту не сомневаемся в том, что вы опубликуете его, г. редактор, с тою же поспешностью, какую вы проявили, напечатав письмо г-жи Берновой.

Примите, г-н редактор, и пр.

Ал. Герцен.

P. S. Прошу вас напечатать это письмо в ближайшем же вашем номере.

А. Г.





ОКЛЕВЕТАННЫЙ ГРАФ

Ты ври, да знай же меру! *

Грибоедов.

— Что ты все врешь,— говорит капитан-исправник мещанину Пименову, уснастивши свою речь кой-каким крепким словом *.

Гоголь.

Вскипел Бульон и в рать потек *.

Мервляков

(перевод «Освобожденного Иерусалима»).

На нашего граф Петра Андреича, как на всех людей неумеренно добродетельных, как на всех героев душевной прямоты, лгут; нам графа жаль, нам за Шувалова больно, мы хотим графа Шувалова оправдать. На его сиятельство, во-первых, солгали, что он по просьбе матери решился оставить тайную полицию *. «Много может молитва родителей» — это совершенно правда, но этого ничего не было. Совсем напротив, граф во все не бросил свои слуховые трубы, но расширил голубой круг действий III отделения; граф будет теперь *аускультировать* не только Россию, но всю Европу, он будет не только графом в свите *, но чем-то вроде секретного папы, подслушивающего «грады и вселенную».

На его сиятельство лгут, что он нашу скромную типографию окружил своими сотрудниками * и велел им не спускать нас с уха, что он дает им страшные деньги — и будто все казенные,— а они их тратят, не чувствуя, что наше правительство скоро, как Хлестаков, будет ходить по лавочкам пробовать бабки. Это ясная ложь; если бы это была правда, они узнали бы что-нибудь о типографии,— что же они узнали?

На генерала в свите лгут, что он распустил слух, будто бы в нашей типографии куплен его дрягилем или приказчиком какой-то корректурный лист,— иные прибавляют даже сумму, именно за 10.000 руб.,— послуживший к обвинению Михайлова *. Желая пуще всего на свете защитить девственную честь графа, мы торжественно объявляем гнусной и подлой клеветой эту застеночную выдумку. Шувалов неосторожен, Шувалов доверчив, ведь он не меньше типографии окружен шпионами, долго ли тут до греха! Может, 10.000 руб. и в самом деле взяты кем-нибудь из миньонов III отделения. В наш ужасный век, развращенный вольнодумством, ослабили все священные связи, и даже в III отделении не всё ангелы подслушивают и доносят. Но графу, с его обширными литературными связями, идущими от Иерусалимской улицы в Париже до Café de Paris в Иерусалиме, вовсе не трудно найти вора. Он может поручить следствие (сказали бы мы, если б мы смели советовать добродетельному графу) своему ученому другу Горянскому, покрывшему себя почти преображенской славой при взятии Михайлова, при котором он, между прочим, начальствовал легким отрядом амазонок *.

Счастлив начальник, окруженный семьей таких сотрудников! Счастлива семья, собирающая вести и подслушивающая всю вселенную для передачи такому графу!

О Тимашев, зачем вы не родились графом! О Дубельт, зачем вы не родились Шуваловым!



ПО ПОВОДУ ПИСЬМА ИЗ ВОЛЫНИ

Мы получили около 15 ноября из Волыни длинное письмо в опровержение статьи *об юго-западной Руси*, помещенной в 8 № «Будущности». Быстро несущиеся события и небольшой размер «Колокола» не позволили нам до сего времени дать о нем отчет. Мы, сознаемся откровенно, не желали бы быть ареной политико-лингвистических споров, особенно таких, которые имеют в виду не объективную истину, не существенную пользу народа, а разные *aggrégés-pensées*¹ патриотические, завоевательные, религиозные и проч.

Корреспондент «Будущности», находя, что юго-запад России говорит на *двух языках*, заключает, что его следует судить и учить — *на третьем*. И притом на таком третьем, который Украине и Литве, шляхте польской и Руси людовой напоминает их страшнейшие исторические несчастья!

Согласиться с этим невозможно. И что это за регламентация языка, что за правительственные, административные вмешательства в букварь?.. министерство грамматики, департамент спряжений! Неужели не ясно, что школа и суд в стране, в которой два наречия, *должны быть на обоих*.

Дайте школам волю, так и будет.

О суде и говорить нечего; малейшего следствия нельзя произвести, говоря на разных языках с подсудимыми и свидетелями.

Хорошо обедню да молитвы читать по-латыне, в них нет ничего нового, тут важно само чтение, а не то, что читается.

Итак, признаем же раз навсегда за непреложную истину, что *никого* не надобно ни *русифицировать*, ни *полонизировать*,

¹ задние мысли (франц.).— *Ред.*

что никому не надобно мешать говорить и думать, учиться и писать как ему хочется — ни остзейскому немцу, ни остзейскому финну.

С какой стати украинец, например, променяет свою простодушную речь — ту, на которой он говорил на свободных радах, ту, на которой схоронена в его песнях вся история его, — на язык предательского правительства, постоянно обманывавшего Малороссию, на язык той преступной женщины, которая одной рукой вооружала гайдамаков *, другой подписывая указы об укреплении казаков за своими наложниками? Разве великорусский язык не является на западе России языком *николаевским*, которого Кирилл и Мефодий — Бибикив и Симашко? Пусть язык наш смоем прежде следы подбострастия, рабства, подлых оборотов, вахмистрской и барской наглости — и тогда уже начнет поучать ближних.

Но из этого не следует, чтоб украинец учился по-польски потому только, что «весь образованный класс народа, самый *значительный* если не по числу, то по богатству, образованию и правам, — класс, *исключительно* пользующийся гражданскими правами и имеющий средства давать своим детям воспитание, — говорит по-польски».

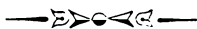
В этом-то и лежит все проклятие, что один класс исключительно поязуется воспитанием, а другой невежеством; что для одного класса есть и книги и школы, а для другого ничего, ни даже письменного языка.

Автор письма ссылается на Финляндию — что же из этого? И в Финляндии скверно *. И не в одной Финляндии, тут в примерах затруднения не может быть. Раз как-то в Брюсселе я гулял по городу, утром в воскресенье. В церквах толпа страшная, вхожу в одну — проповедь, внимание простого народа меня поразило. Я пошел в другую, в третью церковь — то же самое; что же за причина? Всё Лакордеры или Равиньяны? Нет, но попы проповедовали *по-фламски*. Я из третьей церкви перешел в кофейную — груда газет, все французские; я в другую — то же; афишки, водевили, фарсы, драмы и оперы — все на французском, романы и повести — то же самое, а потому все это дальше лакея и горничной не опускается. Народ *по ту сторону* литературы оставлен на попов, они его и образывают

на свой салтык; а белги, говорящие по-французски, удивляются его изуверству. Точно то же я видел в Пиэмонте.

На этом-то раздвоении народов на два слоя — одного, облитого светом и плавающего, как масло над глубиью, другого, глубокого и темного, окруженного мглой, — срезались все революции. Они делались для *значительного* (не по числу, а по правам) класса, *исключительно* пользовавшегося воспитанием, массам до них дела не было.

Начнем же, господа, прежде лингвистического завоевания народа югорусского, с того, что отдадим ему его землю, а потом и посмотрим, как он захочет говорить и учиться.





ШУВАЛОВЦЫ В КРОНШТАДТЕ

Доводим до сведения Константина Николаевича, что от небрежного смотра в Кронштадте завелись *шпионы* и на днях таскались в партикулярных платьях по квартирам морских офицеров, отыскивая «Колокол»... Чарльз Непир не мог взять твердыни кронштадтские, а шуваловцы проползли. Константин Николаевич, велите их бросить в море, пусть они подслушивают рыбий ропот да делаются свежепросольными.



NOTRE PREMIER PREMIER* И ПУТИ РАЗОБЩЕНИЯ

Чего и чего не возложено на верноподданную спину государственных верблюдов наших с портфелью и без портфеля, с ключом без сундука и с сундуком без ключа. Что за избыток сил, мышц, копыт, что за многообразие способностей, качеств, догадок! Например, Чевкин (наш будущий Premier), заведывающий всеми путями самого беспутного государства в мире, путями без воды (т. е. каналами) и с водой (т. е. шоссе), заведует еще, сверх того, путями прогулок в саду, принадлежащем *дому* Главного управления путями сообщения. Сам Чевкин рассматривает, обсуживает и взвешивает представляемые ему зрителем дома списки желающих гулять в этом саду. «Нынешнее лето, когда был подан список, в котором между прочими значными чинами помещено было одно купеческое семейство, он против всех написал „разрешаю“, а против купеческого семейства отметил: „нельзя“».

Поверят ли этому в Европе?

КОНЧИНА ДОБРОЛЮБОВА

Опять нам приходится занести в нашу хронику раннюю смерть — энергический писатель, неумолимый диалект и один из замечательнейших публицистов русских, *Добролюбов*, похоронен на днях на Волковом кладбище возле своего великого предшественника *Белинского*. Говорят, что Добролюбову было только 25 лет.



ЛЕКАРЬ ОЗЕРСКИЙ И ЕГО СООБЩИКИ

Прибавлять к рассказу, от которого становится волос дыбом, помещенному в прошлом «Колоколе» *, — нечего. Тут все ужасно, все вызывает на месть, от соленых розог, от ударов ногами в умирающего до шайки полицейски-судебных плутов, скрывших преступление, оправдавших злодея-лекаря. Мы обращаем внимание наших читателей (и в особенности одного из них — министра внутренних дел *Валуева*) на тот замечательный факт, что наше правительство инстинктивно сознает свою круговую поруку с каждым подлым преступником и прикрывает своей багрянницей каждое злодейство. Это чрезвычайно замечательно и оригинально. Понятно, что юстиции Панина и администрации Валуева мало дела до того, согласна она с нами в мнении или нет. Но когда мы или кто б то ни было говорит: вот в Орловской губернии почтенный доктор медицины Гутцейт изнасилничал ребенка и весь уезд это знает *, вот еще больше почтенный доктор *полиции* Сечинский до смерти замучил несчастную жертву Марии Бредау *, вот штаб-доктор Озерский убил своего повара с жестокостью, неслыханной у диких, и следопроизводители стряпчий *Иваницкий*, исправник *Троцкий*, письмоводитель *Соломаха* и лекарь *Петровский* скрыли это, и Озерский не на каторге, а спокойно живет возле трупа своего повара, — какое, казалось бы, дело правительству, откуда оно получает весть о совершенном преступлении? Неужели Панин, с его ростом, считает, что иногда можно насиловать и детей, или Валуев, с его красноречием, — что можно забивать поваров до смерти?

К чему можно отнести эту непробиваемую шкуру носорога на совести наших управителей? Неужели в них нет тени человеческого сочувствия к страждущим?

Решайте сами этот вопрос как знаете, а я знаю одно — что ни наша статья, ни это замечание не помешают лекарю Озерскому преспокойно обедать на трупе своего повара.

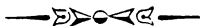
И на это-то правительство люди надеются!



«КВАРТЕТ» КРЫЛОВА

Иностранные газеты до того рукоплещут тому, что лица, съезжающиеся теперь в Комитет министров, будут съезжаться в Совет, что ультракатолический журнал в Париже получил нахлобучку. «Le Nord» находит, что это начало конституции, «Times» — что это конец абсолютизма. Кто-то дипломатически сострил, говоря: «До сих пор в России были министры, теперь есть министерство». Вечные скептики, мы и этому Совету не верим. В чем же будет состоять единство этих господ, взятых больше чем случаем, произволом, и притом не вновь назначенных, а прежних? Что общего между отсталым, не знающим ни века, ни жизни, бюрократом и доктринером, прямолинейным Паниным и криволинейным Чевкиным, между ветхим преступлением Муравьевым и молодым силами Милютиним? Разве то, что они все не имеют ничего общего, кроме того, что не знают морского министра Краббе.

Нет, господа... как ни садитесь,
Вы в музыканты не годитесь.



НАБРОСКИ,
НЕОКОНЧЕННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

«Двоюродный братец»

«Что бы за рысь истре - ~~за что бы~~ -
Заиряк, мун двоуродный братец мой ир ду
ми немиле...

- Кби мун - мон лоним - нам сарма будук
сваро сина, сармелуки аранкинов помы
лет роуроту - сарак и сун (сина) - Это
и Велик ^{сундук} ~~брат~~ ку. Об бату ир мун сарма
то мун, ^{и мун} ~~и мун~~ -

- Тунис ку, ^{сундук} ~~сундук~~ ку - Это и дабу и
исам. Дакис ку Об лану немиле ча
визироту - немиле ча -

- Дакис мун сундук, сундук дабу, сундук
декрета каму Ку маеме сундук
сундук непроизводити ругиле аруруси.

- А мун, ^{сундук} ~~сундук~~ ^{и мун} ~~и мун~~ ^{и мун} ~~и мун~~
Зайду ~~сундук~~ ^{и мун} ~~и мун~~ ^{и мун} ~~и мун~~
сундук сундук от аруруси каму ир сундук

- ругиле сундук - - ~~и мун~~ ~~и мун~~ ~~и мун~~

- Ен бун, мун сундук, и сундук ир мун ир
сундук - и сундук -

- Ку ир сундук ир мун Запад сундук -
Об ир сундук сундук ир мун сундук
сундук сундук? ^{сундук} ~~сундук~~ ^{и мун} ~~и мун~~
ир сундук - сундук ир мун сундук - ир
сундук сундук - как сундук ир мун сундук
сундук

«Двоуродный братец». 1861. Страница рукописи (автограф Герцена).
Центральный государственный архив литературы и искусства СССР,
Москва

〈 ДРУЗЬЯ И ТОВАРИЩИ!..〉

Друзья и товарищи!

Сегодня мы оставили наш станок вольного русского слова — для того, чтоб братски отпраздновать *начало освобождения крестьян* в России. Что для нас значит это освобождение — вы знаете. В освобождении крестьян *с землею* лежит вся будущность Руси — не самодержавной, не помещичьей, не завоевательной, не московско-татарской, не петербургско-немецкой, а Руси народной, общинной — свободной!

Первое слово нашей типографии было слово о *Юрьеве дне*.

Первая книжка, вышедшая из нее, была о *крещеной собственности*.

«Полярная звезда» и «Колокол» поставили своим девизом: *освобождение крестьян и слова!*

И вот начало его возведено — робко, с усечениями — *но возведено!*

Сильно переменились события с тех пор, как мы печатали первые листы в 1853. Все вокруг было мрачно и безнадежно. Тяжелая оргия реакций дошла до последней степени, приходилось сложить руки — а мы начали какую-то странную работу, засевая на каменистом мусоре чужих развалин зерна, назначенные для дальней, отрезанной от нас родины. На что мы надеялись? Не знаю, а скажу лично о себе — оттого ли, что я не был тогда в России и не испытывал прямого прикосновения произвола, от другого ли, *но я верил в Россию — тогда, когда все сомневались в ней!*

С тех пор много воды утекло.

Обращаюсь к свидетелям наших начинаний и спрашиваю вас, что бы вы подумали о человеке, который в 1853 году

сказал бы, что мы через восемь лет соберемся на дружеский пир и что героем этого пира будет русский царь! Вы подумали бы, что он сумасшедший или хуже... Я с своей стороны откровенно признаю, что мне этого никогда не приходило в голову.

По счастью, господа, в этом никто из нас не виноват — в этом виноват исключительно один человек, то есть он сам.

За то, что я отдаю ему справедливость, меня будут бранить революционные схимники и ригористы — меня за многие слова бранили. Но если я говорил свое мнение, когда за это сажали в тюрьму и посылали в Вятку, если я не боялся раздражить надменный аристократизм дряхлых и самодовольных цивилизаций — то зачем же мне останавливаться перед противоположными предрассудками?

Мне тем легче признать великий подвиг Александра II, что самое это признание — залог нашей искренности, а нам необходимо доверие, как можно больше доверия!

Манифест 19 февраля — подорожная; дорога еще вся впереди, а почта в руках свирепейших татарских ямщиков и немецких берейтеров. Они сделают все, чтоб опрокинуть или увязить повозку. А обличить их козни в России нельзя. Слово отстало — оно у нас по-прежнему *крепко* цензуре — оттого-то печатание за границей и необходимо — мы знаем свою обязанность.

И пусть *они* не беспокоятся — их дела не пропадут: мы с большой ревностью будем следить за ними шаг за шагом, взятку за взяткой, преступление за преступлением, с неутомимым вниманием ненависти, чувствующей свою правоту. Мы выведем их на лобное место, мы привяжем их в их собственной грязи к позорному столбу — всех этих Муравьевых Вешателей, князей-подъячих, как Гагарин, и сиятельных жандармов, как Долгорукий; этих бездушных стяжателей и казнокрадов, крамольников во имя рабства, рыцарей розги — не постыдившихся украсть у народа первый день его торжества!

Наш труд теперь только порядком начинается. А потому, друзья, к нашим станкам, на нашу службу русскому народу и человеческой вольности! Но прежде осушим этот бокал за здоровье наших освобожденных братьев и в честь Александра Николаевича, их освободителя!

Второй тост

За народ польский, за его свободу и равенство, за полную независимость Польши от России и за дружеское соединение русских с поляками!



Тост за государя





ДВОЮРОДНЫЙ БРАТЕЦ

— Что вы за чушь несете! — закричал мне двоюродный брат мой из другой комнаты...

— Вы меня, *mon cousin*, как барон Видиль своего сына, вытянули арапником, пользуясь родством, — сказал я ему, смеясь. — Что с вами случилось, давно ли вы были до того согласны со мной, до того, что...

— Близко ли, далеко ли — это к делу не идет. Давно ли вы сами называли славянофильство — нелепостью.

— Давно, *mon cousin*, очень давно, больше десяти лет. Вы знаете, десятилетняя давность покрывает разные прорухи.

— А теперь проповедуете, — продолжал он, не слушая меня, — что Западу только и спасенья, если он примет какие-то вновь открытые элементы — русской жизни... ха-ха-ха...

— Ей-богу, *mon cousin*, я этого никогда не говорил... Я говорил...

— Вы не говорили, что Запад стареется, вы не сейчас сказали, что Париж отживает свой век? Париж — стар стал. Как будто совокупность каменных зданий — прежде чем развалится — может отжить свой век, как будто не новые наемщики въезжают в старые дома его, как будто Париж не перестраивается заново?..

— Только по старому плану, который, по несчастию, не рассчитан ни на современные потребности, ни на возрастающее невозможно количество людей... Если переменится план серьезно, то это не будет Париж...

— Париж-с, Париж-с, назло вам, очень Париж — Европа переменит двадцатый, сотый кафтан, кафтаны изнашиваются — а она еще переживет нас с вами...

— Мудрено ли, когда мы стареемся изнашивая сертуки, а ей — как с гуся вода.

— В этом вся разница.

— Только смотрите, чтоб с ее неосторожной юностью не случилось того, что с Павлом, — он ослеп кавалерийским офицером, а проснулся пешим апостолом. Да вот беда — у нас теперь нет таких особенно ослепительных доказательств...

— Не выдумаете ли вы их — или Аксаков с комп〈анией〉, то бишь с молодцами?..

Это неожиданное вмешательство *вооруженным* языком изменило экономию моего рассуждения и брюзжания. Пришлось больше помянуть задов, чем хотелось.



**РЕДАКЦИОННЫЕ ЗАМЕТКИ,
ПРИМЕЧАНИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ**



НАРВСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И РУКОПАШНЫЙ КАВАНЬЯК-СМИРНОВ

⟨ЗАКЛЮЧЕНИЕ⟩

Это делается возле Петербурга, возле помойной ямы Долгорукова, возле доброго старика Ланского. Когда же это русский народ отделается от этой сволочи?

ПРОШЕНИЕ СТУДЕНТОВ КИЕВСКОЙ АКАДЕМИИ

⟨ПРИМЕЧАНИЕ⟩

Мы обещали в 86 л. «Колокола» поместить это прошение. Мы не везде довольны его тоном, но оно дает понятие о том, как идет преподавание — ангельского чина; поэтому мы печатаем его целиком.

ПРОСЬБА М. В. ПЕТРАШЕВСКОГО Е⟨ГО⟩ В⟨ЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ⟩ МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

⟨ПРИМЕЧАНИЕ⟩

И охота же Муравьеву теснить Петрашевского, просил бы государя, чтоб его перевели в Россию. Что за неровный, и, по правде, что за скучный бой.

ЯЗЫКОВ, ДИРЕКТОР ПРАВОВЕДЕНИЯ

Мы получили письмо, опровергающее ответ Языкова правоведам, желавшим принять участие в воскресных школах. Если мы получим оправдание его в наветах на профессора Павлова, мы тоже поместим с удовольствием.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ «СБОРНИКА МАТЕРИАЛОВ
О ДЕЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ КРЕСТЬЯН»...

Вторая часть «Сборника материалов о деле освобождения крестьян» вышла в Берлине у Шнейдера. Она так же превосходно и умно составлена, как первая. Эта книга останется многозначительным историческим документом.

⟨В СКОРОМ ВРЕМЕНИ ВЫЙДЕТ У ГГ. ТРЮБНЕРА И К^{НИ}...⟩

В скором времени выйдет у гг. Трюбнера и К^{НИ} «СУЩНОСТЬ ХРИСТИАНСТВА» *Людвига Фейербаха*. Перевод сделан со второго исправленного издания *Филадельфом Феоматовым*.

«ВОСПОМИНАНИЕ О КОНДРАТЬЕ ФЕОДОРОВИЧЕ РЫЛЕЕВЕ»

⟨ЗАКЛЮЧЕНИЕ⟩

На этом месте обрывается этот рассказ. Говорят, что он потерял, это страшное несчастье. Нет ли у кого другого списка, мы просим его прислать; это единственно святое наследство, которое наши отцы завещали нам, всякая строка дорога нам.

Автор этих воспоминаний — Николай Александрович *Бестужев*, писал их в Петровском заводе, в 1835. Он скончался на поселении в Селенгинске 15 мая 1855.

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Письмо П. Я. Чаадаева — историческое событие, оно должно быть сохранено, и мы перепечатаем его потому, что оно стало в России библиографической редкостью. «Полярной звезде» каждый памятник развития русской мысли от декабристов до смерти Николая — свят и дорог. Наше воззрение на Русь не согласно с воззрением Чаадаева. Но мы его поместим без всякой критики. Важность этого письма, как мрачного протеста, вполне определилась его влиянием. С него начинается точка перелома общественного мнения.

Мы говорили подробно и об этом письме и о самом Чаадаеве в I кн. «Полярной звезды» и в «Développement des idées révolutionnaires en Russie». Повторять сказанное нам кажется излишним.

Рассказ этот очень кстати. Это тот самый Карницкий, которого государь потребовал в Петербург, чтоб узнать истину о происшествиях в Варшаве.

ЕЩЕ О ШЕСТАКОВЕ И КРОТОСТИ ЕГО

Сообщаем защитнику г. Шестакова и его кротости на «Генерал-адмирале», обещавшему нам подписку офицеров, что мы получили *третье* письмо, снова обвиняющее Шестакова и какую-то *датскую* методу наказаний. Письмо написано превосходно. Мы его напечатаем вместе с подпиской.

В ЗАЩИТУ Г-НА КАРНИЦКОГО

Мы получили письмо, говорящее, что все помещенное в статье («Кол.», л. 94) о г. Карницком несправедливо. Представляем приславшему нам первую статью защищать факты, сообщенные им. Мы не имеем средств знать, кто прав, кто виноват. Мы знаем только, что г. Карницкий подписал акт уничтожения «Земледельческого общества» в Варшаве.

〈ПРИСЛАННЫЕ ДЕНЬГИ〉

Мы получили при записке, в которой написано по-русски: «от небогатого бедным», двадцать пять фунтов для известного благотворительного употребления. Мы исполним по совести возлагаемое на нас и доставим отчет приславшему, которого благодарим вперед от имени несчастных.

〈ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ〉

Издатели «Колокола» обращаются ко всем читателям, и в особенности к друзьям своим между военными, с просьбой, которой важность они ясно поймут. Нам необходимо нужен список, поименный, с чином и именем полка, всех офицеров, отличившихся в крестьянских убийствах.

ПОПРАВКА

Спешим воспользоваться письмом, полученным нами, в котором сказано, что прусский консул в Варшаве не Бергер, а Термен, что киевского генерал-губернатора зовут не Екатериной Васильевной, а Екатериной Алексеевной.

〈О ВЫХОДЕ КНИГИ БОКЛЯ «HISTORY OF THE CIVILISATION IN ENGLAND»〉

Несколько дней тому назад вышла *вторая часть* «History of the Civilisation in England» Беклея.

〈ПРИСЛАВШЕГО НАМ 25 ФУНТОВ...〉

Приславшего нам 25 фунтов для раздачи бедным полякам мы уведомляем, что 20 ф. нами отправлены, по совету генерала Мерославского, вновь прибывшим полякам в Неаполь (откуда и имеем расписку в получении), а 5 ф. розданы в Лондоне.

〈НАС СПРАШИВАЮТ ИЗ ПЕТЕРБУРГА...〉

Нас спрашивают из Петербурга, когда выйдет VI кн. «Полярной звезды». Мы не понимаем, как весть о ее выходе не дошла через «Колокол» или через объявление Трюбнера. VI книжка «Полярной звезды» поступила в продажу в начале *марта месяца*. Кстати — мы намереваемся издавать «Полярную звезду» отдельными выпусками; об этом мы уведомим читателей подробнее.

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Мы получили благородное, прекрасное письмо о польских делах, писанное *русским офицером*. Мы поместим его в предстоящем выпуске «Полярной звезды».

VII КНИЖКА «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ»

На днях начнется печатание первого выпуска «Полярной звезды», в нем будут помещены: отрывки из записок Якушкина, из «Былого и дум» (круг Станкевича).

«Полярная звезда» будет выходить *четырьмя или больше*

выпусками, в неопределенное время, но так, чтоб последний вышел в марте 1862.

А. В. ПОДЖИО И ЕГО ПЛЕМЯННИКИ

Нам пишут, с просьбою поместить в «Колоколе», следующее: «Известный декабрист Александр Викторович Поджио, по возвращении из Сибири, нашел свое имение в руках родных племянников *Александра и Льва Осиповичей*, весьма богатых помещиков. *Они не возвратили* старцу его имения, стоящего не больше 35.000 рублей, и он, обремененный семьей, остался без средств».

Если племянники не опровергнут этого, то имя их не должно забыться в *наших* летописях.

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

С искренней благодарностью извещаем мы о получении *ста двадцати пяти фунтов*, назначенных для польской школы в Париже и для польских изгнанников, участвовавших в итальянской войне *.

ДЕЛО, В КОТОРОМ МИНИСТР ФИНАНСОВ КНЯЖЕВИЧ ОКАЗАЛСЯ ДАМСКИМ ЛЕКАРЕМ И ЛЮБЕЗНЫМ КАВАЛЕРОМ

⟨ВСТУПЛЕНИЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ⟩

В 4-м департаменте Правительствующего сената производится — или производилось в апреле прошлого года — странное дело, которого мы предрешать не намерены, но которое слишком курьезно, чтоб не обратить на себя внимания, и потому мы помещаем копию с прошения в Сенат студента Ефимова, для рассмотрения господ юристов.

Заключение ред. По нашему мнению, деньги следует взыскать с Княжевича и отдать его под суд за превышение власти. Игнатьев что?.. так — генерал, а Княжевич — Неккер.

ТАМБОВСКИЙ ГУБЕРНАТОР ДАНЗАС И ЕЛАТОМСКИЙ ИСПРАВНИК МОСОЛОВ

⟨ЗАКЛЮЧЕНИЕ⟩

По ст. 24 «Общ. положения» о новом крепостном праве, запрещается крестьянам жаловаться на прежние поступки помещиков; но так как эти «Положения» не воспрещают жало-

ваться на губернаторов и исправников, то мы предлагаем отдать губернатора Данзаса под суд на основании статей XV т. «Св<ода> зак<онов>» о превышении и бездействии власти и о преднамеренной утайке обстоятельств дела.

В ЗАЩИТУ ГАМАЛЕЯ

⟨ПРИМЕЧАНИЕ⟩

По принятому у нас правилу мы выпускаем все крепкие слова и фразы.

МРАКОБЕСИЕ ЦЕНСУРЫ

Верное своему началу и желая, чтобы ничто, кроме тупоумия, не распространилось в России, правительство делает цензуру все более и более тупоумною и тяжелою. Недавно Щербинин, получивший белого орла с высочайшей надписью на марже *«За цензуру»*, запретил в одном журнале перепечатывать статью из киевской газеты о прощальном обеде Пирогову. Сверх того, прилагаем здесь два предложения Главного управления цензуры Московскому ценсурному комитету,— предложения, доказывающие, что правительство, утратив доверие крестьян темными «Положениями» и яркой стрельбою по народу, старается утратить и в других сословиях тот остаток уважения к нему, который кое-кто из образованных людей, скрепя сердце, старался в себе натягивать. Вот эти предложения:

1) В наших повременных изданиях весьма часто появляются подробные описания политических переворотов, сопровождаемые иногда (особенно в переводных сочинениях) оправданиями их общими теоретическими учениями и ходом государственного управления, неотразимо влекущим к реформам. Примером подобного рода статей могут служить восторженные описания италийского восстания, заключающиеся в политических обозрениях разных журналов, перевод сочинения Токвиля «Старый порядок и революция», приложенный к январской книжке «Библиотеки для чтения» за 1861 год, и статья «Предисловие к нынешним австрийским делам», помещенная в февральской книжке «Современника» за 1861 г. При настоящем взволнованном положении умов в европейских государствах нельзя не признать вредным распространение сочинений, в которых выставляются яркие описания революций, необходимых будто бы для оживления организма государства. Неопытный читатель легко может применять к положению своей страны те действительные или мнимые недостатки управления, которые вызвали в других странах события, описанные с желанием сделать из них факты всеобщего значения. Вслед-

стве сего Главное управление ценсуры нужным считает предложить Моск. ценс. комитету допускать к печати с особою осмотрительностью вышеозначенного рода сочинения и переводные из них позволять единственно в том случае, когда они, представляя описание событий в каком-либо государстве, не выводят из них общих начал для применения в других государствах.

Секретарь Моск. ц<енсурного> к<омитета> Федоров.

2) На основании статьи 3, пункта 2, ценсурного устава, цензура обязана подвергать запрещению произведения словесности, когда в оных оскорбляется честь какого-либо лица непристойными выражениями или предосудительным обнародованием того, что относится до его нравственности или домашней жизни, а тем более клеветою. По случаю же допущения к печати в периодической литературе статей, в которых выставались личности с осязательным их обозначением или с поименованием фамилий, Главное управление ценсуры подтвердило циркулярно по ценсурному ведомству от 3 октября 1859 года, что дальнейшее допущение к печати, вопреки вышеозначенной статье ценсурн. устава, статей, оскорбляющих честь какого-либо лица, непременно повлечет за собою удаление от должности виновных в сем упущении ценсоров. А от 8 марта 1860 г. Глав. упр. ценсуры объявлено высочайшее повеление, коим, между прочим, воспрещено допущение к печати сочинений и журнальных статей, а равно подражаний и карикатур, в которых, хотя не прямо, с названием фамилии, а большею частью под прозрачным замаскированием оглашаются обстоятельства, относящиеся до нравственности и частной жизни разного звания лиц и т. д.

Всего же вышеизложенные постановления, воспрещающие положительным образом появление в печати личностей, Глав. управ. ценсуры усматривает в журналах и газетах статьи, описывающие злоупотребления и проступки разных лиц не только с ясными намеками на обстоятельства, могущие вести к открытию имен сих лиц, но даже с поименованием полных их фамилий. Примерами подобных отступлений от ценсурных постановлений могут служить напечатанные в последнее время, возбудившие журнальную полемику, статьи о грубых поступках Козлянова на Николаевской железной дороге, на поступки студента Харьковского университета Страхова на маскараде в Харькове. В № 69 же «Московских ведомостей», 8 марта, напечатано известие о побоях, нанесенных майором Чириковым кадету межевого института на улице в Москве, с прямо выраженным намерением предать общему позору фамилию сего офицера.

Вследствие сего Глав. управ. ценсуры считает своею обязанностью подтвердить снова по ценсурному ведомству строго руководствоваться пунктом 2 ст. 3 ценс. устава, не допуская в сочинениях и статьях личностей и не позволяя ни в каком случае оглашения подлинных фамилий в рассказах и происшествиях предосудительных для нравственности приводимых в них лиц. К сему Главное управление ценсуры считает нужным присовокупить, что напечатание статьи в одном периодическом издании

не дает права к перепечатанию оной в других повременных изданиях, без нового ценсурного рассмотрения.

**〈БЕРЛИНСКОЕ ИЗДАНИЕ «СТИХОТВОРЕНИЙ А. ПУШКИНА»
Г-НА Р. ВАГНЕРА〉**

В Берлине, у Р. Вагнера (Unter den Linden, 57), вышло издание стихотворений Пушкина, не вошедших в последнее собрание его сочинений. Это издание в двух форматах: один в величину петербургского издания 1859 года, другой маленький, очень удобный. Снабженное примечаниями, это издание обрадует не только наших библиофилов, но всю читающую публику. Мы очень жалеем, что г. Вагнер не вошел с нами в сношение до издания; мы могли бы присоединить к нему и наш сборник, который выйдет в сентябре под заглавием: «Русская потаенная литература XIX столетия. Отдел первый — Стихотворения». В наш сборник вошли стихотворения разных авторов. Почти все стихотворения Пушкина, находящиеся в нем, находятся и в издании г. Вагнера; едва ли даже последнее не богаче нашего; наш сборник обширнее только стихотворениями других писателей. Мы вовсе не враждебно смотрим на конкуренцию берлинской типографии и от души приветствуем ее прекрасный труд. Мы надеемся, что он будет с участием встречен русской публикой.

ОТ РЕДАКЦИИ

Статьи об Арнаутовых и о частном приставе Шишковском, о которой спрашивает корреспондент, *мы не получили*.

ПРАЗДНОВАНИЕ СОЕДИНЕНИЯ ЛИТВЫ С ПОЛЬШЕЙ В КОВНЕ

〈ЗАКЛЮЧЕНИЕ〉

Но, — прибавим мы к этому превосходному описанию, — онемеченное правительство не так легко унять, как казаков. Назначена комиссия для разбора преступления молитв, исторических воспоминаний и народного братства. В ней участвуют Фермор, Маршев и Скворцов, жандармский начальник, который, à l'américaine¹, ходит с заряженными пистолетами в кармане!

CURRICULUM VITAE² ЛАМБЕРТА

Мы получили в форме письма к государю жизнеописание почтенного наместника Ламберта. Корреспондент, приславший

¹ на американский манер (франц.).— *Ред.*

² Жизнеописание (лат.).— *Ред.*

его, позволит нам побережь его в наших бумагах, пока Ламберт *заслужит* его помещение.

〈УВЕДОМЛЕНИЕ〉

С глубочайшей благодарностью получили мы три фунта стерл. от трех русских на взнос в университеты за бедных студентов, у которых государь отнял средства учиться.

〈ИЗВЕЩЕНИЕ〉

Издатели извещают гг. пославших о получении «Краткого журнала генерала Толя» *, статьи о Пирогове * и письма о г. Неваховиче; последнее мы подшили к досье Адлербергов. *Aviso* ¹ не пропадет.

НОВЫЙ СУД В КОВНЕ

〈ПРИМЕЧАНИЕ〉

Письмо это опоздало, но оно так интересно для русских правительственных прогрессистов, что не может утратить своего букета.

МОСКОВСКАЯ БОЙНЯ СТУДЕНТОВ

〈ВСТУПЛЕНИЕ〉

Мы получили четыре письма из Москвы, одно печатаем почти вполне. Разногласия в письмах нет, по крайней мере ни в чем существенном. Все письма равно говорят о верноподанных стараниях профессоров, полиции, генерал-губернатора, некоторых литераторов и двух полицмейстеров. Героем дня, впрочем, был *et il ne l'a pas volé* ²— знаменитый Сечинский. От убийства несчастной девушки, принесенной на жертву поддержания законной власти Марии Бредау *, он естественно перешел к убийствам студентов для поддержания самодержавной власти. Поведение Тучкова и профессоров далеко не так естественно, с их стороны это прогресс.

Имя корреспондента ручается нам за истину, тем не меньше мы просим, если какой-нибудь факт изложен неверно, прислать нам поправки.

¹ Уведомление (итал.).— *Ред.*

² и по заслугам (франц.).— *Ред.*

〈АДРЕС ПОЛЬСКИХ ДАМ〉

Адрес польских дам получен нами, благодарим от души и просим позволения пожать от всего сердца их руки.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ГОНЕНИЯ СТУДЕНТОВ ПРИ АЛЕКСАНДРЕ II

〈ПРИМЕЧАНИЕ И РЕДАКЦИОННАЯ ВСТАВКА〉

Нам кажется, что почтенный автор статьи ошибается: Путьтин был избран по его негодности. Он был исполнителем полицейского заговора, сделанного старым инквизитором * и ретроградной партией.

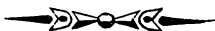
Мы не будем останавливаться на небольших вариантах и пополнениях, полученных нами после напечатания преобразенской победы в Петербурге и жандармской пугачевщины в Москве. Главные события, повторяем, изложены в наших корреспонденциях довольно правильно. А потому переходим к отражению совершившихся событий в правительственном Олимпе.

〈ИЗВЕЩЕНИЕ〉

Извещаем с благодарностью особ, приславших *четыре фунта для взноса* в откупную сумму за просвещение, взимаемую Путьтиным с студентов,— что мы их получили и препроводим по назначению.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

С начала будущего года мы прибавляем к «Колоколу» листок «Объявлений». Приглашаем всех желающих воспользоваться им адресоваться в контору объявлений, S. Tchorzewski, 1, Macclesfield street, Gerrard street, Soho W. и в Вольную русскую типографию, 136—138, Caledonian road, London N.



D U B I A

⟨ КОНЧИНА КНЯЗЯ СЕРГИЯ ПЕТРОВИЧА ТРУБЕЦКОГО ⟩

Князь Сергей Петрович Трубецкой, возвращенный из Сибири, скончался в Москве.

ПОЛ ПАРКЕ В ГИМНАЗИИ И ПОТОЛОК В МОЗГУ ФИШЕРА

Директор Ларинской гимназии Фишер на просьбу о дозволении открыть воскресную школу в этой гимназии отвечал: «Нельзя, грязные мальчишки с улицы паркетные полы испортят».

L'HOMME AUX CAMÉLIAS ET L'HOMME AU GIVET

Калужский губернатор Арцимович за дельные и умные распоряжения по делу об освобождении крестьян получил выговор, а *Бутков* предлагал отдать его под суд. *Муравьева Вешателя* чиновник его ведомства публично назвал казнокрадом и брался доказать справедливость своих слов документами; его посадили в крепость, — говорят, что он там умер. Правда ли это? — и, если правда, нельзя ли прислать медицинское свидетельство о его болезни?

⟨ МИНИСТР ЛАНСКОЙ ⟩

Министр внутренних дел Ланской оставил министерство. За ним останется почетная память: ни русский народ, ни история не забудут того из министров, который откровенно работал в пользу освобождения крестьян.

⟨ ТЕЛЕГРАФ ⟩

¿ Правда ли, что чиновник телеграфа, задержавший четыре часа телеграфическую депешу от государя Горчакову, в которой

было сказано: «*Sévissez*»¹, для того чтоб дать уйти части безоружному народу, — расстрелян?

〈БРАТЯ РЫЛЬСКИЕ〉

¿ Правда ли, что братья *Рыльские*, студенты Киевского университета, сосланы в Казань по доносу Васильчикова, что они обращаются *по-братски* со своими крестьянами? Правда ли это?

ГАЛАГАН

В Черниговской губернии были беспорядки в имении Галагана — Ичне. Говорят, будто Галаган хотел присвоить, вопреки ясному тексту «Положения», землю, купленную крестьянами на его имя. Такой коммунизм не понравился крестьянам. *Их усмирили.*

〈КОНСТИТУЦИЯ〉

¿ Правда ли, что в прошлом месяце все министры получили печатный манифест, дарующий конституцию?

〈ПРАВДА ЛИ, ЧТО ГЕНЕРАЛ МЕРХЕЛЕВИЧ...〉

¿ Правда ли, что генерал Мерхелевич такой дурной зоолог, что не умеет отличить *единорога от пушки*? * Как же он будет отличать конфедератку от фуражки? *

〈ПОЭТ СЫРОКОМЛЯ〉

¿ Правда ли, что литовский поэт *Сырокомля* привезен из Вильно в Варшаву и там засажен в крепость за какое-то стихотворение? Если правда, это хорошо — будто Николай и не умирал.

〈ПРАВДА ЛИ, ЧТО ЕСТЬ МЕЖДУ СТУДЕНТАМИ...〉

¿ Правда ли, что есть между студентами Петербургского университета молодые люди, подозреваемые в связях с III отделе-

¹ «Строго наказать» (франц.).— *Ред.*

нием? Если правда, что же их терпят студенты, — пусть они их или оправдают или обличат, и в последнем случае пусть их вытеснят, покроют позором, пусть приплюют нам имена их *.

В БЕЗДНЕ НЕТ КОНЦА

После избиения крестьян Апраксиным и убийства Аптона Петрова * в Бездне и окрестных деревнях расставлены несколько батальонов солдат самым разорительным для крестьян образом. Сверх того, еще какая-то комиссия продолжает разбирать сущность дела *. То-то, чай, мужики молятся за благодушного царя, пославшего им, вместо воли, непонятные «Положения», смерть и разорение!

МОГИЛА КОНАРСКОГО

В Вильне 12 августа народ посетил могилу мученика и апостола Конарского — и все то же: полиция, нагайки... говорят, народ отвечал камнями — со стороны народа есть убитые.

ВАСИЛЬЕВ И НАЗИМОВ

Французские газеты и частные письма говорят о неистовствах виленского полицмейстера Васильева, предводительствовавшего военными действиями против виленских жителей при побоище 12 августа. Правда ли, что Назимов, когда приплыл к нему с жалобой на дикие действия Васильева, сказал, что его следует благодарить и наградить за сделанное, — или, может, это та прозорливая *гипербола*, которая так много ест сена?

ГЕНЕРАЛ ЛИХОНИН

Правда ли, что генерал Лихонин, директор 1-го кадетского корпуса, в своем именье Петергофского уезда, желая (по теории Герштенцвейга ¹) возвратить своим крестьянам кадетские права на сечение при отказе их подписать условия, им сделанные для них, послал за становым и выставил воз розог? Правда

¹ Читатели наши помнят о том, как ловкий Герштенцвейг покрыл сечение дворян в 1858 году полковником Фроловым в 1-м стрелковом батальоне («Колок», л. 65—66), говоря, что это только распространение прав учащихся в военных школах.

ли, что крестьяне равно отказались от подписи и от розог? Чувствуя свое совершеннолетие, они не хотят больше распространения на них прав военно-учебных заведений. Эдак, пожалуй, и женщины откажутся от знаменитых *детских* розог.

К ХРОНИКЕ ПРОГРЕССА — ВЛАДИМИРСКИЙ КРЕСТ НА ВЛАДИМИРСКОЙ ДОРОГЕ

Г-н Белов в «Северной пчеле» от 22 августа (2 сентября) рассказывает следующее происшествие, бывшее на Владимирской железной дороге.

Мы приехали на пассажирском поезде в Колпино; публика вышла на дебаркадер, и в числе ее какой-то старичок в штатском платье с Владимиром на шее. Я стоял недалеко от него у вагона. Смотрю, мой старичок обратился к разносчику, продававшему на лотке ягоды, и ни с того ни с другого ударил его по щеке. Разносчик тотчас же снял шляпу, а другую руку приложил к щеке (должно быть, хорошо пришлось, и старичок не так был слаб, как казался на вид). Старичок с Владимиром на шее проговорил разносчику какое-то строгое внушение с приличными жестами и удалился. Я подошел к разносчику.

— За что ударил тебя этот господин?

— Да видишь, я продавал вот тут одному ягоды, да и не видел, что сзади стоит вот этот барин, и задел его ногой.

Владимирский крест очень опасен на своей дороге. Жаль, что г. Белов не узнал драгоценное имя владимирского старца-зубосокрушителя. Это животно-чиновное ляганье еще как-то гаже с железными дорогами: машины, пар, плюхи, локомотивы, толчки, рельсы, телеграфы, розги ... не идут вместе!

НЕМЦЫ РАДУЮТСЯ — ГИСЬ, ГИСЬ!

С той пронизательностью, которую дают самому тупому человеку ненависть и страх, «Аугсбургская газета» (Beilage¹, № 270), говоря о льготах, данных на Кавказе казакам, с восхищением прибавляет, что этими *льготами* «*правительство подрубает корень казачества*». Das ist bedenklich!²

КЛЕВЕТА НА ПОЛЯКОВ

К подлейшим проделкам, к которым прибегало петербургское правительство, — как обман студентов, что университет

¹ Приложение (нем.).— *Ред.*

² Это опасно! (нем.).— *Ред.*

будет открыт 2 октября, арест депутатов и пр., — относится обвинение польских студентов в университетских *беспорядках*. Полиция знает, что это неправда, но желает таким пошлым средством помешать сближению поляков с русскими. Глушь их в уровень грязной безнравственности.

ВАЛУЕВ

По случаю печатания журналов мировых и губернских присутствий в губернских ведомостях с прописанием фамилий помещиков — от Валуева последовал циркуляр губернаторам, чтоб *фамилии не прописывать в печати*. Каков крепостник этот министр освобождения!

Чтоб наказать калужского губернатора Арцимовича за дело с плантатором Мальцовым, которого имение он хотел отдать под опеку, министр-плантатор снарядил сенаторскую ревизию губернии. Сенатор, долженствующий запутать лучшего губернатора в России — Капгер. Увидим, что-то он сделает.



ПРИЛОЖЕНИЕ

**КОРРЕСПОНДЕНЦИИ И ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ
МАТЕРИАЛЫ, ОБРАБОТАННЫЕ В РЕДАКЦИИ
«КОЛОКОЛА»**

ПРОФЕССОР П. В. ПАВЛОВ И ТИМАШЕВКА *

14 февраля 1860 г. жандармский полковник *Ракеев* арестовал бумаги профессора П. В. Павлова, и тогда же запрещено было ему выезжать из Петербурга до окончания дела харьковских студентов, к которому, говорят, неумытный Тимашев прицепил Павлова единственно в угоду своему приятелю *Гессе*, киевскому гражданскому губернатору, который постоянно был нерасположен к Павлову, *подозревая*, будто он пересылает в «Колокол» документы, обличающие гнусные деяния г. Гессе. По окончании дела студентов Павлова требовали несколько раз в III отделение, и результатом этих требований было разрешение ему выезжать из Петербурга; но, конечно, строжайший надзор остался во всей силе, а бумаги остались в III отделении (другие говорят, что возвращена была только часть бумаг, и то самая незначительная). Между тем Тимашев обратился к принцу Петру Ольденбургскому (1), попечителю училища правоведения, в котором Павлов читал лекции всеобщей и русской истории. Тимашев советовал принцу удалить Павлова из училища, как опасного по своему образу мыслей преподавателя. Принц призывал к себе профессора, долго беседовал с ним и потом, говорят, отозвался, что нашел в нем «человека прямого, с честным образом мыслей». Вскоре после того е. в. изволило быть на лекции у Павлова и одобрило его чтение. Казалось, все кончилось. Но немного времени спустя к Павлову был послан инспектор училища правоведения Ф. Ф. Витте с советом от имени принца оставить училище; он также получил поручение предложить Павлову, по недостаточности средств, в виде вознаграждения, единовременное пособие, из половинного оклада жалованья, «ибо профессор добросовестно исполнял свои обязанности и был полезен для юношества». Павлов должен был немедленно выйти в отставку, а от единовременного пособия отказался.

Воспитанники училища, узнав о случившемся, хотели письменно протестовать перед советом училища, но их уговорили не делать этого, чтобы не повредить Павлову. Тогда они хотели подарить на память своему бывшему профессору серебряный кубок, однако начальство училища сделало все возможное, чтоб не допустить их исполнить это намерение.

Языков, директор училища правоведения, распустил слух, что бывший киевский, ныне петербургский митрополит Исидор (2) — настоящий виновник удаления Павлова из училища. Знакомые Языкова утверждают, что митрополит всячески старался склонить принца не терпеть Павлова в училище, как человека, не отличающегося особенною набожностью. Знающие же Исидора утверждают, что он восстает против этого обвинения. Всего вернее, что одним из главных виновников в этом деле надо считать самого Языкова, *друга* г. Тимашева (приятеля Гессе) (3).

В заключение заметим, что по следствию комиссии, под председательством кн. Голицына, оказалось, что Павлов «к тайному, харьковскому, политическому обществу (!) отношения не имеет, но что, будучи профессором истории и древностей в Киевском университете, выражал мысли, противные порядку существующего правления в России» (4).

Примечания. Один из просматривавших эту заметку нашел нужным снабдить ее следующими примечаниями:

(1) Принц Ольденбургский, известный переводчик шиллеровской «Перчатки» и «Песни о Колоколе», *сочиняющий* для девиц *русские песни*, сделавшись недавно главным начальником институтов (вместо Гофмана), представил в министерство внутр. дел проект об обложении акцизным сбором содержательниц домов вольного обращения.

(Вот что значит переводить «Колокол»!)

(2) Исидора, до назначения, хвалили и ожидали от него самого хорошего, особенно после такого фанатика, как покойный Григорий. Жаль, что теперь и об нем начинают ходить дурные слухи, как например, что он подверг взысканию священника, дозволившего привезти тело Мартынова к театру.

(3) Его превосходительство А. П. Языков подал Игнатьеву остроумную мысль о введении особых шапок для арестантов *. (Так вот, изобретатель-то! Ну, с этим можно идти в храм бессмертия! Впрочем, о вкусах и цветах спорить нельзя; безумное и пошлое изобретение масок понравилось одному почтенному господину, упрекающему нас в своем письме за наши строки. Мы очень жалеем, но он нас не убедил).

Этот же самый Языков, в прошедшем году, писал «о русском государственном цвете» *, первообраз и основание коего

нашел в цветах верстовых столбов, плагбаумов и будок. В подтверждение теории своей он заметил, что Николай Павлович, проезжая мимо одной будки, сделал выговор инженерному департаменту за то, что будка не была украшена всеми государственными цветами, ибо значились только «свежие» краски, белая и черная, но красной не было.

От государственного цвета, вышедшего из будки, недалеко переход до арестантских шапок — из училища правоведения и до содержательниц домов вольной любви — из институтов. Какая строгая логическая последовательность!

(4) Директор департамента министерства народного просвещения Ребиндер хотел рекомендовать Павлова в. к. Марии Николаевне в наставники истории для Николая Максимилиановича, но Языков отговорил его.

〈ЕЩЕ О Г-НЕ ГЛУШКОВЕ〉

Г. Ф. Левестам просит нас поместить его объяснительное письмо в ответ защитникам г. Глушкова. Письмо г. Левестама слишком длинно, мы помещаем одну существенную часть его.

В 80 листе «Колокола» вы напечатали несколько слов об И. И. Глушкове, полученных вами от неизвестного корреспондента, который, желая защищать г. Глушкова, пишет, что будто бы в «Колоколе» была помещена статья, по которой обвинялся г. Глушков, что он взял для закрытия казенной фабрики 50.000 руб., причем он защищает высокую честность бывшего начальника провиантского департамента. Как защитник г. Глушкова говорит о предмете, не мною сообщенном и *никогда не напечатанном в издаваемом вами журнале*, то я почел эту защиту за новую аллегорическую истину — о высокой честности начальника провиантского департамента, которым И. И. Глушков никогда не бывал. Но в последних номерах 87 и 88 «Колокола» является новый защитник г. Глушкова и вам угодно было прямо сослаться на несправедливость статьи, сообщенной мною («Колокол», 65—66), причем вы сообщаете читателям вашу боль, что несколько слов, помещенных о Глушкове, могли нанести неприятность ему и его друзьям,— к последним, должно быть, принадлежат купец Саврасов и Сухозанет.

Затем г. Левестам обращается к нам с следующими вопросами.

Купцу Саврасову была предоставлена поставка сапогов, без торгов; почему ему выдано 100.000 руб. вперед, когда прямо закон говорит, что всякий купец, взявший подряд, должен представить казне в виде залога 20.000 подрядной суммы; а без залога, да еще с выдачею казенных денег, всякий может взять подряд. Почему Глушков и Сухозанет так сильно хлопотали, чтобы московская комиссия приняла товар Саврасова? Почему Глушков отдален от должности?

ТИМАШЕСТВУЮЩИЙ ЧЕВКИН

Воспитанники Строительного училища подали директору одного генерал-майору Лишину прошение о преобразовании училища в открытое заведение; он — к Чевкину: бунт, ваше превосходительство! Чевкин — в училище, собрал воспитанников и произнес им назидательную речь. Но когда один воспитанник, спрошенный им, как он думает о своем и своих товарищай поступке, сказал, что надо понимать дело как оно есть, то оратор быстро перешел к запаху серой шинели. Затем дело о бунте доведено до сведения е. в. и два воспитанника отправлены на два года в губернии чертежниками.

И МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ ПРИНИМАЕТСЯ ЗА ДЕЛО

Перед последним рождеством два казацьи *мальчика* из юнкеров Уральского гвардейского дивизиона, *Логинов* и *Еремин*, встретили на Невском, в числе беспрестанно проходящих в бесчисленном множестве офицеров, великого князя Михаила Николаевича, исправляющего должность Михаила Павловича, и не успели сделать ему военную честь; за это они были наказаны безочередным и бессменным стоянием, за рядовых, на часах, на открытом воздухе, у полковой фуры, в течение 10 суток, по 8 часов в сутки, в мороз от 15—20 градусов!

КАКОВ ПОЦ, ТАКОВ И ПРИХОД

Зверская свирепость, к которой приучают мальчишек, получающих военно-казарменное воспитание, приносит свои плоды, даже в Японии. Какой-то, вероятно, гардемарин (англичанин не мог объяснить) по имени *Крашилов*, с корветы «Японец» (капит.-лейт. *Скотт*), опоздавши на корвету, требовал, чтоб японский лодочник его подвез. Море было беспокойно, лодочник отказался; тогда гардемарин, или кадет, выхватил револьвер — и преспокойно выстрелил в голову японца. Японцы требовали суда (у русских — суда! бедные, как они мало знают географию). Капитан-лейтенант вступился за *невинного* юношу — он и офицеры дружески сделали складчину, собрали 690 руб. и дали взятку японским чиновникам; вот им и урок, что значит суд в России.

УНИЧТОЖЕНИЕ ПРАВ, ДАРОВАННЫХ ОСТЗЕЙСКИМ ГУБЕРНИЯМ

В прошлом октябре рижский комендант, генерал-майор Шуц, обругал заседателя земского суда *Грюнберга*, поднявшего шляз

на мосту по распоряжению начальства, для пропуска парохода, и, обругавши, посадил под арест за то, что если б его, «Шуца, фамилия упала в воду, то могла бы утонуть». Говорят, что этот комический повод выдуман только для того, чтоб показать остзейцам, что они лишены всех прав (кроме притеснения финнов, разумеется).

〈ВОРОНЕЖСКИЙ ПОМЕЩИК〉

В 21 приложении к «Allg. Zeit.» рассказано чисто русское помещичье дело. Какой-то плут Воронежской губ. Богучарского уезда отпустил крестьян с землей будто бы за 120.000 р. сер., взял половину денег, украл на основании права помещичьего разбоя и продал имение. Крестьяне, разумеется, протестовали, крестьян, разумеется, пересекли. «Allg. Zeit.» говорит, что по этому делу, впрочем, теперь производится следствие по высочайшему повелению. Просим имена и подробности дела, если оно справедливо.

ОСВОБОЖДЕНИЕ КРЕСТЬЯН

- З а с е д а н и я: 1) Соединенного совета министров и членов
Главного крестьянского комитета 26 января 1861 г.,
2) Государственного совета 28 января 1861 года.*

Сейчас получили мы следующее письмо, спешим его передать нашим читателям без всяких изменений. Нечего прибавлять о его огромной важности.

Государь благодарил большинство членов, подавших голос за проект «Положения», составленного редакционными комиссиями, и в особенности в. к. Константина Николаевича, которого несколько раз целовал. О редакционных комиссиях государь сказал, что на них сильно нападали, но большею частью совершенно несправедливо, а более потому, что не знали дела; что труд их исполнен с полною добросовестностию и большим знанием дела. Затем государь с *весьма решительным тоном* объявил, что допустит в этом деле для всех и каждого полнейшую свободу выражать свое мнение, что будет допущено и в Госуд. совете при предстоящем рассмотрении проекта «Положения»; но потом он уже не дозволит никаких отмен, отлагательств и проволочек и требует, чтоб дело было кончено непременно к 15 февраля. Государь заключил словами: «Это я желаю, требую, повелеваю», сказанными почти с угрозой. Еще государь, обращаясь преимущественно к министрам, сказал, что до сих пор они между собою враждовали по крестьянскому вопросу, и что некоторые из них даже

противились его видам, и что он давал им в этом отношении полную свободу, но что теперь, когда его воля будет окончательно выражена, он требует от них полного между собою согласия, совершенного забвения личных мнений и безусловного, добросовестного исполнения его повелений и утвержденного им «Положения», «ибо,— прибавил государь,— вы должны помнить, что в России законы издает самодержавная власть». Наконец, государь объявил, что по окончании крестьянского дела сословие крестьян не должно более оставаться разделенным на разные ведомства, но должно образоваться из них одно целое, *как было прежде*, подчиненное одним законам и общим в государстве властям. Вследствие чего, он (государь) положил, по объявлении манифеста, Главный комитет закрыть, и на место оного учредить особый Комитет по делам *всего сельского населения в России* как высшую для сих дел инстанцию, которому немедленно приступить к составлению плана соединения крестьян всех наименований в одно сословие. Составленную в этом смысле записку государь приказал Буткову прочитать.

По выслушании записки Муравьев сделал замечание, что он слышит ее в первый раз и желал бы ближе с нею познакомиться при исполнении со стороны министерства госуд. имуществ. На это государь *очень сухо* ответил, что соображать нечего, а следует только исполнять. Что же касается до подробностей, то он может представить об них в Комитет, когда он будет утвержден. Такой положительный и резкий ответ государя сильно поразил Муравьева, который, выходя из заседания, сказал Буткову: «Ну, видно, мне приходится подать в отставку». Вообще заметно по всему, что государь наконец раскусил Муравьева, и что этому последнему конец близок. Для производства дел будущего Комитета назначены: Жуковский, Арапетов и Домонтович. О личном составе Комитета еще ничего не известно.

Государь открыл заседание Государственного совета речью (отлично сказанною), в которой весьма ясно и тоном чрезвычайно решительным изложил исторический ход правительственных мер, принятых в царствования Павла I к устройству помещичьих крестьян. Он изъяснил, что отец и дядя его преимущественно старались к вызову добровольных приглашений между помещиками и крестьянами, но что меры, с этою целью принятые в разное время, не имели успеха не потому (как часто старались объяснить), что формы сих отношений были многосложны, но потому более, что в самые правила для оных вкрались, *по влиянию людей, противившихся освобождению крестьян*, разные затруднения и стеснения, чего ныне он ни под каким видом *не допустит*. «Самодержавие,— прибавил он,— установило крепостное право, самодержавие должно оно и прекратить».

Потом государь повторил почти то же, что говорил в заседании совета министров и членов Главного комитета, и снова выразил неперемennую волю, чтобы все дело было кончено к 15 февралю. Великого князя Константина Николаевича государь снова благодарил и целовал за оказанное ему содействие. После того приступлено было, в присутствии го-

сударя, к суждению по 19 параграфам *введения* к «Положению», в которых заключаются *самые главные, коренные начала* реформы, и все они пройдены в это заседание (которое началось в 12 часов, а кончилось в 6 часов вечера). Государь во все время показывал большое спокойствие и терпение и даже значительное умение вести и направлять прения. Первый говорил гр. Строгонов. В речи своей государь сказал: «Вы можете сделать в „Положении“ *кое-какие изменения*, если найдете нужным, но существо проекта должно остаться неизменным». Тогда Строгонов первый встал и спросил: «Что значит кое-какие изменения?» Государь быстро отвечал: «Вы, кажется, придираетесь к моим словам; кажется, они довольно ясны», потом повторил еще раз сказанное, несколько подробнее только. Надо заметить, что Строгонов был, до заседаний, постоянно *против* освобождения крестьян, но вдруг, после Совета министров, объявил *письменно* (по каким-то личным расчетам и отношениям), что он переходит на сторону большинства, потому будто бы, что Главный комитет совершенно изменил проект Редакционной комиссии, что совершенно ложно. Из речей первая была сказана Блудовым, который говорил *за* «Положение», но, по обыкновению, много и распущено. Из других ораторов отличились следующие: кн. Горчаков (министр иностранных дел), который говорил так долго и непонятно, что государь наконец прервал его с нетерпением словами: «Да что вы хотите?» — «Добровольных соглашений», — отвечал Горчаков. Все вообще замечания свои он в речи своей относил лишь к Редакционной комиссии. Государь заметил ему, что редакционных комиссий более нет, а рассматривается проект Главного комитета. Муравьев настаивал на необходимости еще раз поверить на месте цифры надела и об оказавшемся представить снова в Петербург. Он уверял, что на это довольно 6 месяцев, — видимая хитрость, чтоб только как-нибудь оттянуть дело. Тут Ланской, выйдя из обычного своего молчания, вдруг весьма резко, ко всеобщему удивлению, ответил, что на предложенную поверку нужно не 6 месяцев, а 6 лет. Этим и ограничилось красноречие министра внутрен. дел, которое однако же в этом случае произвело на собрание очень сильное впечатление: выхода была столько же неожиданна, как и кстати; Панин прибавил к этому, всегдашним гробовым своим голосом, точно выходящим из преисподней, что и 6 лет мало, а понадобилось бы гораздо больше времени.

Вообще Панин говорил *в защиту* «Положения», с обычным обильным словотечением. Но *vaut mieux quelque chose que rien!*¹. В. к. Константин Николаевич и Чевкин тоже говорили за проект. Князь Менциков, щедрый на брань и колкости вне Совета, почти все время молчал, но видимо бесился. Он нарушил свое молчание только для того, чтоб сильнейшим образом отстаивать *вотчинную полицию* и вотчинные права помещиков (разумея, конечно, под этим розги, сеченье и проч.). Гагарин, разумеется, говорил в пользу своего мнения о добровольном соглашении, *без надела*. Рибопьер, который в салонах ораторствовал очень бойко

¹ лучше что-нибудь, чем ничего! (франц.).— *Ред.*

против «Положения», в Совете поджал хвост и промолчал все время. Долгорукий (из III отдела) тоже не осмелился нападать на освобождение, хотя душевный враг его. Но всех лучше отличился Игнатев, тупой, зачерствелый сержант и придворный холоп, который и здесь не упустил случая выказать дурацкие свои наклонности. Он вдруг заметил, что Редакционная комиссия многое пропустила или не дочитала в доставленных ей с разных сторон замечаниях. В доказательство он представил свои замечания, где исчислял то, что, по его мнению, пропущено: самый важный пункт был тот, что Редакционная комиссия забыла прибавить к церковным праздникам (в которые крестьяне не работают) *праздники царские*. Государь посмотрел на него с невыразимым презрением, поразившим все собрание, и сказал: «Это к делу не относится». Наконец приступили к собиранию голосов. По главному вопросу «о наделе» оказалось только 15 за добровольное соглашение (без обязательного надела), да из них 7 объявили, что если государь не утвердит этого начала, то они перейдут к мнению об оставлении существующих наделов. Затем 13 голосов оказались в пользу мнения Муравьева, т. е. за местную поверку цифр надела. Остальные 17 голосов объявили себя безусловно за проект «Положения». Таким образом, в результате вышло, что если принимать 7 голосов (из 15 за добровольное соглашение), объявивших, что они перейдут, то большинство в пользу проекта в этом заседании состоит из 37 голосов (так как 13 голосов за предварительную поверку, в сущности, разнятся от 17 голосов не в начале, а в способе исполнения).

Против проекта было 8 голосов.

Дальнейшие заседания Государственного совета (уже под председательством Блудова, так как дело пойдет уже о деталях) будут по четыре раза в неделю.

P. S. На другой день заседания государь был очень весел и многим рассказывал о том, что и как происходило и что он говорил. Министры уверяют, что они никогда не видали государя столь величественного, смелого и решительного вида, как в этих двух заседаниях и особенно в заседании Госуд. совета. По всему видно, что государь давно ждал нынешних дней, которые давно уже называет главными днями своей жизни, и серьезно приготовился к ним. В залу государь вошел с Блудовым, за ними шли Бутков и статс-секретари, докладывавшие по этому делу. Все же члены были уже собраны в зале.

При подписании протокола Главного комитета за проект были: в. к. Константин Николаевич, Панин, Блудов, Ланской, Чевкин и — Адлерберг (который однако же до самой минуты подписания протокола был *против* проекта и *против* освобождения). Подписались в Комитете *против* проекта: Долгорукий, Княжевич, Муравьев, Гагарин¹.

¹ Об втором заседании (30 января) мы пока не успели узнать только, что Ковалевский хорошо говорил в пользу проекта. Сухозанет, разумеется, в числе 13.

К числу сильно говоривших против надела принадлежит также *Анненков* (контролер). Игнатьев предлагал в Комитете 26 января, чтобы во время заседания 28 января был поставлен перед Государств. советом батальон солдат (вероятно, затем, чтобы затеять какую-нибудь драку и из нее сочинить бунт, думая хотя этим запугать государя).

У КОКОРЕВА СВОЙ ХРУЛЕВ *

На Волжской железной дороге, где участвуют Кокорев и компания, работники стали разбегаться от скверной пищи, бросая свои заработки. Контора дала об этом знать подрядчику, тот бросился к исправнику. Исправник вытребовал команду и перерезал дорогу работникам, заставляя их силою возвратиться. Работники отказались идти назад. Дошло до материального сопротивления, исправник велел солдатам выстрелить, и *двое работников были убиты*, остальные разбежались. Следствие кончилось тем, что *исправник и офицер* отставлены от службы и только, а Кокорев-Горчаков остался в стороне. Г-н Кокорев, любитель гласности и поклонник русского народа *,— правда ли это?

МОРМОНИЗМ В ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБЕРНИИ, ПОКРОВИТЕЛЬСТВУЕМЫЙ КН. В. ДОЛГОРУКОВЫМ ¹

В Черниговской губернии, Глуховском уезде, живет помещик Петр Дмитриевич Аммосов. Прежде чем сделаться помещиком, он служил в Павлоградском гусарском полку, из которого был исключен. Тогда он переехал жить в имение матери своей, женщины несчастной и слабой. Таким образом в 1851 году Аммосов, несмотря на то, что имение принадлежало его матери, сделался полным хозяином. Обращение его с крестьянами было самое бесчеловечное: он насиловал крестьянских девок, замужних женщин, сек беременных и пр. В 1857 году он тайно обвенчался, в с. Барановке Орловской губернии, с крепостной девкой своей матери Анисей Терентьевой Гончаровой; когда весть дошла до его матери, которая вследствие этого хотела его лишить части при разделе имения, то он, в доказательство несправедливости слухов, *обвенчал жену свою* в с. Марчихиной Буде, 1858 г., с крепостным крестьянином матерп. После этого вторичного брака Анисья тотчас же была отвезена в хутор Ломленку, доставшийся Петру Дмитриевичу, в котором он живет с ней до сих пор.

¹ Письмо это опоздало несколькими месяцами.

В 1859 году приезжал чиновник для проверки ревизии, и когда крестьяне объявили, что Анисья Гончарова жена Петра Дмитриевича, их барина, то чиновник говорил, что донесет об этом по приезде в Чернигов, что, кажется, и сделал, потому что вскоре благочинный села Уланова Даниил Сочава, тайно способствовавший второму браку, ездил несколько раз в Чернигов и успел предупредить возникавшее дело. Вскоре за этим возникло другое дело: один из крестьян Аммосова упрекнул приказчика (Терентия Гончарова, отца Анисьи), вследствие притеснений, что дочь его двумужница; об этом донесли Аммосову, который велел созвать крестьян, чтобы при всех наказать виновного, но крестьянин, боясь истязаний, скрылся; тогда г. Аммосов велел взять отца виновного, 50-летнего старика, привязал его к дереву и истязал розгами самым бесчеловечным образом. Укрывшийся сын отправился в Чернигов и подал жалобу губернатору Шабельскому, который приказал произвести следствие, окончившееся тем, что несчастного крестьянина, подавшего жалобу, отправили в Сибирь на поселение, где он и ныне находится; Аммосову и этого наказания показалось мало: когда жена сосланного крестьянина потребовала отправления ее вслед за мужем, то г. Аммосов упросил уездного доктора Модзалевского выдать ей свидетельство, что будто бы по случаю слабости здоровья она не в силах идти вслед за мужем, тогда как женщина эта вполне здорова.

Все действия Петра Дмитриевича Аммосова, как с крестьянами, так и с семейством, сделались известны шефу жандармов князю Долгорукову. Бенкендорф умер католиком, неужели князь Василий умрет в мормонизме?

ЛИХОЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЙ ПАЛАТОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИМУЩЕСТВ ПО ПРОЗВАНЬЮ КОМПАНЕЙЩИКОВ

Управляющий екатеринославскою палатою государственных имуществ действительный статский советник Компанейщиков, о котором мы получили очень длинное письмо, понял хорошо, что можно делать при министре-крепостнике и вешателе*.

Не имея места помещать всей илиады о лихом парне Компанейщикове, мы сделаем выписки, чтоб ознакомить с бытом помещиков, владеющих казенными крестьянами.

Однажды я ехал почтовой дорогой. День был знойный, была летняя, горячая для мужика, рабочая пора. При выезде из уездного города в степи обратила мое внимание группа сель-

ских писарей и старшин в парадных кафтанах и несколько при них верховых парней. «Что вы тут, братцы, делаете?» — спросил я. «Ожидаем, пане, управляющего», — отвечали мне. Это было еще поутру, часов в девять. Проезжая далее, мне везде по дороге, через две и три версты, бросались в глаза кучки оседланных лошадей, пасущихся на веревке, и людей, задумчиво лежавших опершись на руку. Где случались по дороге курганы, верховой стоял на вершине и смотрел вдаль, по направлению к Екатеринославу. «Что это за кордонная линия?» — подумал я и опять обратился с вопросом к двум парням, лежавшим на земле возле своих лошадей. «Мы, пане, махальные, ожидаем управляющего», — было ответом на вопрос мой. Не доезжая последней станции от Екатеринослава, я увидел вдали по дороге облако пыли, впереди его неслись марш-маршем на тощих лошадах два верховых. После верховых неслась впереди, что есть мочи, тройка, на ней мчался волостной голова, в парадном кафтане, за головой мчался в тарантасе, в пять лошадей, окружной начальник; за ним в приличном расстоянии карета, запряженная цугом в восемь обывательских лошадей: в ней был сам управляющий Николай Васильевич Компанейчиков. За каретой, по сторонам, вроде конвоя, скакали опять верховые; наконец, в почтительном отдалении — тарантас тройкой с чиновником особых поручений управляющего. Торжественный поезд промчался мимо моей перекладной и свернул в сторону по проселочной дороге на другой тракт. Для чего же, спросите, махальные на почтовой дороге, для чего эти бедные сельские старшины и писаря, встреченные мною при выезде из уездного города, почти за 70 верст, ради чего все эти бедные мужички с ранней зари, на всем протяжении почтовой дороги, пеклись на солнце, в степи, без воды и хлеба, и в какую же пору — когда крестьянину каждая рабочая минута дорога? На всякий случай, видите! А то управляющий высечет.

Он, — продолжает корреспондент, — и *собственноручно* дерется, и порет розгами голов, старшин, писарей и мужиков; делая ревизию, он осматривает церкви и требует торжественных встреч от духовенства *в облачении и со крестом*, т. е. таких церемоний, с какими встречают одного архиерея; и *бьет по зубам священников*, не оказавших ему *должного* внимания и раболепия ¹.

В Александровском уезде, в селе Жеребце, Компанейчиков избил молодого священника Курилова, изорвал на нем рясу и волосы по ложному доносу окружного начальника Джанеева (о нем мы скажем ниже), которому не нравился поп и который

¹ О смиренная православная церковь! А что же, когда он вышибает зуб, подает ли ему поп другой для вышиба?

обещал его место другому. *Бедный священник жаловался архиерею, губернатору, жандармскому генералу*, но его просьбы нигде не приняли и не уважили. Только один протоиерей, из членов консистории, возвысил голос в защиту обиженного и настоял на том, чтобы произведено было следствие; но так как все назначенные депутаты держали сторону управляющего, то следствие и не произведено, а кончили дело полюбовно. *По снисхождению* Компанейщикова священнику Курилову дал архиерей другое место... Превосходно!

Под проезд Компанейщикова в городе Новомосковске были выставлены обывательские лошади. Погода в это время стояла дурная, распутица и грязь были до того велики, что затруднялось всякое сообщение по дорогам, а карета его превосходительства была так тяжела, что 12 обывательских лошадок, запряженных цугом, с тремя фореиторами, не стащили экипажа даже с места. Управляющий с яростью выскочил из кареты и тут же, на площади, в городе, среди белого дня, в виду кучки любопытных, избил голову по лицу, до крови, *за такую неисправность обывательских почт*, и приказал взять лошадей из почтовых (разумеется, на счет неисправных обывателей).

Не помню, на чем я остановился в грустной истории нашего Рылобойщикова. Во всяком случае продолжу и окончу эту историю; что не так, поправьте и свяжите сами в одно целое.

Окружные и их помощники, радея о своем теплом местечке, душат сельские власти, а сии последние и особенно сборщики, жалея свою спину, налегают всею своею тяжестью на сельские общества и самыми варварскими средствами *действительно* собирают подати к назначенному сроку. Нам не поверят, если мы скажем, что пьяные сборщики с понятиями ходят по дворам, грабят скот и все, что попадется под руку, и продают как знают, если деньги не внесутся по первому требованию. Никакие причины и оправдания, никакое положение бедного мужичка не принимаются в соображение; не внесших деньги страшно порют розгами, этого мало — прибегают к таким истязаниям, которые были только возможны в средние века варварства, например: во время зимы и сильного мороза сажают в холодную арестантскую, раздевают его, оставляя в одной рубашке и даже без сапогов, обливают холодною водою и в таком положении оставляют мученика запертым на целую зимнюю ночь!! Такие истязания производились в селении Романково Екатеринославского уезда, такие истязания производятся везде, так что в Новомосковском уезде казенные крестьяне начали разбегаться, спасая свою жизнь. Но особенным зверством отличается окружной начальник Александровского уезда *Джанеев*, один из самых любимых чиновников Компанейщикова. Извест-

ный всему уезду под именем *Джания*, до того навел ужас на весь свой округ, что одно имя *Джаний* приводит в трепет всякого крестьянина. Чтобы вернее обрисовать эту личность, мы расскажем следующий истинный анекдот. Однажды управляющий Гладкий, предместник Компанейщикова, обозревая Александровский уезд, в каком-то селе нашел незначительные беспорядки, окружной Джанеев не сопровождал его. Пожурив голову, управляющий уехал. Вдруг, на десятой версте, верховой скачет вдогонку и из всех сил, что есть духу, кричит, чтобы управляющий остановился. Гладкий приказал стать, верховой прискакал, быстро соскочил с лошади и упал на колени. Это был голова. «Что тебе нужно, любезный?» — спросил управляющий. «Ваше превосходительство, — взмолился голова с выражением полного отчаяния, — чем и как хотите покажите, но сделайте божескую милость — не говорите о моей вине окружному!» Управляющий рассмеялся и обещал не говорить (и только!!!). Сам *Джанеев*, нисколько не стесняясь, а, напротив, с особенным удовольствием рассказывает при всяком случае в обществе своих приятелей, что он, подъезжая к волости или к сельской расправе, иначе не может заговорить с сельскими старшинами и писарями, как прежде отколотит по зубам кто первый попадет под руку. И этот зверь, грабящий и бьющий бедных мужиков явно, более 12 лет сидит на своем месте, а теперь по милости одинаковых убеждений и характера с управляющим, и под его особым покровительством, укрепился еще более! Бедные, несчастные государственные крестьяне!

МАРТИРОЛОГ КРЕСТЬЯН

II

*Кайдановка и помещик Ольхин. Витебский помещик
Соколовский. Панихида в Казани*

Почти во всех губерниях начались небольшие волнения, с одним и тем же смыслом — крестьяне отказываются от барщины. Затем — порядок известный. Есть основательная надежда, что года через три «Положение» будет оставлено и дело будет решено более определенным образом. Крестьян грабит не одно дворянство, но и правительство. Пока оно упорствует в уступках и дает доказательства своей неспособности к совершению освобождения.

Кайдановка находится верстах в 50 от Петербурга, по Парголовской дороге; она принадлежит г-же Кайдановой, дочь которой замужем за г. Ольхиным, генерал-майором. В Кайдановке две писчебумажные фабрики, медный завод и 1.800 чел. чухон, живущих в двух волостях. На фабриках работают русские. Этим-то рабочим помещик г. Ольхин прислал 5 марта экземпляр манифеста. Правительство, как известно, не распоря-

дилось переводом манифеста на все языки своей страны. Чухнам Кайдановки пастор прочитал перевод манифеста только 12-го. Говорят, что пастор пропустил в переводе назначение двухлетнего срока; но это, кажется, не так. В следующий же барщинный день, 14-го, крестьяне отказались отправлять барщину, объявляя, что они согласны на какой угодно оброк. Ночью этого дня дали знать г. Ольхину; он послал чухнам внушительный приказ. «Я и вы,— писал он,— все обязаны повиноваться „Положению“; я не могу освободить вас от барщины». — «Нас царь освободил,— отвечали крестьяне,— мы вольные». Г-н Ольхин обещал приехать для личных объяснений 21 марта; но в этот день случились выборы в мировые посредники, а там еще случилось что-то,— он приехал только 23-го. Я забыл сказать, что сперва отказалась от работы Белоостровская волость, а там стала колебаться и другая, Кайгурская. К приезду помещика обе волости были собраны на медный завод, стоящий между ними. Крестьяне стали представлять помещику претензии за прежнее время, твердили, что они вольные, что они согласны на оброк и пр. Г-н Ольхин не предложил третейского суда посредников, которые распутали бы недоразумение, он не подумал отказаться от барщины — он *донес*. Тотчас две роты стрелков Финляндского полка были двинуты в Кайдановку на экзекуцию, т. е. грабительный постой. Приехал ген.-майор кн. Голицын, объявлявший «Положение» в здешней губернии. Он созвал крестьян, окружил их солдатами и давал их уговаривать. — «Мы вольные,— твердили крестьяне,— царь объявил». — «Кто зачинщик?» — кричит Голицын. — «Все». — «А! ты зачинщик?» — и этим путем Голицын набрал 8 человек и отправил их, под конвоем, в рабочий дом, в Петербург; с дороги отпустил двух, оказавшихся деревенскими дурачками, глухими и немыми, и улетел, думая, что все кончено. Голицына бранили за мягкость во всех плантаторских салонах. Однако крестьяне не убедились, они отправили к государю депутацию из 12 человек. Пала эта депутация к монаршим ногам, просит разъяснения. — «Работайте», — отвечает государь. — «Да мы ведь вольные», — возражают крестьяне. — «А, бунт!» — и государь *отсылает депутатов в полицию и приказывает дать им по 100 розог.*

Неужели это правда?¹ Видно, варшавская бойня не была случайностью! Какой гражданский такт со стороны крестьян — они согласились на оброк, они верят одному царю! Какая гниль дворянства в помещике, какое неумение признать в крестьянах равноправных граждан! А исполнитель-то своего *исторического слова!*

Из Витебской губ. пишут, что в Люцинском уезде случилось следующее:

¹ В другом письме об ольхинском деле * ничего не говорится о депутации, а говорится о ссылке шести крестьян на поселение.

Помещик Соколовский запродавал хлеб сельского магазина; крестьяне предъявили свои права и отказались везти хлеб в уездный город. Это сочли за бунт и потребовали команду из Люцина, Резницы и Себежа — и началось усмирение крестьян. На требование выдачи зачинщиков крестьяне отвечали, что они все 300 человек зачинщики, что хлеб принадлежит им, собран их же гарницами. Гг. исправники пригласили офицера зарядить ружья и сделать залы. Убито двое крестьян, несколько ранено. Крестьяне тоже не остались в долгу и ранили трех солдат. Уже потом только нарядили следствие и, кажется, дело кончится отставкой исправников.

Но за что же пострадали крестьяне и солдаты? Тот же господин пишет, что несколько помещиков из уезда считают хлеб сельского магазина за свою собственность, ибо, де, он собран их стараниями (!)

В Казани вышла история из-за панихиды по убитым в Спаске. Ген. Бибииков поехал, с диктаторской властью, умирять заводских рабочих в Пермской губернии.

ПАТКУЛЬ И ГОРЯЧИЕ РОЗКИ

М. П. Погодин, усердно собирающий всякого рода анекдоты и подробности, относящиеся до объявления манифеста об освобождении, пропустил следующий *:

Дворник одного дома на Литейной улице, толкуя на кухне об ожидаемом манифесте о свободе, говорил присутствовавшим, что всем дворникам будет приказано, в день объявления манифеста, стоять у ворот с ведром водки, и когда государь будет ехать, то пить за его здоровье и потчевать прохожих. Один из жильцов этого дома, некто *Зайцев*, офицер Павловского полка, донес о слышанном им частному приставу. Дворника тотчас взяли под арест, и о происшествии сем донесли по начальству. Дело, как чрезвычайно важное и при *теперешних обстоятельствах* (любимое выражение Игнатьева, князя Долгорукова, Тимашева, Паткуля и К^о) могущее иметь опасные последствия для спокойствия столицы, было тотчас доложено государю, который написал резолюцию: «Сделать внушение». Вследствие сего повелено несчастному дворнику в присутствии всех дворников столицы дать (выражение и орфография Паткуля) *500 розак горячил!* Заметьте, что по уголовному уложению высшая мера телесного наказания за преступление уголовное есть 100 розог, не более, а полиция имеет право, по закону, давать не более 49 розог. Это было доведено до сведения государя, он был недоволен и оставил Игнатьева и Паткуля на месте. Игнатьев, осмеянный государем в знаменитом заседании Совета *, кажется, уже около десяти лет безнаказанно свирепствует в С.-Петербурге, ненавидимый и презираемый всеми жителями, всеми сословиями столицы.

КАК РАВНОАПОСТОЛЬНАЯ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР КНЯГИНЯ ВАСИЛЬЧИКОВА ПОПРАВЛЯЕТ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА КВАРТАЛЬНЫХ

В Киеве служит, несколько лет, кварталный Барсов, человек добросовестный и способный. Жители Лыбедской части, в том числе 5 или 6 профессоров университета, подали губернатору прошение о назначении Барсова частным приставом на открывшуюся ваканцию в Лыбедской части. Дерзкое желание жителей не было, конечно, исполнено, и на просьбу их последовало следующее постановление: «Взыскать с просителей деньги за гербовую бумагу, а кварталного Барсова перевести, кварталным же, в Подольскую часть города, *для поправления обстоятельств*». Для иногородних объясняем смысл сего выражения: Подольская часть в Киеве населена купцами, и в границах этой части определено место для ярмарок. Одним словом, часть эта представляет обширное поле для взяток. Но г. Барсов, до сего времени, взяток не берет; спрашивается: каким путем может он, по указанию начальства, *поправить свои обстоятельства* в Подольской части?

Прибавим еще, что в Киеве зачастую вычитают деньги из жалованья кварталных, если они к назначенному времени не раздадут положенного числа билетов в пользу бедных.— О княгиня! Что это за клеветы!

ПОБЕДА ГРАФА ЕВДОКИМОВА НАД САПЕРНЫМ КАЗАЧЬИМ ПОЛКОМ

На Кавказе, накануне выезда Барятинского, решено было подвинуть вперед передовую линию казачьих поселений за Кубанью. Для этого нужно было выбрать менее оседлые полки, для которых переселение было бы менее чувствительно. Но граф Евдокимов, по условию с полковыми командирами, намерился переселить Хоперский полк, самый богатейший из полков, поселенных в Ставропольской губернии,— полк, который некогда *сам завоевал* свою землю, держа *передовую* линию, ныне уже *заднюю* и следственно спокойную. Полк этот состоит по большей части из людей весьма зажиточных и старых ветеранов. Переселяя их опять вперед в степь, Евдокимов рассчитывал, что они, как богатые люди, обойдутся малым пособием и, следовательно, остальное можно взять в темную экономию. Суммы же, ассигнованные на переселение, огромны. Узнав о таких намерениях, казаки послали к Барятинскому депутации объяснить свое положение и свое нежелание переселяться; но Евдокимов, перехватив посланцев на дороге, уверил их честным словом, что он отнюдь не намерен переселить их помимо их

собственного согласия и чтобы они успокоились. Они возвратились домой и успокоились. Но чуть только Бярятинский выехал, Евдокимов тотчас приказал переселение; казаки отказались. Евдокимов командировал целый отряд с артиллериею для усмирения неповиновения. Казаки поневоле пошли за конвоем на передовую линию, но при этом (Александровская станица) бросили жен, детей, имущество и отправились только с оружием. Это значит по обычаю, заимствованному от горцев, они решились быть *абреками*, т. е. разорвать связь с прошлым, с семейством, с гражданством, и уйти в горы разбойничать. Свидетели рассказывают сцены, как вели за конвоем целый полк седых усачей, списавших общее уважение свою незапятнанную военную славою, и как расставались с ними жены и дети, ими покинутые...

Чем же, наконец, окончится это преступное, это безобразное правительство, окруженное ворами, слепое, тупое и которое даже печатного читать не умеет.

В ЗАЩИТУ ПОМЕЩИКА ОЛЬХИНА¹

Села Кайдановки не существует, а есть село Александровское, или Белый остров; отстоит оно от Петербурга не в 50, а в 35 верстах.

О Кайгуровской волости я не имею понятия, есть Кильятская. Конечно, оба названия начинаются с буквы *К*, но, несмотря на это, они не имеют даже никакого созвучия.

Пастор не пропустил в своем переводе статей о назначении двухлетнего срока, но упомянул об нем слишком слегка; не объяснив прямой мысли манифеста, он слишком много упирал на слово *свобода*, позабыв, что сельский священник не должен быть *филистром в своих проповедях крестьянам (!)* Вы, конечно, сами согласитесь с этой мыслью и с тем, что он поступил неблагоразумно в ту минуту, когда следовало менее всего возбуждать движение умов. (*Нет, не соглашусь.*)

Не могу сказать, которого именно числа началось грустное происшествие, но, действительно, на другой день после речи пастора крестьяне не вышли на работу, и притом просто, без условий, а не *объявляя, что они согласны на какой угодно оброк*. Такое предложение было бы неестественно по нескольким

¹ Мы получили *подписанное* письмо об ольхинском деле, помещенном в 100 листе «Колокола». Мы не решаемся печатать с именем без особенного на то желанья писавшего. Автор письма, вероятно, оценит, почему в некоторых местах мы изменили его фразу, вовсе не изменяя смысла.

причинам. Во-первых, еще с давних времен крестьяне отправляли самую умеренную барщину, т. е. не 3 раза в неделю, как везде, а только 2. Во-вторых, так как белоостровские селяне никогда не уходили со своих мест на заработки и, кроме мелочного производства, не занимались никаким ремеслом, то я считаю неестественным, чтобы они захотели заменить барщину оброком. В их положении первая гораздо легче последнего. После речи пастора крестьяне, не поняв манифеста, окончательно и без условий отказались от работы.

Действительно, на другой день г. Ольхину нельзя было ехать в деревню, но зато он немедленно в первую же ночь написал крестьянам увещательное письмо. Жалею от души, что не имею его в руках, оно снова бы доказало несостоятельность вашего корреспондента, потому что оно нисколько не имело того характера торжественного приказа, который он хочет приписать ему, а прямо говорило крестьянам, что г. Ольхин смотрит на их непослушание как на следствие непониманья манифеста. Вскоре он сам поехал, долго говорил, долго пояснял, но крестьяне не слушали и объявляли, что они работать не хотят, что они вольные и что их обманывают. Ничто не помогало.

Таким же образом не удалось ничего сделать и князю Голицыну, который сперва приехал в вотчину один. Крестьяне во всякой мере *желали видеть заговор помещиков против свободы и постоянно упорствовали.*

В это время, глядя на белоостровскую вотчину, и в соседних деревнях у остальных помещиков крестьяне стали отказываться от работы; видя, что переговоры г. Ольхина с белоостровскими селянами более двух недель остаются без всякого успеха, они тоже захотели последовать их примеру и только ожидали первой развязки, чтобы начать свои действия сообразно с нею. Об этом стал говорить весь народ. Спрашиваю вас самих, можно ли было при таком положении дел не сообщить об нем правительству? (*Можно.*) Генерал-губернатор Игнатъев совершенно по личному усмотрению, а не по просьбе, послал в деревню *экзекуцию!* (*Вот и доказательство*). Эта несчастная экзекуция произвела сильное впечатление на г. Ольхина, тем более что он всеми силами старался ее отвратить. Он даже сделался очень болен.

Перед моим отъездом г. Ольхин говорил мне: «Я оттого не решаюсь объявлять о происходящем, что боюсь присылки экзекуции, которая всегда разоряет бедных крестьян». То же он говорил и вотчине. Повторяю, ее прислали без его просьбы.

После подобной развязки, желая очистить себя в глазах крестьян и порядочных людей, г. Ольхин попросил произвесть над собою следствие. Замечательно, что во всей деревне никто не обвинил его в жестоком обращении или несправедливости, а по

копторским книгам и по показаниям самих крестьян открылось, что барщина действительно с незапамятных времен отправлялась только 2 раза в неделю.

Неужели это действия зверя-помещика?

Затем генерал-губернатор донес обо всем государю, и горько подтвердить, *но депутатов действительно было приказано высечь*. Больно писать дальше, но надо: только под розгами крестьяне поверили, что их не обманывали и что действительно, т. е. их действительно обмануло правительство, барщина оставлена на 2 года.

На днях я узнал, что г. Ольхину удалось выхлопотать возвращение крестьянам более половины суммы, собранной с них правительством за экзекуцию; с тем вместе он надеется на возможность добиться скорого освобождения тех, которые еще находятся под арестом.

Г-н Ольхин был в числе депутатов крестьянского комитета С.-Петербургской губернии, в нем принадлежал к числу трех представителей меньшинства комитета, предлагавших полный выкуп крестьян с землею — мысль, с которой не хотело согласиться большинство.

РУССКИЕ ПОБЕДИТЕЛИ В СУВАЛКАХ

(ИЗ ПИСЬМА К ИЗДАТЕЛЯМ «КОЛОКОЛА»)

Праздник св. Антония в католической церкви приходится 13 июня н. ст. На этот праздник имели прийти в Сувалки процессии из разных мест: Сейн, Вижайн, Филиппова и др. Ожидали от 20—30 тысяч пилигримов. Тайной и явной полицией нашей это было чрезвычайно не по нутру. Кроме боязни пропаганды, им все кажется, что народ из костела прямо пойдет в казармы и начнется потеха. Потому полиция старается мешать всем процессиям. Средства для этого одни и те же — страх. За два дня до праздника, т. е. 11 июня во вторник, была в Сувалках ярмарка, на которую стеклось довольно много народа. Для полиции это было самое удобное время. За день перед тем прилеплено было по стенам домов приказание варшавского обер-полицмейстера, чтобы никто не смел показываться на улице в оригинальном костюме, т. е. жупанах, конфедератках и пр. На это приказание никто не обратил внимания, и на улицах явился запрещенный товар — рогатывки (четырёхугольные шапки) и др.; никто не думал, что за такую глупость станут преследовать, тем более что губернатор Ферзен, как огня боящийся кошачьей музыки, до сих пор уберег город от сцен, подобных варшавским. Но произошло иначе: появились на улицах жандармы и стали охотиться за конфедератками. Кого только видели в подобной шапке, тотчас вели в полицию, списывали протокол и имя, оставляли у себя этот костюм или же обрезывали углы у рогатывок и в таком виде выпускали на улицу. Полицмей-

стер Росцишевский знал, что эти аресты не подействуют на народ и что только будут причиной манифестации. Действительно, начали собираться в сад с разных сторон молодые люди и женщины. Сначала шутили, смеялись над жандармами, когда который-нибудь из них с задумчивой миной указывал на конфедератку, а потом несколько из них входило в толпу и брали владельца ее в полицию. Смеялись и над ребячеством некоторых из своих, одетых нарочно в бумажные колпаки, в вывороченные шляпы, но более всего, разумеется, смеялись над правительством, которое в таких глупостях видит что-то серьезное. Но мало-помалу этот смех перешел в негодование. Одного молодого человека, Зоревича, жандармы хотели свести в полицию тоже за шапку, тот шутя противился им, тогда офицеры Нового Ингерманландского полка и 3-го стрелкового батальона, сидевшие в то время в саду, стали говорить жандармам, чтобы они силою тащили его в полицию. Убеждение подействовало: жандармы или солдаты, не помню хорошо, прикладом ударили его. Такой поступок офицеров возбудил негодование в толпе; послышались крики: «Precz z moskalami! Swinie moskale!»¹ Полицмейстеру Росцишевскому эта минута показалась самым удобным временем для приведения в исполнение своих планов. Он сбежал к генералу Бросе за войском. Действительно, войско явилось под предводительством полковника Насакина и майора Колокольцева и в несколько минут оцепило весь сад. Толпа на минуту успокоилась: казалось, что каждый понял важность приближающейся минуты и готовился достойно встретить ее. В сад через барьер перескочили полицмейстер и Насакин с несколькими казаками, и начались аресты. Росцишевский сначала велел брать десятилетних гимназистов, но потом указал на четырех молодых людей, по его мнению, зачинщиков. Два из них только что кончили курс в гимназии. Их отвели в полицию. Арестованные со смехом последовали за жандармами. Но публике было не до смеху. Они столько же были виноваты, сколько и другие, может быть, даже и менее, а между тем их могли бы выслать в какую-нибудь из крепостей. Потому толпа, наполовину состоявшая из женщин, обступила полковника и требовала освобождения арестованных. В это время Росцишевскому пришлось испытать страшное унижение. Когда спросили у Насакина, на каком основании он велел арестовать этих четырех, полковник прямо объявил, что ему на них указал полицмейстер. В то же время *русские офицеры, сидевшие в саду, явились доносчиками перед полковником*. Не знаю, кому бы захотелось быть в то время на их месте. Дамы указывали на них пальцами, спрашивали, когда они начнут стрелять, на которую из них они донесли как на зачинщицу.

Требования публики освободить арестованных не имели успеха. В это время Насакин велел толпе разойтись, но из нее послышались голоса: «Пусть войско удалится». Войско отошло, но публика прямо пошла к губернатору. Ферзен побледнел, когда его зала начала наполняться к большей части незнакомыми ему лицами, и сначала не знал, что отве-

¹ «Долой москалей! Москали свиньи!» (польск.).— *Ред.*

туть. Ему предложили дилемму: чтобы он или тех уволил, или всех остальных посадил в полицию. Особенно жесты и выражения лиц женщин были ему страшны. Он мог только выговорить, что он ничего не знал об этом, что он два года уже служит в Сувалках и ничего еще не сделал такого, за что бы на него могли пожаловаться в городе, и обещал тотчас произвести следствие. Публика вышла из зала, но только из зала, потому что не хотела выйти из губернаторского дома, пока не будут освобождены арестованные. Более четверти часа публика спокойно стояла в соседней комнате, и это время показалось ей достаточным для произведения следствия. Потому зала опять начала наполняться непрошенными гостями. Губернатор не знал, что делать, и принужден был дать честное слово, что через полчаса арестованные будут освобождены. Губернатор сдержал свое слово...

В то время, когда в саду происходили описанные нами сцены, на рынке разъезжали жандармы и стращали простой народ, говоря, что войско будет стрелять. Некоторые поверили этому и поуходили, но нашлись и такие, которые объявили, что они такие же поляки, как и те, которые в сюртуках ходят, и что потому они готовы с последними подвергнуться одинаковой участи. Что страх действительно не слишком подействовал на крестьян, это показал праздник св. Антония, на который стеклось множество народа.

Этим я хотел кончить мое письмо к вам, но тут происходят такие удивительные события, что преступлением было бы промолчать о них. Обописанном мною происшествии дали знать в Варшаву, и оттуда прислали на следствие генерала Рудановского, служившего на Кавказе. Рудановский, имея между своими офицерами людей *отлично усердных*, как Кобро, Колокольцева, Комаревского и Захарова, позвал к суду более 40 человек, между которыми много дам. Позванных обвиняют в том, что они кричали: «Niech żyje Polska! Niech żyje wolność! Presz z moskalami! Zasmrodzili Polskę moskale! Idźcie do rakarzy przewety czyścić!»¹ (слушайте, слушайте!), что какая-то дама ударила солдата в лицо, и пр., и пр. Вы будете краснеть за своих соотечественников, что они могли подать подобные обвинения². Ведь если бы даже они были справедливы, неужели гг. офицеры считают благородным путь, который они избрали для того, чтобы найти себе удовлетворение! Неутешительный факт, а надобно сказать, что офицеры, по крайней мере здешние, сильно проникнуты духом правительства. Они не только громко выхваляют действия Горчакова в Варшаве, но еще всеми силами желают повторить их в Сувалках.

Все те, которых призвали в следственную комиссию, отвечали прямо на заданные им вопросы; но один из подсудимых, Р. Вешлейский

¹ «Да здравствует Польша! Да здравствует свобода! Долой москалей! Загадили москали Польшу! Идите чистить клозеты к палачам!» (польск.).— *Ред.*

² От всей души.

(Wierzchlejski Roman), юрист, ответил, что Польша не объявлена в военном положении, что потому комиссия, состоящая из четырех военных и одного статского — военный суд, одним словом — не может иметь места в это время. Генерал взбесился, когда прочитал эти слова, и тотчас велел арестовать Вешхлейского. Мы думали, что за этот арест генерал получит по крайней мере выговор. Отсюда к г. Велепольскому послано было несколько представлений, между прочим, и президента трибунала, где описано было как происшествие 11-го мая, так и поступок Вешхлейского, который ни в чем не поступил противузаконно. Мы были уверены в том, можно сказать. Но случилось иначе: после восьмидневного ареста в Сувалях Вешхлейского, ночью, повезли в Петропавловскую крепость, несмотря на то, что недавно было объявлено, что всех поляков будут наказывать — чем бы то ни было — в Польше. Вот вам образчик того, как русское правительство исполняет свои обещания, как равно и тех улучшений, которые оно думает сделать в Польше и о которых так громко министр Горчаков говорил в своем циркуляре ко всем заграничным дворам Европы. Любопытно знать, что скажет «Constitutionnel» и г. Грангильо, узнавши об этом факте: будут ли они советовать полякам верить Александру II? Не одного Вешхлейского посадили в крепость; ночью увезли и одного ксендза, Фальковского, в Динабург. Кроме того, что этот ксендз был порядочный человек и вполне понял теперешнее движение своего отечества, была и другая причина его ареста: он лично оскорбил Рудановского. Если вам угодно, я опишу разговор, какой имел Фальковский с генералом. В Сейны из Суваляк отправлялась процессия. Для своих целей Рудановский решился помешать ей и велел позвать к себе Фальковского; но тот ответил, что если генерал нуждается в нем, то может к нему сам прийти, так как он, Фальковский, не имеет дела к генералу. Рудановский, pro publico bono¹, унизился до того, что переступил порог бедной квартиры ксендза. Вот их разговор:

— Вы не должны завтра идти в Сейны — я этого требую.

— Я не могу согласиться на это; я дал обет богу исповедоваться в Сейнах, потому должен идти и пойду.

— По крайней мере идите одни, уговорите народ, чтобы он не шел.

— Это не в моей власти; каждый из них дал себе такой же обет, как и я; как ксендз, я сделал бы преступление, если бы подговаривал народ забыть о своем обете.

— Но ведь в прошлом году подобных процессий не бывало; откуда же вдруг явилась такая набожность?

— В Польше всегда было в обычае совершать благочестивые путешествия, когда отечество постигало какое-нибудь несчастье.

Генерал немного задумался.

— По крайней мере не пойте этих глупых песней своих. (В костёлах поются патриотические песни.)

¹ ради общего блага (лат.).— *Ред.*

— Вы забываетесь, генерал; в нашем отечестве веротерпимость принадлежит к числу основных законов... В нашем костёле поются только те песни, которые предписала церковь.

После этого генерал вышел, а через несколько дней Фальковского увезли в Динабург*.

К этому безыскусному, простому рассказу, которого каждое слово носит на себе печать истины, мы ничего не прибавим — наше мнение насчет петербургского управления и его опричников известно. Искренно благодарим корреспондента за его письмо. Каких глупостей, каких пошлостей не наделало с тех пор русское правительство в Польше, от войны с млавской богородицей, почевавшей в кордегармии, до адреса портным насчет покроя... Впрочем, пусть они покрываются позором.

ХЛЕБ НОВОЙ ЖИЗНИ, ЗАГОТОВЛЯЕМЫЙ В СЕЛЕ РОГАНИ КОЛЛЕЖСКОГО СОВЕТНИКА ПОМПЕЯ ПАССЕКА И К^о

(Из «Сев. пчелы»)

Великий государь, отец и благодетель!

Не потаим от тебя, царя нашего,— не вдруг мы поняли твои великие милости нам. Крепко только уповали мы на твою отеческую любовь и заботу о нас, и сердце наше чуяло благо.

А теперь, как уразумели всё, так и не знаем, что сказать тебе, как и благодарить тебя. С нами радость и светлые дни. Взглянем ли на семьи свои, подумаем ли о своем житье-бытье, в трудах ли мы или на отдыхе, от сна ли встаем или ко сну идем — только и слова у нас: «Спасибо, спасибо нашему батюшке царю! Пошли, господи, ему, всей семье его и всему роду его здоровья, счастья и долгих дней!» Царь небесный услышит теплые молитвы наши и наградит тебя своими милостями за твои милости нам.

Миром согласились и положили униженно просить тебя: не откажи, отец-благодетель, принять от нас, вместо прежнего хлеба-соли, хлеб новой нашей светлой жизни, с образом святого благоверного Александра Невского, и с ними наш благодарственный поклон до земли и наше вечное спасибо тебе. Благослови нас!

Временнообязанные крестьяне Харьковского уезда, села Рогани, поселенные на землях помещиков кол. сов. Помпея Васильевича Пассека и гвардии штабс-капитана Михаила Александровича Сомова, и их дворовые, а за них и за себя —

волостной старшина: Василий Ростовский.
сельские старосты: Иван Бабко.
Роман Кобзарь.

Августа 12-го 1861 года. С. Рогань.

Вероятно, государю будет еще вкуснее этот «хлеб новой жизни», когда он узнает все усердие г. Пассека, как во время его служения при московской полиции, так и при харьковской. Он, между прочим, покрыл себя славой во время преследования Лужиным харьковских студентов*.

Не стыдно ли такой жалкой ценой покупать похвалы себе и печатать их!

АНТРОПОФАГ ГЛАДИН И САРАТОВСКИЙ ИГНАТЬЕВ

Говорят, что министр Сухозанет был добрый человек, на чем это основано? В Польше он себя показал неспособным человеком, в военном министерстве — тоже. «Но сердце, но преданность государю?» — Сумлеваемся! Сухозанет употреблял свое влияние на защиту и укрывательство самых страшных гнусностей. Вот пример. В русских газетах много говорили о подрядчике Волго-Донской железной дороги Гладине, который морил рабочих голодом, обременял трудами свыше сил и т. п. Рабочие пустились бежать целыми партиями, Гладин обратился к саратовскому губернатору Игнатьеву, и тот стал злодейски преследовать несчастных, бежавших от голодной смерти. Полиция гонялась за ними. Их ловили, запирали в острог, секли. В Царицыне по распоряжению Игнатьева завелись постоянные экзекуции и пытки. Все это обнаружено флигель-адъютантом Рылеевым и действит. статским советником Арсеньевым. Комитет министров хотел уволить Игнатьева, но Сухозанет, по родственным с ним связям, отстоял. Предоставили м. в. д. потребовать от Игнатьева объяснение и внести снова дело в Комитет... разумеется, оно кончится ничем, тем более что Игнатьев человек неразборчивый. На требование точных копий с данных им предписаний и других бумаг он доставлял Арсеньеву фальшивые, исправляя каждую сообразно своим видам.

Гладиным можно еще пожить на Руси, пока не вымерли Сухозанеты.

ДЕБЮТЫ ПУТЯТИНА

Мы берем на первый случай из длинной и чрезвычайно любопытной корреспонденции о дебютах Путятинна самые японские черты.

Министерское плавание свое (шкипер Сергиевский) Путя-

тин открыл циркуляром во все университеты, разосланным в конце июля. Это была программа, profession de foi, и вместе манифест нового министерства. Основная мысль та, что так как правительство намерено теперь увеличить оклады профессоров и так как, в то же время, освобождает их от приемных экзаменов (которые будут производиться в гимназиях), то оно с своей стороны надеется, «что они ему тем более будут содействовать, не будут уклоняться от своего дела, лучше почувствуют нравственную ответственность, которая лежит на каждом преподавателе, и что, наконец, за такое увеличение окладов они все сделают, чтобы не встречались случаи легкомысленного небрежения и превратного понимания своих обязанностей, бывшие причиною несчастья молодых людей». Предшествовало этой речи, как само собой разумеется, вразумление насчет необходимости усилить строгость переводных и выпускных экзаменов. Речь эта, если ее перевести на простой, не японский язык, значила следующее: «Вы дескать, такие-сякие, вам стоит обещать прибавку жалованья, чтобы вы удвоили свою ревность в исполнении моих приказаний». Это была первая пощечина, данная в официальной форме ученому сословию всех русских университетов. В этой официальной форме, в которой циркулярное предложение было разослано к попечителям для прочтения в полном собрании университетских советов, министр, как говорят, сильно раскаивается. Но это позднее раскаяние относится к форме, но не к сущности дела. Об этой сущности нечего распространяться — она произвела всеобщее негодование, не только в университетах, но и между всеми образованными людьми *. Университетские советы решились отвечать. Петерб. университет отвечал министру в том смысле, что желаемое министром усиление строгости экзаменов неминуемо поведет к еще большему ослаблению их, потому что ни один профессор не решится поставить дурную отметку студенту, когда будет знать, что эта отметка равносильна исключению из университета. На второй же существенный пункт совет, как мы слышали, отвечал, что члены его никогда и ни в чем не подавали повода думать, что они нарушают или не знают нравственной ответственности, лежащей на них, и что они, напротив, получали от прежних министров неоднократно благодарность и награды за исполнение своих обязанностей, и что потому они не знают, как почитать и просят министра объяснить, о каких случаях, бывших причиною несчастья молодых людей, он говорит. Совет Московского университета, как уверяют, хотя оказал пламенное усердие к приведению в исполнение всех новых мер, также решился отвечать на эту оплеуху и все еще пишет свой якобы протест. Может, он и поспеет еще до второго пришествия Христова. (О Москва!)

Как ни скромно было возражение Петербургского университета, но и оно показалось министру дерзким. Профессора, забывшиеся о возможном смягчении всякой буквы своего возражения, получили в благодарности новую нотацию от министра. Но па этот раз министр, наученный опытом и общественным мнением, поступил осторожнее и лукавее. Он именно сообщил свою нотацию не в форме официальной бумаги на имя совета, но в форме частного письма к новому попечителю, Филипсону, который, опять частным образом, обратил его к ректору с тем, чтобы, наконец, этот последний, частным же образом, сообщал его для прочтения каждому из профессоров в отдельности. Что за извороты, что за японская церемония с людьми, которым только что намекнул, что они народ продажный и что с ними церемониться нечего! Нам не удалось достать этого письма, но смысл его, как нам достоверно известно, тот, что министр, вступая в полемику с профессорами, объявляет им, что они не вправе были обижаться его циркуляром и что в нем заключалось только *предостережение*, на которое никто не может жаловаться.

Между тем дела идут своим чередом, но идут для министра скверно. На основании высочайшего повеления следовало приступить к выбору ректора и проректора. Министр, подобно всем своим собратам играя в высочайшие повеления, как в мяч, исхлопотал, вслед за выходом первого высочайшего повеления, второе, которое отменяет первое и велит приступить к назначению выборных ректоров не раньше, как через год. Оставалось по крайней мере приступить если не к выбору проректора, на котором лежит вся полицейская и административная часть университета, то к указанию советом на такое лицо из среды своих членов, которое бы пожелало взять на себя временное пока исправление этой должности. Любопытно, как поступят советы других университетов, но Петербургский постановил, что по затруднительности обязанностей, связанных с должностью проректора, он *ни на кого* из своих членов не может указать, кто бы желал принять на себя исправление должности проректора *. Как ни скромнен был этот акт, но он поражал министра и всю новую систему в самое сердце. А дело объясняется просто: сам совет профессоров, чрез свою комиссию, представлял о необходимости назначать на место проректора кого-нибудь из профессоров. Министерство, изменивши представленные для проректора правила в строго полицейском духе, говорит затем совету: «Вот должность, которую вы желали,— выберите на нее кого-нибудь из своей среды». Разумеется, дурачить себя таким образом совет не желал и окончательно никто не согласился принять на себя должности, за которую хотя и полагается хорошая семейная квартира в университете и довольно значительное воз-

награждение, но в которой приходилось бы приводить в исполнение новые порядки, постановленные комиссией Строгонова и К^о и за исполнение которых взялся Путятин. Путятин не в духе — он теперь только понял, что если может подавить всякое противудействие совета, то к содействию его принудить нет возможности. В таком положении находится Петербургский университет под попечительством Филипсона (о котором пока заметим только, что он храбрый генерал, бог весть на каком основании попавший на попечительское место). Московский университет, как уверяют, находится в еще более красивом состоянии. Достоверно только то, что Строгонов, отправляясь с наследником в путешествие, постановил было на обратном пути свезти наследника в Московский университет послушать лекций. Это намерение не приведено в исполнение. Плап, как утверждают, не состоялся по следующим причинам. Когда студенты Московского университета узнали, что наследник приедет в университет, то они решили подать ему жалобу на новые правила. В то же время решено было освидетельствовать Строгонова за интеллектуальное авторство этих новых правил. Попечитель Исаков проведаль эти невинные замыслы, и тогда Строгонов решил, чтоб наследник не был в Московском университете.

ВИТВИЦКИЙ И ИГНАТЬЕВ, ДВА УПРАВЛЯЮЩИЕ

Желательно знать — спас ли Игнатъев, управляющий Саратовской губернией, Витвицкого, управляющего в именье гр. Кочубея (фамилья, дающая столько материала «Колоколу»), по делу крестьянской девушки, которую Витвицкий хотел изнасилничать и потом, говорят, за ослушание посек, *заставив родного отца ее держать*.

СПАСЕНИЕ ЦЕНСУРЫ В МОСКВЕ

(из другого письма)

Адрес, который петербургские литераторы предлагали подать государю, в Москве не удался. Доктринеры воспрепятствовали сему. Проект адреса я видел, содержание его было очень умеренное.

«У нас нет свободного слова», — было сказано в нем. «Литература подавлена ценсурой. Вследствие этого возникает *подметная* или *потаенная* литература. Явление, подобное „Великорусу“ и прокламации, приписываемой Михайлову, — прямой результат деспотизма ценсуры. Литераторы просят свободы слова и ручаются, что подобные явления прекратятся; по крайней мере

их влияние может быть уничтожено критикой, основанной на здравых началах, тогда как теперь подобная критика невозможна».

Проект такого рода был предложен у редактора «Русского вестника» г. Каткова г. Громекой собравшимся литераторам и профессорам¹.

Ученый историк, профессор *Соловьев*, заметил, что это не верно, чтоб уничтожение цензуры уничтожало подметную литературу, что подметная литература существовала и существует в самых свободных государствах. Англия — пример тому (и весьма слабый, добавим мы). За ученым историком говорил против адреса профессор *Чичерин*. Мнение его резюмируется в том, честно ли будет перед правительством *вмешательство частных людей в его дела*. Словом, голосов за адрес не нашлось. Громека наконец после долгих прений спросил не о том, согласны ли ученые представители Москвы подписать *его* адрес, но соглашаются ли вообще с мнением о возможности и о необходимости адреса к правительству. Согласились с ним только два или три человека...

Тем все и кончилось...

ПОДРОБНОСТИ О 12/24 ОКТЯБРЕ

Когда Паткуль окружил студентов городскими, явился адъютант Михаила Николаевича *Свистунов* и советовал студентам разойтись. В это время раздался крик «Бей!», и жандармы с обнаженными саблями, а преображенцы с прикладами бросились на арестованных. Свистунов старался удержать ярость преторианцев, но сам чуть не пострадал, ему изорвали мундир. Результатом этой бойни вышло то, что Лебедеву разбили голову и разрубили скулу*, одного студента ранили штыком. Жандармский офицер *Максимов отрубил ухо* одному студенту. До 20 были ушиблены прикладами, 6 отведены в госпиталь.

Вот имена преображенских офицеров, ходивших в атаку на студентов: *Толстой* (ротный к.), *Корсаков*, *Оболенский* и *Штрезов*. («Теймс» от 13 ноября говорит, что один из них сделал флигель-адъютантом.)

Всех *немастрикулировавшихся* заставили в 48 часов выехать из Петербурга, если не имеют поручительств или родных. Большая часть молодых людей вовсе без средств, для них везде открыты подписки.

16/28 и 17/29 октября отправлено 320 студентов в Кронштадт. Капитанам было велено наблюдать, чтоб офицеры не говорили со студентами; на каждом пароходе был конвой с заряженными ружьями.

¹ Текст адреса мы получили сегодня и напечатать его в следующем листе вместе с письмом из Москвы*.

I.

ДИНАБУРГСКИЙ КОМЕНДАНТ

Отделение 4

Сентябрь 8 дня 1861 года.

*Командиру динабургской
команды — такому-то*

Несмотря на неоднократные словесные напоминания мои об обязанности гг. офицеров вверенной в. в. команды находиться при совершении божественной литургии в высококоржественные дни, как в дни особых служений, установленных церковью, не было никого из них 30 августа в день тезоименитства государя императора при отправлении молебствия в православной церкви на Новом форштате.

Поставленный в весьма неприятное положение напомнить Вам письменно о столь непростительной небрежности подчиненных Ваших в исполнении обязанностей христианина и верноподданного, я надеюсь, что напоминания этого будет достаточно и что впредь подобных отступлений никто себе не позволит.

Подписал артиллерии генерал-лейтенант *Симборский*.

II.

Но если генерал-лейтенант *Симборский* поддерживает своими временнообязанными (слово «крепостное» упразднено) пушками благочестие и православие¹, то генерал-фельдцейхмейстер юный Михаил Николаевич еще радикальнее побивает науку. Читайте и дивитесь:

В приказе генерал-фельдцейхмейстера от 3 июля, за № 2.889, признано нужным вовсе исключить из преподавания наук в военно-учебных заведениях естественную историю. Кроме того, начальство военно-учебных заведений, согласно современному движению наук, признало необходимым и между прочим постановило: а) сочинения по политической истории и статистике исключить; б) сочинения по законоведению заменить извлечениями из Свода законов гражданских и военных; с) оставить для всех трех отделений третьего специального класса сочинения по русской словесности, а для отделения генерального штаба, сверх того, сочинения по военной истории и извлечения из Свода военных законов. Необходимость этих мер объясняется в приказе главного начальника военно-учебных заведений следующими словами: «Требование большого числа трудов самостоятельных по наукам политическим, при современных успехах

¹ Не из подражания ли духовному ведомству взимается в Динабурге с подрядчиков, поставщиков и иных мытарей десятина?

в этих науках, может дать работам воспитанников характер неосновательности и компилятивное направление. Упражнения в сочинениях по словесности знакомят воспитанников с приемами литературно-ученой обработки различных предметов из области человеческих знаний, служат к большому запасу фактических сведений и составляют, таким образом, одно из главных средств к умственному и научному развитию. Сочинения по военной истории составляют как бы специальность отделения генерального штаба. Основательное изучение сводов законов развивает в воспитанниках строгий взгляд на исполнение обязанностей, внедряет в них существенные понятия о служебной дисциплине и о служебных отношениях».

Недалеко ушел племянник от дяденьки Михаила Павловича — Меровинги да и только!

Артиллерия и траур

Еще Симборского приказ, и притом циркулярный и конфиденциальный. В нем он является уже более глубоким политиком, чем усердным теологом.

«Динабургский комендант заметил, что *и в стенах самой крепости, с каждым днем более и более усиливается глубокий траур*, налагаемый на себя семействами как военнослужащих, так и гражданских чиновников из здешних уроженцев католического исповедания.

Его превосходительство, имея в виду, что при развитии революционных начал в западных губерниях и особенно Царстве Польском многие жители, подстрекаемые революционерами, дали обет не носить иной одежды, кроме глубокого траура, до того времени, пока Польша не будет восстановлена в целом ее составе, с отторжением от России, отзывом от 23 сентября, за № 36, просит предостеречь всех чиновников комиссии, что наложение семействами их траура без причин, допускающих обычное ношение одного по потерям близких родных, может быть принято за участие в преступном деле возмутителей и подвергнуть весьма неприятным последствиям вместе с ними и старейшие лица в их семействах.

Уведомляя о том ваше благородие, покорнейше прошу сообщить мне сведение: носят ли семейство ваше траур и если носит, то с которого и по какое время и по каким именно родственным потерям».

Благодушный монарх успокаивает своими пророчествами свой добрый народ

Во время посещения государем императором Полтавы, как равно и на пути в Кременчуг, 15-го минувшего августа, когда имели счастье представиться его величеству старшины обществ временнообязанных

крестьян, государю угодно было сделать внушение им об исполнении их обязанностей в следующих словах:


«Ко мне доходят слухи, что вы ожидаете другой воли. Никакой другой воли не будет, как та, которую я вам дал! Исполняйте чего требую закон и „Положение“! Трудитесь и работайте! Будьте послушны властям и помещикам!»

(«Полт. губ. вед.»)

Ну а как будет?..



ВАРИАНТЫ



ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

В разделах «Варианты» и «Комментарии» приняты следующие условные сокращения:

1. Архивохранилища

ЦГАЛИ — Центральный Государственный архив литературы и искусства. Москва.

ЦГИАЛ — Центральный Государственный исторический архив. Ленинград.

ЦГИАМ — Центральный Государственный исторический архив. Москва.

2. Печатные источники

К — «Колокол», 1-е издание.

К₂ — «Колокол», 2-е издание.

Л (в сопровождении римской цифры, обозначающей номер тома) — А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем под редакцией М. К. Лемке, П., 1919—1925 гг., т. I—XXII.

ЛН — сборники «Литературное наследство».

ОК — Оглавление «Колокола».

ПЗ — альманах «Полярная звезда».

Письма КТГ — Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену. С объяснительными примечаниями М. Драгоманова, Женева, 1892.

Т — сборник: «Колокол». Избранные статьи А. И. Герцена (1857—1869) <С предисловием и примечаниями Л. А. Тихомирова>, Женева, 1887.



СТАТЬИ ИЗ «КОЛОКОЛА»
И ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ 1861 ГОДА

MATER DOLOROSA

ВАРИАНТ К₂

Стр. 81

¹⁸⁻²⁰ *Вместо:* дулами // пулями

〈ДРУЗЬЯ И ТОВАРИЩИ!..〉

ВАРИАНТЫ АВТОГРАФА (ЦГАЛИ)

Стр. 217

⁴ *После:* отпраздновать — *было:* величайшее событие в нашей жизни

⁶ *После:* знаете — *было:* Это была наша мечта с детских лет, в этом вопросе все, что мы любили, все, что мы ненавидели

⁶ *Вместо:* В освобождении — *было:* В вопросе освобождения

⁷ *Вместо:* Руси — *было:* России

⁸ *Вместо:* московско-татарской — *было:* московско-византийской и

⁹ *Вместо:* а Руси народной — *было:* а народной

Стр. 217—218

¹³⁻² *Вместо:* «Полярная звезда» и «Колокол» ∞ и что героем — *было:* «Полярная звезда» начинается с письма к Александру II, в котором <далее рукопись повреждена> мрачно и безнадежно было все вокруг в 1853. Тяжелая оргия реакций дошла до последней степени, а мы начинали какую-то странную работу на развалинах, засевая слабые зерна на каменной почве [и засевая <3 нрзбр.> безумной, ничем не оправданной надежды <веры.> Скажу лично о себе] На что мы надеялись, во что верили—я не знаю, а знаю только, что оттого ли, что я не был тогда в России и не испытывал прямого прикосновения произвола, от другого ли, но [именно тогда-то] я верил в Россию—тогда, когда все сомневались в ней. [а нынче мы празднуем начало освобождения] [мы празднуем императорский манифест 3 марта/19 февраля 1861.] Вы видите, что безумная вера тогдашняя оправдывается.

Обращаюсь к вам, Чернецкий, и к вам, Тхужевский, как к двум свидетелям и участникам [наших] начала русской типографии. Что бы вы подумали о человеке, который в 1853 году [или 1851 вам] сказал бы вам, что через *восемь лет* мы такими же изгнанниками соберемся в Лондоне [праздновать освобождение крестьян] дружески попить и что героем <далее рукопись повреждена>

Стр. 217

¹⁸ *После:* первые листы — *было:* в которых излагали нашу дальнюю надежду. Это было

- 19-20 *Вместо:* приходилось — *было:* надобно было
- 21-22 *Вместо:* засевая на каменистом мусоре чужих развалин зерна, назначенные для дальней — *было:* засевая слабые зерна на каменистом мусоре — для дальней, запертой
- 27 *Вместо:* С тех пор много воды утекло — *было:* Вы видите, что иной раз вера бывает не всуе
- 28 *Вместо:* к свидетелям наших начинаний — *было:* к тем двум свидетелям, которые сами участвовали в
- 29 *Вместо:* вас — *было:* их
- 29 *Вместо:* вы — *было:* они

Стр. 218

- 1 *После:* сказал бы — *было:* им
- 1 *После:* соберемся — *было:* в Лондоне
- 2 *После:* пир — *было:* мы, изгнанники [в том же Лондоне]
- 2 *Вместо:* этого — *было:* нашего
- 4 *После:* в голову — *было:* по крайней мере, до рескрипта 20 ноября 1857
- 5 *Вместо:* в этом никто из нас не виноват — *было:* я в этом не виноват
- 6 *Вместо:* то есть — *было:* и то есть
- 8 *Вместо:* За то, что я отдал ему справедливость — *было:* За эти слова
- 10 *Вместо:* я говорил свое мнение — *было:* я не останавливался говорить правду
- 11 *Вместо:* если я не боялся — *было:* и еще больше — если я не боялся правдой
- 13 *Вместо:* то зачем же мне останавливаться — *было:* и обрушить на себя насмешки и клеветы — не только чужих, но и своих — то смешно было бы остановиться теперь
- 16 *После:* нашей искренности — *было:* а это нам необходимо
- 23 *Вместо:* печатание за границей и необходимо — мы знаем нашу обязанность — *было:* мы и необходимы
- 25 *Вместо:* чувствующей свою правоту — *было:* оправданной совестью
- 30-31 *Вместо:* сиятельных жандармов как Долгорукий; этих — *было:* Долгоруких, сиятельных жандармов, — со всей олигархической шайкой
- 31 *Перед:* этих — *было:* всех
- 36 *Вместо:* осушим этот бокал за здоровье наших освобожденных братьев и в честь Александра Николаевича, их освободителя! — *было:* отдадим кесарево кесарю и осушим этот бокал за здоровье Александра Николаевича — освободителя крестьян!

Стр. 219

- 2-4 *Вместо:* за его свободу и равенство, за полную независимость Польши от России и за дружеское соединение русских с поляками! — *было:* за его полную независимость, за его равенство, за его свободу от петербургского деспотизма и шляхетской аристократии — за отделение Польши от России и за братское соединение русских с поляками!

ВАРИАНТЫ ОТДЕЛЬНОЙ СТРАНИЦЫ С ОКОНЧАНИЕМ РЕЧИ

Стр. 218

- 16 *Вместо:* а нам необходимо доверие, как можно больше доверия!// и дает еще большую цену словам нашим, еще больше развязывает нам руки. А нам нужно теперь больше и больше [влияния] доверия.
- 22 *После:* крепко цензуре // [прикреплено] крепко цензуре. [Наш труд не окончен, он только теперь начинается в самом деле и <далее рукопись повреждена>]
- 24-25 *Слова:* с большой ревностью — *отсутствуют*

КОММЕНТАРИИ



Пятнадцатый том Собрания сочинений А. И. Герцена содержит статьи и заметки 1861 г., большая часть которых появилась впервые на страницах «Колокола», в том числе такие его произведения, как «Провинциальные университеты», «10 апреля 1861 и убийства в Варшаве», «Mater dolorosa», «Русская кровь льется!», «12 апреля 1861 (Апраксинские убийства)», «Repetitio est mater studiorum», «Исполин просыпается!», «Третья кровь!».

В основном разделе тома публикуются следующие статьи и заметки Герцена, не включавшиеся до сих пор в собрания его сочинений: «Салический закон в Московском университете», «Служба за Васильчиковой не пропадает», «Гурко не Апраксин», «Прогресс цензуры», «Профессор Щапов», «Граф Апраксин получил за избиеение...», «Шляхетные статьи и письма в русских журналах», «Вопрос шляхте», а также открытые письма Герцена — «À Mr. le rédacteur de l'*Opinion Nationale*», «À monsieur le rédacteur du *Nord*», «À monsieur le rédacteur de l'*Opinion Nationale*, à Paris», «Редактору „Le Nord“». Статья «Собственное сознание о взрыве „Пластуна“» была опубликована в издании М. К. Лемке частично, без текста документов, входящих в нее.

В основной раздел тома включены также следующие статьи и заметки, отнесенные в издании М. К. Лемке к разряду Dubia: «Гонение христиан папских христианами полицейскими», «Семейный очаг патриархов и патрициев незабвенного Николая», «Злодейство Долгорукова», «Крайне нужно <„Колокол“ собирает небольшой альманах...>», «Одесную и ошую», «Императрица Мария Александровна», «Донос (разумеется Тимашеву)», «Сенатские арестантские роты (осужденный Переверзев)», «Козел и осел», «Клоповник (не растительного царства, а царства русской полиции)», «Последнее убежище изгнанников закрыто», «Слух о заговоре против императора австрийского и эрцгерцогини Софии», «Донос на „Морской сборник“» (в издании М. К. Лемке напечатано без текста документа), «Розги и плети, употребляемые международно» (в издании М. К. Лемке напечатано без текста документа), «Орлы, львы и генерал-бас жандармского корпуса», «Et toi, Brute?», «Издателям журналов в России», «Новые меха для нового вина», «„Колокол“, Ковалевский, Костомаров, Копия, Каннибалы», «Злоупотребление пятидесятилетий», «Кончина Басаргина»,

«Урок из географии», «Прусский консул Бергер, исправляющий должность наместника Царства Польского, и храбрый генерал Мейендорф из Курляндии», «Из „СПб. ведомостей“», «Ю. Н. Голицын», «Царское самодержавие и студенческое самоуправление», «Крепостное состояние в Ницце и зодчий-босц в Петербурге», «Благодарность отечественной почте и редакторам», «Духовные и светские доносы, цензороквизиция литературы, рачители и попечители», «Гонение на университеты», «Секретный манифест», «Васильчикова и Рейнгардт доехали Пирогова», «Финляндская конституция», «Киевский университет и Н. И. Пирогов» (в издании М. К. Лемке напечатано без текста документа), «Ей, просвещение! Гись! Гись!», «Инквизиция Строгонова», «Дух сигар и вонь Государственного совета», «Шляхетно-революционная демонстрация крепостников», «Герой нашего времени и их Петербурга...», «Крайне нужно <Что сделали с чиновником...>», «А. Салтыков», «Дети, загрязненные крысами», «Книга К. С. Аксакова», «Разбой в больницах», «Свирепый Феофилакт», «Аскоченский II», «Путятин молчит», «Позднее, но существенное дополнение», «Игуменя Алексеевского монастыря в Москве», «Генерал Филипсон попечителем Петербургского университета», «На что употребляются почтовые чиновники», «Наши консулы», «„Олег“ и Андреев», «За что Путятин», «Петербургский университет закрыт!» (в издании М. К. Лемке напечатано без текста корреспонденции), «Человек, рожденный быть товарищем», «Насчет Главного общества железных дорог и молчаливости журналов», «Артиллерия и лицей», «Преображенская рота и студенты», «Из Ковно», «Секли или не секли?», «Шуваловская эманципация женщин», «Война с дамами», «Бакунии свободен», «Последние известия (из Петербурга)» — в издании М. К. Лемке напечатана только первая часть заметки, «Брадке и Левшин», «Дамы и преобразенцы», «Лесовский здравствует» (в издании М. К. Лемке напечатано только подстрочное примечание к заметке), «Шуваловцы в Кронштадте», «Notre premier premier и пути разобщения», «Кончина Добролюбова», «„Квартет“ Крылова».

В разделе «Наброски и неоконченные произведения» публикуются непроизнесенная речь Герцена «Друзья и товарищи!..» и отрывок «Двоюродный братец», не входившие ранее в собрания его сочинений.

В раздел «Редакционные заметки, примечания, объявления» впервые включаются 18 публикаций. Заметка «Мракобесие ценсуры» была напечатана в издании М. К. Лемке частично, с выпуском текста входящих в нее документов.

В раздел *Dubia* впервые помещены 12 публикаций. В этот же раздел включены заметки «Пол парке в гимназии и потолок в мозгу Фишера» и «Министр Ланской», напечатанные в издании М. К. Лемке в основном тексте, но не имеющие бесспорных признаков авторства Герцена.

В приложении к тому даются корреспонденции и документальные материалы в редакторской обработке Герцена. Впервые включаются в том 22 публикации. Из статей «Профессор П. В. Павлов и Тимашевка» и «Русские победители в Сувалках» в издании М. К. Лемке печатались только редакционные строки, с выпуском текста корреспонденций и документов.

Часть листов «Колокола» за 1861 г. (лл. 94—104) была выпущена вскоре вторым изданием (см. о нем в т. XIII наст. изд., стр. 482). Произведения, вошедшие в настоящий том, сверены в этих случаях с текстом *K*₂ (о разночтениях см. в разделе «Варианты» и в комментариях к отдельным произведениям).

Некоторые публикации в «Колоколе», имеющие следы редакторской обработки, которая могла принадлежать в той или иной части Герцену, в настоящий том не включаются ввиду их незначительности или недостаточно отчетливо выраженного характера этой обработки. Такова, например, заметка «Строгонов одесский, гонитель грамотности», представляющая собой изложение сообщения корреспондента о действиях «мудрого правителя Новороссийского края с К⁰, т. е. Гирсом, Местмахером и прочими русскими немцами» (*K*, л. 90 от 15 января 1861 г., стр. 759). Концовка заметки «Истязания за барщину», видимо, также является редакторским заключением: «Какова должна быть картина сочетания плугов с ружьями, боевыми патронами и штыками?!» (*K*, л. 103 от 15 июля 1861 г., стр. 868). По всей вероятности, подготовлена Герценом и обработана им публикация «Новгород и Иерусалим», заключающаяся характерной для Герцена репликой — «Sehr gut!» (*K*, л. 106 от 1 сентября 1861 г., стр. 891). Такова же ироническая концовка заметки «Лейб-правосудие и лейб-гвардия»: «Да и в самом деле, пора проучить этих штатских, фрэнчискв, чтоб не забывались. Ну где же видано, чтоб русский офицер был пьян?» (там же, стр. 892). К тексту драматического отрывка В. С. Печерина «Pot rouggi, или чего хочешь, того просишь (для февральского праздника)», напечатанного в ПЗ на 1861 г., кн. VI, сделаны два редакционных примечания. В одном из них сообщалось о публикации в той же книжке главы из «Былого и дум» о Печерине («Pater V. Petcherine»), а в другом — о наличии в некоторых списках разночтений текста: «Здесь поставлено собственное имя, но оно так мудрено, что мы не решились принять это чтение в свой текст» (стр. 172 и 187). Редакционный характер имеют заключительные абзацы публикации «Дремучее дело» (*K*, л. 108 от 1 октября 1861 г., стр. 907), однако они не включаются в том, ввиду отсутствия в них характерных признаков индивидуального стиля Герцена и возможного авторского участия В. И. Кельсиева, которого Герцен просил в письме от 19 сентября 1861 г. «заглянуть в „Дремучее дело“».

Редакторская обработка Герценом присланных в редакцию «Колокола» материалов выразилась и во многих заглавиях, при помощи которых он умел заострить публикуемый материал, придать ему нужное освещение и звучание. Таковы заглавия публикаций, редакторская обработка которых в отдельных случаях коснулась также самого текста: «Черный архiereй и белый Арапов в Пензе» (*K*, л. 93 от 1 марта 1861 г., стр. 785), «Циркуляр министра против просвещения» (*K*, л. 95 от 1 апреля 1861 г., стр. 800), «Превосходительный дантист» (*K*, л. 100 от 1 июня 1861 г., стр. 844), «Предсмертные злодейства помещичьего права» (*K*, л. 101 от 5 июня, стр. 849—851), «Поздно, но мило!» (там же, стр. 851), «Откупщики-гверилиасы» (*K*, л. 102 от 1 июля 1861 г., стр. 859), «Неутешная вдова,

легковерный Долгоруков и сентиментальный император» (*К*, л. 106 от 1 сентября 1861 г., стр. 892), «Николай l'Oiseleur, ловец душ крестьянских» (*К*, л. 109 от 15 октября 1861 г., стр. 915), «К делу о прикреплении крестьян к свободе» (*К*, л. 110 от 1 ноября 1861 г., стр. 923), «Решительно адмиралы не годятся на сухом пути» (*К*, л. 113 от 22 ноября 1861 г., стр. 948), «Еще мученик полицейских неистовств» (*К*, л. 114 от 1 декабря 1861 г., стр. 956).

В том не включены также редакционные заметки, уведомления, примечания, вступительные и заключительные строки чисто сопроводительного характера (в том числе заметки, редакторская обработка которых выразилась лишь в изложении корреспонденции или в традиционном вопросе «Правда ли?»), имеющие узко информационное значение, а также тематически выпадающие из круга обычных интересов Герцена и нейтральные в стилистическом отношении, или такие, которые по своим идейно-тематическим и стилистическим признакам принадлежат, вероятнее всего, Н. П. Огареву. Таково заключение «От редакции» в публикации «Циркуляра казенным палатам от министерства финансов» (*К*, л. 90 от 15 января 1861 г., стр. 755—756), примечание к публикации «Уральской песни» (там же, стр. 760), редакционные строки в заметке «Из Тифлиса» (*К*, л. 93 от 1 марта 1861 г., стр. 786), примечания к публикациям «Докладная записка, писанная собственною рукою графа В. Ф. Адлерберга» (*К*, л. 98—99 от 15 мая 1861 г., стр. 831), «Табель доходов и расходов правительства на 1860 год» (там же, стр. 832—834), «Солдатская песня» (*К*, л. 100 от 1 июня 1861 г., стр. 844), редакторская обработка заметок «Главный комитет об устройстве сельского состояния, или первый блин да комом» (*К*, л. 103 от 15 июля 1861 г., стр. 866—867), «Распятие казачьих бород» (*К*, л. 104 от 1 августа 1861 г., стр. 876), «Московская университетская библиотека» (*К*, л. 106 от 1 сентября 1861 г., стр. 892), «В защиту г. Чилева» (*К*, л. 109 от 15 октября 1861 г., стр. 916), вступительные строки к «Адресу гражданских чиновников» (*К*, л. 114 от 1 декабря 1861 г., стр. 949), сопроводительные строки и примечания к публикациям: «Из записок И. Д. Якушкина» (*ПЗ* на 1862 г., кн. VII, вып. 1, стр. 9), «Отрывок из мнения действит. статск. советника Липранди» (там же, стр. 47), «Выдержка наудачу из дневника поручика Монбели» (там же, стр. 66 и 90), «Рассказы о временах Николая» (там же, стр. 91) и некоторые другие.

Текстологический комментарий к произведениям настоящего тома составил *И. Ю. Твердохлебов*.

Реальный комментарий: *Н. Н. Антонова* («Донос (разумеется Тимашеву)», «Buona notte, buona notte», «Наши консулы», «Оклеветанный граф», «Гамбовский губернатор Давзас», «Curriculum vitae Ламберта», «Министр Ланской»); *И. М. Велявская* («Польскому комитету»); *Э. С. Виленская* («Русская кровь льется!»), «12 апреля 1861», «Ископаемый епископ, допотопное правительство и обманутый народ», «Repetitio est mater studiorum», «Кончина Добролюбова»); *А. А. Жук* («Злоупотреб-

ление пятидесятилетий», «Царское самодержавие и студентское самоуправление», «Васильчикова и Рейнгардт доехали Пирогова»); *Л. Р. Ланский* («À Mr. le rédacteur de „l'Opinion Nationale“», «À monsieur le rédacteur du „Nord“», «À monsieur le rédacteur de „l'Opinion Nationale“, à Paris», «Редактору „Le Nord“»); *Я. И. Линков* («Друзья и товарищи!..»); *А. М. Малахова* («Фрегат „Генерал-адмирал“ и швабра», «Воспоминание о К. Ф. Рылееве»); *Г. И. Мясцева* («Орлы, львы и генерал-бас жандармского корпуса», «To the editor of „The Daily News“», «Из воспоминаний об Англии», «Граф Муравьев-Амурский и его поклонники», «Шуваловская эманципация женщин», «To the editor of „The Times“», «Лекарь Озерский и его сообщники», «Московская бойня студентов», «Галаган», «Генерал Лихонин»); *И. В. Порох* («Плуг уступает эксельбанту», «Кончина Басаргина», «По поводу письма из Волини», «Кончина князя С. П. Трубецкого»); *В. М. Потяевин* («Накануне», «Донос на „Морской сборник“», «Madame Шпеер и 15 розог», «Т. Шевченко», «День страха», «Розги и плети, употребляемые международно», «Из „СПб. ведомостей“», «Крепостное состояние в Ницце и зодчий-боец в Петербурге», «Отеческий совет», «Еще о Шестакове и кротости его»); *В. В. Пугачев* («Злодейство Долгорукова», «Последнее убежище изгнанников закрыто», «Слух о заговоре против императора австрийского и эрцгерцогини Софии», «Манифест!», «Новые меха для нового вина», «От издателей „Полярной звезды“», «Секретный манифест», «Финляндская конституция», «Бакунин свободен», «Лесовский здравствует», «Нас спрашивают из Петербурга», «Паткуль и горячие розки», «Дебюты Путьянина», «Конституция», «Просьба Петрашевского», «Языков, директор правоуведения»); *В. А. Путьинцев* («Двоюродный братец»); *Л. И. Поитберг* («Тимашев, сидите дома, как Бейст, не ездите, как Гейнау!», «Тифлис и покорение „Колокола“», «Императрица Мария Александровна», «Козел и осел», «Клоповник (не растительного царства, а царства русской полиции)», «Харьковским студентам», «Духу не достало!», «Vivat Polonia!», «Панихида в Петербурге», «День страха», «Муханов с Вислы уехал», «10 апреля 1861 и убийства в Варшаве», «Лист шпионов и „нордовское“ обвинение русских офицеров в кровожадности», «„Колокол“, Ковалевский, Костомаров, Копия, Каннибалы», «Mater dolorosa», «Рейтерн», «Александр II и Муханов с Вислы», «Отеческий совет», «Гонение на университеты», «Ей, просвещенье! Гись Гись!», «К издателю „Przeglądu Rzeczy Polskich“», «Заводите типографии! Заводите типографии!», «Генерал Филиппсон попечителем Петербургского университета», «С кем Литва?», «Бруты и Кассии III отделения», «Петербургский университет закрыт!», «Человек, рожденный быть товарищем», «Исполни просыпается!», «По делу Брутов и Кассиев III отделения», «Петербургские письма», «Третья кровь!», «Секли или не секли?», «По поводу студентских избений», «Приславшего нам 25 фунтов...», «От издателей <с искренней благодарностью извещаем...>»); *А. Ф. Смирнов* (архивные данные о поручике А. Кузьмине-Караваеве в комментариях к статье «Vivat Polonia!»); *Т. И. Усакина* («Константин Сергеевич Аксаков», «Провинциальные университеты», «Сто пятнадцать благородных офицеров» «Сенатские арестантские роты (осужденный Переверзев)», «Злоупотребление

пятидесятилетний», «Шляхетно-революционная демонстрация крепостников», «Иоахим Лелевель», «Гурко не Апраксин», «Крайне нужно», «Дети, загрызенные крысами», «Инквизитор В. Аскоченский и его жертва», «Крестный ход богомокриц в гору просвещения», «Книга К. С. Аксакова», «Храбрый Дренякин», «Профессор Шапов», «Правда ли, что есть между студентами...», «Нарвская революция и рукопашный Каваньяк-Смирнов», «Прощение студентов Киевской академии», «А. В. Поджио и его племянники», «Правда ли, что генерал Мерхелевич»).

Реальный комментарий ко всем другим статьям и заметкам составлен *И. Ю. Твердохлебовым*.



СТАТЬИ ИЗ «КОЛОКОЛА»
И ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ 1861 ГОДА

ГОНЕНИЕ ХРИСТИАН ПАПСКИХ
ХРИСТИАНАМИ ПОЛИЦЕЙСКИМИ

Печатается по тексту *К*, л. 89 от 1 января 1861 г., стр. 752, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 3).

Заметка, имеющая, как это видно из ее заключительной фразы, редакционный характер («Просим убедительно гродненских читателей уведомить нас...»), тесно связана с другими откликами Герцена на политику церковных и полицейских преследований униатов. В повести «Долг прежде всего» и в «Былом и думах» (гл. XXX) Герцен связывал «полицейское православие» и факты «накожного обращения униатов» с общими целями и краеугольными основами реакционной политики Николая I, начертанными на поднятой им «хоругви православия, самодержавия и народности <...>, поддерживаемой чем ни попало...» (т. VI наст. изд., стр. 309 и т. IX наст. изд., стр. 137).

Униатская греко-римская церковь, легализованная постановлением Брестского собора 1594 г., была упразднена в 1839 г. после ряда притеснительных мер царского правительствa, особенно усилившихся в связи с участием католического духовенства в польском восстании 1830—1831 гг. В статьях «Русское крепостничество» и «Крещеная собственность» Герцен писал об «обращении униат в греко-российское исповедание и Польши в русские губернии» как об одном из ярких примеров «жестокостей и преступлений» русского самодержавия, осуществлявшего «свой террористические цели» (т. XII наст. изд., стр. 41, 104). В заметке «Секущее православие» Герцен приводил аналогичный описанному в комментируемой заметке случай преследования униатов в другом местечке той же Гродненской губернии. В заметке говорилось о «том душеспасительном времени, когда Николай с благочестивым свирепством *вскакал* униатов в православие», а архиепископ «Симашко свирепствовал тому же *секущему* православию», а также о крестьянах, которые, «презирая полицейскую церковь, благословляющую розгами и поддерживаемую разбойниками с аксельбантами и сыщиками в камилавках», перешли снова в унию, о чем «поп донес» генерал-губернатору, и отряд солдат и полиции «перепорол *всех*» (т. XIII наст. изд., стр. 364). В заметке «Гродненская история (Симашко, Филарет)» Герцен сообщил подробности об этом «деле православного разбоя» и имя того «полицейского апостола», который руководил сечением крестьян, а в заключении заметки иронический добавлял: «Православная церковь восторжествовала!» (там же, стр. 390).

Авторство Герцена подтверждается также использованием в заметке таких характерных для него оборотов и словосочетаний, как «полицейские христиане», «полицейская церковь», «квартальный священник», «бого-полицейское увещание», «епископ и губернатор в должности апостола», «церковь, поддерживаемая розгами и Симашками», «духовные съезжи». В других статьях Герцена, идейно-тематически близких настоящей, встречаются сходные лексические и фразеологические формы, употребленные в той же стилистической функции: ср. строки об «ангельском чине», который «переходит в полицейский» (т. XIII наст. изд., стр. 330), священниках, становящихся «квартальными» (т. XIV наст. изд., стр. 72), «религии воссоединенного Симашка» (стр. 17), о «полицейской церкви» и «полицейских понах», «загонявших народ в свою моленную розгой капитан-исправника» (наст. том, стр. 135, 138), о «съезжей церкви», «светском» и «духовном» III отделении (т. XVI наст. изд., стр. 21), о доносах Филарета и его «духовных розгах, которыми он засекает до плотской смерти» (стр. 102) и т. п.

Свойственно Герцену и пародийное использование грамматических форм церковнославянского языка: «...каким сечением окончится торжество святых и православных церкви». О сатирической функции церковно-книжных форм в публицистическом стиле Герцена см. также на стр. 354.

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:

Стр. 7, строка 16: в Бельске вместо: в Беловце.

ТИМАШЕВ, СИДИТЕ ДОМА, КАК БЕЙСТ, НЕ ЕЗДИТЕ, КАК ГЕЙНАУ!

Печатается по тексту К, л. 89 от 1 января 1861 г., стр. 752, где опубликовано впервые, без подписи. В ОК озаглавлено: *Тимашев и Бейст*. Автограф неизвестен.

Включено в издания Тихомирова (Т, 265—266) и Лемке (Л XI, 3—4).

Авторство подтверждается письмом Герцена к М. К. Рейхель от 9 января 1861 г., в котором он, имея в виду строки о Бейсте, шуточно замечал: «А что, каково я одолжил вашего подлеца дрезденского в „Колоколе“? Я так и думал, что душа у вас в пятки ушла. Для него, говорите вы, на старости лет ничего святого не осталось — er bellt und beisst». Принадлежность заметки Герцену подтверждается и письмом Л. Н. Толстого, который, побывав у Герцена в Лондоне, писал ему 20 марта 1861 г. из Брюсселя: «...Мне весело думать, что вы такой, какой есть, т. е. способный сбежать за микстурой для Тимашева и вследствие того способный написать то, что вы написали» (ЛН, т. 41—42, стр. 494).

Заметка, имея общий редакционный характер, идейно-тематически и стилистически тесно связана со всеми высказываниями Герцена о Тимашеве и о других «шпионах-палачах» этой поры — Бейсте, Гайнау. Об «ученой прогулке» Тимашева по Европе летом 1859 г. и посещении им Парижа, где он хлопотал о запрещении изданий Вольной русской типографии, Герцен писал ранее в заметках «Путешествие Тимашева» и «1814—1859. Второе занятие Парижа русскими» (см. т. XIV наст. изд.; ср. также письмо к Рейхель от 29 июня 1859 г.). Следующий приезд Тимашева в Европу, которому посвящена комментируемая заметка, также вызвал у Герцена ряд откликов. Он сообщал кн. П. В. Долгорукову в письме от 18 декабря 1860 г.: «Тимашев прибыл в Лондон и ищет купить шпиона. чтоб узнать, кто нам пишет из России. Не напечатать ли это? Я, как узнаю подробнее, извещу через „Теймс“». Таким извещением явилось открытое письмо, напечатанное в газете «Daily News» 28 декабря 1860 г. за подписью Герцена и Огарева, в котором разоблачалось «специальное поручение» Тимашева и давался ему совет «как можно скорее вернуться во-

своися» (т. XIV наст. изд., стр. 355; ср. в наст. заметке реплику: «Сидите дома и кланяйтесь от нас Лужину»). Упоминанием о том же факте приезда Тимашева в Лондон Герцен заключил предисловие ко второму выпуску «Исторического сборника» (вышедшего в свет почти одновременно с публикацией данной заметки — в первых числах января 1861 г.); обращаясь в этом предисловии к корреспондентам с просьбой продолжать присылку материалов, Герцен добавлял: «Тимашев, как ни ездил в Лондон и каких мошенников III отделения ни посылай, *ничего не узнает* — за это мы ручаемся» (т. XIV, стр. 353). О «последнем тимашевском путешествии по странам, не подлежащим ведению III отделения», Герцен замечает также в статье «Лист шпионов и „нордовское“ обвинение русских офицеров в кровожадности» (см. стр. 68 наст. тома).

О выдаче гр. Телеки Австрии как «злодействе» саксонских властей, о чем говорится в заметке, Герцен через несколько дней упоминал в аналогичном контексте в письме к сыну Александру (от 11—15 января): «А что, убедился ли К. Фогт примером Телеки, что с немцами плохая шутка?»

Об авторстве Герцена свидетельствует также ряд стилистических особенностей заметки и сатирических штрихов, в частности, полные язвительного смысла строки о *будущем* графстве Тимашева, которые развивают один из сатирических мотивов, устойчиво бытовавший в публицистике Герцена на протяжении 1860—1861 гг. «Что же Тимашева не делает графом? Поскорей бы...ему смертельно хочется, у него *бешенство карьеры* открылось, дать ему графа, он года на два уймется и не будет из кожи лезть, открывая лужинские заговоры...», — писал Герцен в заметке «Тимашев и Дубель» — т. XIV наст. изд., стр. 280; определения Тимашева как «будущего графа», «графа in spe» и т. п. многократно встречаются также в других статьях и заметках (т. XIV наст. изд., стр. 290, 292, 337, 345, 382 и наст. том, стр. 25, 27, 36, 63, 102, 208).

В пользу авторства Герцена свидетельствует также сопоставление Тимашева с другим «доносчиком» И. Д. Лужиним, имеющее в виду роль Лужина в студенческих волнениях 1858 г. в Харьковском университете, о чем Герцен писал в заметке «Харьковская история» (см. т. XIII наст. изд.). И в других статьях, продолжающих эту тему, Герцен обращается к тому же строю образов и пишет о Лужине как «батраке» Тимашева, «доносчике Лужине», о «тимашевской полиции с сыщиками вроде Лужина», «сыщиках Тимашева à la Лужин» и т. п. (т. XIV наст. изд., стр. 253, 286, 290, 311 и наст. том, стр. 23).

Содержащийся в заметке иронический намек на инцидент в «Берклеевой пивоварне», приключившийся с гр. Гайнау, который «вышел оттуда *усом* меньше», — был использован Герценом, также в сатирических целях, и в других произведениях — «Новая победа Путятина» (строки о «концерте, который давали пивовары Берклея и Перкинса Гейнау» — т. XVI наст. изд., стр. 246), «В этапе» (о «пивоварах Берклея и Перкинса, выдравших ус Гейнау» — т. XVII наст. изд.).

Характерна для публицистического стиля Герцена эмоциональная концовка заметки: «Какое постоянство в злодействе и какое...терпение у этого немецкого народа — *zu christlich!*» Вкрапление в русский текст немецкого оборота с частицей «zu» в качестве реплики, играющей определенную стилистическую роль, — одна из особенностей языковой манеры Герцена (ср.: *zu wunderbar* — в статье «Полицейский разбой в Москве» — т. XIII наст. изд., стр. 73 и в письме к Рейхель от 8 апреля 1861 г.; *zu gefährlich* — стр. 22 наст. тома; *zu schön* — в письме к И. С. Тургеневу от 5 января 1861 г.; *zu deutsch* — в «Былом и думах» (т. XI наст. изд., стр. 444) и в дневниковой записи от 8 февраля 1863 г. и т. д.

Стр. 8. ...не бескорыстный защитник Главного общества железных дорог...— Управляющий III отделением Тимашев был одним из акционеров Главного общества железных дорог. О темных махинациях этого общества см. далее в заметке «Насчет Главного общества железных дорог и молчаливости журналов» (стр. 166) и комментарий к ней.

...граф Гейнау ∞ вышел оттуда у с о м меньше... — Приезд в Англию в 1850 г. австрийского фельдмаршала гр. Гайнау, прославившегося зверским подавлением революционно-освободительного движения в Италии и Венгрии в 1848—1849 гг., вызвал ряд демонстраций против него, в частности, со стороны рабочих лондонского пивоваренного завода Barclay and Perkins.

...наш добрый, почтенный бидерман ∞ Бейст. — Будучи министром внутренних дел Саксонии, фон Бейст, по просьбе русского правительства, запретил приказом от 29 января 1858 г. распространение на территории Саксонии «Колокола», «Полярной звезды» и «Голосов из России» (см. об этом открытое письмо Герцена — «Саксонскому министру внутренних дел» — т. XIII наст. изд.). О нем же как о «заведующем саксонским отделением III отделения» Герцен упоминает в «Материалах для некролога Авраамия Сергеевича Норова» (см. т. XIII наст. изд.). О Бейсте как «мученике шпионства, пострадавшем за Телеки», см. далее в заметке «Донос (разумеется Тимашеву)». Бидерман — честный (от нем. Bieder Mann); шиндеркнехт — подручный палача (ср. заметку «Schinderknecht», т. XVII).

...король его...— Имеется в виду саксонский король Иоани, правительство которого вплоть до 1861 г. придерживалось в области внешней политики проавстрийской ориентации. В силу конвенции от 28 ноября 1854 г. Саксония и Австрия согласились выдавать друг другу выходцев обеих держав, по первому их требованию. В декабре 1860 г. в Дрездене был арестован и выдан австрийским властям видный участник венгерской революции 1848 г. граф Ладислав Телеки, который путешествовал с английским паспортом как английский подданный. Выдача Телеки возбудила негодование во всей Германии, не исключая самой Саксонии, и в других странах.

КОНСТАНТИН СЕРГЕЕВИЧ АКСАКОВ

Печатается по тексту К, л. 90 от 15 января 1861 г., стр. 753, где опубликовано впервые, с подписью: И<сканде>р. Этим некрологом открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

«О смерти Аксакова писал мне Иван Сергеев<ич Аксаков>, — сообщил Герцен И. С. Тургеневу в начале января 1861 г. — Он умер на острове Занде, куда его послал Шкода для лечения. Ив. Серг. его перевез в Триест и теперь поехал в Россию с ним. Письмо его ужасно gloomy, даже фризирует отчаяние. Я написал от души несколько строк ему в память». Еще ранее, 25 (13) сентября 1860 г. И. Аксаков писал Герцену о болезни брата (см. «Вольное слово», от 1 мая 1883 г., № 60, стр. 7). В письме от 5 января 1861 г. Герцен просил И. С. Тургенева: «Напиши мне твое мнение <...> о статье в 15 янв. на смерть Константина Аксакова». «Я должен довести до твоего сведения, — отвечал ему Тургенев 12 февраля, — что твои статьи в „Колоколе“ о смерти К. С. А<ксакова> и об Академии — прелесть, особенно первая, про которую я знаю, что она произвела глубокое впечатление в Москве и России» (Письма КТГ, стр. 135).

Через несколько месяцев откликнулся на статью Герцена И. Аксаков, который благодарил его за память о брате: «Любезнейший Александр Иванович, — писал он. — Нынче ровно полгода как брат скончался, и почти полгода, как мы в последний раз переключнулись за границей. Вы на мое письмо отвечали такой статьей в „Колоколе“, за которую я Вас

еще крепче полюбил и которая бесконечно лучше всего, что было сказано и написано о брате и Хомякове у нас в России, друзьями» («Вольное слово», 1 мая 1883 г., № 60, стр. 7; см. также письмо Ю. Ф. Самарина к Герцену от 11 июля 1864 г.— «Русь», 1883, № 1, стр. 30—31).

Подготовляя в 1861 г. к печати отдельное издание «Былого и дум», Герцен включил в текст гл. XXX отрывки из некролога Аксакова и строки из него использовал для эпиграфа к главе (см. т. IX наст. изд., стр. 133, 163, 169—171).

В борьбе за широкий антикрепостнический фронт в годы подготовки крестьянской реформы Герцен, не прекращая своей критики реакционных сторон славянофильской доктрины (см. «Лобное место», «Еще вариация на старую тему» — тт. XII—XIII наст. изд.), открыто протянул руку передовым представителям славянофильства (см. письма Н. А. Мельгунова к Герцену от 15 мая и 1 сентября 1857 г.— ЛН, т. 62, стр. 358, 365). В период обострения полемики с московскими буржуазными либералами (см. «Нас упрекают», «Обвинительный акт» — т. XIII наст. изд., «Русские немцы и немецкие русские» — т. XIV наст. изд.) и углубления разногласий с «Современником» (см. «Very dangerous!!!», «Лишние люди и желчевики» — т. XIV наст. изд.) Герцен печатно заявлял: «Мы (<...>) стали гораздо ближе к московским славянам, чем к западным старообрядцам» (т. XIV наст. изд., стр. 60; см. также письма Герцена к И. С. Аксакову от 1/13 января 1858 г. и 31 января 1860 г.).

Смерть К. С. Аксакова (7 декабря 1860 г.) вызвала многочисленные отклики в русских журналах и газетах. «К. С. Аксаков, — говорилось в „Современнике“, — носил в себе несокрушимую веру в светлую будущность России. Он любил свою родину с энтузиазмом» («Современник», 1861, № 1, стр. 141). «Русский народ, — писала об Аксакове „Русская беседа“, — любил он от всего сердца; он благоговел перед ним...» («Русская беседа», 1860, кн. 2, стр. II; см. также «Русский вестник», 1861, № 1, стр. 23; «СПб. ведомости», 1861, № 19). Эти же качества привлекали к Аксакову и Герцена, который, иронизируя над крайностями его славянофильских убеждений, восхищался безупречной личной честностью и нравственным благородством К. С. Аксакова даже в момент самой острой своей полемики со славянофилами (см. дневниковую запись от 10 января 1845 г.— т. II наст. изд., стр. 403). Герцен не мог не ценить также откровенной неприязни Аксакова к петербургской государственности, его борьбы за освобождение крестьян с землей и сохранение общины, за «гласность». Подробнее о К. С. Аксакове см. в «Былом и думах», гл. XXX — т. IX наст. изд.

Статья Герцена об Аксакове сочувственно интерпретировалась его корреспондентами (см. выше), а министерство народного просвещения ответило на нее запрещением речи Н. И. Костомарова о трудах Аксакова, находя невозможным, как писал сам Герцен, «чтобы в <Петербургском> университете профессор публично похвалил человека, о котором „Колокол“ хорошо отзывался» (стр. 73 наст. тома).

Стр. 9. *Вслед за сильным бойцом славянизма, за А. С. Хомяковым*...—А. С. Хомяков умер 23 сентября 1860 г. См. о нем в «Былом и думах», гл. XXX (т. IX) и заметку-некролог «А. С. Хомяков» (т. XIV наст. изд.).

Киреевские, Хомяков и Аксаков...—О них см. также в «Былом и думах», гл. XXX — «Не наши» (т. IX наст. изд.).

Стр. 10. *...меньший брат, которому мы без чечевицы уступим старшинство.*—Намек на библейский рассказ о двух сыновьях Исаака — старшем Исаве и младшем Иакове. Мучимый голодом, Исав согласился уступить

брату свое первородство за хлеб и кушанье из чечевицы (Первая книга Моисеева, Бытие, гл. XXV, 29—34).

«*Mutter, Mutter ∞ auf den wilden Höhen!* — Цитата из стихотворения Шиллера «Der Alpenjäger» («Альпийский стрелок»): «Мать, мать, отпусти меня, позволь бродить по диким вершинам!».

...*семейная разладица, лет пятнадцать тому назад.*— О полемике со славянофилами в 1844—1847 гг. см. в книге «О развитии революционных идей в России», глава VI (т. VII наст. изд.) и в «Былом и думах», гл. XXX.

Раз только Н. Языков ∞ резкими стихами в нашу защиту (V «Пол. зв.», стр. 137).— Речь идет о стихотворных памфлетах Н. М. Языкова «Константину Аксакову», «К Чаадаеву», «К не нашим». На выпады Языкова К. Аксаков ответил посланием «Союзникам», упоминаемым в отрывке из «Былого и дум», опубликованном в IV кн. «Полярной звезды» (а не в V, как ошибочно указывает Герцен); подробнес см. об этом в т. IX, стр. 167, 322.

СОБСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ О ВЗРЫВЕ «ПЛАСТУНА»

Печатается по тексту *К*, л. 90 от 15 января 1861 г., стр. 756—758, где опубликовано впервые, без подписи. В *ОК* озаглавлено: *Варварство на «Пластуне»*. Автограф неизвестен.

Включено в издание Лемке (*Л* XI, 13).

Текст статьи «Гибель клипера „Пластун“ (Извлечение из следственного производства)» из «Морского сборника» (1860, № 13, декабрь, стр. 154—183) приведен Герценом выборочно, отдельные места им выделены курсивом, к тексту даны подстрочные примечания и в скобках добавлена редакционная реплика: «Хорош мичман Березин!»

Публикация эта предвлялась заметкой Герцена «Константин Николаевич за ливьки» (см. т. XIV наст. изд.), в которой говорилось о получении корреспонденции по поводу взрыва «Пластуна»: «Историю этого взрыва <...> мы надеемся в скором времени передать нашим читателям. Они узнают чудеса—о том, как матросам *затыкают рты ишаброй с носом*, как секут гардемаринов и как при этом остаются любимцами либерального великого князя» (стр. 347). С этой же заметкой непосредственно связаны и начальные строки данной публикации, имеющие редакционный характер («Мы собирались поместить рассказ о том, как чудовищное обращение с матросами довело до умышленного взрыва клипера»), а также упоминание обо «всех этих, „затыкающих рты“ и морских чудовищах, секущих гардемаринов...».

Заметка «Константин Николаевич за ливьки» вызвала беспокойство в либеральных кругах, близких к Константину Николаевичу, со стороны которых была предпринята попытка предотвратить последующие обвинения в «Колоколе». С этой целью А. В. Головнин обратился с просьбой к И. С. Тургеневу, который писал Герцену из Парижа 1 января 1861 г.: «Посылаю тебе, дражайший amico, письмоцо Головнина к князю Н. И. Трубецкому по поводу твоего вопроса в „Колоколе“ и посылаю также sous bande отрывок из „Морского сборника“, в котором находится подробное и, сколько я мог судить, откровенное следствие о гибели „Пластуна“. Также просят тебя очень падить велик. кн. Конст. Ник. в твоём журнале, потому что, между прочим, он, говорят, ратоборствует, как лев, в деле эмансипации против дворянской партии и каждое твоё немилостивое слово больно отзывается на его чувствительном сердце. Просят тебя также, по прочтении отрывка из „Мор. сбор.“, непременно и немедленно возвратить его мне» (*Письма КТГ*, стр. 132). Герцен отвечал 5 января 1861 г.: «...благодарю Рюрикова потомка <князь Н. И. Трубецкой подписывал свои брошюры псевдонимом Olgherdowitch> за обломок

корабля (...) „Морской сбор.“ мне пригодится (впрочем, он здесь был). А пусть Рюрик напишет Головнину, что за *лять* лет не было такого неистовства во флоте, как теперь: они одурели. Я напечатаю сборник имен вроде Шестакова, Крузенштерна, Дистерло etc., etc. Ты это непременно скажи. Прежде эти разбойники стыдились или боялись огласки, а теперь говорят: „велика важность, что в „Колок.“ напечатают,— плевать нам на „Колокол“. (Я исключаю некоторых молодых и одного почтенного сего моряка, который с пеной у рта мне рассказывал это).

Как видно из этих писем, «морская» тематика, обличительные выступления в «Колоколе» против телесных наказаний, бесчеловечного обращения с матросами и вообще «канибальского зверства морского ведомства» входили в круг постоянных интересов Герцена (ср. в т. XIV — «Русские матросы в Виллафранке», «Константин Николаевич за линьки»; в наст. томе — «Донос на „Морской сборник“», «Фрегат „Генерал-адмирал“ и швабра», «Исправительные письма!», «„Олег“ и Андреев», «Еще о Шестакове и кротости его», «Лесовский здравствует»; в т. XVI — «Еще о „Генерал-адмирале“», «Злодей капитан русского корабля», «Второй раз», «Что-то сделает Константин Николаевич в Польше?..»; в «Былом и думах», гл. «Апогей и перигей» — т. XI наст. изд., стр. 305—306).

Характерны при этом непосредственные обращения в подобных заметках к слышшему «главой прогресса в петербургском правительстве» вел. кн. Константину Николаевичу и выжидательная позиция по отношению к нему. В заметке «Засеченный матрос» говорилось: «...Мы в первый раз обращаемся к Константину Николаевичу. Говорят, что он искренно хочет улучшить свою часть,— в таком случае он не может, не должен терпеть такого татарского варварства и таких бесстыдных укрывательств» — т. XIV наст. изд., стр. 409; см. также стр. 286 и наст. том, стр. 212. К 1863 г., в связи с деятельностью Константина Николаевича на посту наместника во время подавления восстания в Польше, отношение к нему Герцена заметно изменилось: «Где жедни юных мечтаний,— писал он в заметке „Варшава утешена!“, — когда Константин Николаевич, вперя взгляд в широкое море и в крошечного Головнина, мечтал о великом будущем?.. Плохо разыгралась игра, и это не случайно. Без твердых начал, без полной веры, без всякой мысли в обыкновенный стиль еще можно кое-как плавать с Головинным у руля, а в бурю, действительно, лучше куда-нибудь в порт даи возвратиться в хорошую погоду...» (т. XVII наст. изд.),

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:

Стр. 16, строка 10: Мещеряков, Керн, Мартов *вместо:* Мещеринов, Керк, Маргинов.

Стр. 16. ...*быть посему*», а потом *детские игры с колпачками, перышками, угольками*... — Доклад морского генерал-аудиториата был утвержден Александром II 14 ноября 1860 г. Вследствие показаний спасшегося юнга А. Мартова о слышанной им перед взрывом трескотне от лопавшихся в камере трубок, следственная комиссия провела ряд опытов над скорострельными трубками, патронами и ударными колпачками, однако испытания «не привели комиссию ни к какому положительному убеждению». Далее в «Морском сборнике» приводился текст двух актов о произведенных опытах, с подписями членов следственной комиссии.

СЕМЕЙНЫЙ ОЧАГ ПАТРИАРХОВ И ПАТРИЦИЕВ НЕЗАБВЕННОГО НИКОЛАЯ

Печатается по тексту *К*, л. 90 от 15 января 1861 г., стр. 760, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: *Семейные добродетели николаевцев*. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (Л XI, 14).

Заметка, имеющая редакционный характер («Мы получили рассказ», «мы не решаемся их передать»), идейно-тематически и стилистически близка другим высказываниям Герцена о моральном распаде и «эксцентрических любезностях» в высших сферах, о «кознях передней и интригах алькова». Таковы его постоянные разоблачения «семейных добродетелей» М. И. Бурковой, «этой Слоаса *Maxima* современных гадостей, обложенной бриллиантами» (т. XIII наст. изд., стр. 81, 89, 282, 331; т. XIV, стр. 337 и др.), упоминание о «фешенебельном анекдоте из высшей жизни» (в публикации «На этот раз мы очень богаты корреспонденциями» — т. XIV, стр. 89), «описание гадкой истории сабурово-адлербергской, в которой «все есть: и несчастная жертва административного разврата (*ученица театрального училища*), и суммы, внесенные Адлербергу» («Старая история», т. XVI наст. изд., стр. 127), заметка «Графиня Строгонова, строгий прусский генерал-адъютант, услужливый король и влюбленный прищ» (т. XVIII наст. изд.), строки в «Былом и думах» об «аристократическом камелизме» и т. п. (гл. «Махровые цветы», т. XI наст. изд., стр. 461—464).

Эмоциональная концовка заметки («Ништо им — в сраме, в позоре пусть погибнут их имена и гербы!») своей экспрессивной окрашенностью и лексико-фразеологическими особенностями подтверждает авторство Герцена; ср. в его письме к И. С. Аксакову от 28 апреля 1860 г. строки: «Срам и запустение, но ведь этот срам в правительстве и его аколитах <...> Надобно дать правительству и высшему слою выгнать»; «...позор и проклятие на современный срам и запустение» (в статье «Лишние люди и желчевики», т. XIV, стр. 327); «Письма у нас есть — ужасы, срам и срам. Я начинаю верить, что Алекс(андр) II полетит к черту» (в письме к И. С. Тургеневу от 28 октября 1861 г.); ср. также в наст. томе: «Чтоб не было ни одного срама, ни одного позора, которым бы ни покрыли Россию варшавские мясники...» (стр. 86); «Впрочем, пусть они покрываются позором» (стр. 269); «...Десять раз клали мы перо, чтобы прийти в себя, чтобы подавить горе и негодование. Слишком много ужаса и позора!» (в статье «Протест», т. XVII).

Стр. 17. ...только де Сад в «*Жюстине*» имел отвагу печатать такие эксцентрические любезности! — В герое романа де Сада «*Justine ou les malheurs de la vertu*» (первое издание вышло в 1791 г.) глубокая развращенность сочеталась с патологической жестокостью.

ТИФЛИС И ПОКОРЕНИЕ «КОЛОКОЛА»

Печатается по тексту *K*, л. 90 от 15 января 1861 г., стр. 760, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *OK* озаглавлено: *Покорение «Колокола»*. Автограф неизвестен.

Включено в издание Лемке (Л XI, 14—15).

Об авторстве Герцена свидетельствуют редакционный характер заметки («Мы помещаем это письмо с улыбкой» и пр.) и некоторые особенности языка и стиля: например, каламбурный заголовок, намек на «калужское тесто» (т. е. ссылку, которой Герцен предпочитает «лондонский пудинг»).

По поводу этой заметки в редакцию «Колокола» была вскоре прислана корреспонденция «Из Тифлиса (Письмо к издателям)», в которой опровергалось, что «жители Тифлиса подозревают „Колокол“ в подкупимости» и выражался протест «против неизвестного корреспондента, сообщившего эту неблагицу»; далее в письме сообщались некоторые вести о Кавказе и Барятинском, приведенные в публикации в редакционном изложении (см. *K*, л. 93 от 1 марта 1861 г., стр. 786).

Стр. 17. Мы еще не в положении Шамиля и в плен князя Барятинскому не сдадимся, предпочитаю решительно лондонский пудинг — калужскому тесту. — В 1859 г. Шамиль был взят в плен войсками князя Барятинского; местом ссылки была выбрана Калуга.

〈ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ〉

Печатается по тексту К, л. 91 от 1 февраля 1861 г., стр. 761—763, где опубликовано впервые, за подписью: И — р, без заглавия. Заглавие взято из ОК. Этой статьей открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

«В России все закипает,— какие письма приходят иногда, и черт знает откуда — из Казани, из Оренбурга; из Казани нам пишут такие симпатии, что чудо»,— сообщал Герцен в январе 1861 г. И. С. Тургеневу. Эти строки Герцена непосредственно перекликаются со статьей «Провинциальные университеты», где также упоминаются Казань, Урал и Сибирь в числе мест, откуда пахнуло «свежим воздухом, здоровым, обещающим весну».

Герцен живо интересовался впечатлением друзей и знакомых о своей статье. Посылая Т. П. Пассек только что отпечатанный лист «Колокола» со статьей, Герцен 27 января 1861 г. писал ей: «Обратите внимание на то, как я уважил Академию наук». Об этом же писал Герцен 2 февраля М. К. Рейхель: «Читали ли вы в „Колоколе“, как я огрел Москву и Академию?» В письме от 4 февраля к Тургеневу, имя которого он назвал в статье наряду с именами воспитанников Московского университета — Лермонтовым, Белинским, Кавелиным, он задавал вопрос: «Как тебе моя статья об Академии и Москве *casanoque*?» Через несколько дней Тургенев отвечал Герцену: «...твоя статья в „Колоколе“ о смерти К. С. А (ксакова) и об Академии — прелесть <...> Упоминание тобою моего имени в обществе Белинского и др. я принял вроде Анны с короной на шею и чувствовал на душе играние тшеславия» (*Письма КТГ*, стр. 135—136). В то же время П. В. Анненков с неодобрением писал Тургеневу 11 февраля 1861 г. о статье Герцена, что свидетельствовало о непонимании и несогласии его и части русского общества с новой ориентацией Герцена на передовую молодежь окраин: «Недавно я прочел в заметке одного моего приятеля — и вашего — что настоящие люди у нас в Харькове, Казани и других отдаленных местах. Счастливцев! Он один их и видит; для нас это тайна...» («Труды Публичной библиотеки СССР имени Ленина», вып. III, 1934, стр. 115).

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:

Стр. 22, строка 26: «Bulletins» вместо: «Pulletins».

В 1857—1858 гг. Герцен и Огарев, неудовлетворенные ходом и характером работы дворянских комитетов по крестьянскому делу, пересматривают свое отношение к дворянской интеллигенции и к ее роли на новом этапе освободительного движения. Формулируя новый взгляд издателей «Колокола» на движущие силы революции, Огарев в статье «Московский комитет» писал: «Наше образованное меньшинство не принадлежит исключительно дворянству. Оно состоит из тех немногих,— из какого бы сословия они ни происходили,— которые, учившись, приняли науку и нераздельное с ней понятие справедливости к сердцу. Только эти немногие составляют передовой отряд русского движения, с которым народ может всегда чувствовать и на который правительство может положиться <...> Большинство же помещиков может только мешать народному развитию» (К, л. 30—31 от 15 декабря 1858 г., стр. 241). В связи с этим и Герцен,

развивая некоторые положения, намеченные им впервые в статье «Лишние люди и желчевики», через «болезненное поколение лишних людей» протягивал руку «кряжу свежемому», новым людям «с непочатыми силами и крепкими мышцами», являющимся «из дальних университетов, из здоровой Украины, с здорового северо-востока» (т. XIV наст. изд., стр. 322). Массовые выступления студенчества Харьковского, Киевского, Казанского и других университетов (см. «Харьковская история», «1860 год», «Начало новых гонений в России» — тт. XIII и XIV наст. изд.) явились непосредственным поводом к написанию статьи «Провинциальные университеты».

Ориентация Герцена на передовую провинциальную молодежь находилась в прямой связи и с новой тактикой «Колокола», на страницах которого Огарев обратился в 1860 г. с призывом действовать помимо правительства, объединяясь вокруг выдвинутого им проекта общественного выкупа земли и учреждения выкупного банка. Этот проект рассматривался Огаревым как начало создания общественной организации, способной заменить правительственный аппарат в деле ликвидации крепостных отношений (см. статьи «Комиссии для составления положений о крестьянах» и «Письма к соотечественнику» — *К*, лл. 73—74 и 77—78 от 15 июня и 1 августа 1860 г.). «Надо, — указывал Огарев, — готовить учителей, проповедников науки для крестьян, странствующих учителей, которые из конца в конец России могли бы разносить полезные и прилагаемые знания» (там же, л. 77—78, стр. 645—646). Петербургская академия наук, с самого своего основания оторванная от русской жизни, и Московский университет, утративший свое передовое значение после смерти Т. Н. Грановского и воцарения «ученых доктринеров» (см. «Синхедрион московских университетских фарисеев» — т. XIV наст. изд.), с точки зрения Герцена ни в какой мере не могли обеспечить потребности страны в энергичных общественных деятелях, новаторах, сочетающих высокую образованность с готовностью служения народу. О значении, которое сам Герцен придавал статье «Провинциальные университеты», свидетельствуют его письма к Рейхель, Тургеневу и Пассек (см. выше).

В дальнейшем Герцен не прекращал борьбы с реакционной московской профессурой, неизменно подчеркивая роль передовой провинциальной общественности в борьбе за преобразование самодержавно-помещичьей России (см. «Ученая Москва», «Москва нам не сочувствует» — т. XVI наст. изд.).

Стр. 18. *«Прошло сто лет ∞ Порфироносная вдова».* — Герцен цитирует поэму «Медный всадник» по изданию «Сочинений Александра Пушкина», т. IX, 1841, стр. 5, где строка «Померкла старая Москва» по цензурным условиям была заменена иным стихом: «Главой склонилася Москва».

Стр. 19. *...действует тверской комитет с Унковским и с Европеусом ∞ отдать им их землю...* — Речь идет о проекте земельной реформы, разработанном тверским губернским комитетом, во главе которого стояли А. М. Унковский и А. И. Европеус, предлагавшие освободить крестьян с землей посредством выкупных платежей, производящихся через земский банк (см. «Проект Унковского», напечатанный в *К*, л. 39 от 1 апреля 1859 г., «Очерк тверского губернского комитета по освобождению крестьян» — л. 61 от 15 января 1860 г., «Тверской комитет и Унковский» — л. 65—66 от 15 марта 1860 г.). Борьба Унковского и Европеуса за реализацию проекта завершилась ссылкой первого в Вятку, второго — в Пермь, «ясно доказавшей всем, еще верующим в либерализм русского царя, что все его благие предначертания не более как жалкий и глупый обман» («Тверской помещик Головачев (Письмо к редактору)» — *К*, л. 70 от 1 мая 1860 г., стр. 583).

...рядом с котошихинскими князьями ∞ владимирский адрес, который пристыдил государя до несправедливого поступка.— Иронизируя над «котошихинскими князьями, боярами и воеводами», Герцен имеет в виду составителей адреса петербургского дворянства, противопоставляя последнему адрес владимирского дворянства, требовавшего «управления общего для всех сословий, строгого разграничения властей, гласного судопроизводства и проч. Александр II ответил на обращение владимирского дворянства «строжайшим выговором» губернскому предводителю Богданову и «строгим внушением» уездному предводителю. «Говорят,— указывалось в „Колоколе“ в связи с разбором петербургского и владимирского адресов,— в Петербурге — царь, а не Россия. В Москве ни народа, ни царя. Народ в поле; будущее на здоровом провинциальном воздухе!» (редакционное заключение к публикации «Провинция и резиденция» — *К*, л. 71 от 15 мая 1860 г., стр. 592; см. также т. XIV наст. изд., стр. 377).

...сановников московского журнализма и Английского клуба.— Герцен имеет в виду Б. Н. Чичерина и М. Н. Каткова (см. о них в статьях «Русские немцы и немецкие русские», т. XIV наст. изд.; «Сенаторам и тайным советникам журнализма», т. XVI наст. изд.).

Ст р. 20. ...тайком от отца, как жена Людовика XI.— Герцогиня Шарлотта Савойская, впоследствии вторая жена Людовика XI, настраивала его против царствующего отца — Карла VII, который препятствовал этому браку сына.

протестом Чаадаева.— О впечатлении, произведенном на русское общество «Философическим письмом» П. Я. Чаадаева, опубликованном в журнале «Телескоп» в 1836 г., Герцен говорит в «Былом и думах», гл. XXX (т. IX наст. изд., стр. 138—140).

Юбилей Московского университета праздновался всей Россией...— Столетие Московского университета отмечалось в январе 1855 г.

Ст р. 21. Палласу и Гмелину ∞ чтоб совершить свое путешествие.— В результате путешествий по России естествоиспытателя Палласа появились ценные исследования о естественных богатствах Поволжья, Северного Кавказа и Урала; Гмелин (Самуил Готтлиб) предпринимал в 1768—1774 гг. длительное путешествие для изучения прикаспийских областей России.

Гумбольдту, Гакстгаузену и Тенгоборскому ∞ для их исследований России...— А. Гумбольдт в 1829 г. участвовал в экспедиции по изучению Урала и Алтая. Об А. Гакстгаузене и Л. Тенгоборском Герцен упоминает в книге «О развитии революционных идей в России» (т. VII наст. изд., стр. 260—263, 322—323).

...Лейбниц, небось, не поехал!— В 1711—1716 гг. Лейбниц неоднократно беседовал с Петром I об организации Петербургской академии наук, но на все предложения переехать в Россию неизменно отвечал отказом.

...в Геттингене или Тюбингене ∞ на Васильевском острове.— Геттинген и Тюбинген в эту пору славились своими университетами. На Васильевском острове в Петербурге находилась Академия наук, а также университет и другие научные учреждения и высшие учебные заведения.

Каковы были эти колонисты науки, про то знает М. В. Ломоносов.— С первых лет пребывания в Академии наук Ломоносов вел непримиримую борьбу с И. Д. Шумахером, И. И. Таубертом и многими другими «неприятелями наук российских», возглавлявшими академическую администрацию.

Ст р. 22. Мы знаем имя того дерптского ректора, который не хотел склонить своей головы под фельдфебельское иго.— Герцен имеет в виду ректора Дерптского университета Карла Христиана Ульмана, который, в знак протеста против реакционной и русификаторской политики, про-

вдовившейся министром народного просвещения С. С. Уваровым и попечителем дерптского учебного округа генералом Г. Б. Крафстремом, в 1842 г. отказался от должности ректора и был горячо поддержан студентами и профессорами университета. По резолюции Николая I от 16 ноября 1842 г. Ульман был отрешен от должности профессора и изгнан из Дерпта. Несколько профессоров, в том числе Бунге и Мадаи, демонстративно подали в отставку и вышли из Дерптского университета. О «дикой и отвратительной истории с Ульманом и Бунге» и «грубом и несправедливом окончании ее» Герцен упоминает в своем дневнике 11 января 1844 г. (см. т. II наст. изд., стр. 325—326 и комментарий); см. также книгу: Е. В. Петухов. Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования (1802—1902), т. I, Юрьев, 1902, стр. 568—570.

... против распространения книги П. Долгорукова в Германии.— Речь идет о книге: *La vérité sur la Russie — par le prince Pierre Dolgoroukoff*, Paris, 1860. Отклик на выход этой книги см. в одноименной заметке Герцена (т. XIV наст. изд.). Упоминание о предложении, сделанном академиком Б. С. Якоби (который являлся также членом Мануфактурного совета при министре финансов А. М. Княжевиче) по поводу запрета книги в Германии, см. также в заметке «Орлы, львы и генерал-бас жандармского корпуса» (стр. 63 наст. тома).

Стр. 23. ...среди школы ольденбургского правоведения.... — Имеется в виду императорское училище правоведения, основанное в 1835 г. в Петербурге по инициативе принца П. Г. Ольденбургского, который стал его попечителем. В 1861 г., к двадцатипятилетию попечительства принца Ольденбургского, была отчеканена медаль с его изображением. О нем и директоре училища А. П. Языкове, в связи с запрещением правоведам преподавать в воскресных школах и преследованием прогрессивной профессуры, см. в заметках «Еще глупее!» (т. XIV наст. изд.), «Профессор П. В. Павлов и Тимашевка» (стр. 246 наст. тома), «Языков, директор правоведения» (стр. 225), «От издателей» (стр. 114) и комментарии.

...нарезчиком Мухановым... — Член главного управления цензуры Н. А. Муханов числился в придворном штате и имел чин оберфор-шнейдера, обязанностью которого было, по старинному дворцовому ритуалу, нарезать дичь за царским столом. См. также комментарий к заметке «Муханов, что не на Висле», т. XIV наст. изд., стр. 558.

...один бывший казанский студент... — фамилия его не установлена.

Тень Победоносцева и тени Котельницкого, Ивановского, Ульрихса с чужие письма по Шпекину... — Герцен перечисляет самых отсталых и реакционно настроенных профессоров Московского университета, читавших лекции в годы учения Герцена в университете. Об Ю. П. и Ф. Ю. Ульрихсах см. заметки «Еще тайная полиция» и «Почтовые, почтенные и иные шпионы» (т. XIV наст. изд.). Шпекин — почтмейстер, персонаж «Ревизора» Гоголя, распечатывавший чужие письма.

...ни сыщики Тимашева à la Лужин, ни сродники бывшего дядьки наследника à la Зиновьева... — Герцен имеет в виду организаторов преследования студентов в Харькове — П. В. Зиновьева и И. Д. Лужина. См. об этом в заметках «Харьковская история» и «Безобразное окончание харьковской студентской истории» — т. XIII наст. изд.

ЗЛОДЕЙСТВО ДОЛГОРУКОВА

Печатается по тексту К, л. 91 от 1 февраля 1861 г., стр. 768, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В ОК озаглавлено: *Злодейства Долгорукова*. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду Dubia (Л XI, 27).

Об авторстве Герцена свидетельствует тесная идейно-тематическая связь заметки с другими его высказываниями в «Колоколе» о шефе жандармов В. А. Долгорукове (общая его памфлетная характеристика была дана в статье Герцена — «Черный кабинет» — т. XIII наст. изд.), об управляющем III отделением А. Е. Тимашеве (о характерной для Герцена насмешке над стараниями Тимашева «зашибить графа» см. в комментарии к заметке «Тимашев, сидите дома...» — стр. 293), о «слабейшем министре просвещения Е. П. Ковалевском» (см. его характеристику как «слабогрудого» министра в статье Герцена «На этот раз мы очень богаты корреспонденциями» — т. XIV наст. изд., стр. 90; ср. также стр. 99 и 105 наст. тома), а также ряд типичных для Герцена стилистических особенностей, например: «огромный тайный вождь Тимашев», «Тимашев — граф Школинский», «начальник корпуса духовных жандармов — митрополит». Эмоциональная концовка заметки («Бедный русский народ, недалеко уйти тебе с такими пастухами!») своим семанτικο-стилистическим строем и системой образов совпадает с подобными же репликами в других произведениях Герцена: «Народ по-прежнему остается паствой, пастухи-бюрократы знают, куда пасут его» (в статье «Ответ русской даме», т. XIV наст. изд., стр. 72), «...И Варавва и разбойник с *левой* стороны лучше этих пастухов как неотставшего, так и воссоединенного стада» (в предисловии к «Историческому сборнику», вып. I — т. XIV наст. изд., стр. 82), «...У нас нет ни малейшего доверия к такту, к пониманию нравственных калек, пасущих Россию...» (в статье «Vivat Polonia!», стр. 48 наст. тома).

Стр. 25. *Кн. Долгорукий-жандарм подал государю доклад, что воскресные школы — зародыш огромного тайного общества.* — 18 декабря 1860 г. шеф жандармов Долгоруков в «особой записке», докладывая Александру II о воскресных школах, писал, что необходимо «принять безотложные и деятельные меры, дабы стать во главе сего движения» и «предупредить всякую возможность уклонения к вредным началам, коих присутствие очевидна». Долгоруков предложил изъять воскресные школы из частных рук, «дать вид поощрения быстрому распространению их», а затем, когда все школы окажутся в руках государства, через некоторое время «за недостатком средств» последовательно все школы закрыть (см. М. К. Лемке. Очерки освободительного движения шестидесятых годов. По неизданным документам, СПб., 1908, стр. 403).

В публикации «Циркуляр министра против просвещения», напечатанной в *К*, л. 95 от 1 апреля 1861 г., был приведен текст циркулярного распоряжения министра просвещения Е. П. Ковалевского от 23 декабря 1860 г., в котором специально указывалось на необходимость усилить надзор «за тем, чтобы воскресные школы не выступали из границ определенного им круга действий», и предлагался ряд мер, направленных на ограничение программы обучения в воскресных школах и отстранение «неблагонадежных преподавателей и учредителей» (стр. 801). Через полгода, в заметке «Путятин молчит», напечатанной в *К*, л. 106 от 1 сентября 1861 г., корреспондент «Колокола» сообщил, что «воскресные школы доживают последние дни под тяжелой лапой всевозможных начальств и инспекторов; почти всех добровольных преподавателей выжили и по наряду заменили казенными учителями низших училищ» (стр. 141 наст. тома). Воскресные школы были закрыты в 1862 г. Об этом см. упоминание в статье Герцена «Молодая и старая Россия» (т. XVI наст. изд., стр. 199 и комментарий).

Шеф жандармов следующим образом был охарактеризован в нелегальном брошюрке «Листке» его дальнего родственника и однофамильца кн. П. В. Долгорукова: «Бездарность полная и совершенная; эгоизм, бездушие в высшей степени; ненависть ко всему, что умно и просвещенно, боязнь в виду всякой мысли, в виду всего, что пезависимо и самостоятель-

но. Держится он на своем месте тем же самым средством, каким держались предшественники его, Дубельт, Орлов и Бенкендофр, а именно: страшая и запугивая государя мыслью о революции, представляя государю все умное — злонамеренным, все независимое и благоприятное — мятежным, и уверяя, что, не будь он, Василий Андреевич, на III отделении, все бы в России погибло и рушилось. Невзирая на свою неспособность, Василий Андреевич один из самых вредных для России лиц» (П. В. Долгоруков. Петербургские очерки. Pamфлеты эмигранта, М., 1934, стр. 158—179; «Листок», 1863, №№ 5, 7, 8, 9).

...начальник корпуса духовных жандармов — митрополит... — Митрополит новгородский, петербургский и финляндский — Исидор, о котором см. далее в заметке «Козел и осел» и комментарии к ней.

КРАЙНЕ НУЖНО «КОЛОКОЛ» СОБИРАЕТ НЕБОЛЬШОЙ АЛЬМАНАХ...

Печатается по тексту *К*, л. 91 от 1 февраля 1861 г., стр. 768, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 27).

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки («„Колокол“ собирает небольшой альманах», «мы желаем получить имена...»), ее тематикой («скотный двор русских помещиков») и некоторыми особенностями языка и стиля («порода русского барина, в которой соединено так прочно и уютно все рабское татарина и дерзкое немецкого лакея»). Сравнения со «скотным двором» неоднократно использовались Герценом в его произведениях и письмах примерно в том же контексте: «...хотелось бы вытянуть вдоль спины и поперек это закостенелое в розгах и животности дворянство» (в письме к И. С. Аксакову от 1/13 января 1858 г.), «Животное царство не имеет III отделения скотного двора» (т. XVI наст. изд., стр. 123), «Что за скотный двор, в котором Катков боромом, а Леонтьев филологом» (в письме к Н. М. Сатину, октябрь 1862 г.), «...русские немцы, которые, оставшись с нравственным немецким акцентом, предались французской страсти решительных мер, централизаций, просвещающего насилия, исправляющего беззакония и все это с сохранением немецкой *Plumpheit* и русского пахальства. Мы еще займемся их фауной...» (в заметке «Франко-русский союз» — т. XVII наст. изд.) «Мы с злой радостью смотрели на бегущие от нас стада кабанов и баранов, сопровождаемых чириканьем их пернатых товарищей ...смотрели, как их Долгоруков загонял на скотный двор Муравьева...» (в статье «В вечность грядущему 1863 году» — т. XVII наст. изд.), «разношерстное стадо Каткова» (в письме к И. С. Тургеневу от 10 марта 1864 г.), «Хорошо, что Фонвизин заблаговременно успел поставить на сцену свой скотный двор диких помещиков» (в заметке «Наши будущие пэры и наши прошедшие англومانь» — т. XVIII наст. изд.), «выработались силы <...>, которые могут быть иначе употреблены, чем на поддержку и защиту „скотного двора“ и его пастухов» (в статье «К концу года» — т. XVIII наст. изд.).

Имя «почтенного просветителя белгородских девиц» раскрыто в заметке «А. Салтыков» (стр. 115).

ОДЕСНУЮ И ОШУЮ

Печатается по тексту *К*, л. 91 от 1 февраля 1861 г., стр. 768, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (Л XI, 27).

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки, ее тематикой, входящей в круг основных его интересов (общая оценка работы Главного комитета по крестьянскому делу), а также такими специфическими для публицистического стиля Герцена определениями, как: «престарелый вождь финансов Княжевич», «цель — ее в длину занимает Панин». Насмешки над высоким ростом «допотопного» Панина, сравнения его с «камелеопардалом», «головой на шесте» и т. п. постоянно встречаются в статьях Герцена (см. «Словобоязнь», «Харьковская история» — т. XIII наст. изд., «Чрезвычайное прибавление», «Невероятная новость о назначении Панина...», «Слово графа Виктора Панина к депутатам», «Письма из России», «Библиотека» — дочь Сенковского», «О Лу-жине», «Paniciana» — т. XIV наст. изд.). В 1862 г. в заметке «Потери сотрудника» Герцен иронически извещал о «потере одного из самых неутомимых сотрудников наших» — Панина, «доставлявшего нам столько материалов» — т. XVI наст. изд., стр. 266. Близки фразеологии Герцена также заголовок заметки и ее концовка: «Этот с чего?»

⟨ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА⟩

Печатается по тексту *К*, л. 91 от 1 февраля 1861 г., стр. 768, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (Л XI, 28).

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки, написанной от имени Вольной русской типографии в Лондоне. Положенный в основу заметки эпизод был рассказан в «Былом и думах», где Герцен замечал по этому поводу: «...Святейший синод, испугавшись заграничного издания, благословил печатание старого завета на русском языке. Эти обратные победы никогда никем не были поставлены в credit нашего станка» (т. XI наст. изд., стр. 334—335). О «шнетицистических наклонностях императрицы» и покровительстве, оказываемом «светским священномонахам на половине ее величества» Герцен упоминает также в статьях «Богомокрицы и богосаранча» (т. XIV наст. изд., стр. 314) и «Смерть Пиотровского, доносы Филарета, инквизиция на всех парах» (т. XVI наст. изд., стр. 103). Ср. также иронические замечания Герцена о «благочестивейшей императрице», о ее «слабости к православию» на стр. 98 и 140 наст. тома.

В 1860 году лондонский издатель и книгопродавец Н. Трюбнер (содействовавший Герцену в издании и распространении «Колокола»), предпринял издание библии в русском переводе. «Я в переводе библии ни прямо, ни косвенно не участвую, — подчеркивал Герцен в письме к М. А. Маркович от 26 (14) декабря 1859 г.; — это дело Трюбизон, библейского общества и одного доброго, бедного литератора, которого я им рекомендовал. (Перевод, напечатанный под псевдонимом «Вадим», принадлежал В. И. Кельсиеву).

Трюбнеровское издание библии вызвало особый интерес со стороны императрицы Марии Александровны, немки по происхождению, которая ханжески ратовала за насаждение православия и покровительствовала обществам «распространения духовно-правственных книг», «восстановления христианства на Кавказе» и другим.

ДОНОС (РАЗУМЕЕТСЯ ТИМАСHEVУ)

Печатается по тексту *К*, л. 91 от 1 февраля 1861 г., стр. 768, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: *Донос*. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (Л XI, 28).

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки, ироническим обращением к Тимашеву как «графу» (см. выше комментарий к заметке «Тимашев, сидите дома...» — стр. 293), намеком на «почтовое шпионство» Ульриха (о его шпионской службе Герцен писал в заметках «Еще тайная полиция» и «Почтовые, почтенные и иные шпионы» — т. XIV наст. изд., а также в статье «Провинциальные университеты», стр. 23 наст. тома), упоминанием имени Бейста в связи с выдачей австрийских властям гр. Телеки (см. стр. 293—294 наст. тома). Формула «мученик шпионства», характеризующая Бейста в этой заметке, впервые дана была Герценом в «Былом и думах» (т. IX наст. изд., стр. 215).

В газете «С.-Петербургские ведомости» от 6 ноября 1860 г., № 242, в анонимном фельетоне «Петербургская летопись» была рассказана история совращения девушки, служившей в модном магазине. При этом намекалось, что вывеска магазина служила ширмой, прикрывавшей грязные дела некоторых высокопоставленных лиц. Как свидетельствуют записи в дневнике В. Ф. Одоевского от 13 и 22 ноября 1860 г., фельетон этот произвел большой шум, особенно в связи с тем, что товарищ министра юстиции Д. Н. Замятнин счел себя лично задетым фельетонистом и обратился с жалобой на последнего к шефу жандармов В. А. Долгорукову и начальнику главного управления цензуры Е. П. Ковалевскому (ЛН, 22—24, стр. 116—265; об этой же истории см. А. В. Никитенко. Дневник, т. 2, 1955, стр. 163). Имя Е. С. Замятниной, жены товарища министра юстиции Замятнина, названное в заметке, приобретает в связи с этим особенную остроту. В публикации «Светское и духовное образование», напечатанной в К, л. 86 от 1 декабря 1860 г., говорилось о «деятельности» Замятниной на посту начальницы Николаевского сиротского женского института, «получившей это место для поправления промотанного состояния, имеющей в своем содержании супруга, товарища министра юстиции (стр. 714). В редакционных строках к этой публикации сообщалось о получении письма, в котором «говорится тоже о ее услугах государю императору, и как ее оставили портить нравы института...» (т. XIV наст. изд., стр. 388 и комментарий; см. также заметку «Замятнин» — т. XIV).

СТО ПЯТНАДЦАТЬ БЛАГОРОДНЫХ ОФИЦЕРОВ

Печатается по тексту К, л. 92 от 15 февраля 1861 г., стр. 769, где опубликовано впервые, без подписи. В ОК озаглавлено: *Сто пятнадцать офицеров*. Этой заметкой открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

Включено в издание Лемке (Л XI, 31—32).

Заметка идейно-тематически и фразеологически совпадает с другими произведениями Герцена, содержащими оценку передового офицерства. В заметке «Офицерское ёрничество на Тверском бульваре» он писал: «В числе офицеров есть благороднейшая, прекраснейшая молодежь, на которую мы смотрим, как на одну из самых лучших надежд России...» (т. XIV наст. изд., стр. 295). В статье «Vivat Polonia!»: «С бесконечной гордостью видим мы, что мы не ошиблись в уповании нашем на молодых офицеров» (стр. 44 наст. тома); ср. также: «Честь и слава благородным офицерам» (в заключительных строках к публикации «Становой пристав Орловский и ефрейтор Добропас» — т. XIV наст. изд., стр. 384), «Одна надежда — на солдат и на молодых офицеров» — стр. 90 наст. тома, «Честь и слава русской матери и русскому офицеру!» (стр. 128), «...Как проснувшиеся к сознанию офицеры наши геройски умирают!» (в заметке «Арнольдт, Сливичкий и Ростковский» — т. XVI наст. изд., стр. 216),

«...Где образовались эти благородные юноши, офицеры-граждане, офицеры-народ, эти герои Севастополя <...>, эта передовая фаланга земского дела, на которую опирается наше право на надежду, откуда они? <...> Кончим же <...> заздравным кубком в хвалу и славу русских воинов, офицеров и рядовых, понявших свое кровное родство с народом» (в статье «MDCCLXIII», т. XVI) и т. п.

Сопоставление царского правительства с «плющильной машиной» и раньше многократно использовалось Герценом в его произведениях: таковы строки о «гневе свирепого николаевского прессы» (в статье «Синхедрион московских университетских фарисеев», т. XIV наст. изд., стр. 191), о «силах, что выжимал Петербург своим самодержавным прессом» (в статье «Россия и Польша», т. XIV, стр. 54), о «памятых машине» (в статье «Лишние люди и желчевики», т. XIV, стр. 318) и т. п.

Заметка заключается анекдотом о Жерновике, который был приведен Герценом также в его работе «Дилетантизм в науке» (см. т. III наст. изд., стр. 46).

В письме к И. С. Тургеневу от 4 февраля 1861 г. Герцен спрашивал: «...Не знает ли Долг (оружов) или Обручев, были ли в прошлом сентябре или октябре аресты офицеров в Петербурге и преимущественно из аристократов? Все это мне нужно, и очень, заставь богу молить за себя и свечку поставь». Возможно, что этот запрос имел целью получить материалы для будущей заметки «Сто пятнадцать благородных офицеров». Тургенев в письме от 12 и 13 февраля обещал собрать сведения об «арестах офицеров в С.-Петербурге, которые, по-видимому, остались тайной, если они точно происходили» (Письма КТГ, стр. 136).

Вслед за комментируемой заметкой в «Колоколе» был напечатан текст «Приказа главного начальника военно-учебных заведений» от 11 января 1861 г. за подписью генерала-фельдцейхмейстера вел. кн. Михаила и начальника штаба военно-учебных заведений генерала-адъютанта Д. В. Путяты, изданного в связи с событиями в Николаевской инженерной академии в октябре 1860 г. Все слушатели академии, за исключением девяти человек, подали рапорты об отчислении в знак коллективного протеста против угрозы незаконного исключения из академии инженера-подпоручика Лебедева, который принимал самое деятельное участие в подготовке организованного выступления офицеров в защиту подпоручика Никонова, позволившего себе «неуместное объяснение с преподавателем академии». В «Приказе» предлагалось: «Всех офицеров, обучающихся в Николаевской инженерной академии, разделить на три категории: к 1-й отнести офицеров, подавших рапорты об их отчислении по собственному убеждению, при котором они и остались; ко 2-й отнести офицеров, которые хотя также рапорты подали, но впоследствии изъявили о том сожаление и раскаяние; и к 3-й категории отнести офицеров, которые рапортов об отчислении их от академии не подавали». Далее приказ предписывал немедленно исключить из академии офицеров, отнесенных к первой категории, обойдя их чином при очередном производстве на вакансию, а офицеров, подошедших под вторую категорию, подвергнуть трехдневному аресту с содержанием на гауптвахте.

Стр. 28. ...генералу фельдцейхмейстеру с братцем... — Речь идет о великих князьях, братьях Александра II — генерал-фельдцейхмейстере Михаиле Николаевиче, главном начальнике военно-учебных заведений, и Николае Николаевиче, члене Государственного совета с 1855 г. ...под редакцией Тотлебена с Милотиньм Первые-то двое могли бы лучше писать, а главное — лучше думать. — Э. И. Тотлебен и Д. А. Милотин были известны Герцену как представители передовой части русского офицерства.

СЕНАТСКИЕ АРЕСТАНТСКИЕ РОТЫ (ОСУЖДЕННЫЙ ПЕРЕВЕРЗЕВ)

Печатается по тексту *К*, л. 92 от 15 февраля 1861 г., стр. 776, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: *Сенатские арестантские роты*. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 32—33).

Авторство Герцена определяется характерной для его заметок остро иронической трактовкой фактического материала, попутными ударами по таким обычным для него объектам, как Княжевич, который «все терпит и все любит», Панин, «сосредоточивший все внимание на уменьшение земли крестьянам», Тимашев с его «застенками», Топильский, фамильярно именуемый «Михайлом Ивановичем», «Каваньяк-Смирнов». Типичны для стиля Герцена иронические строки заметки: «Когда человек, который может послать своего ближнего не только на каторгу, но к Тимашеву в застенки, *просит*, как-то неделекатно отказать» (ср. смысловое и стилистическое совпадение с ними в следующей фразе «Личного объяснения» Герцена: «...Просьба губернатора для человека, состоящего под надзором, всегда убедительна» — т. XVI наст. изд., стр. 119), а также каламбурные противопоставления типа «смирительный дом» и «смирный сенат» (ср. в заметке «Закревский бунтует!»: «В отставку старого лакея, в странноприимный дом, в сенат...» — т. XIII наст. изд., стр. 194), наконец, самый заголовок статьи (ср. в заметке «Правда ли?» строки о «странноприимном и правительствующем сенате» — т. XIII наст. изд., стр. 20; в статье «1 июля 1858»: «Что касается до поддельной служилой олигархии <...> до этого смирительного дома, до этих арестантских рот николаевских питомцев...» — т. XIII, стр. 294—295).

Внимание Герцена к отставке Ф. Л. Переверзева не случайно. Как один из видных представителей старой николаевской бюрократии, многолетний член совета министра внутренних дел, а затем директор департамента разных податей и сборов министерства финансов, Переверзев и в первые годы нового царствования пользовался большим влиянием в реакционных кругах. В 1859 г. на страницах «Колокола» была опубликована статья «Федор Переверзев — вития рабства» (л. 52 от 15 сентября 1859 г., стр. 428—430). В этой статье вышучивалась апологетическая записка Переверзева об основах крепостного строя, в которой он протестовал против «преступной идеи о необходимости дарования крестьянам свободы». Имя Переверзева упоминалось в том же году в статье «Финансовые меры à la Ванька Каин», в связи с конфиденциальным циркуляром министерства финансов «Об отстранении стеснений продажи водок откупщикам по вольным ценам» (*К*, л. 55 от 1 ноября 1859 г., стр. 454—455). О Переверзеве, обязанном своей карьерой родству с графиней Клейнмихель, см. также в статье кн. П. В. Долгорукова «О том, что происходит в министерстве финансов» («Будущность» от 18 марта 1861 г., № 9, стр. 71—72).

Стр. 30. ...*усмиритель нарских крестьян Каваньяк-Смирнов* (см. «*Кол.*», л. 91)...—О нем см. стр. 225 наст. тома.

КОЗЕЛ И ОСЕЛ

Печатается по тексту *К*, л. 92 от 15 февраля 1861 г., стр. 776, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 33).

Авторство Герцена определяется идейно-тематической и стилистической близостью заметки к другим его высказываниям о «козле, назначенном митрополитом» «школоборце» Исидоре и о «крестовом походе» митрополита Григория «против журнальных картинок» (об этом см. ниже). Об Исидоре как «начальнике корпуса духовных жандармов», притеснявшем воскресные школы, Герцен писал в заметке «Злодейство Долгорукова» — стр. 25 наст. тома, а также упоминал в заметке «Слух о заговоре против императора австрийского и эрцгерцогини Софии» и в статье «Ископаемый епископ, допотопное правительство и обманутый народ» — стр. 96 и 133—134; см. также о нем в заметках «Инквизитор В. Аскоченский и его жертва» и «Профессор П. В. Павлов и Тимашевка» — стр. 117 и 248. О генерал-адъютанте Ржевуском см. в статье Герцена «Генералы от цензуры и Виктор Гюго на батарее Сальванди» — т. XIV наст. изд.

Стр. 31. ...Григория, прославившегося своим крестовым походом против журнальных картинок... — О требовании митрополита Григория запретить ношение платьев, украшенных вместо обыкновенных женских уборов — крестами, как это было представлено на картинке парижских мод при журнале «Сын отечества» в 1858 г., см. заметку Герцена «О усердному, о пастырю благоревностному!» (т. XIII наст. изд., стр. 347).

КЛОПОВНИК (НЕ РАСТИТЕЛЬНОГО ЦАРСТВА, А ЦАРСТВА РУССКОЙ ПОЛИТИКИ)

Печатается по тексту *К*, л. 92 от 15 февраля 1861 г., стр. 776, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: *Клоповник*. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 33—34).

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки, общностью стилистических черт и близостью ее материала другим его высказываниям о тех же объектах. Ироническое упоминание имен «почтенной матроны Марии Бредау» и ее покровителя полицмейстера Сечинского находится в прямой связи с продолжительной кампанией, которую вел Герцен с 1858 г. на страницах «Колокола» против московских полицейских властей, постоянно подчеркивая единство «публичных и частных домов» и рассматривая содержательницу публичного дома Бредау как собирательный образ и представительницу тех слоев общества, которые являлись «опорой престола».

Характерно для Герцена сопоставление «царства русской полиции» и «растительного царства». О «полицейских царства животного» упоминается также в заметке Герцена «Ей-богу, надоело» (см. т. XVI наст. изд., стр. 241). По явной ассоциации с московским полицейским клоповником («яма») Герцен назвал в заметке «Инквизитор В. Аскоченский и его жертва» «клоповником православия» журнал мракобеса Аскоченского «Домашняя беседа» (стр. 117 наст. тома). Об «игнатьевских масках» Герцен писал в заметках «Полицейские маскарады Игнатьева», «Игнатьевские маски» и др. (т. XIV наст. изд.); см. также в наст. томе—«Игнатьев заказывает бунт» (стр. 101). Заметка особенно тесно связана со статьей Герцена «Исправительные письма!» (см. далее, стр. 57—58).

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:

Стр. 32, строки 4—5: Андроклова вместо: Андроникова

Стр. 31. ...воротиться к игнатьевским маскам... — По приказу петербургского военного генерал-губернатора П. Н. Игнатьева были

введены особые шапки-kozyрьки для арестованных, закрывавшие верхнюю часть их лица от взглядов прохожих (во время пересылки арестанта из одной тюрьмы в другую). Об этом Герцен писал ранее в заметках «Полицейские маскарады Игнатьева» и «Игнатьевские маски» (см. т. XIV).

Стр. 32. ...чувств львов в пещере Даниила... — Даниил, один из четырех «великих пророков» израильского народа, плененный Навуходоносором в 605 г. до н. э. при взятии Иерусалима, по библейскому преданию, был брошен в пещеру ко львам, но звери его не тронули.

...чувств благодарности Андрокла льва. — Имеется в виду легенда о беглом римском рабе Андрокле, который, встретив в Ливийской пустыне хромящего льва и выгув из лапы занозу, избавил его от страданий. Лев навсегда сохранил к нему чувство преданности, и когда впоследствии их судьба свела на арене римского цирка, куда Андрокл был брошен на растерзание диким зверям, лев узнал своего спасителя, стал ласкаться и мирно улегся у его ног.

...погребальный звон колокола об несчастной девушке, замученной им из дружбы к почтенной матроне Марии Бредау. — Об истязаниях Анны Янсон, попавшей в публичный дом Марии Бредау, ее смерти в тюрьме, куда она была заключена незаконно, и ответственности в этом деле московского полицмейстера И. И. Сечинского см. в статьях Герцена «Под спудом», «Польза от гласности» (т. XIII наст. изд.) и публикацию «Дело полицмейстера г. подполковника Сечинского», в которой были напечатаны «Записки из дела умершей либавской мещанки Анны Янсон» (К, л. 13 от 15 апреля 1858 г., стр. 104—107).

НАКАНУНЕ;

Печатается по тексту К, л. 93 от 1 марта 1861 г., стр. 777, где опубликовано впервые, за подписью: И — р. Этой статьей открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

Упомятая в статье имена «изменников народа» Гагарина и Муравьева, Герцен, возможно, учитывал сведения, содержащиеся в письме И. С. Тургенева к нему от <13?> февраля 1861 г.: «Имею также сообщить тебе самым достоверным образом, что указ об эманципации выйдет скоро; никаким другим слухам не верь; главные противники указа, — кто бы ты думал? (не говорю о Гагарине, это само собою разумеется) — Муравьев, Княжевич и кн. А. М. Горчаков!» (Письма КТГ, стр. 137).

Стр. 33. Если б можно было еще раз сказать «Ты победил, галилеянин!»... — Эти слова были сказаны Герценом по адресу Александра II впервые в статье «Через три года» (т. XIII наст. изд., стр. 195 и 197); см. также комментарий к заметке «Панихида в Петербурге», стр. 325.

...в день смерти Николая похоронят и Петровскую эпоху. — Николай I умер 18 февраля 1855 г. В шестую годовщину его смерти ожидалось обнародование манифеста об освобождении крестьян от крепостной зависимости. Под «петровской эпохой» Герцен разумел «петербургский период» русской истории, когда «все умственное и политическое движение сосредоточилось лишь в дворянстве. За исключением пугачевского эпизода и пробуждения народа в 1812 году, история России — не что иное, как история русского правительства и русского дворянства» («О развитии революционных идей в России» — т. VII наст. изд., стр. 175).

... оппозиции инвалидов. — Помещичью оппозицию в Главном комитете по крестьянскому делу возглавляли П. П. Гагарин, М. Н. Муравьев, А. С. Меншиков, С. Г. Строганов.

Стр. 34. ...язванский губернатор Муравьев ∞ сквернейших губернаторов» (стр. 265)... — Герцен ссылается на выпешдшую анонимно

в Берлине книгу «Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II (т. II, Берлин, 1861 г.), в которой на указанной странице говорится о губернаторе Муравьеве, сыне министра государственных имуществ. Об откликах Герцена на эту книгу см. в заметке «Вторая часть „Сборника материалов о деле освобождения крестьян...“» (стр. 226) и комментарий к ней (стр. 424).

...а кто такое Гагарин ∞ знают читатели «Колокола» (лист 35). — Герцен имеет в виду напечатанную в «Колоколе» анонимную статью «Проект князя Гагарина». Основные положения этого грабительского проекта сводились к тому, что при освобождении крестьян «вся земля остается за помещиками», сохраняющими за собой также права на половину стоимости каждого крестьянского жилища, как «устроенного из материалов, принадлежащих помещикам» (К, 1 февраля 1859 г., стр. 285—287). Герцен ошибочно приписывает автора «Проекта» (И. В. Гагарина) за сына кн. П. П. Гагарина.

ПОСЛЕДНЕЕ УБЕЖИЩЕ ИЗГНАННИКОВ ЗАКРЫТО

Печатается по тексту К, л. 93 от 1 марта 1861 г., стр. 784, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду Dubia (Л XI, 38).

Авторство Герцена определяется близостью идейно-тематического содержания заметки его обычным интересам: разоблачение «смертного греха» дружбы России с Австрией, «позора австрийского союза», «самодержавной дерзости татаро-австрийской дипломатии», «пошлого сближения» «кейсера петербургского с кейсером австрийским» и «невских немцев с венскими» (см. об этом в ряде произведений Герцена: «Россия защищает линию Минчио!», «Последний удар!», «Сербы и черногорцы», «Самодержавная демонстрация», «Es reiter drei Reiter» — т. XIV наст. изд.). В пользу авторства Герцена свидетельствует также использование материала из «Гаймса» (обзор иностранной прессы в «Колоколе» обыкновенно делался Герценом). Характерны для Герцена и некоторые особенности стиля: общий памфлетно-сатирический строй всей заметки, конструкция «евнух при императорском серале юстиции» (см. в заметке Герцена «Цензура усиливается» аналогическое словосочетание: «...Каждое министерство представит своего евнуха к литературному сералу» — т. XIII наст. изд., стр. 255), ироническая реплика «Ха! Ха! Ха!» (ср. ее употребление в той же стилистической функции в других произведениях Герцена — например, т. XIV, стр. 246, 248, 303, 307; т. XVII — «Наглое злоупотребление полицейского слова», «„Колокол“ и „День“», наконец, саркастический тон заключительных фраз: «Да полноте высебя дурачить перед всем светом! Ну какой же идиот...» и прочее.

Стр. 35. У э-жи Замятниной ∞ есть муж, исправляющий должность великана ∞ юстиции. — О Д. Н. Замятнине, товарище министра юстиции, которым был в это время «великан» В. Н. Панин (см. о нем комментарий к заметке «Одесную и ошую», стр. 305), упоминается также в статьях «Удоборуководимый Панин, Топильский и Замятнин» (т. XIII наст. изд.), «Замятнин», «Светское и духовное воспитание» (т. XIV наст. изд.). Замятнин являлся также членом совета петербургского Патриотического женского института. О Е. С. Замятниной см. в комментарии к заметке «Донос (разумеется Тимашеву)», стр. 306.

«Сенатские ведомости» обнародовали закон о наказании государственных преступников. — 16 июня 1858 г. Государственный совет постановил дополнить «Уложение о наказаниях» статьями о государствен-

ных преступлений «против иностранного государства, с которым на основании трактатов или обнародованных о том узаконений постановлена надлежащая в сем отношении обоюдная взаимность». Виновные должны были караться лишением всех особенных прав и преимуществ и ссылкой в Томскую или Tobольскую губернии, а лица, не освобожденные от телесных наказаний, кроме того, розгами и отдачей в «исправительные арстантские роты гражданского ведомства» на срок от одного года до четырех лет. Это решение было утверждено сенатом 3 декабря 1860 г., подписано царем 2 января 1861 г. и 24 января 1861 г. опубликовано в «СПб. сенатских ведомостях» (№ 7) в разделе «Указы его императорского величества». В информации об этом в лондонском «Times» от 16 февраля 1861 г. допущены были большие неточности, причем не было сказано о применении телесных наказаний. Узнав об этом, Герцен откликнулся на новый закон заметкой «Розги и плети, употребляемые международно» (стр. 61).

Неаполитанскому королю, папе хорошо — у них есть Бавария...— После того, как 21 октября 1860 г. Королевство обеих Сицилий официально присоединилось к Сардинии, неаполитанский король Франциск II укрылся в Гаэте (куда также бежал во время революции 1848 г. римский папа Пий IX), а затем, когда 13 февраля 1861 г. капитулировала и Гаэта, он искал убежища в Риме, у папы. Но владения последнего также оказались под угрозой. 25 февраля 1861 г. в «L'Indépendance Belge» появилось сообщение о предстоящей поездке Франциска II (вместе с королевой Марией, которая была баварской принцессой) в Баварию. В 1861 г. европейская пресса была заполнена сообщениями об этом.

«Супругу и семью оплакав избивающу...»— Сатирические строки об эмигранте Théophile Henri, vicomte de Blanguy, подразумевают эпизод из рассказа И. С. Тургенева «Льгов», где говорится о посещении рассказчиком сельского кладбища, о могиле «французского подданного, графа Бланжия» и приводится текст эпитафии, часть которой цитирует Герцен.

... *La Russie rouge* — Заглавие книги кн. А. В. Трубецкого.

СЛУХ О ЗАГОВОРЕ ПРОТИВ ИМПЕРАТОРА АВСТРИЙСКОГО И ЭРЦГЕРЦОГИНИ СОФИИ

Печатается по тексту *K*, л. 93 от 1 марта 1861 г., стр. 784, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: *Заговор против имп. австрийского*. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 39).

Авторство Герцена определяется непосредственной связью настоящей заметки с предыдущей (см. «Последнее убежище изгнанников закрыто»): она является ее продолжением и логическим развитием. В ней дано сатирически-памфлетное переосмысление «конвенции между Россией и Австрией о наказаниях государственных преступников», причем в качестве участников «заговора» называются в ней лица, служившие объектами постоянных обличений в «Колоколе» и произведениях Герцена. Характерны для стиля Герцена контрастирующие фразеологизмы — «теоретический плантатор» и «практический плантатор», ироническая ссылка на Орлова, который «размягчил себе мозг» (ср. неоднократное обыгрывание этой мотивировки в сатирической функции в ряде произведений и письмах Герцена: «Материалы для некролога Авраамия Сергеевича Норова» — т. XIII наст. изд., стр. 270, «Слово графа Виктора Панина к депутатам» — т. XIV наст. изд., стр. 254, письмо к П. В. Долгорукову от 12 апреля 1860 г.; см. также «Орлы, львы и генерал-бас жандармского корпуса» — наст. том, стр. 62) и строки о «цезарском графстве» управляющего III отделением Тимашева (об этом см. в комментарии к заметке «Тимашев, сидите дома, как Бейст, не ездите, как Гейнау!» — стр. 293).

Стр. 36. ...матери его Софии. — В австрийской империи после подавления революции 1848—1849 гг. начался разгул реакции, вдохловительницей которой была эрцгерцогиня София. Эта властная женщина, фанатическая поборница католицизма, сыгравшая большую роль в отречении слабоумного австрийского императора Фердинанда I в пользу ее сына Франца-Иосифа, пользовалась влиянием и в начале 60-х годов. О фанатическом изуверстве эрцгерцогини и ее участии в обыске у одной крестьянки в Ишле рассказывается, со слов А. О. Смирновой, в дневниковой записи В. Ф. Одоевского от 17 мая 1860 г. (см. *ЛН*, т. 22—24, стр. 108—109). «Зловещая династия Габсбургов, — писал Герцен в 1859 г. в статье «Война и мир», — является какой-то карой людям за их стремление к независимости, она постоянно противодействует всему человеческому — старым вольностям и новой свободе; постоянно усмиряет, подавляет, морит» (т. XIV наст. изд., стр. 103).

Заговор этот составлен Бутковым... — Герцен подчеркивает связь статс-секретаря В. П. Буткова, руководившего с 3 января 1857 г. производством всех дел Особого комитета по подготовке крестьянской реформы, с самыми реакционными кругами крепостнической общественности (Муравьев Вешатель, кн. П. П. Гагарин, В. Ф. Адлерберг и др.) и с III отделением. О деятельности Буткова как осведомителя III отделения см. в его письмах из-за границы в 1861 г. к шефу жандармов кн. В. А. Долгорукому (*ЛН*, т. 63, стр. 306—310).

...Орлова, который для этого размягчил мозг и сложил с себя все должности. — Рескрипт Александра II от 8 января 1861 г. на имя кн. А. Ф. Орлова об увольнении «по его прошению» от всех занимаемых им должностей «по совершенно расстроенному здоровью» с оставлением в звании генерал-адъютанта был опубликован в «Русском инвалиде» 10 января 1861 г., № 7, стр. 26. «Размягчение мозга» было наследственным в династии Габсбургов (им поражены были император Франц I и Фердинанд II), чем и мотивировал Герцен в своем политическом гротеске фантастическую кандидатуру именно кн. Орлова на австрийский престол. Ср. памфлетную статью кн. П. В. Долгорукова, посвященную отставке кн. Орлова, — «Рескрипт князю Алексею Федоровичу Орлову, или официальные туры на колесах» — в журнале «Будущность» от 28 февраля 1861 г., № 8, стр. 61—63.

ДОНОС НА «МОРСКОЙ СБОРНИК»

Печатается по тексту К, л. 93 от 1 марта 1861 г., стр. 784—785, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В ОК озаглавлено: *Донос «СПб. ведомостей» на «Морской сборник»*. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 39).

Заметка идейно-тематически связана со всеми другими выступлениями Герцена в «Колоколе» за отмену телесных наказаний на флоте (см. выше — «Собственное сознание о взрыве „Пластуна“» и комментарий), против официозности «статских и партикулярных» изданий, в частности, против беспринципности А. А. Краевского как издателя «СПб. ведомостей». Строки о Краевском в статье Герцена «Религиозное значение „СПб. ведомостей“», близки тому совету, который дается ему же в комментируемой заметке: «Разве издатель „СПб. ведомостей“ не знает, что, если он сидит дворником при современности с метлой в руках, то это для того, чтоб отгонять грязь и сор, а не загонять их в „ледактурскую“ яму» (т. XIV наст. изд., стр. 283). Ироническое замечание о Краевском, помещавшем в своей газете «статьи, не согласные с его чувствительным сердцем и образованным умом» см. также в заметке Герцена «По поводу крепких слов г. Каткова и слабостей генерала Потапова» (т. XVI наст. изд., стр. 232). Попутное использование имен Греча-Булгарина как типических предста-

вителей продажной журналистики, связанной с III отделением, так же характерно для Герцена (ср. «Фанатик паспортов» — т. XIII наст. изд., стр. 288—289, «Генералы от цензуры и Виктор Гюго на батарее Сальванди» — т. XIV наст. изд., стр. 66. «Very dangerous!!!» — стр. 121, «Религиозное значение „СПб. ведомостей“» — стр. 281, «Былое и думы», гл. XXX — т. XI наст. изд., стр. 164). О «следствии по делу „Пластуна“ и «круженштерновых побоях, сечениях, истязаниях», упоминаемых в заметке, писал Герцен в заметках «Русские матросы в Виллафранке», «Константин Николаевич за линьки» (см. т. XIV наст. изд.) и «Собственное создание о взрыве „Пластуна“» (см. выше). Строки заметки о посещении «лондонских доков, когда бывают русские пароходы», подтверждаются известными фактами биографии Герцена, отраженными в его письмах и произведениях. В письме к М. К. Рейхель от 29 августа 1859 г. он замечал: «В Рейде я видел Конст(антина) Никол(аевича) в спину»; рассказ о встрече с капитаном и офицерами парохода, остановавшегося в лондонских доках, и о телесных наказаниях, применявшихся на этом пароходе, см. также в «Былом и думам», гл. «Апогей и перигей» (т. XI наст. изд., стр. 306—309).

На авторство Герцена указывают также ряд стилистических признаков. Таково каламбурное построение фразы: «Поползновение это не *выкидывать* такого рода статей, а их *доносить*...». Использование глагола *доносить* одновременно в тех же двух значениях встречается, например, в заметке Герцена «Русская музыка в Лондоне»: «...надобно в себе *доносить* искусство до совершенства, а не делать несовершенные доносы...» (т. XIV, стр. 292). Специфическим для речевой практики Герцена является употребление слова «втеснить» в выражении «втесняемую статью» (ср.: «втеснил бы свою личную волю» — в статье «1 июля 1858», т. XIII, стр. 294; «втеснявший католикам православие» — в заметке «Новости из России», т. XIV наст. изд., стр. 273; «втесняющих ему <народу> его <...> права» — в статье «Мясо освобождения» т. XVI наст. изд., стр. 87; «втеснять человеку поневоле <...> солидарность в преступлениях» — в статье «Протест», т. XVII наст. изд.; «ей <Финляндии>, против ее воли, втеснять благоденствия полиции...» — в статье «„Колокол“ и „День“», т. XVII наст. изд.; «поп втеснил его праху отпевание» — в «Былом и думам», гл. «Роберт Оуэн», т. XI наст. изд., стр. 211).

Строки о «нового рода скопцах» соотносятся с замечанием Герцена в статье «Накануне»: «Тяжела будет могила этим седым скопцам...» (стр. 33). Свойственный стилю Герцена определения «соленый Тимашев», «морской Липранди», «сухопутный редактор», а также взволнованность прямой авторской речи в заключительных строках заметки: «И это печатается после следствия <...>, после круженштерновых побоев <...>, после того, что мы видели, краснея <...> Кого обманывают?» и т. п.

Стр. 37. ...редактор ∞ «С.-Петербургских ведомостей», поместивший донос... — Имеются в виду «Заметки против программы „Морского сборника“, напечатанные анонимно в газете А. А. Краевского «СПб. ведомости» от 20 января 1861 г., № 16. Эти «Заметки» были подвергнуты критике в ответе редакции «Морского сборника» на заметку против программы этого журнала, напечатанном в «С.-Петербургских ведомостях» от 29 января 1861 г., № 24.

...без знаменитого с о о б щ е н о. — С такой отметкой в газетах печатались информационные материалы, присылаемые из правительственных учреждений.

...один московский издатель решительно отказался поместить втесняемую ему статью... — Имеется в виду издатель «Русского вестника» М. Н. Катков, отклонивший в 1858 г. печатание в своем журнале статьи, составленной в канцелярии обер-прокурора Синода А. П. Толстого.

(Статья эта должна была сгладить неблагоприятное впечатление, произведенное на православное греческое духовенство враждебной ему статьей Х. Даскалова «Турецкие дела», напечатанной в № 6 и 9 «Русского вестника»). Эту статью, по предложению министра народного просвещения Е. П. Ковалевского, препроводил 18 июля 1858 г. издателю «Русского вестника» Московский цензурный комитет (Н. Б а р с у к о в. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 16. СПб., 1902, стр. 265).

ФРЕГАТ «ГЕНЕРАЛ-АДМИРАЛ» И ШВАБРА

Печатается по тексту *К*, л. 93 от 1 марта 1861 г., стр. 785, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание Лемке (*Л* XI, 40) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из записки наборщика, хранящейся в архиве семьи Герцена» (*Л* XI, 463). Нынешнее местонахождение «записки» неизвестно.

Заметка имеет общий редакционный характер, связана со всеми другими выступлениями Герцена в «Колоколе» за отмену телесных наказаний вообще и на флоте в особенности (см. выше комментарий к публикации «Собственное сознание о взрыве „Пластуна“») и содержит прямые отсылки к заметкам Герцена «Русские матросы в Виллафранке», «Константин Николаевич за линьки», «Собственное сознание о взрыве „Пластуна“» (см. ниже в реальном комментарии). О письме с обещанием прислать «лист подписей офицеров и гардемарин», о котором говорится в заметке, рассказывает Герцен на страницах «Былого и дум», вспоминая «забавную переписку с частью офицеров „Великого адмирала“»: «Мы поместили как-то в „Колоколе“ несколько слов об этом <об истязаниях на корабле>. Вдруг получаем из Пирея ответ от имени большинства офицеров, что это неправда...от имени, но без имени. И как писанное письмо было без подписи, оттого мы и не поместили десятой доли того, что в нем было, — помещенную же нами часть мы знали от десяти других офицеров. Поэтому мы коллективного письма не напечатали» (т. XI наст. изд., стр. 305—306). Упоминутые в заметке *детские* розги для женщин, предложенные некогда кн. Черкасским (см. об этом ниже), не раз служили Герцену в «Колоколе» и в его письмах предметом насмешек и возмущения (см. в заметке «Мы всегда думали» строки о «модели *детских* розог, которыми <...> князь хотел сечь *взрослых* женщин» — т. XIV наст. изд., стр. 23; в «Письмах из России» о «секолюбивом князе» и его «мономании» розгосечения — стр. 259; в заметке «Кн. Черкасский назначен министром...» о его «шалостях о детских розгах» — т. XVIII наст. изд.; в заметке «Мазурка» о «*детских розгах* черкасского изобретения» — т. XIX наст. изд.; в письме к И. С. Аксакову от 17 июня 1859 г.: «А зачем он <Черкасский> дошалился до детских розог?» и в письме от 28 апреля 1860 г.: «Что же это Черкасский-то возится с розгами?»).

О письмах в редакцию «Колокола» в связи с сообщением «Колокола» о телесных наказаниях на фрегате «Генерал-адмирал» см. в наст. томе заметки «Еще о Шестакове и кротости его», «Лесовский здравствует» в т. XVI — «Еще о „Генерал-адмирале“».

С т р. 39. ...сведения, доставленные нам о том, что на фрегате «Генерал-адмирал» «секли гардемарина и матросам затыкали рты швабрами» («*Кол.*», № 87—88). — В заметке «Константин Николаевич за линьки» (*К*, л. 87—88 от 15 декабря 1860 г.) говорилось: «...Некоторые подробности о капитане 1 ранга *Шестакове*, о наказаниях на „Генерал-адмирале“ мы надеемся в скором времени передать нашим читателям. Они узнают чудеса — о том, как матросам *затыкают рты шваброй с навозом*, как секут гардемарин...» (т. XIV наст. изд., стр. 347).

...о злодействах, бывших на «Пластуне», мы прочли потом в «Морском сборнике»... — См. выше заметку «Собственное сознание о взрыве „Пластун-на“» и комментарий к ней.

Когда мы получили в первый раз письмо о неистовых и бесчеловечных наказаниях Крузенштерна, мы приоткрылись и не напечатали его фамилию. — Герцен имеет в виду заметку «Русские матросы в Виллафранке» (К, л. 73—74 от 15 июня 1860 г.), где было напечатано: «Правда ли, что один русский немец не только наказывает линьками и собственным фамильным перстнем, но открыто говорит, что с этой бестией русским солдатом нельзя иначе обходиться?» (т. XIV наст. изд., стр. 286). Имя Крузенштерна названо было впервые в примечании к заметке «Музыка Олафа» (К, л. 77—78 от 1 августа 1860 г.), а затем в заметке «Крузенштерн, Нолькин, плухи, линьки, обезьяна и Анкудинов» (К, л. 86 от 1 декабря 1860 г.). Ср. о нем же в заметке «Константин Николаевич за линьки» (т. XIV наст. изд.).

...сечь женщин (даже детей и розгами). — Намек на нашу шумевшую в свое время статью кн. В. А. Черкасского «Некоторые общие черты будущего сельского управления», в которой автором предлагалось не лишать помещиков права подвергать крестьян телесному наказанию. Кн. Черкасский рекомендовал наказывать малолетних, не достигших 14 лет, и женщин — «детскими розгами» («Сельское благоустройство», 1858, № 7, стр. 261).

ХАРЬКОВСКИМ СТУДЕНТАМ

Печатается по тексту К, л. 93 от 1 марта 1861 г., стр. 785, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен. Включено в издание Лемке (Л XI, 41).

Заметка имеет редакционный характер и непосредственно связана, как это отмечается в ее вступительных строках, со статьей Герцена «Провинциальные университеты» (см. выше в наст. томе). Заявленная в заметке «вера в великую роль», открывающуюся для провинциальных университетов, высказана была ранее Герценом в статье «Лишние люди и желчевики», где говорилось об учащейся молодежи «дальних университетов», «с непочатыми силами и крепкими мышцами», «краже, который кротко простится с нами и пойдет своей широкой дорогой» (т. XIV наст. изд., стр. 322). О значении передовой университетской молодежи см. также в статье Герцена «Третья кровь!» (стр. 185 наст. тома). Отдельным позорным случаем «ёрничества» в студенческой среде, подобным описанному в данной заметке, Герцен посвятил ранее статью «Изобличитель» (т. XIV наст. изд.), в которой тоже говорил о недостаточности келейных обличений «загрязнившихся» студентов и о необходимости, минуя университетское начальство, организовывать общественные студенческие суды.

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:

Стр. 41, строка 9: не согласно вместо: не согласна

Стр. 41. ...история ∞ рассказанная в 23 № «Северной пчелы»... — В корреспонденции «Печальный случай в харьковском благородном собрании», опубликованной в «Северной пчеле» 25 января 1861 г., рассказывалось, что на новогоднем маскараде в дворянском собрании появилась девушка в маске и мужском костюме. Будучи якобы оскорблена студентом-медиком Страховым, девушка дала ему пощечину. Товарищи Страхова, считавшие, что он пострадал незаслуженно, окружили девушку и сорвали с нее маску. Дальнейшая полемика, завязавшаяся в связи с этой историей на страницах «Северной пчелы», показала, что Страхов

действительно ни в чем виноват не был. В № 55 «Северной пчелы» от 13 февраля 1861 г. появилось сообщение о смерти Страхова, вызванной тяжелым потрясением после этой истории; см. также в газете «Русский инвалид» от 8 февраля № 31 и от 21 февраля 1861 г., № 42. И. С. Тургенев об этом сообщил Герцену в письме от 9 марта 1861 г.: «А представь, харьковский студент Страхов не выдержал и умер» (*Письма КТГ*, стр. 138).

САЛИЧЕСКИЙ ЗАКОН В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Печатается по тексту *К*, л. 93 от 1 марта 1861 г., стр. 786, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется тематикой заметки, близкой кругу его интересов (Московский университет, вопросы женской эмансипации), и некоторыми характерными особенностями ее стиля и языка. Вспоминая, как «около 1860 года» русские девушки начали заполнять «академические аудитории» и «анатомические залы», Герцен с негодованием отмечал в фрагменте из «Былого и дум» — «*Mœurs russes. Les fleurs doubles et les fleurs de Minerve*» — то противодействие, которое оказано было пионерам высшего женского образования реакционными представителями государственного аппарата, пытавшимися применить «салический закон к университетам и к науке» — «*la loi salique aux Universités et à la science*» (т. XI наст. изд., стр. 551—553. В силу одной из статей закона «об аллодах» феодальной «Салической правды» женщины не имели права на наследование земельных владений и на престол). Типичны для публицистического стиля Герцена и строки заметки о «храбром попечителе и храбром ректоре», «вооруженных по званию страшными оружиеми военного членовредительства и мирной хирургии». Эти иронические намеки имели в виду, с одной стороны, воинское звание попечителя Исакова (генерал-майор) и научную специальность ректора Альфонского (хирургия) — с другой.

Некоторые фактические уточнения к этой заметке вносит «Позднее, но существенное дополнение» (см. стр. 142 наст. тома).

ЦЕНЗУРНЫЕ ЗУАВЫ

Печатается по тексту *К*, л. 93 от 1 марта 1861 г., стр. 786, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание Лемке (*Л* XI, 42) со следующей справкой: «Сверено с подлинником, хранящимся в архиве семьи Герцена» (*Л* XI, 463). В публикации Лемке имеются разночтения с текстом *К*:

Стр. 42, строка 12: Помогают вместо: помогает

Стр. 42, строка 14: Варадинов вместо: Вародин

В настоящем издании в текст внесено исправление:

Стр. 42, строка 14: Варадинов вместо: Вародин

Об одном из проявлений «цензурного неистовства» члена Главного управления цензуры барона Ф. А. Бюлера Герцен упоминает в заметке «Духовные и светские доносы, цензороквизиция литературы, рачители и попечители»: «муж прозвища лютеранского барон *Бюлер*, паки ревнуя о самодержавии, отдал под начало „Экономический указатель“» (стр. 98 наст. тома).

В статье «Русские немцы и немецкие русские» Герцен, имея в виду религиозный фанатизм, воинственность и жестокость зуавов, характеризовал их как «зуавов св. Петра» (т. XIV, стр. 185).

ДУХУ НЕДОСТАЛО!

Печатается по тексту *К*, л. 94 от 15 марта 1861 г., стр. 789, где опубликовано впервые, с подписью: *И — р.* Этой статьей открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

В ожидании объявления манифеста об освобождении крестьян Герцен писал И. С. Тургеневу 7 марта 1861 г.: «Ты понимаешь, саго шю, что эти дни — не жизнь, а судорожное переживание себя... Прочитав вечернюю газету, я мечтаю, что завтра в 9 будет „Таймс“. Это — наше время, наше последнее время, эпилог <...>. Слышу о ваших раутах с князьями, боярами и воеводами; слышу о том дружественном беседстве о предметах важных с Чичериным и пр. А ведь хороши вы все, таскающиеся в Европе для ради прохладения, когда долг, разум, сердце <...> заставляют быть в России». На это Тургенев отвечал 9 марта: «Прежде всего должен тебе сказать, что ты ужасный человек. Охота же тебе поворачивать нож в ране! Что же мне делать, коли у меня дочь, которую я должен выдавать замуж и потому поневоле сижу в Париже? Все мои помыслы, весь я в России» (*Письма КТГ*, стр. 137). В письме Герцена от 12 марта повторены упреки «русским туристам» и Тургеневу, а также содержатся строки, уточняющие дату написания настоящей статьи: «Ты меня, действительно, огорчил, приняв как-то дурно естественный упрек, особенно естественный человеку, не имеющему возможности ехать и завидующему вам. Я писал в „Кол(окол)“ статью вместе с письмом к тебе. В статье я упрекнул русских туристов, а в письме — тебя. Только, саго шю, жги меня, режь меня, но твой резон резона не имеет: будто, на два месяца ты не мог бы отлучиться? Мы все не привыкли жертвовать общему — that is the question <...> Пришли мне, если есть, новости, — все ждут к 18. Я одурел от беспокойного ожидания и от досады, что не могу ехать».

О других откликах Герцена на объявление манифеста см. далее, стр. 50 и 52, а также письма Герцена к М. К. Рейхель от 16 февраля и к сыну от 24 февраля 1861 г.

Стр. 43. *Отложили!.. Зачем?* — Манифест был подписан Александром II 19 февраля (2 марта), но лишь 2 (14) марта объявлен сенату и 5 (17) марта обнародован в Петербурге и Москве; опубликован в «Северной пчеле» 6 марта (№ 51) и в «Русском инвалиде» 7 марта 1861 г. (№ 52). О причинах задержки обнародования манифеста см. в комментарии к заметке «Плуг уступает эксельбанту», стр. 321.

...потерянный вдали ведет... — Сторожевой пост.

Англичане свдили ватагами взглянуть на Гарибальди, на свободный Неаполь... — В 1860 г. отряд Гарибальди, поддержанный народом, разбил войска Франциска II и освободил Неаполитанское королевство от власти Бурбонов. 7 сентября 1860 г. Гарибальди был восторженно встречен жителями Неаполя.

VIVAT POLONIA!

Печатается по тексту *К*, л. 94 от 15 марта 1861 г., стр. 789—791, где опубликовано впервые, за подписью: *И — р.* Автограф неизвестен.

Перепечатано в польском переводе в журнале «Przegląd Rzeczy Polskich» от 6 апреля 1861 г. (*Л* XI, 464).

«Известен ли тебе факт, что один из офицеров в Варшаве отказался командовать „пли“?» — писал Герцен И. С. Тургеневу 12 марта 1861 г. В письме от 7 марта 1861 г. Герцен запрашивал его о возможности публикации статьи во французской прессе через Делаво, который не раз знакомил французского читателя с произведениями Герцена и его деятельностью: «Имеешь ли ты сношения с Генрихом шестым, т. е. Delaveau?»

Я ему прислал бы „Колокол“ (следующий), чтобы он сунул во французские журналы статью о Польше». В ответ Тургенев писал 9 марта 1861 г. из Парижа: «Присылай „Колокол“ Делавойю. Он все поместит, что следует и где следует» (*Письма КТГ*, стр. 137).

В настоящем издании в текст внесены следующие изменения:

Стр. 44, строка 13: миновало вместо: миновало (по тексту K_2)

Стр. 47, строка 27: отдать вместо: отдать (по тексту K_2)

15/27 февраля 1861 г. царские войска расстреляли в Варшаве мирную манифестацию, организованную в память о восстании 1830—1831 гг. Расстрелом этой демонстрации царизм начал полосу новых репрессий против польского народа. Дело национального освобождения Польши, ставшее для Герцена кровной частью общерусской революционной борьбы, нашло на страницах «Колокола» всестороннее и глубокое освещение. О кровавых варшавских событиях см. ниже статьи: «10 апреля 1861 и убийства в Варшаве» и «Mater dolorosa».

Стр. 44. ...офицер ∞ отказался и вышел из рядов, а солдаты стреляли на воздух.— Речь идет о полковнике Попове, отказавшемся подать команду о стрельбе по демонстрантам (см. упоминания о нем в статьях «10 апреля и убийства в Варшаве» и «Отеческий совет» — стр. 66 и 96 наст. тома, а также в письме Гарибальди к Герцену от 13 апреля 1861 г.— стр. 341). Русские газеты выступили с опровержением этого факта. В корреспонденции «Варшавские события», напечатанной в «Северной пчеле» от 20 апреля 1861 г., № 88, говорилось: «Никакой полковник Попов не ломал своей шпаги, чтобы не осквернить ее в крови поляков», как это говорят корреспонденты газет познанской и краковской». Это утверждение было повторено и в «Русском инвалиде» 4 мая 1861 г., № 96. В газете «Le Nord» 1 мая 1861 г. было опубликовано «Письмо из Варшавы», в котором также отрицались сообщения о благородном поступке русского офицера.

...экс-королю неаполитанскому ∞ за сдачу ее.— О неаполитанском короле Франциске II см. комментарий к стр. 35.

...как погиб Караваев за Конарского...— О подвиге Кузьмина-Караваева, пытавшегося организовать в 1838 г. побег из тюрьмы польского революционера Шимона Конарского, Герцен рассказал ранее в статье «Русский народ и социализм»: «...Все было приготовлено для бегства, когда предательство одного из товарищей польского мученика разрушило его планы. Молодого человека арестовали, отправили в Сибирь, и с тех пор об нем не было никогда слухов» (т. VII наст. изд., стр. 313).

Аглай Кузьмин-Караваев, поручик Новоингерманландского полка, будучи начальником тюремного караула в Виленском замке, связался с арестованным польским революционером Шимоном Конарским и его товарищами. Он передал записку Конарского одному из арестованных — дворянину Ожешко, который выдал Караваева властям. Вслед за Караваевым было арестовано еще около тридцати офицеров и унтер-офицеров. Под судом Караваев держался мужественно и хранил упорное молчание. Затем, чтобы положить конец затянувшемуся следствию, он открыто изложил свои взгляды. «Он сам сознался,— говорилось в донесении начальника следственной комиссии шефу жандармов,— что сделался совершенным извергом в мыслях, чувствах и даже словах против особы государя императора, против всего российского правительства, начальства. Воспламенилась в нем фанатическая приверженность к полякам». В 1842 г., после четырехлетнего заключения в крепости, Караваев был сослан на каторгу в Нерчинск. По просьбе брата, служившего в Варшаве, в штабе Паскевича, Караваев был переведен из сибирского поселения рядовым на Кавказ в Апшеронский пехотный полк. Однако неоднократно

ные просьбы братьев его о помиловании оставались без ответа, а его личная храбрость не замечалась. Во время осады Севастополя один из братьев Караваевых, офицер флота, был смертельно ранен в бою и на смертном одре просил Меншикова возбудить ходатайство о помиловании брата. Меншиков направил соответствующее письмо с просьбой удовлетворить последнюю волю храброго офицера. Через некоторое время аналогичную просьбу направил великий князь Константин. На этом обращении рукою А. Ф. Орлова написано: «Государь император лично помнит преступление Караваева и во всех подробностях, сожалеет о брате, но помиловать виновного не может и тогда только можно будет облегчить его участь, когда о его службе и отличии получатся от его начальства представления». Только после смерти Николая I, при возобновлении просьб о помиловании, к которым присоединены были и положительные отзывы командования Кавказской армией, Александр II дал согласие на производство Караваева в прапорщики. Прослужив затем еще около двадцати лет в армии, Караваев вышел в отставку (ЦГИАМ, ф. 109, 1 эк. 1836 г., д. 76 — «Об эmissаре Конарском и его соучастниках», ч. 29 — «О Кузьмине-Караваеве». — Сообщено А. Ф. Смирновым).

С бесконечной гордостью видим мы, что не ошиблись в уповании нашем на молодых офицеров... — См. выше комментарий к заметке «Сто пятнадцать благородных офицеров», стр. 306.

Стр. 45—46. «*Ваша участь всех хуже*» — «Земское дело!» — Герцен приводит выдержки из своего воззвания «Русскому воинству в Польше» (см. т. XII наст. изд., стр. 202—205).

Стр. 47. *...если в самом деле в заседании «Земледельческого общества» в Варшаве отдать крестьянам полный надел земли!* — На очередном съезде в феврале 1861 г. «Земледельческое общество» вынуждено было, под давлением крестьянских волнений и начавшегося в Царстве Польском национально-освободительного движения, принять решение о замене барщины чиншом (арендной платой за пользование землей). Изданный 20 марта 1861 г. специальный циркуляр распространялся среди крестьян через духовенство, которое со своей стороны призывало крестьян не выступать против помещиков, а объединиться с ними для борьбы с общим врагом — русским царизмом. Однако польское крестьянство не поверило демагогическим обещаниям шляхты, и с начала апреля 1861 г. происходил массовый отказ крестьян выполнять барщину (см. H. G r u n w a s e r. Sprawa wloscianska w Krolstwie Polskim w latach 1861—1862, Warszawa, 1938, s. 17, а также: И. Белявская. А. И. Герцен и польское национально-освободительное движение 60-х годов XIX века, М., 1954, стр. 26—27). О роспуске «Земледельческого общества» было объявлено в польской прессе 25 марта (6 апреля) 1861 г.

Стр. 48. *...четверугольник с другой стороны...* — Под названием Quadrilatère известна была территория северной Италии, ограниченная четырьмя крепостями — Пескьера, Мантуя, Верона и Легнано, — являвшаяся базой действий германских и австрийских императоров против Италии в войнах 1796—1800 гг. и 1859 г.

ПЛУГ УСТУПАЕТ ЭКСЕЛЬБАНТУ

Печатается по тексту *K*, л. 94 от 15 марта 1861 г., стр. 796, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание Лемке (*Л* XI, 52) со следующей справкой: «Принадлежность устанавливается по записке Огарева, хранящейся в архиве семьи Герцена» (*Л* XI, 464). Ныне местонахождение «записки» неизвестно.

Заметка идейно-тематически тесно связана со всеми другими выступлениями Герцена в «Колоколе» по поводу реализации крестьянской

реформы («всекаемого освобождения») «кровожадными флигель-адъютантами», «опричниками *Освободителя*», «импровизированными палачами» (см. в наст. томе статьи Герцена: «Русская кровь льется!», «12 апреля 1861», «Герой нашего времени и их Петербурга...», «Граф Апраксин получил за избяение...», «Храбрый Дренякин»). Авторство Герцена подтверждается и некоторыми стилистическими признаками, например, ироническим наименованием флигель-адъютантов: «эманципационс-адъютанты».

Вопрос о том, как подготовиться к обнародованию манифеста о ликвидации крепостных отношений, был для Александра II и его министров предметом особого внимания. Еще летом 1858 г. царь в письме к министру внутренних дел С. С. Ланскому высказывал серьезное опасение относительно того, «что когда *новое положение будет проводиться в исполнение* и народ увидит, что *ожидания его, т. е. что свобода по его разумению не сбылась*, не настанет ли для него минута разочарования?» («Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права», М., 1949, стр. 3). Боязнь взрыва народного возмущения привела к тому, что 29 января 1859 г. на заседании Главного комитета по крестьянскому делу в присутствии Александра II было принято решение: в целях «наблюдения за общественным спокойствием на местах при введении в действие „Положений о новом устройстве быта помещичьих крестьян“» послать туда доверенных лиц, которым предоставить право «в известных случаях действовать именем высочайшей власти». 10 февраля 1861 г., т. е. накануне подписания манифеста, Александр II приказал «командировать в каждую губернию одного из генерал-майоров свиты его величества или флигель-адъютантов», вменив им в обязанность содействовать губернаторам в проведении в жизнь новых законоположений и в сохранении «порядка и спокойствия» (там же, стр. 3). Одновременно срочно проводилось перемещение воинских частей по губерниям, чтобы в случае надобности лучше использовать войска для подавления крестьянских выступлений. Эти перемещения войск не были закончены к 19 февраля, что вместе с рядом других причин обусловило задержку обнародования правительственных постановлений по крестьянскому вопросу (см. Ф. С. Горовой. О причинах задержки обнародования манифеста 19 февраля 1861 г.— «Вопросы истории», 1952, № 5, стр. 97—102; П. А. Зайончковский и й. Из истории обнародования Положения 19 февраля 1861 г.— «Исторические записки», 1955, № 54, стр. 271—283).

Стр. 50. *Огромный успех в делах, порученных Толстому, Эльстону-Сумарокову, Бобринскому...*— Зло иронизируя над «успехами в делах» названных чинов царской свиты, Герцен основывался на известных ему фактах жестокого подавления Толстым, Эльстоном-Сумароковым и Бобринским крестьянских выступлений накануне отмены крепостного права. В 1859 г., когда по России прокатилась волна так называемых «трезвенных бунтов», в Тамбовскую губернию, согласно «высочайшему повелению», для принятия «более деятельных мер к прекращению беспорядков», отправлен был генерал-адъютант Е. П. Толстой, учинивший в г. Спасске и его уезде массовую экзекуцию (см. сб. «Крестьянское движение 1827—1869 гг.», вып. 1, стр. 136). Этим событиям была посвящена статья «Правительствующий откуп и при нем состоящая императорская власть», напечатанная в «Под суд!», л. 5 от 1 апреля 1860 г. Об этой «возмутительной истории бессмысленного и безнаказанного драпья розгами *больше ста* крестьян генерал-адъютантом Толстым, тамбовским губернатором Данзасом и разными подъятыми гражданского ведомства и палачами военного» Герцен писал в заметке «Набег немецких татар в Тамбовскую губернию» (т. XIV, стр. 251). Толстой, произведенный в генерал-лей-

тенанты, был назначен пензенским военным и гражданским губернатором. На этом посту он вновь «отличился» при усмирении в апреле 1861 г. Черногай-Кандеевского восстания.

Таким же ревностным усмирителем крестьянских волнений был и флигель-адъютант граф Ф. Н. Эльстон-Сумароков. В январе 1857 г. он жестоко расправился с крестьянами деревни Сурки Нижегородской губернии, отказавшимися повиноваться своему новому владельцу (см. сб. «Крестьянское движение 1827—1869 гг.», вып. 1, стр. 109). О зверствах Эльстона-Сумарокова см. в статьях Герцена «Сечь или не сечь мужика», «О письме, критикующем „Колокол“», «Розги и розги», «1 июля 1858» (т. XIII наст. изд.), «„Библиотека“ — дочь Сеяковского» (т. XIV).

Флигель-адъютант граф А. П. Бобринский в конце 1857 г. усмирлял крестьян, занимавшихся земляными работами на строительстве Петербургско-Варшавской железной дороги. При содействии жандармерии он «успел довести означенных крестьян до совершенной покорности и обратил их к прежним занятиям». Затем гр. Бобринский направлялся для разрешения конфликтных дел между помещиками и крестьянами во Владимирскую и Нижегородскую губернии (см. сб. «Крестьянское движение в 1827—1869 гг.», вып. 1, стр. 113—114, 115, 127). О бесчинствах гр. Бобринского, посланного в 1859 г. в с. Богородское Нижегородской губ., рассказывалось в письме к редактору «Колокола», помещенном под заголовком «Флигель-адъютант Бобринский в имении С. В. Шереметева» (*К*, л. 82 от 1 октября 1860 г., стр. 684—685).

MADAME ШПЕЕР И 15 РОЗОГ

Печатается по тексту *К*, л. 94 от 15 марта 1861 г., стр. 796, где опубликовано впервые, без подписи. В *ОК* озаглавлено: *Madame Шпеер*. Автограф неизвестен.

Включено в издание Лемке (*Л* XI, 52) со следующей справкой: «Принадлежность устанавливается по записке Огарева, хранящейся в архиве семьи Герцена» (*Л* XI, 464). Нынешнее местонахождение «записки» неизвестно.

Авторство Герцена определяется, помимо свидетельства Лемке, близостью идейно-тематического содержания заметки обычным интересам Герцена (борьба против телесных наказаний, обличение «секущего сословия»), а также характерной для стиля Герцена неожиданной иронической концовкой: «В женском сердце всегда найдется что-нибудь мягкое».

О гродненском «епископе и губернаторе Шпеере», бывшем инспекторе студентов Московского университета, Герцен упоминал в заметке «Гонение христиан папских христианами полицейскими» (см. выше). О нем же говорилось в «Колоколе» в публикации «Акцизный откуп в Гродненской губернии» (*К*, л. 109 от 15 октября 1861 г., стр. 912).

15 МАРТА. ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ

Печатается по тексту *К*, л. 94 от 15 марта 1861 г., стр. 796, где опубликовано впервые, в конце номера, без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание Лемке (*Л* XI, 52).

Авторство Герцена устанавливается ответственным редакционным характером заметки и письмом И. С. Тургенева к Герцену из Парижа от начала марта 1861 г. В нем сообщалось: «Вчера получены здесь письма от разных официальных лиц (Головнина и др.) об окончании крестьянского вопроса. Главные основания редакционной комиссии приняты; переходное время будет продолжаться 2 года (а не 9 и не 6), надел остается весь,

с правом выкупа. Плантаторы в Петербурге и здесь в ярости неизъяснимой <...> Мне обещали доставить сегодня один уже *отпечатанный* экземпляр „Положения“, который прислали из Петербурга. Спишу главные пункты и пошлю тебе. Манифест (написанный Филаретом) выйдет в *то воскресенье*, т. е. через 9 дней. Государю приходилось по иным пунктам быть в меньшинстве 9 человек против 37. Самыми либеральными людьми в этом деле оказались: Конст. Ник., Блудов, Ланской, Бахтин и Чевкин <...> Дожили мы до этих дней, а все не верится, и лихорадка колотит, и досада душит, что не на месте. Впрочем, если я не увижу первого момента, я все-таки буду свидетелем *первых применений*: я в конце апреля в России» (*Письма КТГ*, стр. 140—141).

Отдельные места этого письма повторены в заметке Герцена текстуально. Получив письмо Тургенева, Герцен отвечал ему, по всей видимости, в тот же день (15 марта 1861 г.): «Иван Сергеевич Divus, получив такое от вас письмо, я желаю обнять и поцеловать ваши седины. Но это не все. Не сокращение, а копию или оригинал надобно; как можно скорее найми писца, заплати ему ценою золота и платины. Бога ради достань <...> Да ведь Галилеянин-то победит».

МАНИФЕСТ!

Печатается по тексту *К*, л. 95 от 1 апреля 1861 г., стр. 797, где опубликовано впервые, с подписью: *И — р.* Этой статьей, заглавие которой было набрано крупным шрифтом, открывается лист «Колокола».

Редакция «Колокола» с нетерпением ожидала появления манифеста об освобождении крестьян. Номер «Колокола» от 1 января 1861 г. (л. 89) открывался статьей Н. П. Огарева «На Новый год», начинавшейся следующими словами: «Газеты и толки говорят, что 1-го января 1861 года выйдет указ об освобождении крестьян. Может быть, он уже торжественно станет читаться на площадях и в церквях, когда этот скромный лист „Колокола“ дойдет до России». Ни Герцен, ни Огарев в это время уже не рассчитывали на широкие масштабы крестьянской реформы. Однако, по мнению Огарева, помимо воли правительства, освобождение крестьян приведет к дальнейшим реформам: «Чтобы избежать бунтов и не потерять, а увеличить свое достоиние, <дворянство> будет вынуждено искать разумной нити для выкупа крестьянских земель». В числе задач, стоявших перед Россией и подлежавших разрешению в первую очередь, Огарев намечал: «Общинное поземельное владение в великороссии, поземельное владение для всех везде, общинное и общественное самоуправление», уничтожение чиновничества, телесных наказаний, паспортов, замена существующего свода законов новым, установление свободы печати, религии, преподавания, торговли, изменение системы рекрутства, создание областных законодательных дум и государственной союзной думы, введение гласности суда и присяжных по уголовным делам. Герцен солидаризировался с этой статьей Огарева. 5 января он просил И. С. Тургенева: «Напиши мне твое мнение о статье Огарева». 11 января тот же вопрос он задавал сыну: «Читал ли ты Огарева статью на 1 января?» Все надежды Герцена были связаны с тем, что «в России все закипает» (письмо Тургеневу от середины января 1861 г.).

Позиция Герцена изменилась в середине февраля 1861 г. по получении известий о соединенном заседании Главного комитета по крестьянскому делу с советом министров (26 января под председательством Александра II) и Государственного совета (28 января). 26 января Александр II заявил о необходимости закончить подготовку реформы к 15 февраля. Вопреки сопротивлению крайних крепостников, был принят проект Редакционных комиссий. Герцен был хорошо информирован об этих

заседаниях. 1 марта в «Колоколе» был опубликован точный отчет об обоих заседаниях (см. в наст. томе «Освобождение крестьян», стр. 249—253 и комментарий). В нем, между прочим, говорилось: «Государь требует, чтоб дело было кончено непременно к 15 февраля». 16 февраля Герцен писал М. К. Рейхель: «Указ об освобождении будет 3 марта». 24 февраля в письме к сыну он же сообщал: «Ты, вероятно, знаешь, что 4 марта провозглашается освобождение с землей. Доля земли неизвестна. Это, наверное, с освобождением Италии важнейшее событие в последние двадцать пять лет». Герцен жадно ловил известия об условиях освобождения, о готовящемся манифесте. Он просил Тургенева и других своих знакомых и приятелей сообщать ему все новости (см. выше комментарий к заметкам «Плуг уступает эксельбанту» и «15 марта. Последние известия»). 21 марта 1861 г. Герцен писал сыну: «...весь мир не представляет теперь больше интересного зрелища, как Россия, входящая клином социального переворота в совершенно новую фазу <...> Каждая неделя приносит новости огромные, — века будут о них говорить...». У Герцена возродилась иллюзия, будто Александр II может реализовать программу-минимум, выдвинутую в первой книжке «Полярной звезды» на 1855 г. («Письмо к императору Александру Второму» — т. XII наст. изд.) и в программном «Предисловии» к первому листу «Колокола» (т. XIII), несколько развитую затем в статье «1860 год» (т. XIV) и сформулированную также в настоящей статье: «Освобождение крестьян с землею, уничтожение телесных наказаний и гласность в суде и печати».

Однако свое окончательное мнение о характере реформы Герцен предполагал высказать лишь по ознакомлении с официальными документами, провозглашающими освобождение крестьян. 21 марта он писал сыну: «Мы ждем подробности постановлений для того, чтобы знать, стоит ли Александр II, чтобы я предложил его тост». Полученный манифест в общем удовлетворил Герцена. 25 марта в письме к С. Тхоржевскому он говорил: «Манифест получен, он не дурен...». В письме к И. С. Тургеневу от 28 марта Герцен выражал недовольство лишь слогом манифеста. 10 апреля Вольная русская типография организовала торжественный обед и праздник в честь освобождения крестьян (см. далее заметку «Освобождение крестьян» — стр. 64). На этом обеде Герцен предполагал поднять первый тост за Александра II (см. далее набросок речи Герцена — «Друзья и товарищи!», стр. 217).

Отрезвление наступило, однако, очень быстро, о чем свидетельствует, например, статья «10 апреля 1861 и убийства в Варшаве» (стр. 65). 30 апреля Герцен писал Тургеневу: «Видно, нам Россию еще долго не видеть». Изменение позиции Герцена быстро стало достоянием широких кругов общестственности. В письме Прудона к Герцену от 21 апреля говорилось: «...вы сообщаете мне нечто, в одно и то же время радующее и огорчающее меня, именно весть о том, что вы не уезжаете в Россию <...> вы так же мало доверяете либерализму вашего царя, как я — либерализму моего императора» (Л XI, 86).

Наблюдения над ходом осуществления реформы постепенно убедили Герцена в ее невыгодности для крестьян. 5 апреля он писал Тургеневу: «грабят хотят». «Знаете ли вы все ужасы, происходящие в России? — спрашивал он 13 мая М. К. Рейхель. — В пяти губ(ерниях) расстреливали, убивали крестьян <...> во всем виновато правительство». Однако к этим выводам Герцен пришел гораздо позже Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, сумевших правильно понять сущность реформы сразу же после опубликования манифеста. Мартовская книжка «Современника» демонстративно о нем умолчала. Чернышевский во «Внутреннем обозрении» намекал: «Вы, читатель, вероятно, ожидаете, что я поведу с вами речь о том, о чем трезвонят <...> теперь все журналы, журнальцы и газеты, т. е. о дарованной крестьянам свободе. Вы ошибаетесь в ваших

ожиданиях. Мне даже обидно, что вы так обо мне думаете». («Современник», 1861, № 3, стр. 101—102).

Стр. 52. *Первый шаг сделан!*— 19 февраля 1861 г. был подписан манифест об освобождении крестьян. 2 марта он был объявлен сенату, 5 марта обнародован для всеобщего сведения.

Стр. 53. *Выбор в. кн. Константина Николаевича, кажется, удачен.*— В октябре 1860 г. вел. кн. Константин был назначен председателем Главного комитета по крестьянскому делу.

Несколько дней после 3 марта (19 февраля) 1855 года мы писали и печатали.— Герцен имеет в виду свое «Письмо к императору Александру Второму», опубликованное в «Полярной звезде» на 1855 г., кн. I, где говорилось: «Государь, дайте свободу русскому слову <...> Дайте землю крестьянам <...> смойте с России позорное пятно крепостного состояния, залечите синие рубцы на спине наших братьев» (т. XII наст. изд., стр. 274).

ПАНИХИДА В ПЕТЕРБУРГЕ

Печатается по тексту *К*, л. 95 от 1 апреля 1861 г., стр. 797, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание Лемке (*Л* XI, 60).

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки и ее заключительной фразой: «Эдак, господа, ведь Галилеянин-то, пожалуй, и в самом деле победит!» Впервые эти слова (приписываемые христианскими апологетами императору Юлиану Отступнику) сказаны были Герценом по адресу Александра II в зачине и концовке статьи «Через три года»: «*Ты победил, Галилеянин!*» (т. XIII наст. изд., стр. 195 и 197); затем они были повторены в статье «1860 год» (т. XIV, стр. 216). В связи с объявлением манифеста Герцен писал также И. С. Тургеневу 15 марта 1861 г.: «Да ведь Галилеянин-то победит».

1 марта (ст. стиля) 1861 г. в католической церкви в Петербурге состоялся реквием в память убитых в Варшаве 13 и 15 февраля (см. выше статью «*Vivat Polonia!*»). «На нем присутствовали Костомаров, Спасович и много других профессоров. По окончании службы студенты-поляки пропели свой национальный гимн; русские им подтягивали. <...> Когда правительство узнало об этом реквиеме, то были арестованы студенты, заказавшие его и уговаривавшиеся с ксендзом» (см. об этом в корреспонденции «Петербургский университет», напечатанной в *К*, л. 102 от 1 июля 1861 г., стр. 856).

Т. ШЕВЧЕНКО

Печатается по тексту *К*, л. 95 от 1 апреля 1861 г., стр. 798, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издания Тихомирова (*Т*, 280) и Лемке (*Л* XI, 61).

Авторство Герцена определяется близостью этих строк другим его высказываниям о Т. Г. Шевченко (см. ниже) и письменным обращением И. С. Тургенева к Герцену в марте 1861 г.: «Скажи два слова в „Колоколе“ о смерти Шевченка» (*Письма КТГ*, стр. 139).

Вслед за строками Герцена помещена была в «Колоколе» прочувствованная заметка на украинском языке — «От иеродиякона Агапия (Андрея Гончаренка)». Обе заметки имели в *ОЖ* общее заглавие: *Смерть Т. Шевченка*.

В анонимной корреспонденции «Петербургский университет» читателям «Колокола» сообщалось о похоронах Шевченко: «28 февраля были

похороны Т. Г. Шевченка, прах которого на днях будет перевезен в Малороссию» (*К*, л. 102 от 1 июля 1861, стр. 856).

Впервые о Шевченко и его судьбе на страницах «Колокола» рассказывалось в статье Н. И. Костомарова «Украина» (л. 61 от 15 января 1860 г.), затем в заметке «В дополнение к биографии Т. Шевченко, напечатанной во 2 кн. „Народного чтения“» (см. т. XIV наст. изд., стр. 448). После его смерти Герцен упомянул о нем в связи с исключением имени «чуть не единственного народного поэта» из списка лиц, подлежащих увековечению на памятнике тысячелетия России (см. заметку «Перечисление св. Митрофания воронежского с товарищи в лица менее значительные» — т. XVI наст. изд.), а затем в заметках «П. А. Мартыанов и земский царь» (т. XVIII наст. изд.) и «Губернатор Деспот-Зенович» (т. XIX наст. изд.). О большом внимании Герцена к Шевченко свидетельствуют также воспоминания современников: художника Н. Н. Ге (В. В. Стасов. Николай Николаевич Ге, его жизнь, произведения и переписка. М., 1904, стр. 160—161), Е. Ф. Юнге («Воспоминания». М., 1914, стр. 355)

ИСПРАВИТЕЛЬНЫЕ ПИСЬМА

Печатается по тексту *К*, л. 95 от 1 апреля 1861 г., стр. 802—804, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание Лемке (*Л* XI, 61—63).

Авторство Герцена определяется общим редакционным характером статьи, содержащимися в ней указаниями на произведения Герцена: по польскому вопросу, о телесных наказаниях на флоте, «Полицейские маскарады Игнатьева», «Клоповник (не растительного царства, а царства русской полиции)», «Константин Сергеевич Аксаков». Попутно упоминаются имена Марии Бредау, Сечинского и Гутцейта — объектов постоянных разоблачений, начиная с 1858—1859 гг., в произведениях Герцена (о них см. комментарии к стр. 32 и 57). Употребление авторского «я» в обращениях от лица издателя «Колокола» в неподписанных редакционных статьях также является свидетельством авторства Герцена: «почтенный соотечественник наградил меня толстой эпистолой, в которой сильно упрекает меня в том, что во всех сочинениях и статьях я стою со стороны поляков», «писать же к этому господину я вовсе не намерен».

Стр. 55. ...одного «обвинительного акта»...— Имеется в виду письмо Б. Н. Чичерина к Герцену, напечатанное им в «Колоколе» (л. 29 от 1 декабря 1858 г.) под заголовком «Обвинительный акт» (см. т. XIII наст. изд.).

...автор ∞ соглашается, что в школе правоведения дурно учат! —В статье «Провинциальные университеты», говоря о «вредных и ненужных школах», пользующихся поддержкой правительства, Герцен приводил в качестве примера «школу ольденбургского правоведения» (см. комментарий к стр. 23).

Стр. 57. *Но если липьки и розги нашли такого фанатического друга...* —По поводу этого письма «с брегов Тихого океана» см. корреспонденцию «Нужны ли розги на флоте? (Ответ на письмо моряка в 95 листе „Колокола“), напечатанную в *К*, л. 100 от 1 июня 1861 г., стр. 839—841, в которой автор давал суровую отповедь фанатическому «поборнику розог, липьков, кошек, фухтелей и проч.».

...мы его раз помянули по поводу дурацких масок, выдуманых Игнатьевым...— В заметке «Полицейские маскарады Игнатьева» (см. т. XIV наст. изд.); см. также комментарий к заметке «Клоповник (не растительного царства, а царства русской полиции)», стр. 309.

...Гутцейта, насильно любящего, и помещицы, поджаривавшей, тоже без полюбовного согласия, свою горничную...— О насильнике и растлителе малолетних орловском помещике Гутцейте Герцен неоднократно упоминал в своих статьях и заметках в «Колоколе» (см. «Постельная барщина продолжается», «Еще о Гутцейте» и др.— т. XIV наст. изд.). О другом деле, также получившем в свое время широкую огласку,— об издевательствах жены инженер-штабс-капитана Баранова над крепостной Андреевой — Герцен писал в статье «Граф Строгонов, шпицрутены и штабс-капитанша Баранова» (см. т. XIV наст. изд.).

Стр. 58. ...*Мария Бреддау, не совсем хорошая женщина, но уважаемая Сечинским*...— См. комментарий к стр. 32.

Стр. 60. ...«Колокол» *считают теперь только потому, что он запрещен!*— К этим словам в тексте «Колокола» сделана была сноска для подстрочного примечания, в котором Герцен, видимо, намеревался ответить на эти строки «исправительного письма». Однако примечание напечатано не было, а в тексте *K*₂ снят и знак подстрочной сноски.

ДЕНЬ СТРАХА

Печатается по тексту *K*, л. 95 от 1 апреля 1861 г., стр. 804, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издания Тихомирова (*T*, 280) и Лемке (*Л* XI, 63) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из записки Огарева, хранящейся в архиве семьи Герцена» (*Л* XI, 464). Нынешнее местонахождение «записки» неизвестно.

Авторство Герцена подтверждается тематикой заметки, тесно связанной с другими его выступлениями в «Колоколе» по поводу манифеста об освобождении крестьян от крепостной зависимости (см. выше — «Накануне», «Духу не достало!», «15 марта. Последние известия», «Манифест!» и комментарии к ним).

Строки заметки об Александре II, который «может богу свечку поставить, если он проживет два года с своей обстановкой», близки аналогичным высказываниям Герцена по тому же поводу. «...Этот незбылмый трон не простоят пяти лет, если наш благодушный дурачок не переменяется», — писал он М. К. Рейхель 13 августа 1861 г. В письме к Д. К. Шедо-Ферроти (Ф. И. Фирксу) от 22 августа Герцен повторял ту же мысль: «Мне кажется, что вы принимаете петербургское правительство за чрезвычайно прочное и строите на нем систему улучшений и прогресса, а оно не простоят десяти лет, если пойдет путем флигель-адъютантских митралес, польских учреждений на монгольский манер и пр. Когда можно было думать, что Александр II идет иным путем, мы, не боясь свиста и осуждения, сказали ему: „Ты победил, Галилеянин!“ Мы не верим ему больше». Принадлежность заметки Герцену подтверждается также некоторыми характерными для его стиля выражениями: «татарва плантаторов» (ср. в статье «Накануне» строки о «плантаторской оппозиции ипвалидов» — стр. 33, в «Подтасованном паборе» — о «немецкой татарве» — т. XVI наст. изд., стр. 264), «пройти за кавалергарды» (ср. в «Письме к императрице Марии Александровне»: «свободная речь сама проникает за кавалергардов» — т. XIII наст. изд., стр. 360; в статье «Great Western»: «пусть заглянет за кавалергардов Зимнего дворца...» — *K*, л. 159 от 15 марта 1863 г., т. XVII), «Муравьев Вешатель и Долгоруков слушатель» (ср. в «Харьковской истории»: «Муравьев, „который вешает“, Долгорукий, который *слушает*» — т. XIII, стр. 306; в заметке «„Allgemeine Zeitung“ возвращается опять»: «...Долгорукий и Тимашев <...> переходят из *слушателей* в репетиторы» — т. XIII наст. изд., стр. 420; в заметке «1814—1859. Второе занятие Парижа русскими»:

«...кн. Долгорукий представит его к ордену *Всеслышащего уха*» — т. XIV наст. изд., стр. 130; в статье «1860 год: «Долгорукие и Тимашевы, его <государя> уши по ремеслу» — т. XIV наст. изд., стр. 218).

Стр. 61. ...у этих *Игнатьевых и Долгоруких*...— Об их позиции в эти дни см. далее в публикации «Освобождение крестьян», стр. 252—253.

РОЗГИ И ПЛЕТИ, УПОТРЕБЛЯЕМЫЕ МЕЖДУНАРОДНО

Печатается по тексту *К*, л. 95 от 1 апреля 1861 г., стр. 804, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен. В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 63—64).

Авторство Герцена определяет редакционный характером заметки, ее непосредственной связью с заметкой «Последнее убежище изгнанников закрыто» (см. комментарий на стр. 48), в которую она вносит уточнения; характерен для стиля Герцена и заголовок заметки.

Стр. 62. *Государственный совет, мнением своим, высочайше утвержденным* 16 июня 1858 года, положил...— Имеется в виду закон от 16 июня 1858 г. «О мере наказания за преступление противу безопасности дружественных России держав» («Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе», т. XXXIII, отделение первое, 1858, № 33302, СПб., 1860, стр. 757—758). См. также комментарий к стр. 35.

ОРЛЫ, ЛЬВЫ И ГЕНЕРАЛ-БАС ЖАНДАРМСКОГО КОРПУСА

Печатается по тексту *К*, л. 95 от 1 апреля 1861 г., стр. 804, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Заглавие взято из *К₂* (в тексте *К* заглавие напечатано, видимо, несправно: *Орлы, львы и жандармы корпуса генерал-бас*). В *ОК* озаглавлено: *Орлы, львы и генерал-бас*. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 64).

Характеристика А. Ф. Львова как «генерал-баса жандармского корпуса» и «воссочинителя с немецкого русского гимна» текстуально близка его же оценке на страницах «Былого и дум», где говорится об «изобретении народного гимна по Себастиану Баху», «составленного корпуса жандармов полковником Львовым» (т. IX наст. изд., стр. 137). Строки об «академике-патриоте» Якоби и предпринятых им шагах в целях запрещения распространения книги П. В. Долгорукова подразумевают соответствующее место статьи Герцена «Провинциальные университеты» (стр. 22 наст. тома). Типичны для стиля Герцена иронические намеки на будущее «графство» Тимашева (см. об этом в комментарии к заметке «Тимашев, сидите дома, как Бейст, не едите, как Гейнау!»— стр. 293) и на «размягчение мозга» у Орлова и Львова (см. комментарий к заметке «Слух о заговоре против императора австрийского и эрцгерцогини Софии», стр. 312 наст. тома), заголовок, построенный на каламбурном переосмыслении фамилий Орлова и Львова.

Герцену была глубоко антипатична личность А. Ф. Львова, в прошлом (с 1818 г.) офицера аракатчевских военных поселений, адъютанта шефа жандармов Бенкендорфа (с 1825 г.), затем директора придворной певческой капеллы и с 1850 г. председателя основанного им «Концертного общества». Это общество содержалось на государственные субсидии,

а даваемые им концерты предназначались для меценатов из кругов петербургской высшей аристократии. Этому обществу противостояла деятельность «Русского музыкального общества», основанного в 1859 г. и руководимого А. Г. Рубинштейном.

В письме к министру народного просвещения в 1859 г. А. Рубинштейн объяснял, что задачей этого общества было «облегчить массе возможность получить музыкальное образование, доставляя ей обучение у лучших профессоров по всем отраслям этого искусства за самую умеренную плату или даже, в случае необходимости, бесплатно...» (Н. Ф. И д е й з е н. Очерк деятельности Санкт-Петербургского отделения императорского Русского музыкального общества, СПб., 1909, стр. 225). О враждебном отношении Львова к «Русскому музыкальному обществу», принявшем в 1860—1861 гг. особенно острые формы, см. также записи в дневнике В. Ф. Одоевского от 5 мая 1860 г. (ЛН, т. 22—24, стр. 108).

Ст р. 62. ...*воссоцинитель с немецкого русского гимна*...—Львов являлся автором музыки официального гимна царской России «Боже, царя храни» на слова В. А. Жуковского. Гимн заслужил одобрение Николая I и исполнялся с 1833 г. в обязательном порядке на больших концертах и в царские дни.

...*каждый певчий, который станет посещать вновь образованное музыкальное общество, будет исключен из капеллы!*—О запрете певчим придворной капеллы посещать концерты «Русского музыкального общества» рассказывает в своих воспоминаниях А. Г. Рубинштейн (см. А. Г. Р у б и н ш т е й н. Автобиографические воспоминания, СПб., 1889, стр. 49).

Ст р. 63. ...*сочинения Бортнянского не след перепечатывать, чтоб спустить свою музыку по ключу III отделения*.—Львов, как директор придворной певческой капеллы, пользовался правом разрешения или недопущения к печати произведений духовной музыки. Д. С. Бортнянский в свое время стремился вернуть русской духовной музыке ее национальный колорит, а русскому хоровому пению народный характер многоголосого пения а сарелла. Львов в работе «О свободном или несимметричном ритме» (1858) сделал попытку пересмотреть теоретические положения Бортнянского и строить теорию русского пения на основе опыта немецкой музыки. Об отношении Герцена к Бортнянскому свидетельствует его заметка «Русская музыка в Лондоне», в которой он упоминал о триумфальном успехе русской музыки, «разом вооруженной Бортнянским и Глиной» (т. XIV наст. изд., стр. 291).

...*Якоби, академик-патриот, предлагавший (см. «Кол.», л. 91) министру финансов, оновываясь на том, что Княжевич пятьдесят лет (в чем сам публично сознался) с Гречем хлеб-соль водит, какие-то меры против книги Долгорукова*...—Герцен, вероятно, имеет в виду выступление Н. И. Греча на юбилее А. М. Княжевича, опубликованное в «Северной пчеле» 21 января 1861 г.; Греч между прочим говорил: «...юбилей службы виновника нынешнего торжества есть в то же время юбилей моего с ним знакомства, превращенного (<...> в искреннюю дружбу, сопровождаемую с моей стороны глубоким уважением». О Княжевиче и Грече см. далее в заметке «Злоупотребление пятидесятилетий» и комментарий к ней. О книге Долгорукова см. комментарий к стр. 22.

...*занился бы изобретением мозгометра*...—Эта проницательная рекомендация связана, с одной стороны, с известием о «размягчении мозга» у кн. А. Ф. Орлова (см. выше в текстологическом комментарии), а с другой — с работами Б. С. Якоби в области усовершенствования передаточных телеграфных механизмов.

Печатается по тексту *К*, л. 95 от 1 апреля 1861 г., стр. 804, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Включено в издание Лемке (*Л* XI, 64).

Авторство Герцена определяется идейно-тематической и стилистической близостью заметки всем прочим его высказываниям на страницах «Колокола» о «Муханове, что на Висле» (см. в тт. XIII и XIV наст. изд.— «Мы получили из Познани», «Победа, одержанная генералом Мухановым, что на Висле», «Александр II и Муханов с Вислы» и др.), а также письмом И. С. Тургенева к Герцену от конца марта 1861 г.: «Рекомендую для апрельского „Колокола“ — Муханова; передерни этого мерзкого, кровавого и развратного старика» (*Письма КТГ*, стр. 140).

На страницах «Колокола» Герцен разоблачал реакционную деятельность двух Мухановых. Одного из них, П. А. Муханова, главного директора Комиссии внутренних и духовных дел в Польше, всесильного фаворита наместника Царства Польского генерала М. Д. Горчакова, он именовал «Мухановым с Вислы», а другого — Н. А. Муханова, товарища министра народного просвещения — «Мухановым, что не на Висле» или «обер-фор-шнейдером». Яркая характеристика П. А. Муханова дана была в статье «Мухановские меры против просвещения в Польше (перевод с польского)», опубликованной в *К*, л. 36 от 15 февраля 1859 г., стр. 294—298. В марте 1861 г. он был отозван из Варшавы в Петербург и назначен членом Государственного совета. В «Северной пчеле» от 20 марта 1861 г., № 63, сообщалось об увольнении Муханова «по собственному желанию от должностей главного директора, председательствующего в правительственной комиссии внутренних и духовных дел и попечителя варшавского учебного округа». О прибытии «тайного советника Муханова» в Петербург «Северная пчела» сообщила 30 марта 1861 г., № 71 (об этом см. также в заметке «Александр II и Муханов с Вислы», наст. том, стр. 85).

Стр. 63. ...*телеграфические депеши с комментариями Карницкого* . . . — Герцен имеет в виду телеграммы о событиях в Варшаве 15 (27) февраля 1861 г. Вызов статс-секретаря Карницкого в связи с этим в Петербург объяснялся на страницах «Колокола» тем, что царь якобы хотел «узнать истину о происшествии в Варшаве» (см. заметку «Панихида в Петербурге», стр. 54 и комментарий, а также редакционное примечание к публикации «Статс-секретарь Карницкий и инженер Кржековский», стр. 227 наст. тома).

ЕТ ТОІ, ВRUTE?

Печатается по тексту *К*, л. 95 от 1 апреля 1861 г., стр. 804, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 65).

Тематика заметки близка кругу постоянных интересов Герцена (постановка дела народного образования в России, деятельность «министерства против просвещения»). В заметке «Ей ты, фельетонист!» уже подвергнут едкому осмеянию скрытый крестник, упрекавший в одной из газет «учителей воскресных школ, что они говорят ученикам „вы“» (т. XIV наст. изд., стр. 420). Герцен не раз клеймил правительственно-бюрократические круги за их неуважение к личности, «начальническое *єтні*» («П. А. Мартынов и земский царь» — т. XVIII наст. изд.), указывал,

что «чисто русское в них только — невежество, привычка драться и говорить „ты“» (стр. 48 наст. тома). Авторство Герцена подтверждается также характерным для его стиля ироническим сопоставлением персонажа с античным героем: «Каков римлянин? Брут да и только» (ср., например, наименование генерал-губернатора Строганова «проконсулом» — т. XIV наст. изд., стр. 96; аналогичную реплику: «Персинья да и только» — «Россиада. IV» — т. XVII наст. изд.), использованием в заголовке известных слов Цезаря (ср. шутовское цитирование этих же слов в письме Герцена к М. Мейзенбуг от 29 апреля 1859 г.: «Et toi, Brutus?»), наконец, типичным для него же сатирическим обыгрыванием фамилии: «Тымаев — Вымаев» (ср., например: «Фрейганг — Склавенганг» — т. XIII наст. изд., стр. 103).

Каламбурно обыгрывая фамилию «Тымаев» как «Тымаев», Герцен не случайно назвал этого петербургского педагога «чиновником». Перу М. М. Тымаева принадлежал казенно репличный учебник «Краткое изложение русской истории» (СПб., 1858), выпущенный в двух рецензиях Н. А. Добролюбова («Современник», 1859, № 5, стр. 116—120 и «Журнал для воспитания», 1859, т. VI, кн. 8, отд. 6, стр. 102—105).

Стр. 63. *Et toi, Brute?* — «И ты, Брут?» — восклицание Юлия Цезаря, обращенное им перед смертью к Марку Юнию Бруту, другу Цезаря, принявшему участие в заговоре против Цезаря и убийстве последнего. У римлян не было принято обращение на «вы».

ИЗДАТЕЛЯМ ЖУРНАЛОВ В РОССИИ

Печатается по тексту *K*, л. 95 от 1 апреля 1861 г., стр. 804, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*J* XI, 65).

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки и постоянными, начиная с 1860 г., аналогичными жалобами, иногда обремененными в шутовскую форму, в произведениях и письмах Герцена на несвоевременную доставку русских журналов. В статье «1860 год» он отмечал «отвратительное почтовое устройство книжных посылок из России», отсутствие «всякой возможности своевременно получать журналы, когда доставляется в ноябре мартовская, а в декабре февральская книжка» (т. XIV наст. изд., стр. 222).

В статье «Почта в России» говорилось: «...Нельзя ли узнать, отчего, „каких ни вымышляй пружин“ и как дорого ни плати, пет никакой возможности получать вовремя русские периодические издания? Они иногда опаздывают *три, четыре* месяца, иногда приходят разом от двух месяцев. В последнее время в Лондоне были получены январские и февральские книжки за 1860, а декабрьских за 1859 до сих пор нет! Кто тут виноватый: редакторы, книгопродавцы, прямишниковские почтальоны или тимашевские слушальоны?» (т. XIV наст. изд., стр. 261). В статье «Библиотека» — дочь Сенковского упоминается о получении «„Отечественных записок“ за декабрь, которые, благодаря компании *du roulage Adlerberg—Prjanischnikoff*, пришли в Лондон в половине апреля» (т. XIV наст. изд., стр. 267); см. также заметки «Редакция „Колокола“ была бы очень благодарна. . .», «В контору „Современника“» (т. XVI наст. изд.), «Прусский почтамт», «15 февраля. „Московский ведомостей“ все нет» (т. XVII наст. изд.), «Русский инвалид» (т. XVIII наст. изд.) и в настоящем томе — «Благодарность отечественной почте и редакторам» (стр. 89). В письме к Н. П. Огареву от 20 февраля 1860 г. Герцен с возмущением отмечал: «„Отечественные

записки“, вероятно, сегодня получу. „Неделю“, посланную из Петербурга, еще не получал,— до такого безобразия почта еще не доходила, получить журналы просто невозможно».

ОСВОБОЖДЕНИЕ КРЕСТЬЯН

Печатается по тексту *K*, л. 95 от 1 апреля 1861 г., стр. 804, где опубликовано впервые, без подписи. В *ОК* озаглавлено: *Приглашение*. Этими строками заключается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

Включено в издание Лемке (*Л* XI, 65).

Авторство Герцена ясно из участия, которое он принимал в организации и проведении праздника. «У нас будет праздник,— писал Герцен сыну 21 марта 1861 г.— Весь дом будет иллюминирован газом с надписью: *3 марта 1861*. И знамя с „Emancipation in Russia“. Обед для всех работников типографии и вечер для всех неработающих, т. е. раут». Несколько позднее Герцен сообщал тому же адресату: «Я пишу тебе, чтоб сказать, что наш праздник может быть отложен до 5 апреля, но не долгие. Напиши тотчас, когда ты будешь и застанешь ли иллюминацию». В середине марта Герцен пишет к С. Тхоржевскому, обращаясь с просьбой помочь в организации праздника и давая ему конкретные поручения. 28 марта он оповещает И. С. Тургенева: «У нас 5 или 8 в Orsett-house праздник-monstre эмансипационный. Приглашаются все русские, кто бы ни были. *Обед* с тостом, коего речь придется на галльском языке. Иллюминация газом, со щитами, знаменами, надписями etc, etc...». 8 апреля 1861 г., уже после выхода в свет листа «Колокола» с настоящим приглашением, Герцен обращается к М. К. Рейхель: «В Лондоне, на банкете карбонщиков и якобинцев <...>, под красными знаменами и газовыми беками <...>, я публично провозглашаю тост, как Закревский — за Александра Николаевича <...> Вы видели в „Колоколе“ приглашение?».

О празднике 10 апреля и тосте, который Герцен намеревался произнести, см. далее статью «10 апреля 1861 и убийства в Варшаве» (стр. 65) и набросок «Друзья и товарищи!...» (стр. 217 и комментарий).

10 АПРЕЛЯ 1861 И УБИЙСТВА В ВАРШАВЕ

Печатается по тексту *K*, л. 96 от 15 апреля 1861 г., стр. 805—806, где опубликовано впервые, с подписью: *Искандер*. В *ОК* озаглавлено: *10 апреля 1861*. Этой статьей открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

См. выше комментарий к заметке «Освобождение крестьян».

С т р. 66. *Офицер, переломивший шпагу, начал новое братство...*— О полковнике Попове см. в комментарии к стр. 44.

...она собственно торжествовала смерть. — Подразумевается смерть Николая I в 1855 г. О ликовании в эмигрантских кругах в Лондоне в связи с известием о его смерти Герцен рассказал в «Былом и думах», гл. «Энгельсоны» (т. X наст. изд., стр. 361—362).

...*Sire, pas de rêveries! pas de rêveries!*—(Государь, никаких мечтаний, никаких мечтаний!) Во время посещения Польши 10 (22) мая 1856 г. Александр II принял в Варшаве польскую делегацию. На выраженную депутатами надежду, что русское правительство удовлетворит национальные требования поляков, Александр заявил: «Я желаю, чтобы порядок, установленный моим отцом, не был изменен нисколько. *Point de rêveries, messieurs!*»

...*вы предпочли австрийские драгонады.*— Герцен имеет в виду участие Австрии и Пруссии в польских событиях. В октябре 1860 г. в Варшаве

стретились русский император Александр II, прусский принц-регент Вильгельм и австрийский император Франц-Иосиф. Целью этой встречи было создание тройственного союза против развивавшегося национально-освободительного движения в Европе, которое грозило, после событий в Венгрии и Италии, распространиться на Польшу (см. статью «Es reiten drei Reiter», т. XIV). *Драгонады* — кавалерийские постой драгун в домах гугенотов, применявшиеся в качестве карательной меры.

...Хоть бы вы положили какой-нибудь срок ∞ обратным хозяйством Гамлетовой матери... — Герцен подразумевает горький упрек, брошенный Гамлетом королеве Гертруде: «и башмаков не износишь, в которых шла за гробом» мужа, она через месяц вышла замуж за его брата Клавдия («Гамлет» Шекспира, действие I, явление 2).

ЛИСТ ШПИОНОВ И «НОРДОВСКОЕ» ОБВИНЕНИЕ РУССКИХ ОФИЦЕРОВ В КРОВОЖАДНОСТИ

Печатается по тексту *К*, л. 96 от 15 апреля 1861 г., стр. 810—811, где опубликовано впервые, без подписи. В *ОК* озаглавлено: *Лист шпионов и «Норд»*. Автограф неизвестен.

Включено в издание Лемке (*Л* XI, 69—71) со следующей справкой: «Сверено с подлинником, хранящимся в архиве семьи Герцена» (*Л* XI, 465). В публикации Лемке различий с текстом «Колокола» нет.

Авторство Герцена подтверждается редакционным характером статьи, ответственностью ее заключений, близостью другим высказываниям Герцена о «лазутчиках, шпионах и их атаманах», явных и тайных агентах III отделения (ср. «От издателя», «Предостережения» — т. XIII, «Тайное явно!», «Тайный советник в квадрате», «Еще тайная полиция», «Почтовые почтенные и иные шпионы» — т. XIV наст. изд.). О Тимашеве и его «путешествии» по Европе и о Бруннове см. в «Материалах для некролога Авраамия Сергеевича Норова» (т. XIII наст. изд.), «Тимашев, сидите дома, как Бейст, не едите, как Гейнау!», «Бруты и Кассии III отделения» (наст. том). О кровавых событиях в Варшаве 15 (27) марта с выражением презрения к «звериной свирепости» Заблочкого и надежды на «благородство» русских офицеров Герцен писал в статьях «Vivat Polonia!» и «Сто пятнадцать благородных офицеров» (стр. 28 и 44 наст. тома). Использование материалов иностранной прессы («Indépendance», «Times», «Daily News», «Star» и др.) также свидетельствует в пользу авторства Герцена. Ироническое указание на «бельгийский журнал „Le Nord“» текстуально схоже с определением этого же журнала в статье Герцена «Охапка дровец старушки» (т. XIII наст. изд., стр. 192). Говоря в заметке о «нордовском обвинении» русских офицеров, Герцен подразумевал общее направление этой газеты в правительственном духе; в статье «Appel à la pudeur» Герцен так и писал: у нас явилось «нордовское направление» (т. XIII, стр. 415); ср. также в заметке «Rappel à la pudeur» строки о «нордовской лести» (стр. 332).

С т р . 68. ...тимашевского путешествия... — См. стр. 292—293.

...целый роман, как Тимашев подсылал к нам шпиона, как у нас был его портрет, — очень интересно. — Анекдот этот в разных вариантах не раз повторялся в европейской прессе. В нем рассказывалось, как Герцену «был нанесен визит каким-то господином, отрекомендовавшимся большим почитателем изгнанника. После довольно продолжительной беседы, которая, естественно, вращалась вокруг сочинений, коим посетитель расточал прочувствованные похвалы и, казалось, полностью принимал выраженные в них идеи, заговорили о преследованиях русского правительства и о надзоре, осуществляемом им над изгнанником.

— Вам необходимо, — сказал посетитель, — постоянно бороться с непрекращающейся слезной тайной агентств. Не приходится ли вам иногда принимать у себя сотрудников полиции?

— Да, — отвечал Герцен, — вот, например, я недавно получил из Петербурга известие о прибытии в Женеву одного из этих господ. Мне прислали даже его фотографию. Посмотрите-ка, вот она.

Он вынул из бумажника фотографию и показал своему собеседнику. Тот поблуднед: то был его собственный фотографический портрет» («L'Etoile Belge» от 29 января 1870 г., см. ЛН, т. 63, стр. 538).

Стр. 69. ...б е л г и й с к о г о ж у р н а л а «Le Nord» ... — Выходившая с 1855 г. в Брюсселе газета «Le Nord» имела полуофициозный характер и субсидировалась царским правительством. Основатель и редактор газеты Н. П. Поггенполь пользовался особым покровительством вел. кн. Константина Николаевича. Поггенполь всячески рекламировал «либеральный» характер своей газеты, как «органа русского народа»: «Мы — голос из Севера, голос искренний и прямой, голос совести чистой, не знающий за собой никакой вины» («Современник», 1855, № 8, отд. «Иностранные известия», стр. 276—277).

«Это самый подлейший орган и с каждым № хуже и хуже», — писал Герцен И. С. Тургеневу 3 декабря 1856 г. Тургенев ему отвечал 5 (17 декабря): «Поггенполь — интриган, русский немец, который уверяет, что ненавидит немцев и „чюфствует союзу“ (собственные его слова) с русским мужиком <...> Порядочному человеку с такими молодчиками знать-ся не для чего» (Письма КТГ, стр. 94). «Ритором, защитником, хвалителем Зимнего дворца» назвал Герцен газету «Le Nord» в статье «Ископаемый епископ, допотопное правительство и обманутый народ» (стр. 133 наст. тома). См. также комментарий к заметке Герцена «Двуспальный лист» (т. XIII, стр. 556).

...*sécurité publique* ∞ *o sicurezza publica*... — Службы общественной безопасности во Франции и Италии.

НОВЫЕ МЕХА ДЛЯ НОВОГО ВИНА

Печатается по тексту К, л. 96 от 15 апреля 1861 г., стр. 811, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В ОК озаглавлено: *Новые меха*. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду Dubia (Л XI, 71).

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки, ее тематикой, входящей в круг обычных его интересов (необходимость изменения общего курса правительства и замены «оппозиционных» министров «людьми свежими»), близостью другим высказываниям Герцена о Муравьеве, Долгорукове и Тимашеве и свойственными публицистическому стилю Герцена словесно-фразеологическими формами выражения тех же идей. Еще сохраняя веру в реформаторскую деятельность Александра II, Герцен в программной статье «1860 год» отмечал «нерешительность, шаткость во всех его действиях», упрекал в том, что он «опирается на гнилое дерево возле свежего» вместо того, чтобы «заменить этих опытных, маститых слуг престола», составивших «оппозицию» прогресса: «Нельзя желать законности — и иметь в своей собственной канцелярии целое отделение шпионов. Нельзя начинать новую постройку — и брать помощников из богадельни прошедшего. Нельзя прогнать Клейнмихеля и Бибикова — и оставить Панина, Муравьева (который вешает), Орлова, мухановского Горчакова и пр. и пр.» (т. XIV наст. изд., стр. 217—218). Еще раньше Герцен писал М. Мейзенбуг (19 сентября 1858 г.): «Die Reaktion in Russland ist groß — der Adel macht die hartnäckigste Opposition, Alex. ist wütend, aber schwach und ganz in den Händen v. Halunken».

Уже ожидая провозглашения манифеста, Герцен в статье «Накануне» писал о «плантаторской оппозиции инвалидов» (стр. 33 наст. тома), а в статье «Манифест!» обращался к Александру II: «Окружите себя свежими, живыми людьми, не рутинистами, не доктринерами, а людьми понимающими, любящими Россию...» (стр. 53). О III отделении и необходимости его уничтожить Герцен писал в заметке «Кончина И. Д. Якушкина»: «Когда Тимашев брал место Дубельта, он говорил, что „берет его для того, чтоб доказать, что оно не нужно“. Он делает гораздо больше, он доказывает, что оно очень вредно» (т. XIII наст. изд., стр. 71); в статье «1 июля 1858»: «Снявши цензурную колодку, можно закрыть и III отделение <...> Тимашева можно сделать вместо Геденова директором театров и царских увеселений» (т. XIII наст. изд., стр. 298); в заметке «Buona notte, buona notte»: «Пусть печальный пример Тимашева носитися вечно перед глазами Шувалова <...> Если Шувалов дорожит своим именем, то, приняв, как говорят, à contre cœur, место (непростительная слабость!), пусть же он сделает его ненужным» (стр. 102 наст. тома).

В заметке Герцена отразились слухи о возможных переменах в составе правительства. После опубликования манифеста 19 февраля 1861 г. борьба между либерально-реформаторской группой Н. А. Милютина, С. С. Ланского, Д. А. Милютина и др. (и поддерживавшими их кн. Константином Николаевичем и вел. кн. Еленой Павловной) и противниками всяких реформ (М. Н. Муравьев, кн. В. А. Долгоруков, кн. П. П. Гагарин и др.) не прекратилась. И те и другие пытались оставить в правительстве лишь своих сторонников. Кн. П. В. Долгоруков рассказывал об этом в памфлетном очерке «Михаил Николаевич Муравьев»: «Приближался апрель 1861 года. Стародуры хотели канцлером Нессельродом заменить графа Блудова <...>, Горчакова или бароном Петром Мейндорфом, или бароном Будбергом, или <...> Иваном Матвеевичем Толстым <...>, Ланского они хотели заменить или Бутковыми или Игнатьевым, Сухозанета <...> Барановым, а Ковалевского или бароном Модестом Корфом или Левшиным. Великий князь с своей стороны хотел заменить Ланского Николаем Алексеевичем Милютиным, Сухозанета—генералом Милютиным, Княжевича — Рейтерном, Ковалевского—Головинным, Панина или <...> Глебовым или статс-секретарем князем Оболенским <...>, Горчакова — князем Алексеем Борисовичем Лобановым, а министерство государственных имуществ хотел упразднить и через то вывести Муравьева из совета министров и из комитета министров. Он хотел также согнать с места князя В. А. Долгорукова» (П. В. Д о л г о р у к о в. Петербургские очерки. Pamфлеты эмигранта. 1860—1867. М., 1934, стр. 309—310).

До середины апреля победа группы Н. А. Милютина казалась вполне возможной. В это время многие из отнюдь не прогрессивных деятелей, даже крепостников, не возражали против уничтожения или, по крайней мере, преобразования III отделения. Письмо к Герцену С. С. Громеки, в то время чиновника министерства внутренних дел, содержавшее рассказ о неоднократных попытках Тимашева «уничтожить III отделение или доказать необходимость его уничтожения», записка гр. П. А. Шувалова, инспирированная Громекой, формально адресованная шефу жандармов Долгорукову, а фактически предназначенная для Александра II, в которой III отделение сравнивалось с инквизицией, тайной полицией времен Бирона, Шешковского и доказывалась необходимость его реорганизации (см. об этих документах в комментарии к заметке «Buona notte, buona notte», стр. 359), свидетельствовали, что подобные настроения были широко распространены в определенных кругах и могли стать известны Герцену от его хорошо осведомленных корреспондентов и посетителей.

«КОЛОКОЛЪ», КОВАЛЕВСКИЙ, КОСТОМАРОВ, КОПИЯ, КАННИБАЛЫ

Печатается по тексту *К*, л. 96 от 15 апреля 1861 г., стр. 811—812, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: *Плетнев*. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 71—72).

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки, объяснениями по поводу публикации в «Колоколе» его же собственных произведений (статья «Константин Сергеевич Аксаков» — стр. 9 наст. тома, многочисленные обращения в «Колоколе» к Александру II). Характерен для стиля Герцена образ «шалуна» (в данном случае речь идет о Плетневе), восходящий к «Былому и думам», где с именем П. Я. Чадаева связывается его замечание по поводу «шалостей поврежденного своеволия власти» и официальных ее представителей: «Какие они все шалуны!» (т. IX наст. изд., стр. 141 и 217). В этом специфическом значении слово «шалун» прочно вошло в состав публицистической лексики Герцена: ср. «кто-нибудь из этих седых шалунов—Орлов, Закресский...» (в статье «1 июля 1858», т. XIII наст. изд., стр. 295); «седые шалуны, плешивые шалуны, смешные шалуны» (в «Чрезвычайном прибавлении к 61 листу „Колокола“, т. XIV наст. изд., стр. 229); «праздный шалун с седыми усами» (в предисловии к сб. «За пять лет», т. XIV наст. изд., стр. 277); «Шалун Муханов» (т. XIV, стр. 305); «Потапов, уймите ваших шалунов» (в заметке «Ей-богу, надоело», т. XVI наст. изд., стр. 241) и т. п. Близки статьям Герцена и некоторые другие стилистические признаки этой заметки, например, каламбурные строки о «просвещенном распоряжении такового же министерства», об «отцах просвещения вместе с отцами III отделения». Неожиданная ироническая концовка заметки («А когда юбилей Плетнева?») связана со статьей в этом же листе «Колокола» по поводу юбилеев реакционных сановников — см. далее «Злоупотребление пятидесятилетий».

На университетском акте 8 февраля 1861 г. с чтением статьи о недавно умершем К. С. Аксакове должен был выступить проф. Н. И. Костомаров. Опасаясь студенческих волнений, министр просвещения Е. П. Ковалевский запретил чтение статьи. По окончании акта студенты шумно требовали речи Костомарова, однако университетское начальство скрылось. Спустя несколько дней проф. Костомаров выступил все же с публичным чтением речи, которая восторженно была встречена присутствующими. В своих воспоминаниях А. М. Скабичевский, говоря об успехе Костомарова, сообщает, что «слушатели, не ограничиваясь оглушительными аплодисментами, подняли его в кресле высоко над толпою и торжественно вынесли из зала» (А. М. С к а б и ч е с к и й. Литературные воспоминания, М., 1928, стр. 146).

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЙ

Печатается по тексту *К*, л. 96 от 15 апреля 1861 г., стр. 812, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: *Пятидесятилетие Вяземского*. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 71).

Заметка идейно-тематически и стилистически близка другим высказываниям Герцена о юбилеях реакционных сановников. В статье «Юбилей» Герцен писал о «злоупотреблении» юбилеями: «...Юбилей Княжевича, юбилей Вяземского, юбилей Адлерберга, юбилей Сухозанета и, наконец, юбилей России!» (т. XVI наст. изд., стр. 30). «Помнится <...> была мода ставить старичков на юбилей; ставили Вяземского и Сухозанета

Ковалевского и Греча, Миллера и Шульца...», — иронически замечал Герцен в статье «Л. Самарин и Н. Бекенев» (*К*, л. 196 от 1 апреля 1865 г., т. XVIII наст. изд.). О том, что «Княжевич пятьдесят лет с Гречем хлеб-соль водит», Герцен упоминал в заметке «Орлы, львы и генерал-бас жандармского корпуса» (стр. 63 наст. тома). О «высочайшем путешествии по России Александра Дюма» (в 1858 г.) говорилось в заметке Герцена «А. Дюма», «Со стыдом, с сожалением читаем мы, как наша аристократия стелется у ног *А. Дюма*, как бегают смотреть „великого и курчавого человека“ сквозь решетки сада» (т. XIII наст. изд., стр. 349). О «возведении в действительно тайные великие люди Молинари» Герцен писал в статьях «„Библиотека“ — дочь Сенковского» (т. XIV наст. изд., стр. 268) и «Сенаторам и тайным советникам журнализма» (т. XVI наст. изд., стр. 92).

Характерен для стиля Герцена каламбурный смысл определения Молинари как «действительно тайного» великого человека (ср. выражение «действительные тайные палачи» — в «Синхедрионе московских университетских фарисеев», т. XIV, стр. 197; «действительно тайная и не действительно воночая трава» — в заметке «Еще глупее!», т. XIV, стр. 421). Образ «обер-фор-шнейдера», «нарезчика дичи» Муханова входит в стилистическую систему художественно-публицистической речи Герцена (ср. в заметке «Муханов, что не на Висле» строки о «невском Фальстафе», который «режет фазанов» — т. XIV, стр. 279; в заметке «Шалун Муханов» — о нем же как «нарезчике дичи» — т. XIV, стр. 305; то же в статье «Провинциальные университеты» — стр. 23 наст. тома). Замечание о Грече, который «поставил на юбилей свежего старика — П. А. Вяземского», близко соответствующему фразеологическому обороту в статьях Герцена «Л. Самарин и Н. Бекенев» и «Из Петербурга» (1866 г.): «...поставить стариков на юбилей» (т. XVIII), «Что сделает Муравьев? Разве, поставит свежего Каракозова...» (т. XIX). Свойственны стилю Герцена неожиданные эпитеты в сочетаниях «юбилейный князь», «седые речи». Заметка тесно связана с концевкой предыдущей заметки, о принадлежности которой Герцену см. выше.

Стр. 74. ... *высочайшего путешествия по России Александра Дюма*... — Александр Дюма-отец в результате своей поездки по России в 1858 г. выпустил книгу: *Impressions de voyage en Russie etc. par Alexandre Dumas*, Paris, 1858. О пребывании А. Дюма в России см. также у И. И. Панаева в «Заметках Нового поэта» («Современник», 1858, № 7, стр. 78—89) и в воспоминаниях А. Я. Панаевой («Воспоминания», М., 1948, стр. 244—252). О почестях, оказанных ему русской аристократией и провинциальной администрацией, см. также материалы архива III отделения (*Л* XXII, 118—120).

... *возведения в действительно тайные великие люди Молинари*... — Бельгийский экономист Густав Молинари, редактор «*Journal des économistes*», с конца пятидесятих годов постоянно сотрудничавший в изданиях Каткова — «Московских ведомостях» и «Русском Вестнике», в 1860 г. приезжал в Москву, где был принят Катковым и его кругом с большим почетом. Свои впечатления о поездке Молинари изложил в книге: «*Lettres sur la Russie*», Paris, 1861.

Греч подражает стариков ∞ *описывает блюда и стариков и свои собственные седые речи*. — Пятидесятилетие литературной деятельности Н. И. Греча было отмечено 27 декабря 1854 г. Об отношении Герцена к этому «юбиларю» см. его статью «Генералы от ценсуры и Виктор Гюго на батарее Сальванди» (т. XIV), а также заметку «Л. Самарин и Н. Бекенев» (т. XVIII).

... *повестью Греча о том, как юный казанский студент* ∞ *сделался министром и сам празднует юбилей* ∞ *мешал освобождению крестьян*.

—Герцен имеет в виду министра финансов А. М. Княжевича, панегирической характеристике которого было посвящено выступление Н. И. Греча на юбилее, отмечавшемся 19 января в зале петербургского дворянского собрания. Эта речь была опубликована в «Северной пчеле» 21 января 1861 г. В своем памфлетном изложении Герцен ближайшим образом использовал следующие строки Греча: «За пятьдесят лет перед сим прибыл в Санкт-Петербург (<...> молодой питомец Казанского университета, сын родителей добродетельных и благочестивых, с детских уже лет проявлявший необыкновенные качества ума и сердца. Успехи его в науках были так велики и неоспоримы, что на 16 году от рождения ему поручена была в университете кафедра чистой математики. Здесь, в Петербурге, поступил он на службу в министерство финансов». О Княжевиче, «который все терпит и все любит, взяточников и откупщиков», и о его дружбе с Гречем Герцен еще раз упомянул в заметках «Сенатские арестантские роты (осужденный Переверзев)» и «Орлы, львы и генерал-бас жандармского корпуса» (стр. 30 и 63 наст. тома), а об его «чиновном юбилее» — в статье «Киевский университет и Н. И. Пирогов» (стр. 103). О позиции Княжевича в Главном комитете по крестьянскому делу Герцен писал в заметке «Одесную и ошую» (стр. 26 наст. тома). В публикации «Освобождение крестьян», помещенной в «Колоколе», сообщалось, что при подписании протокола Главного комитета Княжевич, в числе четырех других членов, «был *против* проекта и *против* освобождения» (см. стр. 252). На юбилей Княжевича откликнулся журнал кн. П. В. Долгорукова статьей «Юбилей пустого всероссийского казначейства» («Будущность», 28 февраля 1861, № 8, стр. 63—64). В следующем номере журнала было напечатано «Письмо из Петербурга о том, что происходит в министерстве финансов», в котором говорилось о деятельности Княжевича на посту министра финансов («Будущность», 18 марта 1861, № 9, стр. 71—72).

... Греч поставил на юбилей свежего старика П. А. Вяземского. —Официальное чествование Вяземского по случаю пятидесятилетия его литературной деятельности состоялось в Петербурге 2 марта 1861 г. в Большом зале императорской Академии наук. Об откликах на это чествование в печати см. брошюру «Юбилей пятидесятилетия литературной деятельности академика кн. П. А. Вяземского, СПб., 1861, а также «Современник», 1861, № 3, стр. 160; «Отечественные записки», 1861, № 6, стр. 99; «Искра», 1861, № 14, стр. 201 и № 20, стр. 293—296; «Северная пчела», от 10 марта 1861 г., № 55; «Русский вестник», 1861, № 4; «Русское слово», 1861, № 5 и 6 и др. Об отношении Герцена к деятельности кн. П. А. Вяземского как товарища министра народного просвещения, ведавшего Главным управлением цензуры, см. заметки в «Колоколе» за 1858 г.: «Правда ли?», «Под судом», «Паки и паки о князе Петре Вяземском» (т. XIII наст. изд.).

Стр. 75. ... *трубадура, воспевшего его страшно плохими стихами.* —Герцен имеет в виду графа В. А. Соллогуба, выступившего на чествовании Вяземского с приветственным стихотворением, в котором имелся следующий куплет:

Любимый незабвенным кругом,
Ты в золотые времена
Был Пушкина ближайшим другом
И братом был Карамзина.

Это стихотворение было напечатано в «Северной пчеле» от 10 марта 1861 г., № 55, вместе с отчетом о юбилее «гениального нашего писателя и поэта князя П. А. Вяземского, устроенном президентом и членами Академии с высочайшего соизволения». Выступление Соллогуба вызвало многочисленные протестующие отклики в стихах и прозе. См., например, пародию

Д. Минаева «Праздная суета. Стихотворение великосветского поэта графа Чужеземцева» («Искра», 1861, №№ 13 и 14), его же «Стансы на будущий литературный юбилей автора „Чиновника“ и „La nuit de Saint-Sylvestre“» («Думы и песни», СПб., 1863, стр. 152—154), а также «С.-Петербургские ведомости», 1861, № 58; «Искра», № 20 от 20 июня 1861 г., стр. 293—294.

Нарезчик дичи Муханов ∞ обеду, на котором он врезал первого терева? — См. комментарий к стр. 23.

.. на чай к Елене Павловне... — Герцен подразумевает попытки вел. кн. Елены Павловны создать в середине 50-х годов в Михайловском дворце общественно-литературный салон.

**TO THE EDITOR OF «THE DAILY NEWS»
<SIR,— A TELEGRAM WHICH APPEARED...>**

Печатается по тексту газеты «The Daily News» от 17 апреля 1861 г., № 4659, где опубликовано впервые, с подписью: *Alexander Herzen*, под редакционной рубрикой «Garibaldi and the Warsaw massacre» («Гарибальди и варшавская резня»). Автограф неизвестен.

Стр. 78. ...опубликовано в «Diritto». — Письмо Гарибальди к Герцену от 13 апреля 1861 г. было первоначально напечатано в газете «Il Diritto» от 15 апреля 1861 г., № 104. Русский текст этого письма см. на стр. 341 наст. тома.

... несколько ∞ строк, опубликованных в последнем номере «Колокола» (№ 96, 15 апреля). — Далее Герцен приводит выдержки из своей статьи «10 апреля 1861 и убийства в Варшав» (см. стр. 65—66 наст. тома и комментарий).

**TO THE EDITOR OF «THE DAILY NEWS»
<SIR,— I HAVE THE HONOUR OF SENDING...>**

Печатается по тексту газеты «The Daily News» от 22 апреля 1861 г., № 4663, где опубликовано впервые, с подписью: *Alex. Herzen*, под редакционной рубрикой «Garibaldi and the Warsaw murders» («Гарибальди и варшавские убийства»). Автограф неизвестен.

Вслед за открытым письмом Герцена к редактору-издателю в газете были напечатаны, также по-английски, письмо Гарибальди к Герцену от 13 апреля и ответ Герцена от 19 апреля 1861 г. Английский текст ответа Герцена, а также его разночтения с русским текстом см. на стр. 340—341 наст. тома. Русский текст обоих писем был затем опубликован в *K*, л. 97 от 1 мая 1861 г. (см. «Гарибальди и „Колокол“», стр. 83—84 и 341 наст. тома).

MATER DOLOROSA

Печатается по тексту *K*, л. 97 от 1 мая 1861 г., стр. 813, где опубликовано впервые, с подписью: *Искандер*. Этой статьей открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

Перепечатано в польском переводе в журнале «Przegląd Rzeczy Polskich» от 22 мая 1861 г. (*J* XI, 465).

Герцен писал М. К. Рейхель 13 мая 1861 г.: «Мелюзга меня бранит за статью о Польше, — я с своей дороги не сойду ни на шаг, это знамя донесу. И всякое событие в России показывает, что я прав».

Стр. 81. *Mater dolorosa*. — «Матерь скорбящая», слова из католической молитвы.

Стр. 82. *Один Горчаков стал кроток, как ягненок, другой Горчаков зацелкала свои ноты и свои трели о кротости царя, о его любви к народу польскому...* — Имеются в виду царский наместник в Польше генерал-адъютант М. Д. Горчаков и его двоюродный брат министр иностранных дел А. М. Горчаков, разославший русским посольствам за границей, в сопровождении своего циркулярного письма от 20 марта, дипломатические ноты для правительств европейских держав с содержанием указа Александра II от 14 марта 1861 г. о новом государственном устройстве Польши. В нотах заявлялось об «отеческой попечительности» царя по отношению к польскому народу и о намерениях его улучшить положение поляков «в границах справедливости и возможности» (см. «Русский инвалид», № 64 от 21 марта и № 65 от 22 марта 1861 г.)

... царь в это время, улыбаясь и кивая добродушно народу, о т п у е к а л за спиною Хрулева! — Генерал-лейтенант С. А. Хрулев, один из руководителей обороны Севастополя в 1854—1855 гг., командовал в Варшаве войсками, расстрелявшими 10 апреля 1861 г. безоружных демонстрантов. Об отношении Герцена к Хрулеву см. заметки «Урок из географии» и «Отеческий совет» и комментарии к ним (наст. том, стр. 86 и 95). О жестокости Хрулева см. записи в дневнике В. Ф. Одоевского от первой половины июня 1860 г. (ЛН, т. 22—24, стр. 111).

〈ГАРИБАЛЬДИ И «КОЛОКОЛ〉

Печатается по тексту К, л. 97 от 1 мая 1861 г., стр. 814, где опубликовано впервые, с подписью: *А. Герцен*. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Английский текст письма Герцена был напечатан в газете «The Daily News» от 22 апреля 1861 г. в сопровождении письма Герцена издателю «The Daily News» (см. стр. 80 наст. тома). Ниже приводится этот английский текст:

Dear Garibaldi, — I hasten to inform you that I am happy to convey through the *Kolokol* to the Poles and Russian officers your words of sympathy and I have pleasure in telling you that we acted in conformity with your counsel before it reached us. The merit was not great, however, for we had no choice, in presence of the crimes committed by the Russian government. It is true we have dreamt of a future federation of the people of Slavonian origin, but we leave these *pia desideria* for a far distant future—the present demands the recognition of the complete autonomy of Poland, her absolute independence of Russia and Germany.

It might have been imagined that the emperor Alexander, who has acted admirably in the question of emancipation of the peasants, would understand the historic necessity for the re-establishment of a free Poland. Unfortunately, he has too much of the Prussian, Austrian, and Mongolian element. The snare—premeditated, cold, cruel—with that oriental cunning which merges the nature of the tiger into that of a cat, places this out of the question.

Before the arrival of your letter, my dear Garibaldi, I had seen the extract in a telegram, and immediately despatched a note to three London journals, two of which had the politeness to insert it. I send you the text of the *Daily News*, begging you, if you have no objection, to insert it with this letter in the *Diritto*. I add a flying leaf printed in 1854—also, at the time, reproduced in the *Daily News*—containing our address to the Russian soldiers in Poland, in which the Russian soldiers were exhorted

rather to disobey orders and take the consequences, than to fire on the Poles.

I seize the opportunity to repeat to you what all the world repeats — the expression of our sympathy and admiration. — Yours, etc.,

London, April 19.

A. Herzen.

В английском тексте имеются небольшие разночтения: говоря о своем письме, посланном в редакции английских газет (см. выше «To the editor of „The Daily News“», стр. 76), Герцен упоминает «три лондонские газеты, две из которых любезно согласились поместить его»; к словам о «воззвании к русским воинам, стоящим в Польше, сделанном в 1854 году» добавлено: «и тогда же напечатанном в „Daily News“»; далее следуют строки: «в котором русские солдаты призывались скорее не повиноваться приказам и нести ответственность за это, чем стрелять в поляков».

Перед «Ответом» Герцена в «Колоколе» был помещен следующий текст «Письма Гарибальди»:

Любезный Герцен,

недавно слово освобождения крестьян в России было принято с восторгом и удивлением всей Европой. Государь, начавший и совершивший это великое дело, одним этим уж поставил себя в числе величайших благодетелей человечества. А теперь, — я это говорю с горестью — доброе дело запятнано невинной кровью. Теперь долг тех, которые рукоколескали великому поступку, поднять голос проклятия на совершителей отвратительного злодейства.

Пусть ваш журнал, справедливо оцененный в России, передаст слово сочувствия от народа итальянского насчастной и героической Польше и слово благодарности храбрым воинам русским, которые, как Попов, сломали свою саблю, чтоб не обагрить ее в крови народа; передайте, с тем вместе, крик негодования народов европейских против виновника гнусной бойни.

Преданный вам
Д. Г а р и б а л ь д и.

Турин, 13 апреля 1861.

Письмо Гарибальди было первоначально помещено в газете «Il Diritto», № 104 от 15 апреля, затем в английском переводе в «The Daily News» от 22 апреля 1861 г. вместе с ответом Герцена. Французский текст письма — по подлиннику, хранившемуся в архиве семьи Герцена, см. Л XI, 85—86 (см. также ЛН, т. 7—8, стр. 93).

В письме к С. Тхоржевскому от апреля 1861 г. Герцен спрашивал: «Видели ли вы в „Теймсе“ письмо ко мне Гарибальди?». 1 мая 1861 г. Герцен писал Гарибальди: «... Вы видели в моем ответе и в моих статьях, что мы решительно объявили себя против истребительного абсолютизма и за Польшу» (см. подлинник на французском языке — ЛН, т. 7—8, стр. 94).

Стр. 83. ... кн. Трубецкой из Блевио, отсечасший в «Le Nord» ... — Письмо кн. А. В. Трубецкого к Гарибальди от 16 апреля 1861 г. было напечатано в «Le Nord» 22 апреля 1861 г., № 112, стр. 1 («Lettre du prince Troubetzkoï au général Garibaldi»). А. С. Уваров писал Герцену 30 апреля 1861 г.: «Позволите ли вы мне прислать за „Нордом“: мне очень любопытно прочесть письмо Трубецкого, наверно писано в духе тимашеворавительственном; это может быть диссертация на чин?» (ЛН, т. 62, стр. 604).

Кн. Трубецкой ∞ как было сказано в «Колоколе», л. 54, окт. 1859) *уговаривал архиерея в Комо идти на встречу Урбана, как нам подтвердил подеста и сардинский комиссар Веноста.* — В К, л. 47 от 1 июля 1859 г. был помещен запрос о том, правда ли, что кн. Трубецкой, бывший в 1848 г. офицером у Радецкого, «ездил из Комо депутатом от австрийской партии, прося снова принять в имперское подданство из под *рабства* Гарибальди» (см. «Un austriaco ripiscire Troubetzkoу» — т. XIV, стр. 128). В «Поправке к заметке о кн. Трубецком в „Колоколе“ л. 47», напечатанной в К, л. 53 от 1 октября 1859 г., были приведены выдержки из письма комиссара Веносты, подтвердившего, что Трубецкой «уговаривал епископа и подесту (1 июня 1859) идти навстречу Урбану» (т. XIV, стр. 190).

Стр. 84. ... *воззвание наше к русским войскам, стоящим в Польше, едланное в 1854 году.* — См. воззвание «Русскому воинству в Польше» — т. XII, стр. 204.

КОНЧИНА БАСАРГИНА

Печатается по тексту К, л. 97 от 1 мая 1861 г., стр. 819, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В ОК озаглавлено: *Басаргин. Автограф* писзвесте.

В издании Лемке отнесено к разделу Dubia (Л XI, 88—89).

Авторство Герцена подтверждается его многократными высказываниями о декабристском движении, его исторической роли, об отдельных его деятелях, благоговейным отношением к их памяти. Заметкой Герцена «Кончина И. Д. Якушкина» в «Колоколе» была начата публикация целого ряда редакционных сообщений-некрологов о декабристах: «Кончина Пушина» (т. XIV наст. изд.), «Кончина князя Сергея Петровича Трубецкого» (наст. том), «Н. П. Цебриков» (т. XVI), «Г. С. Батеньков» (т. XVII), «Кончина А. Н. Муравьева», «Князь Е. Оболенский и Бобринцев-Пушкин» (т. XVIII наст. изд.).

В заметке «Кончина Пушина» Герцен от лица редакции заявлял: «Все касающееся до великой, передовой фаланги наших вождей, наших героических старцев, должно быть отмечено у нас» (т. XIV, стр. 126). Начальные строки в комментируемой заметке о Басаргине как об «одном из наших старцев» текстуально совпадают с этим же определением декабристов в «Кончине Пушина», а также в «Ответе русской даме»: «... у нас и теперь есть наши *старцы* Сибири, наши *старцы* каторжной работы, и мы перед ними стоим с непокрытой головой» — т. XIV, стр. 71). Заключительная реплика заметки («А ведь как ни выкрадывайте истину, историю вам не украсть!») имеет, как и начальная фраза, редакционный характер и в сжатом виде повторяет неоднократно заявленное Герценом отношение к официальной историографии с присутствиями ей «жалким, ложным, рабским воззрением на события» 1825 года, искажением «исторической философии этого события» и клеветой на «людей 14 декабря», вписавших «свое имя на листах истории» (см. «Письмо к императору Александру II. По поводу книги барона Корфа», предисловие к книге «14 декабря 1825 и император Николай», «Русский заговор 1825 года» — т. XIII наст. изд.).

Член Южного общества декабристов Н. В. Басаргин скончался в Москве 3 февраля 1861 г. Введенный в Союз благоденствия Басаргин наиболее энергичное участие в деятельности тайного общества принимал с марта 1820 г., когда его перевели на службу в Тульчин адъютантом начальника штаба 2-й армии генерала П. Д. Киселева, и до конца 1821 г. Именно в этот период он оказался среди тех членов Союза благоденствия, которые не признали решение Московского съезда о роспуске организации и под руководством П. И. Пестеля основали Южное общество. Несмотря

на то, что с 1822 г. он по существу отошел от тайного общества, Верховный уголовный суд по делу декабристов осудил его по II разряду на 20 лет каторжных работ. Получив после амнистии 26 августа 1856 г. право возвратиться в Европейскую Россию, Басаргин 25 марта 1857 г. приехал в Москву. В письме к И. И. Пущину от 30 марта 1857 г. Е. И. Якушкин (сын декабриста) сообщал: «На днях приехал Басаргин большой до такой степени, что он вошел ко мне на лестницу и у него сделался такой припадок одышки, который перепугал всех. Тотчас вызвали докторов, и они объявили, что ему необходимо остаться в Москве недели две или три. К Закревскому ездила Ольга Ивановна <жена Басаргина, урожденная Менделеева, сестра знаменитого химика> и объяснила ему, что муж ее вовсе не хочет жить в Москве, что он захворал дорогой и что доктора не позволяют ему ехать. На что Закревский отвечал, что он не может позволить остаться Басаргину в Москве более 5 дней» (см. «Декабристы. Летописи Государственного литературного музея», М., 1938, стр. 463; «Записки статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина», М., 1951, стр. 449—450). В поисках приюта Н. В. Басаргин ездил сначала в Киевскую губернию к родственникам первой жены, а затем жил у своего друга А. И. Барышников в его имении Алексин Смоленской губернии.

По всей вероятности, сведения о смерти Басаргина Герцену сообщил Е. И. Якушкин, который хорошо знал покойного и до этого неоднократно писал о декабристах в «Колокол» (см. комментарии к заметке «Кончина И. Д. Якушкина» и «Смерть Пущина»). Видимо из этого же источника Герцен узнал и о «Записках» Басаргина, которые собирались позднее издать (см. «„Записки“ декабристов» — т. XVI наст. изд.).

РЕЙТЕРН

Печатается по тексту К, л. 97 от 1 мая 1861 г., стр. 819, где опубликовано впервые — в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издания Тихомирова (Т, 284) и Лемке (Л XI, 89).

Авторство Герцена определяется тесной идейно-тематической и стилистической связью заметки со всеми другими его выступлениями в «Колоколе» по поводу подавления волнений в Польше, отказа русских офицеров от участия в них и «очистительной жертвы», приносимой ими во имя независимости Польши и свободы России. О другом «русском воине <видимо, полковнике Попове>, который отказался стрелять в безоружных» и тем «спас честь России», Герцен писал в статье «Vivat Polonia!»: «Вероятно, герой этот погибнет за Польшу» <...> Гибнущие братья-искупители! Тяжела ваша участь, но идите в арестантские роты, в крестости, казематы, на смерть — только не убивайте ни поляка, который хочет быть самим собой, ни крестьянина, требующего свободы» (стр. 44—45 наст. тома). В статье «10 апреля 1861 и убийства в Варшаве» Герцен повторяет эту же мысль: «Офицер, переломивший шпагу, начал новое братство... если он погиб, как говорят журналы, если его в самом деле расстреляли, мы ему с поляками воздвигнем пограничный памятник; его именем начнется новая эра!» (стр. 66). О своей принципиальной позиции в этом вопросе Герцен писал в 1862 г. в статье «Ответ „г. Поляку“ на статью и письмо»: «Все наше старание, все наши усилия идут к тому, чтоб независимость польского народа и свободу народа русского основать на совокупном, братском действии против петербургского деспотизма» (т. XVI, стр. 243). Герцен много раз возвращался к этой же теме в связи с начавшимся в 1863 г. восстанием в Польше и писал о трагическом положении русских офицеров, «обреченных на преступление или на жертву» («Наглое злоупотребление полицейского слова», т. XVII, «А. А. Потембня», т. XVIII). В «Письме к Гарибальди», датированном 21 ноября 1863 г., Герцен снова говорил: «... Когда благоприятное меньшинство русских офицеров обратилось к нам за советом,

что им делать в случае польского восстания, мы, не обинуясь, сказали им, что лучше оставить ряды, перейти в противный стан, быть убитым, чем сражаться против Польши, которая для нас имеет больше чем историческое право, больше чем право героизма, — право на наше искупление» (т. XVII).

В статье «Памяти Герцена» В. И. Ленин вспоминал эту заметку как один из примеров революционно-демократической позиции «Колокола» в польском вопросе и приводил из нее цитату: «Когда полковник Рейтерн застрелился в Варшаве (1860 г.), чтобы не быть помощником палачей, Герцен писал: „Если расстреливать, так нужно расстреливать тех генералов, которые вселят стрелять по безоружным“» (В. И. Л е н и н. Сочинения, изд. 4-е, т. 18, стр. 14).

О полковнике Рейтерне, застрелившемся в Варшаве в 1861 г., нет никаких упоминаний в многочисленной справочной, исторической и мемуарной литературе о событиях того времени. По всей видимости, здесь имеет место ошибочная передача фамилии, и речь идет о полковнике главного штаба русских войск в Варшаве Пейкере, действительно покончившем самоубийством 26 марта (7 апреля) 1861 г. В газете «Le Nord» от 7 мая 1861 г. было напечатано письмо из Варшавы, в котором опровергались сообщения польских газет, что причиной самоубийства Пейкера послужило его нежелание поднимать оружие против поляков. В этом опровержении, напечатанном также в «Русском инвалиде» от 4 мая 1861 г., № 96, говорилось о Пейкере: «Полковник страдал ипохондрией и застрелился 7 апреля. Это число лучше всего опровергает мнимые причины его отчаяния, выдуманные познанскими, краковскими и слезскими газетами». С таким же утверждением выступила «Северная пчела» 22 апреля 1861 г., № 88. Подчеркивая, что самоубийство полковника Пейкера произошло «позднее 7 апреля», т. е. до варшавских событий (см. о них в статье «10 апреля 1861 и убийства в Варшаве», стр. 65), русская пресса пыталась, таким образом, отрицать политический характер самоубийства.

АЛЕКСАНДР ПИ И МУХАНОВ С ВИСЛЫ

Печатается по тексту *К*, л. 97 от 1 мая 1861 г., стр. 819, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: *Муханов и Александр ПИ*. Автограф неизвестен.

Включено в издания Тихомирова (*Т*, 284) и Лемке (*Л* XI, 89).

Авторство Герцена определяется идейно-тематической и стилистической близостью заметки другим его высказываниям о «Муханове с Вислы», который с 1858 г. был предметом постоянных обличений и насмешек в статьях Герцена (см. «Муханов» — т. XIII, «Опять и опять pas de révegies!», «1860 год», «„Библиотека“ — дочь Сенковского», «Победа, одержанная храбрым генералом Мухановым, что на Висле» — т. XIV и др.), а также см. выше заметку «Муханов с Вислы уехал!» и комментарий к ней). Характерна для стиля Герцена ироническая реплика, заключающая сообщение: «Sch! gu!» (ср. использование этой же реплики в той же стилистической функции в концовках заметок Герцена «По части цензуры творческой» — т. XIV, стр. 129, «Зарница совести» — т. XVII).

УРОК ИЗ ГЕОГРАФИИ

Печатается по тексту *К*, л. 97 от 1 мая 1861 г., стр. 820, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* данная заметка вместе с последующей имеют одно общее заглавие: *Уроки географии и консул Бергер* (в *К*₂: *Урок географии и консул Бергер*). Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду Dubia (Л XI, 89).

Авторство Герцена определяется идейно-тематической и стилистической близостью заметки всем другим его высказываниям по поводу начавшейся «резни в Польше». О «крови, пролитой в Варшаве», «зарезанной Польше», «варшавских убийствах», «днях резни», «бойне в Варшаве», «стихийн убийства» Герцен многократно говорит в своих произведениях: см. в наст. томе «Vivat Polonia!», «10 апреля и убийства в Варшаве», «Лист шпиононы „пордвое“ обвинение русских офицеров в кровожадности», «Русские женщины — женщинам польским», «Mater dolorosa», «Русская кровь льется!» и др.).

Имя генерала Хрулева, упоминаемого в заметке в качестве виновника «резни», наравне с Александром II (ср. в статье «Mater dolorosa»: «... Царь в это время, улыбаясь и кивая добродушно народу, *отпущал* за спиною Хрулева!»), становится затем в публицистике Герцена нарицательным как имя одного из «мрачных Канюв самовластья», «дикого кондотьера» («Русские женщины — женщинам польским» — наст. том, «Русские офицерам в Польше» — т. XVI; о Хрулеве см. также в статьях «Отечский совет» — наст. том, «Аригольдт, Сливичкий, Ростовский» — т. XVII).

Положенный в основу настоящей и последующей заметки и выраженный в остро сатирической форме нарек на связь политики царского правительства в Польше с интересами Австрии и Пруссии («Где столица Петербурга? — В Берлине... или, точнее, в Вене. Вот откуда приказ! <...> дело подчиненное — велено, они и стреляют», «Прусский консул <...> *убедил* Горчакова стрелять...») развивает многократно повторяющуюся в произведениях Герцена мысль о «внешних и внутренних немцах», о «татаро-австрийской дипломатии».

Непосредственно перекликаются с настоящей и последующей заметками строки из статьи Герцена «Отечский совет»: «Берем все русские газеты, т. е. бельгийский „Le Nord“, баварскую „Allgemeine Zeitung“ <...> нигде нет достаточной причины, чтоб стрелять в женщин, в безоружных мужчин. Разве только что прусский консул приказал. Немцы, само собою разумеется, рады-радехоньки» (стр. 96 наст. тома).

Обзор материалов иностранной прессы обыкновенно делался в «Колоколе» самим Герценом (в данном случае в заметке использован материал из реакционной аугсбургской газеты «Allgemeine Zeitung», относившейся в целом недоброжелательно к Герцену, который неоднократно использовал в своих статьях сообщения этой «*черно-желтой*» газеты, как он ее назвал в своем «Постскрипуме к статье о новых книгах», т. XIII, стр. 109; ср. также характеристику этой газеты в статье «Мясо освобождения»: «Аугсбургская, подслепая, седая старушонка, с качающейся головой и венским бельмом на глазу» — т. XVI, стр. 25. Характерны также для публицистического стиля Герцена диалогическая форма построения заметки с приведением речи вымышленных персонажей и ее общий памфлетно-сатирический тон.

Заметка близка идейно-тематически к последующей.

ПРУССКИЙ КОНСУЛ БЕРГЕР, ИСПРАВЛЯЮЩИЙ ДОЛЖНОСТЬ НАМЕСТНИКА ЦАРСТВА ПОЛЬСКОГО, И ХРАБРЫЙ ГЕНЕРАЛ МЕЙЕНДОРФ ИЗ КУРЛЯНДИИ

Печатается по тексту К, л. 97 от 1 мая 1861 г., стр. 820, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В ОК данная заметка вместе с предыдущей имеют одно общее заглавие: *Уроки географии и консул Бергер*. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду Dubia (Л XI, 89—90).

Обоснование авторства Герцена см. в комментарии к предыдущей заметке. Характерной приметой индивидуального стиля публицистики

Герцена является также введение в повествовательную речь оборота с авторским «я»: «Как Горчаков, Панютин, Липранди и не знаю кто унизились до того...» (ср.: «... Филареты, Макридии, Акрупирии, московские, коломенские, эчмиадзинские и не знаю какие святители» — в статье «На этот раз мы очень богаты корреспонденциями», т. XIV наст. изд., стр. 88; «...называя его Баярдом, героем, не знаю чем!» — в статье «Религиозное значение „СПб. ведомостей“», т. XIV наст. изд., стр. 281; «Он обещал ему прощение, карьеру, не знаю что» — в заметке «Павел Гагарин», т. XVI наст. изд., стр. 210; «...как мог сделать прежде Чингис-Хан, Тамерлан и не знаю кто...» — в статье «К концу года», т. XVIII наст. изд.).

Фамилия прусского консула в Варшаве в заметке названа ошибочно (Бергер вместо Термен); см. «Поправку» на стр. 228 наст. тома.

«ИЗ «СПБ. ВЕДОМОСТЕЙ»

Печатается по тексту *К*, л. 97 от 1 мая 1861 г., стр. 820, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 90—91).

Авторство Герцена определяется тесной идейно-тематической близостью заметки ко всем другим его высказываниям по поводу «полицейских гнусностей» в Варшаве (см. выше статьи «10 апреля и убийства в Варшаве», «*Mater dolorosa*» и комментарий к ним). Данная в заметке оценка искаженного освещения «горчаковским» «*Journal de St.-Petersbourg*» варшавских событий, в частности, расстрела участвовавших в демонстрации женщин, совпадает в целом и в деталях с откликом на те же события в статье «Отеческий совет» (стр. 94—95 наст. тома).

Стр. 87. В цинически грубой статье горчаковского «*Монитера*» — «*Journal de St.-Petersbourg*» (5/17 апреля)... — Герцен имеет в виду корреспонденцию из Варшавы, напечатанную в «*Journal de St.-Petersbourg*» от 28 марта и перепечатанную под заголовком «Письмо из Варшавы» в «СПб. ведомостях» от 5 апреля 1861 г., № 77.

...не смоешь всей водой, подбавляемой откупщиками в вино. — Намек на питейного откупщика В. А. Кокорева, о котором говорилось в заметке «У Кокорева свой Хрулев», напечатанной в «Колоколе» непосредственно перед настоящей заметкой (см. стр. 253 наст. тома и комментарий).

«Ю. Н. ГОЛИЦЫН»

Печатается по тексту *К*, л. 97 от 1 мая 1861 г., стр. 820, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 91).

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки, упоминанием в ней «нашего праздника освобождения», о котором Герцен извещал в «Колоколе» (см. «Освобождение крестьян», стр. 64 наст. тома и комментарий), и письмами Герцена. Сообщая И. С. Тургеневу 28 марта 1861 г. программу «праздника эмансипационного», Герцен писал: «Музыка на улице, „Марсельеза“, „Вниз по матушке по Волге“ (Голиц, аранжмент)...». 13 мая 1861 г. Герцен пишет М. К. Рейхель о Ю. Н. Голицыне: «...он едва ест и едва спит: у него ни гроша нет, а так, перепадают за поты да за концертные заботы. А пророс, его фантазия на русские темы, писанная для нашего праздника, печатается; я вам приплю...». Голицыну, этому «круш-

ному, характеристическому обломку всей Руси», Герцен посвятил в «Быломи думах», описывая «галерею живых редкостей из России», ряд исполненных блеска и юмора страниц. Там же рассказывается о его музыкальной деятельности в Лондоне, о «концертах его с всевозможными штуками, даже с политическими тенденциями» и, в частности, о его «Émancipation Symphonу» (т. XIV наст. изд., стр. 315—316). Объявление о продаже «Фантазии освобождения» Голицына было напечатано в «Колоколе» от 1 июля 1861 г.

Имя Ю. Н. Голицына впервые появилось на страницах «Колокола» в 1859 г. в статье Герцена «На этот раз мы очень богаты корреспонденциями, в которой сообщалось о получении «патриархального рассказа, как князь Юрий Голицын освобождал крестьян *отъезми* в Тамбовской губернии» (т. XIV наст. изд., стр. 89); этот «рассказ» затем был напечатан в «Колоколе» с сопроводительными редакционными строками под заголовком «Эманципатор князь Ю. Н. Голицын» (*Ж*, л. 47 от 1 июля 1859, стр. 389). Об успехах Голицына как музыканта, после его переезда в Лондон, и его «чисто русских концертах» Герцен писал в заметке «Русская музыка в Лондоне» (см. т. XIV наст. изд., стр. 291).

ЦАРСКОЕ САМОДЕРЖАВИЕ И СТУДЕНТСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

Печатается по тексту *Ж*, л. 97 от 1 мая 1861 г., стр. 820, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: *Пирогов*. Автограф неизвестен.

Включено в издание Тихомирова (*Т*, 284); в издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 91).

Авторство Герцена определяется идейно-тематической близостью заметки другим его высказываниям о необходимости устройства в учебных заведениях самоуправления и общественных судов (см., например, статьи «Изобличитель» — т. XIV наст. изд., «Харьковским студентам» — стр. 41 наст. тома). Строки об Александре II, наложившем на докладе Васильчикова резолюцию против действий Пирогова «той рукой, которая так недавно подписала освобождение крестьян», характерны для двойственного отношения Герцена к Александру II, особенно в послереформенное время (ср. в статьях «Vivat Polonia!» — стр. 44 наст. тома, «10 апреля 1861 и убийства в Варшаве» — стр. 65, «Mater dolorosa» — стр. 81, «Урок из географии» — стр. 86, «Друзья и товарищи!...» — стр. 217). Характеристика Александра II, в котором отмечается «смесь Иисуса Христа с императором Николаем», его неумение «идти по одной доске», уподобление актеру Гаррику, который «одной половиной лица смеялся, а другой плакал», имеет текстуальное сходство и стилистическую общность с известными оценками Александра II в других произведениях Герцена: «Александр II похож на тех средневековых паломников, которые ходили в Иерусалим два шага вперед да один назад, это лучшая метода, чтоб никуда не дойти...» («Pas de rêveries! Pas de rêveries!» — т. XIII, стр. 284); «Идти двумя путями невозможно. Каким Янусом ни будь, нельзя разом идти в две противоположные стороны, можно только одной половиной своей всякий раз идти задом наперед...» («1860 год» — т. XIV наст. изд., стр. 217); «Что это за комическое лицо Алекс<андр>II! Слабость — не только мать пороков, но ошибок. И жаль его, а я думаю, придется сделать ему по службе строжайший выговор со внесением в „Колокол“» (в письме к И. С. Аксакову от 31 января 1860 г.); «... тут уже дело актеров, а не капельдинеров. Вышел Александр II и объявил, что российскими императорскими чиновниками, с помощью благородного российского дворянства, будет на Петровском театре представлена новая пьеса «Освобождение крестьян с землею».

Это requiem петербургской эпохи, в котором главное solo поет сам царь» («Россия и Польша»—т. XIV наст. изд., стр. 54—55); «...державный кучер заломил себе Мономахову шапку и несся по воле лошаков, запряженных в придворной рыдван» («К концу года»—*К*, л. 209 от 1 декабря 1865 г.—т. XVIII). С. сравнения с Гарриком: «...как Гаррик, одной частью лица улыбался, а другою плакала...»—«Письма об изучении природы», т. III наст. изд., стр. 310; «наш Гаррик одной половиной лица обещает льготы и свободы, а другой мигает своим рейтерам, чтоб они жгли, грабили, казнили...» («Плач» — *К*, л. 158 от 8 марта 1863 г. — т. XVII).

Н. И. Пирогов был уволен от должности попечителя Киевского учебного округа «высочайшим указом» от 13 марта 1861 г. «по расстроенному здоровью» с оставлением членом Главного правления училищ («Журнал министерства народного просвещения», 1861, № 4, стр. 100). Вся подоплека увольнения Пирогова разоблачена была в следующих листах «Колокола» — см. заметки «Васильчикова и Рейнгардт доехали Пирогова» и «Киевский университет и Н. И. Пирогов», стр. 100 и 103 наст. тома. В последней заметке была приведена выписка из доклада Киевского генерал-губернатора Васильчикова с резолюцией Александра II.

Широкое чествование Н. И. Пирогова в связи с его увольнением было организовано киевской передовой общественностью в начале апреля 1861 г. Описание чествования, с приведенным наиболее значительных речей и адресов, см. в брошюре «Прощание Киева с Н. И. Пироговым», Киев, 1861. Материалы этой брошюры широко популяризованы были в столичной и провинциальной прессе. Сам Пирогов в своих воспоминаниях очень глухо говорит о причинах своей отставки, отмечая лишь попутно «пакости» генерал-губернатора, осложнявшие его работу в Киеве (Н. И. Пирогов. Избранные педагогические сочинения, М., 1953, стр. 495). Более конкретно об обстоятельствах увольнения Пирогова передает в своих мемуарах генерал-лейтенант В. Д. Кренке, подчеркивая, со слов самого И. И. Васильчикова, что последний не один раз, а дважды требовал удаления Пирогова из Киева: «Первое заявление мое, — говорил Васильчиков о Н. И. Пирогове, — осталось без ответа, а при втором представлении я должен был оговорить, что, если не получу удовлетворительного ответа, то сам должен буду просить увольнения от должности» («Исторический вестник», 1883, № 10, стр. 107).

Об интересе Герцена к личности Пирогова и уважении к нему свидетельствуют строки письма Герцена к Н. П. Огареву от 29 августа 1861 г., в котором он просил позаботиться о портрете Пирогова и раме для него: «Отдай Пирогова портр(ет) Тхорж(евскому) в раму».

В «Известии», напечатанном в *К*, л. 110 от 1 ноября 1861 г., сообщалось о получении редакцией «Колокола» «статьи о Пирогове» (см. стр. 233 наст. тома). Эта анонимная статья — «Н. И. Пирогов», — рассказывавшая о его общественной деятельности, была вскоре опубликована в *К*, л. 118 от 1 января 1862 г., стр. 983—988 с редакционным примечанием (см. т. XVI наст. изд.).

КРЕПОСТНОЕ СОСТОЯНИЕ В НИЦЕ И ЗОДЧИЙ-БОЕЦ В ПЕТЕРБУРГЕ

Печатается по тексту *К*, л. 97, от 1 мая 1861 г., стр. 820, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду Dubia (*Л* XI, 91—92).

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки, идейно-тематической и стилистической близостью другим его выступлениям за полную гласность печати, против «татарского самоуправства и немецкого неуважения к личности русского простолюдина»; ср., например,

строки о соединении в русском баринѣ «всего рабского татарина и всего дерзкого немецкого лакея» (стр. 26 наст. тома), о «чисто русской» «привычке драться» (стр. 48); в заметке Герцена «Генерал—кулачный боец и детский кисель» есть аналогичные строки о привычке «драться с подчиненными, грубить с низшими» (т. XIV наст. изд., стр. 303) и т. п.

Стр. 88. ... нам попался в «Петербургских ведомостях» милейший годчий *Карл Вергей м...*—Герцен имеет в виду заметку «Самоуправство», напечатанную в «СПб. ведомостях», от 22 марта 1861 г., № 66, стр. 361. Об этом же эпизоде говорилось в заметке «Образованный человек», опубликованной в «Северной пчеле», от 21 марта 1861 г., № 64, стр. 256. В заметке Герцена «Прогресс цензуры» вскоре сообщалось, что «из Главного правления цензуры вышло на днях предписание, запрещающее опубликовывать дела вроде Вергейма с собственными именами!» (стр. 115 наст. тома).

Стр. 89. ...поворить без малейшей пощадь этих отечественных *Козляиновых...*—Главное управление цензуры указало московскому цензурному комитету на недопустимость появления в печати статей, «описывающих злоупотребления и проступки разных лиц <...> с поименованием полных их фамилий» и в качестве «примеров подобных отступлений от цензурных постановлений» приводило, в частности, «статьи о грубых поступках Козляинова на Николаевской железной дороге» (текст предложения Главного управления цензуры включен в заметку Герцена «Мракобесие цензуры»—см. стр. 231 наст. тома). О Козляинове см. также в комментарии к заметке «Шляхетно-революционная демонстрация крепостников», стр. 365 наст. тома.

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ»

Печатается по тексту *К*, л. 97 от 1 мая 1861 г., стр. 820, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен. Включено в издание Лемке (*Л* XI, 92).

Авторство устанавливается на основании редакционного характера заметки, написанной от лица издателей «Полярной звезды», а также письма И. С. Тургенева к Герцену; во второй половине марта 1861 г. он писал: «За „Полярную звезду“ спасибо, которую я читаю с удовольствием <...> Но кто это тебя мистифицировал, дав перевод известнейшей проповеди отца Бриден (Bridaine) при Людовике XIV за современное произведение какого-то Нестора и т. д., и как ты это попался?» (*Письма КТГ*, стр. 139).

В VI книжке «Полярной звезды», вышедшей к 15 марта 1861 г., было напечатано «Слово соловецкого старца Нестора, говоренное в С.-Петербурге, в придворной церкви Зимнего дворца, в 1843 г., в присутствии императора Николая, двора и военных чинов» (стр. 167—171). Проповедник обличал «гордых вельмож, которые полагают, что неизмеримое пространство разделяет их от бедных тружеников <...> богатых и знатных, сильных утеснителей бедности, грешников нераскаянных, отвергающих суд божий и не страшщихся суда человеческого». Резкая характеристика давалась придворным, среди которых «правда считается простотою, коварство и хитрость принадлежностью ума; здесь прежде всего изгнана истина». Проповедник выражал сочувствие «трудолюбивым добрым земледельцам, часто не имеющим дневного пропитания», и заявлял: «Общий отец наш вручил тебе, владыке земному, детей своих, чтобы ты заботился о их счастье. Он хотел, чтобы один человек служил к счастью миллионов, а не миллионы бы людей служили к наслаждению одного человека. Не для тебя самого бог сделал тебя владыкою, а для народа, чтобы ты был „мужем людей“».

В конце проповеди в тексте «Полярной звезды» было сделано следующее примечание: «Передавший эту рукопись уверял, что это не подлог, что Нестор, как сделавшийся известным проповедями, был призван к двору, сказал только это слово и тотчас отправлен назад, и уже не для проповедей, а под монастырское начало».

Тургенев был прав, говоря, что Герцен напечатал перевод проповеди Бридзана, но «соловецкий старец Нестор», которому приписан был этот документ, не являлся личностью вымышленной. Так, архимандрит Амфилохий в своем «Описании Воскресенской Новоиерусалимской библиотеки» (Москва, 1875, стр. 174) ссылается на «Повесть о пустынножителе Соловецкого монастыря Несторе», писанную уставом в XIX веке; о нем же см. Н. Барсуков. Источники русской агиографии, СПб., 1888, стр. 387.

БЛАГОДАРНОСТЬ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЧТЕ И РЕДАКТОРАМ

Печатается по тексту *К*, л. 97 от 1 мая 1861 г., стр. 820, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 92).

Заметка непосредственно связана с заметкой Герцена «Издателям журналов в России», где говорилось о «безобразном получении русских журналов за границей» (см. стр. 64 наст. тома и комментарий к заметке, в котором дано обоснование ее принадлежности Герцену).

РУССКАЯ КРОВЬ ЛЬЕТСЯ!

Печатается по тексту *К*, л. 98—99 от 15 мая 1861 г., стр. 821—822, где опубликовано впервые, без подписи. Этой статьей открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

Включено в издание Лемке (*Л* XI, 94), где напечатано с выпуском текста корреспонденций.

Авторство Герцена определяется редакционным характером статьи, ее идейно-тематической и стилистической близостью всем другим его высказываниям по поводу подавления крестьянских волнений летом 1861 г., прорития, вслед за польской, — крестьянской крови (ср. в статье Герцена: «Третья кровь!»: «К польской, к крестьянской крови прибавилась кровь лучших юношей в Петербурге и Москве» — стр. 185 наст. тома), «усмирения солдатами, генерал-адъютантского, флигель-адъютантского усмирения» (см. в наст. томе также «12 апреля 1861», «Герой нашего времени и их Петербурга...», «Граф Апраксин получил за избивание...», «Храбрый Дреникин» и др.). Характерны для Герцена, с его верой в молодое поколение военных, строки об «одной надежде на солдат и на молодых офицеров» (об этом см. в комментарии «Сто пятнадцать благородных офицеров», стр. 306—307 наст. тома).

В статье использована следующая выдержка из письма С. С. Громеки к Герцену от 18 апреля 1861 г.

«... Вам известно, что государь разослал по всем губерниям своих флигель- и генерал-адъютантов для произведения беспорядков между народом по поводу новых крестьянских положений: адъютанты в точности исполнили приказание своего повелителя. Во всех местах, где только действуют наиболее тупоумные из этих адъютантов, действуют розги, действует войско и льется кровь. Я наверно знаю, что третьего дня посланы три новые генерал-адъютанта (вдсбавок к действующим) в губернии Казанскую, Тамбовскую и еще, кажется, в Рязанскую. Эти новые посланцы снабжены полномочием вешать и расстреливать по усмотрению. В Казани явился самозванец (в Спасском уезде), выдающий себя за Александра Николаевича, гонимого дворянами. Четырнадцать деревень окопались

и сражались с войсками под знаменем этого господина. Кто он — неизвестно. Но схватки были упорные: семьдесят человек крестьян уже легли жертвою, из войска взяты в плен крестьянами ротный командир, исправник и еще несколько мелких чинов. Как ни похоже все это на сказку, но это — истина, которая не сегодня-завтра появится в газетах. Туда поскакал уже Яфимович, специалист по части усмирения... В одном месте, не знаю только, в Казанской или Тамбовской губернии, *среди толпы, в которую стреляли*, стоял крестьянин, держа обеими руками над головою манифест,— и так до конца остался невредимым, хотя подле него валялись кучи тел...» (ЛН, т. 62, стр. 114—115).

Авторство двух других писем не установлено.

Стр. 90. ...*государь разослал по всем губерниям своих флигель- и генерал-адъютантов.*— В начале февраля 1861 г., в то время, когда проект «Положений» еще обсуждался в Государственном совете, Александр II дал распоряжение сразу же по их утверждении «командировать в каждую губернию одного из генерал-майоров свиты его величества или флигель-адъютантов для содействия, как особо доверенное лицо государя императора, губернскому начальству в распоряжениях его как по приведению в исполнение означенных законоположений, так и по сохранению при сем в губернии порядка и спокойствия». Полномочия командирруемых были чрезвычайно широки. В составленной для них инструкции, например, говорилось: «В случае каких-либо между крестьянами беспокойств, неповиновения или ослушания вы, смотря по важности обстоятельств, должны, по соглашению с начальником губернии, отправиться на место и принять по ближайшему усмотрению вашему все меры, необходимые для прекращения оных, требуя полного содействия как земской и городской полиции и всех вообще местных властей, так в случае надобности и ближайших военных начальств, которые и обязаны все требования ваши исполнять беспрекословно» («Крестьянское движение в 1861 г. после отмены крепостного права», М.—Л., 1949, стр. 3—4).

Об «эманципационс-адъютантах», призванных «сечь мужиков», см. в заметке Герцена «Плуг уступает эксельбанту» (стр. 50 наст. тома). В заметке «День страха» Герцен писал по поводу пригрозивших во дворце в связи с ожидавшимся обнародованием манифеста: «Чего боялись? Народа. Да где же здравый смысл? Как же народ взбунтуется, когда его освобождают?» (стр. 61 наст. тома).

...*посланы три новые генерал-адъютанта (вдобавок к действующим) в губернии Казанскую, Тамбовскую и еще, кажется, в Рязанскую.*— В середине апреля в Тамбовскую и Пензенскую губернии, где уже находились генерал-майоры свиты Ф. Ф. Винценгероде и А. М. Дренякин, был дополнительно командирован генерал-адъютант Н. М. Яфимович, а в Пермскую и Казанскую губернии, где действовали генерал-майоры свиты А. С. Апраксин и П. Р. Багратион — генерал-лейтенант свиты И. Г. Биби-ков.

В Казани явился самозванец ∞ выдающий себя за Александра Николаевича, гонимого дворянами.— Речь идет об Антоне Петрове, который выдавал себя за посланника Александра II и был расстрелян 19 апреля 1861 г. Подробности о волнениях в селе Бездна Спасского уезда Казанской губернии изложены в корреспонденции, включенной в статью Герцена «12 апреля 1861», стр. 108—109.

Стр. 91. *Известный своей экспедицией против Унковского и Европеуса.*— В 1859 г. известный своими либеральными проектами освобождения крестьян предводитель дворянства в Тверской губернии А. М. Унковский в результате интриг тверских дворян-крепостников был удален от должности предводителя и на него было подано множество доносков

(в том числе за допущение им в дворянское собрание осужденного в свое время по делу петрашевцев А. И. Европеуса). Для проверки этих доносов был направлен Н. М. Яфимович, который не смог собрать достаточных обвинений против Унковского и Европеуса. Тем не менее в своем донесении Александру II он писал, что присутствие их в Твери волнует умы дворян и поэтому их следует удалить. На донесении Яфимовича Александр написал: «Необходимо», и Унковский с Европеусом были 10 февраля высланы в Вятку, но 30 августа того же года «прощены» и возвращены в Тверь (Г. А. Д ж а н ш и е в. А. М. Унковский и освобожденные крестьян, М., 1894, стр. 146—149; А. С к р е б и ц к и й. Крестьянское дело в царствование императора Александра II, т. III, Бони на Рейне, 1862—1868, стр. 129—130). Об Унковском и Европеусе см. в «Чрезвычайном прибавлении к 61 листу „Колокола“, в «Письмах из России», заметке «Эпиллог тверскому комитету», «Унковский и Европеус» (т. XIV наст. изд.), а также письмо к издателям «Колокола», помещенное под заголовком «Тверской комитет и Унковский» в К, л. 65—66 от 15 марта 1860 г., стр. 544—551.

...стоял крестьянин, держа обеими руками, над головою, манифест...— Имеется в виду Антон Петров и события в с. Бездна.

...гр. Олсуфьев, посланный в одну из западных губерний...— Флигель-адъютант ротмистр А. В. Олсуфьев был послан в Виленскую губернию. Очевидно речь идет о волнениях в Свенцянском уезде, где Олсуфьев лично усмирал крестьян. О приводимых в корреспонденциях фактах нет упоминаний в его донесениях.

В Петербургской губернии, в имение генерала Ольхина ∞ употреблена военная сила ∞ досталось. — Об этих волнениях упоминается в рапортах министра внутренних дел С. С. Ланского от 31 марта и 7 апреля 1861 г. Крестьяне двух имений, населенных финнами и принадлежавших помещице Кайдановой, которыми управлял ее сын от первого брака генерал-майор Ольхин, отказались ходить на барщину. После введения войск было арестовано 5 человек. Ольхин вынужден был облегчить повинности (см. сб. «Отмена крепостного права. Доклады министров внутренних дел о проведении крестьянской реформы 1861—1862», М.—Л., 1950, стр. 10 и 14). Упоминание о волнениях на фабрике Ольхина см. также в письме П. В. Аппенкова к И. С. Тургеневу от 7 апреля 1868 г. («Труды Публичной библиотеки имепи Ленина», вып. III, 1934, стр. 120). Об Ольхине см. далее в публикациях «Мартиролог крестьян» (стр. 257—258), «В защиту помещика Ольхина» (стр. 261) и комментарий.

В Пензенской губернии, Чембарского уезда, восстали крестьяне вотчин гр. Уварова...— Имеется в виду Кандеевское восстание, охватившее до 26 сел и деревень и распространившееся на соседний Керенский уезд (сб. «Отмена крепостного права. Доклады министров внутренних дел о проведении крестьянской реформы 1861—1862», стр. 21—22).

В Пермской губернии на заводах сильные неудовольствия. — В это время волнения происходили среди крестьян строгановских заводских вотчин, отказавшихся выставить людей для караванных работ.

Стр. 92. ...помещики ссылаются на ст. 170 местного «Положения»...—В 170 статье местного «Положения» говорится о том, что в имениях, состоящих на смешанной повинности (сочетавшей натуральные повинности с оброками), назначается с крестьян оброк на основании «Положения», но ничего не говорится об отмене барщины. Эту статью можно было толковать как допущение смешанной повинности.

В Одесском уезде... — Сведения об этих волнениях имеются в докладе С. Ланского от 7 апреля 1861 г. («Отмена крепостного права...», М.—Л., 1950, стр. 14).

Стр. 93. Говорят, Строганов... — А. Г. Строганов, бессарабский и новороссийский генерал-губернатор.

ОТЕЧЕСКИЙ СОВЕТ

Печатается по тексту *К*, л. 98—99 от 15 мая 1861 г., стр. 822—823, где опубликовано впервые, с подписью: *И — р.* Автограф неизвестен.

Стр. 94. ...князь Горчаков, уймите *«Journal de St.- Pétersbourg»*... — Газета эта являлась официозом министерства иностранных дел.

Тактика Робер-Макера... — Герой одноименной комедии Антье и Леметра, ловкий пройдоха, не брезгающий ничем в достижении своих целей.

«И собирал полки...» — Строка из поэмы К. Ф. Рыльева «Войнаровский», часть первая:

Мазепа ото всех скрывался,
Молчал — и собирал полки.

Стр. 95. ...Талейрана, который поучал вас за обедом *«talantam...»* — Об этом же Герцен говорит, ссылаясь на газету *«L'Indépendance Belge»*, в заметке «Канцлер-памфлетист»: «Куда же пошли уроки Талейрана, который поучал Горчакова тайне учтиво и сообразно силе и слабости гостей предлагать говядину?» (т. XVI наст. изд., стр. 272).

...«в ус да в рыло» — Строка из стихотворения Д. Давыдова «Современная песня»:

А глядишь: наш Мирабо
Старого Гаврило
За измятое жабо
Хлещет в ус да в рыло.

...нюансами *à la Saint Menchould*... — Вид грибного соуса (*sauce à la Sainte Menchould*).

...женщины сами просили Хрулева, чтобы он велел в них стрелять *«дать залп...»* — Речь идет о расстреле мирной демонстрации в Варшаве 8 апреля 1861 г., произведенном царскими войсками по приказу генерала Хрулева; см. об этом в наст. томе в статье «*Mater dolorosa*» (стр. 81), а также «10 апреля 1861 и убийства в Варшаве» (стр. 65), «Урок из географии» (стр. 86), «Прусский консул Бергер, исправляющий должность наместника Царства Польского, и храбрый генерал Мейендорф из Курляндии» (стр. 86).

...закрываем *«Земледельческого общества»*... — См. комментарий к стр. 47.

Стр. 96. ...младенца во старости, Горчакова... — Герцен имеет в виду наместника Царства Польского генерал-адъютанта М. Д. Горчакова.

...Попов сломал свою шапку... — См. комментарий к стр. 44.

...чтоб Александре Федоровне было гладко ездить в Смольный монастырь... — Императрица Александра Федоровна (жена Николая I) являлась покровительницей женских учебных заведений. в том числе института благородных девиц, помещавшегося в б. Смольном монастыре.

...такие мастера веровать во всякий вздор, как Аскоченский, Бурачек и Башуцкий... — В статье «Богомокрицы и богосаранча» Герцен подверг жестокому осмеянию бредни А. П. Башуцкого, С. А. Бурачка и В. И. Аскоченского, якобы предлагавших императрице Марии Александровне «завести торговый дом благочестия, учредить нечто вроде ставропигиального откупа для распространения, укрепления и поддержания православия» (т. XIV наст. изд., стр. 311).

ДУХОВНЫЕ И СВЕТСКИЕ ДОНОСЫ, ЦЕНЗОРОВКВИЗИЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ, РАЧИТЕЛИ И ПОПЕЧИТЕЛИ

Печатается по тексту *К*, л. 98—99 от 15 мая 1861 г., стр. 835—836, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: *Духовные и светские доносы*. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (Л XI, 97—98).

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки («вот что нам пишут из Петербурга», «мы просим позволения не печатать нам доставленные анекдоты»), ответственностью и значительностью сделанного в ней предложения продолжать издание запрещенных в России журналов за границей (ср. аналогичные предложения в заметках Герцена «Цензура усиливается» — т. XIII, «От издателей» — т. XVI наст. изд.), а также идейно-тематической и стилистической близостью другим высказываниям Герцена о цензурных стеснениях печати, о реакционной университетской политике, о «богомокрице Аскоченском» (см. статью «Богомокрицы и богосаранча», т. XIV наст. изд., о «шалуне Плетневе» (см. об этом в наст. томе, стр. 336), о бароне Бюлере (о нем см. в заметке «Цензурные зуавы», стр. 42 наст. тома), о религиозном ханжестве императрицы Марии Александровны (об этом см. стр. 305). Типичным для публицистической манеры Герцена является пародийное использование церковно-книжных форм (ср. произведения Герцена: «Архипастырское рвение о мраке», «Распространение иезуитизма в Петербурге», «О, усердному, о пастырю благоревностному!» — т. XIII наст. изд., «Запрос святейшему синоду о иерейском двоеженстве» — т. XVII наст. изд.). О стиле Герцена свидетельствует, наконец, и прием введения в повествование авторской речи от первого лица («...это, я думаю, все шалун Плетнев портит его восточно-патриархальные нравы...»; см. об этом также в комментарии к заметке «Прусский консул Бергер...», стр. 346 наст. тома).

В настоящем издании в текст внесено следующее изменение:

Стр. 98, строки 1—3: «Духовные и светские доносы, цензороквизиция литературы, рачители и попечители» *вместо:* «Духовные и светские доносы, цензороквизиция литературы рачители и попечители» (по тексту *K*₂).

ГОНЕНИЕ НА УНИВЕРСИТЕТЫ

Печатается по тексту *K*, л. 98—99 от 15 мая 1861 г., стр. 836, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (Л XI, 98).

Авторство Герцена определяется идейно-тематической и стилистической близостью заметки всем другим его высказываниям по поводу нового правительственного курса в отношении университетов (см. далее статьи «Исполин просыпается!», «Третья кровь!», «По поводу студентских избиений» — наст. том, «Ученая Москва» — т. XVI наст. изд. и др.). Оценку роли «экс-куратора» С. Г. Строганова (бывшего ранее попечителем московского учебного округа и куратором университета) в гонениях на университеты Герцен дал в статье «Исполин просыпается!»: «Грубое правительство, напуганное выжившим из ума Строгоновым, рядом мелких преследований и унижений начало оскорблять университеты: назначением Путятина, школьными стеснениями, бездушным отталкиванием неумирущих» (стр. 174). Сходная характеристика министра просвещения Е. П. Ковалевского как слабого, но «честного человека» встречалась у Герцена не раз (об этом см. в комментарии к заметке «Злодейство Долгокурова», стр. 303 наст. тома). Следует отметить также свойственные стилю Герцена лексико-фразеологические особенности: «второе III отделение», «генерал-инквизитор Строганова» (ср. в произведениях Герцена строки об «отборнейшем из инквизиторов» кн. Голицыне — в «Былом и думах»; т. VIII наст. изд., стр. 204; о «председателе какой-то политической инквизиции» полковнике Галлере — в заметке «Террор в Польше», т. XIV наст. изд., стр. 347; об «инквизиторском журнале» «Домашняя беседа» — в статье «Смерть Пиотровского, доносы Филарета, инквизиция на всех парах», т. XVI наст. изд., стр. 103; о «враге освобождения» и «инквизиторе в деле Петрашевского» кн. Гагарине — в заметке «Павел Гагарин», т. XVI

наст. изд., стр. 210; о «ямах инквизиторского гноя» реакционной прессы — в статье «Ввоз нечистот в Лондон», т. XVII наст. изд. Типична для Герцена эмоциональная концовка-обращение: «Не унести вам честного имени в гроб после таких проделок и таких товарищей!»

См. далее тесно связанные с настоящей заметкой Герцена заметки «Ей, просвещенье! Гись! Гись!» и «Инквизиция Строгонова», стр. 105 наст. тома.

СЕКРЕТНЫЙ МАНИФЕСТ

Печатается по тексту *K*, л. 98—99 от 15 мая 1861 г., стр. 836, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 99).

Авторство Герцена определяется тематикой заметки, связанной с другими его обличительными статьями и заметками о новороссийском и бессарабском генерал-губернаторе гр. А. Г. Строганове, «сильном лаконическими словами», об «отвратительной грубости» этого «сатрапа, защитника розог и помещичьих злоупотреблений» (см. о нем: «Еще раз корнелевское „qu'il mourût!“», «На этот раз мы очень богаты корреспонденциями...», «Строгонов и porto franco», «Прощайте, Арсентий Андреевич!», «Опять и опять „pas de réveries“ !», «Граф Строгонов и Старицкий», «Тот же граф Строгонов, плачущий на гробе сеченого Кандыбы», «Граф Строгонов, шпицрутены и штабс-капитанша Баранова» — т. XIV наст. изд.). Специфическим для Герцена является ироническое именование А. Г. Строгонова «высочайшим тестем»; в других статьях Герцен называет его то «великим вотчимом» (т. XIV, стр. 90), то «великим свекром» (стр. 96, и 368). Строки об изобретении немцами «драм не для театра» и издании в России «Библиотеки для чтения» и журналов не для чтения» текстуально близки формулировкам в заметке Герцена «Агрономическая газета» и статье «Библиотека» — дочь Сенковского», в которых говорилось: «В Германии встарь писались драмы не для сцены. Татарско-немецкой ценсуре нашей предстояла честь дозволить журналы не для чтения» (т. XIV наст. изд., стр. 236); Сенковский «затеял журнал, который было вредно читать и <...> назвал его „Библиотекой для чтения“» (т. XIV, стр. 266).

Стр. 100. ...*высочайшему тестю*... — Новороссийский и бессарабский генерал-губернатор гр. А. Г. Строганов приходился свекром великой княгине Марии Николаевне, дочери Николая I и сестре Александра II, бывшей с 1854 г. замужем за Г. А. Строгановым. Формально брак этот не признавался царской фамилией и считался «тайным», хотя о нем знали, как свидетельствует кн. П. В. Долгоруков, в любом уездном городе (П. В. Д о л г о р о к о в. Петербургские очерки, М., 1934, стр. 119).

ВАСИЛЬЧИКОВА И РЕЙНГАРТ ДОЕХАЛИ ПИРОГОВА

Печатается по тексту *K*, л. 98—99 от 15 мая 1861 г., стр. 836, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: *Васильчикова и Рейнгардт*. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 99).

Авторство Герцена устанавливается на основании письма к нему С. С. Громеки от 18 апреля 1861 г., где сообщались факты, использованные затем в заметке, и была допущена та же ошибка в отчестве Е. А. Васильчиковой. Громека писал Герцену: «Пирогов уволен по телеграфу вследствие доноса князя Васильчикова киевского в его годовом отчете государю, что Пирогов завел какой-то самосуд между гимназистами и ограничил права директоров в наказании учеников (резолюция госуда-

ря: ни с чем не сообразно и доказывает всю неосновательность попечителя!). Впрочем, эту резолюцию и текст посылаю в литографированной копии, которые разосланы по высочайшему повелению всем губернаторам в наизидание, как следует писать отчеты. Дело в том, что Пирогов, отъявленный демократ, не сошелся с княгиней Катериною Васильевною Васильчиковою, урожденною кн. Щербатовой, которая управляет киевским краем вместо мужа» (*ЛН*, т. 62, стр. 115). Текст доклада Васильчикова с резолюцией Александра II был приведен затем в заметке «Киевский университет и Н. И. Пирогов» (см. стр. 104 наст. тома).

Иронически называя киевским военным губернатором не князя И. И. Васильчикова, а его жену, Герцен имел в виду активное вмешательство последней во все дела по управлению Юго-Западным краем. Об этом см. также в наст. томе — «Киевский университет и Н. И. Пирогов» (стр. 103) и «Как равноапостольная генерал-губернатор княгиня Васильчикова поправляет обстоятельства кварталных» (стр. 260). Отчество Васильчиковой названо в настоящей заметке ошибочно; см. «Поправку», информировавшую читателей «Колокола» о том, что «киевского генерал-губернатора зовут не Екатериной Васильевной, а Екатериной Алексеевной» (стр. 228).

Об отставке Н. И. Пирогова см. наст. том, стр. 348.

ФИНЛЯНДСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ

Печатается по тексту *К*, л. 98—99 от 15 мая 1861 г., стр. 836, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 99).

Сочувствие национально-демократическому движению в Финляндии, заявленное в заметке, подтверждается и другими высказываниями Герцена по поводу национальной политики русского царизма. Еще в 1854 г. Герцен писал: «Все эти грубые, насильственные соединения ведут не к единству, а увековечивают ненависть. Что Ломбардия и Венгрия — стали австрийскими? Или Финляндия — русской?» («Русскому войнству в Польше» — т. XII наст. изд., стр. 204; ср. также стр. 46 наст. тома). Говоря о проблемах, выдвинутых современной жизнью и требующих своего разрешения, Герцен в статье «Россия и Польша» вскользь касается вопроса (второстепенного сравнительно с главным — решением крестьянского дела) — «отделится ли Финляндия или Грузия от России или нет» (т. XIV, наст. изд., стр. 32). В шестидесятые годы вопрос о самоопределении Финляндии ставится Герценом в его взаимосвязи с развитием революционного движения в России, судьбами польского восстания и активизацией демократических сил внутри самой Финляндии. «И отчего же пам с Польшей, с Украиной, с Финляндией не жить, как вольный с вольными, как равный с равными?» — писал Герцен в 1863 г. («Русские офицеры в рядах инсургентов» — *К*, л. 161 от 15 апреля 1863 г., т. XVII наст. изд.). Откликаясь на провал кампании верноподданнических адресов Александру II в Финляндии, «приветствуя ее благородное пробуждение и признавая ее полную автономию», Герцен высказывал одновременно горячее желание предоставить «колонны „Колокола“ для финских вопросов» («Финляндия и адрес» — т. XVII). В ответ на попытки реакционной журналистики разжечь среди части русского общества шовинистические настроения и писать «доносы на Финляндию» Герцен замечал: «Ну, а Финляндия — она вовсе не просит полицейской поддержки, она вообще ничего не просит от Петербурга, кроме того, чтоб он ее оставил в покое...» («„Колокол“ и „День“». Письмо к г. Касьянову) — *К*, л. 167 от 10 июля 1863 г., т. XVII

наст. изд., «Перечень допосов»—*Ж*, л. 176 от 1 января 1864 г., т. XVIII наст изд.).

Иронические упоминания в комментируемой заметке о «новых прогрессивных требованиях века» и показном стремлении «нашего правительства либеральничать» близки аналогичным оценкам правительства Александра II в других произведениях Герцена, в которых он писал о «правительстве, любящем драпироваться в либерализм», «ярких цветах махрового прогресса», «правительстве прогресса, либеральных идей», «временах прогрессов» (стр. 94, 107 и 133 наст тома), о «лепете о прогрессе и либерализме» о «Польше, сорвавшей маску с прогрессивного правительства» («Преступления в Польше», «21 февраля 1863» — *Ж*, л. 156 от 15 февраля и л. 157 от 1 марта 1863 г., т. XVII наст. изд.). В пользу авторства Герцена свидетельствуют, кроме того, имеющаяся в тексте ссылка на использование при подготовке заметки к печати материалов иностранной прессы (что обыкновенно делал сам Герцен), а также свойственное стилю Герцена каламбурное построение предложения: «...конституция, которая никогда не была отнята, *опять раз дана...*»

Вместе с тем следует иметь в виду, что по финскому вопросу, в частности о ее конституционном государственном устройстве, писал в «Колоколе» и Н. П. Огарев. В статье «Современное положение России» он замечал между прочим: «Начать введение конституции с России *добровольно* — было бы гораздо важнее, чем являться конституционалистом в Финляндии — со страха иначе утратить ее»; в статье «Расшистка некоторых вопросов»: «Теперь конституционные поползновения Александра II разразились, наконец, в финляндскую конституцию. Гора родила мышь. Подновив конституцию Густава III, Александр II дал Финляндии следующие права, которые никогда не удовлетворяют ее...» (*Ж*, л. 171, стр. 1405 и л. 172, стр. 1413).

В *Ж*, л. 76 от 15 июля 1860 г., стр. 638, помещена была заметка «Граф Берг», в которой сообщалось по поводу выдачи без рассмотрения Финляндского сената одного миллиона рублей на железнодорожное строительство: «Правда ли, что генерал-губернатор Финляндии граф Берг, пользуясь незнанием государем прав Финляндии, вводит его в противозаконные действия?». В передовой статье «Голос из Финляндии», напечатанной в *Ж*, л. 173 от 15 ноября 1863 г., за подписью «Финляндец», говорилось: «Долго спала Финляндия, теперь она пробуждается. При трубных звуках открытия сейма в Гельсингфорсе она пробуждается с глубоким сознанием, что она сама возвращает себе свои конституционные права, более полувека попираемые клятвопреступными самодержцами» (стр. 1421—1422).

Финляндия, объединенная в 1809 г. с Россией династической унией, номинально признавалась конституционным государством. Власть монарха формально ограничивалась сеймом, но практически русский царизм не считался с этим, и единственным сеймом, созданным в первой половине XIX в., был Боргосский, собравшийся в 1809 г. Александр I формально утвердил 15 (27) марта 1809 г. «основные законы» Финляндии. Однако по существу они не соблюдались, а многие положения не могли соблюдаться. Так, например, они требовали, чтобы монарх отвергнул «ненавистное единодержавие», исповедовал лютеранскую религию, в порядке престолонаследия руководствовался шведским законом 1741 г.

После Крымской войны в Финляндии стало широко развигтываться движение за созыв сейма. К январю 1861 г. финский сенат подготовил официальный перечень всех тех вопросов, решение которых требует «содействия земских чинов».

Для успокоения общественного мнения Александр II 29 марта (10 апреля) 1861 г. подписал манифест о создании так называемой «выбор-

ной комиссии Великого княжества Финляндского, «дабы все, что может быть совершенно для блага Финляндии, не было долее отсрочиваемо». Эта комиссия должна была состоять «из лиц, пользующихся доверием своих сограждан и выбранных от четырех сословий Финляндии». Задачей комиссии являлось рассмотрение предложенных ей «проектов по важнейшим из дел», с тем чтобы она выразила «свое мнение о том, каким образом дела эти могут быть устроены соответственно потребности края впредь до того времени, когда мы признаем возможным созвать государственные чины».

12 (24) апреля Александр II подписал рескрипт на имя председателя «выборной комиссии» С. Гришпенберга. В этом рескрипте отмечалось, что «высочайшая наша воля состоит в том, чтобы члены комиссии свободной и открыто выразили свои мнения о нуждах края и указали на способ к их удовлетворению». Царь заявил, что полагается «на патристический образ мыслей и верноподданническую преданность членов комиссии».

При обсуждении манифеста в Финляндском сенате группа сенаторов подала «особое мнение», порицавшее подмену предусмотренного «основными законами» представительного органа послушного правительству комиссией. Опасность этой подмены отмечалась и во «всепопданнейшем представлении» сената от 4 мая 1861 г., а 22 апреля 1861 г. в Гельсингфорсе состоялась демонстрация, в которой участвовало до 500 человек, под лозунгом созыва сейма и охранения национальной независимости. Демонстранты выкрикивали лозунги: «Да здравствуют финские законы!» (См. М. Б о р о д к и н. История Финляндии, т. VI. СПб., 1908, стр. 32—85).

Таким образом, выступив против манифеста 29 марта (10 апреля) 1861 г., редакция «Колокола» солидаризировалась с финской демократической общественностью.

ИГНАТЬЕВ ЗАКАЗЫВАЕТ БУНТ

Печатается по тексту *К*, л. 98—99 от 15 мая 1861 г., стр. 836, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: *Игнатъев*. Автограф неизвестен.

Включено в издание Лемке (*Л* XI, 99—100) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из записки Чернецкого, хранящейся в архиве семьи Герцена» (*Л* XI, 466). Нынешнее местонахождение «записки» неизвестно.

Авторство Герцена подтверждается редакционным характером заметки («мы получили второе письмо»), ее тематикой, входящей в круг обычных его интересов (отклики в России на объявление манифеста об освобождении крестьян). О «полицейских масках» Игнатъева Герцен писал ранее в ряде своих статей. Настоящая заметка, в которой редакция «Колокола» откывает, наконец, «секрет, каким образом в Англии масок нет, а арестантов никто не видит», является завершающей в цикле заметок, развивающих этот своеобразный сатирический мотив: см. «Полицейские маски Игнатъева», «Игнатъевские маски» — т. XIV наст. изд., а также в наст. томе — «Клоповник (не растительного царства, а царства русской полиции)», «Исправительные письма!», «П. В. Павлов и Тимашевка».

О провокационном предложении петербургского генерал-губернатора П. Н. Игнатъева на соединенном заседании совета министров и членов Главного крестьянского комитета 26 января 1866 г. — «чтобы во время заседания 28 января был поставлен перед Государств. советом батальон солдат (вероятно, затем, чтобы затеять какую-нибудь драку и из нее сочинить бунт, думая хотя этим запугать государя)» — см. в наст. томе «Освобождение крестьян», стр. 253.

BUONA NOTTE, BUONA NOTTE

Печатается по тексту *К*, л. 98—99 от 15 мая 1861 г., стр. 836, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание Лемке (*Л* XI, 100).

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки («одним сюжетом у нас стало меньше», «как мы вам ни помогали»), ее тесной идейно-тематической и стилистической связью со всеми другими его высказываниями о «графе» Тимашеве (см. об этом в комментарии к заметке «Тимашев, сидите дома, как Бейст, не ездите, как Гейнау!», стр. 293 наст. тома), а также письмом к нему С. С. Громеки от 18 апреля 1861 г. В этом письме сообщалось об отставке Тимашева и назначении на его место гр. П. А. Шувалова: «Тимашев (слушайте!), после неоднократных попыток уничтожить III отделение или доказать необходимость его уничтожения, подал в отставку <...> Государь очень немилостиво отнесся к этому поступку Тимашева и велел его уволить в бессрочный отпуск, а на его место назначил графа Шувалова. Это назначение было для Шувалова неожиданным ударом; он привык беречь доброе имя <...>; с другой стороны, страшно было „Колокола“ и его беспощадных стрел; с третьей стороны, невозможно было и отказаться, по правилам придворной логики <...> Все это заставило его написать письмо к Долгорукову и просить объяснить государю причины, почему он гнушается III отделением». Далее в письме содержалась просьба, как видно из текста заметки, учтенная Герценом, «чтобы вы пощадили Шувалова, который, может быть, со временем и успеет еще сделать что-нибудь доброе» (*ЛН*, т. 62, стр. 115—116).

Неожиданная отставка Тимашева послужила поводом для самых противоречивых предположений, к которым внимательно прислушивались и такие осведомленные агенты иностранных держав, как например Бисмарк, бывший в эту пору прусским послом в Петербурге. В своем секретном донесении на имя министра иностранных дел фон Шлейнигца он писал 6 мая (н. ст.) 1861 г.: «Одновременный уход Милютинца из министерства и Тимашева из управляющих III отделением, ведающим дела тайной полиции, может быть рассматриваем как устранение из внутренней политики крайних направлений. Совершил ли Тимашев особенные промахи и нашлись ли за ним особенные вины, неизвестно; в общем он проявлял антифранцузские и антипольские взгляды и занят был, главным образом, подавлением революционных симптомов <...> Возможно предположить, что вести из губерний о том, как сказались эмансипационные законы, а равно и варшавские события, побудили государя несколько подтянуть поводья, а многочисленные аристократические влияния в свою очередь сказали и свое слово и убедили его величество в том, что, будто, милютинские теории ведут к ниспровержению государственных основ» («Bismark's Briefwechsel mit dem Minister Fr. von Schleinitz», Berlin, 1905 — ср. «Исторический вестник», 1905, № 3, стр. 1038).

О других слухах, ходивших в Петербурге по поводу причин отставки Тимашева, см.: Л. Ф. П а н т е л е е в. Из воспоминаний прошлого, М.—Л., 1934, стр. 101—102.

Стр. 102...à contre cœur...—Против воли (франц.).

КИЕВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ И Н. И. ПИРОГОВ

Печатается по тексту *К*, л. 100 от 1 июня 1861 г., стр. 841—842, где опубликовано впервые, без подписи. В *ОК* озаглавлено: *Н. И. Пирогов*.

Автограф неизвестен. После подстрочного примечания в тексте «Колокола» следует подпись: *Ред.* (т. е. редакция «Колокола»).

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 104—105).

Авторство Герцена определяется непосредственной связью этой заметки с другими его статьями, посвященными также отставке Н. И. Пирогова (см. выше «Царское самодержавие и студентское самоуправление» и «Васильчикова и Рейнгардт доехали Пирогова», стр. 88 и 100). В заметке использован текст доклада кн. И. И. Васильчикова с пометками Александра II, присланный в литографированной копии Герцену при письме С. С. Громеки от 18 апреля 1861 г. (см. наст. том, стр. 356). На авторство Герцена указывают также намеки на «чиновный юбилей Княжевича и юбилей Вяземской риторике» (об этом см. в заметке Герцена «Злоупотребление пятидесятилетий» и комментарий к ней, стр. 74 и 336). Об отставке Н. И. Пирогова см. наст. том, стр. 348.

Стр. 103. ... *siam schiavi almen frementi!* — Цитата из памфлета В. Альфьери «*Il Misogallo*», сонет XVIII. Полностью строка читается так: «*Schiavi or siam, si; ma schiavi almen frementi*» («Да, мы рабы, но по крайней мере рабы возмущающиеся»).

«Ей, ПРОСВЕЩЕНЬЕ! ГИСЬ! ГИСЬ!»

Печатается по тексту *K*, л. 100 от 1 июня 1861 г., стр. 844, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен. В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 105).

Авторство Герцена определяется тематикой заметки, входящей в круг обычных его интересов как редактора «Колокола» (деятельность министерства просвещения), близостью к другим его высказываниям о «*втором* III отделении, назначенном исключительно против университетов и просвещения», отзывами о С. Г. Строганове и Е. П. Ковалевском (см. выше заметку «Гонение на университеты» и комментарий к ней, стр. 99 и 354). Попутные удары сделаны в заметке по таким постоянным объектам обличий Герцена как Долгоруков, Панин, «Муханов с Вислы», Аскочепский. Ироническое различие имен *Сергий* и *Сергей*, использованное в той же идейно-стилистической функции, было приведено в отношении того же С. Г. Строганова в «Былом и думах» («На место князя Сергей Михайловича <Голицына> поступил граф *Сергей* Григорьевич Строганов», т. IX наст. изд., стр. 194). Заметку отличает также своеобразие стилистической манеры, свойственной Герцену таковы, например, строки о «долго-рукоской и длинно-панинской тройке», развивающие излюбленный в заметках Герцена сатирический мотив — намеки на необычайно высокий рост Панина. Подчеркнутый синтаксический сдвиг в строках о Корфе — «историограф 14 декабря и Модест» — подразумевает каламбурно ироническое обыгрывание буквального смыслового значения его имени, что не раз использовано было Герценом ранее, например, в статье «1860 год»: «государь застыдился и для большей скромности поверил это место *Модесту* Корфу, историографу 14 декабря» — т. XIV наст. изд., стр. 224; ср. также о «скромности» Корфа в статье «*Souvenirs modestes* о мертворожденной ценсуре Корфа», т. XIV наст. изд., стр. 445).

Заметка написана в связи с увольнением министра народного просвещения Е. П. Ковалевского, на место которого 28 июня 1861 г. был назначен граф Е. В. Путятин. См. об этом эпизоде статью: Н. Родзевич. Отставка Е. П. Ковалевского (По документам архива департамента народного просвещения) — «Исторический вестник», 1905, кн. 1, стр. 98—129.

Стр. 105. ...чего и ждать было от долго-руковской и длинно-панинской тройки с хромым Строгановым в корню? — Подразумевается так называемая «комиссия трех», которой было поручено переработать проект Ковалевского об университетах. В комиссию входили шеф жандармов В. А. Долгоруков, министр юстиции В. Н. Панин и член Государственного совета С. Г. Строганов.

Корф, историограф 14 декабря и Модест? — Модест Корф, автор книги «Восшествие на престол императора Николая I-го» (СПб., 1857), на которую Герцен откликнулся своим «Письмом к императору Александру II», а также в предисловии к книге «14 декабря 1825 г. и император Николай» и статьей «Русский заговор 1825 года» (см. т. XIII наст. изд.).

Аскоченского ему в товарищи с титулом обер-цензора ее императорского величества. — См. комментарий к стр. 96.

ИНКВИЗИЦИЯ СТРОГАНОВА

Печатается по тексту *К*, л. 100 от 1 июня 1861 г., стр. 844, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 105).

Авторство Герцена определяется идейно-тематической и стилистической близостью заметки другим его высказываниям о «комиссии трех» во главе с «великим инквизитором» С. Г. Строгановым (см. выше «Гонение на университеты» и комментарий к ней). О «выжившем из ума Строганове» и напуганном им правительстве, которое «рядом мелких преследований и унижений начало оскорблять университеты», Герцен писал в статье «Исполин просыпается!» (стр. 174 наст. тома). Строки заметки о «зоологической глупости» «дураков» и «тупоумных», против которых «можно только сражаться камзол сумасшедшего дома» близки другим репликам Герцена в аналогичном контексте по поводу отдельных распоряжений правительства: «Что это за безобразие, что это за тупоумие!» (в заметке «*Pas de réveries! Pas de réveries!*», т. XIII наст. изд., стр. 284); «...подайте нам фамилию этого осла! Теряемся, теряемся в этом омуте глупости, преступлений, грубости (...), не видим никакого конца этому народонаселению седых идиотов» (в заметке «О бороде А. А. Иванова», т. XIII наст. изд., стр. 352); «У Александра II большая власть, великая сила — сила глупости. Против тупости нет оружия» (в письме Герцена к Эмили Рив от 18 апреля 1860 г.); ограничительные формы «столько же необходимы беснующемуся самодержавию, сколько камзол беснующемуся вообще» (в рецензии на книгу Долгорукова «*La vérité sur la Russie*», т. XIV наст. изд., стр. 263).

ДУХ СИГАР И ВОНЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА

Печатается по тексту *К*, л. 100 от 1 июня 1861 г., стр. 844, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: *Дух сигар*. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 105).

Авторство Герцена определяется близостью тематики заметки (разоблачение мелочной регламентации, доходящей до бессмыслицы) другим его высказываниям по поводу запрещения курить на улицах. Так, в статье «Иванова борода и Гурьев лоб» Герцен писал: «И эти гонители сигар на улицах, фанатики форменных пуговиц и голых подбородков—все еще существуют на святой Руси?»—т. XIII наст. изд., стр. 392; в заметке «Пальто Меншикова и рубаха Муравьева Вешателя»: «Выучитесь прежде у себя дома ходить без луба, курить на улицах сигары, а уже потом показывайте вашу развязность другим странам»—т. XIV наст. изд., стр. 303. В заметке «Государственная тайна» сообщалось об отмене Государственным советом пелепого

решения, после чего «курящих сигары на улице не беспокоят» (*К*, л. 199 от 1 июля 1865 г., т. XVIII наст. изд.). В заметке «Городское общество Ярославля...» Герцен высмеивал решение ярославского общества, которое «нашло, что Государственный совет, так долго думавший над разрешением вопроса о курении на улицах и дозволивший это, сошкollyничал и дал маху, а потому оно, Ярославское общество, и запрещает курить на улицах» (*К*, л. 202 от 17 августа 1865 г., т. XVIII наст. изд. Официальное распоряжение московского обер-полицмейстера о запрещении «курить табак на улицах» было воспроизведено на страницах «Колокола» в 1860 г. — *К*, л. 71 от 15 мая 1860, стр. 589). Характеристичны также для стиля Герцена приемы отбора лексики и терминологии (ср. «Калеки эти решились...» со строками в статье «Vivat Polonia!» о «правственных калеках, пасущих Россию», стр. 48), игра антитез, построенных на каламбуре, сам заголовок заметки и т. п.

Настоящая заметка тематически связана с предыдущей, концовка которой прямо указывает на эту связь; см. также выше обоснование авторства Герцена в комментарии к заметке «Инквизиция Строгонова».

СЛУХ

Печатается по тексту *К*, л. 100 от 1 июня 1861 г., стр. 844, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание Лемке (*Л* XI, 106) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из пометки в готовом номере: „Я сам“» (*Л* XI, 466). Нынешнее местонахождение этого номера неизвестно. О каких-то «приписках» Герцена на некоторых экземплярах «Колокола» сообщила Н. А. Герцен в письме от 30 ноября 1912 г. из Лозанны к М. К. Лемке, который работал тогда над подготовкой издания сочинений Герцена. Она писала ему из Лозанны: «На нескольких номерах „Колокола“, находившихся у Марии Каспаровны <Рейхель>, мы нашли приписки рукой Александра Ивановича, которые мы тоже перепишем» (*ЛН*, т. 63, стр. 845). По всей вероятности, упоминаемые Лемке «пометки» Герцена «я сам», «моя» (см. также комментарий к заметкам «Петербургские письма», «Оскорбление бедности и подлая месть» — стр. 404 и 405 наст. тома) и являются теми самыми «приписками», о которых шла речь в письме Н. А. Герцен.

Авторство Герцена в отношении данной заметки подтверждается ее идейно-тематической и стилистической близостью другим высказываниям Герцена о «безнравственности», «ничтожности», «нелепости», «бесмысленности» «петербургского управления», о расхождении благих намерений царя с интересами «хищной толпы закоснелых негодяев», «татарвы плантаторов, его окружающих» (см. в наст. томе стр. 48, 52, 61, 176, 198). Положенный в основу заметки прием сатирического осмысления слуха о создании «Общества воздержания от правительства» был использован Герценом ранее в статье «Розги долой!», где также выдвигалось предложение о создании «отрицательного союза» — «Союза воздержания от телесных наказаний» (т. XIV наст. изд., стр. 287).

12 АПРЕЛЯ 1861}

(АПРАКСИНСКИЕ УБИЙСТВА)

Печатается по тексту *К*, л. 101 от 15 июня 1861 г., стр. 848—849, где опубликовано впервые, с подписью: *И — р.* В *ОР* озаглавлено: *12 апреля 1861*. Автограф неизвестен.

Статья посвящена расстрелу крестьян в селе Бездне Спасского уезда Казанской губернии, о котором в общих чертах упоминалось в корреспонденциях С. С. Громеки и других лиц, включенных в состав статьи «Русская кровь льется!» (стр. 90). В *К*, л. 100 от 1 июня 1861 г. была помещена публикация «Мариолог крестьян», в составе которой приводилось письмо к издателям — «Граф Апраксин Безднинский», посвященное событиям в Бездне. К этим событиям «Колокол» возвращался и позже: в *К*, лл. 122—123, 124, 125 от 15 февраля, 1 марта и 15 марта 1862 г. было напечатано «Сказание о безднинском побоище в Казанской губернии по случаю освобождения крепостных крестьян», в котором приведены черновики рапортов генерал-майора графа А. С. Апраксина Александру II с обширными комментариями, принадлежавшими, по-видимому, старшему адъютанту штаба казанского военного губернатора Ф. А. Половцеву, лично участвовавшему в подавлении волнений. Со слов последнего, возможно, написана и приводимая в настоящей статье корреспонденция. В обоих случаях имеется почти дословное совпадение в изложении фактов, которые могли быть известны только Половцеву и которые содержатся в его «Воспоминаниях», опубликованных в «Историческом вестнике», 1907, т. IX (см. также вводную статью к сб. «Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права», М.—Л., 1949).

Больше месяца скрывало русское правительство самый факт волнений безднинских крестьян и кровавой расправы с ними. Лишь после того, как сведения об этом были опубликованы в иностранной печати и в «Колоколе» (а в России в «Северной пчеле» от 15 мая), появилось запоздалое официальное сообщение в «С.-Петербургских ведомостях» от 19 мая 1861 г.

Стр. 107. *Наша «Немая из Портичи»* ... — Названием оперы французского композитора Обера Герцен иронически именуется правительственный офицоз «С.-Петербургские ведомости».

Правительство допускает убийства за свое косноязычие, безграмотность и двоядушие! — Подразумевается двусмысленность ряда мест в «Положениях», допускавшая различное их толкование.

...Валуев отличил крепостную барщину — от барщины во о ж и д а н и и освобождения? — Назначенный министром внутренних дел в апреле 1861 г. П. А. Валуев издал два циркуляра в связи с начавшимися крестьянскими волнениями. Во втором говорилось, что поскольку крестьяне рассматривают барщину как принадлежность исключительно крепостного состояния, то им следует разъяснить, «что как издельная повинность или так называемая по установившемуся обычаю „барщина“, так и оброк признаются за вознаграждение в пользу помещика». О Валуеве см. также заметку «Валуев» и комментарий к ней (стр. 447 наст. тома).

Валуев уже заявил себя не тем с сторону крепостника. — Факт, о котором говорит Герцен, имел место в Калужской губернии сразу же после обнаружения реформы. В борьбе с крупным землевладельцем и заводчиком, владевшим 20 тысячами душ, генерал-майором С. И. Мальцовым губернатору В. А. Арцимовичу удалось одержать верх лишь в 1862 г. Но вскоре он был освобожден от губернаторства и назначен сенатором (см. «Виктор Антонович Арцимович. Воспоминания и характеристики», СПб., 1904, стр. 274—295). О П. А. Валуеве и «мальцовском деле» см. также в наст. томе заметки «L'homme aux camélias et l'homme au gibet» и «Валуев», стр. 237 и 241 и комментарий к ним.

...статьями Погодина... — См. комментарий к стр. 136 и 453.

...лизнуло польской крови... — Намек на расстрел демонстрации в Варшаве (см. выше статьи «10 апреля 1861 и убийства в Варшаве» и «Mater dolorosa»).

. и не спрашивал Апраксина: «А сколько убито солдат или ранено?»— После того как от М. Д. Горчакова была получена телеграмма о событиях в Варшаве, в которой сообщалось, что убито около 10 жителей и столько же ранено, Александр II запрашивал: «В числе убитых есть ли офицеры?»

Стр. 108. *И что за торопливость в казни Антона Петрова?*— Приговор в отношении Антона Петрова был приведен в исполнение 19 апреля, т. е. через неделю после бездвинских событий.

Апраксин к мужикам не подвезжал...— Это возражение сделано в адрес «Северной пчелы» от 15 мая, № 107, где говорилось, что Апраксин сам подъехал к крестьянам и уговаривал их подчиниться.

Он получил удивительную награду ∞ к а п и т а н в отставке.— Сообщение о награде предводителя дворянства Спасского уезда В. В. Молодцова было приведено в письме С. С. Громеки к Герцену от 11 мая 1861 г.: «Сотрудника же Апраксина спасского предводителя *Молостоева* (царь) пожаловал двумя наградами: орденом и чином (несмотря даже на то, что он в отставке: нарушение военных приличий неслыханное!)» (ЛН, т. 62, стр. 119).

Стр. 109. *...два адъютанта губернатора...*— Старший адъютант полковник Ф. А. Половцев и поручик Златницкий.

«...как-то неловко крость заливать шампанским!»— В письме Ф. А. Половцева к брату от 19 апреля 1861 г. говорилось, что радости казанских помещиков «при получении известия о стрельбе не было конца,— те, которые поумнее, старались скрыть ее, а глупые и того не делали; многие публично пили шампанское и поздравляли друг друга с успехом; мало того, слабые женщины и те выразили свою радость и жалели только о том, что убитых было слишком мало» («Красный архив», 1936, № 1/74, стр. 28).

Иначе поступили казанские студенты ∞ отслужить панихиду об убиенных братьях и застреленном Антоне Петрове. Профессор Щапов сказал слово ∞ полиция арестовала.— 16 апреля 1861 г. в Крутинской кладбищенской церкви собрались студенты духовной академии и университета на панихиду по убитым во время подавления бездвинского восстания крестьянам. О выступлении профессора А. П. Шапова и его аресте см. в комментарии к заметке «Профессор Шапов» (стр. 370 наст. тома). Антон Петров был расстрелян 19 апреля 1861 г. (см. комментарий к стр. 90 наст. тома).

СЛУЖБА ЗА ВАСИЛЬЧИКОВОЙ НЕ ПРОПАДАЕТ

Печатается по тексту *К*, л. 101 от 15 июня 1861 г., стр. 851, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: *Васильчикова*. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется идейно-тематической и стилистической близостью заметки другим его высказываниям по поводу «партизанских действий» «та'ам Васильчиковой» против Н. И. Пирогова и участия в его отставке «известного инспектора Рейнгардта» (об этом см. выше заметки Герцена «Царское самодержавие и студентское самоуправление», «Васильчикова и Рейнгардт доехали Пирогова», «Киевский университет и Н. И. Пирогов» и комментарии к ним). Характерно для стилистической манеры Герцена ироническое переосмысление пословицы, использованной в заголовке заметки (ср. ее же использование в аналогичной стилистической функции в эпиграфе к статье «Черты из жизнеописания одесского градоначальника барона Местмахера»: «За Строгоновом молитва, за царем служба не пропадают!»— т. XIV наст. изд., стр. 369, или в концовке статьи «Souvenirs modestes о мертворожденной ценсуре

Корфа): «Нет, служба не пропадает за царем!»— т. XIV наст. изд., стр. 448; ср. также заголовок заметки «За царем служба не пропадает»— *К*, л. 42—43 от 15 мая 1859 г., стр. 357).

Публикация настоящей заметки в «Колоколе» предшествовала заметке «Как рязовопостольная генерал-губернатор княгиня Васильчикова поправляет обстоятельства кварталных» (см. стр. 260 наст. тома). Заголовок в *ОК* является общим для обеих заметок и отражает их тематическую связь.

ШЛЯХ ЕТНО-РЕВО ЛЮЦИОННАЯ ДЕМОСТРАЦИЯ КРЕПОСТНИКОВ

Печатается по тексту *К*, л. 101 от 15 июня 1861 г., стр. 851, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: *Невские героини*. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 110).

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки и близостью ее тематики обычным его интересам (о «плантаторской оппозиции» Александру II см. в комментарии к заметке «Новые меха для нового вина», стр. 334 наст. тома). Авторство Герцена подтверждается также ссмантико-стилистическим своеобразием строк о «днях кровавых отместок» и намек на судьбу Марии Антуанетты. О наступлении часа ответственности поколений Герцен писал неоднократно: «...если вы и успеете перебраться на болотистые петербургские кладбища, род ваш будет отвечать перед русским народом» (стр. 33—34 наст. тома); «...время справедливости <...> еще придет и, может, вам, сударыня, не нужно будет белил, чтоб быть очень интересной» (стр. 103); «...вот отчего императрица по ночам молится перед византийской иконой и читает историю Марии Антуанетты» (стр. 197). Употребление имени Гутцейта в нарицательном значении характерно для многих статей Герцена, начиная с 1859 г. (см. ниже).

Стр. 110. ... в день смерти Николая... — 18 февраля 1861 г. в Петропавловском соборе совершалась традиционная панихида по императору Николаю I (см. «С.-Петербургские ведомости», 1861, № 38).

Стр. 111. *Лекарем при памятнике будет Гутцейт, экзекутором Козляинов...*— Имя орловского помещика Гутцейта было для Герцена синонимом безудержного крепостнического разгула (см. статьи «Постельная барщина продолжается», «Еще о Гутцейте», «Помещичьи злодейства в Орловской губернии» — т. XIV наст. изд.). Называя Козляинова, Герцен имел в виду вышневолоцкого помещика А. П. Козляинова, обличавшегося в русских газетах в избении девушки (см. «Московские ведомости», 1860, №№ 185 и 206; «Северная пчела», 1860, № 192 и др.). Публикация этих материалов вызвала специальное распоряжение Главного управления цензуры о недопустимости печатания подобного рода статей (см. в наст. томе «Мракобесие цензуры», стр. 231). О нем же см. в заметке «Крепостное состояние в Ницце и зодчий-боец в Петербурге», стр. 88 наст. тома.

...топанье некогда трехцветной кокарды ногами, при Марии Антуанетте...— Имеется в виду контрреволюционная демонстрация в Версале 1 октября 1789 г., когда монархически настроенные офицеры и солдаты, приглашенные во дворец Марией Антуанеттой, стали, как это отмечалось впоследствии в обвинительном акте, предъявленном королеве, «топать кокарду народную», выражая «полную преданность трону» и «отвращение» к революционному народу.

〈ИОАХИМ ЛЕЛЕВЕЛЬ〉

Печатается по тексту *К*, л. 101 от 15 июня 1861 г., стр. 852, где опубликовано впервые, без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Включено в издание Лемке (*Л* XI, 110—111).

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки и тесной связью ее материала и формулировок с другими его высказываниями об этом выдающемся деятеле польской демократической эмиграции (см. «И. Лелевель и казематы» — т. XIV наст. изд., стр. 85, письмо Герцена к Ж. Мишле от 4 ноября 1859 г., в «Былом и думах» — т. XI наст. изд., стр. 147).

Упоминание в заметке «обещанной биографии другого страдальца, Станислава Ворцеля», имеет в виду ту биографию Ворцеля, «которую хотели издать его польские друзья» и на которую ссылался в 1857 г. Герцен в своей статье-некрологе «Смерть Станислава Ворцеля» (т. XII наст. изд., стр. 441).

〈ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ И ИХ ПЕТЕРБУРГА...〉

Печатается по тексту *К*, л. 101 от 15 июня 1861 г., стр. 852, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие дается по начальным словам заметки. В *ОК* данная заметка вместе с последующей имеют одно общее заглавие: *Апраксин и Гурко*. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 111).

Авторство Герцена определяется идейно-тематической и стилистической близостью заметки другим его высказываниям по поводу «пролития крестьянской крови в Бездне», «апраксинских убийств», действий Апраксина, «воротившегося по горло в крестьянской крови» (об этом см. выше статьи «Русская кровь льется!», «12 апреля 1861» и комментарий к ним). Характерен для Герцена разоблачительный смысл строк об Александре II как «первом дворянине», о котором он писал также в статье «1860 год»: «Нельзя стать со стороны народа — и называться „первым дворянином“» — т. XIV наст. изд., стр. 217; в заметке «Первый и последний русский дворянин» — т. XVI, стр. 230; в статье «MDCCLXIII»: «стоит ему купить имение в Тверской губернии, чтобы понять себя не *персым дворянином*...» — *К*, л. 153 от 1 января 1863 г., т. XVII; в статье «Плач»: «...нечего разыгрывать <...> первого дворянина» — *К*, л. 158 от 8 марта 1863 г., т. XVII; в статье «Подлые!»: «первый дворянин вооружает мужиков...» — *К*, л. 166 от 20 июня 1863 г., т. XVII и т. д.

С т р. 111. ...*п е р в ы й дворянин?* — Обращаясь 4 сентября 1859 г. к депутатам губернских комитетов, Александр II сказал: «Я считал себя первым дворянином, когда был еще наследником, я гордился, горжусь этим и теперь и не перестаю считать себя в вашем сословии» (С. С. Т а т и щ е в. Император Александр II, его жизнь и царствование, т. I, СПб., 1903, стр. 359—360).]

ГУРКО НЕ АПРАКСИН

Печатается по тексту *К*, л. 101 от 15 июня 1861 г., стр. 852, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* данная заметка вместе с предыдущей имеют одно общее заглавие: *Апраксин и Гурко*. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется непосредственной идейно-тематической и стилистической связью заключительных строк настоящей заметки о «герое нашего времени» с предыдущей — «Герой нашего времени и их Петербурга...»

Стр. 112. ...*Гурко и не сделался героем нашего времени.* — Флигель-адъютант И. В. Гурко, как и инициатор безднинского расстрела Апраксин, в действительности не являлся противником кровавых репрессий. Командированный для усмирения крестьянских волнений в Самарскую губернию, Гурко доносил Александру II, что приговор полевого уголовного суда над крестьянином Сурковым, «подстрекавшим к неповиновению», будет приведен в исполнение 18 мая 1861 г. Гурко подробно информировал царя и о самой процедуре казни: «К означенному дню со всей губернии будут собраны в с. Бесово крестьяне всех ведомств и отставленные от службы писцы, замеченные в ложных или превратных толкованиях „Положения“, — пример этот будет для них чрезвычайно полезен, потому что только одни их толкования могут в настоящее время породить беспорядки» (Архив министерства внутренних дел, дело канц. 1861 г., № 59 — см. *Л* XI, 109).

К ИЗДАТЕЛЮ «PRZEGLĄDU RZECZY POLSKICH»

Печатается по тексту *K*, л. 101 от 15 июня 1861 г., стр. 852, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», с подписью: *Искандер*. В *ОК* озаглавлено: *K полякам*. Автограф неизвестен.

Перепечатано в польском переводе в журнале «Przegląd Rzeczy Polskich» от 3 июля 1861 г. (*Л*, XI, 466)

Выступления Герцена по польскому вопросу, вызванные февральскими и апрельскими событиями 1861 г. в Польше (см. в наст. томе «Vivat Polonia!», «Панихида в Петербурге», «10 апреля и убийства в Варшаве», «Лист шпионов и „нордовское“ обвинение русских офицеров в кровожадности», «Издателю „The Daily News“», «Mater dolorosa», «Гарибальди и „Колокол“»), встретили горячее сочувствие и благодарность со стороны польских эмигрантов в Европе. На страницах журналов «Democrata Polski», «Przegląd Rzeczy Polskich», в многочисленных письмах и приветственных адресах они выражали восхищение благородной ролью Герцена — «первого русского, который требует для Польши полной справедливости, ее безусловной независимости, ее исторических границ» (из адреса за 397 подписями, датированного 4 июля 1861 г.). «...Что нас больше всего чарует в вас, — говорилось в адресе далее, — это возвышенность вашего ума, это — удивительная твердость вашего характера, а прежде всего — святая чистота вашей совести» (*Л* XI, 124—125). Свыше тысячи поляков подписались под письмами и адресами, полными признательности и братских чувств к Герцену. В ответном письме Герцен, выражая благодарность за братское сочувствие своих польских корреспондентов, подчеркивает, что он мыслит в будущем союз поляков с русскими «как вольных с вольными и равных с равными».

КРАЙНЕ НУЖНО

〈ЧТО СДЕЛАЛИ С ЧИНОВНИКОМ...〉

Печатается по тексту *K*, л. 101 от 15 июня 1861 г., стр. 852, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 128).

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки

(«благоволите сообщить в редакцию»), ее тематикой, связанной с другими многочисленными обличениями «царского бульдога православия, народности и самодержавия» Муравьева Вешателя. Содержащийся в заметке намек на казнокрадство М. Н. Муравьева не раз приводился Герценом. Ср. строки о «бескорыстном» Муравьеве в «Былом и думах» — т. XI наст. изд., стр. 301, и о его же «старых грешках» и «отложенных деньжонках» — в статье «...А дело идет своим чередом» (*К*, л. 168 от 1 августа 1863 г., т. XVII наст. изд.). Ироническое переосмысление терминов «коммунизм» и «коммунист» встречается у Герцена также в «Былом и думах» (рассказ о казацком коммунизме) Николая I, который «хотел вернуть деньги моей матери» — т. X наст. изд., стр. 137), в заметке «Радзивилл и его поместья» (об исполнителях царского коммунизма, нарушивших «право собственности» и отнявших земли у их владельцев — т. XIV наст. изд., стр. 63), в статье «Плач» («вот разбойники-то, не признающие права собственности, коммунисты его императорского величества!») — *К*, л. 158 от 8 марта 1863 г., т. XVII). Характерна для стиля Герцена также кондовка, состоящая из серии саркастических вопросов-кинжалов».

Заметка является редакционным запросом на сообщение, помещенное ранее в заметке «L'homme aux camélias et l'homme au gibet» (стр. 237 наст. изд.). В *К*, л. 63 от 15 февраля 1860 г. было напечатано письмо под заголовком «Вешающий Муравьев», автор которого, откликаясь на заметку «Топильский, Муравьев и Панин», опубликованную в *К*, л. 47 от 1 июля 1859 г. (см. т. XIV, наст. изд.), сообщал, что М. Н. Муравьев действительно исходатайствовал аренду М. И. Топильскому после того, как последний обеспечил назначение сына Муравьева обер-прокурором сената. В письме указывалось также, что в апреле 1859 г. Муравьев добился награждения арендой сына, которому достались земли стоимостью около 300 тысяч рублей, и устроил выгодную продажу дома гр. Орлова, выигравшего при этом более 100 тысяч за счет казенных сумм.

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ 〈НАС СПРАШИВАЕТ КАКОЙ-ТО АНОНИМ...〉

Печатается по тексту *К*, л. 101 от 15 июня 1861 г., стр. 852, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен. Включено в издание Лемке (*Л* XI, 129).

Авторство Герцена определяется общим редакционным характером заметки («правда ли, что мы не печатаем поправки или опровержения», «мы всегда готовы поместить») и непосредственной близостью ее формулировок всем другим объяснениям Герцена по аналогичным поводам: см. «Нашим анонимным корреспондентам», «О письме, критикующем „Колокол“», «Еще и еще раз» — т. XIII наст. изд., «От издателя 〈Мы получили два письма...〉», «Поправки, возражения, оправдания...», «От издателя 〈Принимая на себя тяжелое бремя обличения...〉», «Г-н Глушков» — т. XIV, «Исправительные письма!» — наст. том.

Стр. 114. ...пошlostей вроде французского письма в защиту Петра Ольденбургского, которое, сверх всего, еще надобно переводить. — Это анонимное письмо на французском языке, в котором автор, откликаясь на статью «Профессор П. В. Павлов и Тимашевка» (см. стр. 245 наст. тома), выступил в защиту попечителя училища правоведения принца П. Г. Ольденбургского, сохранилось в архиве Герцена — Огарева среди других материалов, связанных с изданием «Колокола» (см. *ЛН*, т. 63, стр. 858).

ПРОГРЕСС ЦЕНСУРЫ

Печатается по тексту *К*, л. 102 от 1 июля 1861 г., стр. 859, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки (строки о «наших корреспондентах») и ее тематикой, входящей в круг обычных интересов Герцена (цензурные притеснения, положение печати). Упоминание «дела вроде Вергейма» подразумевает поступок этого «зодчего-бойца», о котором Герцен писал в заметке «Крепостное состояние в Ницце и зодчий-боец в Петербурге» (стр. 88 наст. тома). Строки об А. Л. Потапове как «друге двух наших корреспондентов» имеют в виду письма в защиту Потапова, о которых писал Герцен в статье «Исправительные письма!» в связи с обличением Потапова в более ранней своей заметке «Клоповник (не растительного царства, а царства русской полиции)», стр. 31 и 57 наст. тома.

Предписание Главного управления цензуры, упомянутое в заметке, приведено далее в статье «Мракобесие цензуры», стр. 230; там же см. о члене Главного управления цензуры и председателе московского цензурного комитета М. П. Щербинине.

<А. САЛТЫКОВ>

Печатается по тексту *К*, л. 102 от 1 июля 1861 г., стр. 859, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 134).

Авторство Герцена определяется непосредственной связью этого разъяснения с заметкой «Крайне нужно» (стр. 25 и 304 наст. изд.).

ДЕТИ, ЗАГРЫЗЕННЫЕ КРЫСАМИ

Печатается по тексту *К*, л. 102 от 1 июля 1861 г., стр. 860, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 134).

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки («Мы много раз получали письма», «мы требуем (...), чтобы нам написали, правда ли это»), тематическим и стилистическим сходством с другими его высказываниями о ректоре Московского университета А. А. Альфонском. О нем же как «генерале и хирурге», о «храбром ректоре, вооруженном страшными оружиеми мирной хирургии», см. в статьях «Изобличитель», «Муханов, что не на Висле» (т. XIV наст. изд., стр. 232 и 279), «Саллический закон в Московском университете» (стр. 42 наст. тома). Строки о детях, служащих «съестными припасами», текстуально близки рассказу Герцена в статье «Крещеная собственность» о бесправном мужике, «служащем съестным припасом барину» (т. XII наст. изд., стр. 112).

Стр. 116. ...*Аркадий Алексеевич Альфонский, упорный и хронический ректор Московского университета...*— Характеризуя деятельность Московского университета второй половины пятидесятых годов, Герцен в статье «Изобличитель» писал: «Что касается до университетского начальства, оно имеет тот характер тяжелой глупости, к которому особенно предрасполагает педантская ученость, старосеминарское боговоспитание, доктринаризм и вообще наука, когда она не по организму». В числе представителей этого «начальства» назван был и Альфонский

(см. т. XIV наст. изд., стр. 231). Должность ректора Альфонский занимал с 1842 по 1863 г., совмещая ее с обязанностями главного врача Московского воспитательного дома.

⟨ПРОФЕССОР ЩАПОВ⟩

Печатается по тексту *К*, л. 102 от 1 июля 1861 г., стр. 860, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки, построенной в форме редакционных запросов, а также идейно-тематической связью ее со статьей «12 апреля 1861», в которой Герцен впервые сообщал о выступлении проф. А. П. Щапова на панихиде «об убиенных братьях» и о его аресте (см. стр. 109 наст. тома). Об этом писал Герцену (допуская неточности в изложении обстоятельств ареста Щапова) С. С. Громека 20 мая 1861 г.: «Щапов, казанский профессор, сказал студентам горячее слово и требовал панихиды по убиенным мученикам Спасского уезда. Его велели схватить (и как подло схватили: услали в командировку и захватили на первой станции — боялись взять в Казани)» (*ЛН*, т. 62, стр. 122). Строки о III отделении и вопрос «каково-то там после Тимашева?» близи многократным высказываниям Герцена в «Колоколе» о III отделении и Тимашеве и подразумевают, в частности, заметку Герцена «Buona notte, buona notte», в которой говорилось об отставке Тимашева и об ожидании новых шагов со стороны его преемника Шувалова (стр. 101 и 359 наст. тома).

Речь профессора русской истории Казанского университета А. П. Щапова, произнесенная им 16 апреля 1861 г. на панихиде по жертвам крестьянского восстания в Бездне, привлекла внимание всего русского общества. «Правительство петербургское, — сообщалось в „Колоколе“ неизвестным корреспондентом в связи с рассказом о выступлении Щапова, — посмотрело на казанские происшествия как на начало пугачевщины или еще на нечто похуже» («Сказание о бездинском побоище в Казанской губернии по случаю освобождения крепостных крестьян» — *К*, л. 122—123 от 15 февраля 1862 г., стр. 1018). По совету попечителя Казанского учебного округа П. П. Вяземского, Щапов выехал в Петербург, чтобы дать объяснения высшим властям по поводу своей речи, но 30 апреля 1861 г. был арестован в Нижнем Новгороде и препровожден в Москву, а оттуда в Петербург в III отделение. (Материалы об аресте Щапова см. в сборнике «Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права», ч. I и II, М.—Л., 1949, стр. 73). В августе 1861 г. Щапов был выпущен на поруки управляющего министерством внутренних дел П. А. Валуева, назначившего его чиновником по делам раскольников. Осенью 1861 г. дело о панихиде в Казани дошло до синода, осудившего Щапова на ссылку в Соловецкий монастырь, от которой его избавило вмешательство передовой общественности. Летом 1862 г. Щапов был привлечен к судебной ответственности по «делу о сношениях с лондонскими пропагандистами», но сумел доказать свою непричастность к этому делу, скрыв связь с Герценом, которому незадолго до того послал статью «О русском дворянстве», запрещенную в России цензурой. Труды Щапова о земстве и расколе с их «идеями силы народной» как основы исторического прогресса и апологией «земской самобытности общин» как «естественно-исторического зародыша нормального и свободного развития» неизменно вызывали большое сочувствие издателей «Колокола».

Проф. Н. Я. Аристов, располагавший, видимо, материалами из архива Щапова, приводит в своем критико-биографическом очерке о Щапове

отрывок из письма Герцена, который писал Шапову осенью 1861 г.: «Ваш свежий голос, чистый и могучий, теперь почти единственный, от радно раздается среди разбитых и хриплых голосов современных русских писателей и глубоко западает в душу» (Н. Я. Аристова. Афанасий Прокофьевич Шапов. Жизнь и сочинения, СПб., 1883, стр. 74). Полный текст этого письма и его местонахождение в настоящее время неизвестно.

Об А. П. Шапове см. также заметку Герцена «Профессор Шапов» (т. XVI наст. изд.).

«ГРАФ АПРАКСИН ПОЛУЧИЛ ЗА ИЗБИЕНИЕ...»

Печатается по тексту *K*, л. 102 от 1 июля 1861 г., стр. 860, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие дается по начальным словам заметки. В *ОК* данная заметка вместе с напечатанной за ней в «Колоколе» заметкой «В Бездне нет конца» (см. стр. 239 наст. тома) имеют одно общее заглавие: *Апраксин и Бездна*. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется идейно-тематической и стилистической близостью заметки всем другим его высказываниям по поводу событий в Бездне (см. в наст. томе «Русская кровь летящая!», «12 апреля 1861», «Герой нашего времени и их Петербурга...», «Гурко не Апраксин»), а также письмом С. С. Громеки, который сообщал Герцену 11 мая 1861 г.: «Вы знаете (<...> о бойне, произведенной Апраксиным в Казанской губернии, но вы еще не знаете, до какого *благодущия* дошел наш Александр II. Известия, которые он получал отовсюду о действиях своих адъютантов, были таковы, что самые близкие к нему люди уверены были, что Апраксину не сдобровать. А он — ангел! — повесил Апраксину Владимира на шею, вместо того, чтобы его самого повесить» (*ЛН*, т. 62, стр. 119).

На рапорте гр. Апраксина о подавлении восстания в Бездне Александр II написал: «Не могу не одобрить действий графа Апраксина». Вслед за этим Апраксин был награжден орденом Владимира 3-й степени; не были забыты и «действия» его ближайших помощников: спасский уездный предводитель Молоствов получил орден Владимира 4-й степени, а земскому исправнику была объявлена «высочайшая благодарность» (см. «Казанские губернские ведомости» от 12 и 26 июня 1861 г.).

ИНКВИЗИТОР В. АСКОЧЕНСКИЙ И ЕГО ЖЕРТВА

Печатается по тексту *K*, л. 102 от 1 июля 1861 г., стр. 860, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: *В. Аскоченский*. Автограф неизвестен.

Включено в издания Тихомирова (*T*, 288—289) и Лемке (*Л* XI, 135).

Заключительные три абзаца корреспонденции заметно отличаются по характеру повествования и стилистической манере от предшествующего изложения фактических данных; возможно, эти абзацы принадлежат не автору корреспонденции, а редакции «Колокола»; в таком случае кавычки, замыкающие корреспонденцию, должны следовать в конце второго абзаца, после слов: «сочувствием к светской литературе и т. п.» (В тексте *K*₂ замыкающие кавычки, видимо, по недосмотру, вовсе отсутствуют. В издании Лемке они перенесены в конец первого абзаца).

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки, близкой ему тематикой («духовные доносы» и «церковное мракобесие»), тесной связью с заметкой Герцена «Духовные и светские доносы, цензороквизиция литературы, рачители и попечители», в которой сооб-

щалося о том же факте: как «по благочестивому извету богомокрицы Асоченского сослани адхмандрита Феодора» и «погубили временную жизнь ближнего для пользы и украшения его вечного духообывательства» (стр. 98 наст. тома). Заметка близка другим обличительным высказываниям Герцена о религиозном ханжестве «преподобного отца» мракобеса Асоченского, «мастера веровать во всякий вздор» (см. «Богомокрицы и богосаранча» — т. XIV наст. изд., стр. 309, «Отечский совет» и «Ей, просвещенье! Гись! Гись!» — стр. 96 и 105 наст. тома). О новом преступлении «инквизитора» Асоченского, одного из «светских священно-монасей», который в своем изуверском «инквизиторском журнале» «Домашняя беседа» указал в 1862 г. на Пиотровского «как отступника от Христа», Герцен писал позже в статье «Смерть Пиотровского, доносы Филарета, инквизиция на всех парах» (т. XVI наст. изд., стр. 103). Характерная для стиля Герцена формула «клоповник православия» — ср. выше заметку «Клоповник (не растительного царства, а царства русской полиции)».

Сборник статей архимандрита Феодора (в миру Александра Матвеевича Бухарева) «О православии в отношении к современности» вызвал сразу же после своего появления в 1860 г. ожесточенную полемику между «Сыном отечества», «Православным обозрением», с одной стороны, и «Домашней беседой» — с другой. Гуманистические тенденции статей архимандрита Феодора, проповедовавшего необходимость внедрения христианских этических норм во все стороны светской жизни, отвергались Асоченским как «идея примирения православия с современностью», во имя которой «теперь уже и фельетонисты начали уверять нас, что духовная и светская литературы преследуют одинаковую цель, ищут одинаково того, что истинно и благо (<...>), что, например, „Современник“ со своим свистком, „Русский мир“ со своим охрипшим криком, „Искра“ с карикатурами и балаганным юмором и проч. и проч. заняты тем же, чем „Христианское чтение“, „Духовная беседа“, „Душеполезное чтение“ и другие духовные журналы, не поддавшиеся увлечениям греховной современности» («Домашняя беседа», 1861, № 11, стр. 208). Статья Асоченского привлекла внимание синода. Петербургский митрополит Исидор, поддерживавший журнал Асоченского крупными субсидиями, отрешил архимандрита Феодора от должности члена петербургского комитета духовной цензуры и лишил его права печататься в журналах. Не имея других средств к существованию, архимандрит должен был удалиться в Переяславльский Никитский монастырь. Современники Феодора восприняли его отъезд как ссылку; см. П. Ф. З а м а н с к и й. Православие и современная жизнь. Poleмика 60-х годов об отношении православия к современной жизни (А. М. Бухарев), М., 1906. О дальнейшей судьбе Феодора см. заметку «Духовное тиранство» (т. XVII наст. изд.).

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ АНГЛИИ

Печатается по тексту журнала «Искра» от 30 июня (12 июля н. ст.) 1861 г., № 24, стр. 349—354, где опубликовано впервые, с подписью: *Н. Огурчиков*. Автограф неизвестен. Журнальный текст содержит много грубых ошибок, здесь учтенных, и ряд сомнительных прочтений (см. ниже).

Авторство Герцена устанавливается на основании его письма к Н. А. Огаревой и дочерям от 6 августа 1861 г., в котором он сообщал: «В „Искре“ напечатана моя статья без малейшего изменения».

Включено в издание Лемке (Л XI, 150—156) со следующей справкой: «Принадлежность установлена по указанию мне П. А. Ефремова, лично имевшего о том свидетельство издателя „Искры“ В. С. Курочкина» (Л XI, 467).

- В настоящем издании в текст внесены следующие изменения:
Стр. 120, строка 8 : казовому концу *вместо*: посовому концу.
Стр. 121, строки 17—18: разных мертвых живых и живых мертвых *вместо*: разных мертвых, живых, и живых мертвых.

Стр. 118. «*Меж сыром лимбургским живым и ананасом золотым*». — Строки из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина (гл. первая, строфа XVI).
...*без всякого переплета бросился к нему* — так в источнике («переплета»); видимо, ошибочное прочтение рукописи.

Стр. 119. ...*примёры*... — Первые плоды или овощи сезона (от франц. les primeurs).

...*Блондин яйца печет на канате, протянутом через Ниагару*... — Известный американский канатоходец Блонден (Blondin), прозванный «герсом Ниагары», начиная с 1850 г. не раз переходил по канату через Ниагарский водопад, сопровождая свой переход целым рядом рискованных цирковых трюков.

Стр. 120. *Гверильяс междуусобных войн ∞ вернее Кабреры и Цумалакареги своему законному королю*. — Испанские генералы Рамон Кабрера и Томас Зумалакареги (Zumala-Carreguy) в 1820—1830 гг. поддерживали притязания дон Карлоса Бурбонского на испанский престол, командуя войсками карлистов в их борьбе с войсками королевы Изабеллы.

...*о последней попытке Монтемолино*... — В 1860 г. дон Карлос граф Монтемолино, сын первого претендента на испанский престол дон Карлоса Бурбонского, высадился в Испании с небольшой группой сторонников, но не нашел сочувствия и был арестован войсками королевы Изабеллы.

Стр. 121. «*Per us sed and infandos every sera, every matina at catholic church prego*» — Нищий испанец говорит на искаженном итало-испано-английском языке: «Для нас или и для ничтожных каждый вечер, каждое утро прошу у католической церкви».

...*и регента*... — Английский король Георг IV, который, ввиду болезни своего отца, Георга III, был с 1811 по 1820 г. регентом.

...*о Пальмере ∞ с шею не сошло*... — Процесс врача У. Пальмера происходил в мае 1856 г. Пальмера судили по подозрению в отравлении его друга Д. Кука с целью ограбления; хотя виновность Пальмера полностью доказана не была, он был приговорен к смерти и повешен.

Стр. 123. ...*коронер*... — Следователь по особо важным уголовным делам в Англии.

ПОЛЬСКИЙ АДРЕС

Печатается по тексту *К*, л. 103 от 15 июля 1861 г., стр. 861, где опубликовано впервые, с подписью: *Искандер*. В *ОК* данная статья вместе с последующей имеет одно общее заглавие: *Польша и Россия*. Этими строками открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ — ЖЕНЩИНАМ ПОЛЬСКИМ

Печатается по тексту *К*, л. 103 от 15 июля 1861 г., стр. 861—862, где опубликовано впервые, без подписи. В *ОК* данная статья вместе с предыдущей имеет одно общее заглавие: *Польша и Россия*. Автограф неизвестен.

Включено в издание Лемке (*Л* XI, 159—161).

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки, идейно-тематической и стилистической близостью статьи всем другим его высказываниям по поводу «варшавской бойни» и русско-польских отношений. О расстреле демонстрации «онемеченными ордынцами», сравнении Хрулева с «окровавленными Апраксиным и Дренякинским», об изменении отношения к Александру II в связи с «польской» и «крестьянской кровью» см. в наст. томе статьи: «Vivat Polonia!», «Панихида в Петербурге», «10 апреля и убийства в Варшаве», «Лист шпионов и „нордовское“ обвинение русских офицеров в кровожадности», «To the editor, The Daily News», «Mater dolorosa», «Гарибальди и „Колокол“», «Из „СПб. ведомостей“», «К издателю „Przeglądu Rzeczy Polskich“» и комментарии к ним.

Стр. 127. ...*Pas de rêveries!* — См. комментарий к стр. 66.

КРЕСТНЫЙ ХОД БОГОМОКРИЦ В ГОРУ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Печатается по тексту К, л. 103 от 15 июля 1861 г., стр. 868, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В ОК озаглавлено: *Крестный ход*. Автограф неизвестен.

Включено в издания Тихомирова (Т, 290) и Лемке (Л XI, 162).

Авторство Герцена определяется идейно-тематической и стилистической близостью заметки другим его высказываниям о «богомокрицах», а также о деятельности министерства «против просвещения». Незадолго до этого в заметке «Ей, просвещенье! Гис! Гис!» Герцен в связи с отставкой министра просвещения Е. П. Ковалевского запрашивал: «Кто-то будет просвещением у нас?» (стр. 105 наст. тома). Строки заметки о «богомокрицах», «православные веры морских Бурачках, лужных Аскоченских» и Башуцком текстуально близки статье Герцена «Богомокрицы и богосаранча», где также говорится о «морском, православном, маячном Бурачке» и других «богомокрицах» и «преподобных отцах» Башуцком и Аскоченском (т. XIV наст. изд., стр. 310). О «выписке свежих немцев на Васильевский остров» писал Герцен в статье «Провинциальные университеты» (стр. 21 наст. тома). Характерны для стиля Герцена иронические наименования Путятинна: «...благо судили в Тихом океане такую святорыбцу», «*gevegend*» (преподобный) Путятин. Сходные иронические характеристики Путятинна встречаются в других произведениях Герцена. Например, в статье «Ископаемый епископ, допотопное правительство и обманутый народ» Герцен упоминает о «дне святительства адмирала Путятинна, корчемствующего судно светского просвещения к берегам вечной и нетленной Японии», стр. 133; в статье «Исполни просыпается!» Герцен говорит о «нашем японце», «кораблевождице японийской», «нашем океаниде», «бого- и человекоугоднике» Путятине: «как безвозвратно запятнал себя этот человек, как быстро сел на мель грязи этот шкипер просвещения!», стр. 174—175. Начиная с настоящей заметки, Герцен многократно будет использовать этот сатирический образ «архиепископа-адмирала русского просвещения», «Нептуна просвещения», «морского омара Путятинна», «графа от корабля и адмирала от просвещения» и т. п. (ср. также в наст. томе заметки «Аскоченский II», «Путятин молчит», «За что Путятин?», «Брадке и Левшин»; в т. XVI — «Головнин — министр просвещения», «Новая победа Путятинна»). Следует, наконец, отметить и такие специфические для стиля Герцена лексико-фразеологические обороты, как упоминания о Путятине, «преображенном на горе *фавора* парского» (ср. в статье Герцена «Русские немцы и немецкие русские» строки об историческом быте, «преображенном на горе Фаворе», т. XIV, стр. 161, а также в статье «В вечность грядущему 1863 году» о Польше, «которая в своем преображении

оставалась одинокой и (<...> подымалась на своем Фаворе», т. XVII наст. изд.); на горе Фаворе, по евангельскому преданию, явился в «божьем образе» Иисус Христос своим ученикам.

Настоящая заметка явилась первым откликом «Колокола» на назначение адмирала графа Е. В. Путятина 28 июня 1861 г. министром народного просвещения. Специалист по вопросам морской торговли, военный агент в Лондоне и глава русской дипломатической миссии в Японии, Путятин связан был в России с самыми реакционными церковными кругами и свою деятельность в должности министра ознаменовал борьбой с прогрессивной профессурой и студенчеством. Его мероприятия вызвали массовые студенческие волнения осенью 1861 г., о которых см. далее статьи «Исполин просыпается!», «Преображенская рота и студенты», «Петербургские письма», «Оскорбление бедности и подлая месть», «Третья кровь!», «По поводу студентских избиений», «Московская бойня».

Общую характеристику Путятина см. также в статье «Дебюты Путятина» (стр. 269 наст. тома).

Стр. 128. ...*морские Бурачки, лужные Аскоченские* ∞ *збер-форшнейдером при цензуре*. — О С. А. Бурачке, редакторе журнала «Маяк», совмещавшем литературные занятия с преподаванием кораблестроения в Морском корпусе, и о редакторе «Домашней беседы» В. И. Аскоченском см. в статьях «Богомокрицы и богосаранча» (т. XIV наст. изд.) и «Инквизитор В. Аскоченский и его жертва» (наст. том). Об «обер-форшнейдере» Н. А. Муханове см. комментарий к стр. 23.

...*выписать свежих немцев на Васильевский остров*. — Об этом см. комментарий к стр. 21.

КНИГА К. С. АКСАКОВА

Печатается по тексту *К*, л. 103 от 15 июля 1861 г., стр. 868, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 162).

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки, идейно-тематической и стилистической близостью всем другим его высказываниям о К. С. Аксакове, о котором см. выше в статье-некрологе «Константин Сергеевич Аксаков» и на стр. 73 наст. тома; ему же посвящен ряд страниц в «Былом и думах» (т. IX наст. изд., стр. 162—171). Характерны для Герцена также строки о «всекаемом освобождении» и «опричниках *Освободителя*» (см. в наст. томе статьи «Русская кровь льется!», «12 апреля 1861», «Ископаемый епископ, допотопное правительство и обманутый народ»).

Авторство Герцена подтверждается также его перепиской с И. С. Аксаковым, касающейся книги К. С. Аксакова. Как видно из письма Герцена к И. Аксакову от 22 апреля 1860 г., рукописи были доставлены сначала Герцену для передачи Н. Трюбнеру, который должен был переслать их в Лейпциг, но затем затребованы обратно (см. «Мурановский сборник», в. I, 1928, стр. 86 и 94, а также письмо И. С. Аксакова к Герцену от 25 сентября 1860 г. — («Вольное слово», 1 мая 1883 г., № 60, стр. 7 — и ответное письмо Герцена от 5 октября 1860 г.). И. С. Аксаков 7 июня 1861 г. сообщал Герцену: «Я напечатал за границей, у Вагнера в Лейпциге, разбор, сделанный братом, семи докладов административного отделения Редакционных комиссий или, вернее сказать, критику современного нового административного устройства крестьян по „Положению“ 19 февраля. Так как все параграфы, на которые нападает брат, вошли в состав ныне действующего „Положения“ что тщательно мною

отмечено в подстрочных примечаниях, то сочинение это имеет интерес не исторический только, но вполне живой, современный». Далее Аксаков писал, что отдал распоряжение издателю «немедленно по отпечатании» послать экземпляр книги Герцену и Огареву. «Я бы счел себя виноватым перед покойным братом,—продолжал далее И. Аксаков,—если б пропустил минуту и не дал раздаться его протесту против искажения народных бытовых начал петербургской и либеральной бюрократией. Знаю, что многим здесь оно будет неприятно, и еще не знаю, как посмотрит на это правительство» (там же).

Книга К. С. Аксакова, написанная в 1859 г., была встречена Герценом с особым сочувствием в связи с тем, что основные установки этой книги (освобождение крестьян с землей, сохранение общины и предоставление крестьянам свободного самоуправления), при всех монархических убеждениях автора, казались ему близкими программе «Колокола». В момент острой борьбы вокруг основ крестьянской реформы Герцен стремился привлечь общественное внимание к гневному протесту Аксакова против намерения помещиков оставить крестьян без земли, подорвав основы общинного быта. «Вы уничтожаете, убиваете самое начало нашей жизни, вы убиваете нашу русскую свободу, нашу общину, наш мир,— писал Аксаков, обращаясь к членам Редакционных комиссий.— Задумайтесь хоть на одну минуту <...> Вы распинаете теперь русский народ» (К. С. Аксаков. Замечания на новое административное устройство крестьян в России, Лейпциг, 1861, стр. 13, 16).

⟨ХРАБРЫЙ ДРЕНЯКИН⟩

Печатается по тексту *К*, л. 104 от 1 августа 1861 г., стр. 876, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Заглавие взято из *ОЛ*. Автограф неизвестен.

Включено в издания Тихомирова (*Т*, 290) и Лемке (*Л* XI, 163—164).

Авторство Герцена определяется идейно-тематической близостью заметки всем другим его выступлениям по поводу кровавого подавления крестьянских волнений и царских наград их усмирителям (см. выше «Русская кровь льется!», «12 апреля 1861», «Герой нашего времени и их Петербурга...», «Гурко не Апраксин», «Граф Апраксин получил за избившие...»). Об «окровавленных Апраксине и Дренякине, мрачных Каинах самовластья и крепостного права», Герцен упоминал в статье «Русские женщины — женщинам польским» (стр. 126 наст. тома).

Строки об «австрийских и прусских крестах» в награду «за русскую кровь» содержат обычный для статей Герцена намек на связь политики царского правительства с интересами Австрии и Пруссии (об этом см. выше в комментариях к заметкам «Последнее убежище изгнанников закрыто» и «Урок из географии»). Ироническое замечание о «молодцах солдатах», пародирующее выражение официальных донесений, использовалось Герценом в аналогичном контексте в других статьях (см., например, в статье «Чего они так испугались?» строки о «мятежниках в Польше» <...> которых наши «молодцы солдаты» всякий раз, как сколько-нибудь обдосужатся от грабежа и воровства, уничтожают...», т. XVII наст. изд.). О принадлежности заметки Герцену свидетельствует и упоминание в ней о разговоре автора с А. С. Хомяковым (происходившем в 1840-е гг.).

Заметкой о генерале Дренякине редакция «Колокола» завершала публикацию материалов о расстреле и массовых избиваниях крестьян села Кандеевки Пензенской губернии, отказавшихся выполнять барщину

после опубликования манифеста 19 февраля 1861 г. По приказам генерал-майора А. М. Дренякина, специально командированного из Петербурга для подавления волнений и получившего разрешение шефа жандармов «не наполняя острогов, действовать по своему суду», в Кандеевке было убито 8 человек, ранено 26 и около 900 наказано розгами и сослано на каторгу и поселение. Уведомляя Александра II о ликвидации «гнезда возмущения», Дренякин писал 18 апреля 1861 г.: «Казанцы и тарутинцы *молодцы* и верны присяге. Повергаю мои прискорбные действия к стопам вашего величества и испрашиваю благосоизволения о *представлении к наградам* всех чинов, быстро действовавших на многих пунктах» (публикация «Денеши Дренякина» — *К*, л. 103 от 15 июля 1861 г., стр. 866; см. также заметку «Убийства в Пензенской губернии» — *К*, л. 102 от 1 июля 1861 г., стр. 859).

⟨РЕДАКТОРУ «PRZEGLĄDU RZECZY POLSKICH»⟩

Печатается по тексту журнала «Przeгляд Rzeczy Polskich» от 1 августа 1861 г., стр. 47, где опубликовано впервые, с подписью: *Al. Herzen*. Автограф неизвестен.

В замечании, предварявшем публикацию письма, редакция журнала писала: «Мы получили от г. Герцена письмо, которое, как содержащее в себе новые доказательства симпатии к Польше со стороны уважаемого издателя „Колокола“, мы охотно помещаем в нашем журнале».

Далее следовал текст письма Герцена, после чего редакция заключала: «Выражая г. Герцену благодарность за память о Польше, за доверие к нам, мы вынуждены добавить, что, отвечая на его доброжелательное письмо, мы отказались заняться распределением упомянутых 500 франков».

ЗАВОДИТЕ ТИПОГРАФИИ! ЗАВОДИТЕ ТИПОГРАФИИ!

Печатается по тексту *К*, л. 105 от 15 августа 1861 г., стр. 877, где опубликовано впервые, без подписи. В *ОК* озаглавлено: *Заводите типографии!* Этой статьей открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

Включено в издания Тихомирова (*Т*, 290—291) и Лемке (*Л* XI, 171).

Авторство Герцена определяется редакционным характером статьи, ответственностью ее политических формулировок и некоторыми характерными для Герцена стилистическими признаками, например, каламбурным смыслом строк о «*долгих* руках и *коротких* умах».

В июле 1861 г. в Петербурге, а затем в Москве были распространены первые в России нелегальные печатные прокламации под названием «Великорус». Вслед за первым номером (от 30 июня) вышли второй и третий (7 сентября и 20 октября). Программа Комитета, от лица которого составлялись прокламации, сводилась к следующим основным требованиям: введение конституции, освобождение крестьян с землей без выкупа, «безусловное освобождение Польши», право Украины «располагать своею судьбою по собственной воле». Группа «Великоруса» понимала, что по доброй воле царское правительство не пойдет на эти меры. «Что касается Комитета,— писалось в № 3 „Великоруса“,— он, вместе с передовою частью патриотов, уверен, что законность и нынешняя династия — вещи, которых нельзя соединить». Тем не менее, учитывая монархические иллюзии широких кругов русской дворянской и буржуазной

общественности, Комитет предлагал «терпеливо и снисходительно» разъяснять свои взгляды и «на первый раз испытать мирные средства» — послать Александру II адрес, в котором изложить требования «Великоруса».

В К, л. 107 от 15 сентября 1861 г. была помещена статья «Ответ „Великорусу“», подписанная «Ваш. Один из многих», автором которой был, вероятно, Н. А. Серно-Соловьевич. Приветствуя почин «Великоруса», автор статьи указывал, что «время надежд и ожиданий прошло» и что наступила «пора борьбы непрерывной, беспощадной, до последнего издыхания враждебной силы». В «Ответе» правильно подмечена и подвергнута критике основная ошибка «Великоруса» — его обращение к «обществу». «Надо обращаться не к обществу, а к народу, и не предлагать вопросов, а прямо отправиться от положительного начала: что жить долее при настоящем порядке невозможно, а лучшего быть не может, пока власть в царских руках». «Ответ» заканчивался словами: «Наша цель — полное освобождение крестьян, право народа на землю, право его устроиться и управляться самим собою, освобождение и свободный союз областей» (стр. 895—896). Герцен, как об этом свидетельствует его письмо к Огареву от 1 сентября 1861 г., был против помещения этой статьи в «Колокола»: «Статья Сер(но)-Сол(овьевича), — писал он, — никак бы не напечатал. Напиши Чернец(ому), чтоб он ее прислал. Смотри, у меня есть инстинкт, и до сих пор всякий раз я, уступая, делал беду». Редакция «Колокола» (по всей видимости, Огарев) снабдила «Ответ» следующим примечанием: «Статью эту мы получили из России, с настоятельной просьбой поместить ее. Если мы и не совершенно согласны в частностях и форме, то все же от души приветствуем этот живой призыв на живое дело. Мы давно думали о необходимости органического сосредоточения сил, но считали, что не от нас должна выйти инициатива, *не из-за границы, а из самой России...*». В том же 107-м листе «Колокола» был перепечатан «для тех, которые не имели случая прочесть его в России», текст первого номера «Великоруса», а в следующем, 108-м листе «Колокола» (от 1 октября) с пространной статьей «Ответ на „Ответ, Великорусу“» выступил Огарев, выразивший твердую уверенность в том, что если «сегодня» сторонников «Великоруса» еще «меньшинство», то «завтра оно будет большинством» (стр. 904).

Состав Комитета, руководившего тайной революционной организацией «Великорус», до сих пор точно не установлен. Наиболее вероятно участие в нем Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичей, Н. Н. и В. А. Обручевых, А. А. Слепцова, В. Ф. и С. Ф. Лугининых, Н. А. Добролюбова, М. А. Антоновича, П. И. Бокова. Бесспорно сочувственное отношение к «Великорусу» и хорошая осведомленность о его деятельности Н. Г. Чернышевского. Свод материалов о «Великорусе» см. в статье Н. И. Новиковой «Комитет „Великорус“ и борьба за создание революционной организации в эпоху падения крепостного права» («Вопросы истории», 1957, № 5, стр. 132—142).

Стр. 132. ...от долгих рук... — Намек на агентов III отделения, главным начальником которого являлся кн. В. А. Долгоруков.

ИСКАПАЕМЫЙ ЕПИСКОП, ДОПОТОПНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И ОБМАНУТЫЙ НАРОД

Печатается по тексту К, л. 105 от 15 августа 1861 г., стр. 877—879, где опубликовано впервые, с подписью: И — р. В ОК озаглавлено: *Искапаемый епископ*. Автограф неизвестен.

«А прогос, рекомендую вам небольшую статейку мою об открытии мощей Тихона», — писал Герцен Н. В. Шелгунову(?), включив эти строки в письмо Н. П. Огарева, датируемое около 1 августа 1861 г., к тому же адресату, найденное затем в бумагах Н. Г. Чернышевского при его аресте 7 июля 1862 г. (см. сообщение Я. З. Черняка «Был ли Н. Н. Обручев адресатом письма, взятого при аресте Чернышевского?» — *ЛН*, т. 62, стр. 420—432). Свою статью Герцен считал одной из наиболее удавшихся ему. «Когда будете писать, скажите, как на вас подействовала моя любимая статья „о Тихоне воронежском“ в „Колоколе“,» — писал он В. Н. Кашперову 5 сентября 1861 г.

Открытие мощей воронежского епископа Тихона Задонского, происходившее 13 августа 1861 г., послужило поводом для сатирического выступления Герцена, показавшего истинный смысл грубой церковной комедии. Однако содержание настоящей статьи далеко выходит за рамки разоблачения «чудес». Ее идейный замысел раскрывают последние слова заглавия — «обманутый народ, обманутый прежде всего реформой, по только не принесшей действительного освобождения, а породившей, по выражению Н. П. Огарева, «новое крепостное право». Именно так и восприняли эту статью демократические круги России. Н. Н. Обручев, находившийся в это время в Милане, писал Огареву 8 сентября 1861 г. по этому поводу: «Принципал решительно помолодел; два раза перечитывал я Тихона и катался со смеху, хотя слеза готова была брызнуть совсем не от смеху. Семга, грузди, Погодин, Филарет и рядом мужик, приклонивший голову к новой раке, синие рубцы освобождения... Это черт знает что такое. Каждое слово вас бросает то в смех, то в слезы» (*ЛН*, т. 62, стр. 418). Для Обручева эта статья являлась свидетельством сближения взглядов Герцена с воззрениями молодого поколения революционной разночинной интеллигенции.

Большую поддержку из настоящей статьи привел В. И. Ленин в статье «Памяти Герцена» как свидетельство поворота Герцена от либеральных иллюзий к демократизму. Увидев в шестидесятых годах революционный народ, Герцен, по словам Ленина, «безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма» и «боролся за победу народа над царизмом, а не за сделку либеральной буржуазии с помещичьим царем. Он поднял знамя революции» (В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 18, стр. 14).

Стр. 133. ...представление синода и указ... — Имеется в виду представление синода о причислении воронежского епископа Тихона к лику святых и об открытии его мощей, утвержденное 25 мая 1861 г. Александром II.

...святительства адмирала Путятина... — О назначении адмирала графа Е. В. Путятина в июне 1861 г. министром народного просвещения см. выше в статье Герцена «Крестный ход богомокрци в гору просвещения» и комментарий к ней, стр. 128 и 374.

Стр. 134. ...известный читателям «Колокола» во Христе сапер Игнатий... — Епископ кавказский Игнатий (Д. А. Брянчанинов) до пострижения служил в динабургской инженерной команде и в 1827 г. был уволен от службы с чином поручика. О нем см. в статье Герцена «Во Христе сапер Игнатий» (т. XIV наст. изд.) и комментарий.

Стр. 135. ...ты, отец убитого юноши в Бездне, ты, сын убитого отца в Пензе. — Имеются в виду подавления безднинского и кандеевского восстаний (о них см. в комментариях к статьям Герцена «12 апреля 1861» и «Храбрый Дренякин» — стр. 362 и 376 наст. тома).

Стр. 136. ...как М. П. Погодин ∞ до того обрадовались манифесту, что стали писать детский бред.— Перед самой реформой М. П. Погодин писал в статье «По поводу крестьянского дела», напечатанной под редакционным заголовком в «Северной пчеле» от 28 февраля 1861 г., № 48: «Русские люди, русские люди, на колени! Молитесь богу, благодарите бога за это высокое, несравненное счастье, всем нам ниспосылаемое, за это беспрецедентное в летописях ощущение, которое всех нас ожидает...». Дальше рисовалась фантастическая картина того, как должны встретить крестьяне реформу: «...в назначенный день нарядятся в свои кафтаны, пригладят волосы квасом, пойдут с женами и детьми в праздничном платье молиться богу. Из церкви крестьяне потянутся длинной вереницей к своим помещикам, поднесут им хлеб-соль и, низко кланаясь, скажут: спасибо вашей чести на том добре, что мы, наши отцы и наши деды от вас пользовались; не оставьте нас и напредки вашей милостью, а мы навсегда ваши слуги и работники». См. также комментарий к стр. 259 наст. тома.

...молодого архимандрита Казанской академии Иоанна, помещившего ∞ сапера.— Об этой статье, помещенной в мартовской книжке «Православного собеседника» за 1859 г., см. в статье Герцена «Во Христе сапер Игнатий» и комментарий к ней (т. XIV).

Стр. 137. ...словцом московского Филарета ∞ он отпустил цветословие ∞ «покоряешь освобождением». — Герцен имеет в виду речь московского митрополита Филарета при посещении Успенского собора 18 мая 1861 г. приехавшим в Москву Александром II. «Обыкновенно сильные земли любят искать удовольствия и славы в том,— говорил Филарет,— чтобы покорить и наложить иго. Твое желание и утешение — облегчить твоему народу древние бремена и возвысить меру свободы, огражденной законом» (И. К о р с у н с к и й. Святой Филарет, митрополит московский, его жизнь и деятельность на московской кафедре по его проповедям, Харьков, 1894, стр. 837).

...как в 1848 католический архиепископ парижский Дени Огюст Аффр был смертельно ранен 25 июня 1848 г. на Бастильской площади, куда он шел, чтобы убедить восставших сложить оружие.

...пострадавший за тебя в Казани иной Антоний...— На события в Бездне и расстрел Антона Петрова Герцен откликнулся в статьях «Русская кровь льется!» и «12 апреля 1861».

РАЗБОЙ В БОЛЬНИЦАХ

Печатается по тексту К, л. 105 от 15 августа 1861 г., стр. 884, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду Dubia (Л XI, 198).

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки («врач пишет нам»), близостью другим его высказываниям о подобного рода служебных злоупотреблениях и некоторыми характерными для Герцена стилистическими признаками. О «гнилом мясе», «негодных съестных припасах» и «скверном содержании воспитанников» Герцен писал незадолго до этого времени в заметке «Дети, загрызенные крысами», где замечал с печальным юмором: «Мы даже и не дивились этому: это так и должно быть там, где нет гласности, а казнокрадов очень много (<...> Все это так обыкновенно, так должно быть, что мы и не печатали о негодных съестных припасах» (стр. 116 наст. тома). Характерна для Герцена концовка заметки («О девственник святой!») и ее лексико-стилистическое и интонационное своеобразие: см. сходную реплику Герцена в заметке «Почтовые, почтенные и иные шпионы» приблизительно в том же контексте: «О святая невинность!» (т. XIV наст. изд., стр. 345).

СВИРЕПЫЙ ФЕОФИЛАКТ

Печатается по тексту *K*, л. 105 от 15 августа 1861 г., стр. 884, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 198).

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки (содержащей характерный редакционный запрос: «правда ли»), близостью ее тематики обычным интересам Герцена (система притеснений в учебных заведениях, произвол духовенства), а также некоторыми лексико-фразеологическими особенностями, свойственными стилю Герцена, например, строки о «деспотическом своеволии живых мертвецов, которым на посох дано все белое духовенство»; ср. в статье Герцена «Западные книги» упоминание о «деспотическом своеволии правительств» (т. XIII наст. изд., стр. 94); в статье «На этот раз мы очень богаты корреспонденциями» говорится о духовных чинах как «живых мертвецах» (т. XIV, стр. 88); там же встречается фразеологизм: «отдавая нам на копьё» (стр. 87), который повторяется и в заметке «С кем Литва?», где Герцен говорит о «безобразных инструкциях генерал-губернаторам, отдающих им целый край на копьё» (стр. 152 наст. тома).

Стр. 139. ...*ректор одесской семинарии, пользующийся таким боголюбивым именем, точно Каваньяк в 1848 году...* — Имеется в виду ректор херсонской духовной семинарии и настоятель одесского Успенского монастыря Феофилакт (Ф. А. Праведников). Феофилакт по-гречески означает «любящий бога»; Евгений (имя генерала Луи Эжена Каваньяка, душителя восстания в 1848 г.) — «благородный».

АСКОЧЕНСКИЙ П

Печатается по тексту *K*, л. 105 от 15 августа 1861 г., стр. 884, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 198).

Авторство Герцена определяется редакционным характером заключительных строк заметки («Обращаем серьезное внимание...»), идейно-тематической и стилистической близостью всем другим высказываниям Герцена о «богомолнице» В. И. Аскоченском (см. в наст. томе заметку «Инквизитор В. Аскоченский и его жертва», а также комментарий к ней, стр. 117 и 372) и министре просвещения «архиепископе» Е. В. Путятине, известном своим религиозным ханжеством и мракобесием (о нем см. заметку «Крестный ход богомокрлиц в гору просвещения» и комментарий к ней, стр. 128 и 374 наст. тома). О «пиетических наклонностях», показном «благочестии» и «слабостях императрицы к православию» Герцен неоднократно упоминал в своих статьях (см. комментарий к заметке «Императрица Мария Александровна», стр. 305 наст. тома). Наименование Шульца *Сергием* с подразумеваемым проницательным различием имен Сергей и Сергей также является специфической приметой стиля Герцена (см. об этом в комментарии к заметке «Ей, просвещеньё! Гись! Гись!», стр. 360 наст. тома).

Стр. 139. ...*имеющий de la marge*. — Т. е. у него еще есть время и возможность сделать что-либо (от франц. *avoir de la marge*).

ЗАГОВОР

Печатается по тексту *K*, л. 105 от 15 августа 1861 г., стр. 884, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включалось в издания Тихомирова (*T*, 295) и Лемке (*Л XI*, 211—212).

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки, написанной от лица «русских изгнанников» в Лондоне и ответственностью ее политических заключений («мы — с мужиками, а не с сенаторами»). Обзор сообщений иностранной прессы обыкновенно делался в «Колоколе» Герценом. Характерно для Герцена упоминание, с подразумеваемым презрением и насмешкой, о «первых трех классах» сановников (ср. в «Былом и думах» строки: «У нас понятия не имеют о такой деятельности и о такой работе, особенно в *первых трех классах*», т. XI наст. изд., стр. 114; в «Концах и началах» Герцена примерно в том же контексте говорится о «взяточниках первых трех классов», т. XVI наст. изд., стр. 170).

Стр. 140. *Timeo Danaos!*— Начальные слова крылатой фразы («*Timeo Danaos, et dona ferentes*» — («Боюсь данайцев и дары приносящих»)), приписываемой Лаокоону, который этими словами предостерегал троянцев от коварства греков.

ПУТЯТИН МОЛЧИТ

Печатается по тексту *K*, л. 106 от 1 сентября 1861 г., стр. 891, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л XI*, 224).

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки («вот что нам пишут»), а также идейно-тематической и стилистической близостью всем другим его высказываниям об «архиепископе-адмирале» Е. В. Путятине (см. выше заметку «Крестный ход богомокрлиц в гору просвещения» и комментарий к ней, стр. 128 и 374) и «строгоновской ревности о невежестве» (об «иезуитском гонителе просвещения», «великом инквизиторе» С. Г. Строганове см. в наст. томе заметки Герцена «Ей, просвещение! Гись! Гись!» и «Инквизиция Строгонова», стр. 105).

Стр. 141. ...«*Nord*», *сильно преданный всему морскому*...— См. комментарий к стр. 69.

«*Не сбылись, мой „Nord“, пророчества пылкой юности твоей!*»— Герцен перефразирует строки «Стансов» К. Ф. Рылеева:

Не сбылись, мой друг, пророчества
Пылкой юности моей...

...составилась известная комиссия т р е х...— О ней см. выше в заметке «Гонение на университеты», стр. 99.

ПОЗДНЕЕ, НО СУЩЕСТВЕННОЕ ДОПОЛНЕНИЕ

Печатается по тексту *K*, л. 106 от 1 сентября 1861 г., стр. 891, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: *Попечитель Исаков*. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л XI*, 224—225).

Авторство Герцена определяется непосредственной связью этого дополнительного разъяснения с его заметкой «Салический закон в Московском университете» (стр. 42 наст. тома).

⟨ИГУМЕНЬЯ АЛЕКСЕЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ В МОСКВЕ⟩

Печатается по тексту *К*, л. 106 от 1 сентября 1861 г., стр. 891, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 225).

Авторство Герцена определяется редакционным характером заключительных строк заметки («Мы будем жаловаться»), ироническим упоминанием о министре народного просвещения Е. В. Путягине, о котором как религиозном ханже, мракобесе и «архиешкопе» Герцен писал неоднократно (см. выше «Крестный ход богомокриц в гору просвещения» и комментарий к ней, стр. 128 и 374), а также некоторыми характерными для Герцена стилистическими признаками (например, контрастное сопоставление «Алексеевского монастыря» с «Алексеевским равелином»).

REPETITIO EST MATER STUDIORUM

Печатается по тексту *К*, л. 107 от 15 сентября 1861 г., стр. 893—895, где опубликовано впервые, с подписью: *Искандер*. Этой статьей открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

Первоначально Герцен намеревался дать статье иное название: «...можно ли статью назвать „Зады“ вместо „Repetitio est mater...“?», — спрашивал он Н. П. Огарева в письме к нему от 30 августа 1861 г. «Статьи в „Колокол“ посланы („Зады“), — сообщал Герцен тому же адресату 1 сентября 1861 г.

Настоящая статья Герцена, развивающая его концепцию России и Запада, не раз излагавшуюся им в более ранних произведениях («Русский народ и социализм» — т. VII, наст. изд., «Старый мир и Россия» — т. XII, «Западные книги» — т. XIII, «Русские немцы и немецкие русские» — т. XIV и др.), явилась ответом на резко полемическую статью Н. Г. Чернышевского «О причинах падения Рима (Подражание Монте-скье)», опубликованную в «Современнике» (1861, № 5) и направленную против этой концепции. Разделяя взгляд Герцена на русскую поземельную общину как основу будущего социалистического устройства, Чернышевский, однако, отвергал утверждение Герцена, будто социализм возможен лишь там, где сохранилась община. Главное условие изменения общественных отношений Чернышевский видел в революции и именно этот тезис проводил он в своей подцензурной статье: «...когда понадобится нам лучшее устройство, его введение будет значительно облегчено существованием прежнего обычая, представляющего сходным по принципу с порядком, какой понадобится для нас». С тех же позиций подходил он и к оценке положения в странах Западной Европы. Решительно отвергая мысль Герцена об «умирании» Запада, он доказывал, что там отжили свой век только силы господствующих классов, но что народ «только еще готовится вступить на историческое поприще». Лишенный возможности в подцензурной статье выделить свою основную мысль, Чернышевский подробно аргументировал исходное положение, что народы вообще не стареют и не умирают и, главное, что «порядки» народов, стоящих на более низком уровне исторического развития, не способны обновить и обогатить уклад жизни, существующий у народов более развитых.

«Мы далеко не восхищаемся нынешним состоянием Западной Европы,— писал он,— но все-таки полагаем, что нечем ей позаимствоваться от нас».

В статье Чернышевского Герцен усмотрел намеренное искажение со стороны «желчевой критики» его мыслей о путях развития России и Запада. Попытка полемизировать лишь в таком плане выступает рельефней в наброске «Двояродный братец» (см. стр. 220). Несколько позже, в статье «Мясо освобождения» (см. т. XVI наст. изд.), Герцен пытался возразить Чернышевскому уже непосредственно по существу поднятого им вопроса о роли революции в социальном переустройстве общества.

Полемизируя с Чернышевским, Герцен существенно уточнил свои теоретические положения о путях развития общества. Так, в комментируемой статье Герценом подчеркнут диалектический характер общественного развития, понимание процесса борьбы нового со старым в их взаимосвязи, что приближало его к историческому материализму. Однако идеалистическое представление об этом процессе как о столкновении идей, «традиции и идеала», а не как о борьбе классов — скрывало мысль Герцена, ограничивало значение его исторической концепции.

О статье Чернышевского Герцен узнал из фельетона Н. Воскобойникова «Журнальные заметки», напечатанного в «С.-Петербургских ведомостях» 1 июля 1861 г., № 144. «Г-н Чернышевский,— говорилось в фельетоне,— позволил себе такой странный тон с лучшими людьми русского общества, что объявил об их охоте выказывать себя глупцами и лгунами. Эти люди не нуждаются в защите против г. Чернышевского,— но мы не можем пропустить странный тон „Современника“ без посильного протеста». Герцен был чрезвычайно задет резким тоном статьи Чернышевского. «Чернышевский (...) ехавши дружески возле, вытянул меня арапником»,— писал он по этому поводу Н. В. Шелгунову (?). Как «битье по своим» принял статью Чернышевского и Н. П. Огарев, подробно остановившийся на ней в письме к тому же адресату (см. также комментарий к наброску «Двояродный братец», стр. 421).

С т р. 144. *Читая книгу Грегоровиуса...*— Подразумевается восьмитомное сочинение Ф. Грегоровиуса: «Die Geschichte der Stadt Rom in Mittelalter», Stuttgart, 1859—1872. До 1861 г. вышли в свет три первые тома.

Турки дали ей честную кончину.— Речь идет о завоевании Константинополя султаном Магометом в 1453 г., положившем конец Византийской империи.

...одной головы, которую искал Калигула...— По преданию, император Гай Цезарь Калигула выразил желание, чтобы «у всего римского народа была лишь одна голова», которую он мог бы разом отрубить.

С т р. 146. *...унести на своих подошвах отечество...*— Герцен имеет в виду ставшие крылатыми слова Дантона, сказанные им накануне ареста, в ответ на предложение бежать из Франции от преследования Робеспьера: «Разве можно унести отечество на подошвах башмаков?»

С т р. 148. *...богатому Никодиму труднее совлечь с себя старого Адама, чем нищему.*— Согласно преданию, рассказанному в апокрифическом «Никодимовом» евангелии, Христос предложил богатому фарисею Никодиму, объявившему себя последователем Христа, раздать все свое состояние: «Брось все и иди за мной».

...Пьер Леру особенно усердно старался передать французам свою Триаду и свой Circulus...— Пьер Леру рассматривал прогресс как постепенное приближение к равенству и свободе, разделяя его развитие на три стадии: освобождение от семейного рабства, освобождение от рабства государственного и освобождение от тирании собственности. «Circulus»— его же утопическое учение о круговороте материи (жизнь,

возрождающаяся из смерти), выдвинутое в полемике против теории Мальтуса.

...*Бланки*... — В тексте «Колокола» напечатано, видимо, ошибочно — Бланка (т. е. Louis Blanc)

Стр. 149. «Полярная звезда» на 1855 г., стр. 168 и 169. — Герцен приводит автоцитату из «Былого и дум», гл. «Еще раз юная Москва», которая была напечатана в первоначальной редакции в ПЗ на 1855 г., кн. I (см. гл. XXX окончательной редакции — т. IX наст. изд., стр. 149—150); Герцен указывает страницы второго издания «Полярной звезды». В тексте «Колокола» год напечатан ошибочно: 1856 вместо 1855.

ГЕНЕРАЛ ФИЛИПСОН ПОПЕЧИТЕЛЕМ ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Печатается по тексту К. д. 107 от 15 сентября 1861 г., стр. 900, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В ОР озаглавлено: *Генерал Филипсон*. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (Л XI, 233).

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки (обращение к «нашим читателям», «мы готовы открыть при редакции...»), ее идейно-тематической и стилистической близостью другим высказываниям Герцена о студенческом движении и притеснениях в университетах и о таких «персонажах», как Сухозанет, Герштенцвейг, Путятин, Строганов. Ироническое сопоставление Сухозанета с Марком Туллием Цицероном продолжает сатирическую характеристику военного министра, данную в предисловии «От издателя» к части III «Голосов из России», где Герцен высмеял «уморительный приказ» с претензией на красноречие косноязычного министра (см. т. XII наст. изд., стр. 446); о «ветхом денъзм и слабом достоинствами Сухозанете» Герцен писал ранее в заметке «Пугачев и Сухозанет» (т. XIV, стр. 304) и в ряде других статей. О назначении Сухозанета и Герштенцвейга в Варшаву Герцен вспоминал в статье «По экзамену единица»: «Ехал генерал Сухозанет — никто ничего не ожидал; ехал генерал Ламберг — никто ничего не ожидал, даже смерти Герштенцвейга...» (т. XVI, стр. 239). О генерале Герштенцвейге, наряду с другими «немцами», Герцен замечал в статье «Русские генералы Герштенцвейг и Сиверс и русский помещик Гутцейт»: «Добрые немцы эти попадают очень часто в „Колоколе“. Они доставляют нам почти столько же материалу, как Панин и некогда мужественный Закревский» (т. XIV наст. изд., стр. 344). О «святорыбце» и «адмирале от просвещения» см. выше в заметке «Крестный ход богомокриц в гору просвещения» и в комментарии к ней (стр. 128 и 374). О «гонителе просвещения» Строганове и его плане «поднять цену за слушание лекций» и «разместить факультеты по разным городам» говорилось в заметке Герцена «Инквизиция Строгонова» (стр. 105). Характерны для стиля Герцена строки о «евнухах императорского просвещения» (ср. аналогичные конструкции: «евнухи литературного серала», «евнух при императорском серале юстиции» — в заметках Герцена «Цензура усиливается», т. XIII наст. изд., стр. 255, и «Последнее убежище изгнанников закрыто», стр. 35 наст. тома), о «насильственно втесняемом невежестве» (см. об этом выше в комментарии к статье «Донос на „Морской сборник“», стр. 313), а также начин заметки: «Отчего? Почему? Зачем?..»

Генерал-лейтенант Г. И. Филипсон, командовавший ранее группой войск на Кавказе, назначен был осенью 1861 г. попечителем петербургского учебного округа. В статье «Дебюты Путятина» говорилось о нем, что он «храбрый генерал, бог весть на каком основании попавший на по-

печительское место» (см. стр. 271 наст. тома). О роли ген. Филиппсона во время репрессий против студентов Петербургского университета см. далее заметку «Петербургский университет закрыт!» (стр. 164), а также статьи «Студентское дело» (*К*, л. 112 от 15 ноября 1861 г., стр. 934—936) и «Материалы для истории гонения студентов при Александре II» (*К*, л. 114 от 1 декабря 1861 г., стр. 950—954, л. 119—120 от 15 января 1862 г., стр. 993—995 и л. 121 от 1 февраля 1862, стр. 1007—1009).

Стр. 150. ...*беззащитные седины Марка Туллия Сухозанета в Варшаву?*— В мае 1861 г. военный министр генерал-адъютант Н. О. Сухозанет был назначен временно командующим первой армией в Польше и после смерти наместника Польши князя М. Д. Горчакова исполнял с 1 июня его обязанности. 20 июля наместником был назначен гр. Ламберт. Косноязычие и безграмотность Сухозанета увековечены были Герценом в памфлете «Марк Туллий Сухозанет» (см. т. XIII наст. изд.).

...*Евдокимов, граф, по его проекту решил переселять хоперских казаков с блестящим успехом.*— Об этом см. в наст. томе заметку «Победа графа Евдокимова над саперным казачьим полком» (стр. 260). Генерал-лейтенант Г. Н. Филиппсон состоял в это время начальником штаба Кавказской армии и руководил возведением в Кубанской области новых военных укреплений и созданием казачьих станиц (ср. «Русский инвалид» от 19 мая 1861 г., № 108).

...*на Аптекарском ли острове или на Голодае.*— В начале 1860-х годов эти районы Петербурга были еще окраинными.

Мы готовы открыть при редакции «Колокола» подписной лист.— «Уведомление» о первых взносах «в университеты за бедных студентов, у которых государь отнял средства учиться», было помещено уже в следующем листе «Колокола» (см. стр. 233 наст. тома); о сборах средств для этих же целей сообщалось затем в заметках «Артиллерия и лицей» (стр. 179), «Оскорбление бедности и подлая месть» (стр. 184), а также в «Извещении» (стр. 234).

НА ЧТО УПОТРЕБЛЯЮТСЯ ПОЧТОВЫЕ ЧИНОВНИКИ

Печатается по тексту *К*, л. 107 от 15 сентября 1861 г., стр. 900, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: *Почтовые чиновники.*

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 233).

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки («чиновник рассказывал нам здесь»), ее близостью другим многочисленным высказываниям Герцена об одном из «справительствующих немцев» и «временно-великих людей» графе В. Ф. Адлерберге (см. в т. XIV наст. изд. статьи «Very dangerous!!!», где говорилось о «тройке из царских конюшен, которая называется Адлерберг, Тимашев и Муханов»— стр. 120, «Путешествие Тимашева», «Еще о Радзивилле»; в наст. томе — «Слух о заговоре против императора австрийского и эрцгерцогини Софии», «День страха»; в т. XVI наст. изд.— «Чудотворное действие императора», «Адлерберг I как хозяин, судья и промышленник» и др.). Столь же едкими и частыми в статьях Герцена являлись его замечания о фаворитке Адлерберга М. И. Бурковой, ее «семейных доброделателях» и «тайных услугах» ее покровителю (см. в т. XIII наст. изд.— «Под спудом», «Москва», «Словобоязнь», «Еще и еще раз», в т. XIV — «Дом, примчавшийся к Мине Ивановне на почтовых» и др.). Характерна для Герцена ироническая концовка заметки с каламбурным обыгрыванием немецкой фамилии Адлерберга и подразумеваемым буквальным переводом ее (ср. в статье «Русские немцы и немецкие русские» аналогичное замечание о том же

Адлерберге: «Выше этих *гор* и *орлов* ничего нет, т. е. ничего земного...», т. XIV наст. изд., стр. 149).

Стр. 151. ...*O edler, alter, Adler-berg!* — «О благородная, старая Орлиная гора!» (нем.); одновременно Adler-berg — фамилия семидесятилетнего министра двора графа В. Ф. Адлерберга. О его фаворитке Мине Ивановне Бурковой, упоминаемой в этой заметке, сохранилось свидетельство Бисмарка в его секретном донесении из Петербурга на имя прусского министра иностранных дел фон Шлейнигца от 3 мая 1861 г.: «Я не знаю, существовала ли здесь в ваше время приятельница старого Адлерберга, г-жа ф. Бурггоф, более известная под именем „Мины Ивановны“. Она держит салон, где, разумеется, мне лично бывать неудобно, но я не встречаю препятствий к тому, чтобы его посещала наша посольская молодежь. При любезном посредничестве Мины Адлербергу передаются всевозможные ходатайства и записки <...> Эта же дама под чужим именем содержит магазин „Парижских мод“, и имеющие ходатайства пред двором направляют их этим путем, плата за пару перчаток от 100 до 500 рублей. Только внешняя политика настолько монополизирована князем Горчаковым, что недоступна влияниям Мины Адлерберг; будь это иначе, и я был бы поставлен в необходимость спрашивать у вашего превосходительства ассигнование мне значительных секретных фондов» («Исторический вестник», 1905, № 3, стр. 1037—1038; перевод с немецкого).

С КЕМ ЛИТВА?

Печатается по тексту *К*, л. 107 от 15 сентября 1861 г., стр. 900, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании его письма к Огареву от 1 сентября 1861 г., в котором Герцен сообщал о своем намерении писать заметку на следующий день: «О Вильне попробую завтра».

Стр. 152. ...до 5/17 августа нынешнего года. — В этот день Александр II утвердил «Положения Комитета министров о правилах на случай объявления каких-либо местностей Северо-Западного края на военном положении». Уже 22 августа в Вильно, Гродно, Белостоке и других городах края было объявлено военное положение, введены дополнительные войска, учреждены особые следственные комиссии, полицейские и полевые суды, начато преследование руководителей и участников национально-освободительного движения.

...безобразные гайнау-виндишгрецкие инструкции... — Австрийские фельдмаршалы Гайнау и Виндишгрец были известны жестоким подавлением революционного движения в 1848—1849 гг. в Австрии, Италии, Венгрии и Чехии.

ПОДМЕТНЫЕ ПИСЬМА

Печатается по тексту *К*, л. 108 от 1 октября 1861 г., стр. 908, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», за подписью: *Александр Герцен. Николай Огарев*. Автограф неизвестен.

О получении «подметных писем» Герцен писал кн. П. В. Долгорукову 27 сентября 1861 г.: «... на днях я получил из Остенде преглуное письмо, в котором какой-то витязь, забыв подписать свое имя, ругал вас, Огарева и меня; я оставил это письмо без внимания. Но через три дня получил другое из Парижа (от 22 сент.), также неподписанное, и на этот раз

брань возведена в высшую степень: мы обруганы по-матерно <...> Мерзавец, писавший письмо, грозит покушением на мою жизнь и обещает ту же угрозу и вам. Мне он пишет, что уже меры взяты, чтоб я протянул ноги, и говорит, что, *если я осмелюсь наметкнуть* об этом, то — тут мне и конец. Поэтому я счел долгом: во-первых, напечатать эту угрозу и покойно жду, что сделает этот Су-Сын; во-вторых, написать вам, чтоб через русских узнать, кто это отличается так. Я вам советую взять некоторые меры. Убить, прежде грозя, глупо, но напасть на улице и сделать гнусную сцену легко <...> Еще говорят, Аскоческой на водах. Не он ли это?»

Через год Герцен снова писал в «Колоколе» о получении подобных же «подметных писем»: «Полицейские царства животного бесятся в самые каникулы, горячие головы III отделения немного позже. Прошлой осенью пажи Шувалова ругались письменно и обещались извести нас. Нынешний год, только что август начал проходить, опять явились безыменные письма с ругательствами и угрозами...» (заметка «Ей-богу, надоело», т. XVI наст. изд., стр. 241).

См. также далее — «Бруты и Кассии III отделения» и комментарий.

БРУТЫ И КАССИИ III ОТДЕЛЕНИЯ

Печатается по тексту *К*, л. 109 от 15 октября 1861 г., стр. 909, где опубликовано впервые, с подписью: *Александр Герцен*. В *ОК* озаглавлено: *Письмо к русскому послу в Лондоне*. Этим письмом открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

Вслед за публикацией в «Колоколе» настоящее письмо было издано Вольной русской типографией в Лондоне отдельным листом во французском переводе (текст фотокопии см. на вклейке, стр. 160).

«III отдел(ение) расхорохорилось и не на шутку вздумало меня убить: Рот(шильд), Тург(енев) и Тхоржевский получили aviso, — вот причина моего письма к Брунову и журнального шума», — писал Герцен 3 ноября 1861 г. к М. К. Рейхель. В архиве Герцена — Огарева сохранилось следующее письмо «неизвестного друга», на котором сделана надпись рукой Герцена: «Получено 10 октября через Тхоржевского» (отрывок дается в переводе с французского): «Третье отделение готовит попытку похитить вас, или, если это понадобится, убить. Ради бога, не покидайте Англию, никуда не уезжайте и будьте крайне осторожны» (*ЛН*, т. 63, стр. 669—670).

Об обстоятельствах, при которых были получены эти дружеские уведомления (об этом см. также письмо к Тургеневу от 12 октября 1861 г.), Герцен рассказал в 1869 г. в статье-ответе «Биржевым ведомостям» (сохранившемся в отрывке и начинающемся словами «Каким же образом мой биограф...»): «Утром мне принесли письмо из Петербурга, посланное через Бельгию. В нем мне советовали быть осторожным, не выезжать из Англии и говорили, что Шувалов хочет во что бы то ни стало уничтожить нашу прессу или меня, хотя бы для этого пришлось убить меня и пр. Мне надобно было повидаться в тот день с лионским Ротшильдом. Выходя из его кабинета, я вверху встретил его секретаря Кестнера. Он мне сказал, что на мое имя получено письмо, и, раскрыв, увидел слово в слово такую же записку. Я подал ее Ротшильду и попросил его прочесть, прибавляя, на всякий случай, что я буду очень благодарен, если он подтвердит, что только что я получил у него в кабинете и при нем распечатал. При этом я ему показал и другое письмо, полученное утром, — оба были написаны по-французски. Дня через три один из наиболее уважаемых людей в России (то есть И. С. Тургенев) сообщил мне то же и добавлял, что не мешает взять свои меры против какой-нибудь скандальной попытки. Последнее мне показалось вероятнее, чем угроза убить из-за

угла: при мне были примеры подобной расправы между французами. Чтобы кончить разом эти полицейские забавы, я написал шуточное письмо к Бруннову. Смех был не со стороны моих противников. Это письмо, как прежде мое письмо к франкфуртскому сенату, было перепечатано в десяти журналах. Ему придали такую важность, что Шедо-Ферроти взошел в роль Бруннова и печатно отвечал мне. Его ответ позволили продавать в России» (см. т. XIX наст. изд.).

«Шуваловскую родомонтаду» с угрозами убийства и свое письмо по этому поводу к русскому послу в Лондоне Герцен решил предать широкой огласке: он оповестил об этом друзей и знакомых, разослал текст письма (см. письмо к Тургеневу от 12 октября и к Рейхель от 3 ноября 1861 г.) и предпринял ряд шагов к опубликованию в прессе сообщений об этом деле. «Я настаиваю на деле о намерениях русской полиции, чтобы их разоблачить,—объяснял Герцен К. Э. Хоецкому в письме от 15 октября.— Вы ведь читаете по-русски — вследствие чего я посылаю Вам „Колокол“, в котором я поместил письмо Бруннову<...>Письмо к Бруннову может иметь у Вас успех. Знаете ли Вы г. Сигиз(мунда) Иордана? Я и ему сообщаю эту новость. Если он опубликует несколько пунктов — тем лучше» (сб. «Звенья», т. II, 1933, стр. 373, перевод с французского). 18 октября Герцен обращался к тому же адресату: «Посылаю Вам письмо мое к Бруннову, переведенное на французский язык, и письмо в „Opinion“ и даже маленькое письмо в „Nord“. Заметьте сентиментальную сторону конца письма Бруннова: я говорю о „материнских заботах посольства“<...> Если что-либо будет напечатано — перешлите мне» (там же, стр. 374).

Письмо Герцена «Бруты и Кассии III отделения» вызвало множество толков в иностранной прессе. Выдержки из письма или отклики на него были помечены в парижской газете «L'Opinion Nationale», брюссельском «Le Nord» (об этих публикациях см. также открытые письма Герцена редактору «L'Opinion Nationale» — стр. 167 и 171, редактору «Le Nord» — стр. 170 — и в комментариях к ним), в газете «Echo de Bruxelles» от 22 октября (об этом см. ЛН, т. 63, стр. 305), в итальянской «Perseveranza» от 21 октября (ср. ЛН, т. 63, стр. 799) и других изданиях. Об отклике, напечатанном 26 октября в газете «The Morning Post» Герцен сообщил Тургеневу в письме от 28 октября 1861 г.: «Журналы здесь, особенно „Morning Post“ (в субботу, 26 окт., советуя в Галиньяни) <«The Galignani's Messenger» проч(есть)», презабавно трунят над гомисидством русского правительства, а они еще и еще...» (см. также обзор Л. Р. Ланского «Газетные и журнальные вырезки в архиве Герцена» — ЛН, т. 63, стр. 819—820).

См. далее статью «По делу Брутов и Кассиев III отделения» (стр. 181) и комментарий к ней.

Стр. 154. ...что я за Прозерпина с бородой, и что Шувалов за Плутон с эксельбантом? — Шутоватая ссылка на греческий миф о похищении Персефоны (у римлян Прозерпина), юной дочери богини плодородия Деметры, властителем царства теней умерших Аидом (у римлян Плутоном).

Стр. 155. ...Борджи, чтобы резать из-за угла! — Представители семейства Александра Борджиа, снискавшие известность своим вероломством, широко практиковали убийство своих врагов из-за угла.

...они иногда участвовали в ускорении путей природы ∞ но это делалось между женой и мужем, сыном и отцом. — Намек на убийство Петра III, совершенное в 1762 г. по указанию его жены, Екатерины II, и на убийство императора Павла в 1801 г. с ведома его сына Александра I.

...он засадила в Париже в тюрьму некоего Зальцмана, обвиняемого в покушении на свою жизнь, сделанном князем Кочубеем. — В К, л. 7 от 1 января 1858 г. была напечатана статья Герцена «Что значит суд без

гласности» (см. т. XIII наст. изд.), в которой приводилось сообщение о том, как князь Л. В. Кочубей стрелял в управляющего его именьями Зальцмана, а затем, желая уклониться от судебной ответственности, пытался доказать, что Зальцман сам покушался на свою жизнь. Об этом деле упоминалось и в нескольких других заметках в последующих листах (см. «Дело Кочубея и Зальцмана», «Еще о стрелке Кочубее» — т. XIV наст. изд.).

ГРАФ МУРАВЬЕВ-АМУРСКИЙ И ЕГО ПОКЛОННИКИ

Печатается по тексту *К*, л. 109 от 15 октября 1861 г., стр. 910—912, где опубликовано впервые, с подписью: *И—р*. Автограф неизвестен.

Сведения и документы о деятельности генерал-губернатора Восточной Сибири гр. Н. Н. Муравьева-Амурского Герцен получил, видимо, от Н. А. Белоголового, который посетил Герцена в Париже летом 1861 г. и, по его словам, «...передал кой-какие документы по сибирскому управлению для напечатания в „Колоколе“» (Н. А. Белоголовый. Воспоминания и др. статьи, СПб., 1901, стр. 538). Целью приезда Белоголового было убедить Герцена в неправоте защитников Муравьева-Амурского и представить правдивую информацию по делу о дуэли Неклюдова с Беклемишевым, получившему широкое освещение на страницах «Колокола» (см. в т. XIV наст. изд. заметку «Дуэль Неклюдова с Беклемишевым» и комментарий к ней). Тогда же Герцен получил материалы от петрашевца Ф. Н. Львова, проживавшего в Иркутске, дискредитировавшие Муравьева-Амурского как администратора. Полностью выявлена была в письмах Львова и неприглядная роль Муравьева в деле о дуэли (сводку материалов об этой дуэли см. в *ЛН*, т. 60, кн. 2, стр. 74 и т. 63, стр. 228—238).

Н. А. Белоголовый сумел доказать, что правда не на стороне Муравьева, но Герцен вместе с тем уклонился от напечатания новых материалов, обличающих Муравьева, так как не желал выступать против М. А. Бакунина, который тогда всячески защищал Муравьева, просил не нападать на него, но сам лишен был возможности открыто выступать в печати. «Правда мне мать, но и Бакунин мне — Бакунин», — сказал Герцен, мотивируя в беседе с Белоголовым свою позицию (Н. А. Белоголовый. Воспоминания..., стр. 537).

Стр. 157. *Не мы ли назвали его в статье «Америка и Сибирь» историческим деятелем...»* — «Имя Муравьева (<...> внесено в историю...» — писал Герцен в этой статье, напечатанной в *К*, л. 29 от 1 декабря 1858 г. (см. т. XIII наст. изд.).

*Не мы ли отдали ему полнейшую справедливость в его борьбе с *sabinef privé* его величества?»* — В *К*, л. 87—88 от 15 декабря 1860 г. была помещена обширная статья, включавшая документальные материалы, — «Императорский кабинет и Муравьев-Амурский». В редакционном предисловии давалась краткая оценка этой «поэмы о борьбе Муравьева-Амурского с кабинетом его величества — борьбе здравого смысла с недобросовестностью и тупоумием». Далее говорилось, что «Муравьев-Амурский, положим, и не лишен своих погрешностей, например, пополозновения на деспотическое преобразование Сибири à la Pierre Grand, не щадя людской жизни, но что «все же он, Муравьев-Амурский, без всякого сравнения умнее, образованнее и честнее всего кабинета совокупно...» (стр. 721).

...дадутъ Петрашевского за оппозицию?» — М. В. Петрашевский, выступивший в деле о «беклемишевской дуэли» в защиту убитого Неклюдова с разоблачением сторонников Н. Н. Муравьева и их злоупотребле-

ний, был выслан 27 февраля 1860 г. из Иркутска в Минусинский край. Сообщая об этом в заметке «Тиранство сибирского Муравьева», напечатанной в К, л. 82 от 1 октября 1860 г., Герцен писал: «Неужели у графа *Амурского* столько *ненависти*? Неужели прогрессивный генерал-губернатор не понимает, что вообще теснить сосланных гнусно, но теснить политических сосланных времен Николая, т. е. невинных, преступно?» (т. XIV наст. изд., стр. 316). См. также в наст. томе редакционное примечание Герцена к публикации прошения Петрашевского о возвращении его в Иркутск (стр. 225).

...его *благородным поведением с декабристами*...— Муравьев-Амурский оказывал поддержку многим из декабристов, проживавшим в Иркутске и его окрестностях — С. Г. Волконскому, А. В. Поджио, В. Ф. Раевскому и др.

Стр. 158. ... *такого несчастья, как был Петр I для России*.— Характеризуя в статье «Россия и Польша» эпоху Петра I, Герцен в 1860 г. писал: «Огромные средства бюрократического и военного устройства, взятые из Германии, соединенные с восточным отрицанием всех прав человеческой личности, дали в руки правительству чудовищную, неслыханную силу на создание и разрушение. Петр I — самый полный тип эпохи, им призванной к жизни, гений-палач, для которого *государство* было все, а человек ничего; он начал нашу *каторжную работу* истории, продолжающуюся полтора века и достигнувшую колоссальных результатов» (т. XIV наст. изд., стр. 46). Оценку Петра I и его реформ см. также в работе Герцена «О развитии революционных идей в России», гл. III — т. VII наст. изд., стр. 170—175.

... *речи Муравьева* в петровском роде, т. е. где слово граничит с зуботычиной...— Вернувшись из поездки в Японию и Китай, Муравьев назначил обычный прием должностных лиц и представителей обществности. Его резкая речь произвела на большинство подавляющее впечатление. Особенное негодование Муравьев выразил при упоминании о событиях, связанных с дуэлью и погребением Неклюдова. Намекая на роль М. В. Петрашевского и Ф. Н. Львова в обличении убийц, он укорял общество в том, что его «могли смутить двое мерзавцев, которым из милости он позволил жить в Иркутске» (Б. Г. К у б а л о в. А. И. Герцен и обществность Сибири, Иркутск, 1958, стр. 139—140).

... *мнения советника Ольдекопа* решение сената, отдающее Ольдекопа и всех членов окружного суда под суд...— Губернский Иркутский суд в сентябре 1859 г. отменил решение окружного суда, приговорившего Беклемешева и других участников дуэли к 20 годам каторжных работ, и значительно снизил наказание. Советник губернского суда Ольдекоп, найдя мотивировку губернского суда неправильной, остался при особом мнении (копия «мнения» Ольдекопа и решение губернского суда хранятся в ЦГИАМ). Сенат пересмотрел дело и назначил Беклемешеву низшую меру наказания, дав указание «подвергнуть рассмотрению в Совете главного управления Восточной Сибири» действия Ольдекопа и членов окружного суда. В связи с этим Н. Н. Муравьев писал 7 августа 1860 г. М. С. Корсакову: «Теперь здесь рассматривается по сенатскому указу дело Ольдекопа и окружных судей. Некоторые члены Совета главного управления трусят, но справедливость, конечно, возьмет верх над страхом — все они будут преданы суду». В другом письме он сообщает о начале дела: «... возможно, что Петрашевский будет в числе виновных и, вероятно, Львов, ибо они играли немалую роль в пристрастных приговорах окружного суда и Ольдекопа» (Б. Г. К у б а л о в. А. И. Герцен и обществность Сибири..., стр. 143). В защиту Ольдекопа и судей выступил петрашевец Ф. Н. Львов, пославший в «Колокол» письмо, напечатанное под заголовком «Опять об иркутской дуэли» в К, л. 101 от 15 июня 1861 г. Под давлением общественного мнения правительство

освободило судей, а Ольдекоп был назначен прокурором Казанского губернского суда (об Ольдекопе и его дальнейшей судьбе см. *ЛН*, т. 60, кн. 2, стр. 170).

НАШИ КОНСУЛЫ

Печатается по тексту *К*, л. 109 от 15 октября 1861 г., стр. 912—913, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 252—253).

Положенная в основу заметки корреспонденция, текст которой ничем не отделен в «Колоколе» от вступительных и заключительных редакционных строк, дана, по всей видимости, в редакционном изложении (например, реплика: «Засели денежки!»).

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки, ее идейно-тематической и стилистической близостью другим высказываниям Герцена по поводу стремлений царского правительства навязать русским дипломатическим представителям за границей функции жандармов, чтобы пресечь распространение лондонских изданий и их проникновение в Россию (см. «Материалы для некролога Авраамия Сергеевича Норова», «О секретаре русского посольства в Неаполе Погенполе», «Словобоязнь», «Бешенство цензуры», «Г-н Фонтон» — т. XIII наст. изд.; «Путешествие Тимашева», «1814—1859. Второе занятие Парижа русскими» — т. XIV наст. изд.). В заметке «Усердный раб Бутенев и великий визирь» Герцен, как и в настоящей заметке, адресует к кн. А. М. Горчакову с подобным же советом: «Однако же пора бы Горчакову сколько-нибудь лучше выбирать людей или пострее смотреть за своими чиновниками вне границ» (т. XIII наст. изд., стр. 407). Прямые обращения к лицу, о котором в тексте идет речь, в частности к Горчакову (в настоящей заметке: «Вы бы, князь Горчаков, занялись этим делом»), свойственны стилистической манере Герцена. Ср.: «Мы обращаемся прямо <...> к князю Горчакову. А ведь дело в том, князь...» и т. д. — в заметке «Еще о ретроградном архимандрите и не прогрессивном Озере, посланнике афинском», т. XIV наст. изд., стр. 249; «Ах князь Горчаков! Как вас совесть должна мучить» — в заметке «Шалун Муханов», т. XIV стр. 305; «Князь Горчаков, выйдите в отставку, если это так» — в заметке «Последний удар!», т. XIV, стр. 307. Характерен при этом для Герцена иронический намек на «талейрановские обеды» и уроки, полученные Горчаковым у Талеярана, о которых говорилось выше, в статье Герцена «Отеческий совет» (стр. 95) и других статьях (см. об этом в комментарии к статье «Отеческий совет», стр. 353; ср. также строки о Горчакове как «Талеяране Невском» в заметке «Еще о ретроградном архимандрите и не прогрессивном Озере, посланнике афинском» — т. XIV, стр. 249).

Стр. 161. *О консуле Попове в Яссах нам приходится говорить не в первый раз* («Под суд!», лист 1)...— Речь идет о заметке «Консул Попов и консул Черчилль в Яссах», напечатанной в «Под суд!», л. 1 от 1 октября 1859 г., стр. 12 (см. т. XIV наст. изд.), и материалах о нем же в публикации «Дело о преступном сообществе полицейского майора Попова, генерал-губернатора Игнатьева и министра Панина против свободы и чести купца Малкова» (там же, стр. 1—12).

«ОЛЕГ» И АНДРЕЕВ

Печатается по тексту *К*, л. 109 от 15 октября 1861 г., стр. 915, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду Dubia (Л XI, 253).

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки («мы получили письмо», «мы столько раз говорили»), ее непосредственной связью с другими выступлениями Герцена против телесных наказаний на флоте, «свирепого» немецко-монгольского управления), а также упоминанием о «желаниях Константина Николаевича» и программе «Морского сборника» (см. об этом выше в статьях Герцена «Собственное сознание о взрыве „Пластуна“», «Донос на „Морской сборник“» и в комментариях к ним).

Сведения о «свирепом управлении фрегатом „Олег“» Герцен получил, вероятно, от юнкера В. В. Трувеллера, который находился в 1861—1862 гг. в заграничном плавании как раз на этом корабле. В «Былом и думах» Герцен вспоминает, как «в 1861 явился к нам молодой моряк и «с глубоким негодованием говорил о скверном обращении с матросами», и как в следующий приезд, «спустя несколько месяцев», узнав о зверствах на другом корабле, Трувеллер «в доказательство привел несколько фактов» (т. XI наст. изд., стр. 305—306).

О командире фрегата «Олег» Н. Н. Андрееве и его ответственности за гибель двух матросов в Виллафранке см. далее в заметке Герцена «Капитан Андреев и матросы» (т. XVI наст. изд.).

Об аресте Трувеллера в 1862 г. в связи с распространением нелегальных изданий лондонской Вольной русской типографии см. официальные материалы в журнале «Дела и дни», 1920, кн. I, стр. 158—159, а также в «Историческом архиве», 1955, № 5, стр. 114—137.

ЗА ЧТО ПУТЯТИН?

Печатается по тексту К, л. 109 от 15 октября 1861 г., стр. 915, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду Dubia (Л XI, 253—254).

Авторство Герцена определяется идейно-тематической и стилистической близостью заметки всем другим его высказываниям о деятельности «шкипера просвещения», «нашего японца» адмирала Е. В. Путятина на посту министра народного просвещения (см. выше заметку «Крестный ход богомокриц в гору просвещения» и комментарий к ней), а также характерным для Герцена ироническим намеком на «англоманство» М. Н. Каткова. Этот намек входит в стилистическую систему словесных образов, связанную с обличением Герценом «полицейской карьеры» издателя «Русского вестника», раскрытием логики его «нравственного падения» и ознаменованием с его «историей болезни». Герцен иронизирует над былым «либеральным воззрением» Каткова, «когда еще „Русский вестник“ ползал тяжелым и бескрылым насекомым около ног Англии», и сам Катков, «вооруженный учебниками об английской конституции», «по Гнейсту и по другим немцам проповедовал с школьным ожесточением английскую конституцию, английский суд, словом, все до английского пластыря и английской соли», а «русское общество <...> открыто презирал, открыто оскорблял и постоянно противополагал ему Англию, ее учреждения». Именно это обстоятельство имеет в виду Герцен, когда в ряде статей говорит об «англикующих журналистах», «англоманах в нечистой отставке», «экс-англоманах» и т. п. (см. в статьях Герцена «Преступления в Польше», «Донос на „СПб. ведомости“», «Какое правление в России?», «„Колокол“ и „День“», «С точки зрения ливреи и запяток», «Логика падения», «Наши будущие пары и наши прошедшие англомамы» — тт. XVII и XVIII наст. изд., а также «Былое и думы» — т. XI, стр. 278).

ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ЗАКРЫТ!

Печатается по тексту *К*, л. 109 от 15 октября 1861 г., стр. 916, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 254).

Авторство Герцена определяется редакционным характером заключения («мы пророчили ему падение», «кажется, мы ошиблись»), идейно-тематической близостью заметки всем другим выступлениям Герцена, посвященным студенческим волнениям в Петербурге и Москве и полицейским преследованиям (см. далее в наст. томе статьи «Исполни пророчество!», «Третья кровь!», «По поводу студентских избений»). О закрытии Петербургского университета Герцен сообщил И. С. Тургеневу 12 октября 1861 г.: «А Петербургский университет закрыт — vive l'Université!». 28 октября Герцен писал ему же: «Письма у нас есть — ужасы, срам и срам. Я начинаю верить, что Алекс(андр) II полетит к черту».

Новое наступление на университеты было предпринято правительством в связи с протестом, заявленным студентами Казанского университета. Студенты и профессора университета отслужили панихиду по крестьянам, убитым во время усмирения волнений в селе Бездна (об этом см. в статье Герцена «Русская кровь льется!», стр. 90—91), а профессор А. П. Шапов произнес речь, заканчивавшуюся словами: «Да здравствует демократическая конституция!» (об этом см. в статье Герцена «12 апреля 1861» — наст. том, стр. 109 и 370). Вскоре после этого были выработаны новые университетские правила, сущность которых сводилась к запрещению всяких форм студенческой корпоративной жизни и к введению обязательной платы за учение, что фактически закрывало доступ в университеты для юношей из бедных разночинных семей. Новые правила были утверждены 31 мая, а сообщены студентам осенью 1861 г., после летних вакансий. В Петербургском, Московском, Казанском университетах, где большинство студентов отказалось признать новые правила, начались волнения, сопровождавшиеся уличными демонстрациями и столкновениями с полицией и специально вызванными войсками. О внимании редакции «Колокола» к событиям в Петербургском университете свидетельствуют, помимо ряда статей и заметок Герцена, также статья Н. П. Огарева «Университеты закрывают!» (*К*, л. 119—120 от 15 января 1862 г.) и такие публикации, как «Студентское дело» (*К*, л. 112 от 15 ноября 1861 г.), «Материалы для истории гонения студентов при Александре II» (*К*, л. 114 от 1 декабря, л. 116 от 15 декабря 1861 г., л. 119—120 от 15 января, л. 121 от 1 февраля 1862 г.; см. также стр. 436 наст. тома), «Студентское дело» (*К*, л. 119—120 от 15 января 1862 г.).

ЧЕЛОВЕК, РОЖДЕННЫЙ БЫТЬ ТОВАРИЩЕМ

Печатается по тексту *К*, л. 109 от 15 октября 1861 г., стр. 916, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОЖ* озаглавлено: *Муханов — товарищ*. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 254—255).

Авторство Герцена определяется идейно-тематической и стилистической близостью заметки всем другим высказываниям Герцена о «нарезнике дичи» «обер-фор-шнейдере» Н. А. Муханове (см. об этом выше, стр. 337), а также намеком на покровительство ему кн. А. М. Горчакова, «выдуманного Муханова». В заметке «Шалун Муханов» Герцен писал: «Ах князь Горчаков! Как вас совесть должна мучить, что вы подняли

Муханова не на Висле, вот его и пустили в огород народного просвещения, он и пошел топать литературу, журналы, гласность» (т. XIV наст. изд., стр. 305).

Стр. 165. *Муханов, бывший товарищ просвещения, сделался товарищем иностранных дел.*— Н. А. Муханов, ушедший в отставку вслед за министром народного просвещения Е. П. Ковалевским (см. выше заметку «Ей, просвещение! Гись! Гись!», стр. 105), получил сразу же новое назначение товарищем министра иностранных дел кн. А. М. Горчакова.

«*Вы точь-в-точь-двойной орешек...*»— Герцен использует строки из стихотворения А. С. Пушкина «Отрок милый, отрок нежный».

ПОЛЬСКИМ ИЗГНАННИКАМ В ГЕНУЕ

Печатается по тексту *К*, л. 109 от 15 октября 1861 г., стр. 916, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», с подписью: *И — р.* В *ОК* озаглавлено: *Поляки в Генуе*. Автограф неизвестен.

НАСЧЕТ ГЛАВНОГО ОБЩЕСТВА ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ И МОЛЧАЛИВОСТИ ЖУРНАЛОВ

Печатается по тексту *К*, л. 109 от 15 октября 1861 г., стр. 916, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь». В *ОК* озаглавлено: *Главное общество железных дорог*. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 255).

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки («Кто нам разгадает это?», «Успокойте же нас, отцы родные!»), а также идейно-тематическими и стилистическими признаками. О злоупотреблениях, вскрывшихся при строительстве Николаевской жел. дороги, Герцен писал в заметке «От часу не легче—кража восьмидесяти верст!!»: «Неужели и тут виновные будут скрыты <...>, потому что замешаны все полные генералы; должно быть, они самому государю дают взятки?.. Безнаказанность воров, поставленных так высоко, что их, как адмиралтейский шпиц, видно отовсюду,—служит особенным поощрением маленьким воришкам» (т. XIII наст. изд., стр. 336). В заметке «Шалун Муханов» Герцен обращал внимание на «запрещение писать против Главного общества железных дорог» (т. XIV наст. изд., стр. 305). Об управляющем III отделением А. Е. Тимашеве как «не бескорыстном защитнике Главного общества железных дорог» Герцен упоминал в заметке «Тимашев, сидите дома, как Бейст, не ездите, как Гейнау!» (стр. 8). Характерны для стиля Герцена и каламбурные строки: «ведь не тайное же общество — это *явное* общество»; ср. аналогичное использование того же намека и в других статьях Герцена, например, строки о *явном* посланнике в Париже графе Киселеве и *тайном* — Тимашеве из III отделения (в заметке «1814—1859. Второе занятие Парижа русскими», т. XIV наст. изд., стр. 130); о *явных* наградах М. И. Бурковой за ее *тайные* услуги (в заметке «Дом, примчавшийся к Мине Ивановне на почтовых», т. XIV наст. изд., стр. 337).

В «Под суд!», л. 2 от 15 ноября 1859 г. был напечатан пространный «Отчет о последствиях ревизии, произведенной по постановлению общего собрания акционеров общества Царскосельской железной дороги, состоявшемуся 15 марта 1859 года». В редакционном послесловии сообщалось, что «правительство запретило печатать эту ревизию, потому что

в управление царскосельской дороги, т. е. в воровство, замешаны *важные сановники*» (см. т. XIV наст. изд., стр. 370).

В Берлине в 1861 г. вышла в свет брошюра с разбором деятельности Главного общества железных дорог: «La grande Compagnie des chemins de fer Russes». Статья об этой брошюре с предисловием П. В. Долгоорукова была напечатана в его журнале «Будущность», № 8, 28 февраля 1861 г., стр. 61.

A Mr LE REDACTEUR DE L'OPINION NATIONALE

Печатается по тексту газеты «L'Opinion Nationale» от 22 октября 1861 г., где опубликовано впервые, с подписью: *Alexandre Herzen*. Авторграф неизвестен. Перепечатано в ЛН, т. 64, стр. 451—452.

Сообщение Герцена о том, что русская тайная полиция намерена убить или похитить его (см. «Бруты и Кассии III отделения» — стр. 154 и 388 наст. тома), вызвало ряд откликов в западноевропейской прессе. Влиятельная либеральная газета «L'Opinion Nationale», издававшаяся в Париже, напечатала в номере от 16 октября 1861 г. следующую заметку: «Мы спросим у „Nord“, который так хорошо осведомлен о том, что происходит в Петербурге, не слышал ли он чего-либо об очередном приступе усердия русской полиции? Что касается нас, то вчера мы собственными глазами видели письмо, сообщавшее из вполне заслуживающего доверия источника, что уже назначена цена за голову знаменитого редактора „Колокола“ — Герцена. Нам хотелось бы верить, что это является лишь следствием излишнего рвения второстепенных агентов».

Брюссельский официоз русского правительства, газета «Le Nord», перепечатывая на следующий день эту заметку из «L'Opinion Nationale», писал с явным раздражением: «Мы понимаем, почему „Opinion“ так неохотно опровергает факты, столь торжественно объявленные, однако мы спросим ее со своей стороны, серьезна ли новость, которую она приняла сегодня на свои страницы? Что же до нас, то мы склонны думать, что источник, из коего новость эта была заимствована, — вероятно тот же, который недавно предоставил газете „Constitutionnel“ фантастическую сказку об инженерах, зашитых в мешки и сброшенных в Леманское озеро».

Прочитав эту заметку, Герцен обратился 18 октября 1861 г. к редактору парижской газеты «Le Temps» К.-Э. Хоецкому с письмом, в котором сообщал, что посылает к Бруннову свое письмо, переведенное на французский язык, и письмо в газету «L'Opinion Nationale». Публикуемое письмо Герцена было помещено в «L'Opinion Nationale» непосредственно перед текстом французского перевода его письма к Бруннову.

Один из редакторов «L'Opinion Nationale» — Э. Поше (Pauchet) — сопроводил письма Герцена следующей заметкой:

«Мы получили от г. Герцена, выдающегося редактора „Колокола“ и вождя русской демократии, два письма, которые он просит нас напечатать. Мы считаем себя обязанными исполнить это желание. Дело касается очень важного предмета. Г-ну Герцену было прислано три письма, в которых ему сообщалось решение, по-видимому принятое санктпетербургской тайной полицией, — похитить или убить его. Не нам высказывать свое мнение о том, насколько заслуживают доверия эти три письма. Однако мы можем с полной уверенностью сказать, что г. Герцен — человек, честность которого не может быть подвержена ни малейшему сомнению. Он считает, что жизни его угрожает опасность, — и предоставить ему слово в нашей газете — это значит поставить его некоторым образом под защиту всей цивилизованной Европы».

«Le Nord» откликнулся на публикацию писем Герцена 24 октября (№ 297). «L'Opinion Nationale», — писал он, — воспроизводит два письма

г. Герцена, которые рекомендует нам прочесть. В первом из этих писем г. Герцен благодарит „Opinion“ за то, что она поставила вопрос — действительно ли тайная русская полиция замыслила зловещие планы, направленные против его особы. „Nord“, — добавляет г. Герцен, — как будто затрудняется в ответе. Ему неизвестны факты».

«Мы действительно, — продолжала редакция „Le Nord“, — не имеем ничего общего с III отделением, и нам было бы в высшей степени затруднительно отвечать за него. Мы убеждены, что страхи г. Герцена совершенно призрачны, и защита русского правительства от обвинений анонимного пера, которые г-н Герцен вряд ли мог сам легко принять всерьез, — явилась бы, конечно, для русского правительства самым бесосновательным оскорблением».

См. также об этом эпизоде в комментариях к статьям «Подметные письма» и «Бруты и Кассии III отделения».

A MONSIEUR LE REDACTEUR DU NORD

Печатается по тексту газеты «L'Opinion Nationale» от 2 — 3 ноября 1861 г., где было опубликовано впервые, с подписью: *A. Herzen*, в сопровождении письма Герцена к редактору «L'Opinion Nationale» от 29 октября 1861 г. (см. далее в наст. томе). Автограф неизвестен. Перепечатано в *ЛН*, т. 64, стр. 453.

18 октября 1861 г. Герцен писал К.-Э. Хоецкому в Париж: «Посылаю вам (...) маленькое письмо в „Nord“. После появления в «L'Opinion Nationale» письма Герцена от 17 октября 1861 г. (см. выше в наст. томе), редакция «Le Nord» объявила в номере от 29 октября 1861 г., что не получала от Герцена никаких писем и номеров «Колокола». Желая разоблачить эту неловкую увертку, Герцен в тот же день отправил в «Le Nord» публикуемое письмо, зарегистрировав и застраховав его на почте, и, кроме того, послал копию этого письма в сопровождении письма редактору «L'Opinion Nationale» (см. ниже) Хоецкому, которому писал при этом (29 октября): «„Nord“, т. е. „Север“, опровергает мое письмо, поэтому я адресую к редактору „Opinion“ записочку. Вы очень обяжете меня, дорогой Шарль Эдмон, прочитав это письмо и сделав маленькие исправления в языке. Я все более и более делаюсь в Англии варваром и кончу тем, что позабуду даже русский язык, не выучившись по-альбионски». Были ли внесены Хоецким какие-либо изменения в текст этого и следующего писем — неизвестно. Неизвестен также текст первого письма, отправленного Герценом редактору «Le Nord».

В упоминаемом в письме Герцена «последнем номере „Колокола“» (л. 109 от 22 октября 1861 г.) было напечатано открытое письмо Герцена к русскому послу в Лондоне — «Бруты и Кассии III отделения» (см. стр. 154 наст. тома и комментарий).

A MONSIEUR LE REDACTEUR DE L'OPINION NATIONALE, A PARIS

Печатается по тексту газеты «L'Opinion Nationale» от 2—3 ноября 1861 г., где опубликовано впервые, с подписью: *Herzen*. Автограф неизвестен. Перепечатано в *ЛН*, т. 64, стр. 453.

Письмо (вместе с предыдущим письмом, см. выше) было напечатано в газете со следующим предуведомлением от редакции: «Г-н Герцен, зна-

менитый русский демократ, редактор „Колокола“, обратился к нам с просьбой напечатать два нижеследующих письма».

Об обстоятельствах, вызвавших появление этого письма, см. выше, а также статьи «Подметные письма», «Бруты и Кассии III отделения» и комментарий к ним.

ИСПОЛИН ПРОСЫШАЕТСЯ!

Печатается по тексту *К*, л. 110 от 1 ноября 1861 г., стр. 917—918, где опубликовано впервые, с подписью: *Искандер*. Этой статьей открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:

Стр. 175, строка 17: везти вместо: вести.

Лист «Колокола» с настоящей статьей Герцен сразу же по напечатании послал И. С. Тургеневу. В письме от 28 октября 1861 г. он сообщал ему: «„Кол<окол>“ пришлю тотчас 1 нояб<ря>».

См. также комментарий к заметке «Петербургский университет закрыт!», стр. 394.

Стр. 173 ... *«Исполни царю послушный» ∞ Державина*. — Строка из «Песни лирической Россу по взятии Измаила» Г. Р. Державина.

...*«В гроб заколочу Демосфена!»* — О случае на смотре и николаевском генерале, распекавшем «провинившегося» солдата, Герцен рассказал в «Былом и думах», гл. XL (т. X наст. изд., стр. 159).

Петр Ольденбургский провозглашен императором в школе правоведения? — См. комментарий к стр. 23.

Стр. 174. ...*комитет общественного спасения, состоящий из Николая Николаевича и Михаила Николаевича*... — В период студенческих волнений в Петербурге, Александр II находился в Крыму. На время его отсутствия был образован «Комитет для ведения текущих дел», в состав которого вошли и братья императора, великие князья Николай и Михаил Николаевичи, руководившие подавлением студенческих волнений.

...*Игнатъев - Малковский*. — О незаконном аресте в 1858 г. петербургским военным генерал-губернатором П. Н. Игнатьевым кушца 3-й гильдии Е. Е. Малкова сообщалось в «Под суд!», л. 1 от 1 октября 1859 г. в обширной публикации — «Дело о преступном сообщничестве полицейского майора Попова, генерал-губернатора Игнатъева и министра Панина против свободы и чести кушца Малкова».

...*напуганное выжившим из ума Строгоновым*... — С. Г. Строганов был одним из трех членов комиссии по рассмотрению университетских правил в 1861 г. (см. выше заметку «Гонение на университеты», стр. 99, и «Инквизиция Строганова», стр. 105).

...*как Петр большой поступил с Прлуботком, а Николай д л и н н ы й с депутатами от старорусских солдат*... — Казацкий полковник П. Л. Полуботок, временно исполнявший обязанности гетмана после смерти Скоропадского, был заподозрен в намерениях отделить Украину от России. Вызванный в 1723 г. Петром в Петербург, якобы для объяснений, Полуботок был арестован и заключен в Петропавловскую крепость, где и умер в декабре следующего года. Так же предательски было поступлено во время восстания военных поселений в 1831 г. в Старой Руссе. Под предлогом, что их повезут для переговоров с Николаем I, восставших выводили из города и отправляли в тюрьму. Военный суд приговорил к телесным наказаниям и ссылке в арестантские роты около трех тысяч участников восстания, 129 человек было забито насмерть.

В заметке «Николай как оратор» Герцен, касаясь этих событий и наказания восставших, прибавляет: «...прежде возмездия они получили царское прощение, а после амнистии виновных прогнали сквозь строй» (т. XVII наст. изд.)

...наш ялоец, наш океанид, бого -и человекоугодник Путятин?—См. об этом стр. 374—375.

Стр. 176... III отделение ласкало мысль украсть меня у Англии из кармана или прирезать из-за угла...— Об этом см. статью «Бруты и Касии III отделения», стр. 154.

ШЛЯХЕТНЫЕ СТАТЬИ И ПИСЬМА В РУССКИХ ЖУРНАЛАХ

Печатается по тексту *K*, л. 110 от 1 ноября 1861 г., стр. 923, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

В письме к Н. П. Огареву от 3 октября 1861 г. Герцен сообщал о своем намерении выступить в «Колоколе» против Н. А. Мельгунова: «Отдай мне Варавву на пропятие и не жальей. Подари мне его... Кого? Мельгунова. Его письма делаются плантаторской клеветой русского народа. Можно быть дураком, кривым, блудить с Антониной Львовной, — но мужика не тронь. Да еще говорит, что „в России так мало честь развита, что никто долгов не платит“. Я его в гроб <...>, Демосфена, заколочу». Герцен подразумевал здесь «Письма с дороги» Мельгунова, печатавшиеся в «СПб. ведомостях» с 18 июня по 4 октября (ст. стиля) 1861 г.; цитируемые в письме слова являются откликом Герцена на пятое «Письмо», опубликованное в газете 11 августа.

Можно было бы предположить, что автором заметки являлся Огарев (такое предположение без обоснования выдвигал Я. З. Черняк — см. *ЛН*, т. 62, стр. 321), однако против этого свидетельствует собственное признание Огарева в письме к Герцену от 2 октября 1861 г., где он прямо заявлял, что с «Письмами» Мельгунова не знаком: «Славянофила-космополита, слава богу, не видал». Узнав об этом, Герцен на следующий день и сообщил Огареву, что сам намерен «вколотить в гроб» Мельгунова-Демосфена.

Заметка «Шляхетные статьи и письма в русских журналах», помещенная в «Колоколе» спустя несколько недель после письма Герцена к Огареву, являлась резким выпадом против «Писем с дороги» Мельгунова, против типичного выражения либерально-помещичьих взглядов на положение крестьянства после реформы. Имя Мельгунова и цитата из его двенадцатого «Письма» («СПб. ведомости», № 218 от 4 октября 1861 г.) упомянуты только в подстрочном примечании к заметке; видимо, этот номер газеты был получен в редакции «Колокола» в последний момент, или называть имя Мельгунова вообще не входило в планы редакции.

В письме к М. К. Рейхель от 3 ноября 1861 г. Герцен, посылая ей экземпляры «Колокола», обращал внимание на две заметки, помещенные в листе от 1 ноября: на принадлежавшую ему заметку «„Великорус“ в ученой Москве» (см. дальше) и на другую — «Шляхетные статьи и письма в русских журналах». На следующий день в письме к ней же Герцен снова с неприязнью вспоминал того же Мельгунова, «который пишет глупые „письма“ в „Петербургских“ ведомостях»».

Дополнительным свидетельством в пользу авторства Герцена могут служить некоторые лексико-фразеологические и стилистические признаки: например, строки о «внутри взшедшем плантаторстве». Ср. у Герцена: «черный грех, глубоко взшедший во внутреннее строение» — в статье «Юрьев день! Юрьев день!», т. XII наст. изд., стр. 83; «социальные идеи вошли внутрь» — в статье «Русские немцы и немецкие русские», т. XIV наст. изд., стр. 166; «июньская кровь взогла <...> в мозг

и нервы» — в предисловии к «Письму из провинции», т. XIV, стр. 243; *внутри вошедшие* порывы деятельности — в «Концах и началах», т. XVI наст. изд., стр. 144; «мысль, взошедшая внутрь» — в статье «1831—1863», т. XVII наст. изд.

Следует отметить также ироническое использование строк евангельского текста («вола его, осла его...»), приводимых Герценом и в других случаях в аналогичном контексте: ср. «...мы любим их во всей конкретности (<...>, с их волом и ослом» — в статье «La vérité sur la Russie...», т. XIV наст. изд., стр. 264; «Я, как настоящий христианин, не желаю „ни осла его, ни ствoola его“» — в письме к И. С. Тургеневу от 14 июня 1860 г.

Такие выражения, как «шляхетный вздор», «шляхетные статьи», «шляхетные предрассудки», «наша шляхта», употребленные по адресу дворян-крепостников, постоянно встречаются у Герцена в той же стилистической функции. Ср.: «шляхетная газетщина» (о консервативно-крепостническом направлении печати) — в статье «Москва нам не сочувствует», т. XVI наст. изд., стр. 105; «шляхетное каннибальство» — в заметке «Злодейство белевской помещицы Муромцевой», там же, стр. 128; в заголовке заметки «Шляхетно-революционная демонстрация крепостников», стр. 110; «шляхетная Россия» — в статье «Третья кровь!», стр. 186 наст. тома и т. д.

В заметке разоблачается планаторское отношение «нашей шляхты» к народу («скот, мол, необразованный»), а также ее желание устроить свои отношения с крестьянством на немецко-прусский манер, потому что «вот и в Баден-Бадене и в Гомбурге такая свобода...». Выражение тех же мыслей в сходных фразеологических формах находим у Герцена, например, в его письме к К. Д. Кавелину от 7 июня 1862 г. Полемизируя с положениями брошюры Кавелина, Герцен высмеивает идею «прусской цивилизующей администрации» и стремление «создать из дворян класс привилегированных землевладельцев, потому что и в Ганновере и в Гессен-Касселе было высшее сословие», «и все это основано на том, что народ русский — скот...».

Приведенная в качестве эпитафии цитата из «Горя от ума» Грибоедова («Минуй нас пуще всех печалей...»), именно этот афоризм, — одна из наиболее часто используемых Герценом (ср. «Долг прежде всего», т. VI наст. изд., стр. 400; «Религиозное значение „СПб. ведомостей“», т. XIV наст. изд., стр. 282; «Былое и думы», т. XI наст. изд., стр. 344; «Головнин, министр просвещения», т. XVI наст. изд., стр. 21 и т. д.).

Свойственна стилю Герцена также ироническая концовка статьи с неожиданным выводом: «Не правда ли, как глупы... мужики!..»

«ВЕЛИКОРУС» В УЧЕНОЙ МОСКВЕ

Печатается по тексту *К*, л. 110 от 1 ноября 1861 г., стр. 923, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издания Тихомирова (*Т*. 300) и Лемке (*Л* XI, 266).

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки («Нам пишут...» и т. д.) и ее связью с другими его высказываниями как о «Великорусе» (см. первое упоминание в «Колоколе» о «листке „Великоруса“» в статье Герцена «Заводите типографии!», стр. 132), так и о деятелях «ученой Москвы». В письме Герцена к М. К. Рейхель от 3 ноября 1861 г. он сообщал: «В России делаются безобразия и от общества. В последнем» „Колок(оле)“ поименованы Корш (В), Бабст, Чижов...». В письме к ней же от 16 марта 1862 г. по поводу статьи «Ученая Москва», опубликованной им в *К*, л. 125 от 15 марта 1862 г. (см. т. XVI наст. изд.), Герцен писал: «Вы поймете из начала статьи „Ученая Москва“, что между нами и бывшими близкими людьми в Москве все окончено — до их

оправдания. Поведение Коршей, Кетчера, а потом Бабста и всей сволочи таково, что мы поставили над ними крест и считаем их вне существующих». Об этом же Герцен писал в сентябре 1862 г. Н. М. Сатину: «Помнишь ли ты, как года три тому назад мы с тобой шли по Regent Str. и ты удивился моему злобному тону о бывших друзьях? Теперь и его нет. Для меня Кетчер, Корш это — догнивающие трупы чего-то близкого; клеветы Чичерина, приятели Павлова, абсолютисты, они заставляют меня краснеть за бывшее». С беспощадной резкостью отзывался Герцен о бывших «друзьях» и в письме к И. С. Тургеневу от 12 декабря 1862 г.: «А что, ведь надобно сознаться, какие сукины дети — наши друзья! Ха, ха, ха!.. Есть и посуще. Кетчер, Е. Корш и Бабст уговорили кретина Солдатенкова издать сборник Чичер<ина> статей, поставив во главе письмо мое к тебе <...> Ну что же перед друзьями Тимашев, Липранди?.. Экая шваль, экий навоз золотушного гипнопотама, страдающего холерой». О предательстве «московских друзей», о «звучках московского консерватизма», о «липрандиаде московских жандармов науки и квартальных просвещения» Герцен неоднократно писал в своих статьях: см., например, в «Письмах, ответах, поправках и пр. (Реут, Латышев)», в статье «Москва нам не сочувствует» — т. XVI наст. изд. Слова Фердинанда из «Коварства и любви» Шиллера (действие V, сцена 2), вспомнившиеся Герцену в связи с изменой его бывших друзей, в том же контексте использованы были в «Былом и думах», гл. «Немцы в эмиграции» (т. XI наст. изд., стр. 172).

О прокламации «Великорус» см. в комментарии к статье «Заводите типографии! Заводите типографии!» (стр. 377 наст. тома).

АРТИЛЛЕРИЯ И ЛИЦЕЙ

Печатается по тексту К, л. 110 от 1 ноября 1861 г., стр. 924, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду Dubia (Л XI, 267).

Авторство Герцена определяется связью заметки с другими его откликами на введение новых университетских правил и некоторыми характерными для его публицистического стиля словесно-фразеологическими признаками. В заметке «Инквизиция Строгонова» Герцен писал: «Великий инквизитор, в своем рвении против науки и образования, придумал <...> поднять цену за слушание лекций до 200 рублей <...> В Петербургском университете до 600 человек не могут взнести платы!» (стр. 105 наст. тома). Именно Герцен выступил затем на страницах «Колокола» с предложением «как можно деятельнее составлять подписки для взноса выкупа за несчастных юношей, отгоняемых за бедность внуками императорского просвещения» и «открыть при редакции „Колокола“ подписной лист» (см. «Генерал Филиппсон попечителем Петербургского университета», стр. 150); см. также «Уведомление» о получении редакцией «Колокола» взноса «в университеты за бедных студентов, у которых государь отнял средства учиться» (стр. 233). Обзор сообщений иностранной прессы (газета «The Times») обыкновенно делался в «Колоколе» самим Герценом. В пользу авторства Герцена говорит и такой оборот, как «путятинские фурукулы», образованный по типу сочетания «каудинские фурукулы», которое характерно для словоупотребления Герцена (ср. в «Письмах об изучении природы», т. III наст. изд., стр. 16; в книге «С того берега», т. VI наст. изд., стр. 410, в «Россиаде II», т. XVII наст. изд. и др.).

ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ РОТА И СТУДЕНТЫ

Печатается по тексту К, л. 111 от 8 ноября 1861 г., стр. 925, где опубликовано впервые, без подписи. В ОК озаглавлено: *Преображенцы*

и студенты. Этой заметкой открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (Л XI, 283).

Авторство Герцена определяется идейно-тематической и стилистической связью заметки с другими его высказываниями по поводу событий в Петербургском университете. О его закрытии см. заметку Герцена «Петербургский университет закрыт!», стр. 164. О том же эпизоде и подробностях «преображенской поимки студентов» Герцен рассказывал в напечатанной в последующем листе «Колокола» статье «Третья кровь!» (стр. 186); ср. также упоминания о «преображенской полиции» и «преображенской славе» в статьях «По поводу студентских избиваний» (стр. 195) и «Оклеветанный граф» (стр. 208). Отношение к Преображенскому полку, который «и тут покрыл себя славой», а также к «преображенскому застенку» характерно для Герцена: он не раз писал о «Преображенском полке, который, подобно преторианцам, распоряжался короной» и о «преображенском застенке» как главной «методе» императорского правления (см. предисловие к «Запискам императрицы Екатерины II», т. XIII наст. изд., стр. 384; «Император Александр I и К. Н. Каразин», т. XVI наст. изд., стр. 75; «К летописям петербургского шпионства», т. XVII наст. изд.). Заметка подготовлена по материалу газеты «Le Nord», что обыкновенно в «Колоколе» делалось самим Герценом.

ПО ДЕЛУ БРУТОВ И КАСИЕВ III ОТДЕЛЕНИЯ

Печатается по тексту *K*, л. 111 от 8 ноября 1861 г., стр. 932, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», с подписью: *И — р.* В *ОК* озаглавлено: *Еще о Брутах III отделения.* Автограф неизвестен.

В августе 1861 г. барон Ф. И. Фиркс, финансовый агент русского правительства в Брюсселе, один из приближенных великого князя Константина Николаевича, скрывшись под псевдонимом Д. К. Шедо-Ферротти, выпустил в Берлине брошюру под заглавием «Lettre à monsieur Herzen». В ней было напечатано его письмо к Герцену от 19 августа 1861 г., посланное ему частным образом. По существу это была инспирированная правительственными кругами попытка завоевать Герцена, убедить его в возможности и необходимости «для блага России» вступить на путь сотрудничества с правительством Александра II. Лицемерно преклоняясь перед громадным публицистическим талантом Герцена, Фиркс советовал ему умерить резкость выражений, нападать не на личности, а на учреждения, стараться убедить правительство в необходимости реформ и изменения законов, сохраняя неприкосновенный монархический строй. На последней странице письма Фиркса от 19 августа, сохранившегося в архиве Герцена, Герцен сделал следующую лаконичную надпись: «Plus conservateur que le gouvernement. Пусть разрешат в России писать против» (см. *ЛН*, т. 63, стр. 858).

Ответив Фирксу частным письмом от 22 августа 1861 г., Герцен подчеркнул, что считает излишним обращение к правительству, так как «оно скверно учится» и не желает прислушиваться к голосу здравого смысла. Говоря об отношении к Александру II, Герцен замечал: «Мы не верим в него больше». Попытка «приручить» Герцена, сделанная царским правительством при литературном посредничестве Фиркса, провалилась.

После опубликования в «Колоколе» открытого письма русскому послу в Лондоне барону Ф. И. Брунову (см. выше статью «Бруты и Касиев III отделения») и комментарий к ней — стр. 154 и 388 наст. тома) барон Фиркс обратился к Герцену с письмом, датированным 29 октября и посланным из Фонтенебло, в котором он пытался «развенчать» Герцена,

высмеять в глазах Европы, представить его эксцентричным человеком, страдающим манией величия, «непомерным тщеславием», воображающим себя вторым Цезарем, на жизнь которого покушаются «Бруты и Кассии III отделения». Получив это письмо, Герцен запрашивал кн. П. В. Долгорукова 1 ноября 1861 г.: «...не знаете ли вы, кто такое и что такое *Шедо-Ферротти*? Мне назвали его Фирксом. Мы справлились в адрес-календаре, но не знаем. Я получил вчера от него другое письмо (прежнее было напечатано), очень страшное: он хочет сделать, вместо Брунова, смешного меня и пр. Я не понимаю, почему он адресуется ко мне. Вы меня очень обяжете, написав строку-другую. Не мешает и в „Будущности“ сказать об этой системе III отделения делать интимидации. Я совершенно уверен в источнике писем».

Отвечом на это пасквильное письмо барона Фиркса и служила комментируемая статья, в которой содержался отказ напечатать его. Тогда Фиркс в декабре 1861 г. издал в Берлине на русском и французском языках брошюру «Письмо А. И. Герцена к русскому послу в Лондоне с ответом и некоторыми примечаниями Д. К. Шедо-Ферротти» («Lettre de Mr Herzen à l'ambassadeur de Russie à Londres avec une réplique et quelques observations de D. K. Schedo-Ferrotti»). В текст этой брошюры он включил, кроме своего письма, также статьи Герцена — «Бруты и Кассии III отделения» и «По делу Брутов и Кассиев III отделения». Вначале брошюра распространялась только за границей, но в 1862 г. по заказу из Петербурга берлинский издатель Фиркса Бер направил туда 600 экземпляров брошюры, которые вскоре были распроданы. 12 апреля 1862 г. в газете «Северная пчела» (№ 97) было помещено объявление о том, что «на днях получится из-за границы и поступит в продажу книга: «Письмо А. Герцена к русскому посланнику в Лондоне, ответ на это письмо с замечаниями г. Шедо-Ферротти. Издание третье (второе распродано)». Герцен откликнулся на выход этой брошюры заметкой «Брошюра Шедо-Ферротти» (см. т. XVI наст. изд., стр. 87).

Появление брошюры барона Фиркса знаменовало собой новый этап в отношении царского правительства к Герцену. Учитывая революционизирующее влияние герценовской пропаганды на русское общество, правительство Александра II вступило на путь ожесточенной открытой борьбы с «лондонскими пропагандистами».

В марте и мае 1862 г. студент П. Д. Баллод, исключенный из Петербургского университета и организовавший, одну из первых в России, нелегальную «Карманную типографию», выпустил и распространил двумя изданиями прокламацию, направленную против пошлой клеветы Шедо-Ферротти и написанную его товарищем по университету П. С. Мошкаловым — «Русское правительство под покровительством Шедо-Ферротти». Вслед за этой прокламацией должна была печататься статья Д. И. Писарева, содержавшая уничтожающий разбор брошюры Шедо-Ферротти. Однако напечатать ее Баллод не успел: 15 июня он был арестован, типография разгромлена, а 2 июля был арестован и Писарев, поплатившийся четырехлетним заключением в Петропавловской крепости (см. П. И. В а л е с к а л а н. Революционный демократ Петр Давыдович Баллод, Рига, 1957, стр. 85).

⟨ИЗ КОВНО⟩

Печатается по тексту К, л. 111 от 8 ноября 1861 г., стр. 932, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (Л XI, 304).⁷⁷

Авторство Герцена определяется идейно-тематической близостью заметки (подготовленной в редакции «Колокола» на основе корреспонден-

денции из Ковно) другим его высказываниям по польскому вопросу (см. «Россия и Польша», т. XIV наст. изд.), о «времени, когда государь либеральничал и лыстил Польше» (ср. в статье «Mater dolorosa» обличительные строки о показной «кротости царя, о его любви к народу польскому», стр. 82), о «коренных» немцах на русской службе (ср. «Русские немцы и немецкие русские», т. XIV наст. изд.). Герцен не раз говорил об оживлении в периоды «бирановщины и военных экзекуций» «немецкой партии военного деспотизма, неограниченного самодержавия, ритертума, юнкертума, педантства и доктринаризма» (см.: «Немцы и не-немцы в Зимнем дворце» и «Возвращение е. и. в. главнокомандующего действующей армией в Варшаву»—т. XVII и др.). На авторство Герцена указывают также строки о «чрезвычайном успехе Путятинна» с обычным при этом для Герцена намеком на «океан», откуда «выудили» нового адмирала (ср. в заметке «Крестный ход богомокрлиц в гору просвещения» строки об «океаниде» Путятине: «благо судили в Тихом океане такую святорыбицу», стр. 128; см. также комментарий к этой заметке, стр. 374).

Стр. 183. В следующем листе мы поместим любопытнейший образец нового судопроизводства в Ковне.— См. далее «Новый суд в Ковне» и комментарий (стр. 233 и 435).

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ПИСЬМА

Печатается по тексту К, л. 111 от 8 ноября 1861 г., стр. 932, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В ОК озаглавлено: *Из Петербурга*. Автограф неизвестен.

Включено в издание Лемке (Л XI, 311—312) со следующей справкой: «Принадлежность устанавливается по заметке Герцена на готовом номере — „моя“» (Л XI, 470). Нынешнее местонахождение этого листа «Колокола» с надписью Герцена неизвестно.

Авторство Герцена подтверждается редакционным характером заметки («Нам пишут...»), ее идейно-тематической близостью другим высказываниям Герцена в связи с событиями в Петербургском университете (см. выше заметки «Петербургский университет закрыт!», «Преображенская рота и студенты», стр. 164 и 180, а также комментарий к ним). О «путятинских фуркулах» Герцен писал в заметке «Артиллерия и лицей», стр. 179 (см. также комментарий к этой заметке). Строки заметки о слухах по поводу отставки Шувалова, которого будто бы «уговорила мать оставить ремесло Дубельтов и Тимашевых», прямо связаны со статьей Герцена «Оклеветанный граф», в которой содержится опровержение этих слухов: «На его сиятельство <...> солгали, что он по просьбе матери решил оставить тайную полицию. Совсем напротив, граф вовсе не бросил свои слуховые трубы» (стр. 207 наст. тома); ср. также выше заметку «Buona notte, buona notte» и комментарий к ней (стр. 102 и 359).

Стр. 183. ...*Стасова, служащего в сенате, арестовали за собрание подписей...*— Д. В. Стасов, служивший обер-секретарем в сенате, был арестован в ночь с 1 на 2 октября 1861 г. за сбор подписей под адресом о помиловании арестованных студентов. 4 октября его уволили с государственной службы. После освобождения из тюрьмы за Стасовым был учрежден полицейский надзор.

Стр. 184. ...*благодарил телеграммом...*— так в источнике (видимо, от франц. *le télégramme*).

...*Анненков, знаменитый ли дантист Нижнего Новгорода...*— В письме «К издателю „Колокола“», напечатанном в К, л. 51 от 1 сентября 1859 г., автор замечал: «А давно ли губернатор Нижнего Новгорода Анненков собственноручно бил купца чуть ли не первой гильдии» (стр. 422).

ОСКОРБЛЕНИЕ БЕДНОСТИ И ПОДЛЯ МЕСТЬ

Печатается по тексту *К*, л. 111 от 8 ноября 1861 г., стр. 932, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включалось в издание Лемке (*Л* XI, 314) со следующей справкой: «Принадлежность устанавливается по заметке Герцена на готовом номере — „моя“» (*Л* XI, 470). Нынешнее местонахождение этого листа «Колокола» с надписью Герцена неизвестно.

Авторство Герцена подтверждается тесной идейно-тематической связью заметки с другими его откликами на университетские события осенью 1861 г., в частности, по поводу мер, принятых против «бедных студентов, у которых государь отнял право учиться». См. об этом заметки «Инквизиция Строгонова», «Генерал Филипсон попсчителем Петербургского университета», «Артиллерия и лицей» и комментарии к ним, а также статьи «Исполин просыпается!», «Третья кровь!», «To the editor of „The Times“».

Обзор сообщений иностранной прессы (газета «The Times») обыкновенно делался в «Колоколе» самим Герценом. Упоминание о ничтожестве правительства («Какие мелкие нелюди...») лексически и стилистически близко другим подобным репликам Герцена в его высказываниях по аналогичному поводу, ср.: «мелкие, крошечные люди...» (в публикации «Бешенство цензуры», т. XIII наст. изд., стр. 299); «Фу—какие мелкие, плохавые мерзавцы и невежды!» (в заметке «Террор в Польше», т. XIV наст. изд., стр. 347); «Какие мелкие, ничтожные люди <...>, которые пасут Россию!» (в заметке «Головинская цензура», т. XVI наст. изд., стр. 308); «Что за мелкое, гадко-злое, ничтожное правительство...» (в заметке «После смерти», *К*, л. 218 от 15 апреля 1866 г., т. XIX наст. изд.).

ТРЕТЬЯ КРОВЬ!

Печатается по тексту *К*, л. 112 от 15 ноября 1861 г., стр. 933, где опубликовано впервые, с подписью: *И — р*. Этой статьей открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

Стр. 185. ...вроде *Михайлы-пушкаря*...— Великий князь Михаил Николаевич имел звание генерал-фельдцейхмейстера и генерала-от-артиллерии и являлся начальником артиллерии отдельного гвардейского корпуса, главным начальником военно-учебных заведений и почетным президентом Михайловской артиллерийской академии. По его приказу были посланы войска для подавления студенческих волнений.

Стр. 186. ...из залы *Jeu de Raume!*— Зал для игры в мяч в доме графа д'Артуа в Париже (salle du jeu de raume), где 20 июня 1789 г., после закрытия, по приказу короля, зала заседаний Национального собрания, собрались депутаты третьего сословия. Признавая себя представительством большинства нации, они принесли здесь торжественную присягу добиваться всеми силами утверждения конституции.

Между подробностями о преобразенской поимке студентов... — См. об этом также заметку «Преобразенская рота и студенты», стр. 180.

ВОПРОС ШЛЯХТЕ

Печатается по тексту *К*, л. 112 от 15 ноября 1861 г., стр. 940, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки и ее тесной идейно-тематической связью со статьей «Шляхетные статьи и письма в русских журналах». Иронические строки в заметке о мужиках,

которые «не могут понять свободы— „Положений“ — и не хотят на себя руку поднять, подписывая уставную грамоту», имеют в виду эпизод, приведенный в цитате из «Писем с дороги» Мельгунова, которая включена была в текст вышеназванной статьи (стр. 178 наст. тома).

СЕКЛИ ИЛИ НЕ СЕКЛИ?

Печатается по тексту *К*, л. 112 от 15 ноября 1861 г., стр. 940, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 336).

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки («Мы не верим этому», «просим написать нам») и близости ее тематики обычным интересам Герцена (Петербургский университет, вопросы женской эмансипации и деятельность III отделения). Ироническое замечание о Шувалове показательное для отношения к нему в это время Герцена (см. о нем упоминания в заметках «Buona notte, buona notte», «Петербургские письма» и в статье «Оклеветанный граф», стр. 101, 184 и 207). Обзор сообщений иностранной прессы («Opinion Nationale», «Siècle», «Express», «Times») обыкновенно делался в «Колоколе» самим Герценом.

Аналогичное сообщение было напечатано в «Письме из Петербурга», опубликованном в журнале кн. П. В. Долгорукова «Будущность» от 27 ноября 1861 г., № 22, стр. 175.

Приведенные в заметке факты опроверг вскоре русский эмигрант и журналист Л. П. Блюммер в своем «Письме к издателю», опубликованном в *К*, л. 119—120 от 15 января 1862 г. под редакционным заголовком «Защита московских профессоров». Блюммер указывал на ряд неточностей в сообщениях «Колокола» о студенческих волнениях в Москве и Петербурге: «Третья неточность та, что г-жа Корсини и Блюммер (моя сестра) взяты в III отделение, ни г-жа Богданова высечена — не были: по день моего отъезда они были совершенно свободны и совершенно свободно давали уроки в воскресных школах» (стр. 996).

ШУВАЛОВСКАЯ ЭМАНЦИПАЦИЯ ЖЕНЩИН

Печатается по тексту *К*, л. 112 от 15 ноября 1861 г., стр. 940, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 337).

Авторство Герцена определяется тесной идейно-тематической и стилистической связью заметки со всеми другими замечаниями Герцена о поручении III отделением шпионажа публичным женщинам. Впервые об этом писал с возмущением Герцен в статье «Исполни просьба!» (стр. 176 наст. тома). В статье «По поводу студенческих избиений» Герцен снова упоминает о «публичных девках на откуп» как об одном из свидетельств «ничтожности» и «нелепости» правительства (стр. 197 наст. тома). Организацию при III отделении «легких отрядов амазонок» Герцен в статье «Оклеветанный граф» прямо связывает с именем управляющего III отделением Шувалова. Развивающее эту тему каламбурное построение фразы об «общем доме возле частного» характерно для Герцена и встречается также в других его статьях, ср. строки о совместных действиях «содержательницы публичного дома и пристава частного дома» (в заметке «Польза от гласности», т. XIII наст. изд., стр. 256); о «разнообразнейших оружиях» императорской власти—«от частных приставов до публичных женщин» (в заметке «К летописям петербургского шпионства», *К*, л. 161 от 15 апреля 1863 г., т. XVII наст. изд.).

Стр. 189. ...и обещает до 600 за уловление (говорят, то же запла-тили и Костомарову за брата).— Н. Д. Костомаров донес на своего брата В. Д. Костомарова, что тот является членом революционного кружка, распространявшего «возмутительные воззвания к войску и крестьянам». За эту услугу он получил 90 рублей серебром («Крестьянское движение 1827—1869 годов», вып. II, 1931 г., стр. 4 и 157).

ВОЙНА С ДАМАМИ

Печатается по тексту *K*, л. 112 от 15 ноября 1861 г., стр. 940, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 338).

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки («Нам пишут из России»), личным знакомством Герцена с Э. Европеус, которая несколько раз посещала его и в сентябре 1861 г. три дня провела у него в Торквее. О преследованиях ее мужа А. П. Европеуса в 1860 г. и о «самоуправстве в деле Унковского и Европеуса» Герцен писал в статьях «Письма из России» (т. XIV наст. изд., стр. 256) и «Провинциальные университеты» (стр. 19 наст. тома); ср. также заметки «Эпизод тверскому комитету», «Унковский и Европеус» — в т. XIV наст. изд.

Настоящая заметка тематически близка тем выступлениям Герцена на страницах «Колокола», в которых он предупреждал лиц, возвращающихся из-за границы в Россию, об ожидающей их опасности. В одном из таких «Предостережений» Герцен сообщил о доставлении «в таможенно списка лиц с строжайшим предписанием по возвращении в Россию обыскать их и доставить их письма и бумаги в III отделение» и обращался с просьбой к «возвращающимся на печальную родину нашу не брать с собой ничего запрещенного, никаких бумаг» (т. XIII наст. изд., стр. 342).

Эмилия Европеус была задержана на Вержболовской таможне 4 октября 1861 г. При ней обнаружены находившиеся в специальных мешках под платьем 13 книг Герцена и П. В. Долгорукова и 21 лист «Колокола», а также письма, которые ей были даны для передачи другим лицам. По повелению Александра II Э. Европеус была 1 ноября 1861 г. выслана в Тверскую губернию для безвыездного жительства в имении мужа под полицейским надзором (*ЦГИАЛ*, Фонд канцел. мнв. внутр. дел, 1861, д. 1, л. 64; см. И. С. С мо л и н. Царизм в борьбе с вольной печатью Герцена — «Ученые записки Ленинградского пед. института им. А. И. Герцена», т. 61, 1947, стр. 59).

TO THE EDITOR OF «THE TIMES»

Печатается по тексту газеты «The Times» от 20 ноября 1861 г., где опубликовано впервые, с подписью: *Alexander Herzen, Nicholas Ogareff*, под редакционной рубрикой «The Russian Universities» («Русские университеты»). Автограф неизвестен.

На страницах «The Times» в октябре-ноябре 1861 г. систематически публиковались материалы о студенческих волнениях в России. Настоящее открытое письмо являлось откликом на письмо в редакцию «The Times» Д. Уильямса, напечатанное в этой газете 15 ноября 1861 г., в связи с опубликованием 7 ноября информационных заметок собственного корреспондента газеты о положении в русских университетах после введения нового университетского устава (см. об этом статьи — «Петербургский университет закрыт!», «Исполни просыпается!», «Третья кровь!», «По поводу студенческих избивений»).

Стр. 192. ...за попытку представить императору Александру II адрес ∞ в России.— Об адресе студентов Московского университета было упомянуто в *К*, л. 117 от 22 декабря 1861 г. (см. стр. 435—436 наст. тома). Текст адреса был напечатан в *К*, л. 121 от 1 февраля 1862 г., стр. 1009—1010. В этом адресе содержалась просьба отменить введение повышенной платы за слушание лекций, разрешить организацию кассы взаимопомощи, избрать выборных представителей студенчества и т. д. ...их не очень возволновало ее упразднение ∞ плата за обучение. — Новым уставом университета, введенным циркуляром министра просвещения Е. В. Путьятина летом 1861 г., отменялось обязательное ношение форменной одежды, затруднялись вступительные экзамены в университет, вводилась повышенная плата за обучение.

Стр. 193. ...образовали из добровольных взносов фонд помощи тем, кто был недостаточно богат, чтобы уплатить взносы.— Студенческие кассы взаимопомощи начали организовываться с 1857 г. Фонд их составляли взносы обеспеченных студентов и сборы от благотворительных концертов и от публичных лекций виднейших университетских профессоров. В связи с введением в 1861 г. платы за обучение фонд касс значительно увеличился также за счет частных пожертвований (см. об этом заметку «Артиллерия и лицей» и комментарий к ней, стр. 179 и 401).

Как мог он предлагать профессорам принять на себя презренную роль сыскальной полиции среди студентов? — В циркуляре Путьятина содержалось требование «усиления нравственного влияния» профессором на студентов. Проректорам университетов предписывалось усилить надзор за поведением студентов и доносить на «беспокойных» в полицию. Профессора Московского университета в «Исторической записке, составленной университетской комиссией по поводу происходивших в сентябре и октябре месяцах 1861 года беспорядков между студентами», указывали, что новый устав подрывает самую возможность их нравственного влияния на студентов, так как «в том же самом высочайшем повелении, которым устанавливается обязательная плата для всех студентов, сказано, что эти деньги идут (...) на увеличение жалования профессорам. Вследствие этого студенты были убеждены, что последние сами выхлопотали себе эти выгоды за их счет» (А. А. Титов. Студенческие беспорядки в Московском университете в 1861 году (из бумаг О. М. Бодянского), М., 1905 г., стр. 13). Профессора Петербургского университета отказались избрать из своей среды кандидата на должность проректора (об этом см. в статье «Дебюты Путьятина», стр. 270 наст. тома).

Как мог он вызвать войска против безоружных юношей...— См. в наст. томе статьи «Третья кровь!», «По поводу студентских избиений». ...адмирал, главной заслугой которого была поездка в Японию...— См. стр. 374—375 наст. тома.

〈БАКУНИН СВОБОДЕН〉

Печатается по тексту *К*, л. 113 от 22 ноября 1861 г., стр. 941, где опубликовано впервые, без подписи и заглавия. Заглавие взято из *ОК*. Этими строками открывался лист «Колокола». Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 346).

Авторство Герцена устанавливается редакционным характером заметки, письмом к нему М. А. Бакунина от 3(15) октября, извещавшего о своем побеге, а также письмами Герцена от 21 ноября 1861 г. к Прудону, Хоецкому и А. Рейхелю об этом же факте.

«Друзья! Мне удалось бежать из Сибири,— писал Бакунин из Сан-Франциско,— и после долгого странствования по Амуру, по берегам Татарского пролива и через Японию сегодня я прибыл в С.-Франциско (...) Вы получите это письмо, по моему расчету, около 15 ноября (...)

Еще одна просьба: лишь только вы получите это письмо, через ваших друзей в России дайте немедленно знать моим братьям, что я прибыл благополучно в Сан-Франциско и что прибуду в Лондон в половине декабря» («Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву», Женева, 1896, стр. 74—75). Видимо, эта весть была получена Герценом 21 ноября, так как в этот день он писал Прудону: «Берусь за перо, чтобы поделиться с вами превосходной новостью. Наш друг Мих. Бакунин бежал, наконец, из Сибири <...> и отправил мне письмо из С.-Франциско (15 октября) — он жив и здоров и прибудет в Лондон к 1 января. Я хотел доставить себе удовольствие немедленно известить вас» (сб. «Звенья», VI, 1936, стр. 325; подлинник на французском языке). В тот же день полученную новость Герцен сообщил Хоецкому, осведомив последнего и о том, что им посылается информация об этом редактору «Opinion Nationale» (сб. «Звенья», II, 1933, стр. 375—376, подлинник на французском языке). О победе Бакунина Герцен ранее извещал Н. П. Огарева в письме из Newtоn'a в середине октября, получив это известие, вероятно, из иного источника, еще до прибытия Бакунина в Сан-Франциско. См. также письма Герцена к М. К. Рейхель от 4 ноября <декабря?> и к И. С. Тургеневу от 2 декабря 1861 г.

О приезде Бакунина в Лондон 27 декабря 1861 г. «Колокол» извещал в листе 118 от 1 января 1862 г. (см. «М. А. Бакунин в Лондоне», т. XVI наст. изд.), а в следующем листе Герцен посвятил этому событию специальную статью (см. «М. А. Бакунин», т. XVI наст. изд.).

Герцен был автором первой политической биографии Бакунина, написанной им в 1851 г. и предназначенной для прогрессивной французской печати (см. «Michel Bakouline», т. VII наст. изд., стр. 340—350). Посвящением Бакунину («A notre ami Michel Bakouline») открывалась и книга Герцена «Du développement des idées révolutionnaires en Russie» (см. т. VII наст. изд.). Героem борьбы за свободу, мучеником идеи, старым личным другом и политическим единомышленником Бакунин оставался для Герцена и десять лет спустя. Незадолго до бегства Бакунина из Сибири Герцен в разговоре с Н. А. Белоголовым отмечал: «Мало того, что с Бакуниным меня связывает старинная дружба; я никогда не могу и даже не должен забывать, что этот человек всю свою жизнь борется за человеческую свободу, и чего-чего не вынес он за упорство свое в этой неравной борьбе и за непреклонность своих убеждений: сидел и в австрийских и в русских крепостях, и вот теперь засажен, быть может, навсегда в Сибирь» (Н. А. Белоголовый. Воспоминания и другие статьи, СПб., 1901, стр. 537).

В письме к издателю «Колокола» от 3 (15) октября 1861 г. Бакунин заявлял: «...буду у вас служить по польско-славянскому вопросу, который был моею idée fixe с 1846 года и моею практической специальностью в 48 и 49 годах. Разрушение, полное разрушение австрийской империи будет моим последним словом <...> А за ним является славная вольная славянская федерация — единственный исход для России, Украины, Польши и вообще всех славянских народов» («Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву», Женева, 1896, стр. 75—76). Эти мысли во многом были близки тогда и Герцену (см. в т. XIV наст. изд. статью «Война и мир» и комментарий к ней).

ПО ПОВОДУ СТУДЕНТСКИХ ИЗБИЕНИЙ

Печатается по тексту *К*, л. 113 от 22 ноября 1861 г., стр. 941—942, где опубликовано впервые, с подписью: *И — р*. В *ОЖ* озаглавлено: *Студентские избения*. Этой статьей (которой предшествовало извещение

о победе Бакунина, см. выше) открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

В тексте «Колокола» после заглавия напечатана цифра I. Вероятно, Герцен первоначально намеревался включить свою статью в состав целого цикла публикаций «по поводу студентских избиений» в Петербурге и Москве: вслед за настоящей статьей в «Колоколе» под заглавием «Московская бойня студентов» была напечатана обширная корреспонденция с редакционным введением (см. наст. том, стр. 233), а начиная со следующего листа «Колокола», на протяжении ряда номеров, печатались «Материалы для истории гонения студентов при Александре II», отдельные части которых обозначались порядковыми номерами (от I до XIII).

Стр. 196. *«Насильно спасать никого нельзя», — сказал маршал Бюжо Людовигу Филиппу.* — Эти слова, ставшие крылатыми, Герцен приводит также в статье «Война и мир»: «„Насильно спасать людей нельзя!“ — заметил взбешенный маршал Бюжо, когда Людвиг-Филипп не позволил ему то, что Законодательное собрание не только позволило Каваньяку, но вменило ему в обязанность — бомбардировать предместье св. Антония» (т. XIV наст. изд., стр. 112).

Оптический обман несокрушимости рассеялся вместе с севастопольским дымом... — Имеется в виду поражение царской России в Крымской войне 1853—1855 гг.

...расстреливанием крестьян... — О подавлении крестьянских волнений в связи с обнародованием манифеста 19 февраля 1861 г. см. выше статьи Герцена «Русская кровь льется!», «12 апреля 1861».

...прикалыванием молящихся... — О стрельбе по мирной демонстрации в Варшаве и преследованиях поляков см. в статьях «Mater dolorosa», «Отеческий совет».

...преображенскими прикладами... — Об этом см. заметку «Преображенская рота и студенты».

...жандармами, одетыми мужиками... — В корреспонденции «Московская бойня студентов», напечатанной в «Колоколе» вслед за настоящей статьей, говорилось о событиях в Москве 13 (25) октября и о провокационной роли жандармов во время студенческой демонстрации перед домом генерал-губернатора: «...тогда тулуши, народ, кинулись на них с криками: „бейте поляков, они пришли резать губернатора!“ С яростью брали они студентов за воротники, валили, давили (<...> это были переодетые будочники и солдаты...» (стр. 943).

Стр. 197. *...публичными девками на откуп...* — См. стр. 406.

...люди убеждаются только грудами трупов, ваятыми курганами, сожженными городами. Мак-Магон был счастливее меня. — Маршал Францис Мак-Магон отличился в Крымской войне 1853—1855 гг. взятием Малахова кургана во время осады Севастополя, стоившей огромных человеческих жертв.

ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ

(Из Петербурга)

Печатается по тексту К, л. 113 от 22 ноября 1861 г., стр. 948, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В ОК озаглавлено: *Из Петербурга.* Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду Dubia (Л XI, 350).

Авторство Герцена определяется идейно-тематической и стилистической близостью заметки другим его выступлениям по поводу волнений студентов Петербургского университета и участия Преображенского полка в их подавлении (см. об этом в статьях наст. тома — «Исполни про-

сыпается!», «Преображенская рота и студенты», «Третья кровь!». Характерно для Герцена при этом замечание по адресу вел. кн. Михаила Николаевича, проявившего особый «интерес» к этим событиям: «Каков! А еще молод — дайте-ка в лета войти!». О юном, но не подающем никаких надежд генерал-фельдцейхмейстере» Герцен упоминал с иронией в статье «Сто пятнадцать благородных офицеров» (стр. 28). О его роли во время студенческих «беспорядков» см. в статье «Исполни просыпается!». В статье «Третья кровь!» Герцен писал об ответственности «Михайлы-пушкаря, порывавшегося уничтожить <...> картечью» университетскую молодежь (стр. 185); ср. также заметки «И Михаил Николаевич принимается за дело» (стр. 248) и «Православие и артиллерия, артиллерия и наука» (стр. 273). О листах «Великоруса» писал Герцен в статьях «Заводите типографии! Заводите типографии!» (стр. 132) и «„Великорус“ в ученой Москве» (стр. 179).

Строки о приговоре М. И. Михайлову, о его «спокойном самоотвержении и благородстве, удивившем судей», свидетельствуют об уважении, с которым относился Герцен к этому стойкому революционеру, и близки другим его высказываниям в связи с осуждением Михайлова. Об аресте и обвинении Михайлова Герцен с возмущением писал в статьях «Исполни просыпается!» (стр. 176), «Оклеветанный граф» (стр. 208). Получив более точные сведения о приговоре Михайлову (осужденному на шесть лет каторжной работы), Герцен откликнулся прочувствованной заметкой «Годовщина четырнадцатого декабря в С.-Петербурге», в которой также отмечал его «страстную речь» в сенате и его «независимые слова» (т. XVI наст. изд., стр. 23). О выступлении Михайлова в сенате, поразившем судей, Герцен затем рассказал в статье «Ответы М. И. Михайлова» (т. XVI наст. изд.), а также в статье «1831—1863», где писал: «Грустно, твердо явился Михайлов перед сенатом. Богдельня стариков, судивших его, обомлела, разинула рот; в прохождении их долголетней военной и гражданской службы они ничего подобного не слышали. Рьяный Бутурлин требовал смертной казни за дерзость подсудимого» (*К*, л. 163 от 15 мая 1863 г., т. XVII наст. изд.). В *К*, л. 119—120 от 15 января 1862 г., стр. 1001 были опубликованы под рубрикой «Михайлов и студенческое дело» ряд стихотворений: «Михайлову» Н. П. Огарева, «Узнику» И. А. Рождественского и «Ответ» Михайлова (последние два стихотворения опубликованы без подписи).

БРАДКЕ И ЛЕВЩИН

Печатается по тексту *К*, л. 113 от 22 ноября 1861 г., стр. 948, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 352—353).

Авторство Герцена определяется идейно-тематической и стилистической близостью заметки всем другим его высказываниям по поводу «Строгоно-Путятинских мер» против университетов (см. «Гонение на университеты», стр. 99, «Ей, просвещенье! Гись! Гись!» и «Ипквизиция Строгонова», стр. 105, «Крестный ход богомокрца в гору просвещения», стр. 128, «Генерал Филипсон почитателем Петербургского университета», стр. 150, «За что Путятин?», стр. 164, «Исполни просыпается!», стр. 174, «По поводу студенческих избиений», стр. 195). Иронические строки заметки об «адмирале от просвещения» Путятине, насмешки над «японской регламентацией» и его «рыбьим гневом», нырнувшим «в глубину морскую», продолжают развитие этого сатирического образа, созданного Герценом, и являются специфической приметой его индивидуального стиля (см. «Крестный ход богомокрца в гору просвещения» и комментарий к ней, стр. 374).

Печатается по тексту «Democrata Polski» от 4 января 1862 г., стр. 78, где опубликовано впервые, с подписью: *Alexander Herzen*. Автограф неизвестен.

Письмо Герцена было напечатано в составе статьи «Rocznica 29 listopada w New Castle» («Годовщина 29 ноября в Ньюкастле»), в которой были приведены речи выступавших и отчет о собрании, состоявшемся 29 ноября 1861 г. в городе Ньюкастле в Северной Англии. Это собрание было посвящено годовщине польского восстания 1831 г. Тексту письма Герцена в этой заметке были предпосланы следующие строки: «Затем секретарь польского комитета зачитал письма от ряда лиц, в которых было выражено единодушно благожелательное отношение к польскому делу, в том числе от Луи Блана и Александра Герцена. Письмо последнего приводим в дословном переводе».

Исходя из упоминания в заметке о том, что письмо Герцена прочел на собрании «секретарь польского комитета» (а не секретарь Централизации — руководящего органа Польского демократического общества), можно предположить, что Герцен направил свое письмо не Центральному комитету демократического общества, как считалось ранее (см. *Л XV*, 13), а руководящему органу другой польской организации. Известно, например, что, кроме Демократического общества, на территории Англии существовали организации общества «Польский народ» (см. *W. K n a p o w s k a. Lud Polski — gromada rewolucyjna Londyn; «Kwartalnik Historyczny», Warszawa, 1955, № 2, str. 63—97*).

Возможно, что письмо Герцена было адресовано комитету этого общества в Ньюкастле. Публикуемое «Письмо» было написано Герценом не ранее 21 ноября 1861 г., так как о победе М. А. Бакунина, о чем сообщается в «Письме» как о совершившемся факте, Герцен писал друзьям в этот день, спеша поделиться этой «превосходной новостью» (см. комментарий к заметке Бакунин свободен», стр. 408).

В текст письма в настоящем издании внесены следующие исправления:

Стр. 202, строка 9: 1847 вместо: 1849

Стр. 203, строка 15: Michał <Михаил> вместо: Mikołaj <Николай>.

Стр. 203. ...человек, который в 1847 г. первый положил начало объединению всех свободомыслящих русских с польскими патриотами на земле изгнания...— 29 ноября 1847 г. в Париже на празднестве в честь 17-й годовщины польского восстания 1830 г. Бакунин произнес речь, в которой призывал русских и поляков объединиться в борьбе против деспотизма Николая I. По настоянию русского посольства Бакунин за эту речь был выслан из Франции. Об этом эпизоде биографии Бакунина Герцен упомянул в статье «Михаил Бакунин» (см. т. VII наст. изд., стр. 357).

...с 1849 г. заживо погребенный в стенах Шлиссельбурга и пустынях Сибири...— Бакунин был арестован весной 1849 г. саксонскими властями, которые выдали его Австрии. Австрия в свою очередь выдала его 17 мая 1851 г. царской России. Здесь Бакунин был заключен сначала в Петропавловскую крепость, а затем в Шлиссельбург, где находился до марта 1857 г., когда он был сослан на поселение в Сибирь.

...Михаил Бакунин снова появился среди нас с другой стороны Тихого океана...— См. об этом в комментарии к заметке «Бакунин свободен».

〈ДАМЫ И ПРЕОБРАЖЕНЦЫ〉

Печатается по тексту *К*, л. 114 от 1 декабря 1861 г., стр. 956, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОР*. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 353).

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки, а также идейно-тематической и стилистической близостью заметки всем другим его высказываниям по поводу участия Преображенского полка в подавлении волнений студентов Петербургского университета. Об этом Герцен впервые писал в заметке «Преображенская рота и студенты» (стр. 180). В заметке «Подробности о 12/24 октябре» рассказывалось о том, как «преображенцы с прикладами бросились на арестованных», а также сообщались имена «преображенских офицеров, ходивших на студентов» (стр. 272). О «преображенской поимке» Герцен упоминал также в статьях «Третья кровь!» (стр. 186) и «По поводу студенческих избиений» (стр. 195). Позднее Герцен снова писал о «прикладах, которыми били петербургских студентов» (статья «Resurrexit!» — т. XVII наст. изд.), а в статье «В этапе» вспомнил о возмущении общественного мнения «уличным сражением с безоружными» и о том, как «барышни не хотели танцевать с преображенскими победителями» (т. XVII наст. изд.).

ЛЕСОВСКИЙ ЗДРАВСТВУЕТ

Печатается по тексту *К*, л. 114 от 1 декабря 1861 г., стр. 956, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 354).

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки («мы получили на днях письмо», «мы опять получили печальные подробности»), идейно-тематической близостью другим его выступлениям против телесных наказаний на флоте (см. в наст. томе «Собственное сознание о взрыве „Пластуна“, „Донос на „Морской сборник“, „Олег“ и Андреев»). О грубом обращении на «Генерал-адмирале» и обещании прислать «целый лист подписей офицеров и гардемарин в удостоверение, что ничего подобного на фрегате не было», говорилось в статье Герцена «Фрегат „Генерал-адмирал“ и швабра» (стр. 39; см. также комментарий на стр. 315; новый запрос о «подписке офицеров» был сделан в заметке «Еще о Шестакове и кротости его», стр. 227). О письме «секолюбивого моряка», доказывавшего необходимость телесных наказаний на флоте, говорил Герцен в статье «Исправительные письма!» и там же приводил его текст (стр. 56—57).

Стр. 204. ...моряк, не разделяющий страсти к линькам ∞ исправился он или нет.— О капитане кронштадтского порта С. С. Лесовском упоминалось в анонимной корреспонденции, напечатанной в «Колоколе» под заглавием «Нужны ли розги на флоте» (*К*, л. 100 от 1 июня 1861, стр. 840). Автор, бывший морской офицер, плававший, по его словам, на кораблях разных национальностей, отвечал «секолюбивому моряку», письмо которого было напечатано в статье «Исправительные письма!», и доказывал несомненный вред телесных наказаний. В подтверждение того, что человеческое обращение с матросами дает блестящие результаты, он ссылаясь на историю путешествий И. Ф. Крузенштерна и Л. А. Гагемейстера, на поведение в бою команды Козарского. В качестве примера того, как опасно жестокое обращение с матросами, приводилось «новейшее плавание Лесовского, любившего бить (не знаю, исправился ли

теперь); у этого последнего команда бунтует и срамит русских за границей, больших постоянно несть числа и все плавание самое неблестящее». Лесовский командовал фрегатом «Диана», шедшим в 1853 г. из Кронштадта через мыс Горн в Японию.

... генерал-адмирал... — Имеется в виду вел. кн. Константин Николаевич; у нем см. в комментариях к статье «Собственное сознание о взрыве „Пластуна“» (стр. 297).

...о грубом обращении на «Генерал-адмирале»... — Об этом см. выше.

⟨РЕДАКТОРУ «LE NORD»⟩

Печатается по тексту газеты «Le Nord», № 343 от 9 декабря 1861 г., где опубликовано впервые, с подписью: *Al. Herzen*. Перепечатано в *ЛН*, т. 39—40, стр. 256. Автограф неизвестен.

Появление письма Герцена в «Le Nord» было вызвано следующими обстоятельствами. Во второй книжке «Исторического сборника Вольной русской типографии в Лондоне» (Лондон, 1861), Герцен напечатал «Некоторые выписки из бумаг М.-Данилевского», в которых сообщались сведения о государственном перевороте 1762 г., аресте М. М. Сперанского, аресте П. И. Пестеля и восстании 14 декабря 1825 г. Здесь же были напечатаны «Еще выписки из журнала М.-Данилевского» с подзаголовком: «Царствование Александра I». Эта публикация вызвала энергичный протест со стороны дочери А. И. Михайловского-Данилевского — А. А. Берновой. В «Le Nord», № 336 от 2 декабря 1861 г., было напечатано следующее письмо ее к редактору:

«Издание г. Герцена („Исторический сборник“, № 24) содержит статью, приписанную генералу Михайловскому-Данилевскому. Дочь и единственная наследница рукописей генерала Михайловского-Данилевского, я обладаю исключительным правом распоряжаться ими. До настоящего времени я не воспользовалась этим правом. Я отрицаю, что эти замечательные страницы вышли из-под пера моего отца. Истина, а также честь уважаемого имени заставляют меня протестовать против этой публикации, которую я объявляю подлогом и оскорблением памяти верного и преданного слуги своего государя.

Антонина Бернова, урожденная Михайловская-Данилевская».

«Видел в „Норде“, как дочь Михайловского обругала за отца? а записки-то настоящие», — писал Герцен И. С. Тургеневу 2 декабря 1861 г. Несмотря на полную уверенность в том, что напечатанные им документы не являются фальшивкой, Герцен принял меры для точного определения их достоверности и просил 5 декабря 1861 г. Н. М. Владимирову, возвращавшегося в Россию, узнать о происхождении записок. «Я уверен, что они настоящие, — писал Герцен, — но его дочь с преднамеренной грубостью отрекалась в „Nord“».

Публикуя письмо Герцена, редактор «Le Nord» опустил его начало, в котором, вероятно, содержалась резкая характеристика русской царствующей династии. В краткой вступительной заметке к письму Герцена редактор писал: «Г-н Герцен поймет, мы не сомневаемся в этом, что если мы всегда расположены предоставлять наши столбцы оправданию и защите, мы никогда не предоставим их для атаки и нападения. Поэтому он не рассердится на нас за то, что мы публикуем здесь из его письма только места, относящиеся к факту, по поводу которого предъявлено обвинение».

Опущенную часть письма Герцена редакция заменила при печатании двумя рядами точек.

Получил ли Герцен ответ из России о достоверности опубликованных им бумаг, остается неизвестным. Во всяком случае, как установлено

Б. П. Козьминим (см. ЛН, т. 39—40, стр. 256—257), сомневаться в принадлежности их Михайловскому-Данилевскому не приходится. Резкое опровержение, напечатанное А. А. Берновой, объяснялось желанием ослабить впечатление, произведенное на общество материалами, разоблачавшими царскую династию и компрометировавшими «верноподданнические» чувства официального историка.

Точная дата письма Герцена неизвестна.

ОКЛЕВЕТАННЫЙ ГРАФ

Печатается по тексту К, л. 116 от 15 декабря 1861 г., стр. 965, где опубликовано впервые, с подписью: И — р. Этой статьей открывался лист «Колокола». Автограф неизвестен.

Стр. 207. *«Ты зри, да знай же меру!»* — Неточная цитата из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (действие IV, явление 4).

«Что ты все врешь ∞ кой-каким крепким словом.» — Неточная цитата из «Мертвых душ» Н. В. Гоголя (часть первая, гл. VII).

«Вскипел Бульон и в ротъ потек.» — Неточная цитата из поэмы Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим» в переводе А. Мерзлякова (1828). У Мерзлякова: «Вскипел Бульон, потек во храм».

...солгали, что он по просьбе матери решился оставить тайную полицию. — Об этих слухах Герцен писал в заметке «Петербургские письма»: «Шувалов подался в отставку и, говорят, будет заменен Аниспковым. Уверяют, что его уговорила мать оставить ремесло Дубельтов и Тимашевых» (стр. 184). В заметке Герцена «Buona notte, buona notte», посвященной вступлению гр. П. А. Шувалова в должность начальника штаба корпуса жандармов и управляющего III отделением, отразились некоторые надежды на Шувалова: «Если Шувалов дорожит своим именем, то, припяв, как говорят, à conté ссѣм место (непростительная слабость!), пусть же он сделает его не нужным» (стр. 102). С. С. Громека в письме к Герцену от 18 апреля 1861 г. сообщал, что Шувалов, как «порядочный человек», колебался принять свое назначение, чтобы «сберечь собственное <...> имя от неминуемых клевет и оскорблений» (ЛН, т. 62, стр. 115—116); см. также комментарий к заметке «Buona notte, buona notte», стр. 359. Шувалов вышел в отставку в декабре 1861 г. и был заменен А. Л. Потаповым.

...графом в свите... — 6 декабря 1857 г. Шувалов, назначенный на должность петербургского обер-полицейстера, был произведен в генерал-майоры и зачислен в свиту царя.

...расширил голубой круг действий III отделения ∞ нашу скромную типографию окружил своими сотрудниками... — Борясь с возрастающим влиянием «Колокола» в связи с распространением прокламаций и ростом революционных настроений в России, III отделение летом 1861 г. усилило шпионскую слежку за издательской деятельностью Герцена и Огарева в Лондоне (см. об этом ЛН, т. 63, стр. 670; см. также М. К. Лемке. Политические процессы в России 1860-х гг., М.— Пг., 1923, стр. 61—62, 87, 102 и др.).

В письме «неизвестного друга», предупреждавшего Герцена о готовящейся III отделением попытке «похитить» его или «убить» (см. об этом статью «Бруты и Кассии III отделения» и комментарий), говорилось также: «Граф Шувалов поклялся, что отныне ни одно письмо не дойдет до вас. Все мрачно» (ЛН, т. 63, стр. 670).

Стр. 208. *...будто бы в нашей типографии ∞ послужившии к обвинению Михайлова.* — Имеются в виду слухи, связанные с арестом М. И. Михайлова, обвинявшегося в распространении прокламации

«К молодому поколению», которую ошибочно приписывали Герцену (см. об этом статью «Тайная летучая литература в С.-Петербурге» в приложении к «Allgemeine Zeitung», 1861, № 289, 16 октября. См. также М. К. Лемке. Политические процессы в России 1860-х гг., стр. 81, 119). В действительности прокламация эта, напечатанная в лондонской типографии, принадлежала Н. В. Шелгунову и М. И. Михайлову, арестованному по доносу предателя В. Д. Костомарова.

...своему ученому другу Горянскому ∞ легким отрядом л.мазюнок.— Во время ареста Михайлова (14 сентября 1861 г.) в обыске участвовали публичные женщины, состоявшие на службе III отделения, что неоднократно высмеивалось Герценом (см. «Исполни прощайтесь!», «Шуваловская эманципация женщин»). Ф. И. Горянский, старший чиновник III отделения, не присутствовавший при аресте Михайлова, вел следствие, отличаясь, по словам последнего, «особенным искусством <...> разнообразить свои вопросы и томить по целым часам» (М. Михайлов о м. Записки 1861—1862 гг., П., 1922, стр. 44). О «преображенской славе» см. заметку «Преображенская рота и студентка», стр. 180.

ПО ПОВОДУ ПИСЬМА ИЗ ВОЛЫНИ

Печатается по тексту К, л. 116 от 15 декабря 1861 г., стр. 965—966, где опубликовано впервые, с подписью: И — р. Автограф неизвестен.

В восьмом номере журнала кн. П. В. Долгорукова «Будущность» от 28 февраля 1861 г. была напечатана статья «Письмо из Юго-Западной Руси» (стр. 57—59). Неизвестный автор очень резко выступал против имевшихся у польских шляхтичей, проживавших в юго-западных губерниях России, тенденций ополячить местное население. «Не так давно,— писал он,— мы слышали здесь довольно странную новость, будто некоторые представители латинской партии в губерниях Киевской, Волынской и Подольской выразили желание о введении у нас польского языка вместо русского в присутственных местах и учебных заведениях. Такое желание в наше время мы признаем анахронизмом». Обращаясь к истории, автор статьи утверждал, что Юго-Западный край испокон веков входил в состав Руси и население его в своем подавляющем большинстве состояло из православных (4160000 человек), латинский же (католический) элемент равнялся лишь одной одиннадцатой части.

При этом у автора статьи, наряду с внешней защитой национальных интересов украинцев и белорусов, явно высказывается великодержавная точка зрения, заключающаяся в стремлении русифицировать местное население. «Как русский народ,— пишет он,— разделяется на три племени, так и русский язык разделяется на три наречия: великорусское, белорусское и малорусское. В нашем домашнем быту мы можем, пожалуй, говорить на том из этих наречий, которое господствует в известной местности; но как скоро мы выходим из ограниченной сферы домашнего быта, мы уже не можем довольствоваться местным наречием, которое не получило литературного развития <...> Многие из проповедующих нам употребление только малорусского наречия очень хорошо знают, что наше местное наречие не может скоро, да может быть и никогда, выработаться в настоящий образованный язык и что, отстранив нас от единения с общим коренным языком для всей России, им легче было бы навязать нам свой язык польский, свою литературу, а вместе с нею и все остальное. Нет, мы твердо держимся несомненной для нас истины, что благо трех русских племен заключается в теснейшем их единстве, а одним из могущественнейших орудий этого единства есть один общий литературный, образованный язык русский» (стр. 59).

В противовес этим русификаторским намерениям безымянный корреспондент «Колокола» горячо ратовал за широкое распространение польского языка в юго-западных губерниях, аргументируя это тем, что «весь образованный класс народа самый *значительный*, если не по числу, то по богатству, образованию и правам, класс, *исключительно* пользующийся гражданскими правами и имеющий средства давать своим детям воспитание, говорит по-польски».

Герцен, втянутый, вопреки своему желанию, в эти «политико-лингвистические споры», которые, по его мнению, «имеют в виду не объективную истину, не существенную пользу народа, а разные *aggrégées pensées* патриотические, завоевательные, религиозные и проч.», использовал их для того, чтобы, разоблачив ошибочность взглядов спорящих, высказать свои принципиальные суждения по данным вопросам.

Стр. 210. ...*на язык той преступной женщины, которая одной рукой вооружала гайдамаков*...— Герцен имел в виду деятельность Екатерины II и ее политику в 1768—1769 гг., когда правобережная Украина, принадлежавшая в ту пору Польше, стала ареной крестьянского восстания. Приход русских войск способствовал развитию национально-освободительного движения украинского народа. Видимо, это обстоятельство и дало повод Герцену писать о помощи, которую Екатерина II якобы оказывала гайдамакам. В действительности же русские войска подавили восстание. Юридически на украинских землях, входивших в состав Российской империи, крепостное право было оформлено указом Екатерины II от 3 мая 1783 г.

И в Финляндии скверно.— Только в 1863 г. финский язык был введен в официальное делопроизводство, для чего устанавливался двадцатилетний срок. О политике царского правительства, направленной на подавление национально-демократического движения в Финляндии, см. в заметках «Граф Берг» (*К*, л. 76 от 15 июля 1860, стр. 638), «Берг, магистры и телеграф» (т. XIV наст. изд.), «Финляндская конституция» (стр. 100 наст. тома и комментарий к ней).

ШУВАЛОВЦЫ В КРОНШТАДТЕ

Печатается по тексту *К*, л. 116 от 15 декабря 1861 г., стр. 971, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 336).

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки, близостью ее тематики обычным интересам Герцена (деятельность III отделения, попытки правительства пресечь распространение «Колокола»). В статье «Оклеветанный граф», напечатанной в том же листе «Колокола», Герцен писал о «расширении голубого круга действий III отделения», о «подслушивающих и доносящих» «миньонах III отделения» и агентах Шувалова: «...он нашу скромную типографию окружил своими сотрудниками и велел им не спускать нас *с уха*» (стр. 207—208). О деятельности «шуваловцев» Герцен упоминал также в заметке «Последние известия» (стр. 200). О характерном для Герцена обращении к вел. кн. Константину Николаевичу как «главе прогресса в петербургском правительстве» см. в комментарии к статье «Собственное сознание о взрыве „Пластуна“», стр. 297.

NOTRE PREMIER PREMIER И ПУТИ РАЗОБЩЕНИЯ

Печатается по тексту *К*, л. 116 от 15 декабря 1861 г., стр. 971, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: *Notre premier premier*. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (Л XI, 366).

Авторство Герцена определяется тесной идейно-тематической связью заметки с его же замечаниями в других статьях по поводу рассказанного в заметке факта, а также некоторыми характерными для Герцена стилистическими признаками. В заметке «Ернический тон русских газет» Герцен писал: «А мы еще недавно дивились, что какой-нибудь *Чевкин* не пускает в казенный сад купцов! Натура-то чиновничья, шляхетская,—петнет, да, как старый сифилис, и высыпет» (т. XVI наст. изд., стр. 35). Вскоре после этого в «Объяснении» Герцен снова вспоминал об оскорбительных фактах пренебрежительного отношения к «женщинам купеческого сословия в стране, в которой дворянская спесь на немецкий манер доходит до того, что дам недворянского звания обижают в собраниях и гимназиях, не пускают в сады, открытые для шляхты...» (т. XVI наст. изд., стр. 97). Речевой строй заметки с ироническим подтекстом, игрой каламбурами, переосмыслением привычной фразеологии, неожиданными сближениями и противопоставлениями, сравнением сановников с животным царством — типичен для стиля Герцена («пути разобщения», «верноподданная спина государственных верблюдов», «Что за избыток сил, мышц, копыт...», «пути самого беспутного государства в мире» и т. д.)

Стр. 212. *Notre premier premier...*—Герцен иронически называет главноуправляющего путями сообщения генерал-адъютанта К. В. Чевкина «нашим первым премьером» (каковым он никогда не был) в связи с повелением Александра II от 12 ноября 1861 г. об образовании Совета министров. Краткую сатирическую характеристику Чевкина как «государственного верблюда» см. также в дневнике В. Ф. Одоевского от 11 ноября 1864 г.: «Лев сделал верблюда министром, а верблюд лег поперек дороги».— *ЛН*, т. 22—24, стр. 96.

КОНЧИНА ДОБРОЛЮБОВА

Печатается по тексту *К*, л. 116 от 15 декабря 1861 г., стр. 972, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (Л XI, 366).

Авторство Герцена устанавливается ответственным характером заметки, явно выпешней из редакции «Колокола», а не присланной со стороны и не похожей в то же время на публикации Н. П. Огарева. В пользу авторства Герцена свидетельствует и такая образная деталь в определении публицистического стиля Н. А. Добролюбова, как «неумолимый диалект» (ср. эти строки с сентенцией о Прудоне — «великий диалект социализма» — в заметке «*Revue Прудона*», т. XIV наст. изд., стр. 377).

Добролюбов умер 17 (29) ноября 1861 г. Через два месяца после nekролога Добролюбова в «Колоколе» было опубликовано (без подписи автора) стихотворение М. И. Михайлова «Памяти Добролюбова» (*К*, л. 119—120 от 15 января 1862 г., стр. 997).

ЛЕКАРЬ ОЗЕРСКИЙ И ЕГО СООБЩИКИ

Печатается по тексту *К*, л. 116 от 15 декабря 1861 г., стр. 972, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издания Тихомирова (*Т*, 306—307) и Лемке (Л XI, 368).

Авторство Герцена определяется редакционным характером статьи («мы обращаем внимание наших читателей») и пр.), ответственными поли-

тическими обобщениями, характерными для Герцена своей широтой и заостренностью («наше правительство инстинктивно сознает свою круговую поруку с каждым подлым преступлением и прикрывает своей багряницей каждое злодейство»), наконец, близостью негодующих строк о Гутцейте, Панине, Сечинском, Марии Бредау многочисленным упоминаниям этих же лиц в других статьях Герцена начиная с 1858 г. (см. тт. XIII и XIV наст. изд.).

Авторство Герцена подтверждается также отдельными стилистическими признаками, например сатирический параллелизм конструкций: «почтенный доктор медицины» — «почтенный доктор *полиции*», намек на высокий рост Панина — предмет постоянных насмешек в статьях Герцена и т. п. О принадлежности статьи Герцену свидетельствует и повествование от лица авторского «я»: «...я знаю одно, что ни наша статья, ни это замечание не помешают...» и пр. (ср. в наст. томе статьи Герцена «Исправительные письма!», «Прусский консул Бергер...», «Духовные и светские доносы...», «Храбрый Дренякин» и комментарии к ним).

Стр. 213. ...*рассказу* ∞ *помещенному в прошлом «Колоколе»*... — Имеется в виду корреспонденция «Ненаказанный убийца штаб-доктор Озерский», напечатанная в *К*, л. 115 от 8 декабря 1861 г., стр. 963—964.

...*когда мы или кто б то ни было говорит* ∞ *Гутцейт изнасилничал ребенка и весь уезд это знает*... — См. комментарий к стр. 57.

...*Сечинский до смерти замучил несчастную жертву Марии Бредау*... — См. комментарий к стр. 32.

«КВАРТЕТ» КРЫЛОВА

Печатается по тексту *К*, л. 116 от 15 декабря 1861 г., стр. 972, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 372).

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки, ее идейно-тематической и стилистической близостью другим высказываниям Герцена о тех же объектах — о «прямолинейном Панине» (для Герцена характерны постоянные насмешки над его ростом — см. стр. 305), о главноуправляющем путями сообщения «криволинейном Чевкине» (о нем см. выше заметку «*Notre premier et notre raison*» и пути разобращения), Муравьеве Вешателе, о морском министре Краббе, которого «никто не знает» (ср. сходный иронический отзыв о нем в заметке Герцена «*Crab and Lobster*» — т. XIV наст. изд., стр. 315). Обзор сообщений иностранной прессы («*Le Nord*», «*The Times*») обыкновенно делался в «Колоколе» самим Герценом.

НА БРОСКИ, НЕОКОНЧЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

<ДРУЗЬЯ И ТОВАРИЩИ!..>

Печатается по тексту чернового автографа (*ЦГАЛИ*); первоначальные варианты см. на стр. 280—281. В конце текста речи, перед гостями, в рукописи следует ремарка (неразборчиво): *Надобно ура*. На отдельной странице сохранился оставшийся не зачеркнутым вариант окончания речи, подготовленной для публикации, с подписью: *И—р* (см. стр. 282). Впервые опубликовано в *ЛН*, т. 63, стр. 66—68.

28 марта 1861 г. Герцен сообщал И. С. Тургеневу программу «праздника освобождения» (о нем см. выше заметку «Освобождение крестьян», стр. 64) и писал об «обеде с тостом, коего речь придется на галль-

ском языке». Вероятно, Герцен намеревался не только напечатать свою речь в «Колоколе», но и послать французский ее перевод Тургеневу для опубликования в Париже. По не вполне достоверному свидетельству участника обеда 10 апреля 1861 г. А. Гончаренко, эта речь была уже отпечатана, но затем уничтожена (см. ниже). О «празднике освобождения» и предполагавшемся «тосте за Александра II» Герцен рассказывал в статье «10 апреля 1861 и убийства в Варшаве» (стр. 65).

Н. А. Тучкова-Огарева вспоминает об обеде 10 апреля 1861 г.:

«В назначенный день с утра было не очень много гостей, только русские и поляки. Между прочим Мартьянов, князь Петр Владимирович Долгоруков, граф Уваров; Тхоржевский приехал позже всех; помню, мы были все в салоне, когда он вошел.

— Александр Иванович, невеселый праздник, в Варшаве русские льют кровь поляков,— сказал Тхоржевский, запыхавшись.

— Что такое? — вскричал Герцен.

— Не может быть! — кричали другие. Тхоржевский вынул из кармана фотографические карточки убитых, только что полученные им из Варшавы.

— Там были демонстрации,— рассказывал Тхоржевский,— поляки молились на улицах, вдруг раздалась команда, русские выстрелы положили несколько человек коленопреклоненных.

Все окружили Тхоржевского, рассматривали карточки убитых. Герцен был бледен и молчалив. Лицо его омрачилось: беспокойное, тревожное, грустное выражение сменило спокойное и светлое.

Жюль доложил, что обед подан. Все спустились в столовую, на всех лицах заметно было тяжелое настроение. Обед прошел тихо. Когда подали шампанское, Герцен встал с бокалом в руке и провозгласил тост за Россию, за ее преуспевание, за ее благоденствие, совершенствование и проч. Все встали с бокалами в руках, горячо отвечали, провозглашая другие тосты, и чокались горячо. У всех сердце усиленно билось... Герцен сказал краткую речь, из которой помню начало: „Господа, наш праздник омрачен неожиданной вестью, кровь льется в Варшаве, славянская кровь, и льют ее братья-славяне!“ Все стихло, все молча уселись на свои места» (Н. А. Тучкова-Огарева. Воспоминания, Л., 1929, стр. 301—302).

Воспоминания А. Гончаренко, в то время наборщика Вольной русской типографии, содержат некоторые неизвестные ценные детали:

«9 апреля я получил от Александра Ивановича письмо, где он приглашал меня на праздник освобождения (...). На следующий день я оделся в бархатную куртку... Князь Юрий Николаевич Голицын гремел на балконе свою пьесу „освобождения“. Я подошел к Герцену и сказал: „Ах! Александр Иванович, — уж эта резня в Варшаве испортит наш праздник“ (...). 10 апреля, утром, газетные мальчики кричали на улицах Лондона: „Slaughter in Warsaw!“ („Резня в Варшаве!“). В 3 часа пополудни я вскочил из омнибуса в нашу „Вольную русскую типографию“, чтобы в компании с другими ехать к Герцену, где застал Станислава Тхоржевского, Людвиг Чернецкого, Восания Динго (?) и других поляков в горячей размовке о вчерашней резне. В связках лежали на столе отпечатанные речи Герцена, по 25 экземпляров в связке, по-русски, польски, английски и французски, для раздачи на балу. Говорили, что европейские либералы — Луи Блан, Маццини, Оуэн (!) и другие будут пить тост за царя-освободителя. В этом горячем разговоре мы порешили: бросить брошюры в горящий очаг. Что и было причиной уныния Герцена на балу. И не пили тост... Хотя в толпе при синем свете пушшевого огня Герцен старался быть веселым, Наташа, дочь его, выдала отца, крикнув ему: „Папа! Ты так грустен!“» (М. Вильчур. Русские в Америке, Нью-Йорк, 1918, изд. «Первого русского издательства в Америке», стр. 13—14).

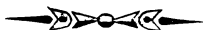
ДВОЮРОДНЫЙ БРАТЕЦ

Печатается по тексту чернового автографа (ЦГАЛИ); первоначальные варианты см. на стр. 282. Перед заглавием рукой Герцена—цифра 11. Впервые опубликовано в ЛН, т. 61, стр. 122.

Набросок статьи «Двоюродный братец» непосредственно связан с полемикой между Герценом и Н. Г. Чернышевским в 1861 г. Подвергая в статье «О причинах падения Рима» («Современник», № 5) резкой критике пессимизм Герцена в отношении исторического развития народов Западной Европы, Чернышевский, обращаясь к Герцену, но не называя его имени, писал: «Рано, слишком рано заговорили вы о дряхлости западных народов: они еще только начинают жить». Чернышевский упрекал Герцена в недооценке исторической активности народных масс, предупреждал его относительно иллюзорности представлений о социалистической природе, свойственной якобы русскому общинному крестьянству (см. стр. 383).

Диалог в «Двоюродном братце» воспроизводит в основных чертах идейное содержание полемики. Сравнение Чернышевского с бароном Видиль, обвинявшимся в намерении убить своего сына ударом рукоятки арапника во время загородной прогулки (дело слушалось в лондонском суде в июле 1861 г.), тогда же встречается в переписке Герцена. Так, в приписке к письму Огарева, адресованному, вероятно, Н. В. Шелгунову и написанному около 1 августа 1861 г. (см. ЛН, т. 62, стр. 420—432), Герцен, имея в виду статью «О причинах падения Рима», писал: «...Чернышевский à la baron Vidil, ехавши дружески возле, вытянул меня арапником».

Герцен отозвался на выступление Чернышевского заметкой «*Repetitio est mater studiorum*». Во вступлении, датированном 30 августа 1861 г., он указывал, что заметка извлечена «из статьи, назначенной в „Полярную звезду“» (см. стр. 143 наст. тома и комментарий к статье). По всей вероятности, набросок «Двоюродный братец» был создан незадолго до этого; вновь обратившись к работе над ответом «Современнику», Герцен повторил некоторые положения своего чернового наброска. Так, в тексте наброска собеседник обвиняет автора в том, что он утверждает, будто «Западу только и спасенье, если он примет какие-то вновь открытые элементы русской жизни»; на это Герцен отвечает: «Ей-богу, mon cousin, я этого никогда не говорил». В заметке «*Repetitio est mater studiorum*» Герцен тоже предполагает возможное возражение: «Ну, где же тот новый элемент, который она вносит в жизнь устарелого Запада, долженствующий пересоздать его?», и разъясняет: «На это пусть отвечают те, которые это говорят. Я этого никогда не говорил». В письме к Огареву от 30 августа 1861 г. Герцен спрашивал: «...можно ли статью назвать „Зады“ вместо „*Repetitio est mater*...“?»; см. также письмо к Огареву от 1 сентября 1861 г. Заключительная фраза наброска: «Пришлось больше помянуть задов, чем хотелось...» также явным образом перекликается с предлагавшимся заголовком статьи в «Колоколе».



РЕДАКЦИОННЫЕ ЗАМЕТКИ, ПРИМЕЧАНИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ

НАРВСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И РУКОПАШНЫЙ КАВАНЬЯК-СМИРНОВ

⟨ЗАКЛЮЧЕНИЕ⟩

Печатается по тексту *К*, л. 91 от 1 февраля 1861 г., стр. 764, где опубликовано впервые, в качестве заключительных строк к тексту корреспонденции.

В анонимной корреспонденции (принадлежащей, видимо, сенатору Д. П. Хрущову — см. об этом *ЛН*, т. 41—42, стр. 613) описывалась экзекуция, учиненная петербургским губернатором Н. М. Смирновым при ликвидации 13—15 ноября 1860 г. волнений крестьян Итовской волости Ямбургского уезда (об этом же см. записи в дневнике В. Ф. Одоевского от 11—13 декабря 1860 г. и 22 января 1861 г.— *ЛН*, т. 22—24, стр. 119, 125—126 и 266—268). О злоупотреблениях Смирнова по должности см. в «Колоколе» корреспонденцию из Петербурга— «Воровство-мошенничество чиновника Арбеньева. С участием гражданского губернатора Смирнова» (*К*, л. 95 от 1 апреля 1861, стр. 801—802). Негодующий отклик на назначение Смирнова сенатором см. в статье Герцена «Сенатские арестантские роты» (стр. 30).

ПРОШЕНИЕ СТУДЕНТОВ КИЕВСКОЙ АКАДЕМИИ

⟨ПРИМЕЧАНИЕ⟩

Печатается по тексту *К*, л. 91 от 1 февраля 1861 г., стр. 764, где опубликовано впервые. Подстрочное примечание сделано к заглавию публикации прошения студентов на имя царя. После примечания в тексте «Колокола» следует подпись: *Ред.*

Характерной приметой индивидуального стиля Герцена в этом редакционном примечании служат строки о «преподавании ангельского чина». Эта же сатирическая терминология встречается и в других статьях Герцена: ср. «Люди благочестивые советовали нам оставить в покое ангельский чин» (в заметке «Распространение иезуитизма в Петербурге», т. XIII наст. изд., стр. 330); «ангельского чина сапер» (в заметке «Во Христе сапер Игнатий», т. XIV наст. изд., стр. 140); «А. Башуцкий (<...>, желавший поступить в ангельский чин» (в статье «Богомокрицы и богосаранча», т. XIV наст. изд., стр. 310); «вы не на шутку ангельского чина» (в статье «Ископаемый епископ, допотопное правительство и обманутый народ», стр. 136 наст. тома) и т. д.

В анонимной статье «Светское и духовное образование» (*К*, л. 86 от 1 декабря 1860 г., стр. 715) говорилось: «В 1858 студенты XX курса Киевской духовной академии, выведенные из терпения беспорядочными и своекорыстными действиями инспектора и ректора заведения, подали об этом в правление академии жалобу на высочайшее имя». К этим строкам сделано было примечание: «Мы поместим ее в следующем листе.— *Ред.*». Прошение, опубликованное в л. 91 «Колокола», не было отправлено царю, так как студентам пришлось взять его назад под нажимом начальства академии.

**ПРОСЬБА М. В. ПЕТРАШЕВСКОГО
Е<ГО> В<ЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ>
ГОСПОДИНУ МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

<ПРИМЕЧАНИЕ>

Печатается по тексту *К*, л. 93 от 1 марта 1861 г., стр. 783, где опубликовано впервые. В *ОК* озаглавлено: *Просьба М. В. Петрашевского.*

Примечание сделано к заключительной строке прошения Петрашевского от 9 мая 1860 г. из Минусинска. Начало прошения было опубликовано в предыдущем листе — *К*, л. 92 от 15 февраля, стр. 770—775. О высылке Петрашевского из Иркутска 27 февраля 1860 г. по распоряжению губернатора Восточной Сибири гр. Н. Н. Муравьева-Амурского см. заметку Герцена «Тиранство сибирского Муравьева», напечатанную в *К*, л. 82 от 1 октября 1860 г. (т. XIV наст. изд., стр. 315). Об этом сообщал Герцену позже и М. А. Бакунин в письме от 1 декабря 1860 г. (см. «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву», Женева, 1896, стр. 58—62).

Герцен опубликовал ряд материалов, связанных с делом петрашевцев и их судьбой. В 1859 г. в «Колоколе» были напечатаны тексты двух прошений Петрашевского в сенат—от 19 декабря 1855 г. и 7 марта 1856 г., а также его объяснительных записок по этому вопросу. В этих документах доказывалось, что следствие и суд по делу петрашевцев были проведены в нарушение принятых форм судопроизводства и приговор являлся незаконным (см. «Юстиция и Михаил Васильевич Бутаевич-Петрашевский» и «Необходимое приложение к прошениям г. Бутаевича-Петрашевского» — *К*, л. 49 от 1 августа, л. 50 от 15 августа, л. 51 от 1 сентября, л. 52 от 15 сентября, л. 53 от 1 октября 1859 г.). Во время посещения Герцена Н. А. Белоголовым летом 1861 г. последний передал «Записку о деле петрашевцев», составленную Ф. Н. Львовым и Петрашевским. Отрывок из нее вошел в публикацию «Львов и Гагарин (Отрывок из записки о деле Петрашевского)», напечатанную в *К*, л. 140 от 1 августа 1862 г. (см. также *ЛН*, т. 63, стр. 165—188). В кн. II «Исторического сборника Вольной русской типографии» (Лондон, 1861) был опубликован «Высочайше конфирмованный 19 декабря 1849 доклад генерал-аудиториата о тит. сов. Бутаевиче-Петрашевском и других лицах» с редакционными примечаниями (см. т. XIV наст. изд.). См. также комментарий к стр. 157.

ЯЗЫКОВ, ДИРЕКТОР ПРАВОВЕДЕНИЯ

Печатается по тексту *К*, л. 93 от 1 марта 1861 г., стр. 786, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

Включено в издание Лемке (*Л* XI, 41) со следующей справкой: «Сверено с подлинником, хранящимся в архиве семьи Герцена» (*Л* XI, 463).

Нынешнее местонахождение «подлинника» неизвестно. В публикации Лемке разночтений с текстом «Колокола» нет.

Настоящая заметка непосредственно связана с заметкой «Еще глупее!» (*К*, л. 85 от 15 ноября 1860 г.), в которой сообщалось о директоре училища правоведения А. П. Языкове, одном из любимцев Николая I, отличившемся при подавлении польского восстания 1830—1831 гг.: «Языков, узнав, что правоведа „запимаются обучением народа грамоте в воскресных школах“ — запретил правоведам учить в воскресных школах, говоря, что это „марает мундир их“» (т. XIV наст. изд., стр. 420).

О роли Языкова в удалении со службы профессора П. В. Павлова см. в наст. томе — «Профессор П. В. Павлов и Тимашевка» (стр. 246). В этой же заметке говорилось о близости Языкова к управляющему III отделением А. Е. Тимашеву. Об училище правоведения см. также комментарий к стр. 23.

〈ВТОРАЯ ЧАСТЬ «СБОРНИКА МАТЕРИАЛОВ О ДЕЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ КРЕСТЬЯН»...〉

Печатается по тексту *К*, л. 93 от 1 марта 1861 г., стр. 788, где опубликовано впервые, без заглавия. Заглавие дается по начальным словам объявления, заключавшего лист «Колокола».

В *К*, л. 85 от 15 ноября 1860 г. была напечатана заметка «Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование имп. Александра II, Berlin, F. Schneider» (см. т. XIV наст. изд.). В ней Герцен извещал о выходе в свет первой части этой анонимно вышедшей книги. В письме к И. С. Тургеневу от 9 ноября 1860 г. Герцен интересовался: «Не знаешь ли ты, любезный Тургенев, кто издал „Исторические материалы по делу освобождения крестьян“ в Берлине? Замечательно хорошо и умно составленная книга; если знаешь, напиши». С просьбой сообщить имя автора Герцен вскоре обращался и к кн. П. В. Долгорукову: «Знаете ли вы, кто писал преинтереснейшую книгу об истории освобождения крестьян? Мы не имеем понятия».

На вторую часть сборника «Материалов» Герцен ссылается (приводя из него цитату для характеристики рязанского губернатора Н. М. Муравьева) в своей статье «Накануне», напечатанной в том же листе «Колокола», в котором опубликовано и настоящее извещение о выходе книги (см. стр. 34 наст. тома). В «Письме к Гарибальди», датированном 21 ноября 1863 г., Герцен снова вспоминает эту книгу и передает рассказ ее автора о популярности Гарибальди среди русского простонародья (*К*, л. 177 от 15 января 1864 г., т. XVIII).

В заметке «Русская заграничная литература» Герцен извещал о выходе «III части превосходно составленных „Материалов“ для истории освобождения крестьян» (см. т. XVI наст. изд., стр. 281).

Вскоре после выхода второй части книги в журнале кн. П. В. Долгорукова «Будущность» сообщалось, что документы и материалы, вошедшие в нее, «сообщены были Милютинным заведывающему земским отделом Центрального статистического комитета Якову Александровичу Соловьеву, который и напечатал их за границею» («Будущность», 20 июня 1861 г., № 13, стр. 102). Однако через несколько лет в журнале другого русского эмигранта Л. П. Блюммера составителем «Материалов...» назван был сенатор Д. П. Хрущов («Европеец», 7 марта 1864 г., № 5, стр. 18). В написанных впоследствии Соловьевым воспоминаниях он опровергал слухи о своем участии в составлении «Материалов...» и указывал на

того же Хрущова как вероятного автора книги: «По общим слухам, автором „Материалов“ был, ныне покойный, Д. П. Хрущов, бывший товарищ министра государственных имуществ и оставивший министерство при назначении министром Муравьева. Было время, что меня считали автором этого издания, о чем упоминалось в некоторых зарубежных изданиях, но я не только не был автором, а даже не знал долго об этом слухе. Я также не подозревал, что Хрущов занимался этим изданием» («Русская старина», 1881, № 2, стр. 233—234).

⟨В СКОРОМ ВРЕМЕНИ ВЫЙДЕТ У ГГ. ТРЮБНЕРА И К^{ни}...⟩

Печатается по тексту *К*, л. 93 от 1 марта 1861 г., стр. 788, где опубликовано впервые, без заглавия. Заглавие дается по начальным словам объявления, заключавшего лист «Колокола».

Перевод «Сущности христианства» Л. Фейербаха был выполнен будущим фольклористом П. Н. Рыбниковым, скрывшимся под псевдонимом Филадельф Феомахов. Об этом переводе Я. Н. Ханьков писал Герцену 31 октября 1861 г. из Гейдельберга: «Перевод „Сущности христианства“, как я слышал, сделан Рыбниковым. Его имя ручается за достоинство перевода. Я лично знаю Рыбникова еще по университету» (*ЛН*, т. 62, стр. 706).

В том же 1861 г. Фейербах сделал Трюбнеру предложение издать в русском переводе и другие его произведения и сослался при этом на настоящую рекомендацию издания его «Сущности христианства». 31 октября он писал Трюбнеру: «За достоинство перевода моей „Сущности христианства“ говорит одобрение и рекомендация знаменитого писателя Александра Герцена» («Ludwig Feuerbach in seinem Briefwechsel und Nachlaß, sowie in seiner philosophischen Charakterentwicklung dargestellt von Karl Grün», B-de II, 1872, S. 144—145).

О впечатлении, произведенном в 1842 г. на Герцена книгой Фейербаха «Das Wesen des Christentums», и значении идей этого произведения в формировании его материалистического мировоззрения см. в «Былом и думах», гл. XXV (т. IX наст. изд., стр. 27).

«ВОСПОМИНАНИЕ О КОНДРАТЬЕ ФЕОДОРОВИЧЕ РЫЛЕЕВЕ»

⟨ЗАКЛЮЧЕНИЕ⟩

Печатается по тексту *ПЗ* на 1861, кн. VI, стр. 30, где опубликовано впервые, в качестве редакционного послесловия к публикации статьи.

Шестая книжка «Полярной звезды» вышла в свет около 15 марта 1861 г. (см. письмо Герцена к сыну от 24 февраля 1861 г. и объявления в «Колоколе» — л. 93, стр. 788 и л. 94, стр. 796).

Воспоминания напечатаны в *ПЗ* с подзаголовком: *Из собственноручной рукописи Н. А. Бестужева.*

Включено в издание Лемке (*Л* XI, 53).

Воспоминания Н. А. Бестужева о К. Ф. Рылееве были напечатаны в «Полярной звезде» не в полном виде: они обрывались рассказом о последнем прощании Бестужева с Рылеевым перед арестом. После настоящего обращения к читателям с просьбой о доставлении в Лондон окончания воспоминаний оно было прислано Герцену из России и опубликовано под заглавием «Из записок Николая Бестужева» в *ПЗ* на 1862, кн. VII, вып. второй, стр. 1—7. Прислал этот материал Герцену, по всей

видимости, историк М. И. Семевский, располагавший архивом Бестужева (см. письмо М. А. Бестужева к Семевскому от 28 июня 1862 г.— «Воспоминания Бестужевых», М., 1951, стр. 454).

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

<ПИСЬМО П. Я. ЧААДАЕВА — ИСТОРИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ...>

Печатается по тексту *ПЗ* на 1861, кн. VI, стр. 141, где опубликовано впервые, в качестве предисловия к публикации: «Философические письма П. Я. Чаадаева к г-же***». В оглавлении *ПЗ* публикация имела несколько другое заглавие: *Письмо П. Я. Чаадаева (из «Телескопа»)*.

Шестая книга «Полярной звезды» вышла в свет около 15 марта 1861 г. (см. в предыдущем комментарии).

Включено в издание Лемке (*Л XI*, 56—57).

На страницах «Былого и дум» Герцен дал портрет П. Я. Чаадаева и рассказал о впечатлении, произведенном на русское общество его «Философическим письмом», напечатанным в «Телескопе», 1836, № 15: «Это был выстрел, раздавшийся в темную почву < . . . > „Письмо“ Чаадаева потрясло всю мыслящую Россию» (т. IX наст. изд., стр. 139—148; см. также в книге «О развитии революционных идей в России», т. VII наст. изд., стр. 221—223).

СТАТС-СЕКРЕТАРЬ КАРНИЦКИЙ И ИНЖЕНЕР КРЖЕКОВСКИЙ

<ЗАКЛЮЧЕНИЕ>

Печатается по тексту *К*, л. 94 от 15 марта 1861 г., стр. 796, где опубликовано впервые, в качестве заключительных строк к тексту корреспонденции, которая в *ОК* озаглавлена: *Статс-секретарь Карницкий*. После строк заключения в тексте «Колокола» следует подпись: *Ред.*

В корреспонденции, напечатанной с подзаголовком «Письмо к издателям», сообщалось о махинациях в делах по содержанию шоссе дорог I разряда в Польше и о покровительстве подрядчикам со стороны статс-секретаря при Совете управления Царства Польского. В письме упоминалось также о запрещении распространения в Познани «Колокола».

О вызове статс-секретаря И. Н. Карницкого в Петербург в связи с событиями в Варшаве 15(27) февраля 1861 г. см. заметку «Муханов с Вислы уехал!» и комментарий к ней (стр. 63 и 330).

ЕЩЕ О ШЕСТАКОВЕ И КРОТОСТИ ЕГО

Печатается по тексту *К*, л. 96 от 15 апреля 1861 г., стр. 812, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь». В *ОК* озаглавлено: *Шестаков*.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л XI*, 74).

Заметка эта является ответом на попытку защитить капитана 1 ранга И. И. Шестакова, командира фрегата «Генерал-адмирал», от обвинений по его адресу в статье «Фрегат „Генерал-адмирал“ и швабра». Там же говорилось о получении письма с обещанием прислать «лист подписей офицеров и гардемарин» с опровержением фактов, приведенных в статье (см. выше, стр. 39, а также в комментарии к статье, стр. 315). Письмо

с подписями так и не было прислано в редакцию «Колокола». В заметке «Лесовский здоровствует», сообщая о получении новых подробностей о грубом обращении на «Генерал-адмирале», Герцен опять спрашивал: «А что же обещанная подпись всех офицеров?» (стр. 204). См. также по этому поводу объяснительную заметку «Еще о „Генерал-адмирале“» (т. XVI наст. изд.),

В ЗАЩИТУ Г-НА КАРНИЦКОГО

Печатается по тексту *К*, л. 96 от 15 апреля 1861 г., стр. 812, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

О статс-секретаре И. Н. Карницком см. выше, стр. 426.

〈ПРИСЛАННЫЕ ДЕНЬГИ〉

Печатается по тексту *К*, л. 96 от 15 апреля 1861 г., стр. 812, где опубликовано впервые в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из *ОК*. Включено в издание Лемке (*Л* XI, 74).

〈ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ〉

〈ИЗДАТЕЛИ «КОЛОКОЛА» ОБРАЩАЮТСЯ КО ВСЕМ ЧИТАТЕЛЯМ...〉

Печатается по тексту *К*, л. 100 от 1 июня 1861 г., стр. 837, где опубликовано впервые, без заглавия. Заглавие взято из *ОК*. Этими строками, выделенными в тексте особым шрифтом (курсивом), открывается лист «Колокола».

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 104).

Обращение это предшествует в «Колоколе» публикации «Матриролог крестьян», в которой рассказывалось о подавлении при помощи войск крестьянских волнений в Казанской, Петербургской и Витебской губерниях (см. далее, стр. 257). В предыдущем листе «Колокола» была напечатана статья Герцена «Русская кровь льется!» (стр. 90). Статья Герцена «12 апреля 1861», в которой сообщалось о подробностях расстрела крестьян в Бездье, кончалась аналогичной просьбой: «Имена, имена—умоляем об именах офицеров, участвовавших в приготовлении тел и червей, собиравшихся попировать на трупах» (стр. 109).

ПОПРАВКА

Печатается по тексту *К*, л. 100 от 1 июня 1861 г., стр. 844, где опубликовано впервые.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 106).

Поправка имеет в виду устранение неточностей в заметках «Прусский консул Бергер, исправляющий должность наместника Царства Польского, и храбрый генерал Мейендорф из Курляндии» (см. выше, стр. 86) и «Васильчикова и Рейнгардт досхали Пирогова» (см. выше, стр. 100).

О ВЫХОДЕ КНИГИ БОКЛЯ «HISTORY OF THE CIVILISATION IN ENGLAND»

Печатается по тексту *К*, л. 100 от 1 июня 1861 г., стр. 844, где опубликовано впервые, без заглавия.

Настоящая информационная заметка продолжает ставшие в «Колоколе» традиционными со времени его основания извещения и рекомендации важнейших литературных новинок. О намерении «извещать <...> о всех особенно замечательных книгах, выходящих в Европе», Герцен впервые писал в заметке «Нашим анонимным корреспондентам», напечатанной в *К*, л. 4 от 1 октября 1857 г. (т. XIII наст. изд., стр. 48). Еще определеннее об этой задаче Герцен заявлял в статье «Западные книги» (*К*, л. 6 от 1 декабря 1857 г.): «Многие из писавших к нам,— говорилось в этой статье,— изъявляли желание, чтоб мы указывали в „Колоколе“ на важнейшие литературные произведения на Западе <...> С удовольствием исполним мы их желание и именно будем *указывать* на книги— но не больше; разборы их отвлекли бы нас от наших занятий, которые все в России, в русских делах и книгах, а не в западных людях и интересах» (т. XIII наст. изд., стр. 92). В этой же статье Герцен давал краткий обзор «Истории XVI столетия» Ж. Мишле, «Истории французской революции» Луи Блана, «Истории Консулата и Империи» Тьера и других книг. Герцен и в дальнейшем продолжал информировать читателей о выходе новых книг: см. «Russia by a recent traveller, London, 1859», «Programme de la Sainte-Alliance des Peuples», «Новые книги», «Revue Прудона» (т. XIV наст. изд.), «Вторая часть „Сборника материалов о деле освобождения...“», «В скором времени выйдет у гг. Трюбнера и К^{ни} „Сущность христианства...“» (стр. 226 наст. тома); «Huxley и его чтения», «The serbian nation and the Eastern question...» (т. XVII наст. изд.) и т. п.

Книгу Бокля Герцен относил, наряду с книгой Дарвина, к числу «особенно замечательных» (см. заметку «Huxley и его чтения», т. XVII). О выходе в свет первой части книги Герцен писал в 1860 г. в статье «Религиозное значение „СПб. ведомостей“»: «... Мы рекомендуем с своей стороны „History of Civilisation in England by H. T. Buckle“ — труд добросовестный, ясный, глубоко задуманный и в котором искры нет пиетизма» (т. XIV наст. изд., стр. 283). Горячим пропагандистом этой книги Герцен заявлял себя и в письме к Н. М. Сатину от 29 мая 1860 г.: «Посылаю тебе превосходнейшую книгу: „History of Civilisation in England“. Прошу заняться ею, а когда воротиться, задай Щепкину мысль перевести и издать (хотя с сокращениями)». В русском переводе К. Бестужева-Рюмина «История цивилизации в Англии» печаталась отрывками в «Отечественных записках» за 1860—1862 гг., а затем вышла отдельным изданием в Петербурге в двух томах (в 1863—1864 гг.); в 1862—1863 гг. в Петербурге же вышло в свет издание книги в переводе А. Н. Буйницкого и Ф. Н. Ненарокова. Получив ошибочную информацию о запрете книги, Герцен с возмущением писал в заметке «Ah, les misérables!»: «„История цивилизации“ Бёкля, эта спокойная, благородная книга,— и она запрещена. Какое жалкое и гадкое варварство!» (т. XVI наст. изд., стр. 242). В «Алфавитном списке сочинений, рассмотренным иностранно ценсурой в июне 1861 года, с показанием состоявшихся по оным решений» книга Бокля числится дозволенной к обращению.

В статье «Поправки и дополнения» Герцен с насмешкой писал о гр. В. П. Орлове-Давыдове, который в московском дворянском собрании 9 января 1865 г., поддержанный «московским помещичеством», потребовал ограничения книгопечатания и заявил: «Я вижу в настоящее время не одно материальное расстройство; я вижу еще попытки с разных

сторон потрясти все нравственные понятия, в которых мы были воспитаны. С какою целью переводят на наш язык и печатают книги вроде Бокля (!!!), отвергающего всякое участие провидения в человеческих делах?» (т. XVIII наст. изд.). Об этой «плоской речи» Орлова-Давыдова и его выпаде против книги Бокля, запомнившимся Герцену, он не раз упоминал впоследствии (см. статьи «К концу года», «Из Петербурга» — тт. XVIII—XIX наст. изд.).

⟨ПРИСЛАВШЕГО НАМ 25 ФУНТОВ...⟩

Печатается по тексту *К*, л. 101 от 15 июня 1861 г., стр. 852, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие дается по начальным словам заметки.

Включено в издание Лемке (*Л* XI, 128).

В Генуе, по почину польских эмигрантов, был организован под почетным председательством Гарибальди Комитет помощи изгнанникам-полякам. Зная о горячем сочувствии Герцена польскому национально-освободительному движению, анонимные жертвователи направляли деньги в редакцию «Колокола» для передачи в Комитет.

⟨НАС СПРАШИВАЮТ ИЗ ПЕТЕРБУРГА...⟩

Печатается по тексту *К*, л. 101 от 15 июня 1861 г., стр. 852, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие дается по начальным словам заметки.

Включено в издание Лемке (*Л* XI, 128).

Объявление о выходе VI книжки «Полярной звезды» было напечатано в *К*, л. 94 от 15 марта 1861 г. Герцен заранее извещал своих корреспондентов о предстоящем появлении новой книги альманаха. 27 января 1861 г. он писал Т. П. Пассек о намерении Н. Трюбнера печатать «Полярную звезду». 4 февраля он сообщил И. С. Тургеневу, что «Полярная звезда» уже печатается. 24 февраля в письме к сыну говорилось: «„Полярная звезда“ выйдет к 15 марта». 20 марта Герцен спрашивал С. Тхоржевского: «А что „Полярная звезда“ VI кн.? Мне ее очень нужно». Это внимание определялось прежде всего интересом Герцена к откликам на главу из «Былого и дум» — «Роберт Оуэн», напечатанную в этой книге. 4 февраля 1861 г. Герцен обещал Тургеневу прислать главу «в листах». 24 февраля он же писал сыну: «Я очень желаю, чтобы ты серьезно изучил статью о Р. Оуэне». В ответ на слова Тургенева в его письме: «Об „Оуэне“ я еще не успел прочесть» (*Письма КТГ*, стр. 139) Герцен 28 марта настаивал на письменном отзыве: «Об „Оуэне“ все-таки жду».

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

⟨МЫ ПОЛУЧИЛИ БЛАГОРОДНОЕ, ПРЕКРАСНОЕ ПИСЬМО...⟩

Печатается по тексту *К*, л. 102 от 1 июля 1861 г., стр. 860, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

Включено в издание Лемке (*Л* XI, 136) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из записки Чернецкого, хранящейся в архиве семьи Герцена» (*Л* XI, 467). Нынешнее местонахождение этой «записки» неизвестно.

Письмо о польских делах, написанное русским офицером, упоминаемое в заметке, в «Полярной звезде» напечатано не было. Возможно, здесь идет речь о письме русского офицера, которое Герцен приводит в своей статье «Русские женщины — женщинам польским», напечатанной в следующем номере «Колокола» (см. стр. 127—128 наст. тома).

VII КНИЖКА «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ»

Печатается по тексту *К*, л. 102 от 1 июля 1861 г., стр. 860, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

Включено в издание Лемке (*Л* XI, 146) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из записки Чернецкого, хранящейся в архиве семьи Герцена» (*Л* XI, 467). Нынешнее местонахождение этой «записки» неизвестно.

План издания «четыре или больше» выпусков «Полярной звезды» в год осуществлен не был. VII книжка вышла в двух выпусках. В *К*, л. 106 от 1 сентября 1861 г. было напечатано извещение о выходе в свет первого выпуска «Полярной звезды» на 1862 г. В этом выпуске среди другого материала были опубликованы отрывки «Из записок Ивана Дмитриевича Якушкина» и отрывок «Из ненапечатанной части „Былого и дум“» — «Юная Москва тридцатых годов (Круг Станкевича)», вошедший затем в гл. XXV (см. т. IX наст. изд., стр. 34—46). Извещение о поступлении в продажу второго выпуска VII книжки «Полярной звезды» на 1862 г. напечатано было в *К*, л. 135 от 1 июня 1862 г. «Записки Ивана Дмитриевича Якушкина» полностью опубликованы были в сборнике «Записки декабристов», вып. 1, вышедшем также в 1862 г.

А. В. ПОДЖИО И ЕГО ПЛЕМЯННИКИ

Печатается по тексту *К*, л. 103 от 15 июля 1861 г., стр. 868, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

О недобросовестном поступке племянников А. В. Поджио Герцен узнал от Н. А. Белоголового во время его приезда в Париж в конце июня — начале июля 1861 г. Вспоминая впоследствии эту встречу с Герценом, Белоголовый приводит содержание своего «письма» на имя редактора «Колокола», «в котором говорилось, что он ошибается, утверждая, что все декабристы, за исключением Анненкова, получили после амнистии от своих родственников, владевших за время их ссылки перешедшими к ним именьями, полное восстановление своих имущественных прав, что к Анненкову надо присоединить А. В. Поджио, не получившего своей доли и имущества от племянника А. О. Поджио, во владении которого оно все время находилось» (Н. А. Белоголовый й. Воспоминания и другие статьи, СПб., 1904, стр. 106). Сопоставление приводимого Белоголовым «письма» с действительным текстом, напечатанным в «Колоколе» (в котором при этом корреспонденция не отделена от редакционного текста ни кавычками, ни прифтоном), позволяет предположить, что настоящая заметка в целом представляет собой редакционное изложение фактов, сообщенных Белоголовым. (Рассказ о том, как А. В. Поджио был встречен после возвращения из Сибири племянником в его имении в Торопецком уезде Псковской губернии, где он прожил несколько месяцев, см. в «Воспоминаниях» Белоголового, стр. 86).

В *К*, л. 135 от 1 июня 1862 г. была помещена заметка под тем же заглавием — «А. В. Поджио и его племянники», в которой сообщалось: «С истинным удовольствием спешим уведомить наших читателей, что старший племянник Поджио, Александр Осипович, честно и добросовестно рассчитался с дядей» (см. т. XVI наст. изд., стр. 289).

Об аналогичном поступке генерал-адъютанта Н. Н. Анненкова, который «не пощадив своего племянника, сосланного по 14 декабря, воспользовался его именем и не возвратил его после его возвращения», Герцен упоминал дважды — в статье «Souvenirs modestes о цензуре Корфа» (т. XIV наст. изд., стр. 447) и в «Россиаде. IV» (т. XVII наст. изд.).

Видимо, также со слов Белоголового аналогичная заметка помещена была под заглавием «Поступок господ Поджио» в журнале кн. П. В. Долгорукова «Будущность» от 4 августа 1861 г., № 15, стр. 119.

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ <С ИСКРЕННЕЙ БЛАГОДАРНОСТЬЮ ИЗВЕЩАЕМ...>

Печатается по тексту К, л. 104 от 1 августа 1861 г., стр. 876, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

Включено в издание Лемке (*Л XI*, 164).

Стр. 229. ... для польских изгнанников, участвовавших в итальянской войне.— Во время австро-итало-французской войны 1859 г. в рядах гарибальдийского корпуса добровольцев сражались многие поляки-эмигранты.

ДЕЛО, В КОТОРОМ МИНИСТР ФИНАНСОВ КНЯЖЕВИЧ ОКАЗАЛСЯ ДАМСКИМ ЛЕКАРЕМ И ЛЮБЕЗНЫМ КАВАЛЕРОМ

<ВВЕДЕНИЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ>

Печатается по тексту «Под суд!», л. 11 от 1 августа 1861 г., где опубликовано впервые: вводные строки к тексту прошения студента И. С. Ефимова — на стр. 91, заключение — на стр. 93. В оглавлении к л. 11 «Под суд!» публикация озаглавлена: *Княжевич, дамский доктор, и Игнатъев, его помощник.*

Студент Ефимов в своем прошении в сенат о взыскании с вдовы действительной статской советницы Голяминой должных ему ста рублей оспаривал законность действий генерал-губернатора Игнатъева, который, на основании представленного ему свидетельства министра финансов Княжевича о «кротком характере и праве» вдовы и о необходимости ей безотлагательно выехать за границу для лечения, отказал истцу, а Голяминой разрешил выдать паспорт для выезда. В заключение Ефимов просил взыскать деньги с Игнатъева «с предоставлением ему права получить самому с г-жи Голяминой, когда возвратится она».

ТАМБОВСКИЙ ГУБЕРНАТОР ДАНЗАС И ЕЛАТОМСКИЙ ИСПРАВНИК МОСОЛОВ

<ЗАКЛЮЧЕНИЕ>

Печатается по тексту «Под суд!», л. 11 от 1 августа 1861 г., стр. 94, где опубликовано впервые.

В оглавлении к л. 11 «Под суд!» публикация озаглавлена: *Данзас и Мосолов.* После заключительных строк в тексте «Колокола» следует подпись: *Ред.*

Приведенные строки следовали за текстом корреспонденции, в которой рассказывается о притеснении крестьян в 1856 г. со стороны помещицы Мосоловой. По ее жалобе губернатор Данзас подверг крестьян наказанию. Учиненное затем следствие установило невиновность крестьян и незаконие в действиях губернатора. Однако Данзасу удалось замять дело, чему способствовал исправник, брат помещицы.

О тамбовском губернаторе Данзасе, высланшем, по требованию откупщиков, военную команду «для усмирения *непьющих*», см. заметку Герцена «Смерть или козущку!» (т. XIV наст. изд., стр. 145). См. о нем же заметку «Набег немецких татар в Тамбовскую губернию» (т. XIV наст. изд., стр. 251).

В ЗАЩИТУ ГАМАЛЕЯ

⟨ПРИМЕЧАНИЕ⟩

Печатается по тексту «Под суд!», л. 11 от 1 августа 1861 г., стр. 94, где опубликовано впервые, с подзаголовком в скобках: «*Под суд!*», л. 10, 1 ноября 1860 г. В оглавлении к л. 11 «Под суд!» публикация озаглавлена: *За Гамалея*.

Публикация открывалась в «Под суд!» следующими редакционными строками: «После длинного вступления, не идущего к делу, защитник продолжает...». Далее следовал текст самой корреспонденции. Приводимое в настоящем издании подстрочное примечание сделано к фразе: «Когда обнаружилась растрата сумм в коммерческом суде, Новороссийским краем управлял г. Федоров».

Комментируемые строки показательны для отношения Герцена к стилю получаемых корреспонденций и принятой в них форме обращения. Он многократно заявлял о своем «всесовершеннейшем презрении» к «брани» и «ругательствам», выраженных в письмах, к «сквернословию каких-нибудь синодальных писарей и семинарских риториков» (см. «От Искандера» — т. XIV наст. изд., стр. 205, «Еще о ретроградном архимандрите и не прогрессивном Озере, посланнике афинском» — т. XIV наст. изд., стр. 249). «Крепкие замечания», «грубый тон» корреспондентов Герцен объяснял тем, что «русские слишком привыкли говорить на ценсурных помочах, чтоб иметь *такт делов*» («От издателей», т. XIV наст. изд., стр. 250). «Недостаток такта, чутья, декорума» всегда коробил Герцена, который предупреждал корреспондентов: «...Мы считаем положительным неприличным передавать ругательные выражения оправдывающихся — не против нас (...), а против *подозреваемых ими* корреспондентов» («Поправки, возражения, оправдания» — т. XIV, стр. 437). Публикуя корреспонденции, Герцен не раз замечал, что редакция печатает материал, «опуская, по принятому нами правилу, брань против противников...» («По делу иркутской дуэли», т. XIV наст. изд., стр. 379). К «Письму в редакцию по поводу дуэли Беклемишева с Неклюдовым» снова сделано было подобное же примечание: «Мы приняли за правило брань вообще, и особенно брань, не идущую к оправданию, не печатать» (т. XIV наст. изд., стр. 380).

В статье «Дело Гамалея, президента одесского коммерческого суда», напечатанной в «Под суд!», л. 10 от 1 ноября 1860 г., стр. 88—90, рассказывалось о «воиющих злоупотреблениях» и хищениях казенных сумм, а также о пристрастном ведении следствия по этому делу, в результате чего «настоящие виновники этого дела оставлены следствием, а Гамалей присужден к уплате незначительной части растроченных им одним

денег». Автор корреспонденции «В защиту Гамалея», являвшийся одним из производителей дела о растрате сумм в одесском коммерческом суде, в своем письме доказывал, что Ф. М. Гамалей был оклеветан.

МРАКОБЕСИЕ ЦЕНСУРЫ

Печатается по тексту *К*, л. 106 от 1 сентября 1861 г., стр. 890—891, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 221).

После вступительных редакционных строк следует текст двух предложений Главного управления цензуры Московскому цензурному комитету — от 21 и 28 апреля 1861 г.

<БЕРЛИНСКОЕ ИЗДАНИЕ «СТИХОТВОРЕНИЙ А. ПУШКИНА» Г-НА Р. ВАГНЕРА>

Печатается по тексту *К*, л. 106 от 1 сентября 1861 г., стр. 892, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из *ОК*.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 225).

Отклик на выход в свет книги «Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений» был также напечатан в журнале кн. П. В. Долгорукова «Будущность», в заметке «Новые книги» (21 октября 1861 г., № 24, стр. 168).

ОТ РЕДАКЦИИ <СТАТЬИ ОБ АРНАУТОВЫХ...>

Печатается по тексту *К*, л. 106 от 1 сентября 1861 г., стр. 892, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

ПРАЗДНОВАНИЕ СОЕДИНЕНИЯ ЛИТВЫ С ПОЛЬШЕЙ В КОВНЕ

<ЗАКЛЮЧЕНИЕ>

Печатается по тексту *К*, л. 107 от 15 сентября 1861 г., стр. 898, где опубликовано впервые, в качестве заключительных строк к тексту корреспонденции, озаглавленной: «Из письма к издателям „Колокола“ от одного русского».

Письмо заключало подробный отчет об избииении 12 августа 1861 г. участников торжественной церемонии в память соединения Литвы с Польшей. Тому же корреспонденту из Ковно принадлежало, по всей видимости, обширное письмо «Из Витебска до Ковна», напечатанное в *К*, л. 128 от 8 апреля, л. 129 от 15 апреля и л. 130 от 22 апреля 1861, стр. 1065—1067, 1074—1076 и 1084—1083. В конце этого письма автор сообщал коротко о преследованиях в Ковне после торжеств в связи с празднованием соединения Литвы с Польшей: «Вот уже почти 3 месяца не был я в Ковне, т. е. с последней процессии 31 июля (12 августа). Не стану ее снова

описывать, потому что можно прочесть об этом в „Колоколе“ за август⁽¹⁾ месяц, но повторим вкратце, что было после» (стр. 1082). Там же корреспондент отмечал, что в сообщении об этих событиях, напечатанном в «Колоколе», умышленно не говорится о некоторых фактах, в частности о столкновении во время процессии инженера Кулаковского, заведующего мостом, с полицмейстером М. С. Васильевым — «о чем тогда нарочно выпустил в письме в „Колоколе“ (лист 107)» (там же); см. также в комментарии к заметке «Васильев и Назимов», стр. 444 наст. тома.

CURRICULUM VITAE ЛАМБЕРТА

Печатается по тексту *К*, л. 108 от 1 октября 1861 г., стр. 908, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 242).

Начало деятельности генерал-адъютанта графа К. К. Ламберта как наместника Царства Польского (с 6 августа по 11 октября 1861 г.) ознаменовалось некоторыми либеральными мерами, имевшими целью предотвратить революционное выступление польского народа против русского правительства (см. об этом воспоминания генерал-майора В. А. Докудовского в «Трудах Рязанской ученой архивной комиссии» за 1897 и 1898 гг.). И. С. Тургенев, хорошо знавший графа Ламберта, писал о нем 5 июня 1861 г. жене его брата: «Едва ли он оставит след по себе (. . .) Следы оставляют только энтузиасты или сухие дельцы, а он ни то, ни другое» («Письма И. С. Тургенева к графине Е. Е. Ламберт», М., 1915, стр. 127).

Настороженный и предупреждающий тон заметки Герцена был вызван участием Ламберта в августовских репрессиях во время национальных торжеств в Польше (см. выше «Празднование Литвы с Польшей в Ковне»). Активная роль Ламберта в жестоком подавлении волнений, вспыхнувших в Польше в сентябре-октябре 1861 г., укрепила Герцена в его отрицательном отношении к новому наместнику (см. о нем в наст. томе «Исполин просыпается!», в т. XVI наст. изд.— «По экзамену единица», в т. XVII наст. изд.— «Граф Ностиц»). Карьера графа Ламберта оборвалась в связи с его столкновениями с Варшавским военным губернатором генералом А. Д. Герштенцвейгом и самоубийством последнего в результате «американской дуэли» с наместником. После этого Ламберт сложил с себя обязанности начальника края и оставил Варшаву. Как отмечает в своих записках сенатор К. И. Фисер, «Россия в первый раз услышала о дезертирстве не из рядовых, а из наместников» («Исторический вестник», 1908, № 10, стр. 66).

⟨УВЕДОМЛЕНИЕ⟩

Печатается по тексту *К*, л. 108 от 1 октября 1861 г., стр. 908, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из *ОК*. Эти строки выделены были в тексте «Колокола» особым шрифтом (курсивом).

Включено в издание Лемке (*Л* XI, 242).

О готовности открыть при редакции «Колокола» подписной лист в пользу «несчастливых юношей, отгоняемых за бедность евнухами императорского просвещения», Герцен извещал в заметке «Генерал Филипсон попечителем Петербургского университета» (стр. 150 наст. тома).

<ИЗВЕЩЕНИЕ>

<ИЗДАТЕЛИ ИЗВЕЩАЮТ ГГ. ПОСЛАВШИХ...>

Печатается по тексту *К*, л. 110 от 1 ноября 1861 г., стр. 924, где опубликовано впервые в отделе «Смесь», без заглавия; заглавие взято из *ОК*. В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 267).

Стр. 233. ...о получении «Краткого журнала генерала Толя»... — Рукопись «Краткого журнала» графа К. Ф. Толя о пребывании в действующей армии в 1831 г., когда он командовал войсками, занявшими Варшаву, сохранилась в архиве Герцена—Огарева (см. *ЛН*, т. 63, стр. 864). ... статьи о Пирогове ... — Статья «Н. И. Пирогов», рассказывающая о его общественной деятельности, напечатана была в *К*, л. 118 от 1 января 1862 г., стр. 983—988, с редакционным примечанием (см. т. XVI наст. изд., стр. 277).

НОВЫЙ СУД В КОВНЕ

<ПРИМЕЧАНИЕ>

Печатается по тексту *К*, л. 112 от 15 ноября 1861 г., стр. 937, где опубликовано впервые, в качестве подстрочного примечания к заглавию публикации.

В корреспонденции рассказывалось о деятельности «драгоценного дара либеральных министров — временного полицейского суда, предвестника предполагаемой в России реформы судостроительства и судопроизводства». Письмо содержит подробное описание пристрастного расследования дел в связи с пением поляками «возмутительного гимна» 10 сентября 1861 г.

МОСКОВСКАЯ БОЙНЯ СТУДЕНТОВ

<ВВЕДЕНИЕ>

Печатается по тексту *К*, л. 113 от 22 ноября 1861 г., стр. 942, где опубликовано впервые, перед текстом корреспонденции. К строкам в корреспонденции о том, «что у трех студентов в кармане нашли *кинжалы* или ножи», сделано следующее подстрочное примечание:

«Оказалось, что и их подбросила полиция.— *Ред.*».

Автором письма, в котором рассказывалось о студенческих волнениях в Москве в октябре 1861 г., являлась гр. Е. В. Салиас (см. «За кулисами политики и литературы. Воспоминания Е. М. Феоктистова», Л., 1929, стр. 368). Она не скрывала своего сочувственного отношения к движению студентов Московского университета, в числе которых находилась и ее сын. Ожидая возможных осложнений со стороны III отделения и опасаясь высылки, гр. Салиас выехала 25 ноября за границу (см. *ЛН*, т. 39—40, стр. 259).

В письме гр. Салиас говорилось о событиях 5—15 октября 1861 г. в Москве. В ночь с 11 на 12 октября начались аресты среди студентов, участвовавших в происшедшей накануне сходке по поводу составления адреса Александру II с просьбой отменить новый университетский устав. Совет Московского университета отказался принять от студентов адрес и обратился за помощью к полиции, чтобы прекратить студенческие беспорядки. 12 октября студенты отправились к дому московского генерал-губернатора П. А. Тучкова, который еще раньше разрешил им составление адреса и обещал свое содействие в его передаче. Однако Тучков

уклонились от объяснения с демонстрантами, а полицейские отряды, окружившие Тверскую площадь, подвергли студентов избиению.

О событиях в сентябре-октябре 1861 г. в Москве см. сводку С. Ашевского «Русское студенчество в эпоху шестидесятих годов» («Современный мир», 1907, № 6—7), а также: А. А. Т и т о в. Студенческие беспорядки в Московском университете в 1861 году (из бумаг О. М. Бодянского), М., 1905, стр. 3—16.

Стр. 233. ... знаменитый Сечинский. От убийства несчастной девушки, принесенной в жертву поддержанию законной власти Марии Брeдау. . . — См. комментарий к стр. 32.

⟨АДРЕС ПОЛЬСКИХ ДАМ⟩

Печатается по тексту *К*, л. 113 от 22 ноября 1861 г., стр. 948, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из *ОК*.

Включено в издание Лемке (*Л* XI, 353).

О получении Герценом ряда адресов с благодарностью за выраженное в статьях Герцена участие в связи с событиями в Польше см. в комментарии «К издателю „Przeglądu Rzeczy Polskich“, стр. 367 наст. тома.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ГОНЕНИЯ СТУДЕНТОВ ПРИ АЛЕКСАНДРЕ II

⟨ПРИМЕЧАНИЕ И РЕДАКЦИОННАЯ ВСТАВКА⟩

Печатается по тексту *К*, л. 114 от 1 декабря 1861 г., стр. 951 и л. 116 от 15 декабря 1861 г., стр. 967, где опубликовано впервые.

В первом отрывке приводится подстрочное примечание, сделанное к следующим словам о Е. В. Путятине в тексте главы I «Материалов для истории гонения...», озаглавленной «Перечень событий в Петербурге»: «Было только очевидно, что министр налагает руку на университет и замышляет что-то недоброе. Это недоброе сбылось: сотни молодых людей сидят в Петропавловской крепости, около двухсот человек перевезено теперь в Кронштадтскую крепость, и все эти жертвы—сердце обливается кровью—нужны были только для того, чтобы убедить всех и каждого, что такой изувер, как Путятин,—негоден для управления делами просвещения!»

Во втором отрывке приводятся вступительные строки к главе VI «Материалов для истории гонения...», имеющей подзаголовок: «Из писем».

«Материалы для истории гонения студентов при Александре II» (главы I—XIII) печатались в «Колоколе» в семи листах (с л. 114 от 1 декабря 1861 г. до л. 137 от 22 июня 1862 г.). В «Материалы для истории гонения...» включены были корреспонденции с описанием событий в Петербургском и Московском университетах в сентябре—ноябре 1861 г.: разбор записки по студенческому делу, составленной Путятиним и опубликованной в печати, список арестованных студентов Петербургского университета, докладная записка студентов Московского университета губернскому предводителю дворянства, письмо московского генерал-губернатора Тучкова к Путятину, адрес московских студентов Алек-

сандру II и др. документы. Некоторые материалы, возможно, давались местами в редакционном изложении, однако определить наличие и степень редакционной обработки в этих случаях не представляется возможным.

В заметке «Письма, ответы, поправки и пр. (Реут, Латышев)» Герцен разъяснял корреспонденту, принявшему «Материалы для истории гонения...» за изложение мнения редакции «Колокола»: «Как же почтенный корреспондент не подумал, что мнение, высказанное Огаревым, — мнение *наше*, мнение наших друзей, „Колокола“, а в статьях под заглавием „Материалы для составления истории гонения студентов при Александре II“ входят весьма разные *документы*» (см. т. XVI наст. изд., стр. 86).

Об университетских событиях осенью 1861 г. см. выше статьи: «Петербургский университет закрыт!», «Исполни просыпается!» «Преображенская рота и студенты», «Петербургские письма», «Третья кровь!», «По поводу студентских избений».

Стр. 234. ... *полицейского заговора, сделанного старым инквизитором...* — Об «иезуитском гонителе просвещения» гр. С. Г. Строганове см. выше статьи «Гонение на университеты», «Ей, просвещенье! Гись! Гись!», «Инквизиция Строгонова», «Исполни просыпается!».

⟨ИЗВЕЩЕНИЕ⟩

⟨ИЗВЕЩАЕМ С БЛАГОДАРНОСТЬЮ...⟩

Печатается по тексту *К*, л. 114 от 1 декабря 1861 г., стр. 956, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из *ОК*. Включено в издание Лемке (*Л* XI, 354).

О получении взносов в «откупную сумму за просвещение» см. также выше «Уведомление», стр. 233.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

⟨С НАЧАЛА БУДУЩЕГО ГОДА МЫ ПРИБАВЛЯЕМ К «КОЛОКОЛУ»...⟩

Печатается по тексту *К*, л. 116 от 15 декабря 1861 г., стр. 972, где опубликовано впервые.

Извещение редакции «Колокола» о прибавлении с 1862 г. листка объявлений вызвало в некоторых кругах русской эмиграции отрицательную реакцию. Об этом писал Герцену его сын, находившийся тогда в Гейдельберге. Герцен отвечал ему 21 декабря 1861 г.: «Об объявлениях они все говорят вздор. Во-первых, объявл(ения) не будут в „Колоколе“, а при „Кол(околе)“; во-вторых, это удвоит его циркуляцию. Наконец, скажи им в утешение, что мы денег не берем себе, а отдали совершенно в распоряжение Тхор(жевского) и Чернец(кого), а и им помочь, если можно, уж — дело. Ни одного нет журнала во всей Европе без объявлений».



DUBIA

«КОНЧИНА КНЯЗЯ СЕРГИЯ ПЕТРОВИЧА ТРУБЕЦКОГО»

Печатается по тексту *К*, л. 89 от 1 января 1861 г., стр. 752, где опубликовано впервые, без заглавия. Заглавие взято из *ОК*.

См. комментарий к заметке «Кончина Басаргина», стр. 342 наст. тома.

С. П. Трубецкой, один из виднейших деятелей декабристского движения с начала 1816 г. вплоть до восстания 14 декабря 1825 г., был возвращен из Сибири по амнистии в 1856 г. Коротенькая и бесстрастная заметка о его кончине явно диссонирует с прочувствованными сообщениями о смерти других, даже менее видных декабристов, появлявшимися на страницах «Колокола».

Основным источником, из которого Герцен мог почерпнуть свои сведения относительно деятельности Трубецкого в тайных обществах и о его участии в восстании, служило «Донесение следственной комиссии» 1826 г. В этом официальном документе описание действий С. П. Трубецкого в день 14 декабря не оставляло никакого сомнения в его недостойном поведении по отношению к товарищам (см. «14 декабря 1825 г. и император Николай», Лондон, 1858, стр. 97). Сурово осудил Трубецкого и Н. П. Огарев (см. Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения, т. I, М., 1952, стр. 226). В «Русском заговоре 1825 г.» Герцен противопоставил действия отважного и пламенного революционера К. Ф. Рыльева нерешительности и пассивности официального руководителя намечавшегося восстания — Трубецкого (см. т. XIII наст. изд., стр. 138 и 140). Этим объясняется и сухость заметки «Колокола» о его кончине, не смягченная впечатлениями от рассказов о Трубецком его дочери, о знакомстве с которой Герцен писал 26 апреля 1858 г. М. Мейзенбуг.

Однако отношение Герцена к Трубецкому изменилось, когда в 1862 г. он прочел «Записки» Трубецкого (см. «„Записки“ декабристов» и «Личное объяснение» — тт. XVI — XVII). В этих записках, которые Герцен опубликовал в Лондоне в 1863 г., мемуарист себя реабилитировал. Драматический характер, который придавал повествованию Трубецкой, способствовал созданию вокруг его личности страдальческого ореола, а сам образ мемуариста приобрел не свойственную ему в описываемый им момент жизни мужественность и спокойствие (См. Н. М. Дружинин. С. П. Трубецкой как мемуарист. — Сб. «Декабристы и их время», т. II, М., 1933). Через призму «Записок» взглянул тогда на их автора и Герцен. В статье-ответе «Биржевым ведомостям» (начинающемся словами «Каким же образом мой биограф...») Герцен называет Трубецкого великим мучеником

(см. т. XX наст. изд.); в статье об «Etudes historiques sur les héros de 1825...» он выражает убеждение, что имя Трубецкого принадлежит истории (см. т. XX наст. изд.).

ПОЛ ПАРКЕ В ГИМНАЗИИ И ПОТОЛОК В МОЗГУ ФИШЕРА

Печатается по тексту *К*, л. 90 от 15 января 1861 г., стр. 760, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь». В *ОК* озаглавлено: *Фишер за парке*.

Включено в издание Лемке (*Л* XI, 14) со следующей справкой: «Сверено с подлинником, хранящимся в архиве семьи Герцена» (*Л* XI, 462). Нынешнее местонахождение этого «подлинника» неизвестно. Свидетельство Лемке о виденном им в архиве Герцена «подлиннике» не является бесспорным доказательством авторства Герцена, который мог переписать чужую письменную или устную информацию, снабдив ее лишь своим заголовком. Текст самой заметки в стилистическом отношении нейтрален.

В публикации Лемке имеется следующее разночтение в пунктуации с текстом «Колокола», учтенное в настоящем издании:

Стр. 237, строка 7—8: мальчишки с улицы паркетные полы испортят вместо: мальчишки с улицы, паркетные полы испортят.

L'HOMME AUX CAMÉLIAS ET L'HOMME AU GIBET

Печатается по тексту *К*, л. 98—99 от 15 мая 1861 г., стр. 836, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь». В *ОК* озаглавлено: *Арцимович и Бутков*.

Предполагаемое авторство Герцена устанавливается редакционным характером заключительных строк заметки («Правда ли это?— и если правда, нельзя ли прислать» и т. д.), а также идейно-тематической близостью содержащихся в ней отзывов о «дельных и умных распоряжениях» калужского губернатора Арцимовича и о чиновнике, публично назвавшем Муравьева Вешателя «казнокрадом», аналогичным упоминаниям об этих же фактах в других произведениях Герцена. О столкновении В. А. Арцимовича с «плататором» Мальцевым и принявшим его сторону министром внутренних дел П. А. Валуевым Герцен писал вскоре в статье «12 апреля 1861» (см. стр. 107). О судьбе чиновника, обвинившего Муравьева Вешателя в страшных и почти коммунистических понятиях насчет казенной собственности, Герцен запрашивал в заметке «Крайне нужно» (стр. 114). В пользу авторства Герцена свидетельствует также характерное для его стиля заглавие заметки.

Н. Мендельсон в своей статье «Судьба литературного наследия Герцена» справедливо отмечал, что Герцен «любил и умел при помощи заглавия, сплошь и рядом французского, „заострить“, „оперить“ полемический выпад. Таким, между прочим, представляется мне заглавие статьи „L'homme aux camélias et l'homme au gibet“» (*ЛН*, т. 7—8, стр. 288).

«L'homme aux camélias et l'homme au gibet» — «Господин с камелиями и господин с виселицей»; ироническим подтекстом этого заглавия служит название романа А. Дюма-сына «La dame aux camélias». Заглавие того же романа Герцен перефразирует, в несколько ином плане, также в «Былом и думах», прибегая к сатирической аналогии: «La dame aux perles» (т. XI наст. изд., стр. 462).

<МИНИСТР ЛАНСКОЙ>

Печатается по тексту *К*, л. 98—99 от 15 мая 1861 г., стр. 836, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из *ОК*.

Включено в издания Тихомирова (Т, 287) и Лемке (ЛХ I, 101).

В пользу авторства Герцена свидетельствует ответственность заключенной в заметке политической оценки деятельности С. С. Ланского, говорящая о редакционном характере заметки, а также письмо С. С. Громеки к Герцену от 18 апреля 1861 г., в котором сообщалось об отставке Ланского (см. ЛН, т. 62, стр. 116; текст этого письма приведен в комментарии к заметке «Конституция», стр. 441).

23 апреля 1861 г. С. С. Ланской был уволен от должности министра внутренних дел, которую занимал с 20 августа 1855 г. Отставка Ланского, по свидетельству С. С. Громеки, была связана с усилением реакционного курса правительства в пору реализации крестьянской реформы (см. ЛН, т. 62, стр. 118). Скептическое отношение Герцена к Ланскому в 1856—57 гг. (см. «От издателя» — т. XII наст. изд.; «Августейшие путешественники», «Под спудом», «Тамбовское дворянство» — т. XIII наст. изд. и др.) изменилось коренным образом в связи с деятельностью этого министра в «Главном комитете по крестьянскому делу» (см. в наст. томе «15 марта. Последние новости», стр. 54, «Нарвская революция и рукопашный Каваньяк-Смирнов», стр. 225 и «Освобождение крестьян», стр. 251). Действия Ланского в Комитете вызвали сочувствие и со стороны корреспондентов Герцена. Так например И. С. Тургенев в письме к Герцену от 1861 г. характеризовал Ланского как одного из «самых либеральных деятелей» (Письма КТГ, стр. 140).

«ТЕЛЕГРАФ»

Печатается по тексту К, л. 98—99 от 15 мая 1861 г., стр. 836, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из ОК.

Авторство Герцена устанавливается предположительно и определяется редакционным характером заметки («Правда ли, что...» и т. д.), а также идейно-тематической близостью другим его высказываниям о расстреле безоружной демонстрации в Варшаве (см. выше «Vivat Polonia!», «10 апреля 1861 и убийства в Варшаве», «Mater dolorosa» и комментарии к ним).

«БРАТЬЯ РЫЛЬСКИЕ»

Печатается по тексту К, л. 100 от 1 июня 1861 г., стр. 843, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из ОК.

Авторство Герцена устанавливается предположительно и определяется редакционным характером запроса («Правда ли это?»), а также некоторыми стилистическими признаками, например, свойственное стилю Герцена каламбурное построение фразы: «братья Рыльские <...> обращаются по-братски».

ГАЛАГАН

Печатается по тексту К, л. 100 от 1 июня 1861 г., стр. 844, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

Заметка имеет характер редакционной информации («Говорят, будут...» и т. д.). В пользу авторства Герцена свидетельствуют также характерные для его стиля ироническое переосмысление термина «коммунизм» в значении «присвоение собственности» (см. об этом в комментарии к заметке Герцена «Крайне нужно», стр. 368) и неожиданная своим выводом и лаконизмом концовка заметки: «Их усмирили».

Г. П. Галаган, участвовавший в работе Редакционных комиссий по подготовке крестьянской реформы и примыкавший к либеральному крылу Н. А. Милютин, был назначен после обнародования манифеста 19 февраля 1861 г. одним из правительственных членов в черниговское губернское по крестьянским делам присутствие. (Характеристику его общественной и земской деятельности см. в брошюре Мищенко: «Григорий Павлович Галаган», Киев, 1888 г.).

В ряде уездов Черниговской губернии весной 1861 г. происходили волнения крестьян в связи с обнародованием «Положений» и манифеста 19 февраля. Для принятия чрезвычайных мер на место был командирован из Петербурга свитский контр-адмирал Унковский. Последний, как рассказывает В. А. Муханов, особенно возмущался тем, что «между крестьянами в ходу копии „Крещеной собственности“, прокламаций и других произведений Герцена...» («Русский архив», 1897, № 1, стр. 50).

⟨КОНСТИТУЦИЯ⟩

Печатается по тексту *К*, л. 100 от 1 июня 1861 г., стр. 844, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из *ОК*.

Заметка написана в традиционной для «Колокола» форме редакционного запроса «Правда ли?..», которая использована в данном случае, по всей видимости, в сатирических целях и приобретает характер насмешки, наряду с другими высказываниями Герцена по тому же поводу, над «яркими цветами махрового прогресса», «лепетом о прогрессе и либерализме», над царским правительством, «любящим драпироваться в либерализм» (см. об этом в комментариях к заметке «Финляндская конституция», стр. 357).

Сообщая читателям с возмущением о «варшавской бойне», о «днях резни», об усмирениях крестьян «кровожадными флигель-адъютантами», разоблачая крепостнический характер проводимой реформы, редакция «Колокола» не могла одновременно говорить всерьез о «печатном манифесте, дарующем конституцию», которого не было и быть не могло. Характерно, что заметка помещена в «Колоколе» рядом с другой (напечатанной непосредственно перед ней) заметкой — «Слух», иронически сообщавшей о создающемся будто бы в Петербурге «Обществе воздержания от правительства», действительный смысл которой также раскрывается ее сатирическим подтекстом (см. стр. 106 наст. тома).

Единственным влиятельным государственным деятелем, стоявшим за конституцию, был в то время Н. А. Милютин. Но и он считал введение ее преждевременным, полагая, что вначале следует ограничиться созданием и укреплением органов местного самоуправления; в конце апреля 1861 г. этот глава либерально-реформаторской группы в правительстве был уволен в отставку. 18 апреля 1861 г. С. С. Громека сообщил Герцену: «Милютин попал опять в немилость; Ланской на днях будет уволен с графским достоинством, а на его место сядет *Муравьев вешающий!!!* На святую готовится, кроме того, какой-то громовой удар. Александр Николаевич рассвирепел по поводу польских и казанских дел и хочет ужаснуть чем-то всю публику и весь мир <...> Вообще такой сильной реакции никогда еще не было». (*ЛН*, т. 62, стр. 116, 118).

⟨ПРАВДА ЛИ, ЧТО ГЕНЕРАЛ МЕРХЕЛЕВИЧ...⟩

Печатается по тексту *К*, л. 101 от 15 июня 1861 г., стр. 852, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие дается начальными словам заметки.

Предполагаемое авторство Герцена определяется редакционным характером заметки («Правда ли, что...»), а также свойственным стилю Герцена каламбурным построением редакционного запроса («Мерхелевич такой дурной зоолог, что не сумеет отличить *единорога*...» и т. д.).

Об авторстве Герцена в отношении этой заметки см. в рецензии Ю. Г. Оксмана «Новый библиографический путеводитель по „Колоколу“ Герцена» («Вопросы литературы», 1958, № 11, стр. 218).

Стр. 238. ...*Мерхелевич такой дурной зоолог, что не умеет отличить единорога от пушки?*— «Единорог» — название устаревших гладкостенных, ненарезных пушек. В статье «Шейдеман-Кеплер, Шейдеман-Невтон», опубликованной в *К*, л. 87—88 от 15 декабря 1860 г., неизвестный корреспондент описывал плачевное состояние русской артиллерии в связи со смотром войск в Варшаве летом 1860 г.: «Пушки в армии под командою Горчакова по большей части со времен до Отечественной 1812 года войны, а именно 1807, 1809 и часть с 1834 или 36 года. (А даже со времен Елисаветы Петровны и пр. исключительно единороги), но равно ни к чему не годны». Несмотря на то, что «на пробную стрельбу сих орудий явился сам начальник артиллерии предряхлый Мерхелевич (генерал-адъютант)» и лично руководил стрельбою, «ни одно ядро в центр <мишени> не попало» (стр. 742—743). В *К*, л. 129 от 15 апреля 1862 г. была помещена статья «Движение земного шара и движение канцелярское во 2 артиллерийской дивизии. (В назидание Михаилу Николаевичу)», в которой сообщалось, что лист «Колокола» со статьей «Шейдеман-Кеплер, Шейдеман-Невтон» наделал «много тревоги, суеты и шуму в служебной иерархии 1-ой армии; князь Горчаков передал этот № начальнику артиллерии армии Мерхелевичу, приказав <...> отыскать сочинителя этой статьи». В результате «только по подозрениям обвинили: Каспревича, Пашковича и Рудовского» и «всех трех по *неблагонадежности и подворению*» в сношениях с Герценом — так в представлении сказано — сослали в глушь Саратовской губернии, в 16 артиллерийскую бригаду» (стр. 1076). Новое письмо «В защиту г. Баранцова», в котором снова давалась резкая характеристика Шейдемана и Мерхелевича, было напечатано в *К*, л. 133 от 15 мая 1862 г., стр. 1106—1107.

Как же он будет отличать конфедератку от фуражки? — Ношение конфедератки — польского национального головного убора, после восстания 1831 г. было в Польше запрещено. Генерал-адъютант С. В. Мерхелевич был с 28 мая 1861 г. назначен исправляющим обязанности главного управляющего гражданскими делами в Царстве Польском ввиду болезни наместника кн. М. Д. Горчакова.

〈ПОЭТЪ СЫРОКОМЛЯ〉

Печатается по тексту *К*, л. 101 от 15 июня 1861 г., стр. 852, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из *ОК*.

Авторство Герцена устанавливается предположительно и определяется редакционным характером запроса («Правда ли, что...»), близостью тематики другим высказываниям Герцена по поводу «террора в Польше», а также свойственной стилю Герцена иронической концовкой: «Это хорошо — будто Николай и не умирал»; о «николаевщине, снова появившейся в Польше», Герцен писал неоднократно (ср., например, заметку «Террор в Польше», т. XIV наст. изд., стр. 347).

В связи с закрытием «Земледельческого общества» (о нем см. на стр. 320) и волной польских демонстраций, в Варшаве распространялись стихи Владислава Сырокомли (Кондратовича), в которых он, намекая на близость восстания, говорил, что пришло время «перековать железные сохи и плуги на мечи».

〈ПРАВДА ЛИ, ЧТО ЕСТЬ МЕЖДУ СТУДЕНТАМИ...〉

Печатается по тексту *К*, л. 102 от 1 июля 1861 г., стр. 859, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. В *ОК* озаглавлено: *Правда ли?* Заглавие дается по начальным словам заметки.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 134).

Предполагаемое авторство Герцена устанавливается редакционным характером заметки («Правда ли...», «...пусть пришлют нам имена»), идейно-тематической близостью другим разоблачениям Герценом деятельности III отделения и его агентов, постоянным интересом к различным сторонам университетской жизни, высказываниям о необходимости обличать позорные случаи в студенческой среде, «дружно стоять за благородные убеждения», «отлучением от огня и воды товарищества отравить жизнь какому-нибудь негодяю, преступнику или доносчику до того, чтоб он не смел против их воли остаться» (см. «Изобличитель», т. XIV наст. изд., стр. 231, «Харьковским студентам», стр. 41 наст. тома и др.).

Стр. 239. *...пусть пришлют нам имена их.*— Обращение редакции «Колокола» не осталось без ответа: «Нас просят узнать,— иронически сообщалось в „Колоколе“ 15 марта 1862 г.,—точно ли петербургские студенты *Бутчик*, некогда судимый товарищами своими, его адвокат *Нелов* и вольный слушатель *Назаревский* поступили на служебное поприще, и на какое именно?» (см. т. XVI наст. изд., стр. 281). О товарищеском суде над Николаем Бутчиком, растратившим деньги студенческой кассы взаимопомощи, говорилось в статье «Петербургский университет», напечатанной в *К*, л. 102 от 1 июля 1861 г., стр. 857—858.

В БЕЗДНЕ НЕТ КОНЦА

Печатается по тексту *К*, л. 102 от 1 июля 1861 г., стр. 860, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь». В *ОК* данная заметка вместе с напечатанной перед ней в «Колоколе» заметкой «Граф Апраксин получил за избиение...» (см. стр. 117 наст. тома) имеют одно общее заглавие: *Апраксин и Бездна*.

Заметка подготовлена в редакции «Колокола», по всей видимости, на основе материала корреспонденции. Более отчетливо редакционный характер изложения заметен в иронической концовке заметки: «То-то, чай, мужики молятся за благодушного царя...» и т. д. Об «избиении крестьян Апраксиным и убийении Антона Петрова» Герцен сообщал в своих статьях «Русская кровь льется!», «12 апреля 1861», «Герой нашего времени и их Петербурга...» (см. выше в наст. томе). Ироническое именование Александра II «благодушным царем» неоднократно встречается у Герцена: ср. в статье «12 апреля 1861» строки по поводу «апраксинских убийств»: «Пятьдесят жертв, по собственному сознанию преступников, и на этот раз *благодушный* монарх так обдержался, что и не спрашивал Апраксина: „А сколько убито солдат или ранено?“» (стр. 107 наст. тома); в письме к М. К. Рейхель от 13 августа 1861 г.: «Этот незыблемый трон не простоят пять лет, если наш благодушный дурачок не переменится»; в статье «Третья кровь!»: «...чего нам ждать от *благодушного* Александра II...» (стр. 185 наст. тома) и т. д.

Стр. 239. *...После избиения крестьян Апраксиным и убиения Антона Петрова...*— По распоряжению Александра II, Антон Петров был судим военно-полевым судом и расстрелян 19 апреля 1861 г. О безднин-

ских событиях см. выше в статьях «Русская кровь льется!» и «12 апреля 1861» и комментарии к ним.

...еще какая-то комиссия продолжает разбирать сущность дела — Имеется в виду следственная комиссия, назначенная в связи с волнениями крестьян Спасского уезда (см. воспоминания члена этой комиссии, адъютанта казанского губернатора, Ф.А. Половцева — в «Историческом вестнике», 1907, № 11).

МОГИЛА КОНАРСКОГО

Печатается по тексту *К*, л. 107 от 15 сентября 1861 г., стр. 900, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

Заметка идейно-тематически примыкает к другим высказываниям Герцена о «полицейских гнусностях» в Польше, «мясничестве», «диком преследовании, дневном грабеже и неистовствах солдат, управляемых безответственными атаманами» — см. выше «Vivat Polonia!» (10 апреля 1861 и убийства в Варшаве), «Mater dolorosa», «Из „СПб. ведомостей“», «Отечский совет» и др.

О героической смерти Шимона Конарского, «призывавшего к восстанию русских и поляков, без различия племени», и расстрелянного в Вильне в 1839 г., Герцен писал в своей работе «Русский народ и социализм» (см. т. VII наст. изд., стр. 278). О нем см. также в статьях «Поляки прощают нас!» (т. XII, стр. 92) и «Vivat Polonia!» (стр. 44 наст. тома и комментарий). Определение Конарского как «мученика и апостола» свойственно лексико-стилистической практике Герцена, который не раз писал о «мученической крови поляков», о «польских мучениках» и т. п. (см. «XXIII годовщина польского восстания в Лондоне», т. XII наст. изд., стр. 127; «Россия и Польша», т. XIV наст. изд., стр. 25).

ВАСИЛЬЕВ И НАЗИМОВ

Печатается по тексту *К*, л. 108 от 1 октября 1861 г., стр. 907, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 241).

Заметка подготовлена в редакции «Колокола» на материале корреспонденций французской прессы и носит редакционный характер («Правда ли, что...»); обзор сообщений иностранных газет обыкновенно делался в «Колоколе» самим Герценом. Идейно-тематически заметка близка другим высказываниям Герцена о «полицейских неистовствах» властей в Польше и Литве, о «военных действиях» против населения, о Васильеве и Назимове.

О «полицмейстере Васильеве, рыщущем по ночам, осматривающего дома, берущего под арест людей за запрещенные книги», Герцен ранее писал в заметке «Террор в Польше» (т. XIV наст. изд., стр. 347). В заметке «Из Ковно» Герцен замечал о братьях Васильевых, виленском и ковенском полицмейстерах: «Какова семья, дающая *двух* таких защитников самодержавия и осадного положения» (стр. 183 наст. тома). О притеснениях населения западных губерний генерал-губернатором Назимовым, «злодействах русской администрации», «правах арачкево-бибиковской школы» говорилось в заметке Герцена «Секущее православие» (т. XIII, стр. 364).

Содержащийся в заметке намек на «прожорливую *гиперболу*, которая так много ест сена», основан на материале заметки «Блистательная победа, одержанная в Ковенской губернии гусарским е. и. в. полком» (см. т. XIV наст. изд.). В ней описан был случай грабежа населения солдатами полка, которые остановились в одной из деревень Ковенского уезда и «начали отбивать у *неприятеля* сено, солому и пр.». Сопrotивлявшегося крестьянина командование обвинило в бунте и изувечении строевой

лошади, однако пристав «отказался написать, что лошадь была изувечена (находя это *гиперболой!*)». Несмотря на это, «неумытный Назимов», «не видя тут никакой *гиперболы*», распорядился привлечь к ответственности помещика, который вступился за своего дворового, и «в пример и поучение другим помещикам наказать *невинного...*» (т. XIV наст. изд., стр. 146).

Ироническое упоминание о назимовской «гиперболе» встречалось потом в «Колоколе» в ряде других заметок и использовалось в качестве одного из приемов обличения генерал-губернатора Назимова. Заметка «Католическая пропаганда Назимова», в которой говорилось о фактах преследования униат «полицейскими и всякими мерзкими средствами», открывалась изыскательным замечанием: «Св. Митрофаний воронежский не дает спать генерал-губернатору Назимову, и это не гипербола» (*К*, л. 77—78 от 1 августа 1860 г., стр. 653). В аналогичной функции выступает коповка заметки «Становые приставы Гриневич и ковенские порядки», разоблачавшей злоупотребление пристава при взыскании недоимок: «Что же это Назимов-то, генерал-губернатор, не удивляется, как его становые *гиперболы* много едят и шутки шутят нехорошие?» (*К*, л. 82 от 1 октября 1860 г., стр. 688).

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:
Стр. 239, строка 20: 12 августа вместо: 18 августа

О «побоище» в Вильне в августе 1861 г. во время народного торжества в память соединения Литвы с Польшей и неистовствах полицмейстера Васильева рассказывалось в «Колоколе» в корреспонденции «Из Витебска до Ковна», напечатанной в л. 130 от 22 апреля 1862 г. В ней говорилось между прочим: «Целый день, как волны, народ то прибывал, то убывал, но вот, наконец, вечером, как молния пробежала весть, что процессия <из Царства Польского и Ковно> остановилась в нескольких верстах от Вильно и ждет. Тогда все почти хлынули к заставе, чтобы выйти из горбда. Поднялась суматоха; того-то и ждали наши герои. Васильев скомандовал казакам *гулять* — и пошла валка. Передовые, теснимые сзади, невольно лезли на рогатку, где их ждали приклады, а подчас и штык! Казаки нагулялись вдоволь <...> Кого ранили и по слабости не мог скрыться, для дальнейшей справки забирали жандармы, а с теми, которые на месте богу душу отдали, неизвестно что сделали. Масса невооруженная не могла, конечно, долго удержаться и, преследуемая казаками с опущенными в атаку пиками, разбежалась и разошлась! Так закончился этот день, за который, впрочем, не знаю, получили ли командующие награду!» (стр. 1082). Эта корреспонденция принадлежала, по всей видимости, тому же автору, который сообщил в редакцию «Колокола» о полицейских притеснениях во время празднования того же события в Ковно 12 августа 1861 г. и письмо которого было опубликовано в *К*, л. 107 от 15 сентября 1861 г. под заголовком «Празднование соединения Литвы с Польшей в Ковне» (см. редакционное заключение к этой публикации на стр. 232 наст. тома и комментарий, стр. 433).

О полицейских репрессиях против жителей Вильно, собравшихся 12 августа 1861 г. у могилы Конарского, сообщалось в заметке «Могилы Конарского» (см. стр. 239 наст. тома).

<ГЕНЕРАЛ ЛИХОНИН>

Печатается по тексту *К*, л. 108 от 1 октября 1861 г., стр. 908, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из *ОК*.

Об авторстве Герцена свидетельствуют редакционный характер заметки («Правда ли...», «читатели наши помнят...»), упоминание о «знамени»

тых *детских* розгах» (см. об этом в комментарии к статье Герцена «Фрегат „Генерал-адмирал“ и швабра», стр. 316 наст. тома), а также характерное для манеры Герцена и подчеркивающее обличительную направленность заметки каламбурное использование материала, напечатанного ранее в «Колоколе» (ссылка на «теорию Герштенцвейга», «возвращение крестьянам кадетских прав на сечение» и т. п.).

В статье «Дворян секут!», напечатанной в *К*, л. 65—66 от 15 марта 1860 г., рассказывалось, как в 1858 г. семеро дворян, служивших рядовыми в 1-м стрелковом батальоне, отказались от наряда, найдя «унизительным копать гряды по прихоти командира, в мирное время». Командир батальона полковник Фролов «приказал отодрать перед фронтом всех семерых дворян, несмотря на их громкие протесты и ссылки на закон». Фролов подлежал преданию суду за превышение власти, однако дежурный генерал свиты генерал-майор Герштенцвейг, представляя доклад царю, просил «распоряжение полковника Фролова одобрить как законное» и при этом обращал внимание «на следующие два обстоятельства: 1) что дворяне, состоящие воспитанниками военно-учебных заведений, подвергаются телесному наказанию, 2) стрелковые батальоны служат как бы *учебными батальонами*, а потому состоящие в них рядовые из дворян могут быть сравнены *в правах* (!) с воспитанниками военно-учебных заведений». Александр II этот доклад утвердил (стр. 553).

В мае 1861 г., в связи с крестьянскими волнениями из-за неправильно толкования «Положений», в Петергофский уезд были посланы две роты солдат, которые жестоко расправились с крестьянами (см. «С.-Петербургские ведомости», 1861, № 121; «Северная пчела», 1861, № 122).

К ХРОНИКЕ ПРОГРЕССА — ВЛАДИМИРСКИЙ КРЕСТ НА ВЛАДИМИРСКОЙ ДОРОГЕ

Печатается по тексту *К*, л. 108 от 1 октября 1861 г., стр. 908, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь». В *ОК* озаглавлено: *К хронике прогресса*.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 242).

Заметка подготовлена в редакции «Колокола» на материале газетных сообщений. В пользу авторства Герцена говорит семантико-стилистическое своеобразие строк о «животно-чиновном ляганье» и «прогрессе», в котором «идут вместе» «машины, пар, плюхи, локомотивы, толчки, рельсы, телеграфы, розги». О «скотских» замашках «лягающего» дворянского сословия Герцен писал неоднократно (см. в статьях «В этапе» — т. XVI наст. изд., «Скоты» — т. XIX, а также в комментарии к заметке «Крайне нужно» — стр. 304 наст. тома). О характере «прогресса» русского правительства, показавшего «небывалый пример самовластья [...], рабства и насилия, поддерживаемого всем, что наша наука», Герцен говорил в «Письме к императору Александру II»: «Это было бы нечто вроде Чингисхана с телеграфами, пароходами, железными дорогами...» (т. XIII наст. изд., стр. 38). По поводу подобного «прогресса» Герцен иронически замечал в «Концах и началах», письмо пятое: «Все прогресс да прогресс, свободные учреждения, железные дороги, реформы, телеграфы...» (т. XVI наст. изд., стр. 171).

НЕМЦЫ РАДУЮТСЯ — ГИСЬ, ГИСЬ!

Печатается по тексту *К*, л. 109 от 15 октября 1861 г., стр. 915, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь». В *ОК* озаглавлено: *Немцы радуются*.

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (Л XI, 254).

Об авторстве Герцена свидетельствует редакционный характер заметки, подготовленной на основе материала иностранной прессы; в «Колоколе» это делал обыкновенно сам Герцен, который, в частности, неоднократно использовал сообщения «седой баварской куртизаны» — газеты «Allgemeine Zeitung» (см. об этом также в комментарии к заметке «Урок из географии», стр. 345 наст. тома). Строки о «проницательности, которую дают самому тупому человеку ненависть и страх», близки аналогичным замечаниям в других произведениях Герцена: например, в статье «Провинциальные университеты» замечание о «ясновидении ненависти» (наст. том, стр. 20); в статье «К концу года» — об иностранцах-немцах, которые «ненавистью больше понимают, чем мы любовью, а действительно, понимают» (т. XVIII наст. изд.). Свойственна стилю Герцена и лаконичная концовка-предостережение: «Das ist bedenklich!»

КЛЕВЕТА НА ПОЛЯКОВ

Печатается по тексту *K*, л. 110 от 1 ноября 1861 г., стр. 923, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (Л XI, 266).

Заметка примыкает к ряду других откликов Герцена на события в Петербургском университете осенью 1861 г. — см. в наст. томе «Петербургский университет закрыт!», «Исполни просыпается!», «Третья кровь!», «По поводу студентских избиений». В заметке «Преображенская рота и студенты» Герцен писал об открытии университета 13(25) октября. О необходимости «сближения поляков с русскими» он говорил постоянно.

ВАЛУЕВ

Печатается по тексту *K*, л. 112 от 15 ноября 1861 г., стр. 940, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

О возможном авторстве Герцена говорит идейно-тематическая близость заметки другим его высказываниям о столкновении калужского губернатора В. А. Арцимовича с «плантатором Мальцовым» и взявшим его под свою защиту «министром-крепостником» П. А. Валуевым, о чем Герцен упоминал в статье «12 апреля 1861 г.» (см. стр. 10 наст. тома и комментарий, а также заметку «L'homme aux camélias et l'homme au gibet», стр. 237 и 439). Концовка заметки («Увидим, что-то он сделает»), возможно, имеет также редакционный характер.

Под впечатлением назначения П. А. Валуева министром внутренних дел прусский посол при русском дворе Бисмарк писал 6 мая (24 апреля) 1861 г. в Берлин: «На место Ланского назначается не Милютин, как прежде ожидалось, но Валуев. Последний был раньше гражданским губернатором в Курляндии, а потом управлял министерством государственных имуществ. Милютин уходит в сенат и таким образом выбывает из деятельной службы. Новый министр Валуев, сравнительно молодой, считается принадлежащим к той же национально-либеральной партии, но окрашен более умеренным и аристократическим оттенком, чем Милютин, который стоял во главе враждебной дворянству крайней партии прогрессистов и был лично близок великому князю Константину («Исторический вестник», 1905, № 3, стр. 1038; перевод с немецкого).



ПРИЛОЖЕНИЕ

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ И ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ, ОБРАБОТАННЫЕ В РЕДАКЦИИ «КОЛОКОЛА»

ПРОФЕССОР П. В. ПАВЛОВ И ТИМАШЕВКА

Печатается по тексту *К*, л. 90 от 15 января 1861 г., стр. 758—759, где опубликовано впервые.

Редакторские строки следуют после первого и третьего примечаний к тексту и выделены в тексте «Колокола» скобками с отметкой: *Ред.* Вероятно, редакции «Колокола» также принадлежит в третьем примечании последний абзац (не отделенный в «Колоколе» от текста примечаний и без всяких отметок), манера изложения в котором близка по стилю предыдущим редакторским примечаниям («От государственного цвета ∞ логическая последовательность!»)

Первые два редакционных примечания включены были в издание Лемке и отнесены к разряду *Dubia* (*Л* XI, 14).

По поводу преследований П. В. Павлова Герцен писал в статье «Письма из России», ссылаясь на сообщение «Таймс» от 9 апреля 1860 г. «о том, что у профессора Павлова захвачены бумаги» (т. XIV, наст. изд., стр. 256). О директоре училища правоведения А. П. Языкове и «его наветах на профессора Павлова» см. в заметке «Языков, директор правоведения» (стр. 225). О высылке Павлова в Ветлугу в 1862 г. за выступление в связи с празднованием тысячелетия России Герцен сообщил в заметке «Прогресс в России» и в статье «Сенаторам и тайным советникам журнализма» (см. т. XVI наст. изд.). В *К*, л. 129 от 15 апреля 1862 г. был помещен «Адрес, поданный профессорами Петербургского университета министру просвещения», в котором выражался протест против преследования Павлова.

О получении письма по поводу публикации «Профессор П. В. Павлов и Тимашевка», в котором автор защищал попечителя училища правоведения принца П. Ольденбургского, Герцен писал в заметке «От издатель», стр. 114 наст. тома (см. также комментарий к этой заметке).

Основные факты политической биографии П. В. Павлова освещены в статье А. З. Барабоя «Харьковско-Киевское революционное тайное общество 1856—1860 гг.» («Исторические записки», т. 52, М., 1955, стр. 244—248 и 258—266). О встречах Павлова с Герценом и Огаревым в марте 1858 г. см. в письме Герцена к М. Мейзенбуг от 25 марта 1858 г. и в «Воспоминаниях» Н. А. Тучковой-Огаревой.

Стр. 245. ...*Тимашевка*.—III Отделение было названо «Тимашевкой», по имени возглавлявшего его А. Е. Тимашева, в заметке «Пугачев и Сухозанет» (т. XIV наст. изд., стр. 304), а затем в редакционных примечаниях (принадлежащих, видимо, Н. П. Огареву) к статье «Императорский кабинет и Муравьев-Амурский» (*К*, л. 87—88 от 15 декабря 1860 г., стр. 729).

Стр. 246. ...*остроумную мысль о введении особых шапок для арестантов*.— См. в комментариях на стр. 309—310 и на стр. 358.

...*Языков, в прошедшем году, писал «о русском государственном цвете»*...— Речь идет о брошюре А. П. Языкова «О русском государственном цвете» (СПб., 1858), о которой см. иронический отзыв Н. А. Добролюбова в «Современнике», 1859, № 1, отд. «Новые книги», стр. 77—82.

⟨ЕЩЕ О Г-НЕ ГЛУШКОВЕ⟩

Печатается по тексту *К*, л. 90 от 15 января 1861 г., стр. 759, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из *ОК*.

В статье «Комиссариат в России», напечатанной в *К*, л. 65—66 от 15 марта, стр. 551—553 и л. 68—69 от 15 апреля 1860 г., стр. 576—578, рассказывалось о различных злоупотреблениях в комиссариатском департаменте военного министерства, в том числе об ответственности генерала кригс-комиссара И. И. Глушкова в незаконных операциях при поставке сапог московским купцом Саврасовым. О получении писем в защиту Глушкова с упреками редакции «Колокола» за помещение статьи, порочащей человека, «известного своим бескорыстием и высокой честностью», сообщалось в заметке «И. И. Глушков» (т. XIV наст. изд.) и «Г-н Глушков» (т. XIV наст. изд.). В последней заметке редакция писала: «Нам очень больно, что несколько слов, помещенных о г. Глушкове, могли нанести неприятность ему и его друзьям. Мы еще раз печатаем, что нам нет никакой возможности *вперед* знать верность каждого факта <...> Мы готовы помещать поправки, но за что же почтенный защитник г. Глушкова говорит: „Стыдно вам... Вы говорите“ и пр. Да разве он не понимает, что *мы ничего не говорим* ни о комиссариате, ни об интендантстве, *мы помещаем сведения, доставленные другими корреспондентами*. Кажется ясно?» (т. XIV наст. изд., стр. 389).

ТИМАШЕСТВУЮЩИЙ ЧЕВКИН

Печатается по тексту *К*, л. 90 от 15 января 1861 г., стр. 760, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

О редакторской обработке корреспонденции свидетельствуют характерное для манеры Герцена заглавие заметки, а также ироническая интонация устного разговора, включенная в повествовательную ткань заметки («он — к Чевкину: бунт, ваше превосходительство! Чевкин — в училище...») и строки о «запахе серой шинели»

И МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ ПРИНИМАЕТСЯ ЗА ДЕЛО

Печатается по тексту *К*, л. 92 от 15 февраля 1861 г., стр. 776, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

О редакторской обработке этой корреспонденции свидетельствует ее заглавие, а также иронические строки о генерал-фельдцейхмейстере «великом князе Михаиле Николаевиче, исправляющем должность Михаила Павловича». Краткую характеристику «юному, но не подающему

никаких надежд генералу-фельдцейхмейстеру» Герцен дал в статье «Сто пятнадцать благородных офицеров», напечатанной в том же листе «Колокола» (стр. 28 наст. тома); там же был опубликован подписанный вел. кн. Михаилом «Приказ главного начальника военно-учебных заведений» (см. о нем на стр. 307).

О поступках Михаила Николаевича как «достойного сына Николая I» Герцен писал в статьях «Исполни просыпается!», «Третья кровь!», в заметке «Последние известия (Из Петербурга)». См. также реплику в заметке «Православие и артиллерия, артиллерия и наука: «Недалеко ушел племянник от дяденьки Михаила Павловича—Меровинги да и только!» (стр. 274).

КАКОВ ПОП, ТАКОВ И ПРИХОДЪ

Печатается по тексту *К*, л. 92 от 15 февраля 1861 г., стр. 776, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

Заметка имеет характер редакционного изложения, написанного со слов «англичанина», сообщившего этот факт. Уточнение и поправку к этому сообщению вносит заметка Герцена «Убийство в Японии», напечатанная в *К*, л. 159 от 15 марта 1863 г., стр. 1317 (см. т. XVII наст. изд.)

В «Письме моряка», напечатанном в журнале кн. П. В. Долгорукова «Будущность» 12 апреля 1861 г., № 10—11, содержалось опровержение фактов настоящей заметки и подробное изложение обстоятельств убийства японца, носившего случайный характер. «Англичанин, передавший этот рассказ, — говорилось в письме, — солгал и оклеветал русских» (стр. 86—87).

УНИЧТОЖЕНИЕ ПРАВ, ДАРОВАННЫХ ОСТЗЕЙСКИМ ГУБЕРНИЯМ

Печатается по тексту *К*, л. 92 от 15 февраля 1861 г., стр. 776, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

О редакторской обработке этой корреспонденции свидетельствует ее иронический заголовок и заключительные строки о двойственном отношении к «покоренным» остзейцам и к их «особым привилегиям в «спритеснении финнов». В статье «Русские немцы и немецкие русские» Герцен также писал о своем сочувствии «к провинциям, все же покоренным» и одновременно советовал «уговорить всех остзейских немцев переселиться (...) ну хоть в Пруссию, что ли? ..., а финнов оставить свободными с землею» (т. XIV наст. изд., стр. 456). Об «уродливых сторонах германизма в остзейских губерниях» Герцен замечал в статье «Das Livländische Athen» (т. XIV наст. изд., стр. 227). Об остзейском дворянстве, «отстаивающем свои монополии и средневековые права с закоснелостью, которая идет гораздо дальше упрямства русских помещиков», и об их «гадком отношении к финнам» Герцен писал также в заметке «И истина должна открыться» и в статье «„Колокол“ и „День“» (т. XVII наст. изд.).

<ВОРОНЕЖСКИЙ ПОМЕЩИК>

Печатается по тексту *К*, л. 92 от 15 февраля 1861 г., стр. 776, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из *ОК*.

Заметка подготовлена в редакции «Колокола» по материалу аугсбургской газеты «Allgemeine Zeitung». Обзор сообщений иностранной прессы обыкновенно делался в «Колоколе» Герценом. О редакторской обработке свидетельствует также редакционный характер заключительных строк («Просим имена» и проч.).

ОСВОБОЖДЕНИЕ КРЕСТЬЯН

*Заседания: 1) Соединенного совета министров и членов
Главного крестьянского комитета 26 января 1861 г.,
2) Государственного совета 28 января 1861 года*

Печатается по тексту *К*, л. 93 от 1 марта 1861 г., стр. 786, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

Вступительные строки публикации имеют редакционный характер; редакции «Колокола» принадлежали, вероятно, также смысловое выделение отдельных предложений и слов в тексте курсивом, подстрочное примечание и, наконец, заключительная фраза в скобках относительно попытки петербургского генерал-губернатора П. Н. Игнатьева «затянуть какую-нибудь драку и из нее сочинить бунт, думая хотя этим запугать государя» (об этом же см. заметку Герцена «Игнатьев заказывает бунт», наст. том, стр. 101).

Герцен придавал важное значение публикации этой статьи. 1 марта 1861 г. он писал И. С. Тургеневу: «Завтра ты получишь „Кол(окол)“ с довольно подробным описанием двух заседаний в Петерб(урге). Алекс(андр) Ник(олаевич) — молодцом. Источник верен. Мы ждем не перевода духа». Тому же адресату он сообщил 15 апреля 1861 г.: «...От Анненкова получил письмо (...). Он пишет, что наше описание засед(аний) Госуд(арственного) сов(ета) поразило в Петерб(урге). Горчаков сказал: „Да это слово в слово“. Об этом же упоминал Герцен в «Былом и думах»: «...Горчаков с удивлением показывал напечатанный в „Колоколе“ отчет о тайном заседании Государственного совета по крестьянскому делу. „Кто же,— говорил он,— мог сообщить им так верно подробности, как не кто-нибудь из присутствовавших?“» (т. XI наст. изд., стр. 301).

Рукописный отрывок с текстом настоящей статьи (от слов «В доказательство он представил свои замечания ∞ поставлен перед Государств. советом батальон солдат», стр. 252—253 наст. тома) имеется в бумагах литератора Э. П. Перцова, взятых в III отделение при его аресте 29 августа 1861 г. в Петербурге. В письме «неизвестного друга», предупредившего Герцена о готовящейся III отделением попытке его «похитить» или «убить» (см. об этом комментарий к статье «Бруты и Кассии III отделения»), говорилось: «Арестовали Перцова, на которого как на вашего корреспондента донес его слуга» (*ЛН*, т. 63, стр. 670).

В рукописи имеются некоторые разночтения с текстом «Колокола», например, после строки «Против проекта было 8 голосов» в рукописи следует: «кн. Гагарин и остзейские бароны: Врангель, М. А. и Н. И. Корфы, Мейендорф, Литке и др.»; после сообщения о том, что заседания Государственного совета «будут по четыре раза в неделю» в рукописи следует: «а с 6 февраля ежедневно» и проч. (см. *ЦГИАМ*, ф. 109, опись № 214: ед. хр. № 138).

У КОКОРЕВА СВОЙ ХРУЛЕВ

Печатается по тексту *К*, л. 97 от 1 мая 1861 г., стр. 820, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

Включено в издания Тихомирова (*Т*, 284) и Лемке (*Л* XI, 90).

Заметка представляет собой изложение полученных в редакции «Колокола» материалов; редакторская обработка сказалась в заглавии заметки в ироническом уподоблении откупщика Кокорева наместнику Царства Польского Горчакову, а также в заключительной фразе: «Правда ли это?»

Стр. 253. ...*свой Хрулев*.— О генерале Хрулеве, руководившем расстрелом демонстрации в Варшаве, имя которого иронически использовано в заголовке заметки, см. негодующие строки Герцена в статьях «*Mater dolorosa*», «Отечский совет» и др. (стр. 82, 95, 126).

...*Кокорев, любитель гласности и поклонник русского народа...*— См. характеристику Кокорева в статьях Герцена «Фанатик паспортов» и «В. А. Кокорев» (т. XIII наст. изд., стр. 286 и 442).»

МОРМОНИЗМ В ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБЕРНИИ, ПОКРОВИТЕЛЬСТВУЕМЫЙ КН. В. ДОЛГОРУКОВЫМ

Печатается по тексту *К*, л. 98—99 от 15 мая 1861 г., стр. 831, где опубликовано впервые, без подписи. В *ОК* озаглавлено: *Мормонизм в Чернигове*.

О редакторской обработке корреспонденции свидетельствует ее заглавие, подстрочное примечание к тексту, а также заключительные строки. О переходе Бенкендорфа в католицизм см. в «Былом и думах» (т. IX наст. изд., стр. 63).

ЛИХОЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЙ ПАЛАТОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИМУЩЕСТВ ПО ПРОЗВАНЬЮ КОМПАНЕЙЩИКОВ

Печатается по тексту *К*, л. 98—99 от 15 мая 1861 г., стр. 834—835, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь». В *ОК* озаглавлено: *Управляющий Компанейщиков*. После подстрочного примечания в тексте «Колокола» следует подпись: *Изд.*

В этой статье редакцией «Колокола» объединены «выписки» из «очень длинного письма». Редакции принадлежат также вступительные строки к публикации, подстрочное примечание и, возможно, заключительная фраза: «Бедные, несчастные государственные крестьяне!».

Стр. 254. ...*при министре крепостнике и вешателе*.— Речь идет о министре государственных имуществ М. Н. Муравьеве.

МАРТИРОЛОГ КРЕСТЬЯН

Печатается по тексту *К*, л. 100 от 1 июня 1861 г., стр. 838—839, где опубликовано впервые.

Под заголовком «Мартиролог крестьян» в «Колоколе» объединены были две публикации. Под цифрой I напечатано было «Письмо к издателям», озаглавленное «Граф Апраксин Безднинский» и рассказывающее о кровавых событиях 12 апреля 1861 г. в селе Бездна. Этот документ, не имеющий следов редакционной обработки (кроме сопроводительной фразы: «так начинается письмо, полученное нами»), в настоящем издании опускается. Под цифрой II напечатана была подборка из трех других писем, озаглавленная: «Кайдановка и помещик Ольхин. Витебский помещик Соколовский. Панихида в Казани». К письму об «ольхинском деле» относится редакционное примечание под строкой и заключение: «Неужели это правда? ∞ А исполнитель-то своего исторического слова!». Два последующих письма напечатаны в «Колоколе» в редакционном изложении («Из Витебской губ. пишут», «Тот же господин пишет»).

Стр. 258. ...*об ольхинском деле*.— О подавлении крестьянских волнений в имение генерала Ольхина впервые сообщалось в письме, напечатанном в составе статьи Герцена «Русская кровь льется!» (стр. 91 наст. тома). «Письмо в защиту помещика Ольхина», присланное в редакцию «Колокола» в ответ на настоящую публикацию, см. далее, стр. 261.

Печатается по тексту К, л. 100 от 1 июня 1861 г., стр. 844, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

О редакторской обработке корреспонденции свидетельствуют заглавие заметки, использующее «выражение и орфографию Паткуля» (о чем говорится в тексте корреспонденции), а также вступительные строки, содержащие намешку над Погодиным; ср. аналогичные замечания о нем же в статьях Герцена: о «справительстве прогресса <...>, поддерживаемом штыками и статьями Погодина» (стр. 107); «нашлись люди, которые, как М. П. Погодин, пожертвовали здравым смыслом и до того обрадовались манифесту, что стали писать детским бред» (стр. 136).

О рассказанном в заметке эпизоде упоминается также в письме П. В. Анненкова к И. С. Тургеневу от 26 февраля 1861 г.: «19 число прошло тихо, почти незаметно, если исключить пьяного дворника, высеченного Игнатьевым за вольничество в кабаке и заставившего Петербург говорить о себе» («Труды Публичной библиотеки СССР имени Ленина», вып. III, 1934, стр. 116).

Стр. 259. *М. П. Погодин, усердно собирающий всякого рода анекдоты и подробности, относящиеся до объявления манифеста об освобождении, пропустил следующий...*— Статья М. П. Погодина «Пятое марта», в которой автор рассказывал о виденном им на улицах в день обнаружения манифеста, заканчивалась следующей просьбой: «Прошу покорно всех знающих доставлять мне сведения о подобных чертах в Москве и вне Москвы или заявлять их по местам, в газетах». В статье, в частности, приводился такой эпизод: «Пьяный мужик встречает на улице женщину и спрашивает ее: „Вольный ли я?“ — „Ты дурак“, — отвечала баба. А он ее в ухо. Будочник его схватил. „За что ты дерешься?“ „Она ругается, а вы скажите мне, вольный ли я?“ „Ну, ты вольный, а все-таки пойдем в часть».

Иронически откликаясь на просьбу Погодина, Герцен утверждал публикацией настоящей заметки, что вмешательство полиции при «проявлении чувств» народа по поводу манифеста отнюдь не могло служить Погодину темой юмора. Poleмическая заостренность заметки определялась также тем, что Герцен расходился с ним и в общей оценке реформы. (О напечатанной Погодиным накануне объявления манифеста статье «Слухи о решении крестьянского вопроса» см. в комментарии к стр. 136).

Вскоре после объявления манифеста вышла в свет брошюра Погодина «Красное яичко для крестьян от М. Погодина», в которую вошла и вышеупомянутая статья.

Игнатьев, осмелевший государем в знаменитом заседании Совета...— Имеется в виду заседание Государственного совета 28 января 1861 г., на котором был принят проект Главного комитета. Петербургский генерал-губернатор П. Н. Игнатьев выступил на нем против проекта.

В статье «Освобождение крестьян» рассказывалось: «Но всех лучше отличился Игнатьев, тупой, зачерствелый сержант и придворный холоп, который и здесь не упустил случая выказать дурацкие свои наклонности. Александр II резко оборвал Игнатьева и „посмотрел на него с невыразимым презрением, поразившим все собрание» (стр. 252). Там же подчеркивается, что Игнатьев ссылками на чрезвычайные обстоятельства старается оправдать жестокости и запугать Александра II призраком бунта (стр. 253). См. также заметки «День страха» (стр. 61) и «Игнатьев заказывает бунт» (стр. 101).

КАК РАВНОАПОСТОЛЬНАЯ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР КНЯГИНЯ ВАСИЛЬЧИКОВА ПОПРАВЛЯЕТ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА КВАРТАЛЬНЫХ

Печатается по тексту *К*, л. 101 от 15 июня 1861 г., стр. 851, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь». В *ОК* данная заметка вместе с напечатанной вслед за ней («Служба за Васильчиковой не пропадает», стр. 110) имеют одно общее заглавие: *Васильчикова*.

Редакторская обработка корреспонденции видна в ее заглавии и заключительной иронической реплике: «О, княгиня! — что это за клеветы!». Заметка тесно связана с рядом разоблачительных заметок Герцена о жене киевского генерал-губернатора, «управляющей краем» вместо мужа (см. выше «Васильчикова и Рейнгардт доехали Пирогова», стр. 100, «Киевский университет и Н. И. Пирогов», стр. 103).

ПОБЕДА ГРАФА ЕВДОКИМОВА НАД САПЕРНЫМ КАЗАЧЬИМ ПОЛКОМ

Печатается по тексту *К*, л. 102 от 1 июля 1861 г., стр. 859, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

Редакторская обработка корреспонденции заметна в заголовке заметки и ее заключительных строках. Материал этой публикации Герцен использовал, в ироническом переосмыслении, в своей заметке «Генерал Филиппсон попечителем Петербургского университета» (см. выше, стр. 150).

В ЗАЩИТУ ПОМЕЩИКА ОЛЬХИНА

Печатается по тексту *К*, л. 105 от 15 августа 1861 г., стр. 883—884, где опубликовано впервые.

О редакторской обработке свидетельствует подстрочное примечание к корреспонденции, а также редакционные реплики в скобках в тексте самой корреспонденции.

Об «ольхинском деле» см. выше, стр. 257 и 452.

РУССКИЕ ПОБЕДИТЕЛИ В СУВАЛКАХ

Печатается по тексту *К*, л. 106 от 1 сентября 1861 г., стр. 889—890, где опубликовано впервые. После подстрочного примечания и заключительных строк публикации в тексте «Колокола» следует подпись: *Ред.*

В издании Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XI, 221).

Статья представляет собой составленные в редакции выдержки «из письма к издателям „Колокола“». О редакторской обработке свидетельствуют, кроме того, подстрочное примечание и заключительный абзац. Возможно, редакторской вставкой в текст являются также строки, высказанные по поводу рассказа корреспондента об увозе властями арестованного юриста Вешхлейского в Петропавловскую крепость вопреки заверениям, что всех поляков будут наказывать только в Польше («Вот вам образчик того, как русское правительство Любопытно знать, что скажет „Constitutionnel“ и г. Грангильо, узнавши об этом факте; будут ли они советовать полякам верить Александру II?»).

Стр. 267. ...*Фальковского увезли в Динабург*. — В заметке «Польский мартиролог», напечатанной в *К*, л. 167 от 10 июля 1863 г., Герцен сообщал о том, что ксендз Фальковский расстрелян в г. Лиде (см. т. XVII наст. изд.).

ХЛЕБ НОВОЙ ЖИЗНИ, ЗАГОТОВЛЯЕМЫЙ В СЕЛЕ РОГАНИ КОЛЛЕЖСКОГО СОВЕТНИКА ПОМПЕЯ ПАССЕКА И К^о

Печатается по тексту *К*, л. 108 от 1 октября 1861 г., стр. 908, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь». В *ОК* озаглавлено: *Хлеб новой жизни*.

Стр. 268: ...покрыл себя славой во время преследования Лужинским харьковских студентов.— О «гнусном поведении» харьковского губернатора И. Д. Лужина во время волнений студентов Харьковского университета в 1858 г. Герцен писал неоднократно: см. «Харьковская история» (т. XIII, наст. изд.), «Лужин дерется», «Правда ли, что доносчик Лужин отдан под суд...», «Грязь и Лужин», «Лужин Верный» (т. XIV наст. изд.). В статье «Грязь и Лужин» сообщалось об участии в расследовании «дела харьковских студентов» чиновника особых поручений при министерстве внутренних дел П. В. Пассека, «который служил при полиции в Москве» (*К*, л. 77—78 от 10 августа 1860 г., стр. 651).

АНТРОПОФАГ ГЛАДИН И САРАТОВСКИЙ ИГНАТЬЕВ

Печатается по тексту *К*, л. 109 от 15 октября 1861 г., стр. 916, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь». В *ОК* озаглавлено: *Глади́н и Игна́тьев*.

О редакторской обработке корреспонденции, напечатанной, по всей видимости, в редакционном изложении, свидетельствуют заглавие заметки, ироническая реплика в тексте («Сумлеваемся!»), а также сентенция, заключающаяся в концовке: «Гладиным можно еще пожить на Руси, пока не вымерли Сухозанеты».

ДЕБЮТЫ ПУТЯТИНА

Печатается по тексту *К*, л. 110 от 1 ноября 1861 г., стр. 922, где опубликовано впервые.

Статья представляет собой выдержки из «длинной и чрезвычайно любопытной корреспонденции», местами данной в редакционном изложении (например, строки о «министерском плаваньи» Путятина, о его «японском языке» и его «японских церемониях»). Редакция принадлежит также вступительные строки и реплика в тексте: «О Москва!»

О министре народного просвещения адмирале Е. В. Путятине см. в статьях Герцена «Крестный ход богомокрлиц в гору просвещения» (стр. 375), «Путятин молчит», «За что Путятин?» и др. О близости Путятина с Н. А. Сергиевским, редактором и вдохновителем ультрареакционного журнала «Православное обозрение», см. выше, в статье «Исполня просыпается!» (наст. том, стр. 174).

Стр. 269. Это была программа, *profession de foi*, и вместе манифест нового министерства ∞ произвела всеобщее негодование, не только в университетах, но и между всеми образованными людьми.— Откликаясь на циркуляр Путятина, разосланный в университеты в конце июля 1861 г., А. В. Никитенко писал: «Циркуляр таков (...), что действительно должен тотчас все наши университеты поставить в оппозиционное отношение к правительству. Так например, поведение студентов, каждый их поступок или проступок вменяется в ответственность профессорам (...). В Москве то же

негодование и дух оппозиции, возбужденный циркуляром; в Киеве то же» (А. В. Никитенко. Дневник, т. 2, стр. 206—207).

Стр. 270. Любопытно, как поступят советы других университетов, но Петербургский постановил ∞ ни на кого из своих членов не может указать, кто бы желал принять на себя исправление должности проректора.—Совет Петербургского университета 6 сентября 1861 г. единогласно вынес решение о том, что он «не может представить ни одного кандидата для занятия должности проректора по причине трудного положения, в которое поставлен будет проректор по измененным правилам для студентов» (В. Д. Спасович. Сочинения, т. IV, СПб., 1891, стр. 34). Как свидетельствуют записи Никитенко от 10 и 11 сентября, «университет хотел этим выразить свое негодование против министерского циркуляра, которым граф Путятин начал свое управление (<...> Проректор избран должен быть <...> для надзора за студентами, взамен инспектора <...> Никто из профессоров не хочет принять на себя этого звания» (А. В. Никитенко. Дневник, т. 2, стр. 206—207).

ВИТВИЦКИЙ И ИГНАТЬЕВ, ДВА УПРАВЛЯЮЩИЕ

Печатается по тексту *К*, л. 110 от 1 ноября 1861 г., стр. 923, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь». В *ОК* озаглавлено: *Витвицкий и Игнатъев*.

В «Колоколе» был напечатан ряд разоблачительных материалов о кн. Л. В. Кочубее, стрелявшем в управляющего его именьями И. Зальцмана (см. «Что значит суд без гласности», — т. XIII наст. изд., «Дело Кочубея и Зальцмана» — т. XIV наст. изд., «Через два года», «Еще о стрелке Кочубее» — т. XIV наст. изд.), а также о его брате помещике Саратовской губернии кн. С. В. Кочубее. В заметке «По части помещичьего благодушия» упоминалось, что «управляющий кн. Кочубея Витвицкий, например, заставляет работать крестьян по 6 дней в неделю, да сверх того сечет их страшно и берет по наряду женщин» (*К*, л. 73—74 от 15 июня 1860 г., стр. 621). В заметке «Еще раз о Витвицком» снова говорилось о его жестокой расправе с крестьянами и преследованиях красивых крестьянок (*К*, л. 80 от 1 сентября 1860 г., стр. 671).

О кровавом подавлении волнений крестьян С. Кочубея и об участии в экзекуциях саратовского губернатора А. Д. Игнатъева рассказывалось в статье «Предсмертные злодейства помещичьего права». К строкам о «распорядителе саратовского пашалыка Игнатъеве» в тексте статьи было сделано следующее подстрочное примечание (возможно, принадлежащее редакции «Колокола»): «Игнатъев сей выведен на свет террористом внутренних дел Бибиковым. Он и Аскоченский пережили своего патрона!» (*К*, л. 101 от 15 июня 1861 г., стр. 850).

Об отказе крестьян Кочубея выполнять повинности после объявления манифеста 19 февраля 1861 г. Герцен упоминал также в заметке «Гурко не Апраксин» (стр. 111 наст. тома).

СПАСЕНИЕ ЦЕНСУРЫ В МОСКВЕ

Печатается по тексту *К*, л. 112 от 15 ноября 1861 г., стр. 937, где опубликовано впервые, с подзаголовком в скобках: *Из другого письма*. В «Колоколе» заметке предшествовала публикация «Письма из Москвы», входившего в статью «Студентское дело».

Заметка представляет собой выдержку из письма в редакцию «Колокола». Редакция также принадлежит подстрочное примечание к тексту, реплика в скобках («и весьма слабый, добавим мы»), и, вероятно, концовка

заметки (предшествующий абзац заключался в тексте «Колокола» кавычками). Корреспонденция была прислана, видимо, В. П. Бурениным (см. ЛН, т. 41—42, стр. 585).

Стр. 272. Текст адреса мы получили сегодня и напечатать его в следующей листе вместе с письмом из Москвы.— «Текст адреса, неподписанного московскими литераторами», был напечатан в К, л. 113 от 22 ноября 1861 г., стр. 944—945. Перед этим адресом была напечатана статья «Московская бойня студентов», в которую вошло письмо гр. Е. В. Салиас о студенческих волнениях в Московском университете (см. выше, стр. 233).

ПОДРОБНОСТИ О 12/24 ОКТЯБРЕ

Печатается по тексту К, л. 112 от 15 ноября 1861 г., стр. 940, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

В издании Лемке отнесено к разряду Dubia (Л XI, 337).

Заметка представляет собой редакционное изложение корреспонденции из газеты «Таймс» от 13 ноября 1861 г. Стилистическая манера Герцена заметна в строках о «преториянцах» и о «преображенских офицерах, ходивших в атаку на студентов» (см. об этом выше заметку «Преображенская рота и студенты» стр. 180).

О событиях в Петербургском университете в сентябре-октябре 1861 г. см. выше статьи «Петербургский университет закрыт!», «Исполни prophetae!», «Третья кровь!».

Стр. 272. ...Лебедеву разбили голову и разрубили скулу...— В К, л. 114 от 1 декабря 1861 г. в заметке «Еще мученик полицейских неистовств» было сообщено: «Кандидат Лебедев, раненный игнатьевскими янычарами, скончался» (стр. 956).

ПРАВОСЛАВИЕ И АРТИЛЛЕРИЯ, АРТИЛЛЕРИЯ И НАУКА

Печатается по тексту К, л. 113 от 22 ноября 1861 г., стр. 947, где опубликовано впервые. В ОК данная заметка вместе с последующей имеют одно общее заглавие: *Православие, артиллерия и траур*.

О редакционной обработке документальных материалов свидетельствуют, помимо заглавия, вступительные строки к разделу II, подстрочное примечание и заключение.

О вел. кн. Михаиле Николаевиче см. в комментарии к заметке «И Михаил Николаевич принимается за дело» (стр. 449—450).

АРТИЛЛЕРИЯ И ТРАУР

Печатается по тексту К, л. 113 от 22 ноября 1861 г., стр. 947, где опубликовано впервые. В ОК данная заметка вместе с предыдущей имеют одно общее заглавие: *Православие, артиллерия и траур*.

БЛАГОДУШНЫЙ МОНАРХ УСПОКОИВАЕТ СВОИМИ ПРОРОЧЕСТВАМИ СВОЙ ДОБРЫЙ НАРОД

Печатается по тексту К, л. 116 от 15 декабря 1861 г., стр. 971, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь». В ОК озаглавлено: *Благодушный монарх*.

Об ироническом оттенке выражения «благодушный монарх» (по адресу Александра II) см. в комментарии к заметке «В Бездне нет конца» (стр. 443).

Об упомянутом в заметке «пророчестве» Александра II Герцен вскоре вспомнил, по другому поводу, в своей статье «М. А. Бакунин», которую заключал «желанием, чтобы пророчество, сделанное императором Александром крестьянам, *что им не будет другой воли <...> не сбылось*» (т. XVI наст. изд., стр. 20).

О тех же словах Александра II писал позже Н. П. Огарев в статье «Ход судеб»: «Государь <...> летом сам поехал, собирал в разных местах старшин мирских и говорил, что никакой другой воли народу не даст, кроме того полурабства, что в „Положении“ придумано. Мало того, зимою приказал министру написать всем губернагорам, чтоб велели сказать народу и процепатали бы, что никакой другой, настоящей, воли народу не будет» (Н, л. 122—123 от 15 февраля 1862 г., стр. 1013). Там же был напечатан текст упомянутого циркуляра министра внутренних дел от 2 декабря 1861 г.



•

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абаза Александр Аггеевич (1821—1895), гофмейстер двора вел. княгини Елены Павловны, председатель совета управления Главного общества российских железных дорог в 1860—1861 гг., впоследствии государственный контролер (1871—1874) и министр финансов (1880)—166
- Абрамович Игнатий Акимович (ум. 1867), генерал-лейтенант, и. о. генерал-полицмейстера действующей армии в 1854—1856 гг., главнозаведующий дворцами и председатель дирекции театров Царства Польского — 69
- Агафатокл, архиерей — 136
- Адам (библ.) — 148
- Адлерберг Александр Владимирович, граф (1819—1889), генерал-адъютант, член комиссии по делам книгопечатания в 1859—1860 гг., член Главного управления цензуры в 1860—1861 гг., сын В. Ф. Адлерберга — 61, 233
- Адлерберг (старший, senior) Владимир Федорович, граф (1790—1884), генерал-адъютант, начальник департамента почт в 1842—1856 гг., министр императорского двора в 1852—1870 гг., член Секретного (позже — Главного) комитета по крестьянскому делу с 1857 г. — 36, 61, 233, 252, 298, 313, 331, 336, 386, 387
- Аксаков Иван Сергеевич (1823—1886), поэт и публицист славянофильского лагеря, редактор газет «Парус» (1859) и «День» (1861—1865), впоследствии пред-
седатель московского славянского комитета — 221, 294, 296, 298, 304, 315, 347, 375, 376
- Аксаков Константин Сергеевич (1817—1860), публицист и литературный критик славянофильского лагеря — 9—11, 59, 73, 178, 179, 294—296, 299, 336, 375, 376 — «Замечания на новое административное устройство крестьян в России» — 128, 375, 376 — «Союзникам» — 10, 296
- Александр I (1777—1825), император — 155, 250, 357, 389, 402
- Александр II (1818—1881), император — 7, 19, 21, 25, 30, 33, 35, 46, 48, 51—53, 59—61, 65, 66, 73, 75—79, 82, 83, 85, 86, 88, 90, 91, 96, 100, 103, 104, 107, 108, 110, 111, 117, 126—129, 133, 135—138, 152, 155, 156, 162, 171 — 173, 183 — 185, 190, 192, 195, 196, 198, 201, 218, 232, 233, 234, 239, 248—253, 258, 259, 263, 267, 274, 275, 280, 281, 297, 298, 300, 301, 303, 304, 307, 310—313, 318, 320, 321, 323—325, 327, 333 — 336, 340—342, 344, 345, 347, 348, 350—352, 355, 359, 361—367, 371, 374, 375, 377—380, 386, 387, 394, 395, 398, 402—405, 407, 418, 421, 435—437, 441, 443, 446, 451—454, 457, 458
- Александр Ярославич Невский (1220—1263), князь Новгородский с 1228 г., Киевский с 1249 г., великий князь Владимирский с 1252 г., причислен церковью к лику святых — 267

- Александра Федоровна (1798—1860), императрица, жена Николая I—96, 353
- Алексеев, матрос на клипере «Плестун» — 13
- Альбертини Николай Викентьевич (1826—1890), публицист, в 1859—1863 гг. политический обозреватель «Отечественных записок», затем сотрудник газеты «Голос» — 183
- Альфьери (Alfieri) Витторио (1749—1803), итал. драматург и поэт — «Il Misogallo» — 103, 360
- Альфонский Аркадий Алексеевич (1796—1869), профессор (с 1829) и ректор Московского университета с 1842 до 1848 г. и с 1850 до 1863 г., хирург, главный врач Воспитательного дома с 1830 до 1850 г.— 42, 116, 317, 369
- Аммосов Петр Дмитриевич, помещик Глуховского у. Черниговской губ.— 253, 254
- Андреев Николай Николаевич (1824—1888), капитан-лейтенант, командир фрегата «Олег» в 1860—1864 гг.—163, 297, 392, 393, 413
- Андреев Осип Федорович, самарский старообрядческий священник — 138
- Андреева Елизавета, крепостная помещика Новгородской губ. Азарьева — 57, 327
- Андрокл, герой древнеримской легенды — 32, 310
- Анненков Николай Николаевич (1799—1865), генерал-адъютант, член Государственного совета, с 1849 до 1853 г. председатель «Комитета 2 апреля» (по надзору за печатью, т. н. «бутурлинского»), в 1854—1855 гг. новороссийский и бессарабский генерал-губернатор, с 1855 до 1862 г. государственный контролер, с 1862 г. генерал-губернатор Юго-Западного края —253, 415, 431
- Анненков Федор Васильевич, генерал-майор свиты, нижегородский военный и гражданский губернатор с 1854 по 1856 г.—184, 404
- Антоний, до пострижения — Авраамий Гаврилович Смирницкий (1773—1846), архиепископ воронежский с 1832 г.— 133
- Антоний, архiereй — 136
- Антъе Бенжамен (1787—1870), франц. драматург, соавтор Ф. Леметра (см.) в создании пьесы «Робер Макер» — «Robert Macaire» — 94, 353
- Апраксин Антон Степанович, граф, генерал-майор свиты; руководил подавлением крестьянского восстания в с. Бездна Спасского у. Казанской губ. в 1861 г.— 91, 107—109, 111, 117, 126, 198, 239, 350, 351, 362 — 364, 366, 367, 371, 374, 376, 443, 452, 456
- Аракчеев Алексей Андреевич, граф (1769—1834), генерал-от-артиллерии, военный министр в 1808—1810 гг., организатор и главный начальник военных поселений— 22, 95, 328
- Арапов Иван Павлович (1811—1887), директор канцелярии министерства уделов с 1856 г., член Редакционных комиссий по крестьянскому делу с 1859 г.—250
- Аргус (миф.)—158
- Арнауты, помещики Орловской губ.— 232, 433
- Арсеньев Юлий Константинович, чиновник особых поручений при министре внутренних дел — 268
- Арцимович Виктор Антонович (1820—1893), тобольский губернатор с 1854 г., калужский губернатор с 1858 до 1862 г.— 107, 237, 241, 363, 439, 447
- Асоченский Виктор Ипатьевич (1813—1879), реакционный журналист и писатель, редактор-издатель «Домашней беседы для народного чтения» с 1858 до 1877 г.— 96, 98, 105, 117, 128, 139, 309, 353, 354, 360, 371, 372, 374, 375, 380, 388, 456
- «Аугсбургская газета» — см. «Allgemeine Zeitung»
- Аффр Дени Огюст (1793—1848), парижский архиепископ с 1840 г.; убит во время подавления июньского восстания 1848 г. в Сент-Антуанском предместье Парижа— 137, 330
- Бабко Иван, сельский староста села Рогани Харьковского у. — 267
- Бабст Иван Кондратьевич (1824—1881), экономист и историк, профессор политич. экономии в Ка-

- занском (1851—1857) и Московском (1857—1874) университетах; вместе с Ф. В. Чижовым редактировал журнал «Вестник промышленности» в 1860—1861 гг. и газету «Акционер» в 1860—1862 гг.— 179, 400, 401
- Важанов Василий Борисович (1800—1883), прогпрофесивтер, с 1835 г. преподаватель закона божьего в семье Николая I; впоследствии духовник царской семьи и главный священник двора—128, 133
- Бакунин Михаил Александрович (1814—1876), деятель революционного движения — 8, 194, 202, 203, 390, 403, 409, 412, 423, 458
- Баранова, помещица, жена штабс-капитана — 57, 327, 355
- Барбес Арман (1809—1870), франц. революционер; вместе с О. Бланки создавал тайные революционные общества, возглавил парижское восстание 1839 г., участвовал в революции 1848 г.—148
- Барсов, квартальный надзиратель в Киеве — 260
- Барятинский Александр Иванович, князь (1814—1879), генерал-фельдмаршал, главнокомандующий Кавказским корпусом и кавказский наместник в 1856—1862 гг.— 17, 260, 261, 298, 299
- Басаргин Николай Васильевич (1799—1861), поручик, старший адъютант штаба 2-й армии, член Союза благоденствия и Южного общества; приговорен в 1826 г. к каторжным работам сроком на 20 лет; вышел на поселение, после амнистии (1856) жил в Москве — 85, 342, 343
- Бахтин Николай Иванович (1796—1869), государственный секретарь с 1843 до 1853 гг., член Государственного совета (с 1853) и Главного комитета по крестьянскому делу (1861)—51, 323
- Башудкий Александр Павлович (1801—1876), статс-секретарь государственной канцелярии, адъютант М. А. Милорадовича в 1825 г., журналист; в 1841 г. издавал литературный альманах «Наши, списанные с натуры русскими»; уволенный со службы за растрату (1849) пошел в монахи — 96, 128, 353, 374, 422
- Безак Александр Павлович (1800—1868), генерал-от-артиллерии, член Государственного совета, оренбургский и самарский генерал-губернатор — 112
- Бейст (Beust) Фридрих Фердинанд фон, граф (1809—1886), министр внутренних дел Саксонии в 1853—1866 гг., впоследствии (1866—1871 гг.) австрийский министр иностранных дел, министр-президент и канцлер — 8, 27, 292, 294, 306, 312, 395
- Беккер Павел Васильевич (1807—1881), профессор археологии и классической словесности (с 1837 г.) и директор (с 1857 до 1862 г.) Ришельевского лицея в Одессе, сын саксонского подданного — 100
- Беклемишев Федор Андреевич, чиновник канцелярии иркутского генерал-губернатора, с 1860 г. член совета Главного управления Восточной Сибири — 157, 158, 390, 391
- Белинский Виссарион Григорьевич (1811—1848) — 20, 59, 213, 299 — «Письмо к Гоголю» — 59
- Белов, корреспондент «Северной пчелы» — 240
- Бенкендорф Александр Христофорович, граф (1783—1844), генерал-адъютант, с 1826 г. шеф жандармов, командующий императорской главной квартирой и главный начальник III отделения — 254, 304, 328, 377, 452
- Беньёвский, польский эмигрант в Лондоне — 47
- Бергер — см. Термен
- Березин, мичман на клипере «Пластун» — 14, 296
- Берклей (Barclay), владелец пивоваренного завода в Лондоне — 8, 293, 294
- Бернова Антонина Александровна, дочь А. И. Михайловского-Данилевского — 205, 206, 414, 415
- Бестужев Николай Александрович (1791—1855), декабрист, член Северного общества (с 1824), участник восстания 14 декабря; приговорен к вечной каторге,

- 1840 г. на поселении — 226, 425, 426
- «Воспоминания о Кондратье Федоровиче Рылееве» — 226, 425
- Бёкль — см. Бокль Г.
- Бибиков Дмитрий Гаврилович (1792—1870), генерал-адъютант, с 1838 до 1848 г. киевский губернатор, подольский и волынский генерал-губернатор, в 1852—1855 гг. министр внутренних дел — 210, 456
- Бибиков Илья Гаврилович (1794—1867), генерал-от-артиллерии, генерал-адъютант, с 1850 г. генерал-губернатор Северо-Западного края, участник подавления крестьянских волнений в Казанской губ. в 1861 г. — 91, 259, 334, 351
- «Библиотека для чтения», ежемесячный журнал; издавался в Петербурге (1834—1865); редактировался в 1834—1836 гг. О. И. Сенковским и Н. И. Гречем, затем, в 1836—1848 гг. — одним Сенковским, в 1856—1861 гг. — А. В. Дружининым — 64, 89, 100, 230, 305, 355
- Библия — 27, 32, 108, 177, 295, 305, 310, 400
- Бирон Эрнст Иоганн, герцог (1690—1772), фаворит имп. Анны Иоанновны и фактический правитель России, в 1740 г. регент империи; с 1741 до 1762 г. был в ссылке — 9, 86, 135, 335, 404
- Бистром Карл Иванович (1770—1838), генерал-адъютант, генерал-от-инфантерии, участник подавления польского восстания 1830—1831 гг. — 187
- Бистром Родриг Григорьевич, барон (1810—1886), генерал-адъютант, генерал-лейтенант, участник подавления польских восстаний 1830—1831 гг. и 1863 г. — 174—176, 185
- Бичер-Стоу (Becher-Stowe) Гарриэт Елизавета (1811—1896), америк. писательница
- «Хижина дяди Тома» («Uncle Tom's cabin»); дядя Том — 38
- Блан (Blanc) Луи (1811—1882), франц. историк и полит. деятель, член Временного правительства в 1848 г. — 65, 412, 420, 428
- Бланки (Blanqui) Луи Огюст (1805—1881), франц. революционер — 148, 385
- Блонден (Блондин, Blondin) Шарль (1824—1897), франц. акробат — 119, 120, 373
- Блосфельд Георгий Иоахимович (1798—1884), профессор судебной медицины и истории медицины Казанского университета с 1839 до 1865 г. — 23
- Блудов Дмитрий Николаевич, граф (1785—1864), составитель «Донесения Следственной комиссии» по делу декабристов, член Главного управления цензуры в 1857—1859 гг., член Главного комитета по крестьянскому делу, с 1862 г. председатель Государственного совета и Комитета министров — 26, 51, 250—252, 323, 335
- Блюммер Антонина Петровна, слушательница Петербургского университета, участница студенческих волнений 1861 г. — 189, 406
- Бобринский Владимир Алексеевич, граф, полковник лейб-гвардии гусарского полка, флигель-адъютант, член Совета управления Главного общества железных дорог — 50, 166, 321, 322
- Богданова Мария Арсеньевна, слушательница Петербургского университета, участница студенческих волнений 1861 г. — 189, 406
- Бокль (Бёкль, Беклей, Buckle) Генри Томас (1821—1862), англ. историк — 145, 228, 428, 429
- «История цивилизации в Англии» («History of the Civilisation in England») — 228, 428, 429
- Борджа (Борджиа), итальянское аристократическое семейство, представители которого в XV—XVI вв. в политической борьбе широко применяли убийства, предательство, подкуп — 155, 389
- Бортнянский Дмитрий Степанович (1751—1825), композитор и музыкальный теоретик — 63, 329
- Бошета А., бессарабский землевладелец — 161, 162
- Брадке Егор Федорович фон (1796—1862), сенатор, с 1854 г. до 1862 г. попечитель дерптского учебного округа, с 1861 г.

- председатель комиссии по выработке нового университетского устава — 200, 374, 411
- Бредау Мария, содержательница публичного дома в Москве — 32, 58, 213, 233, 309, 310, 326, 327, 406, 419
- Бройль (Brogli, в тексте — Броли) Апиалль Шарль (1785—1870), франц. политический деятель, с 1849 до 1851 г. депутат Законодательного собрания, лидер правой его части, друг Гизо, с 1856 г. член Французской академии — 114
- Брумелль (Brummell) Джордж Бриан (1778—1840), англ. дэнди, известный своим щегольством («король моды») — 121
- Бросе, генерал русской армии в Польше — 264
- Бруннов Филипп Иванович, барон (1797—1875), дипломат, представитель России на Парижской конференции 1856 г., посол в Лондоне в 1840—1854 и 1858—1874 гг. — 68, 154—156, 167—169, 333, 389, 396, 397, 402, 403
- Брут Марк Юний (85—42 до н. э.), римский политический деятель, республиканец, глава заговора против Юлия Цезаря и участник его убийства — 63, 154, 155, 181, 330, 331, 388, 389, 396—399, 402, 403, 451
- «Будущность», русский политический журнал, основанный П. В. Долгоруковым в Лейпциге в 1860 г.; выходил нерегулярно до 1862 г.; всего вышло 25 номеров; начиная с № 3 редактировался Густавом Бером — 209, 308, 313, 338, 396, 403, 406, 416, 424, 431, 433, 450
- Булгарин Фаддей Венедиктович (1789—1859), реакционный журналист, критик и беллетрист, редактор-издатель газеты «Северная пчела» (1825—1859) — 37, 313
- Бурачек Степан Анясимович (1800—1876), реакционный критик, журналист, издатель и редактор журнала «Маяк» (1840—1845) — 96, 128, 353, 374, 375
- Буркова Мина Ивановна, фаворитка графа В. Ф. Адлерберга — 36, 151, 298, 386, 387, 395
- Бутаков Григорий Иванович (1820—1882), контр-адмирал, участник Крымской войны, с 1856 г. командир Николаевского порта и военный губернатор Николаева и Севастополя, в 1861—1862 гг. командующий отрядом винтовых лодок — 16
- Бутков Владимир Петрович (1820—1881), государственный секретарь с 1853 до 1865 гг. — 36, 92, 184, 237, 250, 252, 313, 335
- Бюжо (Vugeaud) Гана Робер (1784—1849), франц. маршал; возгласил подавление парижского восстания 1834 г. — 196, 410
- Бюлер Федор Андреевич, барон (1821—1896), управляющий газетной экспедицией министерства иностранных дел с 1856 до 1873 г.; член Главного управления цензуры (1856—1862) — 42, 98, 317, 353
- Вагнер Рудольф, берлинский книгоиздатель — 232, 433
- Вагнер Франц, лейпцигский книгоиздатель — 128, 375
- Валуев Петр Александрович (1814—1890), государственный деятель, с 1853 г. курляндский губернатор, с 1858 г. директор департамента министерства государственных имуществ, с апреля 1861 до 1868 г. министр внутренних дел, впоследствии граф, министр государственных имуществ и председатель Комитета министров — 183, 213, 225, 241, 268, 363, 370, 439, 447, 458
- Варадинов Николай Васильевич (1817—1886), историк, редактор «Журнала министерства внутренних дел» до 1861 г., чиновник особых поручений при министре внутренних дел с 1861 г., член совета министра внутренних дел по делам книгопечатания с 1863 г. — 42
- «Варшавская ежедневная газета» — см. «Gazeta Warszawska»
- Васильев Михаил Сергеевич, майор, полицмейстер г. Ковно — 183, 434, 444, 445
- Васильев Петр Сергеевич, полковник, полицмейстер г. Вильно до 1863 г. — 183, 239, 444

- Васильчиков Илларион Васильевич, князь (1776—1847), генерал-адъютант, участник подавления декабрьского восстания 1825 г., с 1838 г. председатель Государственного совета и Комитета министров — 187
- Васильчиков Виктор Илларионович, князь (1820—1878), генерал-лейтенант, участник Крымской войны, с 1858 до 1860 г. управляющий военным министерством — 28
- Васильчиков Илларион Илларионович, князь (ум. 1863), генерал-лейтенант, киевский военный губернатор, подольский и волынский генерал-губернатор — 88, 100, 103, 238, 347, 348, 355, 356
- Васильчикова (урожденная Щербатова) Екатерина Алексеевна, княгиня, жена киевского генерал-губернатора — 100, 103, 110, 228, 260, 348, 355, 356, 360, 363—365, 454
- Ведров Владимир Максимович (1824—1892), историк, с 1857 по 1859 г. профессор всеобщей истории Казанского университета, с 1859 г. чиновник министерства народного просвещения, впоследствии цензор Московского, затем Петербургского цензурного комитета — 98
- Велёпольский Александр, маркиз (1803—1877), в 1861 г. член Совета управления и министр народного просвещения и вероисповедания Царства Польского, затем начальник гражданской администрации и вице-председатель Государственного совета — 266
- «Великорус», первые печатные прокламации, выпущенные в Петербурге в 1861 г. подпольной революционно - демократической организацией «Великорус»; всего вышло 3 номера — 132, 176, 179, 184, 200, 271, 377, 400, 411
- Веневитинов Алексей Владимирович, сенатор, почетный опекун Петербургского опекунского совета, управляющий Петербургским воспитательным домом, родильным госпиталем и повивальным институтом до 1862 г. — 166
- Веноста, комиссар гарибальдийцев в Сардинии — 83, 342
- Вергейм Карл, петербургский архитектор — 88, 89, 115, 349, 369
- Вешхлейский Роман, (1825—1887), польский юрист, ассессор трибунала в г. Сувалки, впоследствии адвокат — 265, 266, 454
- Видиль (Vidil) Луи Понс де, барон; осужден в августе 1861 г. за попытку убить своего сына — 220, 421
- Виндишгрец Альфред, князь (1787—1862), австрийский фельдмаршал, руководивший подавлением революции 1848 г. в Австро-Венгрии — 152, 387
- Витвицкий, управляющий саратовским имением кн. С. В. Кочубея — 271, 456
- Вите Федор Федорович (ум. 1879). инспектор классов и преподаватель местных законов Училища правоведения с 1857 до 1862 г. — 245
- Владимир Всеволодович Мономах (1053—1125), великий князь киевский с 1113 г. — 88, 347
- Воронцов-Дашков, граф, помещик Николаевского у. Самарской губ. — 111
- Ворцель (Worcell) Станислав, граф (1799—1857), польский революционер, активный участник восстания 1830 г., руководитель демократической части польской эмиграции — 111, 366
- Вяземский Петр Андреевич, князь (1792—1878), поэт и критик; в 1855—1858 гг. товарищ министра народного просвещения, член Главного управления цензуры, с 1861 г. гофмейстер; состоял при императрице Марии Александровне — 74, 75, 103, 336—338
- Гагарин Иван Васильевич, воронежский губернский предводитель дворянства с 1853 по 1859 г., член губернского комитета по крестьянскому делу — 34, 36, 311
- Гагарин Павел Павлович, князь (1789—1872), сенатор, член следственной комиссии по делу петрашевцев (1849), член Секретного (позже — Главного) комитета по крестьянскому делу (1857—1861), член Государственного

- совета, впоследствии председатель верховного суда по делу Д. В. Каракозова (1866)—26, 33, 34, 52, 218, 251, 252, 280, 310, 313, 335, 346, 354, 451
- Гагарин Сергей Павлович, князь, пензенский вице-губернатор с 1852 по 1859 г., сын П. П. Гагарина — 34, 311
- Гайнау (Гейнау, Наунау) Юлий Якоб, барон (1786—1853), австрийский фельдмаршал, в 1848 г. комендант Вероны, один из руководителей подавления итальянской революции, в 1849 г. командующий войсками, подавившими венгерскую революцию— 8, 152, 292—294, 312, 359, 387, 395
- Гакстаузен (Haxthausen) Август, барон (1792—1866), нем. исследователь аграрного строя Пруссии и России; в 1843—1844 г. путешествовал по России; автор работы о русской помещичьей общине — 21, 301
- Галаган Григорий Павлович (1819—1888), помещик Черниговской губ., с 1858 до 1859 г. член черниговского комитета по улучшению быта помещичьих крестьян, с 1859 до 1861 г. член-эксперт Редакционных комиссий, с 1861 г. член черниговского губ. по крестьянским делам присутствия — 238, 440, 441
- Гамалей Ф. М., президент одесского коммерческого суда — 230, 432
- Гамильтон Эмма (1765—1815), жена английского посла в Неаполе, любовница адмирала Нельсона— 121
- Гангарт Егор Егорович, подполковник, штаб-офицер канцелярии бесарабского генерал-губернатора — 161, 162
- Гарибальди Джузеппе (1807—1882), вождь итальянского национально-освободительного движения — 43, 76, 78, 80, 83, 84, 318, 319, 340—343, 367, 374, 424, 429
- Гаррик Давид (1716—1779), англ. актер, основоположник сценического реализма — 88, 347, 348
- Гейнау — см. Гайнау
- Георг III (1738—1820), англ. король с 1760 г. и курфюрст ганноверский (с 1813 г. король)— 29, 373
- Георг IV (1762—1830), англ. король с 1820 г.; вследствие болезни отца, Георга III, в 1811 г. стал регентом — 121, 373
- Георгии, имя ряда англ. королей, занимавших престол с 1714 г.— 57
- Герцен Александр Иванович (1812—1870)
- «Америка и Сибирь» — 157
- «Былое и думы» — 149, 228, 291, 293, 295—298, 301, 305, 306, 314, 315, 317, 347, 385, 430
- «Клоповник (не растительного царства, а царства русской полиции)» — 57, 58
- «Константин Сергеевич Аксаков» — 59, 73
- «Крещеная собственность» — 281, 291
- «О развитии революционных идей в России» («Du développement des idées révolutionnaires en Russie») — 226, 296, 301
- «Русскому воинству в Польше» — 84, 340, 342
- «Юрьев день! Юрьев день!» — 281
- Герштенцвейг Александр Данилович (1818—1861), генерал-лейтенант, участник обороны Севастополя в 1854—1855 гг., с 1856 г. дежурный генерал Главного штаба, в 1861 г. варшавский военный генерал-губернатор — 150, 239, 385, 434, 446
- Гессе Павел Иванович (1801—1880), генерал-лейтенант, киевский гражданский губернатор в 1855—1864 гг. — 245, 246
- Гладиш, подрядчик Волго-Донской железной дороги — 268, 455
- Гладкий Иван Иванович, управляющий палатой государственных имуществ Екатеринославской губ. до 1858 г., старший чиновник особых поручений при екатеринославском гражданском губернаторе в 1859—1860 гг., предводитель дворянства Славяносербского у. Екатеринославской губ. с 1860 г. — 257
- Глинка Михаил Иванович (1804—1857), композитор — 87, 329
- «Иван Сусанин» — 87

- Глушков Иван Иванович (1809—1868), генерал-майор, вице-директор с 1853 по 1856 г. и директор с 1857 по 1859 г. комиссариатского департамента военного министерства, с 1860 г. член генерал-аудиториата—247, 368, 449
- Гмелин Самуил Готтлиб (1745—1774), путешественник и натуралист, с 1767 г. член Петербургской академии наук; в 1768—1774 гг. совершил путешествие по бассейну Дона, низовьям Волги, Кавказу и берегам Каспийского моря — 21, 301
- Гогарт — см. Хогарт У.
- Гоголевский, священник Бельского у. Гродненской губ. — 7
- Гоголь Николай Васильевич (1809—1852) — 59, 117, 302, 415
— «Мертвые души» — 207, 415, Манилов — 177; Ноздрев — 181, Пименов — 207, Собакевич — 177
— «Ревизор»; Хлестаков — 207, Шпекин — 23, 302
- Голоцын («junior») Александр Федорович, князь (1796—1864), в 1834 г. член следственной комиссии по делу А. И. Герцена, Н. П. Огарева и др., член «буртулинского комитета», с 1858 г. председатель комиссии прошений, подаваемых на высочайшее имя, в 1860 г. председатель следственной комиссии по делу харьковских студентов — 246, 354
- Голоцын Борис Дмитриевич, князь (1819—1878), генерал-майор—258, 262
- Голоцын Юрий Николаевич, князь (1823—1872), композитор, виолончелист, организатор и руководитель народного хора, дававшего концерты в России и за границей — 87, 346, 347, 420
— «Фантазия освобождения» — 87, 420
- Гольштейн-Готторпы, династия герцогов Шлезвиг-Гольштейна с 1580 г. и шведских королей с 1751 г.; Карл Петр Ульрих, сын герцога Карла Фридриха, был возведен в 1761 г. на русский престол под именем императора Петра III — 46, 200
- Гончаров Терентий, приказчик помещика П. Д. Аммосова—254
- Гончарова Анисья Терентьевна, крестьянка Черниговской губ.— 253, 254
- Горчаков Александр Михайлович, князь (1798—1883), дипломат, министр иностранных дел с 1856 до 1882 г., член Государственного совета — 82, 87, 94, 95 — 97, 162, 165, 174, 251, 253, 266, 335, 340, 346, 353, 387, 392, 394, 451
- Горчаков Михаил Дмитриевич, князь (1793—1861), генерал-адъютант, член Государственного совета, главнокомандующий первой армией в Крыму в 1855 г., наместник Царства Польского с 1856 по 1861 г.— 82, 86, 95, 96, 237, 265, 330, 334, 340, 345, 346, 451
- Горянский Федор Иванович, помощник старшего чиновника третьего отделения — 208, 416
- Гофман Андрей Логгинович (1798—1863), член Государственного совета, статс-секретарь, товарищ управляющего четвертым отделением собственной е. и. в. канцелярии до 1861 г., член медико-филантропического комитета — 246
- Грангийо (Грангильо, Grandguillot) Альсид Пьер (1829—1891), франц. журналист и публицист, автор «Русских писем», с 1859 г. главный редактор «Le Constitutionnel» — 266, 454
- Грановский Тимофей Николаевич (1813—1855)— 10, 300
- Грегоровиус Фердинанд (1821—1891), нем. историк и поэт — 144, 384
— «Geschichte der Stadt Rom. in Mittelalter» («История города Рима в средние века») — 144, 384
- Греч Николай Иванович (1787—1867), реакционный журналист и писатель—37, 63, 74, 75, 313, 329, 337, 338
- Грибоедов Александр Сергеевич (1795—1829) — 207, 400
— «Горе от ума»; Лиза — 177, 400; Чацкий — 207, 415
- Григорий, до построения — Георгий Петрович Постников (1784—1860), митрополит петербургский и новгородский с 1856 г.— 31, 246, 309

- Громека Степан Степанович (1823—1877), журналист, сотрудник «Отечественных записок» и «С.-Петербургских ведомостей», в прошлом — жандармский офицер железнодорожной полиции, затем начальник отделения департамента общих дел министерства внутренних дел, председатель комиссии по крестьянским делам в Польше в 1863 г., с 1864 г. седлецкий губернатор — 176, 272, 335, 350, 355, 359, 363, 364, 370, 371, 415, 440, 441
- Грюнберг, заседатель земского суда в Риге — 248
- Гумбольдт Александр Фридрих Вильгельм, барон (1769—1859), нем. естествоиспытатель и путешественник — 21, 301
- Гурко Иосиф Владимирович (1828—1901), флигель-адъютант, ротмистр лейб-гвардии гусарского полка, впоследствии генерал-фельдмаршал — 111, 112, 366, 367, 371, 376, 456
- Гутцейт Леонард Константинович фон, помещик Орловской губ., член губернской врачебной управы с 1857 до 1865 г., затем инспектор врачебного отделения губернского правления — 36, 57, 111, 213, 326, 327, 365, 385, 419
- Давыдов Денис Васильевич (1784—1839)
— «Современная песня» — 95, 353
- Данзас Борис Карлович (1799—1868), сенатор, член Совета управления Главного общества железных дорог — 166
- Данзас Карл Карлович, тамбовский губернатор с 1854 по 1866 г. — 229, 230, 321, 431, 432
- Даниил (библ.) — 32, 310
- Дантон Жорж Жак (1769—1794), деятель Великой французской революции — 146, 384
- Дараган Анна Михайловна (1806—1875), начальница Николаевского сиротского института в Петербурге — 27
- Делянов Иван Давыдович, граф (1818—1897), в 1858—1860 гг. попечитель петербургского учебного округа, с 1860 г. член Главн. управления цензуры — 99
- Демосфен' (384 — 322 до н. э.), афинский оратор и политический деятель — 173, 399
- Дерби Эдуард Генри Смит (лорд Стэнли), граф (1826—1893) англ. государственный деятель, консерватор — 164
- Державин Гаврила Романович (1743—1816) — 173, 398
— «Песнь лирическая Россу по взятии Измаила» — 173, 398
- Джанеев Николай Васильевич, александровский окружной начальник палаты государственных имуществ Екатеринбургской губ. до 1862 г. — 255 — 257
- Диоген из Синоп (ок. 414—323 до н. э.), греческий философ — 121
- Дистерло, барон (ум. 1860), лейтенант, командир клипера «Плассун» — 12—16, 297
- Добролюбов Николай Александрович (1836—1861) — 213, 324, 331, 418, 449
- Долгоруков (Долгорукий) Василий Андреевич, князь (1804—1868), генерал-адъютант, военный министр в 1853—1856 гг., шеф жандармов и начальник III отделения в 1856—1866 гг., член Главного комитета по крестьянскому делу — 25, 26, 61, 71, 99, 105, 132, 141, 154, 218, 225, 252—254, 259, 280, 281, 302—304, 306, 308, 313, 327, 328, 334, 335, 359—361, 378
- Долгоруков Петр Владимирович, князь (1816—1868), историк и публицист, в 1859 г. эмигрировал, в 1860—1864 гг. издавал журналы и газеты в Лейпциге, Париже, Брюсселе, Лондоне, сотрудничал в «Колоколе» — 22, 63, 153, 154, 292, 392, 303, 307, 309, 328, 329, 335, 338, 354, 355, 361, 387, 396, 403, 406, 407, 416, 420, 424, 431, 433, 449, 450
— «La vérité sur la Russie» («Правда о России, высказанная князем Петром Долгоруковым») — 22, 63, 302, 312, 328, 329, 361, 400
- «Домашняя беседа для народного чтения», еженедельная газета

- реакционного направления, издававшаяся в Петербурге с 1838 до 1877 г.; редактор-издатель В. И. Асоченский—117, 372, 375
- Домонтович Константин Иванович (1820—1889), с 1859 г. член Редакционных комиссий, впоследствии (с 1865) директор департамента министерства финансов — 250
- Дреникин Александр Максимович (1813—1877), генерал-майор свиты, участник подавления крестьянских волнений в Пензенской и Тамбовской губ. в 1861 г.—126, 129, 198, 350, 351, 374, 376, 377, 379, 419
- Дубельт Леонтий Васильевич (1792—1862), генерал-лейтенант, начальник штаба корпуса жандармов с 1835 г., в 1839—1856 гг. также управляющий III отделением, в 1848 г. член «бутурлинского комитета»—102, 184, 208, 293, 304, 334, 404
- Дульфус, барон, польский эмигрант в Генуе — 131
- Дюма-отец Александр (1803—1870), франц. романист и драматург—74, 337
- Дядя Том, герой романа Бичер-Стоу (см.)
- Евдокимов Николай Иванович, граф (1804—1870), генерал-от-инфантерии, участник завоевания Восточного Кавказа в 1857—1859 гг., с 1860 г. начальник русских войск на Западном Кавказе — 260, 261, 386, 454
- Европеус Александр Иванович (1826—1885), петрашевец, в 1849 г. приговорен к расстрелу, замененному отдачей в солдаты, в 1857—1860 гг. вместе с А. М. Унковским стоял во главе либеральной оппозиции тверского дворянства, с 1860 до 1862 г. отбывал ссылку в Пермь — 19, 91, 300, 351, 352, 407
- Европеус Эмилия Вильямовна, переводчица, жена А. И. Европеуса — 189, 300, 407
- Екатерина II (1729—1796), императрица — 21, 108, 110, 155, 210, 389, 402, 417
- Елена Павловна, великая княгиня, бывшая вюртембергская принцесса (1806—1873), жена вел. князя Михаила Павловича, покровительница «Русского музыкального общества»—75, 166, 335, 339
- Елизавета Унгарская (1207—1231), ландграфиня Тюрингенская, дочь венгерского короля Андрея II, известна своим подвижничеством; в 1235 г. канонизована — 98
- Еремин, юнкер Уральского гвардейского дивизиона — 248
- Ефимов И. С., студент в Петербурге — 229, 431
- Ефимович—см. Яфимович М. М.
- Желяговский, архиерей в Бельском у. Гродненской губ. —7
- Жемчужников, помещик Самарской губ. — 111, 112
- Жерновик, скрипач при дворе англ. короля Георга III — 28, 29, 307
- Жуковский Василий Андреевич (1783—1852) — 82, 329
- Жуковский Степан Михайлович (1818—1877), с 1857 г. помощник государственного секретаря по делопроизводству Секретного (позже—Главного) комитета по крестьянскому делу, с 1859 г. непреременный член Редакционных комиссий, в 1861 г. управляющий делами Главного комитета, ближайший сотрудник Н. А. Милютина — 250
- Заболоцкий (Заблоцкий) Василий Иванович (1802—1878), генерал-лейтенант, участник расстрелов в Варшаве в 1861 г.—44, 70, 333
- Зайцев, офицер Павловского полка — 259
- Зальцманн (Залцман) Игнатий, австр. подданный, управляющий имением князя Л. В. Кочубея—155, 390, 456
- Замятин Дмитрий Николаевич (1805—1881), товарищ министра юстиции с 1858 до 1862 г., с 1862 до 1867 г. министр юстиции — 35, 61, 306, 311
- Замятина Екатерина Сергеевна (1812—1886), начальница Ни-

- колаевского сиротского института и Александровского сиротского дома в Петербурге с 1856 до 1862 г., жена Д. Н. Зяматина — 27, 35, 306, 311
- Захаров, офицер русской армии в Польше — 264
- Зиновьев Николай Васильевич (1801—1882), генерал-адъютант, воспитатель великих князей Николая, Александра и Владимира Александровичей в 1849—1860 гг. — 23
- Зиновьев Павел Васильевич, попечитель Харьковского учебного округа в 1857—1860 гг., брат Зиновьева Н. В. — 23, 302
- Златницкий, ротмистр, адъютант казанского военного и гражданского губернатора — 109, 364
- Зоревич, житель г. Сувалки Августовской губ. — 265
- Зумалкареги (Zumalacarguey) Томасо (1788—1835), исп. генерал, предводитель карлистов, сторонник дона Карлоса Бурбонского — 120, 373
- Иваницкий, стряпчий вел следствие по делу Озерского в 1860 г. — 213
- Ивашковский (в «Колоколе» ошибочно — Ивановский) Семен Мартьянович (ум. 1850), профессор греческой словесности и древностей Московского университета с 1825 по 1835 г. — 23
- Игнатий, до пострижения — Дмитрий Александрович Брячанинов (1807—1867), военный инженер до 1827 г., архимандрит Сергиевой лавры с 1834 г., епископ кавказский и черноморский с 1857 до 1861 г. — 134, 136, 379, 380
- Игнатъев Алексей Дмитриевич, саратовский гражданский губернатор до 1861 г. — 268, 271, 455, 456
- Игнатъев Павел Николаевич, граф (1797—1879), генерал-адъютант, генерал-от-инфантерии, генерал-губернатор Витебской, Могилевской и Смоленской губ. в 1853—1854 гг., петербургский военный генерал-губернатор с 1854 до 1861 г. — 31, 57, 61, 101, 164, 173, 174, 176, 229, 246, 252, 253, 259, 262, 263, 309, 310, 335, 358, 392, 398, 431, 449, 451, 453, 457
- Иелалич Франц Иосифович (1808—1888), профессор операционной хирургии Казанского университета до 1861 г. — 23
- «Инвалид» — см. «Русский инвалид»
- Иоанн, до пострижения — Владимир Сергеевич Соколов (1818—1869), архимандрит, ректор и профессор Казанской духовной академии в 1857—1864 гг. — 136 — «Слово об освобождении крестьян» — 167
- Иоанн Непомук Мария Иосиф (1801—1873), король саксонский с 1854 г. — 8, 294
- «Иркутские губернские ведомости», ежедневная газета, издававшаяся с 1857 г. — 158
- Исаков Николай Васильевич (1821—1891), генерал-майор свиты, участник подавления венгерской революции в 1849 г., попечитель Московского учебного округа с 1859 до 1863 г. — 42, 142, 271, 317, 382
- Исидор, до пострижения — Яков Сергеевич Никольский (1799—1892), митрополит киевский с 1858 до 1860 г., новгородский и петербургский с 1860 г. — 25, 31, 36, 117, 133, 134, 136, 246, 304, 309, 372
- «Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне», сборник статей, издававшийся А. И. Герценом и Н. П. Огаревым в Лондоне; вышло 2 книги: первая в 1859 г. и вторая в 1861 г. — 89, 293, 303, 414
- Кабрера дон Роман, граф Морелья (1806—1877), исп. политический деятель, карлист, участник восстания против королевы Изабеллы — 120, 373
- Кавелин Константин Дмитриевич (1818—1885), историк и публицист, профессор истории русского законодательства в Московском (1844—1848) и по кафедре гражданского права в Петербургском (1857—1861) университетах — 20, 299, 400

- Кавеньяк (Каваньяк, Cavaignac) Луи Эжен (1802—1857), франц. генерал, военный диктатор и душитель Июньского восстания (1848), глава правительства в июне—декабре 1848 г. — 30, 225, 308, 381, 410, 422
- Казанский, житель г. Белгорода Курской губ.— 26
- Каин (библ.) — 45, 126, 345, 376
- Кайданова, помещица Петербургской губ.— 257, 352
- Калигула Гай Цезарь (12—41), римский император с 37 г. — 144, 384
- Кант Иммануил (1724—1804)—29
- Капгер Александр Христианович (1809—1876), генерал-лейтенант, сенатор, в 1861 г. провел ревизию положения крестьян в Калужской и Владимирской губ.— 241
- Караваев — см. Кузьмин-Караваев А. П.
- Карамзин Николай Михайлович (1766—1826), историк и писатель — 75, 338
- Карлос дон Мария Исидор де Бурбон (1788—1855), претендент на испанский престол, в 1845 г. отрекся от своих прав в пользу сына, дона Карлоса Людовика, графа Монтемолино — 120, 373
- Карлос дон Людовик Мария Фердинанд, принц Астурийский, граф Монтемолино (1818—1861), претендент на испанский престол, участник войны карлистов против Изабеллы (1838—1839); в 1860 г. высадился в Испании со своим отрядом, но был арестован — 120, 373
- Карницкий Иван Николаевич (ум. 1878), статс-секретарь при Совете управления Царства Польского с 1856 до 1861 г. — 63, 227, 330, 426, 427
- Картуз Луи Доминик (1693—1721), атаман разбойничьей шайки, действовавшей в Париже и его окрестностях, казнен — 63
- Кассий Лонгин Гай (I в. до н. э.), римский политический деятель, республиканец, участник заговора против Юлия Цезаря и один из его убийц — 154, 181, 388, 389, 396—399, 402, 403, 451
- Катков Михаил Никифорович (1818—1887), реакционный журналист и публицист, редактор-издатель «Московских ведомостей» (1850—1855, 1863—1887) и «Русского вестника» (1856—1887) — 37, 272, 301, 304, 313 — 315, 393
- Катон Младший Марк Порций Утический (95—46 до н. э.), римский народный трибун, претор, вождь республиканской партии — 146
- «Кельнская газета» — см. «Kölnische Zeitung»
- Керн Федор Сергеевич, капитан I ранга, начальник отряда винтовых лодок, член следственной комиссии о гибели клипера «Пластун» в 1860 г. — 16, 297
- Киреевский Иван Васильевич (1806—1856), публицист и литературный критик, один из основоположников славянофильства, в 1832 г. издавал журнал «Европеец» — 9
- Киреевский Петр Васильевич (1808—1856), собиратель народных песен, былин, духовных стихов, славянофил, брат И. В. Киреевского — 9
- Кирилл (827—869), христианский просветитель, создатель (вместе с братом Мефодием) одной из первых славянских азбук (кириллицы) — 210
- Кирияков, помещик Одесского у. Херсонской губ.— 92
- Кнорринг, мичман на клипере «Пластун» — 13
- Княжевич Александр Максимович (1792—1870), министр финансов с 1858 до 1862 г.—22, 30, 63, 74, 103, 229, 252, 302, 305, 308, 310, 329, 335, 336, 338, 431
- Кобзарь Роман, сельский староста села Рогани Харьковского у.— 267
- Кобро, офицер русской армии в Польше — 265
- Ковалевский Евграф Петрович (1790—1867), попечитель московского учебного округа в 1856—1858 гг., министр народного просвещения в 1858—1861 гг.—23, 25, 63, 64, 72, 73, 88, 99, 104, 105, 252, 303, 306

- 315, 335—337, 354, 360, 361, 374, 395
- Козляинов А. П., помещик Вышневолоцкого у. Тверской губ. — 89, 111, 231, 349, 365
- Козляинов Петр Федорович генерал-майор, казанский военный и гражданский губернатор с 1858 по 1863 г. — 91, 109
- Кокорев Василий Александрович (1817—1889), откупщик, миллионер, известный также своими публицистическими выступлениями — 253, 346, 451, 452
- Коллиньон (Collignon) Шарль Этьен (род. 1802), франц. инженер, главный инспектор мостов и дорог Франции, с 1857 г. директор управления Главного общества российских железных дорог — 166
- «Колокол» («The Bell»), газета, издававшаяся А. И. Герценом и Н. П. Огаревым с июля 1857 до апреля 1865 г. в Лондоне и с мая 1865 до июля 1867 г. в Женеве — 17, 19, 25, 30, 39, 51, 55, 58—60, 62—64, 72, 73, 76—79, 83, 108, 113, 115, 125, 131, 133, 142, 143, 150, 154, 157, 162, 170, 181, 189, 191, 193, 202—204, 209, 212, 213, 217, 225, 227, 228, 234, 239, 245—247, 261, 263, 271, 280, 291, 292, 294—298, 300, 303—305, 308, 309, 311—314, 319, 320, 323, 324, 327, 336, 344, 356—359, 362, 367, 368, 374—378, 382, 394, 418, 419, 426—428, 433, 437, 438
- Колокольцев, майор русской армии в Польше — 264, 265
- Колосс Родосский, гигантская бронзовая фигура бога солнца Гелиоса, изваянная Харесом (III в. до н. э.) — 196
- Комаревский, офицер русской армии в Польше — 265
- Компанейщиков Николай Васильевич, управляющий палатой государственных имуществ Екатеринославской губ. с 1858 г. — 254—257, 452
- Конарский Шимон (1808—1839), польский революционер, участник восстания 1830—1831 гг., возглавлял нелегальную организацию «Содружество польской нации», вел революционную пропаганду, создал подпольную типографию для печатания прокламаций, в 1838 г. арестован в Вильно и затем расстрелян — 44, 239, 319, 320, 444, 445
- Константин Николаевич, вел. князь (1827—1892), генерал-адмирал, в 1860 г. председатель Главного комитета по крестьянскому делу, в 1862—1863 гг. наместник Царства Польского, брат Александра II — 12, 26, 51, 53, 56, 57, 163, 204, 212, 249—252, 296, 297, 314—316, 320, 325, 334, 335, 393, 402, 414, 417, 447
- Корсаков Дмитрий Николаевич, подполковник Преображенского полка, участвовавший в подавлении студенческих волнений в 1861 г. в Петербурге — 272
- Корсини Наталия Иеронимовна, слушательница Петербургского университета, участница студенческих волнений 1861 г. — 188
- Корф Модест Андреевич, барон (1800—1872), государственный секретарь, с 1848 г. член, а с 1853 г. председатель негласного комитета для надзора за книгопечатанием, с 1849 до 1861 г. директор Петербургской публичной библиотеки — 105, 335, 342, 360, 361, 364, 451
- Корш Валентин Федорович (1828—1883), либеральный журналист, редактор «Московских ведомостей» с 1856 до 1862 г., впоследствии (с 1863 до 1874 г.), издатель «С.-Петербургских ведомостей» — 179, 401
- Костомаров Всеволод Дмитриевич (1837—1865), отставной корнет, поэт-переводчик; арестованный в 1861 г., стал предателем и провокатором — 176, 189, 407
- Костомаров Николай Дмитриевич, (род. 1842), до марта 1861 г. воспитанник 1 Московского кадетского корпуса, арестован в 1861 г., брат В. Д. Костомарова — 189, 407
- Костомаров Николай Иванович (1817—1885), историк и писатель, профессор русской истории Киевского (в 1846—1847 гг.) и Петербургского (в 1859—1862 гг.)

- университетов — 72, 73, 295, 325, 326, 336
- Котельницкий Василий Михайлович (1770—1844), профессор «веществословия, фармации и врачебной словесности» Московского университета с 1810 по 1835 г. — 23
- Кочубеу Павел Евстафьевич (1801—1884), генерал - от-инфантерии, начальник Главного штаба первой армии. — 95
- Кочубей Лев Викторович, князь, предводитель дворянства Полтавской губ. с 1854 до 1857 г. — 155, 390, 456
- Кочубей Михаил Викторович, князь, гофмаршал, помещик Самарской губ. — 411
- Кочубей Сергей Викторович, князь, помещик Саратовской губ., брат Л. В. Кочубея — 271, 456
- Крabbе Николай Карлович (1814—1876), адмирал, в 1838 г. адъютант начальника главного морского штаба кн. А. С. Меншикова, с 1860 г. управляющий морским министерством — 214, 419
- Краевский Андрей Александрович (1810—1889), журналист, издатель «Отечественных записок» с 1838 г., «С.-Петербургских ведомостей» с 1852 до 1862 г. — 37, 176, 313, 314
- Крашилов, гардемарин с корвета «Японец» — 248
- Кржековский, польский инженер, до 1861 г. чиновник XIII округа главного управления путей сообщения и публичных зданий — 227, 426
- Кригер Григорий Александрович (ум. 1881), капитан 1 ранга (с 1873 г. вице-адмирал), начальник гидрографического депо Черного моря с 1851 г., член гвардейского экипажа — 183
- Криштофович (в «Колоколе» — Христофович) Емельян Семенович, чиновник особых поручений при херсонском гражданском губернаторе — 92
- Крузенштерн Федор Карлович, каштан-лейтенант, старший офицер корвета «Гангут» — 38, 39, 297, 314, 316
- Крылов Иван Андреевич (1769—1844) — 214, 419
- «Квартет» — 214, 419
- Кузьмин-Караваев Аглай Павлович, офицер виленского гарнизона, пытавшийся в 1838 г. организовать побег из тюрьмы III. Конарского и сосланный за это в Сибирь — 44, 319, 320
- Курилов, священник села Жербец Александровского у. Екатеринославской губ. — 255, 256
- Курис, помещик Одесского у. Херсонской губ. — 92
- Куселев-Безбородко Григорий Александрович, граф (1832—1870), беллетрист, попечитель Нежинского лицея (с 1855 до 1859г.) — 176
- Лакордер (Lacorder) Жан Батист Анри (1802—1861), франц. католический проповедник — 210
- Ламберт Карл Карлович, граф (1815—1865), генерал-от-кавалерии, участник подавления венгерской революции в 1849 г.; в 1861 г. в течение нескольких месяцев был наместником Царства Польского — 232, 233, 385, 386, 434
- Ланской Сергей Степанович (1787—1862), министр внутренних дел в 1855—1861 гг. — 51, 225, 237, 251, 252, 321, 323, 335, 352, 423, 439—441, 447
- Ларионов, боцманнат на клипере «Пластун» — 13
- Лебедев Владимир Александрович (ум. 1861), кандидат Петербургского университета, участник студенческих волнений 1861 г. — 272, 457
- Лебедев Степан Сидорович, цензор Петербургского цензурного комитета с 1860 г. — 42, 272
- Левестам Григорий Федорович, чиновник комиссариатского департамента военного министерства — 247
- Левшин Дмитрий Сергеевич (1801—1871), генерал-от-инфантерии, попечитель Харьковского учебного округа с 1858 до 1863 г. — 105, 200, 201, 335, 374, 411
- Лейбниц Готфрид Вильгельм (1646—1716), нем. философ и математик — 21, 301
- Лейхтенбергский Николай Максимилианович, герцог (1843—

- 1890), член горного совета и ученого комитета министерства государственных имуществ, с 1859 г. на военной службе (впоследствии генерал-от-кавалерии), внук Николая I — 247
- Лелевель (Lelevel) Иоахим (1786—1861), польский историк и политический деятель, руководитель революционного крыла во время восстания 1830 г., играл видную роль в польской демократической эмиграции — 111, 366
- Леман (ум. 1860), мичман на клипере «Пластун» — 14
- Леметр (Lemaître) Фредерик (1800—1876), франц. актер, соавтор Б. Антье (см.) в создании пьесы «Робер Макер» — «Robert Maccaire» — 94, 353
- Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841) — 20, 299
- Леру (Leroux) Пьер (1797—1871), франц. социалист-утопист, избранный депутатом Учредительного (1848), затем Законодательного (1849) собраний, примыкает к крайним левым партиям; с 1851 до 1859 г. в эмиграции — 148, 384
- Лесовский Степан Степанович (1817—1884), капитан первого ранга (с 1863 г. контр-адмирал), начальник Кронштадтского порта с 1858 до 1862 г. — 204, 297, 315, 413, 414, 427
- Ливингстон Давид (1813—1883), англ. путешественник, исследователь Африки — 21
- Липранди Иван Петрович (1790—1880), генерал-майор, историк, чиновник особых поручений при министре внутренних дел, руководивший секретной агентурой по наблюдению за М. В. Петрашевским и его кружком, впоследствии чиновник департамента уделов министерства двора — 37, 86, 314, 346, 401
- Лихонин Орест Семенович, генерал-лейтенант, директор 1 Кадетского корпуса до 1861 г. — 239, 445
- Лишин Андрей Федорович, генерал-майор, директор строительного училища главного управления путей сообщения и публичных зданий — 248
- Логинов, юнкер Уральского гвардейского дивизиона — 248
- Ломоносов Михаил Васильевич (1711—1765) — 21, 301
- Лужин Иван Дмитриевич, генерал-лейтенант, московский обер-полицмейстер, затем курский (1855—1857) и харьковский (1857—1861) военный и гражданский губернатор — 8, 23, 268, 293, 302, 305, 455
- Луи Филипп (1773—1850), франц. король в 1830—1848 гг. — 196, 410
- Львов Алексей Федорович (1798—1870), флигель-адъютант, с 1825 г. адъютант А. Х. Бенкендорфа, директор придворной певческой капеллы с 1837 по 1861 г. — 62, 328, 329
- Львова, помещица Самарской губ. — 111
- Людвик Филипп — см. Луи Филипп
- Людвик XI (1423—1483), франц. король с 1461 г. — 20, 301, 405
- Людвик XVI (1754—1793), франц. король с 1774 г. — 97
- Лютер Мартин (1483—1546), деятель Реформации — 46
- Магницкий Михаил Леонтьевич (1778—1855), попечитель Казанского учебного округа с 1819 по 1826 г., член Главного управления училищ (с 1819 г.), крайний реакционер — 105
- Макаров, матрос на клипере «Пластун» — 12
- Мак-Магон Мари Эдм Патрис (1808—1893), маршал Франции, политический деятель, бонапартист, впоследствии (1873—1879) президент Французской республики, — 197, 410
- Макридий, архиерей — 136, 346
- Максимов, жандармский офицер в Петербурге — 272
- Малиновский Станислав, директор Польской национальной школы в Париже — 130
- Малков, петербургский купец — 174, 392, 398
- Мальцов Сергей Иванович (1810—1893), генерал-майор в отставке, помещик Калужской губ., владелец чугунолитейного, маши-

- построительного и стекольного заводов в Калужской и Орловской губ.—107, 241, 363, 439, 447
 Манилов — см. «Мертвые души»
 Н. В. Гоголя
 Маньковский Константин Антонович, полковник, одесский полицмейстер — 100
 Маресев (в «Колоколе» ошибочно — Маршев) Василий Матвеевич, председатель казенной палаты Ковенской губ. — 232
 Мария (библ.) — 146
 Мария Александровна (1824—1880), императрица, жена Александра II — 105, 140, 197, 305, 353, 354, 365, 380
 Мария Антуанетта (1755—1793), франц. королева, жена Людовика XVI, казнена по приговору революционного суда — 111, 197, 365
 Мария Николаевна, вел. княгиня (1819—1876), дочь Николая I, президент Академии художеств с 1852 г.—166, 247, 355
 «Марсельеза»—65, 87
 Мартов Август, юнга на клипере «Пластун»—16, 297
 Мартынов Александр Евстафьевич (1816 — 1860), актер Александринского театра — 246
 Марфа Посадница, вдова посадника Борещкого, возглавила борьбу новгородских бояр против Ивана III; в 1478 г., после присоединения Новгорода к вел. княжеству Московскому, сослана и пострижена в монахини — 110
 Маршев — см. Маресев В. М.
 Мацини Джузеппе (1805—1872), вождь итальянского национально-освободительного движения — 65, 420
 Медвежникова Е., владелица воспитательного дома для сирот в Восточной Сибири — 159
 Мейендорф Егор Федорович, барон (1792—1879), генерал-от-кавалерии, обер-штальмейстер — 86, 345, 451
 Мельгунов Николай Александрович (1804 — 1867), писатель и публицист — 178, 295, 399, 406
 «Письма с дороги»—178, 399, 406
 Мельхиседек, архиепископ пензенский с 1860 г.—136
 Меншиков (Меншиков) Александр Сергеевич, князь (1787—1869), генерал-адъютант, управляющий морским министерством, чрезвычайный посланник в Константинополе в 1853 г., главнокомандующий русской армией в Крыму в 1853—1855 гг., лидер крепостнической верхушки помещичьего дворянства — 251, 310, 320
 Мерзляков Алексей Федорович (1778—1830), литературный критик, поэт и переводчик, профессор Московского университета по кафедре российского красноречия, стихотворства и языка — 207, 415
 Мерovingи, королевская династия во франкском государстве с конца V до середины VIII в. — 274
 Мерославский (Microslawski) Людвиг (1814 — 1878), польский генерал, участник восстания 1830—1831 гг. и революции 1848 г. в Италии и Германии, представитель шляхетско-националистического крыла польской эмиграции — 228
 Мерхелевич Сигизмунд Венедиктович, генерал-лейтенант, начальник артиллерии первой армии, в 1861 г. исполнял обязанности главноуправляющего гражданскими делами в Царстве Польском — 238, 441, 442
 Мефодий, славянский просветитель IX в., проповедник христианства в Моравии и Паннонии, старший брат Кирилла—210
 Мещеряков Василий Николаевич (1800—1877), генерал-майор, начальник артиллерийской части Кронштадтского порта, член следственной комиссии о гибели клипера «Пластун» — 16, 297
 Милон де Веральон Франсуа фон, барон, русский вице-консул в Виллафранке (Сардиния) — 163
 Милорадович Михаил Андреевич, граф (1771—1825), генерал-от-кавалерии, участник войны 1812—1814 гг., петербургский генерал-губернатор с 1818 г., смертельно ранен на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. — 187
 Милютин Дмитрий Алексеевич (1816 — 1912), генерал-адъютант, военный историк, с 1845 до

- 1856 г. профессор Николаевской военной академии, в 1860—1861 гг. товарищ военного министра, с 1861 до 1881 г. военный министр — 28, 214, 307, 335, 447
- Минсрва (миф.) — 21
- Митрофан (1623—1703), первый воронежский епископ, канонизирован в 1832 г. — 133, 445
- Михаил Николаевич, вел. князь (1832—1909), генерал-фельдцейхмейстер, главный начальник военно-учебных заведений с 1860 до 1863 г., сын Николая I — 28, 174, 185, 200, 248, 272—274, 307, 398, 405, 411, 442, 449, 450
- Михаил Павлович, вел. князь (1798—1849), генерал-фельдцейхмейстер, командир гвардейского корпуса в Турецкой войне 1826—1828 гг., сын Павла I — 248, 274, 449, 450
- Михайлов Михаил Илларионович (1829—1865), революционер, поэт и публицист, арестован в 1861 г. по допусу В. Д. Костомарова и сослан на каторгу за распространение написанной им вместе с Н. В. Шелгуновым прокламации «К молодому поколению» — 176, 200, 208, 271, 411, 415, 416, 418
- Михайловский-Данилевский Александр Иванович (1790—1848), генерал-лейтенант, военный историк — 205, 414, 415
— «Записки» — 205, 206, 414, 415
- Могилынский Матвей Матвеевич (род. 1805), член Главного управления училищ министерства народного просвещения, попечитель Одесского учебного округа — 100
- Модзалевский Самуил Николаевич, глуховский уездный врач Черниговской губ. — 254
- Молинари Гюстав (1819—1892), бельгийский экономист — 74, 337
- Молоствов Вадим Владимирович гвардии штабс-капитан, предводитель дворянства Спасского у. Казанской губ. — 108, 364, 371
- «Монитер» — см. «Moniteur»
- Мономах — см. Владимир Мономах
- Монтемолино — см. Карлос дон Людовик Мария Фердинанд
- Мордвинов Николай Семёнович, граф (1754—1845), адмирал, сенатор, член Государственного совета, с 1823 по 1840 г. председатель Вольного экономического общества, в 1826 г. член Верховного суда по делу декабристов — 102
- «Морской сборник», ежемесячный журнал, издавался в Петербурге с 1848 до 1867 г. Морским ученым комитетом (впоследствии — под наблюдением Главного морского штаба) — 12—16, 37—39, 163, 296, 297, 313, 335, 393, 413
- «Московские ведомости», газета, выходившая в 1756—1917 гг. (с 1859 г. ежедневная) — 237, 337, 365
- Мосолов Николай Гаврилович, поручик, исправник Елатомского у. Тамбовской губ. — 229, 431, 432
- Муравьев («Вешатель») Михаил Николаевич, граф (1796—1866), генерал-адъютант, участник подавления польского восстания 1830—1831 гг., с 1857 до 1862 г. министр государственных имуществ, член Главного комитета по крестьянскому делу, с 1863 до 1865 г. генерал-губернатор Северо-Западного края, с апреля 1866 г. председатель верховной следственной комиссии по делу Д. В. Каракозова — 26, 33, 34, 36, 52, 61, 71, 114, 173, 184, 214, 218, 237, 250—252, 254, 310, 311, 313, 327, 334, 335, 419, 425, 439, 441, 452
- Муравьев Николай Михайлович, рязанский гражданский губернатор в 1860—1862 гг., сын М. Н. Муравьева — 34, 368, 424
- Муравьев Сергей Сергеевич, профессор политической экономии и статистики Ришельевского лицея в Одессе — 100
- Муравьев-Амурский Николай Николаевич, граф (1809—1881), член Государственного совета, генерал-губернатор Восточной Сибири с 1847 до 1861 г. — 157, 160, 225, 390, 391, 423, 449

- Мусин-Пушкин Михаил Николаевич (1795—1862), сенатор, попечитель Петербургского учебного округа до 1855 г., помещик Спасского у. Казанской губ., владелец с. Бездна — 151
- Муханов Николай Алексеевич (1802—1871), обер-фор-шнейдер, товарищ министра народного просвещения в 1858—1861 гг., в 1859 г. член Комитета по делам книгопечатания, с 1860 г. член Главного управления цензуры, с 1861 г. товарищ министра иностранных дел—23, 75, 165, 302, 330, 337, 339, 369, 375, 386, 394, 395
- Муханов Павел Александрович (1798—1871), член Совета управления Царства Польского, попечитель Варшавского учебного округа, главный директор правительственной комиссии внутренних и духовных дел Царства Польского, с 1861 г. член Государственного совета — 63, 69, 85, 105, 330, 334, 344, 360
- Назимов Владимир Иванович (1802—1874), попечитель Московского учебного округа в 1849—1855 гг., виленский военный губернатор и гродненский, минский и ковенский генерал-губернатор в 1855—1863 гг.— 239, 434, 444, 445
- Насакин, полковник русской армии в Польше — 264
- Невахович Лев Александрович, секретарь председателя департамента государственной экономики Государственного совета с 1860 г.—233
- Пеккер (Necker) Жак (1732—1804), франц. министр финансов накануне революции XVIII в., банкир — 229
- Нельсон Горацио, виконт (1758—1805), англ. флотоводец, адмирал — 121
- Немезида (миф.) — 125
- Непир (Napier) Чарльз (1786—1860), англ. адмирал, в 1854 г. командовал британским флотом, безуспешно блокировавшим русские порты на Балтике — 212
- Нессельроде Карл Васильевич, граф (1780—1862), дипломат, министр иностранных дел с 1816 до 1856 г., с 1845 г. государственный канцлер — 49, 335
- Нестор, русский летописец середины XI—начала XII в., монах Киево-Печерского монастыря — 74
- Нестор, монах Соловецкого монастыря — 89, 349, 350
- Никодим (библ.) — 148, 334
- Николай Александрович (1843—1865), наследник-цесаревич, старший сын Александра II—23, 271
- Николай Николаевич-старший, вел. князь (1831—1891), генерал-лейтенант, генерал-инспектор по инженерной части с 1856 до 1864 г., сын Николая I—28, 174, 202, 203, 307, 398,
- Николай I (1796—1855), император — 17, 19, 20, 22, 33, 46, 55, 59, 68, 69, 88, 95, 110, 111, 127, 129, 133, 186, 189—193, 196—198, 200, 226, 238, 247, 250, 291, 297, 302, 303, 310, 319, 320, 329, 332, 342, 347, 365, 368, 391, 398, 399, 412, 424, 438, 442, 449, 450
- Ноздрев — см. «Мертвые души» Н. В. Гоголя
- «Норд» — см. «Le Nord»
- Норов Авраамий Сергеевич (1795—1869), министр народного просвещения с 1854 до 1858 г.— 75, 159, 160, 294, 312, 392
- Обер (Auber) Даниэль Франсуа Эспри (1782—1871), франц. композитор;
- «Немая из Портичи» («Muette de Portici») — 107, 363
- Оболенский Дмитрий Александрович, князь (1822—1881), статс-секретарь, директор комиссариатского департамента морского министерства, член Совета управления Главного общества железных дорог, член кружка вел. княгини Елены Павловны— 166, 335
- Оболенский, Николай Андреевич, поручик Преображенского полка, участвовавший в подавлении студенческих волнений в Петербурге в 1861 г. — 272
- Обручев Владимир Александрович (1836—1912), поручик в отставке,

- публицист, участник революционного движения, с 1859 до 1861 г. сотрудник «Современника», в 1861 г. арестован за распространение прокламации «Великорусс» и приговорен к каторжным работам — 184, 378
- Огарев Николай Александрович (1811—1867), генерал-адъютант, заведующий редакцией военной хроники и военной литографией, член временного артиллерийского комитета в 1861—1862 гг. — 61
- Огарев Николай Платонович (1813—1877) — 64, 89, 114, 154, 167, 168, 171, 172, 191, 193, 226—229, 292, 299, 300, 320, 322, 323, 327, 331, 348, 349, 357, 368, 376, 378, 379, 383, 384, 387, 388, 394, 399, 431, 435, 438, 443, 449, 458
- Озерский, отставной штаб-доктор, помещик Полтавской губ. — 213, 214, 418, 419
- Окипинти, заместитель председателя польского комитета в Генуе — 130
- Олсуфьев Адам Васильевич, граф, флигель-адъютант, ротмистр лейб-гвардии гусарского полка — 91, 352
- Ольга Федоровна, вел. княгиня (1839—1891), жена вел. князя Михаила Николаевича, дочь вел. герцога баденского Леопольда — 200
- Ольдекоп Федор Федорович, советник Иркутского губернского суда до 1860 г. — 158, 391, 392
- Ольденбургский Петр Георгиевич, принц (1812—1881), генерал-лейтенант в отставке, сенатор, член Государственного совета, член совета военно-учебных заведений, попечитель Училища правоведения с 1835 г., управляющий ведомством императрицы Марии с 1860 г. — 23, 114, 166, 173, 245, 246, 302, 368
- Ольхин Александр Александрович (1812—1873), генерал-лейтенант, с 1860 г. совещательный член оружейной комиссии временного артиллерийского комитета, помещик Петербургской губ. — 91, 257, 258, 261—263, 352, 452, 454
- Омальский (Henri-Eugene-Philippe-Louis d'Orléans, duc d'Aumale), герцог (1822—1897), сын короля Луи Филиппа, эмигрировавший в Англию после февральской революции 1848 г. — 114
- Орлов Алексей Федорович, князь (1786—1861), генерал-адъютант, участвовал в подавлении восстания декабристов (1825) и польского восстания (1831), шеф жандармов и начальник III отделения с 1844 до 1856 г., глава русской делегации на Парижском конгрессе (1856), председатель Государственного совета и Комитета министров с 1856 г., председатель Секретного (позже — Главного) комитета по крестьянскому делу — 36, 62, 304, 312, 313, 320, 328, 329, 334, 336
- Остерман Андрей Иванович (Генрих Иоганн), граф (1686—1747), государственный деятель, выходец из Вестфалии, на русской службе с 1704 г., вице-канцлер в 1725—1740 гг., член Верховного тайного совета в 1726—1730 гг. — 49
- «Отечественные записки», ежемесячный литературно-политический журнал, издавался в Петербурге с 1818 г. П. П. Свиньиным, с 1839 г. А. А. Краевским; впоследствии, перейдя к М. Е. Салтыкову-Щедрину и Н. А. Некрасову (1868), стал органом революционной демократии; в 1884 г. закрыт — 64, 89, 331, 332, 338, 428
- «Официальная газета Царства Польского», ежедневная газета, издававшаяся в Варшаве на русском языке с 1838 до 1861 г. — 97
- Павел (библ.) — 221
- Павел I (1754—1801), император — 155, 250, 389
- Павлов Платон Васильевич (1823—1895), историк, общественный деятель, адъюнкт-профессор русской истории Киевского универ-

- ситета в 1847—1849 гг., профессор Московского университета в 1849—1859 гг., затем переведен в Петербург — 225, 245—247, 302, 309, 358, 368, 424, 448
- Паисий, воронежский священник — 133, 134
- Паллас Петр Симон (1741—1811), естествоиспытатель, член Петербургской академии наук с 1767 г., открыл и описал много новых видов животных — 21, 301
- Пальмер (Пальмер) Уильям (1824—1856), англ. врач из города Руджли, отравивший несколько человек, в том числе жену, брата и друга, за которых хотел получить страховую сумму; по приговору суда повешен — 121, 373
- Панин Виктор Никитич, граф (1801—1874), министр юстиции в 1841—1861 гг., член Секретного (позже — Главного) комитета по крестьянскому делу, с 1860 г. председатель Редакционных комиссий — 26, 30, 99, 105, 141, 213, 214, 251, 252, 305, 308, 311, 312, 334, 335, 360, 361, 368, 385, 392, 419
- Панфилов Александр Иванович (1808—1874), вице-адмирал, участник севастопольской обороны, с 1856 г. губернатор и начальник морской части Николаева, затем командир Свеаборгского порта, с 1858 г. член Адмиралтейств-совета, председатель следственной комиссии о гибели клипера «Пластун» в 1860 г. — 16
- Панютин Федор Сергеевич (1790—1865), генерал-от-инфантерии, член Государственного совета, участник подавления польского восстания 1830—1831 гг., венгерской революции (1849), с 1856 по 1861 г. варшавский военный генерал-губернатор — 86, 97
- Пассек Помпей Васильевич (род. 1817), чиновник департамента общих дел министерства внутренних дел с 1857 г., помещик Харьковской губ. — 267, 268, 455
- Паткуль Александр Владимирович (1817—1877), генерал-майор, петербургский обер-полицмейстер, член военного совета — 174 — 176, 259, 279, 453
- Пейкер Иван Федорович, в историке ошибочно — Рейтерн (ум. 1861), подполковник Генерального штаба, состоявший для особых поручений при Главном штабе 1-й армии — 85, 344
- Переверзев Федор Лукич, директор департамента податей и сборов министерства финансов — 30, 308, 338
- Перейр (в тексте — Перейра, Peire) Жакоб Эмиль (1800—1875), франц. банкир-миллионер, владелец железных дорог, основатель общества «Credit mobilier», «Трансатлантической компании» и «Société immobilière», — 166
- Перун (миф.) — 141.
- Перцов Эраст Петрович (1804—1873), журналист, до 1859 г. редактор «Журнала общепользных сведений», в 1861 г. выслан из Петербурга — 176, 451
- Петр I (1672—1725), император — 9, 18, 33, 95, 157, 158, 174, 196, 301, 310, 347, 390, 391, 398
- Петр III Федорович (1728—1762), император — 155, 389
- Петрашевский (Бутаевич-Петрашевский) Михаил Васильевич (1821 — 1866), социалист-утопист, руководитель политического кружка; в 1849 г. арестован и приговорен к смертной казни, замененной пожизненной каторгой — 157, 225, 354, 390, 391, 423
- Петров Антон (1830?—1861), крестьянин села Бездна Спасского у. Казанской губ., возглавивший восстание в апреле 1861 г. — 90, 91, 108, 109, 137, 238, 350 — 352, 364, 380, 443
- Петровский Евгений Никодимович, уездный врач Прилукского у. Полтавской губ. — 213
- Пий IX, до построения — граф Джованни Мария Мاستаи Ферретти (1792—1878), римский папа с 1846 г. — 35, 120, 312
- Пирогов Николай Иванович (1810—1881), хирург и анатом, профессор Петербургской медико-хирургической академии с 1841 до 1854 г., участник севастополь-

- ской обороны (1854—1856), по-
печитель. Одесского (1856—1858),
затем Киевского (1858—1861)
учебного округа, в 1862 г. ко-
мандирован за границу — 88,
100, 103, 104, 110, 230, 233,
338, 347, 348, 355, 356, 359, 360,
364, 435, 454
- «Письмо из Юго-Западной Руси»,
анонимная статья, напечатан-
ная в журнале «Будущность» —
209, 416
- Плетнев Петр Александрович (1792
—1865), критик, поэт и журна-
лист, профессор русской словес-
ности (с 1832 г.) и ректор (с
1840 по 1861 г.) Петербургского
университета, издатель - редак-
тор «Современника» с 1838 до
1846 г., друг А. С. Пушкина —
72, 73, 99, 354,
- Плутон (миф.) — 154
- Победоносцев Петр Васильевич
(1771—1843), профессор русской
словесности Московского уни-
верситета — 23
- Поггенполь Николай Петрович,
основатель и первый редактор
газеты «Le Nord» — 170, 172,
205, 206, 334
- Погодин Михаил Петрович
(1800—1875), историк и жур-
налист, профессор Москов-
ского университета по кафедре
всеобщей (позднее — русской)
истории с 1826 по 1844 г. — 75,
107, 135, 137, 259, 315, 379, 380,
453
- Поджио Александр Викторович
(1798—1873), декабрист, член
Северного (с 1821 г.), затем Юж-
ного (с 1823 г.) общества; осуж-
ден на каторжные работы и сос-
лан в Сибирь, откуда вернулся
в 1859 г. — 229, 391, 430
- Поджио Александр Осипович, по-
мещик Торопецкого у. Псков-
ской губ., племянник А. В.
Поджио — 229 430, 431
- Поджио Лев Осипович, помещик
Торопецкого у. Псковской губ.,
племянник А. В. Поджио —
229, 430
- «Под суд!», приложение к «Коло-
колу», издавалось с 1859 до
1862 г., всего вышло 13 номе-
ров — 17, 161, 432
- Полежаев Дмитрий Михайлови-
(ум. 1872), советник коммер-
ции, член правления Государ-
ственного банка, член Совета
управления Главного общества
железных дорог — 166
- Половцев Федор Александрович
поручик, старший адъютант ка-
занского военного генерал-гу-
бернатора — 109, 363, 364, 444
- «Полтавские губернские ведомо-
сти», еженедельная газета, из-
дававшаяся с 1838 г. — 275
- Полуботок Павел Леонтьевич (ок.
1660—1724), черниговский пол-
ковник с 1706 г., временный
(«наказной») гетман Украины в
1722—1723 гг.; в 1723 г. поса-
жен в Петропавловскую кре-
пость, где умер — 174, 398
- Поляковский, протопоп в Сараго-
ве — 138
- «Полярная звезда», литературные и
общественно-политические сбор-
ники, издававшиеся А. И. Герце-
ном (с 1856 г. — совместно с
Н. П. Огаревым) в Лондоне в
1855—1859, 1861—1862 гг. и в
Жене в 1869 г. — 10, 89, 143,
148, 217, 226, 228, 280, 294, 296,
324, 349, 421, 430
- Попов, офицер русской армии
в Польше — 44, 66, 77, 79, 96,
319, 332, 341, 343
- Попов Андрей Александрович
(1821—1898), контр-адмирал, на-
чальник штаба отряда винто-
вых судов, член кораблестрои-
тельного технического комитета
— 163
- Попов Сергей Иванович, русский
консул в Яссах (Турция) в
1856—1862 гг. — 161, 162, 392
- Потанов Александр Львович (1818
—1886), генерал-адъютант, пе-
тербургский (1860), затем мо-
сковский (1860—1861) обер-по-
лицмейстер; с октября 1861 до
1864 г. исполняющий обязан-
ности начальника штаба кор-
пуса жандармов и управляю-
щего III отделением — 31, 55,
57—59, 85, 115, 313, 369, 415
- Потемкин Яков Алексеевич (1778
—1831), генерал-майор, коман-
дир лейб-гвардии Семеновско-
го полка с 1812 до 1820 г.,

- впоследствии генерал-лейтенант (с 1824 г.), подольский и волынский генерал-губернатор в 1830—1831 гг.—187
- Потоцкая, графиня, владелица имения «Ливадия» в Крыму — 173
- «Православный собеседник», ежемесячный (с 1858 г.) журнал, издававшийся с 1855 до 1916 г. Казанской духовной академией; редактировал его в 1857—1864 гг. ректор академии архимандрит Иоанн — 136, 372, 380
- Прозерпина (миф.) — 154
- Прудон (Proudhon) Пьер Жозеф (1809—1865), франц. социолог и экономист—145, 324, 408, 409, 418
- «Псковские губернские ведомости», еженедельная газета, издававшаяся с 1838 г.—188
- Пугачев Емельян Иванович (ок. 1742—1775) — 108, 234, 310, 385, 449
- «Пунш» — см. «Punch, or the London Charivari»
- Путята Дмитрий Васильевич, генерал-адъютант, начальник штаба военно-учебных заведений — 28, 105, 307
- Путятин Евфимий Васильевич, граф (1803—1883), адмирал, с 1852 по 1855 г. глава русской торгово-дипломатической экспедиции в Японию, с 1858 по 1861 г. морской агент при русском посольстве в Лондоне, в 1861 г. в течение нескольких месяцев был министром народного просвещения — 128, 133, 134, 140—142, 150, 164, 173, 174, 179, 183, 185, 186, 190—193, 195, 200, 201, 234, 268—271, 293, 303, 353, 360, 374, 375, 379, 380, 382, 383, 385, 393, 401, 404, 408, 411, 436, 455, 456
- Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) — 75, 118, 233, 338, 373, 395, 433
- «Евгений Онегин» — 118, 373
- «Медный всадник» — 18, 300
- «Отрок милый, отрок нежный» — 165, 395
- Равиньян (Ravignan) Густав Франсуа Ксавье Делакура (1795—1858), франц. проповедник, иезуит — 210
- Радецкий Иозеф Вещель, граф (1766—1858), австр. фельдмаршал, с 1831 г. главнокомандующий австрийской армией в Италии, возглавил подавление итальянской революции 1848—1849 гг. — 83, 342
- Ракеев, жандармский полковник в Петербурге — 245
- Рахманинов Федор Иванович, цензор Петербургского (1860—1862), впоследствии (с 1863 г.) Московского цензурного комитетов—42
- Ребиндер Николай Ромагвич (1810—1865), сенатор, попечитель Киевского (с 1856 до 1858 г.), затем Одесского (с 1858 до 1859 г.) учебного округа, с 1859 г. директор департамента министерства народного просвещения — 247
- Рейнгардт Иван Львович, армейский подполковник, инспектор студентов Киевского университета — 100, 103, 110, 348, 355, 360, 364, 454
- Рейтерн — см. Пейкер
- Рембрандт Харменс ван Рейн (1606—1669) — 121
- Ржевуский Адам Адамович, граф (1801—1888), генерал-адъютант, участник подавления польского восстания 1830—1831 гг.—31, 309
- Рибоьер Александр Иванович, граф (1781—1865), член Государственного совета, чиновник государственной коллегии иностранных дел с 1804 до 1810 г., управляющий государственным коммерческим банком с 1817 по 1823 г., русский посланник в Константинополе (1824—1827) и Берлине (1831—1839) — 251, 252
- Рикорд, матрос на клипере «Пластун» — 13
- Римский-Корсаков Воин Андреевич (1822—1871), капитан I ранга, в 1860 г. член следственной комиссии о гибели клипера «Пластун», с того же года начальник штаба главного командира Кронштадтского порта, впоследствии (с 1865 г.) контр-адмирал, директор морского кадетского корпуса — 16
- Робер Макер, действ. лицо в одноименной комедии Б. Антье и Ф. Лемегра (см).

- Розенберг, лейтенант (ум. 1860), старший офицер клипера «Пластун» — 12—16
- Розенгельд, варшавский житель — 69, 70
- Романовы, династия русских царей, занимавшая престол с 1613 по 1917 г. — 200
- Ростовский Василий, волостной старшина в Харьковском у. — 267
- Ростигевский, полицмейстер в г. Сувалки Августовской губ. в 1861 г. — 263, 264
- Рудановский Леонид Платонович (1814—1877), генерал-лейтенант, участник военных действий на Кавказе с 1841 до апреля 1861 г., с мая 1861 г. военный генерал-губернатор Августовской губ. Царства Польского, участник подавления польского восстания 1863 г. — 265—267
- «Русская потаенная литература XIX столетия», сборник стихотворений русских поэтов, изданный в Лондоне в 1861 г. с предисловием Н. П. Огарева — 232
- «Русский вестник», литературно-политический журнал, издававшийся в 1856—1906 гг.; до 1887 г. редактором-издателем был М. Н. Катков; занимая умеренно-либеральную позицию в 50-х годах, журнал становится с начала 60-х годов органом дворянской реакции — 64, 89, 164, 272, 314, 315, 337, 338, 393
- «Русский инвалид», военная, литературная и политическая газета, издававшаяся в Петербурге с 1813 до 1916 г. (с 1816 г. стала ежедневной); в 1855—1861 гг. редактировалась П. С. Лебедевым — 166, 313, 317—319, 340, 344, 386
- Рыбников Павел Николаевич (1831—1885), русский этнограф, собиратель народного творчества — 226, 425
- Рылеев Александр Михайлович, флигель-адъютант, ротмистр лейб-гвардии Преображенского полка — 268
- Рылеев Кондратий Федорович (1795—1826) — 226, 382, 425, 438 — «Стансы» — 141, 382
- Рыльские братья, студенты Киевского университета — 238, 440
- Савельев (ум. 1860), артиллерийский кондуктор на клипере «Пластун» — 12, 13, 15, 16
- Савинский Александр Егорович, секретарь совета Петербургского университета — 73
- Саврасов, московский купец — 247
- Сад Донасьен Альфонс Франсуа де, граф, псевдоним — маркиз де Сад (1740—1814), франц. писатель, автор порнографических романов — 17, 293
- «Юстина, или несчастья добродетели» («Justine, ou les malheurs de la vertu») — 17, 298
- Салтыков Алексей Александрович, светлейший князь, предводитель дворянства Белгородского у. Курской губ., почетный попечитель курской гимназии (Харьковский учебный округ) — 25, 115, 304, 369
- Салтыкова (Салтычиха) Дарья Николаевна (1730—1801), помещица, прославившаяся своей жестокостью; за истязания крестьян была отдана под суд и приговорена к смерти й казни замененной пожизненным заключением — 95, 110, 111
- «Санкт-Петербургские ведомости», официальная газета, издававшаяся с 1728 до 1917 г. (выходила фактически с 1703 г., но под другим названием), в 1837—1862 гг. редактировалась А. Н. Очкиным (с 1852 г. при участии А. А. Краевского) — 27, 35, 37, 62, 87, 88, 107, 108, 166, 177, 178, 306, 313, 314, 339, 346, 349, 361, 363, 365, 374, 384, 393, 399, 400, 444, 446
- «Санкт-Петербургские сенатские ведомости», газета, издававшаяся с 1809 г. — 35, 312
- Сантер Антуан Жозеф (1752—1809), деятель Великой французской революции, якобинец, участник штурма Бастилии, в 1792—1793 гг. начальник национальной гвардии Парижа; после поражения в Вандее (1793) арестован и заключен в тюрьму — 174

- Свечин Александр Алексеевич, предводитель дворянства Одесского у. Херсонской губ. — 92, 93
- Свиштунов Александр Павлович, капитан штаба и старший адъютант генерал-фельдцейхмейстера вел. князя Михаила Николаевича — 272
- «Северная пчела», ежедневная (с 1831 г.) литературная и политическая газета, издавалась в Петербурге с 1825 до 1864 г., редактировалась до 1859 г. Ф. В. Булгариним, с 1831 г. совместно с Н. И. Гречем; с 1860 г. редактор П. С. Усов — 41, 111, 166, 240, 316, 318, 319, 329, 330, 338, 344, 349, 363—365, 380, 403
- Семашко (Симашко) Иосиф (1798—1868), с 1832 г. епископ литовский, с 1835 г. член особого секретного комитета по делам униатов, организатор их воссоединения с православной церковью; с 1840 г. архиепископ литовский и виленский — 7, 210, 291, 292
- Семевский, помещик Самарской губ. — 111
- Сергиевский Николай Александрович, профессор богословия, логики и психологии Московского университета, священник университетской церкви — 174, 268
- Середа — см. Щерба Д. М.
- Сечинский Иван Иванович, полковник, московский полицмейстер с 1849 до 1869 г.— 32, 58, 213, 233, 309, 310, 319, 326, 327
- Симашко — см. Семашко И.
- Симборский Андрей Михайлович (1792—1886), генерал-лейтенант, с 1846 по 1862 г. комендант Динабургской крепости — 273
- Скворцов, жандармский полковник в Ковно — 232
- Скотт, капитан-лейтенант, командир русского корвета «Японец» — 248
- Слаутинский, студент юридического факультета Московского университета — 142
- Смирнов Николай Михайлович, с 1857 г. калужский, затем петербургский губернатор, с 1861 г. сенатор — 30, 225, 308 422
- Собакевич — см. «Мертвые души» Н. В. Гоголя
- «Современник», основанный А. С. Пушкиным литературно-политический журнал, издававшийся в Петербурге с 1836 по 1866 г., редактировался с 1847 г. Н. А. Некрасовым, до 1862 г. совместно с И. И. Панаевым; ведущий орган революционной демократии в период общественного подъема 50—60-х годов — 64, 89, 98, 230, 295, 324, 325, 331, 334, 338, 372, 383, 384, 449
- Соколовский Алексей Андреевич (1822—1891), врач, профессор по кафедре фармакологии Казанского университета с 1857 до 1861 г., впоследствии (1864—1881) профессор Московского университета — 23, 257, 259
- Соколовский, помещик Люцинского у. Витебской губ. — 259, 452
- Соллогуб Владимир Александрович, граф (1813—1882), писатель — 75, 328, 338
- Соловьев Сергей Михайлович (1820—1879), историк, профессор русской истории Московского университета с 1847 до 1877 г. — 272
- Соломаха Алексей Иосифович, письмоводитель городничего г. Прилуки Полтавской губ. — 213
- Сомов Михаил Александрович, гвардии штабс-капитан, помещик Харьковского у. — 267
- Софья Баварская, австр. эрцгерцогиня, мать императора Франца Иосифа I — 36, 309, 312, 313, 386
- Сочава Даниил, священник села Уланова Черниговской губ. — 254
- Срезневский Измаил Иванович (1812—1880), филолог, профессор Харьковского (с 1842 до 1847 г.), затем Петербургского (с 1847 г.) университета — 164
- Станкевич Николай Владимирович (1813—1840), литератор, глава московского литературно-философского кружка (1832—1837) — 228, 430

- Стасов Дмитрий Васильевич (1829—1918), обер-секретарь второго департамента Сената—183, 184, 404
- Страхов (ум. 1861), студент Харьковского университета — 41, 231, 316, 317
- Строганов Александр Григорьевич, граф (1795—1891), генерал-адъютант, член Государственного совета, черниговский, полтавский и харьковский генерал-губернатор в 1836—1838 гг., управляющий министерством внутренних дел в 1839—1841 гг., военный губернатор Петербурга в 1854 г., повороссийский и бессарабский генерал-губернатор в 1855—1863 гг. — 93, 100, 331, 352, 355
- Строганов Сергей Григорьевич, граф (1794—1882), генерал-адъютант, член Государственного совета, попечитель Московского учебного округа в 1835—1847 гг., московский военный генерал-губернатор в 1859—1860 гг.; с 1860 г. главный воспитатель великих князей Николая, Александра, Владимира и Алексея Александровичей — 99, 105, 141, 150, 174, 195, 200, 234, 251, 271, 310, 385, 398, 401, 405, 411, 437
- Суворов Александр Аркадьевич, князь (1804—1882), генерал-от-инфантерии, лифляндский, эстляндский и курляндский генерал-губернатор с 1848 до 1861 г., петербургский военный генерал-губернатор с 1861 до 1866 г.—200
- Сумароков-Эльстон Феликс Николаевич, граф (1820—1877), генерал-майор свиты, вице-директор канцелярии военного министерства в 1857—1859 гг., участник подавления крестьянских волнений в Нижегородской губ. в 1857 г. — 50, 321, 322
- Сухозанет Николай Онуфриевич (1794—1871), генерал-адъютант, участник подавления польского восстания 1830—1831 гг., военный министр в 1856—1861 гг. — 150, 247, 252, 268, 335—337, 385, 386, 449, 455
- Сципион Назика Публий Корнелий, римский консул в 191 г. до н. э. — 30
- Сырокомля Владислав, псевдоним Людвика Кондратовича (1822—1862), польский поэт и общественный деятель — 238, 442
- «Таймс» («Теймс») — см. «Times»
- Талейран-Перигор (Talleyrand-Perigord) Шарль Морис, князь (1754—1838), франц. дипломат и политический деятель, министр иностранных дел при Директории, Наполеоне I и Людовике XVIII — 95, 162, 392
- Тассо Торквато (1544—1595), итал. поэт эпохи Возрождения — 207, 415
- «Освобожденный Иерусалим» — 207, 415
- Телеки Ладислав, граф (1811—1861), венгерский поэт, участник революции 1848—1849 гг., сподвижник Л. Кошута, в 1860 г. арестован в Дрездене и выдан австрийцам — 8, 27, 293
- Тенгоборский Людвиг Валерианович (1793—1857), экономист и статистик, исследователь производительных сил России, член Государственного совета, с 1850 г. председатель тарифного комитета — 21, 301
- Термен, прусский консул в Варшаве — 86, 228, 345, 346, 419
- Тимасв Матвей Матвеевич (1797—1858), помощник инспектора классов Смольного института — 63, 64, 331
- Тимашев Александр Егорович (1818—1893), генерал-адъютант, управляющий III отделением и начальник штаба корпуса жандармов в 1856—1861 гг.— 8, 20, 23, 25, 27, 30, 36, 37, 63, 68, 71, 101, 102, 116, 134, 208, 245, 246, 248, 259, 292—294, 302, 303, 305, 306, 308, 309, 311, 312, 314, 327, 328, 331, 333—335, 341, 386, 392, 395, 401, 404, 424, 448, 449
- Тит Ливий (59 до н. э.— 17 н. э.), римский историк — 162
- Тихон Задонский (1724—1783), воронежский епископ с 1763 по 1767 г., с 1769 г. жил в Задонском монастыре, в 1861 г. канонизирован — 133, 134, 136, 137, 379, 380

- Токвиль (Тосqueville) Алексис Шарль Анри Морис (1805—1859), франц. публицист, политический деятель и историк — 230
- «Старый порядок и революция» («L'ancien régime et révolution») — 230
- Толь Карл Федорович (1777—1842), генерал-адъютант, участник Отечественной войны 1812—1814 гг., начальник штаба армии, подавившей польское восстание в 1831 г. — 233, 435
- Толстой Дмитрий Николаевич, граф, воронежский гражданский губернатор в 1855 г. — 50
- Толстой Егор Петрович, граф, генерал-лейтенант, пензенский военный и гражданский губернатор, участник подавления крестьянских волнений в Тамбовской губ. в 1859 г. — 50, 321, 322
- Толстой, ротный командир Преображенского полка, участник подавления студенческих волнений в Петербурге в 1861 г. — 272
- Топильский Михаил Иванович (1811—1873), директор департамента министерства юстиции до 1862 г. — 30, 308, 311, 368
- Тотлебен Эдуард Иванович, граф (1818—1884), генерал-адъютант, военный инженер-фортификатор, руководитель инженерных работ по обороне Севастополя в 1854—1855 гг., директор инженерного департамента военного министерства с 1859 г. — 28, 307
- Троцкий Иван Иванович, исправник Прилукского у. Полтавской губ. — 213
- Трубецкой Александр Васильевич, князь, публицист, автор книги по истории Галиции (Червонной Руси), изданной в Париже в 1860 г. — 83, 341
- «Письмо князя Трубецкого к генералу Гарibaldi» («Lettre du prince Troubetzkoi au général Garibaldi») — 83, 341, 342
- «La Russie rouge» («Червонная Русь») — 35, 312
- Трубецкой Сергей Петрович, князь (1790—1860), декабрист, полковник, один из основателей Союзов спасения, благоденствия и Северного общества; приговорен к смертной казни, замененной каторгой, в 1856 г. амнистирован — 237, 296, 297, 342, 433, 439
- Трубников Владимир Васильевич, член Казанского губернского присутствия — 109
- Трюбнер (Trübner) Николай (1817—1884), англ. издатель и библиограф; издавал и распространял произведения А. И. Герцена — 153, 226, 228, 305, 375, 425, 428, 429
- Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883) — 20, 293, 294, 296, 298, 300, 304, 307, 310, 312, 317, 322, 324, 325, 330, 332, 334, 341, 346, 349, 352, 365, 388, 394, 398, 400, 401, 409, 414, 419, 424, 429, 434, 436, 440, 449, 451, 453
- «Льгов» — 35, 312
- Тучков Павел Алексеевич (1803—1864), генерал-адъютант, член Государственного совета, московский генерал-губернатор с 1859 г. — 57, 185, 233, 410, 435, 436
- Тхоржевский (Тхужевский, Tchorzewski) Станислав, польский эмигрант, владелец книжной лавки, помогавший А. И. Герцену в распространении его изданий — 217, 234, 332, 341, 348, 388, 420, 429, 436, 437
- Тымаев — см. Тимаев М. М.
- Уваров Алексей Сергеевич, граф (1828—1884), археолог, помещик; Чембарского у. Пензенской губ. — 91
- Ульман Карл Христиан (1793—1871), профессор богословия и ректор Дерптского университета до 1842 г. — 22, 301, 302
- Ульрихс Федор Юльевич (1808—1878), до 1864 г. первый переводчик департамента внутренних сношений министерства иностранных дел, руководивший перлюстрацией частной переписки, старший цензор Петербургского почтамта — 23, 27, 302, 306
- Ульрихс Юлий Петрович (ум. 1836), профессор всеобщей истории, статистики и географии Московского университета в 1823—1832 гг. — 23, 302

- Унковский Алексей Михайлович (1828—1893), тверской губернский предводитель дворянства с 1857 до конца 1859 г., глава либеральной оппозиции в Твери, в 1860 г. на несколько месяцев сослан в Вятку, с 1861 г. в Москве — 19, 91, 300, 351, 352, 407
- Урбан Карл, барон (1802—1877), австр. фельдмаршал, участник подавления венгерской революции 1848—1849 гг., в 1859 г. командовал отдельной дивизией, действовавшей против отрядов Гарибальди — 83, 341, 342
- Устинов, помещик Самарской губ. — 111
- Ушаков, кочегар на клипере «Пластун» — 14
- Фальковский (ум. 1863), польский ксендз в г. Сувалки — 266, 267, 454
- Федоров Вениамин Якимович, секретарь Московского цензурного комитета — 231
- Федоров, артиллерийский кондуктор на клипере «Пластун» — 12, 15
- Фейербах Людвиг (1804—1872), нем. философ — 226, 425
— «Сущность христианства» («Das Wesen des Christentums») — 226, 425, 428
- Феодор, до пострижения — Александр Матвеевич Бухарев (1820—1871), архимандрит, член петербургского комитета духовной цензуры до 1861 г., писатель — 97, 117, 372
— «О православии в отношении к современности» — 117, 372
— «Три письма к Н. В. Гоголю, писанные в 1848» — 117
- Феофилакт, до пострижения — Феофан Абрамович Праведников (ум. 1869), архимандрит, ректор Херсонской духовной семинарии и настоятель одесского Успенского монастыря с 1857 г. — 139, 381
- Ферзен Герман Егорович, барон, гражданский губернатор Августовской губ. — 263—265
- Фермор Федор Александрович, советник ковенского губернского правления — 232
- Филарет, до пострижения Василий Михайлович Дроздов (1783—1867), московский митрополит с 1826 г. — 136, 137, 173, 175, 291, 292, 305, 323, 346, 354, 379, 380
- Филипсон Григорий Иванович (1809—1883), генерал-лейтенант, сенатор с 1835 г., участник военных действий на Кавказе, с 1858 г. командующий войсками правого крыла кавказской армии, в 1861—1862 гг. попечитель петербургского учебного округа — 150, 164, 165, 174, 270, 271, 385, 386, 401, 405, 411, 434
- Фиркс (псевдоним — Шедо-Ферротти) Федор Иванович, барон (1812—1872), публицист — 181, 182, 327, 389, 402, 403
— «Письмо к господину Герцену» («Lettre à monsieur Herzen») — 182, 389, 402, 403
- Фишер Адам Андреевич (1799—1861), директор петербургской Ларинской гимназии с 1836 до 1861 г., профессор философии Главного педагогического института (с 1832 г.) и Петербургского университета (до 1850 г.) — 237, 434, 439
- Франц-Иосиф I (1830—1916), австр. император с 1848 г. — 36, 309, 311, 312, 313, 333
- Франциск II (1834—1894), последний король Обеих Сицилий (Неаполитанский) в 1859—1860 гг. — 35, 44, 312, 318, 386
- Фридрих Август II (1797—1854), король саксонский с 1836 г. — 8, 202, 203
- Фридрих II Великий (1712—1786), прусский король с 1740 г. — 30
- Фролов, полковник, командир стрелкового батальона — 239, 446
- Хогарт, (в тексте — Гогарт, Hogarth) Уильям (1697—1764), англ. живописец и график — 121
- Хоминский Станислав Фаддеевич, военный губернатор г. Ковно и гражданский губернатор Ковенской губ. в 1858—1861 гг. — 183
- Хомяков Алексей Степанович (1804—1860), поэт и общественный деятель славянофильского лагеря — 9, 129, 295, 376

- Хрештович Михаил Иринеевич, граф (1809—1891), гофмейстер, чрезвычайный посланник при Неаполитанском дворе (с 1847 г.), в Бельгии (с 1853 г.), в Великобритании (с 1856 до 1858 г.) — 151
- Христос Иисус (библ.) — 20, 54, 88, 134, 146, 147, 269, 347, 375, 379, 380, 384
- Христофович — см. Криштофович Е. С.
- Хрулев Степан Александрович (1807—1870), генерал-лейтенант, участник подавления польского восстания 1830—1831 гг., венгерской революции 1848—1849 гг., начальник обороны Корабельной стороны во время защиты Севастополя (1855), командир второго армейского корпуса в 1861—1862 гг. — 82, 86, 94, 95, 126, 253, 338, 340, 345, 346, 353, 374, 451
- Хрущов Дмитрий Петрович (1816—1864), товарищ министра государственных имуществ в 1856—1857 гг., сенатор
- «Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II» — 34, 226, 311, 424, 425
- Цицерон Марк Туллий (106—43 до н. э.), оратор и государственный деятель древнего Рима — 150, 385, 386
- Цумалакареги — см. Зумалкареги Т.
- Чаадаев Петр Яковлевич (1794—1856) — 10, 20, 226, 296, 301, 336, 426
- «Философическое письмо» — 20, 301, 426
- Чевкин Константин Владимирович (1802—1875), генерал-от-инфантерии, член Государственного совета, главноуправляющий путями сообщения с 1855 по 1862 г., член Главного комитета по крестьянскому делу — 26, 51, 212, 214, 248, 251, 252, 323, 418, 419, 449
- Чернецкий Людвиг (1828—1872), польский эмигрант, заведовал Вольной русской типографией в Лондоне — 217, 358, 420, 429, 430, 437
- Чернышев — 88
- Чернышевский Николай Гаврилович (1828—1889) — 220, 221, 324, 378, 379, 383, 384, 421
- Четырнадцать минеи, сборники жизнеописаний святых, сказаний и поучений, составленных по порядку месяцев и дней каждого месяца; перешли в Киевскую Русь из Византии — 108
- Чижов Федор Васильевич (1811—1877), писатель и общественный деятель славянофильского лагеря — 179, 400
- Чириков Михаил Иванович, майор гусарского полка — 231
- Чичерин Борис Николаевич (1828—1904), публицист и правовед, профессор Московского университета в 1861—1868 гг. — 272, 301, 318, 401
- «Письмо к издателю «Колокола» — 55, 326, 401
- Шабельский Катон Павлович, екатеринославский губернский предводитель дворянства до 1857 г., черниговский губернатор с 1857 до 1861 г. — 254
- Шамиль (ок. 1798—1871), вожь национально-освободительного движения горских народов Кавказа — 17, 292, 299
- «Шаривари» — см. «Le Charivari»
- Шарлотта Савойская (1445—1483), франц. королева, вторая жена Людовика XI — 20, 301
- Шарнгорст Василий Львович (1798—1873), генерал-лейтенант, начальник Главного инженерного училища с 1835 до 1844 г., председатель военно-ученого комитета с 1855 до 1865 г. — 28
- Шварц Григорий Ефимович, полковник, в 1820 г. командир лейб-гвардии Семеновского полка (впоследствии — генерал-лейтенант) — 187
- Шевченко Тарас Григорьевич (1814—1861) — 54, 325, 326
- Шевырев Степан Петрович (1806—1864), историк литературы, кри-

- тик и поэт, профессор истории русской словесности Московского университета с 1847 до 1857 г., журналист, один из редакторов «Московского наблюдателя» с 1835 по 1838 г. и «Москвитянина» с 1841 по 1850 г. — 57, 58
- Шедо-Ферроти — литературный псевдоним Фиркса Ф. И. (см.)
- Шекспир Вильям (1564—1616) — «Гамлет»; Гамлет — 66, 79, 333; Гертруда — 66, 79, 333
- «Макбет»; Макбет — 53, 126
- Шестаков Иван Алексеевич (1820—1889), капитан I ранга, командир фрегата «Генерал-адмирал» до 1861 г., впоследствии адмирал, управляющий морским министерством (с 1882 г.) — 227, 297, 315, 413, 426
- Шешковский Степан Иванович (1727—1793), начальник Тайной канцелярии, лично производивший следствие по делам Е. И. Пугачева, А. Н. Радищева, Н. И. Новикова — 189, 335
- Шиллер Иоганн Фридрих (1759—1805) — 179, 246, 296, 401
- «Альпийский стрелок» («Der Alpenjäger») — 10, 296
- «Коварство и любовь» («Kabale und Liebe») — 179, 401; Фердинанд — 179, 401
- «Перчатка» — 246
- «Песня о Колоколе» — 246
- Шишковский Иван Осипович, частный пристав в Москве — 232
- Шнейдер (Schneider) Фердинанд, берлинский книгоиздатель в 50—60-х годах XIX в. — 226
- Шпеер Иван Абрамович, гродненский гражданский губернатор с 1857 до 1862 г. — 7, 50, 322
- Шпеер, жена гродненского губернатора Шпеера И. А. — 50, 322
- Шпекин — см. «Ревизор» Н. В. Го-голя
- Шрек Иоганн Матиас (1733—1808), нем. историк церкви, профессор Лейпцигского университета — 23
- Штейгеман, русский чиновник в Польше — 95
- Штофреген Кондратий Кондратьевич (1817—1873), капитан I ранга, член следственной комиссии о гибели клипера «Пластун», с 1861 по 1864 г. командир фрегата «Генерал-адмирал» — 16
- Штрезов, офицер, участник подавления студенческих волнений в Петербурге в 1861 г. — 272
- Шувалов Петр Андреевич, граф (1827—1889), генерал-адъютант, петербургский обер-полицмейстер в 1857—1860 гг., директор департамента общих дел министерства внутренних дел в 1860—1861 гг., начальник штаба корпуса жандармов и управляющий III отделением в 1861 г. — 154, 155, 164, 174, 176, 184, 185, 189, 195, 200, 207, 208, 212, 335, 359, 388, 404, 406, 411, 415—417
- Шульц Сергей Антонович (ум. 1910), подполковник, младший чиновник II отделения собственной е. и. в. канцелярии, с 1861 г. состоявший при министерстве внутренних дел — 139, 140, 381
- Шуц, генерал-майор, комендант Риги — 248, 249
- Щапов Афанасий Прокофьевич (1830—1876), историк и публицист, в 1860—1861 гг. профессор русской истории Казанского университета — 109, 116, 364, 370, 371, 394
- Щерба (у Герцена ошибочно — Середа), Дмитрий Михайлович, штабс-капитан, хвалынский исправник — 138
- Щербинин Михаил Павлович (1807—1881), сенатор, председатель Московского цензурного комитета в 1860—1865 гг. — 115, 230, 369⁴
- Эзон, греческий баснописец VI—V вв. до н. э. — 148
- «Экономический указатель», еженедельный журнал, издававшийся в Петербурге в 1857—1861 гг. (в 1860—1861 гг. под названием «Указатель экономический, политический и промышленный»), в 1861 г. выходил два раза в неделю; издатель-редактор И. В. Вернадский — 98, 317
- Эльстов-Сумароков — см. Сумароков-Эльстов

Энох Юлий Яковлевич (1822—1880), обер-прокурор общего собрания варшавских департаментов сената с 1858 г., редактор «Официальной газеты Царства Польского» до 1859 г., статс-секретарь Государственного совета с 1861 г. и Совета управления Царства Польского с 1862 г. — 69

Юпитер (миф.) — 145

Языков Александр Петрович (1802—1878), генерал-лейтенант, участник подавления польского восстания 1830—1831 гг., директор Училища правоведения в 1849—1877 гг. — 225, 246, 247, 423, 424, 448, 449

— «О русском государственном цвете» — 246, 449

Языков Николай Михайлович (1803—1846), поэт — 10, 296, 302

Якоби Борис Семенович (1801—1874), физик и электротехник, с

1842 г. член Петербургской Академии наук — 22, 63, 302, 328, 329

Якушкин Иван Дмитриевич (1793—1857), декабрист, один из основателей Союзов спасения и благоденствия, член Северного общества, в 1826 г. приговорен к смертной казни, замененной каторгой, в 1856 г. амнистирован — 228, 342, 343
— «Из записок Ивана Дмитриевича Якушкина» — 228

Янсон, Анна-Луиза-Шарлотта-Доротея (ум. 1857), либавская мецанка — 32, 213, 233, 310

Янус (миф.) — 9, 347

Яфимович (Ефимович) Михаил Матвеевич (1804—1872), генерал-лейтенант, дежурный генерал штаба гвардейского и гренадерского корпусов с 1854 до 1859 г., руководитель карательных экспедиций в Пензенской и Саратовской губ. в 1859 и 1861 гг. — 91, 351, 352

«Allgemeine Zeitung» («Аугсбургская газета»), нем. ежедневная политическая консервативная газета, выходившая с 1798 г., с 1810 по 1832 г. издавалась в Аугсбурге — 86, 96, 240, 249, 345, 416, 447, 450

«Le Charivari», франц. сатирическая газета, основана в 1832 г., издавалась в Париже — 148

«Le Constitutionnel», франц. политическая газета, основанная в 1815 г., издавалась в Париже — 266, 396, 454

«The Daily News», англ. газета либерального направления, издавалась в Лондоне с 1846 г. — 69, 76, 78, 80, 292, 333, 339, 340, 367

«Il Diritto. Giornale della democrazia italiana», ежедневная газета, издававшаяся в Турине с 1854 г. и в Риме с 1874 по 1895 г. — 76, 78, 84, 339, 340,

«Express», англ. газета, издавалась в Мельбурне с 1852 г. — 188, 406

«Gazeta Warszawska» (в тексте — «Ежедневная Варшавская газе-

та»), издавалась на польском языке с 1774 г. до 30-х годов XX в.; в середине XIX в. носила консервативный характер; редактировалась в 1859—1883 гг. Иозефом Кенигом — 68, 69

Gignet, офицер, корреспондент газеты «Le Nord» — 69

«L'Indépendance belge» («Independance»), ежедневная политическая и литературная газета, издавалась в Брюсселе с 1831 г. — 69, 86, 312, 333, 353

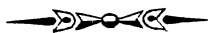
«Journal de St.-Petersbourg», политическая и литературная газета, издававшаяся с 1813 г. — 83, 87, 94—97, 346, 353

«Kölnische Zeitung», нем. газета основанная в 1802 г., издавалась в Кёльне — 68

«Moniteur universel» («Монитор»), франц. политическая официальная газета, основанная в 1789 г. в Париже, издавалась под этим названием по 1 января 1869 г. — 87

«Le Nord» («Норд»), ежедневная политическая газета, издавалась

- на франц. языке в Брюсселе в 1855—1862, 1865—1892 гг. и в Париже в 1863—1864, 1894—1907 гг., субсидировалась русским правительством — 25, 68—70, 83, 96, 141, 150, 167, 168, 170—172, 180, 205, 214, 293, 319, 333, 334, 344, 345, 374, 389, 396, 397, 414, 419
- «L'Opinion nationale», франц. ежедневная политическая газета либерального направления, основана в 1859 г. А. Герулем, выходила в Париже до 1879 г. — 167, 168, 170—172, 188
- «Przegląd Rzeczy Polskich», журнал польских эмигрантов; издавался в Париже на польск. языке с 1857 по 1860 г. — 45, 113, 130, 318, 339, 367, 374, 377
- «Punch, or the London Charivari» («Punch», «Пунш»), англ. еженедельный юмористический журнал; издается в Лондоне с 1841 г. — 120
- «Le Siècle», ежедневная политическая газета либерального направления, выходившая в Париже с 1836 до 1914 г. — 188, 406
- «The Star, or Drawing-Room Album», газета, издававшаяся в Лондоне с 1839 г. — 69, 140, 333
- Tchorzewski — см. Тхоржевский С.
- «The Times» («Таймс», «Теймс»), англ. ежедневная газета консервативного направления, издающаяся в Лондоне с 1785 г. — 35, 44, 61, 69, 81, 91, 120, 173, 176, 179, 184, 186, 188, 190, 192, 214, 272, 292, 311, 312, 318, 333, 341, 401, 405, 406, 419 448, 457
- Williams George, профессор колледжа при Кембриджском университете — 190—193, 407



СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

А. И. Герцен и Н. П. Огарев. С фотографии 1861 г. Государственный литературный музей, Москва	4
«To the editor of „The Daily News“» («Издателю „The Daily News“»). Первопечатный текст («The Daily News», 17 апреля 1861 г.)	80
«Редактору „Przeglądu Rzeczy Polskich“». Первопечатный текст («Przegląd Rzeczy Polskich», 1 августа 1861 г.)	112
«Из воспоминаний об Англии». Страница первопечатного текста («Искра», № 24 от 30 июня 1861 г.)	120
«Бруты и Кассии III отделения». Отдельный листок с французским текстом статьи	160
«Двоюродный братец». 1861. Страница рукописи (автограф Герцена). Центральный государственный архив литературы и искусства СССР, Москва	216

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
51	3 сн.	Ланский	Ланской
104	5 сн.	преподавателей	преподавателей
204	6 сн.	она	он
248	5 сн.	взятку	<i>взятку</i>
344	15 сн.	полковникс	подполковнике
410	10 сн.	новости	известия

СО Д Е Р Ж А Н И Е

СТАТЬИ ИЗ «КОЛОКОЛА» И ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ 1861 ГОДА

	Текст	Коммен- тарии
Гонение христиан папских христианами полицейскими	7	291
Тимашев, сидите дома, как Бейст, не ездите, как Гейнау!	8	292
Константин Сергеевич Аксаков	9	294
Собственное сознание о взрыве «Пластуна»	12	296
Семейный очаг патриархов и патрициев незабвенного Николая	17	297
Тифлис и покорение «Колокола»	17	298
〈Провинциальные университеты〉	18	299
Злодейство Долгорукова	25	302
Крайне нужно 〈«Колокол» собирает небольшой альма- нах...〉.	25	304
Одесную и ошую	26	304
〈Императрица Мария Александровна〉	26	305
Донос (разумеется Тимашеву)	27	305
Сто пятнадцать благородных офицеров	28	306
Сенатские арестантские роты (осужденный Переверзев) .	30	308
Козел и осел	31	308
Клоповник (не растительного царства, а царства русской полиции)	31	309
Накануне	33	310
Последнее убежище изгнанников закрыто	35	311
Слух о заговоре против императора австрийского и эрцгер- цогини Софии	36	312
Донос на «Морской сборник»	37	313
Фрегат «Генерал-адмирал» и швабра	39	315
Харьковским студентам	41	316
Салический закон в Московском университете	42	317

	Текст	Коммен- тарии
Цензурные зуавы	42	317
Духу недостало!	43	318
Vivat Polonia!	44	318
Плуг уступает эксельбанту	50	320
Madame Шпеер и 15 розог	50	322
15 марта. Последние новости	50	322
Манифест!	52	323
Панихида в Петербурге	54	325
Г. Шевченко	54	325
Исправительные письма!	55	326
День страха	61	327
Розги и плети, употребляемые международно	61	328
Орлы, львы и генерал-бас жандармского корпуса	62	328
〈Муханов с Вислы уехал〉	63	330
Et toi, Brute?	63	330
Издателям журналов в России	64	331
Освобождение крестьян	64	332
10 апреля 1861 и убийства в Варшаве	65	332
Лист шпионов и «нордовское» обвинение русских офи- церов в кровожадности	68	333
Новые меха для нового вина	71	334
«Колокол», Ковалевский, Костомаров, Копия, Каннибалы	72	336
Злоупотребление пятидесятилетий	74	336
To the editor of «The Daily News» 〈Sir,— A telegram which appeared...〉	76	339
Издателю «The Daily News» 〈Сэр, в телеграмме, напечатанной...〉 (Перевод)	78	
To the editor of «The Daily News» 〈Sir,— I have the honour of sending...〉	80	339
Издателю «The Daily News» 〈Сэр, имею честь послать...〉 (Перевод)	80	
Mater dolorosa	81	339
〈Гарибальди и «Колокол»〉	83	340
Кончина Басаргина	85	342
Рейтерн	85	343
Александр II и Муханов с Вислы	85	344
Урок из географии	86	344
Прусский консул Бергер, исправляющий должность наместника Царства Польского, и храбрый генерал Мейендорф из Курляндии	86	345
〈Из «СПб. ведомостей»〉	87	346
〈Ю. Н. Голицын〉	87	346
Царское самодержавие и студентское самоуправ- ление	88	347

	Текст	Комментарии
Крепостное состояние в Ницце и зодчий-босц в Петербурге	88	348
От издателей «Полярной звезды»	89	349
Благодарность отечественной почте и редакторам . .	89	350
Русская кровь льется!	90	350
Отеческий совет	94	353
Духовные и светские доносы, цензороквизиция литературы, рачители и попечители	98	353
Гонение на университеты	99	354
Секретный манифест	100	355
Васильчикова и Рейнгардт доехали Пирогова	100	355
Финляндская конституция	100	356
Игнатьев заказывает бунт	101	358
Buona notte, buona notte	101	359
Киевский университет и Н. И. Пирогов	103	359
«Ей, просвещение! Гись! Гись!»	105	360
Инквизиция Строгонова	105	361
Дух сигар и вонь Государственного совета	106	361
Слух	106	362
12 апреля 1861 (Апраксинские убийства)	107	362
Служба за Васильчиковой не пропадает	110	364
Шляхетно-революционная демонстрация крепостников	110	365
〈Иоахим Лелевель〉	111	366
〈Герой нашего времени и их Петербурга...〉	111	366
Гурко не Апраксин.	111	366
К издателю «Przeglądu Rzeczy Polskich»	113	367
Крайне нужно 〈Что сделали с чиновником...〉 . . .	114	367
От издателей 〈Нас спрашивает какой-то аноним...〉 .	114	368
Прогресс цензуры	115	369
〈А. Салтыков〉	115	369
Дети, загрызенные крысами	115	369
〈Профессор Шапов〉	116	370
〈Граф Апраксин получил за избивание...〉	117	371
Инквизитор В. Аскоченский и его жертва	117	371
Из воспоминаний об Англии	118	372
Польский адрес	124	373
Русские женщины—женщинам польским	125	373
Крестный ход богомокрц в гору просвещения	128	374
Книга К. С. Аксакова	128	375
〈Храбрый Дрениакн〉	129	376
〈Редактору «Przeglądu Rzeczy Polskich»〉	130	377
〈Редактору «Przeglądu Rzeczy Polskich»〉 (Перевод) .	130	
Заводите типографии! Заводите типографии!	132	377

	Текст	Коммен- тарии
Ископаемый епископ, допотопное правительство и обманутый народ	133	378
Разбой в больницах	139	380
Свирепый Феофилакт	139	381
Аскоченский II	139	381
Заговор	140	382
Путятин молчит	141	382
Позднее, но существенное дополнение	142	382
〈Игуменя Алексеевского монастыря в Москве〉	142	383
Repetitio est mater studiorum	143	383
Генерал Филипсон попечителем Петербургского уни- верситета	150	385
На что употребляются почтовые чиновники	151	386
С кем Литва?	152	387
Подметные письма	153	387
Бруты и Кассии III отделения	154	388
Граф Муравьев-Амурский и его поклонники	157	390
Наши консулы	161	392
«Олег» и Андреев	163	392
За что Путятин?	164	393
Петербургский университет закрыт!	164	394
Человек, рожденный быть товарищем	165	394
Польские изгнанникам в Генуе	166	395
Насчет Главного общества железных дорог и мол- чаливости журналов	166	395
À Mr le rédacteur de l' <i>Opinion Nationale</i>	167	396
Г-ну редактору «L' <i>Opinion Nationale</i> » (Перевод)	168	
À monsieur le rédacteur du <i>Nord</i>	170	397
Господину редактору «Le Nord» (Перевод)	170	
À monsieur le rédacteur de l' <i>Opinion Nationale</i> , à Paris	171	397
Господину редактору «L' <i>Opinion Nationale</i> », в Париже (Перевод)	172	
Исполни просыпается!	173	398
Шляхетные статьи и письма в русских журналах	177	399
«Великорус» в ученой Москве	179	400
Артиллерия и лицей	179	401
Преображенская рота и студенты	180	401
По делу Брутов и Кассиев III отделения	181	402
〈Из Ковно〉	183	403
Петербургские письма	183	404
Оскорбление бедности и подлая месть	184	405
Третья кровь!	185	405
Вопрос шляхте	188	405
Секли или не секли?	188	406

	Текст	Коммен- тарии
Шуваловская эманципация женщин	189	406
Война с дамами	189	407
To the editor of «The Times»	190	407
Издагелю «The Times» (Перевод)	192	
〈Бакунин свободен〉	194	408
По поводу студентских избиений	195	409
Последние известия (Из Петербурга)	200	410
Брадке и Левшин	200	411
〈Польскому комитету〉	202	412
〈Польскому комитету〉 (Перевод)	203	
〈Дамы и преобразенцы〉	204	413
Лесовский здравствует	204	413
〈Редактору «Le Nord»〉	205	414
〈Редактору «Le Nord»〉 (Перевод)	205	
Оклеветанный граф	207	415
По поводу письма из Волыни	209	416
Шуваловцы в Кронштадте	212	417
Notre premier premier и пути разобщения	212	417
Кончина Добролюбова	213	418
Лекарь Озерский и его сообщники	213	418
«Квартет» Крылова	214	419

**НАБРОСКИ,
НЕОКОНЧЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ**

〈Друзья и товарищи!..〉	217	419
Двоюродный братец	220	421

**РЕДАКЦИОННЫЕ ЗАМЕТКИ,
ПРИМЕЧАНИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ**

Нарвская революция и рукопашный Каваньяк-Смирнов 〈Заключение〉	225	422
Прошение студентов Киевской академии 〈Примечание〉	225	422
Просьба М. В. Петрашевского е(го) в(ысокопревосходи- тельству) господину министру внутренних дел 〈При- мечание〉	225	423
Языков, директор правоведения	225	423
〈Вторая часть «Сборника материалов о деле освобож- дения крестьян»...〉	226	424
〈В скором времени выйдет у гг. Трюбнера и Кнн «Сущность христианства»...〉	226	425
«Воспоминание о Кондратье Феодоровиче Рылееве» 〈Заключение〉	226	425
От издателей 〈Письмо П. Я. Чаадаева — историческое событие...〉	226	426

	Текст	Комментарии
Статс-секретарь Карницкий и инженер Кржековский 〈Заключение〉	227	426
Еще о Шестакове и кротости его	227	426
В защиту г-на Карницкого	227	427
〈Присланные деньги〉	227	427
〈От издателей〉 〈Издатели «Жолокола» обращаются ко всем читателям...〉	227	427
Поправка	228	427
〈О выходе книги Бокля «History of the Civilisation in England»〉	228	428
〈Приславшего нам 25 фунтов...〉	228	429
〈Нас спрашивают из Петербурга...〉	228	429
От издателей 〈Мы получили благородное, прекрасное письмо...〉	228	429
VII книжка «Полярной звезды»	228	430
А. В. Поджио и его племянники	229	430
От издателей 〈С искренней благодарностью извещаем...〉	229	431
Дело, в котором министр финансов Княжевич оказался дамским лекарем и любезным кавалером 〈Вступление и заключение〉	229	431
Тамбовский генерал Данзас и елатомский исправник Мосолов 〈Заключение〉	229	431
В защиту Гамалея 〈Примечание〉	230	432
Мракобесие цензуры	230	433
〈Берлинское издание «Стихотворений А. Пушкина» г-на Р. Вагнера〉	232	433
От редакции 〈Статья об Арнаутовых...〉	232	433
Празднование соединения Литвы с Польшей в Ковне 〈Заключение〉	232	433
Curriculum vitae Ламберта	232	434
〈Уведомление〉	233	434
〈Извещение〉 〈Издатели извещают гг. пославших...〉	233	435
Новый суд в Ковне 〈Примечание〉	233	435
Московская бойня студентов 〈Вступление〉	233	435
〈Адрес польских дам〉	234	436
Материалы для истории гонения студентов при Алек- сандре II 〈Примечание и редакционная вставка〉	234	436
〈Извещение〉 〈Извещаем с благодарностью ..〉	234	437
Объявление 〈С начала будущего года мы прибавляем к «Жолоколу»...〉	234	437

D U B I A

〈Кончина князя Сергея Петровича Трубецкого〉	237	438
Пол парке в гимназии и потолок в мозгу Фишера	237	439

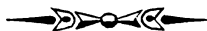
	Текст	Комментарии
L'homme aux camélias et l'homme au gibet	237	439
<Министр Ланской>	237	439
<Телеграф>	237	440
<Братья Рыльские>	238	440
Галаган	238	440
<Конституция>	238	441
<Правда ли, что генерал Мерхелевич...>	238	441
<Поэт Сырокомля>	238	442
<Правда ли, что есть между студентами...>	238	443
В Бездне нет конца	239	443
Могила Конарского	239	444
Васильев и Назимов	239	444
<Генерал Ёихонин>	239	445
Ж хронике прогресса — Владимирский крест на Владимирской дороге	240	446
Немцы радуются — гись, гись!	240	446
Клевета на поляков	240	447
Валуев	241	447

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Корреспонденции и документальные материалы, обработанные в редакции «Колокола»

Профессор П. В. Павлов и Тимашевка	245	448
<Еще о г-не Глушкове>	247	449
Тимашествующий Чевкин	248	449
И Михаил Николаевич принимается за дело	248	449
Жаков поп, таков и приход	248	450
Уничтожение прав, дарованных остзейским губерниям	248	450
<Воронежский помещик>	249	450
Освобождение крестьян. <i>З а с е д а н и я: 1) Соединенного совета министров и членов Главного крестьянского комитета 26 января 1861 г. 2) Государственного совета 28 января 1861 года</i>	249	451
У Кокорева свой Хрулев	253	451
Мормонизм в Черниговской губернии, покровительствуемый кн. В. Долгоруковым	253	452
Лихой управляющий екатеринославской палатой государственных имуществ по прозванию Компанейщиков	254	452
Мартиролог крестьян	257	452
Паткуль и горячие розки	259	453
Как равноапостольная генерал-губернатор княгиня Васильчикова поправляет обстоятельства кварталных	260	454

	Текст	Комментарии
Победа графа Евдокимова над саперным казачьим полком	260	454
В защиту помещика Ольхина	261	454
Русские победители в Сувалках	263	454
Хлеб новой жизни, заготавливаемый в селе Рогани коллежского советника Помпея Пассека и К ^о	267	455
Антропофаг Гладин и саратовский Игнатъев	268	455
Дебюты Путятина	268	455
Витвицкий и Игнатъев, два управляющие.	271	456
Спасение цензуры в Москве	271	456
Подробности о 12/24 октябре	272	457
Православие и артиллерия, артиллерия и наука	273	457
Артиллерия и траур	274	457
Благодушный монарх успокоивает своими пророчествами свой добрый народ	274	457
В а р и а н т ы	277—282	
Принятые сокращения	279	
К о м м е н т а р и и	283—458	
У к а з а т е л ь и м е н	459	
С п и с о к и л л ю с т р а ц и й	490	



РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. П. ВОЛГИН (главный редактор), И. И. АНИСИМОВ,
Д. Д. БЛАГОЙ, Б. П. КОЗЬМИН (зам. главного редактора),
С. А. МАКАШИН, Ю. Г. ОКСМАН (зам. главного редактора),
В. А. ПУТИНЦЕВ, З. В. СМИРНОВА, Д. И. ЧЕСНОКОВ,
А. Б. ШАПИРО, Я. Е. ЭЛЬСБЕРГ

*

Текст и текстологический комментарий подготовил *И. Ю. Твердохлебов*
Подготовка иноязычных текстов и переводы: *И. М. Белянская*, («Редактору „Przeglądu Rzeczy Polskich“», «Польскому комитету»), *Л. Р. Ланский* («À Mr. le rédacteur de „L'Opinion Nationale“», «À monsieur le rédacteur du „Nord“», «A monsieur le rédacteur de „L'Opinion Nationale“, à Paris»), «Редактору „Le Nord“»), *Г. И. Месяцева* («To the editor of «The Daily News», «To the editor „The Times“»). Текст и текстологический комментарий статьи и «Двокородный братец» подготовил
В. А. Путинцев.

Комментарии составили: *Н. Н. Антонова, И. М. Белянская, А. А. Жук, Л. Р. Ланский, А. М. Малахова, Г. И. Месяцева, И. В. Порох, В. М. Потягин, В. В. Пугачев, В. А. Путинцев, Л. И. Ройтберг, А. Ф. Смирнов, И. Ю. Твердохлебов, Т. И. Усакина.*
Лингвистическая редакция французских текстов *И. Д. Постоловой*. Переводы иноязычных текстов редактировали: *Н. В. Чекрыгина* (англ.) и *М. Н. Черневич* (франц.); подстрочные переводы — *Н. Г. Елина* (итал.), *О. Н. Михеева* (нем.), *О. В. Моисеенко* (франц.), *Ф. А. Петровский* (лат.).

Указатель имен составил *Д. П. Муравьев.*

Редактор тома — *Ю. Г. ОКСМАН*

*

Редактор издательства *М. Б. Покровская*
Переплет и титул художника *А. П. Радищева*
Технический редактор *Е. В. Зеленкова*
Корректор *В. К. Гарди*

*

РИСО АН СССР № 4-99 В. Сдано в набор
26/VIII-1958 г. Подписано к печати 7/XII-1958 г.
Формат бум. 60×92¹/₄. Печ. л. 31,25 + 6 вкл.
Уч.-издат. л. 28,6. Тираж 22000. Изд. № 2840.

Тип. зав. № 882

Цена 15 руб. 4-00

Издательство Академии наук СССР
Москва Б-64, Подосенский пер., д. 21

2-я типография Издательства АН СССР
Москва, Г-99, Шубинский пер., д. 10

